

Археологические вести

– 14 –

НАУКА

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е.Н. НОСОВ (ответственный редактор),
академик РАН В.Л. ЯНИН, М.Ю. ВАХТИНА,
Т.С. ДОРОФЕЕВА, Н.Ю. СМИРНОВ,
Н.В. ХВОЩИНСКАЯ (ответственный секретарь), Л.Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.К. АНИСЮТКИН,
доктор исторических наук Д.Г. САВИНОВ

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 14 / [отв. ред. Е.Н. Носов]. – М. : Наука, 2007. – 278 с. – ISBN 5-02-035057-5 (в пер.).

В выпуске вводятся в научный оборот памятники Южно-Грузинского вулканического нагорья, относящиеся к ранним этапам древнекаменного века. Впервые публикуются материалы раскопок усыпальницы хунского царя Царам (Забайкалье), результаты исследований могильника Арбан (Южная Сибирь) эпохи поздней бронзы. Рассматриваются каменные стелы из Хаккари (Турция), фаунистический комплекс из раскопок Алтын-депе (эпоха бронзы), памятники античного времени. Представлены работы по актуальным проблемам археологии – о связях Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы и об античных и средневековых древностях Боспора. Дается информация о важнейших международных конференциях и обзорные новейших отечественных и зарубежных публикаций по археологии. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника ученые России, Украины, Грузии и Франции.

Для археологов, этнографов, историков.

Темплан 2006-II-318

ISBN 5-02-035057-5

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2007
- © Коллектив авторов, 2007
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Археологические вести” (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2007
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2007

Содержание

Новые открытия и исследования

<i>М.К. Габуня</i> Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья	11
<i>А.Е. Матюхин</i> Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце	20
<i>Г.В. Синицына, В.Г. Колокольцев</i> Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая	43
<i>А.Ю. Городилов</i> Неопубликованные погребения Оленеостровского могильника на Онежском озере (по данным разведки М.Б. Эмлер 1936 года)	51
<i>П.М. Леус</i> Каменные стелы из Хаккари (Турция) и некоторые параллели к ним	56
<i>Д.Г. Савинов, А.В. Поляков</i> Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины)	62
<i>И.П. Лазаретов</i> Памятники баинновского типа и тагарская культура	93
<i>И.Ю. Шауб</i> О семантике находок в некрополе Ольвии VI–IV веков до н.э.	106
<i>А.М. Новичихин</i> Бронзовый котел из окрестностей станицы Гостагаевской	118
<i>Р.В. Стоянов</i> К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом	121
<i>С.С. Миняев, Л.М. Сахаровская</i> Ханьская колесница из могильника Царам	130
<i>В.Н. Чхаидзе</i> Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре	141
<i>Г.Г. Король, Л.В. Конькова</i> Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках	145
<i>А.В. Курбатов</i> Этапы освоения Русского Севера и развитие кожевниного ремесла	157

Актуальные проблемы археологии

<i>К.Х. Кушнарёва</i> (†)	
Новая датировка кармирбердской культуры Кавказа	166
<i>М.Б. Рысин</i>	
Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации)	184

Обзоры и рецензии

Последние мадленцы на севере Франции. Les derniers magdaléniens d'Étiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques. N. Pigeot (Dir.). XXXVII ^e Supplément à Gallia Préhistoire. 351 p. 2004. Paris: Ed. CNRS. (Рец. С.А. Васильева)	221
Археология американского Юго-Востока. Handbook of North American Indians. Vol. 14, Southeast. Raymond D. Fogelson (Ed.). 1042 p., ill. 2004. Washington: Smithsonian Institution. (Рец. Ю.Е. Березкина)	222
Ознакомление с не-археологической теорией. Johnson M.H. Archaeological theory: An introduction. 239 p., 32 ill. 1999. Oxford, Blackwell. (Рец. Л.С. Клейна) ...	226

Сотрудничество Восток–Запад

<i>С.А. Васильев</i>	
Французская археология палеолита: новые открытия, новые тенденции	233
<i>Н.Ю. Смирнов</i>	
«Violence, Coercion and Warfare. The Archaeology of Martial Culture». Очередной семинар Северной Археологической Школы для аспирантов из серии «Диалоги с Прошлым» (Greece, Nauplion, 26–30. 04. 2005 г.)	237
<i>А.Е. Мусин, Е.В. Торопова</i>	
Международная научная конференция «У истоков русской государственности» (Россия, г. Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.)	239

Из истории науки

<i>Г.В. Длужневская</i>	
Фотографы Императорской Археологической комиссии	245
<i>М.В. Медведева</i>	
Из истории «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины»	259

Персоналии

<i>М.Б. Рысин</i>	
Памяти Каринэ Христофоровны Кушнаревой (18.04.1922–20.02.2006)	268

В.Я. Шумкин

Памяти Ирины Викентьевны Верещагиной (25.11.1947–03.03.2006)	270
--	-----

Хроника

С.А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН в 2005 году	273
--	-----

Список сокращений	277
-------------------------	-----

Contents

New discoveries and studies

<i>M.K. Gabunia</i> Early Stages of the Palaeolithic in the Region of the South-Georgian Volcanic Upland ...	11
<i>A.E. Matyukhin</i> Biryuchya Balka 2. Multilayered Palaeolithic Site on the Seversky Donets River	20
<i>G.V. Sinitsina, V.G. Kolokol'tsev</i> Species of Raw Flint as Chronological Indications for the Stone Age Sites on the Valday Hills	43
<i>A.Yu. Gorodilov</i> Unpublished Burials of the Cemetery of Oleneostrovsky on Lake Onega (after M.B. Emler's Reconnaissance Expedition of 1936)	51
<i>P.M. Leus</i> Stone Stelae from Hakkari (Turkey) and Their Parallels	56
<i>D.G. Savinov, A.V. Polyakov</i> The Burial Ground of Arban I	62
<i>I.P. Lazaretov</i> Sites of the Bainov Type and the Tagar Culture	93
<i>I.Yu. Schaub</i> Semantics of Grave Goods from the Olbian Necropolis of the 6 th -4 th Century BC	106
<i>A.M. Novichikhin</i> Bronze Cauldron from the Neighbourhood of the Stanitsa of Gostagayevskaya	118
<i>R.V. Stoyanov</i> Chronology of the Area of the Hellenistic Necropolis near the Ceramic Workshops in the Tauric Chersonesos	121
<i>S.S. Minyaev, L.M. Sakharovskaya</i> A Han Chariot from the Cemetery of Tsaram	130
<i>V.N. Chkhaidze</i> Hermonassa – Tomi – Tamatarcha: a Town of the Late Classical and Early Medieval Period in Bosphorus	141
<i>G.G. Koroľ, L.V. Kon'kova</i> Imports from Southern Siberia in Eastern Europe and Problems of Ethno-Cultural and Regional Interactions in the 10 th -13 th Centuries	145
<i>A.V. Kurbatov</i> Stages of Settlement of Northern Russia and the Development of Leather-Dressing Handicrafts	157

Topical problems of archaeology

K.Kh. Kushnareva (†)

New Dating of the Karmirberd Culture in the Caucasus 166

M.B. Rysin

Relations between the Caucasus and the Steppes of Volga and Ural Area during the Early and Middle Bronze Age in the 4th-2nd Millennia BC 184

Review articles and book reviews

The last Magdalenians in North France. Les derniers magdaléniens d'Etiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques. N. Pigeot (Dir.). XXXVIIe Supplement à Gallia Préhistoire. 351 pages. 2004. Paris: Ed. CNRS. (rev. by S.A. Vasil'ev) 221

Archaeology of South-East America. Handbook of North American Indians. Vol. 14, Southeast. Raymond D. Fogelson, ed. 1042 p., ill. 2004. Washington: Smithsonian Institution (Rev. by Yu.E. Berezkin). 222

Introduction to Non-Archaeological Non-Theory. Johnson M.H. Archaeological theory: An introduction. 1999. Oxford, Blackwell. (Rev. by L.S. Kleyn) 226

The East-West cooperation

S.A. Vasil'ev

French Archaeology of Palaeolithic: New Discoveries and New Tendencies 233

N.Yu. Smirnov

«Violence, Coercion and Warfare. The Archaeology of Martial Culture». Periodic Seminar of the Nordic Archaeological School of the «Dialogues with the Past» Series for Postgraduates (26.04.-30.04.2005 Nauplion, Greece) 237

A.E. Musin, E.V. Toropova

International Scientific Conference «At the Origins of the Russian Nation-State» (Russia, Veliky Novgorod City, October 4-7, 2005) 239

History of science

G.V. Dluzhnevskaya

Photographers of the Imperial Archaeological Commission 245

M.V. Medvedeva

Glimpses of the History of the Society for Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia 259

Personalia

M.B. Rysin

In Memory of Karine Kh. Kushnareva (18.04.1922-20.02.2006) 268

V.Ya. Schumkin

In Memory of Irina V. Vereshchagina (25.11.1947–03.03.2006) 270

Chronicle

S.A. Kulakov

IIMK RAS in 2005 273

List of abbreviations 277

Новые открытия и исследования

Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья

М.К. Габуния¹

Еще недавно предполагалось, что в начале древнекаменного века территория Южно-Грузинского вулканического нагорья была почти необитаема. Причиной тому служили, как тогда казалось, специфика геоморфологического строения региона и, видимо, неблагоприятные экологические условия. Но археологические и палеонтологические исследования, проведенные за последние годы, кардинально изменили существующие мнения, и сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения то, что именно эта часть Грузии с древнейших времен (верхний плиоцен-плейстоцен) обладала всеми данными (палеогеографическими, палеоэкологическими) для расселения древнего человека на ранних этапах его существования: с олдувайского периода (Дманиси) и почти на протяжении всей ашельской эпохи (Амьранис-гёра, Ахалкалаки I-IV, Дилиска, Амхерис-гёра, Персати, Чикиани и множество отдельных находок) (рис. 1).

Уже «в конце плиоцена и в начале плейстоцена в данной части Грузии существовал палеогеографический фон, на котором разворачивались самые ранние события в истории гоминид Кавказа: умеренно сухой и теплый климат, обилие рек и озер, богатый растительный и животный мир» (Габуния, Векуа, Лордкипанидзе 1996: 38-39) и изобилие местного сырья для изготовления каменных орудий.

Прежде чем приступить к рассмотрению местонахождений данного региона, нам кажется целесо-

образным вкратце коснуться той геоморфологической, палеогеографической и палеоклиматической обстановки, в которой раскрывался один из самых продолжительных этапов истории человечества – древний каменный век и, в частности, ашельская эпоха.

Регион, где расположены упомянутые памятники, – Южно-Грузинское вулканическое нагорье – составляет северную часть Закавказского вулканического нагорья, охватывающего все внутреннее пространство системы хребтов Малого Кавказа. Южная часть этого нагорья находится в пределах Турции и Армении. Грузинская ее часть выделяется из смежных с ней турецкой и армянской частей достаточно условно по линии, совпадающей с верхним течением р. Куры и Нялискурской вулканической грядой (вдоль Эрушетского нагорья). Другие границы Южно-Грузинского вулканического нагорья совпадают с пределами распространения постпалеогеновых эффузивных образований: с севера это Ахалцихская котловина и южные отроги Тriaлетского хребта, с востока – западная часть Сомхитского хребта и средне-храмский горный узел, отдельные лавовые языки которого достигают, однако, Квемо-Картлийской части Куринской низменности. Западная граница нагорья проходит по северному склону Арсианского хребта (Маруашвили 1971: 346-347).

Площадь Южно-Грузинского вулканического нагорья приблизительно равна 6000 кв. км. Нагорье сложено сравнительно слабодисциplinированными и стратиграфически недостаточно расчле-

¹ Грузия. 0160. Тбилиси, ул. Шартава, 30, кв. 4.

Рис. 1. Карта распространения доашельских и ашельских местонахождений и отдельные находки в регионе Южно-Грузинского нагорья. 1 – Дманиси; 2 – Амиранис-гора; 3 – Ахалкалаки I; 4 – Ахалкалаки II; 5 – Ахалкалаки III; 6 – Ахалкалаки IV; 7 – Дилиска; 8 – Чикиани; 9 – Амхерис-гора; 10 – Персати; 11 – Перса; 12 – Хаки; 13 – Уде-Квемо Тскиси. Условные обозначения: 1 – доашельские памятники; 2 – ашельские памятники; 3 – отдельные находки; 4 – районные центры; 5 – села

Fig. 1. Map of the distribution of pre-Acheulian and Acheulian sites and unrelated finds in the region of the South-Georgian Plateau. 1 – Dmanisi; 2 – Amiranis-Góra; 3 – Akhalkalaki I; 4 – Akhalkalaki II; 5 – Akhalkalaki III; 6 – Akhalkalaki IV; 7 – Diliska; 8 – Chikiani; 9 – Amkheris-Góra; 10 – Persati; 11 – Persa; 12 – Khaki; 13 – Ude-Kvemo Tskisi. Notations: 1 – pre-Acheul sites; 2 – Acheul sites; 3 – single finds; 4 – regional centres; 5 – villages

ненными неогеновыми и четвертичными толщами. Эти толщи состоят из эффузивных пород (лавы и сопряженный с ними пирокластический материал) и чередующихся с ними континентальных осадочных образований, способствующих возникновению и широкому распространению высоко расположенных равнин и вулканогенотектоморфных возвышенностей холмистого и среднегорного типа (Маруашвили 1971: 347). Орографически в Южно-Грузинском нагорье сочетаются нагорья-хребты, плато-котловины и ущелья. Вершины хребтов (Эрушетский, Самарский, Джавахетский) достигают высоты 3000–3300 м, а плато-котловины (Ахалкалакское, Цалкское, Бедено-Квемокартлийское, Гомаретское, Дманисское) в основном расположены в гипсометрическом промежутке 1200–2000 м и лишь на некоторых участках достигают большей высоты (Ахалкалакское плато – 2300 м) или спускаются ниже – Нижнекартлийское плато – около 400–500 м (Маруашвили 1971: 347).

Вулканогенные формации нагорья делятся на два-три разновозрастных образования, соответствующих геохронологическому отрезку времени от верхнего миоцена до среднего плейстоцена (Маруашвили 1971: 347; Шхиртадзе 1958: 303).

Регион Южно-Грузинского вулканического нагорья, как было отмечено, входит в горную систему Малого Кавказа. Здесь нет единой орографической

оси (главного водораздельного хребта), что обусловлено специфической геологической структурой района, и прежде всего – формированием вулканического нагорья во внутренней части Антикавказа. Рельеф здесь однообразен, карстовые и ледниковые типы не встречаются, слабо выражены и древнеледниковые формы, приуроченные, в основном, к горным вершинам (2800 м над уровнем моря). Лишь отдельные ледники спускались до высоты 2200–2300 м, и их длина не превышала 4–5 км (Габуня, Каландадзе, Бугианишвили 1982: 3–10; Джавелидзе 1987: 1–5).

Собственно Джавахетское плоскогорье является наиболее обширным и геоморфологически сложным районом Южно-Грузинского вулканического нагорья. Его западную и центральную части занимает Ахалкалакское плато. Современный рельеф Джавахетского плоскогорья характеризуют различные формы комплексов вулканического, тектогенновулканического и эрозийного происхождения. Самым ранним и единственным ашельским стратифицированным памятником на Джавахетской территории является Ахалкалакская (Джаважетская) Амиранис-гора. Она находится на одноименной горе, расположенной в восточной части г. Ахалкалаки. Гора представляет собой экструзивный купол, который, так же как и значительная часть Джавахетского плоскогорья, является лавовыми образованиями постпалеогенового вулканического цикла плейстоцена-нижнеплейстоценового

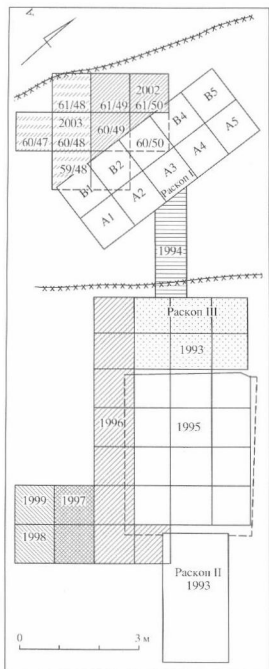

Рис. 2. Сводный план раскопок местонахождения Амиранис-гóra

Fig. 2. Composite plan of the site of Amiranis-Góra

возраста. Абсолютная высота горы 1883 м, а от уровня р. Паравани (Ахалкалакис-цкали) – 150 м.

С 1992 года на северо-восточном склоне горы проводятся небольшие раскопки (рис. 2). Подробное описание Амиранис-гóra, ее стратиграфии, археологического и палеонтологического комплексов неоднократно приводилось в целом ряде статей (Габуня 1998: 5–15; 2000: 77–81; Gabunia, Vekua, Tvalchrelidze 1994: 237–240; Gabunia 2000: 43–47). Полученные в процессе раскопок разрезы почти

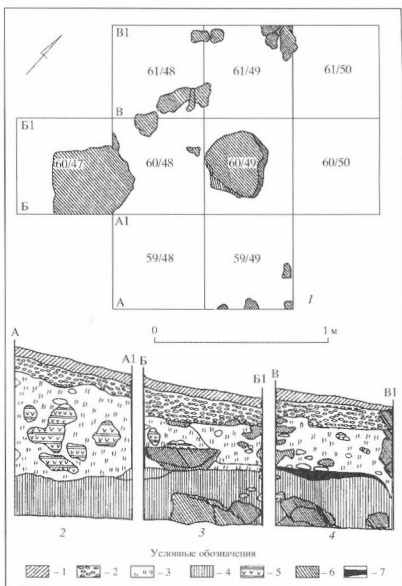

Рис. 3. Местонахождение Амиранис-гóra. 1 – план дна раскопа; 2 – разрез А–А'; 3 – разрез Б–Б'; 4 – разрез В–В'

Условные обозначения: 1 – гумус; 2 – насыпь; 3 – светло-желтый суглинок; 4 – темно-желтый суглинок; 5 – кротовины; 6 – андезит-базальтовые камни; 7 – выветренные обломки базальта

Fig. 3. The site of Amiranis-Góra. 1 – general plan of the excavation bottom; 2 – section A–A'; 3 – section B–B'; 4 – section B–B'

Notations: 1 – humus; 2 – embankment; 3 – light-yellow loam; 4 – dark-yellow loam; 5 – mole-holes; 6 – andesite-basalt rocks; 7 – weathered fragments of basalt

идентичны, разница в основном заключается лишь в незначительном колебании мощности гумусного слоя. В данной статье приведем продольный профиль, полученный в полевом сезоне 2003 г. (рис. 3).

Разрез охватывает нижнюю часть склона горы, ввиду чего современный почвенный покров от условной нулевой отметки находится на разном уровне. За первым, гумусным слоем, мощность которого колеблется от 0,3 до 0,10 м, следует насыпь толщиной в 0,4–0,26 м (результат выброса из

первого рекогносцировочного раскопа 1992 года). III слой представлен достаточно мощным (0,45–0,90 м) суглинком светло-желтого цвета, в котором встречаются слогающие гору Амиранис андезит-базальтовые угловатые камни разных размеров, редко появляются крупные глыбы. По всей глубине литологический состав слоя не меняется, лишь его нижняя часть (слой IV) с глубины 30–40 см становится слегка тоннее. В разрезе виднеются кротовицы, заполненные рыхлой темной землей. Верхний горизонт суглинка (35–40 см) сравнительно рыхлый, а с глубины 35–40 см до «пола», который появляется на глубине 1,40–1,45 м, слой сильно уплотнен, что затрудняет раскопки. «Пол» усеян большими камнями. С глубины 0,8–1,0 м от современного почвенного покрова начинается культурный слой. В культурном слое одновременно встречаются фаунистические остатки ископаемых позвоночных и в малом количестве андезит-базальтовые изделия.

В фауне представлены хищники (*Carnivora*), копытные (*Proboscidea*), парнокопытные (*Artiodactyla*), непарнокопытные (*Perissodactyla*) и грызуны (*Rodentia*). В общей сложности здесь обнаружены: трогонтериевый и южный слоны (*Mammuthus aff. trogontherii*, *Archidiscodon meridionalis*), гиппарионовидная и зюссенборнская лошади (*Equus hipparionoides*, *Equus süssenbornensis*), этрусский носорог (*Dicerorhinus etruscus*), лесная кошка (*Felis silvestris*), гигантский олень (*Praemegaceros verticornis*), неопределенный вид оленя (*Cervus sp.*), бизон (*Bison sp.*), саблезубый тигр (*Homotherium sp.*), лиса (*Vulpes vulpes sp.*), бегемот (*Hippopotamus georgicus*) и др. (определения А. Векуа). В количественном отношении преобладают зюссенборнская лошадь – 76,5% и бизон – 13,5%, остальные виды животных составляют 10%. Естественно, не все перечисленные животные связаны с охотничьей деятельностью древнего человека, но то, что часть из них представляет кухонные отбросы ашельца, не вызывает сомнений. Большое количество остатков зюссенборнской лошади и бизона может свидетельствовать об определенной специализации охоты на этих животных.

Состав фауны млекопитающих и палеоботанические данные, представленные пылью воробейника (*Celtis glabrata*) и каркаса (*Lithospermum arvense*), а также наличие наземных улиток характеризуют сравнительно сухой климат. Имелись и обледеневшие места (трогонтериевый слон, баруки и др.). На основании наличия среди млекопитающих остатков выдры А. Векуа предполагает, что на данной территории в достаточной мере были распространены реки и эфемерные озера. Климат, видимо, был умеренно жаркий, такой, какой ха-

ктерен для большей части Восточного Средиземноморья (Векуа 1962: 174–175).

Следует отметить, что формирование близких природных условий в регионе южно-грузинского вулканического нагорья намечается уже с виллафранкской эпохи, о чем свидетельствует палеонтологический комплекс местонахождения Дманиси, который находит определенное сходство с фауной Амиранис-гёра. Достаточно назвать входящих в состав обоих комплексов южного слона, этрусского носорога, саблезубого тигра и др. Но фауна Амиранис-гёра содержит также зюссенборнскую лошадь и трогонтериевого слона, что ее заметно омолаживает. Несмотря на явный биостратиграфический разрыв между Дманиси и Амиранис-гёра, намечается определенная преемственность, на что указывает существование перечисленных общих форм. В обоих комплексах явно преобладают обитатели лесостепной экосистемы: страус, пищуха, сурик (*Dmanisi*), полевка, лошади, антилопы (Дманиси, Амиранис-гёра) и др. (Габуния, Векуа, Лордкипанидзе 1996: 36–46), а существование в Амиранис-гёра бегемота свидетельствует о сравнительно более жарком климате (Векуа 1962: 164).

Сходство природных условий отразилось и в палеоботанических данных. В многообразном спектре пыльцы Дманиси, так же как и в Ахалкалаки, встречаются остатки каркаса и воробейника, указывающих на существование ландшафтов саванного типа (Габуния, Векуа, Лордкипанидзе 1996: 36–46).

Приблизительно такая же картина, как в Джавахети, в конце плейстоцена и начале плейстоцена отмечается почти во всей Передней Азии, что, естественно, позволяет предполагать, что в то время Передняя Азия и весь Ближний Восток, включая Южный Кавказ, во всяком случае его юго-восточная территория, составляли одну зоогеографическую провинцию (Векуа 1962: 174–175; Габуния, Векуа, Лордкипанидзе 1996: 36–46; Габуния 1994: 46–47). В отдельных областях этих регионов уже существовали благоприятные палеоландшафтные и палеоклиматические условия. Об этом свидетельствуют соответствующие данные палеогеографии отмеченных территорий, и особенно такие палеонтолого-археологические и палеонтологические комплексы, как Дманиси, Амиранис-гёра, Вифлеем, Убейдия и др. Анализ показывает, что они принадлежат к разным этапам нижнего плейстоцена, но между ними много общего (элементы виллафранкской фауны).

Возвращаясь к Амиранис-гёра, еще раз отметим, что здесь вместе с остатками ископаемых позвоночных было обнаружено небольшое количество (21 экз.) каменных (андезит-базальтовых)

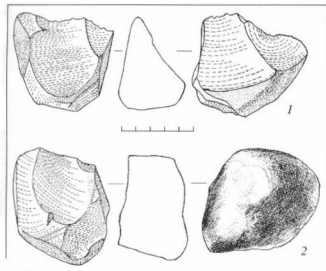

Рис. 4. Местонахождение Амиранис-гóra. 1, 2 – нуклеусы
 Fig. 4. The site of Amiranis-Góra. 1, 2 – cores

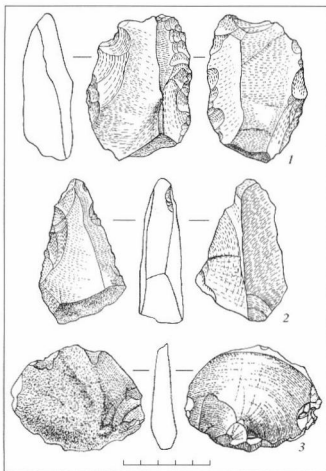

Рис. 5. Местонахождение Амиранис-гóra. 1 – режуще-скобящее орудие; 2 – треугольный отщеп; 3 – отщеп
 Fig. 5. The site of Amiranis-Góra. 1 – cutting and scraping tool; 2 – triangular flake; 3 – flake

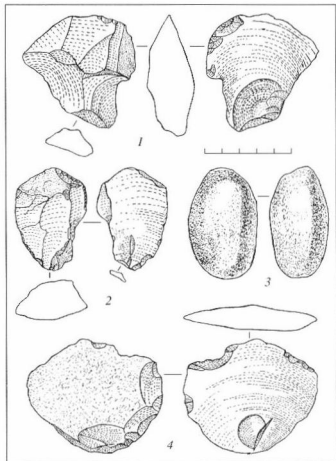

Рис. 6. Местонахождение Амиранис-гóra. 1 – грубый отщеп со следами ретуши; 2 – скребок; 3 – галька; 4 – отщеп со следами использования

Fig. 6. The site of Amiranis-Góra. 1 – rough flake with traces of retouch; 2 – end-scraper; 3 – pebble; 4 – flake with traces of use

орудий. Среди них имеются скребки, режуще-рубящие орудия, унифасиальные нуклеусы, разнообразной отщепы, часть из которых покрыта желвачной коркой (рис. 4–6). На орудиях имеется широкофасеточная ретушь с одной, а иногда и с обеих сторон. Большая часть орудий покрыта сероватой патиной, местами на них отмечается известковый налет. Края изделий довольно острые, они не обкатаны, что свидетельствует о том, что на место своего захоронения материал попал с близкого расстояния. Кроме того, здесь найдены гальки малых размеров, явные манупорты и фрагмент красной охры.

Датировка этого памятника основана на обнаруженной в терригенных осадках богатой фауне позвоночных, геологический возраст которой – конец раннего, начало среднего плейстоцена. Определенное представление о хронологических рамках Амиранис-гóra дает и палеомагнитный анализ (Tappen, Adler, Ferring, Gabunia, Vekua, Swisher 2001: 1367–3191), который показывает обратную намагниченность.

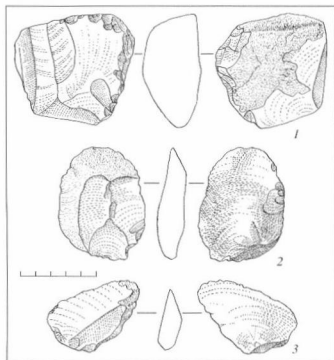

Рис. 7. Подъемный материал с Амиранис-гóra. 1 – режуще-рубящее орудие (?) на нуклеусе; 2, 3 – отщепы

Fig. 7. Surface finds from Amiranis-Góra. 1 – cutting and chopping tool (?) on core; 2, 3 – flakes

С точки зрения ряда исследователей (Moullé, Echassoux, Moigne, Palombo, Caloi, Kahlke, Vekua, Lordkipanidze 2000: 50–51), фауна Амиранис-гóra соответствует биостратиграфическому уровню фаунистических комплексов конца нижнего плейстоцена – грота Валлоне, Унтермассфельда и Редичиколи – и одновременно с ними. Отмечается также, что все эти комплексы характеризуются архаичными (начало плейстоцена) формами и формами азиатского происхождения, что должно указывать на начало среднего плейстоцена.

Биостратиграфический уровень Валлоне рассматривается как начало холодного и сухого климата, который одновременно палеомагнитному эпизоду Харамильо и предполагает обновление фауны. Обратная полярность Амиранис-гóra свидетельствует, что ее фауна не соответствует возрасту Валлоне, к тому же фауна Амиранис-гóra указывает, что в то время в южной Грузии были более аридные и сравнительно жаркие климатические условия.

Таким образом, если фауна Амиранис-гóra не совпадает с положительным палеомагнитным эпизодом Харамильо, она должна быть древнее или моложе Валлоне. Такие архаичные формы Ахалкалакской фауны, как зюссенборнская и гиппарионовидная лошади, удревяют ее возраст, и соответственно он должен совпадать, по крайней мере,

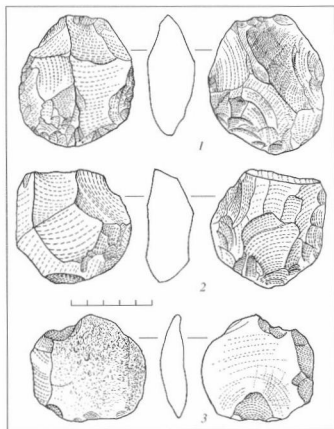

Рис. 8. Подъемный материал с Амиранис-гóra. 1 – овалный бифас с поперечнорасположенными рабочими элементами; 2 – двуплощадочный нуклеус; 3 – отщеп

Fig. 8. Surface finds from Amiranis-Góra. 1 – oval biface with transversal working elements; 2 – core with two platforms; 3 – flake

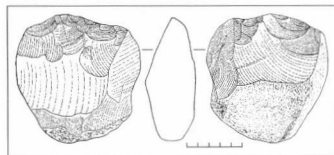

Рис. 9. Местонахождение Амиранис-гóra. Чоппер

Fig. 9. The site of Amiranis-Góra. Chopper

с нижней границей эпизода Харамильо эпохи Матуяма.

На поверхности склонов Амиранис-гóra собрано достаточное количество разновременных андезит-базальтовых артефактов. Здесь имеются чоперы, чопшинги, двустороннеобработанные орудия, нуклеусы, скребки, отщепы и т.п. (рис. 7–9).

В регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья следует упомянуть еще такое местонахож-

дение, как ашельская мастерская Чикиани, расположенная на склоне одноименной горы экструзивного происхождения, абсолютная высота которой равняется 2417 м. Памятник содержит клектонские отщепы, скребла, дисковидные и леваллузские нуклеусы, типологически многообразные бифасы и др.

В Ахалкалакском районе отмечается большая концентрация ашельских памятников. Здесь находятся, как было отмечено, Амиранис-гѳра, открытые местонахождения Ахалкалаки I–IV и Дилиска. Эти памятники отличаются такими общими чертами, как клектонская техника расщепления камня, близкий типологический состав и одинаковая техника вторичной обработки камня. Во всех местонахождениях ведущими являются разнообразные скребла: с косым, прямым и выпуклым рабочими элементами, с боковой выемкой и др. В незначительном количестве встречаются скрепки, проколки (Ахалкалаки III), остриеобразные орудия (Ахалкалаки I и IV), резцы (Дилиска), в основном изготовленные на леваллузских заготовках; нет двусторонне обработанных орудий, чопспер, чопшингов, редки бифасы (лишь в Ахалкалаки I – 9,5%); единичны пластины (Ахалкалаки III, Дилиска). Всюду большинство нуклеусов обработано с одной стороны. Они изготовлены на первичных отщепках, желваках и гальках – встречаются односторонние дисковидные, треугольные, четырехугольные одно- и двухплощадочные экземпляры. Также имеется большое количество в основном массивных удлиненных отщепов с рельефными ударными бугорками и гладкими покатыми ударными площадками. Большинство орудий грубые и массивные. Также груба техника их вторичной обработки. Из видов ретуши всюду ведущими являются широкофасеточная крутая и полукрутая, реже встречаются ступенчатая и тонкая. Она чаще всего нанесена со стороны спинки по всей длине края изделия; редка чередующая ретушь (Григолиа 1965: 5–14; Габуня, Каландадзе, Бугуанишвили 1982: 5–7).

В Самхе примечательна Персатская долина, где преимущественно представлены разнообразные бифасы, собранные на поверхности земли, и открытое местонахождение Амхерис-гѳра, существенно отличающееся от вышеупомянутых памятников. Здесь каменные изделия изготовлены из базальта, у них слабая сероватая патина. Характеризуются типологическим однообразием. Орудия и нуклеусы изготовлены на массивных целых и расколотых пополам желваках и отщепках. Распространенные формы нуклеусов: односторонние дисковидные, треугольные, одноплощадочные. Ведущими орудиями являются массивные рубящие и режуще-рубящие формы

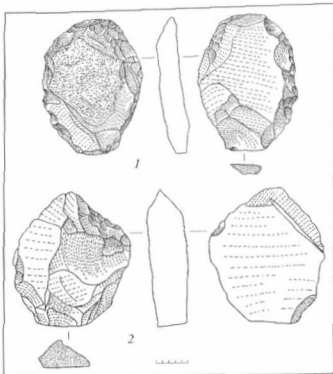

Рис. 10. Местонахождение Амхерис-гѳра. 1 – режуще-скобящее орудие на отщепе; 2 – скребло, изготовленное на отщепе

Fig. 10. The site of Amkheris-Gѳra. 1 – cutting and scraping tool on flake; 2 – side-scraper on flake

(рис. 10). Части случаи превращения нуклеусов посредством добавочной вторичной обработки в рубящие орудия как односторонне обработанные, так и бифасиальные. Во вторичной обработке главное место принадлежит двусторонней широкофасеточной ступенчатой ретуши (Габуня, Панчулидзе 2001: 5–9).

Все эти местонахождения представлены подьемными материалами, лишены культурных слоев и биостратиграфических данных, и поэтому лишь на основании сравнительного анализа типологии, техники первичной и вторичной обработки можно сказать, что их возраст колеблется между средним и финальным ашелем.

Интересны изолированные находки в селах Хаки и Уде. В Ахалцихском районе в селе Перса найдено два орудия. Одно из них является ручным рубилом, изготовленным из базальта, двусторонне обработанным, миндалевидной формы (рис. 11), второе – скобяще-рубящим орудием (?), тщательно обработанным со стороны спинки. Рабочий край оформлен широкофасеточной ретушью со стороны спинки. Края по всему периметру подправлены. С нижней плоскости снято несколько широких сколов. Кончик обработан широкофасеточной ретушью со стороны брюшка. Весьма возможно, что это орудие выполняло функцию бифаса.

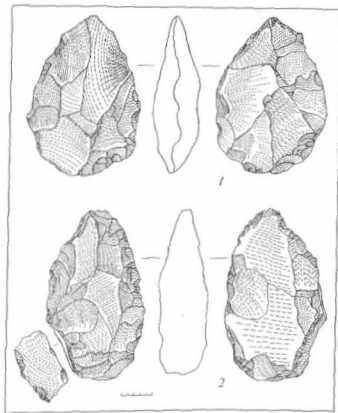

Рис. 11. Местонахождение Перса. 1, 2 – бифасы

Fig. 11. The site of Persa. 1, 2 – bifaces

Краткий обзор апельских местонахождений Южно-Грузинского вулканического нагорья и тот факт, что почти каждое рекогносцировочное исследование завершается определенными результатами, разрешает нам предполагать, что на протяжении, видимо, всего ашеля эта часть Грузии была достаточно плотно заселена, а малочисленность находок объясняется лишь недостаточной изученностью региона.

Векуа 1962 – Векуа А.К. Ахалкалакская нижнелейстоценовая фауна млекопитающих. Тбилиси, 1962.

Габуня, Векуа, Дорджишвили 1996 – Габуня Л.К., Векуа А.К., Дорджишвили Д.О. Природная обстановка первичного проникновения древнего человека в умеренные широты // Известия АН СССР. М., 1996. Серия географическая, № 6. С. 36–46.

Габуня, Каландадзе, Бугианишвили 1982 – Габуня М.К., Каландадзе К.С., Бугианишвили Т.В. Археологическая экспедиция Южно-Грузинского нагорья // Полевые археологические исследования ЦАИАНГ. Краткие сообщения. Тбилиси, 1982. С. 5–7.

Габуня 1994 – Габуня М.К. Древнекаменный век Южно-Грузинского вулканического нагорья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1994.

Габуня 1998 – Габуня М.К. Джавахетская Амирансгора // Дзиебани. ЦАИАНГ. Тбилиси, 1998. № 2. С. 5–15.

Габуня 2000 – Габуня М.К. Древнейший человек на территории Южно-Грузинского вулканического нагорья // Месхети (история и современность). Месхетский филиал Тбилисского государственного университета. Ахалцихе, 2000. С. 77–81.

Габуня, Панчулидзе 2001 – Габуня М.К., Панчулидзе С.В. Ашельское местонахождение Амхерс-гора // Дзиебани. ЦАИАНГ. Тбилиси, 2001. № 8. С. 5–9.

Григолиа 1965 – Григолиа Г.К. Нижнелейстоценовые памятники Джавахети // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1965. Т. IV. С. 5–14.

Джанелидзе 1987 – Джанелидзе Ч.Н. К геологии Джавахетского нагорья (рукопись). 1987.

Маруашвили 1971 – Маруашвили Л.И. Южно-Грузинское вулканическое нагорье // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971. С. 346–384.

Схиртадзе 1958 – Схиртадзе Н.Н. Постпалеогеновый эффузивный вулканизм Грузии. Тбилиси, 1958.

Твалчрелидзе 1993 – Твалчрелидзе М. Геоморфологическое описание Джавахетской Амиранс-гора (рукопись). 1993.

Gabunia, Vekua, Tvalchrelidze 1994 – Gabunia M., Vekua A., Tvalchrelidze M. Der Altpleistozäne Fundplatz Achalkalaki am Amiran-Berg im Džavacheti-Gebiet (Süd-Georgien) // Archäologisches Korrespondenzblatt, 24. Heft 3. Mainz, 1994. S. 237–240.

Gabunia 2000 – Gabunia M. On Ancient Man in the Volcanic Mountainous Region of South Georgia // Les premiers hommes aux portes de l'Europe. Liège, 2000. P. 43–47.

Moullé, Echassoux, Moigne, Palombo, Caloi, Kahle, Vekua, Lordkipanidze 2000 – Moullé P.-E., Echassoux A., Moigne A.-M., Palombo M.-R., Caloi L., Kahle R.-D., Vekua A., Lordkipanidze D. Les faunes de la fin du Pléistocène inférieur de la grotte du Vallonet (Alpes-Maritimes, France), de Redicicoli (Latium, Italie), du Untermaassfeld (Allgäuer) et, Akhalkalaki (Géorgie): l'horizon biostratigraphique du Vallonet // Les premiers habitants de l'Europe. France, Taurovel, 2000. P. 50–51.

Tappen, Adler, Ferring, Gabunia, Vekua, Swisher 2001 – Tappen M., Adler D., Ferring C., Gabunia M., Vekua A., Swisher C.S. Akhalkalaki: A Lower Pleistocene Locality in the Republic of Georgia // Journal of Archaeological Science. N 29. 2002. P. 1367–13191.

Early Stages of the Palaeolithic in the Region of the South-Georgian Volcanic Upland

M.K. Gabunia

This article presents a description of Acheulian materials from the South-Georgian Volcanic Upland. The discussion is focused on the early Palaeolithic site of Amiranis-góra. Judging by the palaeomagnetic evidence (the lower boundary of the Jaramillo episode) and faunal finds, the site is almost 1 million years old. The faunal assemblage includes both *Mammuthus* aff. *trogotherii*, *Archidiscodon meridionalis*, *Equus hipparionoides*, *Equus süssenbornensis* (76.5% of all the bones), *Dicerorhinus etruscus*, *Hippopotamus georgicus*, *Homotherium* sp. and other extinct animal species. The stone tools (cores, side-scrapers and flakes) were found in associations with the animal

bones. They were made from lava rocks and are very primitive.

The other Acheulian assemblages and single artefacts mentioned in this paper are surface finds of the Upper-Acheulian appearance including some fairly expressive handaxes. The most noteworthy series of these handaxes have been collected at the sites of Chikiani (near Lake Paravani) and Persati (north-west of the city of Akhaltsikhe). The author comes to the conclusion that the paleoecological situation in the South-Georgian Volcanic Upland was very propitious for their occupation by ancient man at the earlier stages of his existence.

Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце

А.Е. Матюхин¹

Северский Донец, главный приток реки Дон, в первобытном прошлом, а также в исторические времена был местом интенсивного обитания и продвижения людей в разных направлениях. В каменном веке заселение и использование его бассейна во многом было обусловлено наличием здесь выходов камня (хремня и кварцита), пригодного для изготовления орудий. Многочисленные памятники каменного века (от палеолита до неолита) известны практически на всем протяжении этой крупной реки: на территории Украины и России (Ростовской области). Особенно богато палеолитическими памятниками низовье Северского Донца. Назовем в первую очередь домустьерские памятники Хрищи и Михайловское (Праслов 1968: 22–56; 1984: 96–98; 2001: 13–22), мустьерские мастерские по обработке кварцита у станции Калитвенской (Матюхин 1987: 83–88; 1995: 47–78; 2000: 277–309), мустьерские и позднелепелитические памятники в балке Бирючьей у хутора Кременского (Матюхин 1996: 10–16) и позднелепелитическую стоянку Михайловская балка у хутора Михайловского (Матюхин 2002а: 34–40).

Предметом нашего исследования является многослойный палеолитический памятник Бирючья Балка 2, расположенный у хутора Кременского Константиновского района Ростовской области (рис. 1). Он связан с правым склоном балки Бирючьей и находится на расстоянии 2,5 км от древнего берега Северского Донца. Всего в балке Бирючьей известно 8 многослойных памятников. Бирючья Балка 2 является наиболее изученным из них. Он был открыт автором в 1987 г. и исследовался в течение ряда лет (1988–1992, 2000–2005 гг.). Памятник приурочен к обрывной части левого склона балки. Правый склон сложен коренными породами, выходящими на поверхность. Примерная площадь памятника составляет около 5000 кв. м. Раскопки проводились в зоне обрыва (северный и восточный участки) и у вершины склона балки (южный участок). Раскопанная площадь на северном участке составляет около 10 кв. м, на восточном – свыше 90 кв. м, на южном – 25 кв. м. На северном и южном участках

вскрыты лишь позднелепелитические горизонты, а на восточном – мустьерские (6, 5в, 5б, 5, 4, 4¹, 3в), позднелепелитические (3б, 3, 3а, 2) и неолитический (1) горизонты.

Наиболее полно стратиграфия памятника, условия залегания находок и особенности культурных горизонтов установлены на восточном участке. За время раскопочных работ, помимо археологического изучения, проведен цикл естественнонаучных исследований. Последние включали изучение геологии памятника, палинологическую характеристику отложений, отбор образцов для абсолютного датирования и палеомагнитного исследования.

Геологическое изучение памятника проводилось С.В. Хруцким (ГосАгроуниверситет, г. Воронеж) и А.Е. Додоновым (ГИН РАН). Наиболее полно разрез покровных отложений установлен в раскопе на восточном участке (рис. 2). Дадим краткое его описание (сверху вниз). Под современной почвой, содержащей находки неолитического облика (горизонт 1), залегает светло-бурый суглинок с изделями позднелепелитического облика (горизонт 2), который подстилается бурым суглинком (горизонты 3а и 3). В следующем ниже желтовато-буром суглинке на северном участке выявлены кремневые изделя (горизонт 3б). Он перекрывает желтоватый суглинок, имеющий, видимо, делювиальный характер. Находки здесь не встречаются. Ниже залегает простой серого слегка гумусированного суглинка. В разрезе он имеет наклон в северном направлении. Здесь отмечены изделя самого верхнего мустьерского горизонта 3в. Этот суглинок перекрывает коричневатый суглинок, в котором залегают находки горизонта 4¹. Под ним находится местами четко фиксируемая прослойка гумусированного суглинка, включающего находки горизонта 4. Ниже выделяется мощная пачка зеленовато-коричневого суглинка (горизонты 5 и 5в), который в подошве прорезан прослойкой мергелевого щебня (горизонт 5б). В нижней части разреза фиксируется зеленоватый суглинок, смешанный с сизоватой глиной, обломками мергеля и мергелевой крошкой (горизонт 6). Наконец, в основании разреза вскрыта коренная порода – меловой мергель. Сделаем несколько пояснений к описанному разрезу. Структура светло-бурого, желтоватого и желтовато-бурого, а также зелено-

¹ Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии палеолита.

вато-коричневого суглинков относительно выражена. Кремневые изделия в них залегают, в целом, в своем первоначальном положении. Бурый суглинок имеет местами комковатый характер и походит на грязевидную массу. Находки выявлены в комках в хаотичном состоянии. Они встречаются на разных уровнях, иногда в виде узких вытянутых и небольших линзовидных скоплениях. Это, видимо, указывает на опускание находок в результате каких-то естественных процессов. Сероватый и гумусированный суглинки, скорее всего, подверглись размыву. Контуры последнего плохо просматриваются в левой части разреза. Заметим также, что кровля зеленовато-коричневого суглинка (балочного аллювия) заметно гумусирована. Показательно, что кремневые изделия (горизонты 3в и 4), происходящие из обоих суглинков, а также из коричневатого суглинка (горизонт 4¹), окатаны и повреждены.

Частичное палинологическое исследование суглинков было проведено в 90-е годы XX в. Г.М. Левковской. Полная палинологическая характеристика разреза выполнена Т.В. Сапелко (Институт озероведения РАН)². Всего выделено 12 палинозон. Палинозоны 1 и 2 связаны с балочным аллювием (археологические горизонты 6, 5в, 5б и 5). Концентрация пыльцы в его подошве низкая. С середины толщи ее количество увеличивается. Отмечены широколиственные породы (вяз, липа). В то же время большую роль играют травы. Палинозона 2 свидетельствует о переходе к неблагоприятным климатическим условиям. Палинозона 3 охватывает кровлю балочного аллювия и гумусированный суглинок (горизонт 4) и содержит перигляциальный тип растительности. Количество пыльцы древесных пород сокращается. Палинозона 4 фиксирует переход от гумусированного к красновато-коричневому суглинку. Эта зона отражает кратковременное потепление и увлажнение климата. На красновато-коричневый суглинок приходится палинозона 5 (горизонт 4¹). Пыльца указывает на влажные условия. Количество пыльцы древесных (ольха, ель, сосна, береза) увеличивается. Однако заметна роль полыньевых, маревых и злаков и осок. Климат, согласно Т.В. Сапелко, можно определить как субарктическо-бореальный, аридный. Палинозона 6 соответствует серому суглинку (горизонт 3в). Резко возрастает количество древесных пород и сокращается пыльца трав. Среди первых преобладает ель. Встречаются широколиственные породы (вяз, дуб) и ольха. Оправданно ставить вопрос о влажном и холодном климате. Палинозона 7 коррелируется с подошвой желтоватого суглинка и свидетельствует о холод-

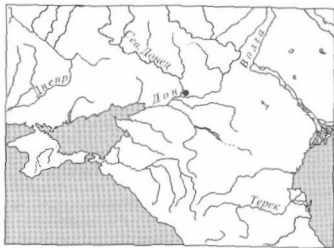

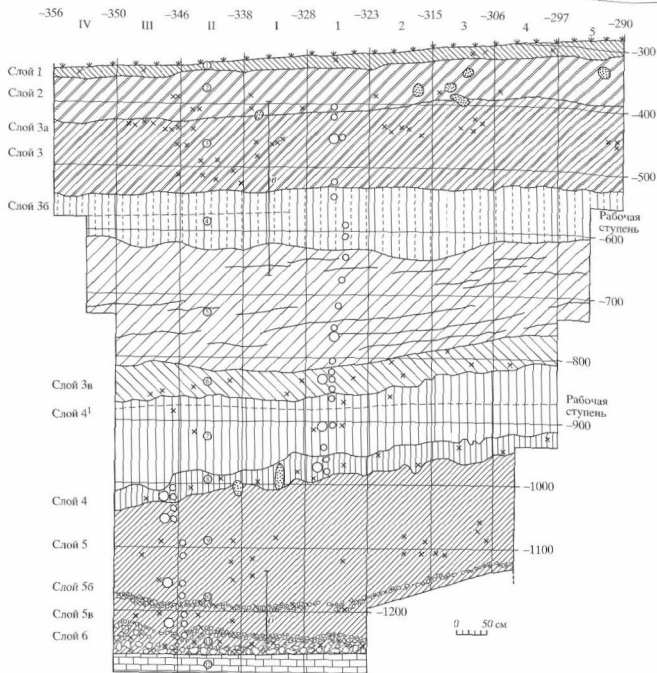
Рис. 1. Расположение памятника Бирючья Балка 2 на карте Европейской части России

Fig. 1. Situation of the site of Biryuchya Balka 2 on the map of the Russian Federation

ном климате. Палинозона 8 включает кровлю желтоватого и подошву желтовато-бурого суглинков (горизонт 3б). Заметно снижается количество пыльцы древесных пород. Среди трав преобладают перегляциальные комплексы. Климат постепенно становится аридным. Палинозона 9 соответствует желтовато-бурому и подошве бурого суглинков. В начале зоны количество пыльцы древесных увеличивается, а к концу уменьшается. Произрастали сосна, ель, а также широколиственные породы – вяз, дуб, лещина. Значительна роль травянистых растений. С бурым суглинком связана палинозона 10 (горизонты 3 и 3а). Количество пыльцы древесных (сосны, березы и ольхи) снижается до 30–40%. Господствует пыльца трав. Распространена степная растительность с влажными участками, занятыми островными лесами, что свидетельствует об аридном климате. Палинозона 11 связана со светло-бурым суглинком (горизонт 2). Заметно снижается количество пыльцы древесных пород при резком увеличении трав. Наконец, палинозона 12 соответствует современной почве. Как следует из приведенной палинологической характеристики разреза, люди мустье и позднего палеолита жили в различных ландшафтно-климатических условиях.

Кратко остановимся на характеристике костных остатков. Как уже отмечалось, в позднепалеолитических (2, 3а, 3б, 3), а также верхних мустьерских (4¹, 4) горизонтах они редки. Отметим присутствие в горизонте 3 зуба акулы, а также речных раковин. Весьма многочисленны кости в мустьерских горизонтах 5, 5б и 5в. Osteологические материалы были изучены бывшей сотрудницей ЗИНа О.Р. Потаповой и В.В. Титовым (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону). Наряду с большим

² Палинологическая характеристика отложений основана на письменном заключении Т.В. Сапелко.

Рис. 2. Бирючья Балка 2. Разрез отложений по восточной стене раскопов. Пустые кружки – места взятия образцов для абсолютного датирования. Жирные вертикальные линии – места взятия образцов для палеомагнитного исследования

Fig. 2. Biryuchya Balka 2. Section of the deposits at the eastern edge of the excavated area. Circles – points of sampling for absolute dating; bold vertical lines – points of sampling for palaeomagnetic studies

числом неопределимых, встречены определяемые кости, в основном ребра, позвонки, нижние челюсти, отдельные зубы, различные кости конечностей. По мнению обоих исследователей, кости принадлежат преимущественно зубру (примерно восьми особям). Некоторые кости встречены в сочленении. Это, по заключению В.В. Титова, дистальные отделы конечностей, включающие фрагменты метаподий, запястных и заплюсневых

костей и фаланг. По его мнению, древние люди могли отрезать или отрубать те части конечностей, которые были мало пригодны для употребления в пищу. Показательно, что на отдельных костях видны соответствующие следы. Согласно В.В. Титову, кроме костей зубра, в коллекции нижних горизонтов присутствуют остатки других животных, в частности благородного оленя, древнего быка тура,

возможно, лошадей и мелких антилоп. Интересным представляется наблюдение В.В. Титова о том, что кости, принадлежащие одной особи, обнаружены на соседних квадратах. В равной мере это относится к горизонту 5б, находки которого встречены в щебне. Несомненно, этот факт свидетельствует о залегании *in situ* находок нижних горизонтов.

Решение вопросов хронологии мустьерских и позднелепалолитических горизонтов связано с некоторыми трудностями. Ни в одном из горизонтов не обнаружен древесный уголь, который наиболее пригоден для абсолютного датирования. Кости крупных животных из мустьерских и особенно позднелепалолитических горизонтов заметно минерализованы. Так, кости из горизонтов 5, 5б и 4 дают омоложенный возраст – в пределах 30–23 тыс. лет от наших дней. Для одного образца кости из верхнего мустьерского горизонта 4¹ получена AMS дата: 40750 ± 970 BP (Beta 183590). Эта дата в целом не противоречит данным палинологического исследования, указывающим на относительно холодный аридный климат и переход к первому потеплению среднего Валдая (Спирidonова 2002: 95–96).

По всему разрезу восточной стены и нижней части северной отобранны образцы для палеомагнитного исследования. Четкая запись экскурсов, характерная для юрмского периода (Каргаполово и Моно), не выявлена. Однако несколько образцов, взятых из подошвы северной стены (уровень находок горизонта 5), указывают на вероятность экскурса Каргаполово, который, по мнению отдельных исследователей (Кочегура 1992: 20), имеет хронологические рамки в пределах 44–42 тыс. лет назад. Для перекрывающего его серого гумусированного суглинка, содержащего находки мустьерского горизонта 3в, абсолютной даты пока нет. Возможно, что она окажется несколько меньше, вероятно, в диапазоне 38–36 тыс. лет от наших дней. В любом случае, этот суглинок неоправданно связывать с брянским интерстадиалом (как считал ранее С.В. Хруцкий), хронологические рамки которого заключены в пределах 32,5–24 тыс. лет назад (Зарина 1991: 154; Спиридонова 1991: 70–71). Учитывая присутствие в спектре древесных пород, в том числе широколиственных, и уменьшение количества травянистых растений, уместно серый суглинок отнести к кашинскому потеплению – 37,5–34 тыс. лет от наших дней (Зарина 1991: 163; Спиридонова 1991: 70–71). С брянским интерстадиалом геолог А.Е. Додонов уязвимает бурый суглинок, который он рассматривает как ископаемую почву. С этим согласуются две имеющиеся AMS даты по кости: 26390 ± 200 BP (Beta 17777G) и 31560 ± 200 BP (Beta 183589). Мы отдаем предпочтение второй дате. Наконец, для

горизонта 3а, залегающего в кровле бурого суглинка, получена AMS дата по кости: 26630 ± 230 BP (Beta 183588).

Если в осторожной форме принять абсолютную дату для горизонта 4¹, а также данные палеомагнитного исследования балочного аллювия, то можно сделать вывод о том, что формирование последнего произошло за довольно короткий срок – примерно в течение 2–3 тыс. лет. Учитывая условия накопления балочного аллювия, этот временной интервал можно считать вполне допустимым. Нельзя исключить того, что самые нижние мустьерские горизонты 5в и 6 будут иметь более древний возраст.

Перейдем к археологической характеристике горизонтов, в первую очередь к типологической оценке их индустрий. Практически все изделия из мустьерских и позднелепалолитических горизонтов изготовлены из кремня. Лишь в редких случаях первобытные мастера, особенно позднего палеолита, использовали кварцит, песчаник, сланец и кварц. Кремень мустьерские люди находили непосредственно у места обитания: в коренном мергеле, а также в шлейфах и конусах выноса. Что касается позднелепалолитических мастеров, то месторождение кремня, которое они использовали, располагалось на противоположном склоне балки (метрах в 70–90 от стоянки). Кремень из нижних мустьерских горизонтов имеет черный, темно-серый и светло-серый цвет. Редко встречаются изделия из желтого кремня. Для кремня из верхних мустьерских горизонтов 4, 4¹ и 3в характерным является темно-серый и серый цвет, иногда с желтоватыми разводами. Черный кремень нехарактерен. Предметы, происходящие из позднелепалолитических горизонтов, изготовлены в основном из светло-серого кремня, нередко с желтыми или красными подосками. Несколько меньше изделий из темно-серого кремня. Орудия из черного кремня единичны. Кремень представлен в виде жёлваков, обломков и плитчатых кусков. Многие из них имеют инородные включения и пустоты. Кремень из позднелепалолитических горизонтов обладает заметной упругостью (жесткостью) и плохо поддается обработке. Оптимальные технологические свойства выявлены у черного, желтого и в ряде случаев у темно-серого кремня.

Начнем описание с характеристики мустьерских горизонтов. На восточном участке они вскрыты на площади 77 кв. м. Самый нижний мустьерский горизонт – горизонт 6. Залегает в конгломерате, состоящем из зеленоватого суглинка, сизовой глины, мергелевой крошки и щебня. Находки слегка окатаны. Данный горизонт выявлен лишь в зонах длиной 4 м и шириной 1 м у восточной стены раскопа, заложенных с целью отбора образцов. О характере, условиях залегания находок и типо-

логии последних сейчас говорить затруднительно. Однако бросается в глаза большое количество желваков и обломков кремня без обработки и с единичными сколами, нуклеидных обломков, грубых нуклеусов, отщепов и осколков. Пластинки и орудия, кажется, малочисленны. Инвентарь указывает на мастерскую по первичной обработке кремня. Дальнейшие работы прояснят этот вопрос.

Горизонт 5в залегает в подошве балочного аллювия. Выявлен в раскопе 1990 г. В раскопе 2004 г. он не разбирался. Помимо кремневых изделий отмечены костные остатки и зольные пятна. Находки горизонта имеют хорошую сохранность, что, несомненно, указывает на их непотревоженный характер.

Большой и выразительной серией представляются параллельные плоскостные нуклеусы. Они оставлены главным образом на начальной и заключительной стадиях расщепления. Радиальные и бессистемные нуклеусы малохарактерны. Немного численны также объемные и полуобъемные нуклеусы (рис. 3: 1). Они не отличаются заметным многообразием. Отщепы составляют менее половины всех типов изделий (таб. 1). Кроме грубых,

отмечены выразительные сколы, в том числе леваллуазские. Пластин мало, целые сколы единичны (рис. 3: 4). Практически отсутствуют пластинки и микропластинки. Отдельные пластинчатые сколы имеют правильную огранку. Орудий насчитывается менее 1% от общего числа изделий (табл. 1). Это, в основном боковые, реже двойные скребла (рис. 3: 2). Остроконечники являются исключением (рис. 3: 3).

Горизонт 5б связан с прослоем щебня. Можно утверждать, что последний не был смещен вниз по склону вместе с находками. В пользу этого предположения говорит хорошая сохранность костей, а также кремневых изделий. Зольные пятна здесь не установлены. Обращает на себя внимание относительно большое число нуклеидных обломков (табл. 1). Показательно и то, что среди нуклеусов преобладают экземпляры, оставленные на начальной стадии расщепления. Немало пробных нуклеусов. Несмотря на явное преобладание параллельных плоскостных (рис. 4: 24), нуклеусы с объемным и полуобъемным расщеплением представлены здесь достаточно выразительными образцами (рис. 4: 20–21, 23). Показательны торцовые нуклеусы (рис. 4: 23). Основная часть отщепов – это грубые сколы. Однако встречено немало отщепов с регулярной огранкой (рис. 4: 7). В коллекции горизонта обнаружено достаточно пластин и пластинок с геометрически правильной огранкой (рис. 4: 3, 9, 11–19, 22, 25). Выделены не только фрагменты, но и целые пластины (рис. 4: 3, 12, 19). Что касается пластинок и микропластинок, то лишь единичные экземпляры могут быть рассмотрены как продукт подправки рабочей поверхности нуклеусов. Это преимущественно массивные, прямоосные сколы с ровными краями (рис. 4: 13, 16, 17). Орудийный набор горизонта включает скребла (рис. 4: 1, 5), остроконечники (рис. 4: 8) и скребки (рис. 4: 2, 4, 6). Скребла выполнены не только на отщепе (рис. 4: 1), но и на пластинах (рис. 4: 5). Скребла в основном боковые и угловые, оформлены пологой краевой ретушью. Интересны скребла с утонченным корпусом (рис. 4: 1). Скребки малочисленны, но типологически своеобразны. Это скребки на укороченных отщепе и на массивном удлиненном сколе. Обратим внимание на скребок на массивном отщепе (рис. 4: 6) и скребок высокой формы с двумя интенсивно обработанными краями. Кроме перечисленных орудий, укажем на отщепы с базальным утончением и утонченным корпусом (рис. 4: 10).

Столь же многочисленна коллекция горизонта 5 (табл. 1). Находки залегают на разных уровнях балочного аллювия. Вместе с кремневыми предметами собрано немало костей животных. Кроме того, выявлено несколько мелких зольных пятен. Находки зафиксированы in situ. Нуклеусы остав-

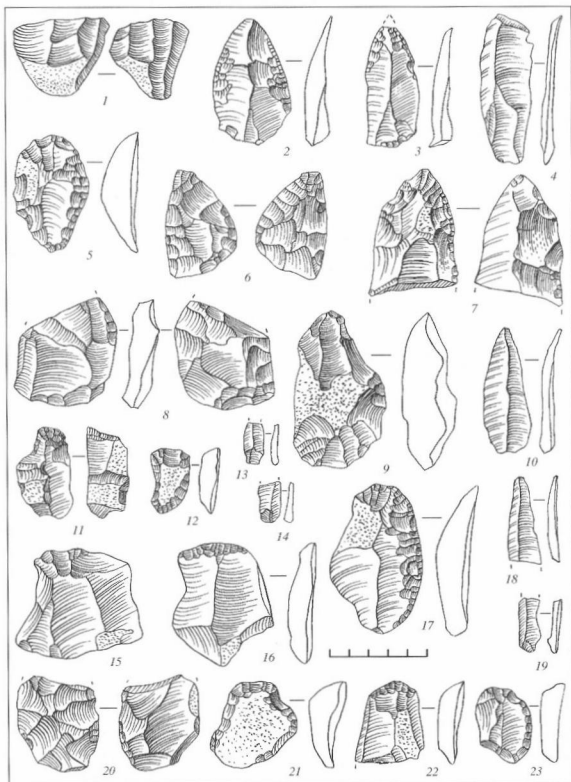
Таблица 1. Бирючья балка 2. Восточный участок. Общий список находок нижних мустьерских горизонтов*

Table 1. Biryuchya Balka 2. Eastern area. General list of finds from lower Mousterian horizons

Наименование находок	Горизонт 5в (кол-во, %)	Горизонт 5б (кол-во, %)	Горизонт 5 (кол-во, %)
Желваки и обломки без обработки	19 (0,63)	67 (1,04)	21 (0,33)
Желваки и обломки с единичными сколами	23 (0,77)	26 (0,40)	18 (0,29)
Нуклеидные обломки	72 (2,40)	243 (3,78)	115 (1,86)
Нуклеусы	102 (3,40)	192 (2,99)	239 (3,86)
Отщепы	1459 (48,63)	3328 (51,88)	2774 (44,87)
Пластинки и пластинки	52 (1,73)	237 (3,69)	291 (4,70)
Сколы оформленные ^{2*}	–	95 (1,48)	82 (1,32)
Осколки и чешуйки	1249 (41,63)	2160 (33,67)	2504 (40,51)
Орудия	24 (0,80)	66 (1,02)	137 (2,21)
Всего	3000	6414	6181

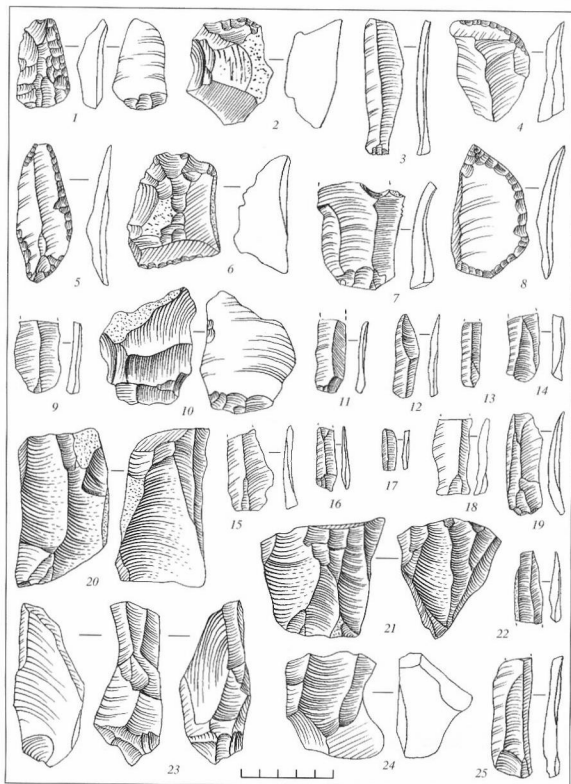
* Для горизонта 5в учтены материалы раскопок 1990 г., а для горизонтов 5б и 5 – раскопки 1989–1990 и 2004 гг.

^{2*} Сколы оформленные выделены только среди сколов горизонтов 5б и 5 из раскопок 2004 г.

Рис. 3. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия мустьерских горизонтов 5v (1-4) и 4 (5-23): 1 – нуклеус; 2, 17 – скребла; 3 – острижконечник; 4, 10, 13, 14, 18, 19 – пластины; 5, 11, 12, 15, 16, 21-23 – скребки; 6-9, 20 – орудия с двусторонней обработкой

Fig. 3. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from Moustier horizons 5v (1-4) and 4 (5-23): 1 – core; 2, 17 – side-scrapers; 3 – point; 4, 10, 13, 14, 18, 19 – blades; 5, 11, 12, 15, 16, 21-23 – end-scrapers; 6-9, 20 – tools with bifacial retouch.

Рис. 4. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия мустьерского горизонта 5b: 1, 5 – скребла; 2, 4, 6 – скребки; 3, 9, 11–19, 22, 25 – пластины; 7 – отщеп; 8 – остроконечник; 10 – отщеп с утонченным корпусом и базальным утончением; 20, 21, 23, 24 – нуклеусы

Fig. 4. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from Mousterian horizon 5b: 1, 5 – side-scrapers; 2, 4, 6 – end-scrapers; 3, 9, 11–19, 22, 25 – blades; 7 – flake; 8 – point; 10 – flake with thinned body and thinned base; 20, 21, 23, 24 – cores

лены на разных стадиях расщепления. Большие всего параллельных плоскостных нуклеусов (рис. 5: 16). Радиальные нуклеусы уступают им в количественном отношении (рис. 5: 17). Нуклеусы с объемным и полуобъемным расщеплением немногочисленны. В то же время отдельные образцы выразительны и показательны (рис. 5: 10, 13). Отметим редкие клиновидные нуклеусы. На рабочих поверхностях многих имеются негативы отдельных пластинчатых снятий. В коллекции присутствуют мелкие объемные нуклеусы (рис. 5: 5). Левалдуазские и вообще выразительные отщепы немногочисленны. Помимо овальных отщепов выделены сколы треугольных очертаний. Пластины составляют около 5% от общего числа изделий. Отмечены как целые пластины (рис. 5: 3, 11), так и их фрагменты (рис. 5: 1, 2). Наряду с пластинами выделены пластинки и микропластинки. Причем отдельные пластины имеют не только двустороннюю, но также трехскатную и многорядную огранку.

Преобладающим типом орудий являются скребла (рис. 5: 4, 15). Это преимущественно боковые формы. Гораздо реже встречаются двойные скребла и скребла с двусторонней обработкой краев. Отмечены скребла на пластинах (рис. 5: 15). *Остроконечников* (рис. 5: 9) и скребков (рис. 5: 8, 14) мало. Однако обращают на себя внимание скребки на массивных укороченных отщепках (рис. 5: 14), аналогичные обнаруженным в горизонте 5б, а также скребки веерообразных очертаний (рис. 5: 8). Помимо перечисленных орудий укажем на отщепы с утонченным корпусом и отщепы с базальным утончением (рис. 5: 12), пластинки с ретушью (рис. 5: 7), а также редкие орудия с двусторонней обработкой (рис. 5: 6).

Довольно сложны условия залегания находок четвертого горизонта. На отдельных квадратах он выявлен в непотревоженном состоянии. Здесь встречены золотые пятна. Каменные предметы имеют, в целом, хорошую сохранность. В то же время на значительной площади раскопов 1989 и 2003 гг. горизонт переотложен. Многие изделия окатыны и заметно повреждены. Кости животных для горизонта 4 мало характерны.

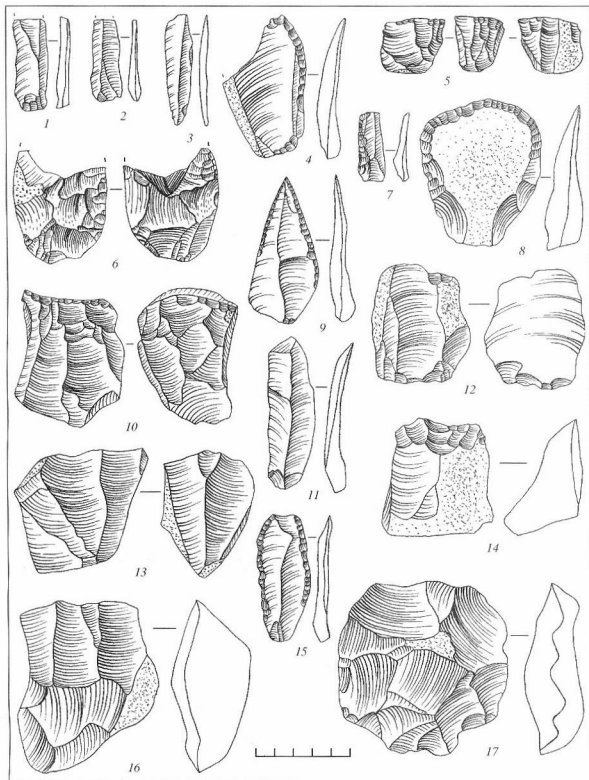
Из всех мустьерских горизонтов коллекция данного горизонта наиболее многочисленна (табл. 1, 2). В основном это отщепы, осколки и чешуйки. Первое место среди нуклеусов занимают параллельные плоскостные (рис. 6: 14). Собственно радиальные нуклеусы единичны. Выразительной серией представлены нуклеусы с объемным и полуобъемным расщеплением (рис. 6: 15–17). Неслучайны торцовые нуклеусы (рис. 6: 15) и нуклеусы для пластинок (рис. 6: 17). Отщепы не так примечательны, как в нижних горизонтах. В равной мере это относится и к пластинам, хотя здесь

Таблица 2. *Бирючья балка 2.* Восточный участок. Общий список находок верхних мустьерских горизонтов.

Table 2. *Biryuchya Balka 2.* Eastern area. General list of finds from upper Mousterian horizons.

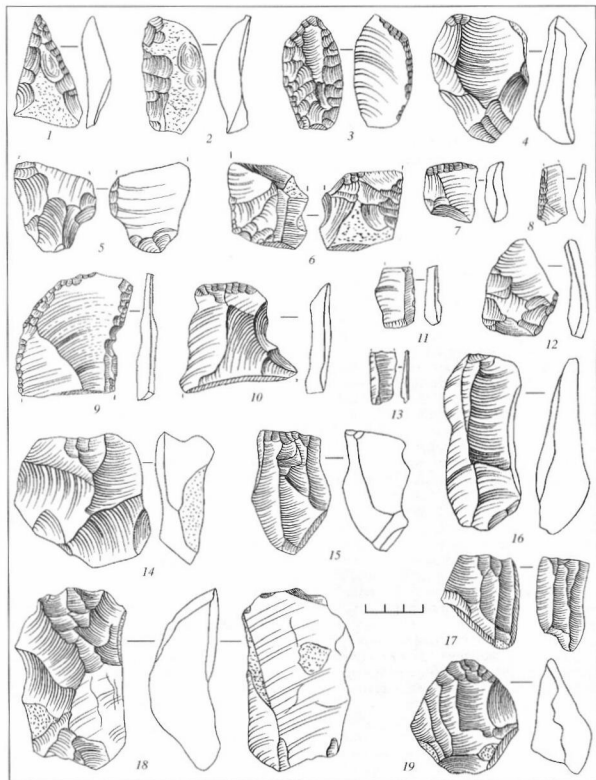
Наименование находок	Горизонт 4 (кол-во, %)	Горизонт 4 ¹ (кол-во, %)	Горизонт 3в (кол-во, %)
Желваки и обломки без обработки	13 (0,14)	2 (0,15)	6 (0,34)
Желваки и обломки с единичными сколами	7 (0,07)	–	5 (0,28)
Нуклеовидные обломки	189 (2,05)	26 (1,94)	61 (3,45)
Нуклеусы	211 (2,29)	36 (2,69)	40 (2,27)
Отщепы	2355 (25,58)	477 (35,70)	449 (25,42)
Пластинки и пластинки	442 (4,80)	42 (3,14)	68 (3,85)
Сколы оформления	176 (1,91)	11 (0,82)	15 (0,85)
Осколки и чешуйки	5595 (60,78)	712 (53,29)	1082 (61,27)
Орудия	217 (2,35)	20 (2,24)	40 (2,27)
Всего	9205	1326	1766

присутствуют весьма примечательные пластинчатые сколы, в том числе пластинки (рис. 3: 10, 13, 14, 18, 19). Наибольший интерес представляют орудия. Это не только скребла (рис. 3: 17), но также орудия с двусторонней обработкой (рис. 3: 6–9, 20; 6: 19) и скребки (рис. 3: 5, 11, 12, 15, 16, 21–23; 6: 18). Скребла выполнены на отщепках и пластинах. Это преимущественно боковые формы. Среди двусторонних орудий отмечены как целые, так и сломанные экземпляры. С другой стороны, данные орудия разделены на законченные (рис. 3: 6; 6: 19) и незаконченные (рис. 3: 9). Отдельные целые орудия могут быть отнесены к мелким дисковидным и мидалевидным бифасам (рис. 6: 19). Выделено несколько асимметричных форм (рис. 3: 6). Несомненный интерес представляют обломки бифасов зауженных пропорций (рис. 3: 7). Не исключено, что перед нами незаконченные (по причине слома) двусторонние наконечники. Наиболее примечательны скребки (рис. 3: 5, 11, 12, 15, 16, 21–23). Типологически они относительно разнообразны. Все скребки изготовлены на отщепках. Выделены плоские и высокие скребки (рис. 3: 11). Единичные экземпляры по причине крупных размеров более оправданно называть скребковидными орудиями. В инвентаре данного горизонта, как и в горизонтах 5б и 5, встречены грубые массивные укороченные скребки (рис. 3: 15). Выделено

Рис. 5. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия мустьерского горизонта 5: 1-3, 11 - пластины; 4, 15 - скребла; 5, 10, 13, 16, 17 - нуклеусы; 6 - орудие с двусторонней обработкой; 7 - пластина с ретушью; 8, 14 - скребки; 9 - остроконечник; 12 - отщеп с базальным утончением

Fig. 5. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from Mousterian horizon 5: 1-3, 11 - blades; 4, 15 - side-scrapers; 5, 10, 13, 16, 17 - cores; 6 - tool with bifacial retouch; 7 - retouched bladelet; 8, 14 - end-scrapers; 9 - point; 12 - flake with sharpened base

Рис. 6. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия мустьерского горизонта 3в (1-6, 10-13), 4¹ (7-9, 12) и 4 (14-19): 1 - остроконечник; 2, 3, 9 - скребла; 4, 14-17 - нуклеусы; 5-10, 19 - орудия с двусторонней обработкой; 7, 10, 18 - скребки; 8 - пластинка с ретушью; 11, 13 - пластинки

Fig. 6. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from Mousterian horizons 3в (1-6, 10-13), 4¹ (7-9, 12) и 4 (14-19): 1 - point; 2-3, 9 - side-scraper; 4, 14-17 - cores; 5-10, 19 - tools with bifacial retouch; 7, 10, 18 - end-scrapers; 8 - retouched bladelet; 11, 13 - bladelets

несколько грубых, в данном случае асимметричных, скребков. Однако у них четко оформлена модель данного орудия. У некоторых оформлен один или оба боковых края (рис. 3: 12, 23). Отдельные орудия можно отнести к категории скребков с «носиком» (рис. 3: 11, 21). Отдельные крупные скребковидные орудия напоминают скребки типа карене (рис. 6: 18). Отметим несколько скребков веерообразных очертаний (рис. 3: 5). Такого рода скребки выделены в инвентаре позднелитического горизонта 3. Отметим, наконец, присутствие отщепов с ретушью, отщепов с уточненным корпусом, зубчатых и выемчатых форм. Показательно, что на спинке одного отщепа с уточненным корпусом имеются негативы узких пластинчатых святий.

В горизонте 4¹ обнаружены редкие кости животных и небольшое число кремневых орудий (табл. 2). Многие предметы окатаны и повреждены. Однако отдельные предметы зафиксированы *in situ*. Присутствуют одновременно параллельные плоскостные и объемные нуклеусы. Последних значительно меньше. Они менее выразительны, чем аналогичные нуклеусы описанных выше горизонтов. То же можно сказать и о пластинах. Орудия малочисленны. Назовем скребла (рис. 6: 9), скребки (рис. 6: 7, 10) и пластинки с ретушью (рис. 6: 8). Обнаружены два орудия с частичной двусторонней обработкой.

Горизонт 3в выявлен в раскопах на восточном и северном участках. На последнем он наиболее представлен. Предметы обнаружены в перестроенном состоянии. В большинстве случаев они имеют плохую сохранность. Кости животных не обнаружены. Выявлены параллельные плоскостные, в том числе левадлауэские, нуклеусы (рис. 6: 4). Объемные и полубъемные нуклеусы единичны. Практически все пластины представлены фрагментами (рис. 6: 11, 13). Выделение орудий, как и в горизонте 4¹, связано с определенными трудностями по причине заметного повреждения многих изделий. На ряде предметов ретушь повреждения настолько выразительна, что ее можно принять за подлинную обработку. Для более уверенного выделения псевдоретуши проводилось не только визуальное изучение предметов, но и исследование их под бинокулярным микроскопом. К числу бесспорных орудий отнесено несколько скребел (рис. 6: 2, 3), орудия с двусторонней обработкой (рис. 6: 5, 6) и остроконечники (рис. 6: 1). Отдельные двусторонние орудия имеют частичную обработку и зауженные пропорции. Скорее всего, это незаконченные двусторонние наконечники.

Из приведенного описания инвентаря мустьерских горизонтов можно сделать ряд выводов. Во-первых, бросается в глаза сходство между со-

бой нижних горизонтов. В технологическом отношении к ним примыкает и инвентарь горизонта 4, хотя есть типологическое отличие последнего – наличие двусторонних форм и скребков разных типов. Первые обнаружены также в горизонте 3в. Кстати, скребки отмечены также в горизонтах 5б и 5. Правда, здесь они малочисленны. Заметим, что в самых верхних мустьерских горизонтах (4¹ и 3в) скребки практически отсутствуют. Во-вторых, интересно, что развитие пластинчатого расщепления можно наблюдать главным образом на материалах нижних горизонтов, а также горизонта 4. Напротив, в горизонтах 4¹ и 3в оно представлено умеренно. В-третьих, можно высказать мнение о том, что данная ситуация в определенной степени может быть объяснена функциональным типом индустрии. Инвентарь горизонтов 5в, 5б, 5 и 4 undoubtedly связывать с кратковременными стоянками-мастерскими. Судя по характеру залегания находок, стоянки могли посещаться периодически. С другой стороны, инвентарь горизонта 4¹ и в особенности горизонта 3в, целесообразно относить к мастерским по изготовлению двусторонних орудий.

Перейдем к описанию позднелитических горизонтов. Начнем с самого нижнего горизонта 3б. Он установлен только на северном участке (в раскопе 1991 г.). Основная часть находок выявлена в первоначальном положении в желтоватом суглинке. Однако некоторое количество находок в силу естественных причин было опущено вниз, где они обнаружены в виде небольших скоплений. Нуклеусы разделены на параллельные плоскостные и полубъемные. Характерно, что у первых отмечен слегка выпуклый фронт и негативы пластинчатых святий на рабочей поверхности. Типичные объемные нуклеусы не выделены. Несмотря на явное преобладание в коллекции горизонта отщепов, пластины составляют около 5% от общего числа изделий (табл. 3). Причем немало целых пластин. По своей огранке они отличаются от мустьерских. Среди орудий выделены скребла, скребки (рис. 7: 6) и треугольные остря (рис. 7: 5). Последних обнаружено мало. Абсолютных дат для этого горизонта нет. Вероятнее всего, он будет несколько древнее вышеописанного горизонта 3.

Горизонт 3 выявлен в раскопах на всех участках (1988–1992, 2000–2002 гг.). Судя по наблюдениям, лишь в отдельных местах он сохранил свою первоначальную структуру. Некоторые находки были в силу естественных причин опущены или сдвинуты вниз по склону. В первую очередь это относится к находкам на восточном участке. На северном и южном участках горизонт сохранил в целом свою первоначальную структуру. В то же время на всех участках кремневые изделия имеют удовлетворительную сохранность: они слабо оглажены и слег-

Таблица 3. Бирючья балка 2. Общий список находок позднелепидитических горизонтов 3б, 3а и 2

Table 3. Biryuchya Balka 2. General list of finds from late Palaeolithic horizons 3b, 3a and 2

Наименование находок	Северный участок, горизонт 3б (кол-во, %)	Восточный участок, горизонт 3а (кол-во, %)
Желваки и обломки без обработки	1 (0,08)	3 (0,03)
Желваки и обломки с единичными сколами	6 (0,50)	10 (0,10)
Нуклеидные обломки	21 (1,76)	106 (1,06)
Нуклеусы	26 (2,19)	137 (1,37)
Отщепы	562 (47,22)	3830 (38,26)
Пластины и пластинки	65 (5,12)	919 (9,18)
Сколы оформления	–	211 (2,11)
Осколки и чешуйки	498 (41,85)	4715 (47,10)
Орудия	15 (1,26)	80 (0,81)
Всего	1190	10011

ка повреждены. К тому же многие фрагменты орудий, в первую очередь двусторонних наконечников, обнаруженные на разной глубине, удалось склеить. Все это указывает на то, что находки горизонта не испытывали сколько-нибудь сильного перемещения вниз по склону. На восточном участке раскопанная площадь составляет 96 кв. м, на южном – 25 кв. м, на северном – около 8 кв. м.

Наибольшее количество изделий обнаружено на восточном участке (табл. 4). Обращает на себя внимание присутствие желваков и обломков с единичными сколами и нуклеидных обломков. Первые, скорее всего, свидетельствуют об опробовании разной степени кремня (в зоне его выхода или непосредственно на месте обитания), а вторые – об использовании различных приемов раскалывания исходных желваков и обломков кремня с целью получения заготовок, в первую очередь нуклеусов. Разбивание разной степени сырья осуществлялось с использованием простых (элементарных) технических приемов: на весу, на земле, на наковальне (Матюхин 2003б: 13–25). Уместно говорить не о примитивных, а о целесообразных приемах обработки камня. Большинство нуклеусов относится к группе параллельных плоскостных (рис. 8: 10). У некоторых из них отмечена слегка вышуклая рабочая поверхность. Объемные и полубъемные нуклеусы весьма малочисленны (рис. 8: 8, 9). Минимальным количеством представлены радиаль-

ные нуклеусы. Укажем на нуклеусы, демонстрирующие смешанное расщепление (параллельное плоскостное + параллельное объемное; параллельное объемное + бессистемное и т.д.). Отдельные нуклеусы более оправдано отнести к группе бессистемных многоплощадочных. Подавляющая часть отщепов имеет грубый облик и является сколами подготовки, оформления и переоформления нуклеусов, а также продуктами изготовления двусторонних орудий.

Пластины и пластинки составляют небольшой процент от общего числа изделий, а также всех разновидностей сколов (табл. 4). Целые пластины редки, они в основном представлены фрагментами. Наиболее часто встречающаяся граница пластин – двускатная и трехскатная, реже многорядная. В целом они мало чем отличаются от мустьерских пластин. Однако следует говорить о преднамеренном (частичном) их получении, о чем свидетельствуют орудия, изготовленные на пластинах. Основным типом заготовок были отщепы, которые использовались для изготовления двусторонних наконечников.

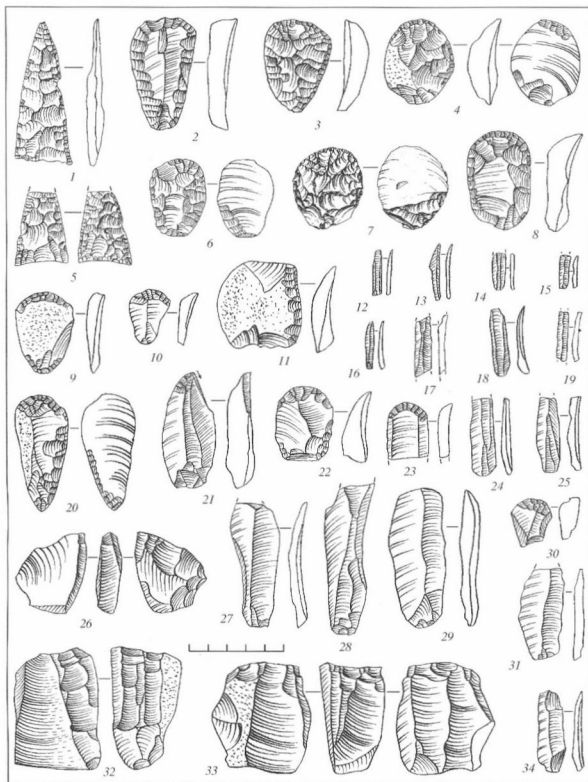
Орудия составляют менее 1% от общего числа изделий (табл. 4). Скрелба многочисленна (более 8% от числа всех орудий) на восточном участке

Таблица 4. Бирючья балка 2. Общий список находок позднелепидитического горизонта 3

Table 4. Biryuchya Balka 2. General list of finds from late Palaeolithic horizons 3

Наименование находок	Восточный участок (кол-во, %)	Северный участок (кол-во, %)	Южный участок (кол-во, %)
Желваки и обломки без обработки	53 (0,04)	–	6 (0,01)
Желваки и обломки с единичными сколами	129 (0,09)	3 (0,11)	24 (0,04)
Нуклеидные обломки	1261 (0,89)	15 (0,56)	250 (0,43)
Нуклеусы	649 (0,46)	15 (0,56)	142 (0,24)
Отщепы	39823 (28,03)	884 (33,07)	10878 (18,74)
Пластины и пластинки	4432 (3,12)	85 (3,18)	1506 (2,54)
Сколы оформления*	847 (0,60)	–	–
Осколки и чешуйки	93788 (66,01)	1656 (61,95)	44892 (77,36)
Орудия	1088 (0,76)	15 (0,56)	331 (0,57)
Всего	142070	2673	58029

* Сколы оформления выделены только на материалах 2000–2002 гг.

Рис. 7. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия позднепалеолитических горизонтов 2 (1), 3 (2-4, 7, 8), 36 (5-6) и 3а (9-34); 1, 5 – остроконечники; 2-4, 6-10, 20, 22-23, 30 – скребки; 11 – скребло; 12-19, 24, 25, 27-29, 31, 34 – пластины и пластинки; 21 – резец; 26, 32, 33 – нуклеусы

Fig. 7. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from late Palaeolithic horizons 2 (1), 3 (2-4, 7, 8), 36 (5, 6) and 3a (9-26); 1, 5 – points; 2-4, 6-10, 20, 22-23, 30 – end-scrapers; 11 – side-scraper; 12-19, 24, 25, 27-29, 31, 34 – blades and bladelets; 21 – burin; 26, 32, 33 – cores

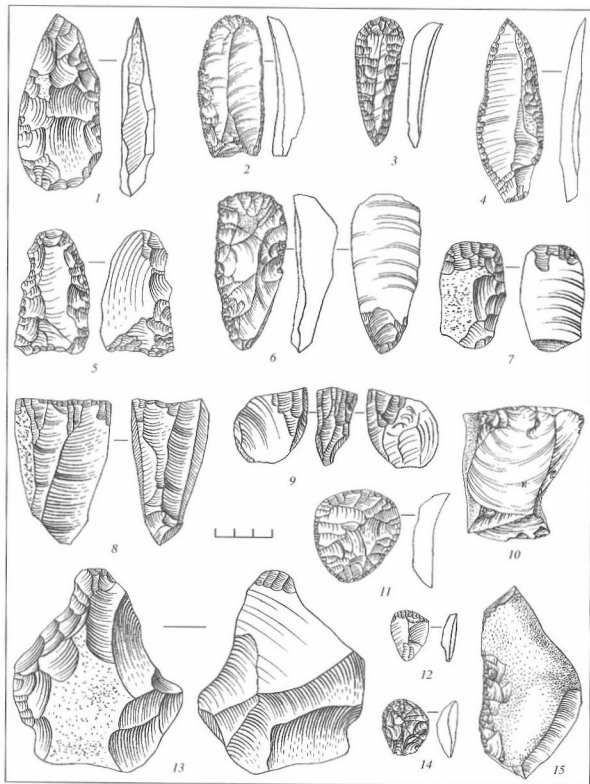

Рис. 8. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия позднепалеолитического горизонта 3: 1, 5, 13 – бифасиальные орудия; 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14 – скребки; 4 – остроконечник; 8–10 – нуклеусы; 15 – скребло

Fig. 8. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts from late Palaeolithic horizon 3: 1, 5, 13 – bifacial tools; 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14 – end-scrapers; 4 – point; 8–10 – cores; 15 – side-scraper

(рис. 8: 15). Явно преобладают боковые скребла. Это законченные функционально значимые орудия. Выделено несколько грубых скребел (боковых, конвергентных, двойных). Возможно, это не собственно скребла, а незаконченные другие типы орудий, например двусторонние наконечники. Остроконечники и острия (рис. 8: 4) единичны. Реэцы, проколки и долотовидные формы нехарактерны. Микроинвентарь полностью отсутствует. Отметим относительно большое число *отщепов* с ретушью, зубчатых и выемчатых форм, а также *отщепов* с уплощенным корпусом и базальным утончением. Скребки составляют около 15% от общего числа орудий (рис. 7: 2-4, 6, 8; 8: 2, 3, 6, 7, 9, 11, 12, 14). Большинство из них изготовлено на отщепах. Однако в коллекции горизонта на всех участках выделены скребки на фрагментах пластин. Скребок на целых пластинах – всего несколько экземпляров (рис. 8: 2). Преобладают простые скребки. У многих скребков ретушированы один или оба боковых края. Показательны *веревочные* скребки (рис. 7: 2, 3), имеются также *веерообразные скребки удлинённых пропорций* (рис. 8: 3, 6). У отдельных орудий зауживание нижней части осуществлено с помощью широкого резцового сокола (рис. 8: 6). Единичны высокие скребки, «с носиком». Отметим скребки овальные и округлые (рис. 7: 4, 7, 8; 8: 11, 14). Скребки типа карене практически отсутствуют. Характерным признаком некоторых скребков является частичная обработка *брошковой поверхности* исходных сколов, видимо, с целью ее выравнивания (рис. 7: 4, 7; 8: 6, 7). Упомянем мелкие скребки (рис. 8: 12), а также заготовки скребков. В заключение отметим, что скребки в целом не составляют устойчивых типовых серий. К группе специфических следует относить крупные нуклеидные орудия, нередко с двусторонней обработкой. Практически у всех орудий подобного типа преднамеренно притуплена, а в отдельных случаях забита нижняя часть. На многих из рассматриваемых орудий фиксируется выкрошенность дистального края, которая имеет различный характер. Как показывают наши исследования, эти орудия могли использоваться в основном для рубки кости, рога и дерева. В то же время сильная забитость рабочего края у отдельных орудий, скорее, указывает на контакт с камнем. Правда, остается непонятным, какие именно операции выполнялись такими орудиями.

Заметное место в списке орудий третьего горизонта занимают различные орудия с двусторонней обработкой – бифасы и треугольные острия. Среди грубых бифасов можно выделить два типа. Бифасы первого типа похожи на аббевильские и ашельские образцы. Несмотря на свой грубый облик, они вполне закончены. На дистальных концах многих

из них имеются следы от рубки кости, рога, дерева. Бифасы второго типа имеют морфологию незаконченных орудий (рис. 8: 13). У них не выделены рабочие и аккомодационные элементы, края неровные, негативы глубокие. Отмечены также относительно тщательно обработанные бифасы (рис. 8: 1). Многочисленны некрупные орудия с частичной двусторонней обработкой (рис. 8: 5).

Двусторонние острия в количественном отношении превосходят все остальные типы орудий (рис. 9). Подавляющая их часть имеет треугольные и подтреугольные очертания. Однако у некоторых изделий, имеющих удлинённые пропорции и подпрямоугольную нижнюю часть, форма, скорее, копьевидная (рис. 9: 13, 17). Листовидные или сердцевидные формы единичны. У всех двусторонних острий отмечены главным образом слабые и умеренно удлинённые пропорции (рис. 9: 1-10, 8-12, 15, 18, 19, 22, 23). Заметно удлинённые наконечники встречаются реже (рис. 9: 7, 13, 14, 20, 21, 24). В то же время последние являются отличительной частью данных орудий и инвентаря горизонта 3 в целом. Наибольший интерес представляют удлинённые острия с подпрямоугольной нижней частью. Таких орудий нет в других памятниках Русской равнины с треугольными остриями. Заметим, что почти все крупные наконечники найдены в обломках. Целыми являются острия средних размеров и мелкие. Кстати сказать, последние довольно многочисленны (рис. 9: 1-5, 10, 12). Их длина – в пределах 2-4 см. Основание всех наконечников прямое или слабо вогнутое. Лишь у незначительной части орудий оно слегка выпуклое. Приведем несколько других показателей. Интересным представляется соотношение ширины и толщины. У законченных орудий оно колеблется в пределах 3-10 см, у незаконченных – 2,4-4,8 см. В связи с этим отметим, что не менее важным является соотношение длины и толщины. Кстати, неоправданно к «тонким бифасам» относить орудия с учетом лишь первого показателя и оставлять за пределами этой группы длинные довольно массивные наконечники (см. Анкович и др. 1998: 42-54). Важным признаком, по нашему мнению, является характер уплощенности поверхности изделий. Речь идет о длине одинаково плоских поверхностей орудий (рис. 9: 13, 17, 20, 22, 24). У многих орудий наиболее плоские участки (в центре или у проксимального конца) имеют небольшую длину. При взгляде на наконечники в профиль видно, что у большинства из них скошенность, то есть утончение, начинается или равномерно снизу вверх, или от центра – кверху, либо к основанию, как у ашельских и мустьерских бифасов.

Заготовками крупных наконечников служили уплощенные желваки, обломки, плитки и крупные

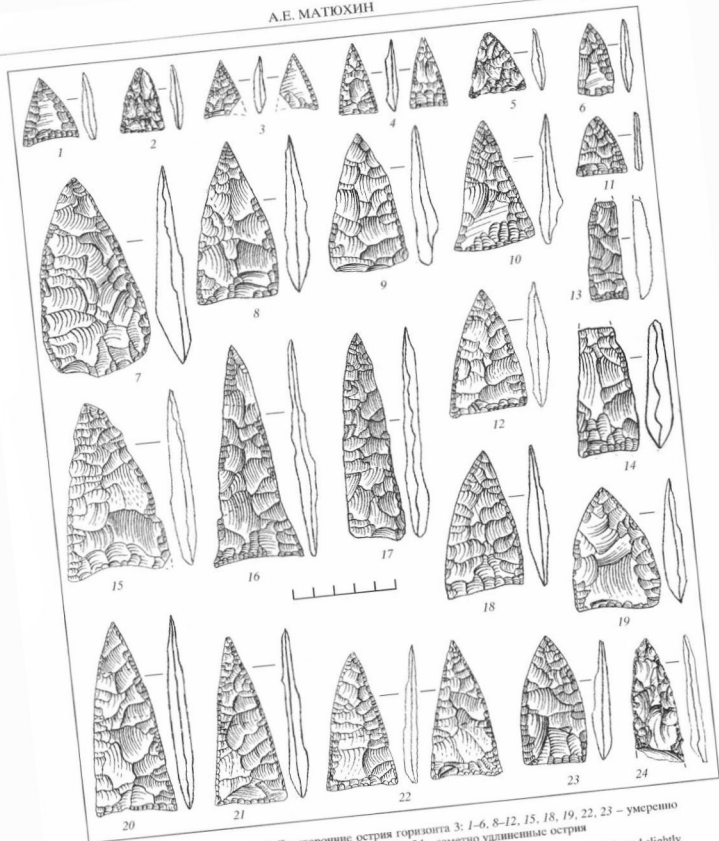

Рис. 9. Бирючья Балка 2. Двусторонние острья горизонта 3: 1-6, 8-12, 15, 18, 19, 22, 23 – умеренно и слабо удлинённые острья; 7, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 24 – заметно удлинённые острья

Fig. 9. Biryuchya Balka 2. Bifacial points from horizon 3: 1-6, 8-12, 15, 18, 19, 22, 23 – moderately and slightly elongated points; 7, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 24 – markedly elongated points

отщепы. Что касается мелких наконечников и наконечников средних размеров, то они изготавливались из некрупиных прямоосных отщепов. Характерно, что некоторые треугольные острия подобного рода имеют минимальную красивую обработку (рис. 9: 1, 3). Уместно будет считать, что изготовление крупных наконечников рассматриваемого памятника носило стадийный (сложный) характер, а мелких – однолинейный, то есть *нестадийный* (Матюхин 2004: 257–274). Практически все двусторонние наконечники оформлены каменными и роговыми (костяными) отбойниками. Отжим использовался лишь при отделке орудий. Плоско-выпуклый профиль многих орудий (средних размеров и мелких) объясняется выбором соответствующего типа заготовки, а именно – отщепца. Изучение морфологии большого числа отщепов и чешуек, а также самих орудий визуально и под бинокляром показывает, что древние мастера не использовали каких-то усложненных приемов при их изготовлении, как это можно наблюдать на примере солотрейских, а также наконечников типа фолсом и клювиз. В целом (но не в деталях) технология изготовления двусторонних наконечников принципиально не отличалась от технологии обработки мутьерских наконечников. Совершенство многих орудий может быть объяснено в первую очередь мастерством и умением их изготовителей. Как показывают наши наблюдения, к процессу изготовления двусторонних наконечников имели отношение типологически разные орудия. Выделены два приема обработки, которые могут быть увязаны с теми или иными типами орудий, расположенных в определенном порядке, редукционными рядами (Матюхин 2004: рис. 6, 7). С первым приемом оправданно связывать, к примеру, нуклевидные орудия, крупные орудия с частичной двусторонней обработкой, бифасы и наконечники. В состав редукционных рядов второго приема можно включить грубые скребла и острокопечники, отщепы с уплощенным корпусом и вентральной обработкой, а также наконечники.

Приведенные данные по индустрии горизонта 3 указывают на принадлежность ее к долговременной мастерской по изготовлению двусторонних наконечников. Здесь осуществлялся полный цикл их изготовления. Учитывая большое количество атипичных скребков, можно допустить, что другим профильным типом были заготовки скребков. Присутствие скребел и готовых скребков объясняется продолжительностью существования мастерской. Они связаны с деятельностью по жизнеобеспечению коллективов, проводивших здесь работы.

Горизонт 3а выявлен в раскопах 2000–2001 гг. в верхней части бурого суглинка и практически на-

легал на горизонт 3. Находки в целом имеют непотревоженный характер и расположены на ограниченной площади. В отличие от описанного выше горизонта здесь встречены зольные и охристые пятна, а также кости животных. С типологической точки зрения индустрия горизонта 3а отличается от таковой горизонта 3. Полностью преобладают продукты первичного расщепления. Выразительны объемные и полуобъемные нуклеусы (рис. 7: 26, 32, 33). Показательны мелкие торцовые нуклеусы на отщепе (рис. 7: 26). Значительной серией представлены пластины, особенно пластинки и микропластинки (рис. 7: 12–19, 24, 25, 27–29, 31, 34). Орудия представлены исключительно скребками (рис. 7: 9, 10, 20, 22, 23, 30), резе скреблами (рис. 7: 11). Резцы единичны (рис. 7: 21). Говоря о своеобразии индустрии горизонта 3а, отметим, что в инвентаре как данного горизонта, так и горизонта 3 выделены всеорудные скребки удлиненных пропорций (рис. 7: 20), мелкие скребки (рис. 7: 10, 30), торцовые нуклеусы на отщепе (рис. 7: 26). Учитывая характер горизонта и типологию индустрии, уместно связывать его с кратковременной стоянкой.

Горизонт 2 выявлен на всех участках в расколах 1988–1992, 2000–2002 гг. Лучшее всего он представлен на южном участке (табл. 5). На всех участках находки залегают в целом в непотревоженном состоянии. Кости животных, а также зольные пятна не установлены.

В инвентаре всех участков выделено большое количество отщепов. Гораздо меньше пластин, пластинок и микропластинок. Пластинчатое расщепление представлено здесь не столь заметно, как в горизонте 3а. Достаточно малочисленны и орудия. Укажем в первую очередь на скребки и скребла. В ходе расчистки горизонта 2 лишь на южном участке собрано несколько треугольных острий. Одно из них имеет удлиненные пропорции (рис. 7: 1). Предположительно можно прийти к выводу, что индустрия горизонта 2 на южном участке связана с мастерской по изготовлению треугольных острий, а на северном и восточном участках – с мастерской по первичному расщеплению.

Давая общую оценку позднепалеолитических индустрий, отметим ряд моментов. Налицо сходство инвентаря горизонтов 3б и 3. В то же время изделия горизонта 3а заметно отличаются от изделий вышеуказанных горизонтов. Скорее всего, отличие носит культурный характер. К тому же, они хронологически разновременны. Индустрия горизонта 2, по крайней мере северного и южного участков, сближается с индустрией горизонта 3. Речь идет о мастерской по изготовлению треугольных острий. Вполне вероятно, что на некоторых производственных участках происходило

первичное расщепление кремня для получения сколов-заготовок.

Наконец, в нескольких словах дадим характеристику горизонту 1. Находки здесь на всех участках малочисленны. Среди нуклеусов встречаются одновременно плоскостные и объемные. Последние не очень выразительны. Целые пластины нехарактерны. В основном они представлены различными фрагментами. Пластины и микропластинки единичны. Они имеют двускатную, трехскатную, конвергентную, реже многорядную огранку. Выразительные экземпляры отсутствуют. Орудий мало. Это сколы с уплощенным корпусом, обломки орудий, отщепы с ретушью и резцвидные орудия. Уместно ставить вопрос о мастерской по первичной обработке кремня, видимо, с целью получения пластинчатых сколов.

Теперь рассмотрим вопрос об аналогах мустьерских и позднелепалеолитических горизонтов Бирючьей Балки 2. При этом нужно принимать во внимание, как нам представляется, ряд существенных моментов, а именно – функциональный тип памятника, его представительность и длительность (время) функционирования, доступность и качество сырья, отдельные типологические и технологические факторы и т.п. Следует признать, что на юге Русской равнины известно довольно мало мустьерских памятников. Так, индустрия кратковременной мустьерской стоянки Рожок 1 в Приазовье (Праслов 1968: 65–93; 1984: 107–108; 2001: 29) заметно отличается от мустьерских индустрий Бирючьей Балки 2, в первую очередь, в технологическом отношении, а также, видимо, непродолжительностью существования и особенностями сырья. Касаясь последнего, отметим некрупные размеры разностей кремня и его ограниченные ресурсы. Другая кратковременная стоянка в Приазовье Носово 1 (Праслов 1972: 75–82; 2001: 26–29) обладает большим сходством с Бирючьей Балкой 2. Наряду с отщепами здесь встречены выразительные пластины, а также (правда, немногочисленные) двусторонние формы. Аналогии с данным памятником затруднены по причине небольшого числа изделий в его инвентаре (раскопана небольшая часть стоянки). Заметим, что сырьевая база данного памятника более богатая, чем на Рожке 1. Индустрия третьего памятника Приазовья Марьева гора (Ромашенко 1997: 11–13) наиболее близка индустрия мустьерских горизонтов Бирючьей Балки 2. Памятник приурочен к богатым выходам сырья. Его следует рассматривать как долговременную стоянку. Оба момента исключительно важны для понимания особенностей техники расщепления на среднелепалеолитических стоянках, в частности характера и степени представительности пластинчатых сколов.

Таблица 5. Бирючья балка 2. Общий список находок позднелепалеолитического горизонта 2

Table 5. Biryuchya Balka 2. General list of finds from late Palaeolithic horizon 2

Наименование находок	Северный участок (кол-во, %)	Восточный участок. Раскопки 1988–1989, 2000–2001 гг. (кол-во, %)	Южный участок. Раскопки 1990–1992 гг. (кол-во, %)
Желваки и обломки без обработки	–	3 (0,17)	2 (0,050)
Желваки и обломки с единичными сколами	2 (0,19)	3 (0,17)	4 (0,05)
Нуклеидные обломки	26 (2,30)	29 (1,65)	39 (0,56)
Нуклеусы	11 (1,06)	36 (2,05)	25 (0,36)
Отщепы	296 (28,49)	615 (35,06)	1800 (25,75)
Пластины и пластинки	36 (3,47)	68 (3,88)	185 (2,61)
Сколы оформления	–	15 (0,86)	–
Осколки и чешуйки	656 (63,14)	964 (54,96)	4887 (69,87)
Орудия	12 (1,16)	21 (1,19)	53 (0,75)
Всего	1039	1754	6997

Технологическое сходство мустьерских горизонтов (особенно нижних) Бирючьей Балки 2 наблюдается с мастерскими по первичной обработке кварцита Калитвенка 1 и 1в в Каменском районе Ростовской области, инвентарь которых содержит выразительные пластинчатые сколы (Матюхин 1987: 83–88; 1995: 47–78). Несомненный интерес для наших целей представляют среднелепалеолитические памятники в Донбассе Белокузьминковка (Колесник 2003: 168–219) и Курдюмовка (Колесник 1992: 124–126; 2003: 110–155). В инвентаре обоих памятников отмечены многочисленные пластинчатые сколы, снятые с объемных нуклеусов. Во всех памятниках присутствуют изделия с базальным утончением и утонченным корпусом. Несомненно интересны материалы памятника Шлях в Поволжье (Нехорошев 1999; Вишняцкий, Нехорошев 2001: 8–24; Нехорошев 2002: 109–113). Здесь выделены характерные по морфологии объемные, в том числе клиновидные, нуклеусы и пластины. Другими словами, речь идет о том, что общая модель расщепления нуклеусов и, таким образом, получения пластинчатых сколов близка к позднелепалеолитической. Это является главным критерием. И неоправданно называть такую тех-

нику среднепалеолитической лишь на том основании, что при снятии сколов не проводилась операция по редуцированию кромок ударных площадок нуклеусов (Нехорошев 1999: 76). Неверно этот прием возводить в ранг техники скола и придавать ему столь решающее значение при различении позднепалеолитических способов расщепления от среднепалеолитических. То же самое следует сказать в отношении материалов Белокузьминки и мустьерских горизонтов Бирючьей Балки 2. Факт наличия пластинчатых сколов не служит основанием для отнесения индустрии, в которой они присутствуют, к переходным, как это считают отдельные авторы (Нехорошев 1999: 82–83; Колесник 2003: 210). Орудийный набор всех перечисленных памятников в целом мустьерский. Орудийный фактор при этом является существенным. Точнее будет сказать, что подобного рода индустрии свидетельствуют о переходе от мустье к позднему палеолиту. Небезынтересно, что продукты пластинчатого расщепления, в том числе пластины и микропластинки, отмечены в инвентаре памятников Северного Кавказа: Монашеской пещеры (Беляева 1999: 82–87) и Баракаевской пещеры (Любин, Аутлев 1994: 104–107). Широко представлены пластины в инвентаре многих памятников Западной и Центральной Европы. Причем самые ранние индустрии с пластинами, например на севере Франции, связываются с ранней порой среднего палеолита – 200–150 тыс. лет от наших дней (Tuffreau 1992: 59–73). Все это указывает на то, что техника пластинчатого расщепления сформировалась в среднем палеолите. Из изложенных выше фактов следует, что пластинчатое расщепление в среднем палеолите, особенно на поздних его этапах, конкретно было связано с достатком сырья и его качеством, продолжительностью обитания, установками и характером деятельности, а также индивидуальными особенностями первобытных мастеров. Надо полагать, что изобилие сырья создавало простор для технологической деятельности и изобретательности древних мастеров, что способствовало, в частности, реализации идеи пластинчатого расщепления. Понятно, что в рамках дефицита сырья и непродолжительности обитания, такого рода тенденция не может проявляться.

Нельзя исключить того, что отличие мустьерских индустрий юга Русской равнины носит не культурный, а иной характер. Речь может идти о разных жизненных ситуациях, характере и направленности деятельности. Один и тот же коллектив мог оставить различные в типологическом и технологическом отношении индустрии.

Затронем вопрос об аналогиях позднепалеолитическим горизонтам Бирючьей Балки 2. Индустрии горизонтов 3б, 2, и особенно 3 с треугольными

остриями, сближаются в первую очередь с индустриями памятника Бирючьей Балки 1в, расположенного неподалеку от Бирючьей Балки 2. Здесь выделены не только треугольные острия (преимущественно укороченных пропорций), но также скребки-острия, бифасы и нуклеидные рубящие орудия. Известно, что треугольные острия присутствуют в таких памятниках Костенковско-Борщевского района, как Костенки 1, 6, 11, 12, а также Сунгирь во Владимирской области и Гарчи 1 в Приуралье. Наиболее близкие аналогии у Бирючьей Балки 2 наблюдаются с индустрией пятого слоя Костенок 1. Помимо треугольных острий в последней выявлены скребки с вентральной обработкой. Однако индустрии Костенок 6, 11, 12, а в равной мере Сунгиря и Гарчи 1 по основным технологическим и типологическим показателям отличаются от индустрии Бирючьей Балки 2. Мы не согласны с отнесением указанных памятников к стрелцовой культуре (Аникович 2000: 25–28; 2003: 19–21). Главным диагностическим признаком стрелцовой культуры является все же присутствие треугольных наконечников (Аникович 2000: 20). Однако по другим типологическим показателям все эти индустрии отличаются друг от друга. Нужно иметь в виду, что Бирючья Балка 2 является мастерской, и многие типы орудий здесь не представлены вовсе. Кроме того, отдельные типы (например, долотовидные формы), широко представленные в инвентаре ряда памятников, в частности Сунгиря, отсутствуют в инвентаре других. Говоря о конкретных типологических составляющих археологической культуры, надо принимать во внимание и изделия из кости, рога и бивня. Странно, что это упускает из виду М.В. Аникович, который поздний палеолит называет эпохой кости (Аникович 2001–2002: 267). По нашему мнению, перечисленные выше памятники не могут быть объединены в одну культуру, конкретно – в стрелцую. Речь идет о разных культурах. К тому же термин «культура» подходит здесь менее всего. Более уместно говорить о сходных в типологическом отношении индустриях. С другой стороны, неоправданно объединять упомянутые памятники в один тип индустрий, а именно, стрелцкий. Логично говорить о группе индустрий (памятников), содержащих треугольные острия. Отнесение индустрии горизонтов 2 и особенно 3 Бирючьей Балки 2 к определенному (уже известному) типу индустрии затруднительно по причине отсутствия других диагностических типов орудий. Не следует забывать, что речь идет, прежде всего, о мастерской. Предварительно мы говорим о северо-донецком типе индустрий с треугольными остриями. Широкое территориальное распространение памятников с треугольными наконечниками носит, скорее, не культурный, а конвергентный характер. Мы не

склонны думать, что сходные типы орудий, происходящих из памятников, удаленных друг от друга на значительное расстояние, указывают на миграцию населения (см. Аникевич 1999: 72–82). Учитывая присутствие двусторонних форм в инвентаре ряда мустьерских памятников Русской равнины, логично будет считать, что позднепалеолитические индустрии с треугольными острями могли сформироваться на этой территории, в частности в долине Северского Донца (Матюхин 2002б: 117; 2002в: 99).

Принимая для горизонта 3 как реальную дату 31 тыс. лет от наших дней, можно его индустрию зачислять в одну хронологическую группу с пятым слоем Костенок 1. Возраст последнего примерно такой же или слегка древнее (Синицын и др. 1997: 51; Аникевич 2003: 19). В этом случае Сунгирь окажется более молодым памятником: в пределах 28–25 тыс. лет (Бадер О.(†), Бадер Н. 2000: 22; Сулержицкий и др. 2000: 30–34). Ввиду отсутствия абсолютных дат для горизонта 2 Бирючей Балки 2 трудно ставить вопрос о хронологических рамках индустрий с треугольными острями в долине Северского Донца. Не исключено, что возраст горизонта 2 будет оцениваться в пределах 24–22 тыс. лет. В итоге можно говорить о том, что балка Бирючья в среднем и позднем палеолите была заселена в течение длительного времени в диапазоне примерно 45–22 тыс. лет.

Мы склоняемся к выводу, что территория юга Русской равнины была тем местом, где происходил переход от мустье к позднему палеолиту. Вероятнее всего, это был местный, то есть автохтонный процесс без влияния пришлых популяций, в частности ориньяка. Страники аккультурации мустье ориньяком (Аникевич 2003: 26–29; Allsworth-Jones 1986: 224; 2004: 292) не смогли привести серьезных доказательств в пользу этого тезиса. Ориньякские памятники как на территории Западной Европы (Zilhao and d'Égicó 2003: 313–349), так и Русской равнины (Синицын 2004: 133–135; Sinityn 2004: 181–190) не являются наиболее ранним проявлением позднего палеолита. Едва ли можно принять и новую точку зрения о том, что самая ранняя стадия позднего палеолита, в частности селет, является на деле метаморфизованным ориньяком (Adams 1998: 14). Нельзя вообще исключать влияние ориньяка на формирование других ранних фазий позднего палеолита, но следует допускать и обратное.

Становление позднепалеолитических тенденций в технологии расщепления камня и орудийном наборе происходило на обширной территории Евразии, начиная со среднего палеолита, и заняло значительный отрезок времени. Участниками этого длительного по времени и многопланового явления были как местные, так и пришлые популяции.

Однако первые сыграли решающую роль. Для понимания этих вопросов палеолит юга Русской равнины, в частности долины Северского Донца, имеет большое значение.

- Аникевич 1999 – Аникевич М.В. О миграциях в палеолите // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. № 1. С. 72–82.
- Аникевич 2000 – Аникевич М.В. Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 2000. № 1. С. 11–30.
- Аникевич 2001–2002 – Аникевич М.В. Пронхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 2001–2002. № 1. С. 266–290.
- Аникевич 2003 – Аникевич М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 2 (14). С. 15–29.
- Аникевич, Брэдди, Гира 1998 – Аникевич М.В., Брэдди Б.А., Гира Е.Ю. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // *АВ. СПб.*, 1998. № 5. С. 42–54.
- Бадер О.(†), Бадер Н. 2000 – Бадер О.И.(†), Бадер Н.О. Верхнепалеолитическое поселение Сунгирь // *Номо sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 21–29.
- Беляева 1999 – Беляева Е.В. *Мустьерский мир Губского ущелья* (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Вишняцкий, Нехорошев 2001 – Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // *Нижеволжский археологический вестник*. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 8–24.
- Заррина 1991 – Заррина Е.П. Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. Л., 1991.
- Колесник 1992 – Колесник А.В. Курдюмовка – памятник раннего палеолита Донбасса // *История и археология Слободей Украины*. Харьков, 1992. С. 124–126.
- Колесник 2003 – Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003.
- Кочегура 1992 – Кочегура В.В. Применимость палеомангитных методов при геологической съемке шельфа. СПб., 1992.
- Любин, Аутлев 1994 – Любин В.П., Аутлев П.У. Каминная индустрия // Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп, 1994. С. 99–141.
- Матюхин 1987 – Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1 // *КСИА*. М., 1987. Вып. 189. С. 83–88.
- Матюхин 1995 – Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка I в // *Донские древности*. Азов, 1995. Вып. 5. С. 24–44.
- Матюхин 1996 – Матюхин А.Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996.
- Матюхин 2000 – Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка Iа // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Азов, 2000. Вып. 16. С. 177–209.

- Матюхин 2002а ~ Матюхин А.Е. Михайловская балка – новый палеолитический памятник в устье Северского Донца (предварительное сообщение) // АВ. СПб., № 9, 2002. С. 34–40.
- Матюхин 2002б – Матюхин А.Е. Мустьерские индустрии бассейна Дона в свете проблем среднего палеолита // Верхний палеолит – верхний плейстоцен (динамика природных событий и периодизация археологических культур), СПб., 2002. С. 114–119.
- Матюхин 2002в – Матюхин А.Е. О ранней поре и генезисе позднего палеолита бассейна Дона // Особенности развития палеолита Восточной Европы. СПб., С. 81–101.
- Матюхин 2003а – Матюхин А.Е. Мустьерские комплексы долины Северского Донца // Археологические записки. Вып. 3. Каменный век. Ростов-на-Дону, 2003. С. 5–27.
- Матюхин 2003б – Матюхин А.Е. Об элементарных способах раскалывания камня в палеолите // АВ. СПб., 2003. № 10. С. 13–25.
- Матюхин 2004 – Матюхин А.Е. Типология и технология двусторонних треугольных острий из позднепалеолитических слоев Бирючьей Балки 2 // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 257–274.
- Нехорошев 1999 – Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Нехорошев 2002 – Нехорошев П.Е. Развитие каменной индустрии финала среднего палеолита на Русской равнине (по материалам стоянки Шлях) // Верхний палеолит – верхний плейстоцен (динамика природных событий и периодизация археологических культур). СПб., 2002. С. 109–113.
- Нехорошев, Вишняцкий, Гуськова, Мусатов, Сапелко 2003 – Нехорошев П.Е., Вишняцкий Л.Б., Гуськова Е.Г., Мусатов Ю.Е., Сапелко Т.В. Результаты естественнонаучного изучения палеолитической стоянки Шлях // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 9–24.
- Праслов 1968 – Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов 1972 – Праслов Н.Д. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // МИА. М., 1972. Вып. 185. С. 75–82.
- Праслов 1984 – Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984. С. 94–134.
- Праслов 2001 – Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.
- Ромашенко 1997 – Ромашенко Н.И. Марьева Гора – новый мустьерский памятник в Северо-Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997. Вып. 14. С. 11–13.
- Сищицын 2004 – Сищицын А.А. Современный этап исследования палеолита Костенок. Хроностратиграфия и таксономия памятников ранней хронологической группы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004. С. 133–135.
- Спиридонова 1991 – Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене и голоцене. М., 1991.
- Спиридонова 2002 – Спиридонова Е.А. Палинология и стратиграфия Костенок 14 в контексте палеоклиматических реконструкций Костенковско-Борщевского района // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002. С. 94–171.
- Спиридонова 2004 – Спиридонова Е.А. Этапы развития растительности валдайского оледенения по данным палинологического анализа на памятниках с. Костенки // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004. С. 135–136.
- Сулержикский, Петит, Бадер 2000 – Сулержикский Л.Д., Петит А., Бадер Н.О. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 30–34.
- Adams 1998 – Adams B. The Middle to Upper Palaeolithic transition in Central Europe: the Record from the Bukk mountain region // BAR. International Series 693. Oxford, 1998.
- Allsworth-Jones 1986 – Allsworth-Jones Ph. The szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford, 1986.
- Allsworth-Jones 2004 – Allsworth-Jones Ph. The szeletian revisited // Anthropologie. Brno, 2004. Vol. XLII/3. S. 281–296.
- Sinityn 2004 – Sinityn A.A. Earliest Upper Palaeolithic layers at Kostenki 14 (Markina gora): preliminary results of the 1998–2001 excavations // British Archaeological Reports. 2004. № 1240. P. 181–190.
- Tuffreau 1992 – Tuffreau A. Middle Palaeolithic settlement in Northern France // The Middle Palaeolithic: adaptation, behaviour and variability. Philadelphia, 1992. P. 59–73.
- Zilhao, d'Errico 2003 – Zilhao J. and F. d'Errico. The Chronology of the Aurignacian and transitional technocomplexes. Where do we stand // The Chronology of the transitional technocomplexes. Dating, stratigraphies, cultural implications. Proceedings of symposium 6.1 of the XIV-th Congress of the UISPP. Lisboa, 2003. P. 313–349.

Biryuchya Balka 2.

Multilayered Palaeolithic Site on the Seversky Donets River

A.E. Matyukhin

The Seversky Donets is one of the largest rivers in the south of the Russian Plain. Within its basin, Palaeolithic sites dated from pre-Moustier to the late phase of the Upper Palaeolithic are known. Only in the Biryuchya Balka (ravine) near the Khutor of

Kremenskoj in the Konstantinovskiy Region of Rostov Oblast, eight multilayered Palaeolithic sites have been revealed and excavated (fig. 1). This paper deals with the most representative one – the site of Biryuchya Balka 2.

The thickness of the deposits at the site under consideration is up to 9 m (fig. 2). Among these, seven Mousterian horizons, five late Palaeolithic and one Neolithic have been revealed. The excavations were carried out in 1988–1992 and in 2000–2004 in three areas separated by some space from each other. Along with the archaeological excavations, also studies of the site by methods of natural sciences were conducted in order to determine, in particular, its absolute dates, to reconstruct its environment and climate during its occupations by man.

Palaeomagnetic studies of the balka's alluvium (the lower Mousterian horizons) in the base of the section showed an indistinct manifestation of the excursion of Kargapolovo with the chronological range within 44–42 millennia. For one of the upper Mousterian horizon, an AMS date of $40,750 \pm 970$ BP (Beta 183590) has been obtained on a bone. For the main late Palaeolithic horizon 3 containing triangular points, two AMS dates have been obtained on bones: $26,390 \pm 200$ BP (Beta 177776) and $31,560 \pm 200$ BP (Beta 183589). The second date seems to be more reliable. Finally, for horizon 3a covering directly horizon 3, an AMS bone date of $26,630 \pm 230$ BP (Beta 183588) is known. Bones have been found mostly in the lower Mousterian horizons. They belonged predominantly to bison, but also to deer, and possibly to horses and small antelopes.

In the lower Mousterian layers 6, 5v, 5b and 5 (in designations of some of the horizons the first letters of the Russian alphabet are added to the numerals, viz. a, б, в, here transcribed as a, b, v), numerous flint artefacts, animal bones and spots of ashes have been uncovered. Among the finds from these horizons not only radial (fig. 5: 17) and parallel flat cores (fig. 4: 24; 5: 16; 6: 14), but also volumetric ones (fig. 3: 1; 4: 20–21, 23) have been distinguished. The latter, furthermore, include a number of edge-faceted nuclei (fig. 4: 23). Characteristic are small volumetric cores (fig. 5: 5). From a large quantity of coarse flakes, a few fairly expressive examples have been distinguished (fig. 4: 7). Especially noteworthy are blades and bladelets (fig. 3: 4; 4: 3, 11–19; 5: 1–3, 11). Generally, these differ from the typical blades of the late Palaeolithic period, having at the same time much in common with them. Among the tools, scrapers certainly prevail (fig. 3: 2; 4: 1, 6; 5: 4, 15), whereas points (fig. 3: 3; 4: 8; 5: 9) are much less numerous. The end-scrapers (fig. 4: 2, 4, 6; 5: 8, 14) deserve a special attention. Tools with bifacial retouch are rare (fig. 5: 6). The characteristic techniques seem to have been thinning of the bodies of tools or flakes and partial retouch of their ventral surfaces (fig. 4: 1, 10; 5: 12). Of note are bladelets with retouch (fig. 5: 7).

Among the finds from the upper Mousterian horizons (4, 4' and 3v) also flat-parallel cores are prevailing (fig. 6: 4). At the same time, in horizon 4, volumetric cores are very expressive (fig. 6: 15–17). The blades and bladelets are equally indicative as in the underlying hori-

zons (fig. 3: 10, 13, 14, 18, 19; 4: 11, 12; 6: 11, 13). Tools amount to about 1% of the total number of artefacts. The first place is held by side-scrapers (fig. 3: 17; 6: 2, 3, 9). Among the finds from horizon 4, also fairly variable end-scrapers are indicative (fig. 6: 7, 10, 18). A noteworthy feature of the artefacts from horizons 4 and 3v is the presence of tools with bifacial retouch (fig. 3: 6–9, 20; 6: 5, 6, 19). The latter have been uncovered mostly in fragmentary state. Some of the tools are completed. Bifacial points have not been found. The material from the lower horizons (5v, 5b and 5) suggests the existence here of transitory camps-workshops which probably were seasonable. The industries of horizons 4 and 3v seem to have been related with workshops where bifacial tools were manufactured.

The assemblage recovered from horizon 3b is evidently the earliest one at Biryuchya Balka 2. The tools include side-scrapers, end-scrapers (fig. 7: 6) and bifacial triangular points (fig. 7: 5). The richest in terms of the finds is horizon 3. In the three areas excavated, its industry is represented by more than 200 thousand flint artefacts. Flakes and debris certainly prevail. Among the cores, predominant are flat-parallel ones with negatives of the flakes (fig. 8: 10). Volumetric cores are as a rule not numerous (fig. 8: 8, 9). Nevertheless, their presence here is by no means fortuitous. Blades are fairly uncommon. Their morphology is about the same as that of the Mousterian blades. Tools compose less than 1% of the total number of artefacts. The first places are held by scrapers and various tools with bifacial retouch. The end-scrapers are mostly made on flakes (fig. 7: 2–4, 6–8; 8: 6, 7, 9, 10, 14). Blade end-scrapers are rare (fig. 8: 2, 3). Of note are rounded end-scrapers (fig. 7: 4, 7; 8: 9, 14), oval (fig. 7: 8), and fan-shaped items (fig. 7: 2, 3; 8: 3, 6). Also noteworthy are end-scrapers with ventral retouch (fig. 7: 4, 7; 8: 6, 7). Side-scrapers are also numerous (fig. 8: 15). Burins, scaled pieces and borers are not presented any distinctively. Micro-tools are totally absent. Points are found only occasionally (fig. 8: 4). Among the bifacially retouched tools, the bifaces proper (fig. 8: 1, 13), tools with partial bifacial retouch (fig. 8: 5) and triangular points (fig. 9) have been distinguished.

In horizon 3a, unlike horizon 3, animal bones and ash spots have been found along with flint objects. Among the flint artefacts, products of primary flaking are notably predominant. Fairly expressive are volumetric cores (fig. 7: 26, 32, 33), blades and bladelets (fig. 7: 12–19, 24, 25, 27–29, 31, 34). Prevailing among the tools are end-scrapers (fig. 7: 9, 10, 22, 23, 30). Burins (fig. 7: 21) and side-scrapers (fig. 7: 11) are rarely found. The evidence recovered allows us to suppose here a camping site of short use. And finally, horizon 2 contains only flint artefacts. These are presented mostly by debitage. Among the assemblage recovered from the southern area, triangular points have been distinguished (fig. 7: 1). The industry resembles that of horizon 3.

The industries of the lower Mousterian horizons have parallels among the Mousterian industries of such sites as Shlyakh in the Volga area, Belokuzminovka and Kurdyumovka in the Don basin and the Monasheskaya and Barakayevskaya caves in the northern Caucasus. The industries of the upper Mousterian horizons resemble those from the sites of Kalitvenka 1a in the Kamensky region of Rostov oblast and Antonovka 1 and 2 in the Don basin. The industries of the Upper Palaeolithic horizons 3b and 2 in terms of their artefacts are close to the site of Biryuchya Balka 1v which is situated 1.5 km from Biryuchya Balka 2. By the presence of triangular points in their industries these two sites are paralleled by a number of sites in the middle reaches of the Don River (Kostenki 1, 6, 11, 12; Garchi 1 west of the Urals and Sungir in Vladimir oblast). Nevertheless, there are no grounds to unite all these sites into a single,

viz. Streletskaya culture. In fact, the sites enumerated may be associated with different cultures. It would be thus more correct to attribute them (including the site of Biryuchya Balka 2) to a group of industries with triangular points.

The presence of blades as well as end-scrapers among the finds from the Mousterian horizons at Biryuchya Balka 2 indicates the progressive character of these industries. We have therefore grounds to suppose that the late Palaeolithic industries with triangular points as well as the Late Palaeolithic in general arose in the south of the Russian Plain without any influences (including the Aurignacian one) from outside. Thus in the territory under consideration essential changes in the material culture and subsistence mode of the early local communities took place during the Mousterian and Late Palaeolithic periods.

Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая¹

Г.В. Сеницына², В.Г. Колокольцев³

Установление источников кремневого сырья и его импорта является составной частью палеоэкономических реконструкций, определения направлений миграций и контактов различных групп населения в древности. Территория Валдая, где расположены богатые выходы кремня, имеет принципиальное значение для решения этих вопросов.

Н.Б. Селивановой (1984) было обследовано 16 месторождений кремня из коренных пород хвощев Водги. В.А. Галибиным был выполнен эмиссионный количественный спектральный анализ более 500 образцов для этих месторождений и кремневого сырья со стоянок мезолита–неолита Волговерховья. Для каждого месторождения были получены геохимические характеристики. Корреляция разновидностей сырьевой базы мезолитических и неолитических стоянок с месторождениями Верхней Волги показала, что основными источниками кремня в мезолите–неолите служили Свеклинское и Ржевское месторождения. Было установлено, что, как правило, на стоянках преобладает та разновидность кремня, выходы которой находятся в непосредственной близости от них. Только в отдельных случаях (стоянки на озере Волго, близ д. Селище и д. Ланино) местный кремень не являлся преобладающим. Дальнейшие исследования позволили установить импорт кремня с месторождений на р. Селижаровка в северо-западном направлении, начиная с мезолита (Галибин, Тимофеев 1993).

В течение последних лет на северном берегу оз. Волго были исследованы многослойные стоянки Подол III/1 и Подол III/2, Баранова гора (Сеницына 1996), расположенные в непосредственной близости от Ланинской группы стоянок, характерной чертой которых считалось широкое использование сырья из Свеклинского и Ржевского место-

рождений, расположенных ниже по Волге. По разрезу стоянок Подол III/1 и Подол III/2 было установлено, как минимум, восемь уровней обитания. Два из них были отнесены к финальному палеолиту. Анализ сырьевой базы всех культурных слоев позволил визуально (цвет, прозрачность, включение) выделить 11 разновидностей кремня, использованных для изготовления орудий (Сеницына 1997; 2005): I – светло-серый; II – темно-серый; III – черный; IV – серый с матовым оттенком; V – бордовый, яшмовидный; VI – бело-серый; VII – серо-пятнистый; VIII – рыжий, желтый; IX – сиреневый; X – желто-зеленый; XI – серый, серосиреневый и пестроцветный.

Нижний культурный слой стоянки Подол III/1, датированный аллердом на основании данных палинологического, палеомагнитного и геохимического анализов, дал выразительный инвентарь технокомплекса бромье–лингби. Основу индустрии составлял кремень I группы из местного Ланинского месторождения; реже использовался черный кремень II сырьевой группы, более высокого качества. Инвентарь слоя представлен типичным набором, характерным для сезонных охотничьих стоянок. Расщепление кремня и изготовление орудий производилось в пределах стоянки. Несмотря на обилие сырья, нуклеусы использовались до предела, с постоянной подправкой ударной площадки и нижнего конца ядрища.

На стоянке Подол III/2 было установлено наличие культурного слоя, отнесенного на основании спорово-пыльцевого анализа к дриасу III. Отличия его инвентаря от материалов более древней стоянки прослежены не только по его типологическому набору, но и по используемому сырью. Здесь представлено три разновидности кремня: I – светло-серый; IV – серый с матовым оттенком, XI – пестроцветный, розового оттенка. Большая часть инвентаря выполнена по-прежнему на низкого качества сырье I группы. Отметим, что XI сырьевая группа является самой вариабельной среди выделенных. Как правило, это кремень высокого качества, распространяемый на стоянках разных исторических периодов. В культурном слое времени дриаса III начало использования этой разновидности кремня сопровождалось применением мягкого отбойника для его расщепления и появлением нового типа охотничьего вооружения – косо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80270а) и Президиума РАН (программа фундаментальных исследований: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии палеолита.

³ Россия, 199106, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО, 74, ВСЕГЕИ.

лезвийных укороченных наконечников, получивших широкое распространение в раннем мезолите.

В слоях мезолита и неолита преобладали другие виды сырья: рыжий, коричневый, темно-серых оттенков кремней, а также высококачественный пестроцветный и сиреневый кремль (группы III–XI). Основные выходы сиреневого кремня расположены ниже по течению Волги в районе г. Ржева и г. Старицы.

Для мезолита датирующее значение имеет топография памятников (Спиридонова, Алешинская 1996). Можно предполагать, что в начале бореала (9000–8900 л. н.), в связи с похолоданием и заболачиванием территории, на междулучьях резко сократилось количество стоянок. Древнее население мигрировало на более дренируемые территории, в частности на участки распространения дюн и на высокие террасы рек. По данным спорово-пыльцевого анализа бореальным временем определяется возраст материалов IV культурного слоя стоянки Подол III/1, в сырьевой базе которого преобладает кремль III, IV и V групп (Синицына 1996; 1997).

Следующий хронологический этап мезолита, сопоставляемый с периодом климатического оптимума бореала в интервале 8600–8200 л. н., представлен материалами Ланнской группы стоянок, с преобладанием кремня III, IV, V и VI групп. Их культурная атрибуция остается дискуссионной.

Поздний мезолит–ранний неолит территории связывается с распространением валдайской культуры (Гурина 1958: 31–45; 1996: 188–193) времени начала атлантикума, сырьевую основу которой составляет кремль VII, VIII и IX групп. Синхронность их использования подтверждается наличием замкнутых комплексов типа «клада» Барановой Горы (Синицына, Зарецкая 2002), где достоверно установлено одновременное использование этих разновидностей сырья. Типологический анализ кладов валдайской культуры на мезолитическом и неолитическом этапах ее развития позволил выявить изменения в их составе при неизменной сырьевой базе (Синицына 2000).

Таким образом, избирательное использование сырьевых ресурсов для территории Валдая является хронологическим показателем, сваянным с изменением ориентации населения на различные типы кремня в условиях широких возможностей его выбора.

Данные геологии, раскрывающие характер размещения кремневого сырья на этой территории, дают возможность количественно оценить его массу.

1. Основные закономерности размещения каменноугольных кремней. В тектоническом отношении рассматриваемая территория находится на северо-западной окраине Московской синеклизы. Сведения об основных закономерностях размеще-

ния кремней в геологическом разрезе региона получены из материалов среднemasштабной геологической съемки этой территории, дополненных самостоятельными полевыми наблюдениями летом 2005 г.

Дочетвертичная поверхность изученной территории сложена нижне- и среднекаменноугольными морскими и прибрежно-морскими терригенными породами и известняками, полого падающими на восток и юго-восток. Суммарная мощность каменноугольных пород достигает 300 м. Примечательной особенностью каменноугольных известняков Московской синеклизы, и в частности ее северо-западного крыла, является наличие довольно мощных зон окремнения. Чаще эти зоны представлены послонно ориентированными цепочками линз, желваков и конкреций, размеры поперечного сечения которых варьируются в довольно широком диапазоне: от нескольких сантиметров до 0,4–0,6 м. Толщина зон окремнения различна и изменяется от нескольких дециметров до 1,0–1,5 м и больше. К примеру, в тарусском горизонте толщиной 8–10 м на долю прослоев темно-бурого и почти черного кремня приходится до 20–30% разреза.

Наиболее мощные скопления желваков, конкреций и плит кремней картируются в вевновском, тарусском и протвинском горизонтах нижнего отдела, а также в каширском и подольском горизонтах среднего отдела каменноугольной системы. Но желваки кремня в виде прослоев и печечек встречаются в известняках и на других стратиграфических уровнях карбона. Цвет кремней разнообразен: от светло-серого до черного, розовый, красный, коричневый со всевозможными цветовыми взаимопереходами. В материалах геологической съемки подчеркивается парагенетическая связь «темно-серых, почти черных и бурых кремней» с тарусским горизонтом, иногда указывается приуроченность «серых и коричневых» кремней к протвинскому горизонту. В целом в этих материалах содержится очень скудная информация о цветовой гамме кремней, а в ряде случаев при характеристике геологического разреза цвет кремней и кремнистых известняков вовсе не указывается.

Составленная по материалам геологических съемок схема размещения кремнесодержащих горизонтов на дочетвертичной поверхности (рис. 1) иллюстрирует масштабы эрозии кремненосных отложений и позволяет увидеть площади, в пределах которых с наибольшей вероятностью (при прочих равных условиях) могли выходить на дневную поверхность коренные горизонты кремней в эпоху финального палеолита. Эта схема позволяет провести ретроспективную количественную оценку массы кремневого сырья, доступного для использования древними цивилизациями.

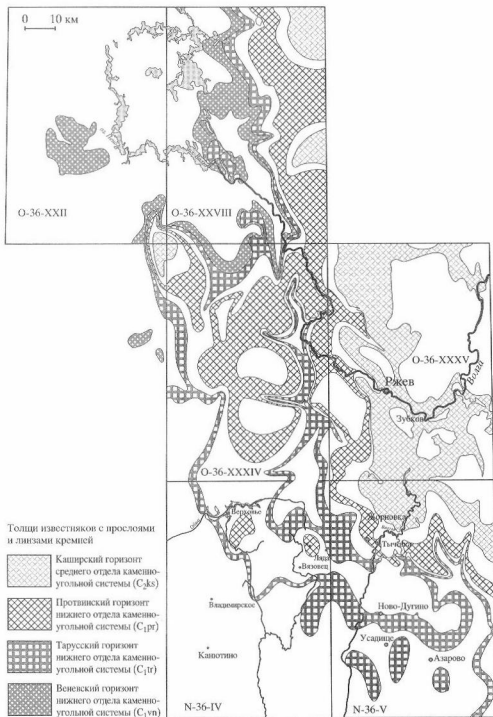

Рис. 1. Размещение каменноугольных известняков с кремнями на дочетвертичной поверхности в верховьях Волги

Fig. 1. Distribution of carboniferous limestones containing flint on the pre-Quaternary surface on the upper Volga

Учитывая глубину эрозийного среза, физико-механическую и химическую инертность кремня в условиях гипергенеза и принимая среднюю толщину каждого из пяти кремневых горизонтов в 0,3 м, можно предполагать, что запасы кремневого сырья, доступные для использования древним человеком, только в пределах изображенной на карте

части Валдайской возвышенности исчислялись многими миллионами тонн. Результаты этих расчетов могут служить еще одним подтверждением правомочности гипотезы В.А. Галибина и В.И. Тимофеева (Галибин, Тимофеев 1993: 13–19) о межрегиональном масштабе экспорта кремня с Верхней Волги в бескремневые Северо-Западные зоны.

2. Минералого-петрографическая характеристика сырья на стоянках каменного века Валдая. Ниже приводятся результаты минералого-петрографического исследования сырья всех визуально выделенных и перечисленных выше 11 групп. В зависимости от степени разнородности кремней в сырьевой группе, из каждой отбирались 1–3 образца для изготовления петрографических шлифов, которые исследовались на микроскопе Leica DMLP с ультрафиолетовым излучателем. Микроскоп позволяет получать качественное изображение при 1000-кратном увеличении.

I группа сырья представлена тремя образцами (вкл., рис. 1). Для всех кремней этой группы характерны реликтовая детритовая структура с преимущественно халцедоновым составом основной массы и халцедон-кварцевым или кварц-халцедоновым замещением зоогенного детрита. Максимальный размер узнаваемых скелетных остатков, замещенных кремнеземом, достигает 1 мм по длинной оси и около 0,005–0,01 мм в поперечнике. Структура основной массы халцедонового состава *неравномерно-зернистая*. На фоне тонкозернистого (около 0,01–0,02 мм) халцедона равномерно распределены пятна микрозернистой и скрыто-зернистой структуры (возможно с примесью опала). Агрегаты (до 0,1–0,2 мм) тонкозернистого кварца, выполняющие центральные зоны микрофауны, распределены в шлифе равномерно и составляют не больше 3–5% площади шлифа.

В целом для сырья первой группы характерна *слабая пятнистая импрегнация* гидроксидами железа. Преимущественно мономинеральный (халцедоновый) состав, равномерное распределение пятен микрозернистой структуры на фоне тонкозернистой и малое количество мелких (до 0,1–0,2 мм) равномерно рассеянных агрегатов тонкозернистого кварца свидетельствуют о слабой физико-механической анизотропии кремня, что обеспечивает гладкую поверхность раковистого излома и его высокую пластичность при расщеплении. Представленные образцы кремней обладают и индивидуальными отличительными характеристиками, степень влияния которых на технологические свойства не ясна. Так, к примеру, в образце Г-21, кроме слабой пятнистой пропитки гидроксидами Fe, наблюдается еще и другая форма их агрегатов в виде мелких (около 0,01 мм) правильных сфероидов. Это могут быть реликты водорослей, но не исключено, что эти сфероиды являются продуктами окисления пиритовых фрамбозидов. В шлифе Г-12 наряду с микрофауной, характерной для других кремней этой группы (фораминиферы, лингулы, пелещины), встречаются обломки коралловых полипов.

II группа сырья представлена одним образцом (вкл., рис. 2). Структура кремня реликтовая детритовая, мало отличающаяся от кремней предыду-

щей группы. С предыдущей сырьевой группой его сближает и халцедоновый состав. Отличительным признаком является меньшее количество кварца: его концентрация не достигает 0,5% площади шлифа, а также большее количество кальцита, при выщелачивании которого образуются каверны до 0,8 мм по длинной оси. Судя по характеру люминесценции, в зоодетрите, не полностью замещенном халцедоном, присутствует небольшая примесь фосфатных минералов. При расщеплении кремня этой сырьевой группы на поверхности скола могут появляться мелкие каверны.

III группа представлена двумя образцами, которые отличаются лишь количеством кальцита (вкл., рис. 3). Структура кремня реликтовая детритовая (до 2 мм), состав преимущественно халцедоновый с кальцитом и гидроксидами железа. В шлифе выделяются *четыре* структурно-морфологических модификации халцедона: а) с мозаичным погасением зерен около 0,01 мм в поперечнике; эта разновидность составляет больше 70% объема породы; б) с радиально-лучистым погасением зерен (около 10%); в) с агрегатным погасением (халцедоно-кварц) реагирующих на поляризованный свет мелких индивидов (около 5%); г) с волокнистым погасением в обломках раковин (около 1–2%). Кальцит (до 1,5%) присутствует в осевой части удлинённых обломков толстостенных раковин, что дает основание для предположения об его остаточной природе. Тонкораспыленные гидрооксиды железа образуют светло-бурые сложной морфологии просекающие пятна.

Несмотря на мономинеральный состав, сырье этой группы не отличается высоким качеством. Наличие четырех структурно-морфологических модификаций халцедона обуславливает довольно высокую физико-механическую анизотропию кремня и пониженную пластичность при расщеплении.

IV группа представлена двумя образцами (вкл., рис. 5). Кремль этой группы контрастно отличается от предыдущих равномерно зернистой структурой кварцево-халцедоновой матрицы и отсутствием остатков зоогенного детрита. Размер реагирующих на поляризованный свет кварц-халцедоновых индивидов составляет 0,01–0,02 мм. О большой детритовой структуре исходных («материнских») известняков, замещенных минералами кремнезема, свидетельствуют трудно улавливаемые в равномерно зернистой основе участки, которые лишь по форме и размерам напоминают детрит, характерный для предыдущих видов кремня. Равномерно зернистая структура обуславливает крайне низкую физико-механическую анизотропию кремня и довольно хорошую пластичность при расщеплении. Сравнительно крупные (0,01–0,02 мм) зерна кварц-халцедонового агрегата являются причиной матового блеска на

поверхности излома, который к тому же может быть шероховатым. Из этого вида сырья затруднительно изготавливать очень тонкие пластины.

Сравнение двух образцов позволяет судить о степени неоднородности сырья, выделенного в четвертую группу. В шлифе Г-2 в кремне при больших увеличениях обнаруживаются мелкие (около 0,005–0,01 мм) пустоты кубической формы видимые без анализатора. В кремне, представленном шлифом Г-18, лучше видны органические остатки, замещенные халцедоном с лучистым погасанием и фосфатные остатки ихтиофауны. Пока что сложно определить, как эти структурно-вещественные неоднородности влияют на технологические свойства каменного сырья.

V группа представлена двумя образцами (вкл., рис. 5). Микроскопически эта группа существенно отличается от всех остальных высокими концентрациями оксидов и гидрооксидов железа, являющимися причиной красной окраски и яшмовидного облика кремней. Но и внутри группы два представленных образца контрастно отличаются друг от друга по структурным признакам и, скорее всего, по технологическим свойствам.

В шлифе Г-16 кремень имеет ярко выраженную реликтовую детритовую структуру. Размер обломков скелетных остатков морской фауны составляет около 1 мм. Наряду с формалинферами, пелициподами, лингулами и, возможно, радиоляриями (с их круглыми сечениями диаметром около 0,2 мм), в больших количествах присутствуют мшанковые детрит. Основная масса (около 70%) представлена микрозернистым агрегатом халцедона, интенсивно пропитанного оксидами железа. На фоне этой массы красновато-коричневого (в проходящем свете) цвета контрастно выделяются «чистые» халцедоновые зооморфозы (около 10% площади шлифа). Халцедон в них имеет лучистое погасание. Другие зооморфозы (около 20%) имеют алогичное халцедоновое выполнение, но в них кремнезём интенсивно пропитан оксидами железа. В мшанковых зооморфозах халцедон практически всегда содержит оксиды железа, которые, проникая по ослабленным зонам, подчеркивают тончайшие детали структуры органических тканей. Оксиды железа ярко-красного цвета инкрустируют периферийные зоны фаунистических остатков, выполняя пустоты в раковинках и в микротрещинках и избирательно замещают отдельные элементы скелетных остатков. В качестве небольшой примеси присутствует реликтовый кальцит.

Характер структурно-вещественных неоднородностей позволяет предположить, что этот кремне обладает довольно существенной физико-механической анизотропией и не очень высокой пластичностью при расщеплении. Изготовленные из этого сырья изделия вряд ли обладали очень

острой режущей кромкой и скорее всего характеризовались сравнительно быстрой «изнашиваемостью», требующей «подновления».

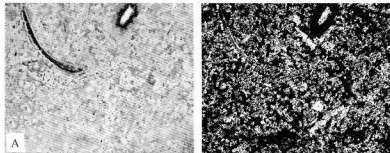
Кремне, представленный шлифом Г-22, характеризуется равномерно микрозернистой структурой основной массы, представленной халцедоном со значительной примесью оксидов железа. Последние в виде автономных пятен от 0,01 до 0,05 мм равномерно рассеяны в породе. Встречаются единичные агрегаты оксидов до 0,2 мм. Этот кремне резко отличается от всех остальных наличием хотя и небольшой (около 1%) примеси кластогенных зерен кварца алевритовой размерности (около 0,05 мм). Эта примесь кварца скорее всего не влияет на технологические свойства сырья, но свидетельствует о том, что кремненосные коренные породы отличались повышенной песчаностью. Этот кремне обладает лучшими в сравнении с предыдущей разновидностью технологическими качествами, поскольку характеризуется меньшей физико-механической анизотропностью и следовательно более высокой пластичностью.

Источником очень разнородного сырья пятой группы, скорее всего, служили аллювиальные отложения, в которых концентрировался длительно подвергавшийся гипергенной обработке в окислительных условиях материал из разных источников сноса. Для повышения достоверности этого вывода следует дополнительно изучить два – три других образца из этой же выборки.

VI группа представлена опал-кварц-халцедоновым кремнем с детритовой реликтовой структурой (вкл., рис. 6). На фоне реагирующего на поляризованный свет микрозернистого опал-халцедонового матрикса контрастно выделяются замещенные халцедон-кварцевым агрегатом фаунистические остатки с зональным строением: их центральная зона выполнена мелкозернистым (около 0,05 мм в поперечнике) кварцем, который к периферии сменяется халцедоном и затем переходит в опал-халцедоновую массу. Без анализатора видны темные пятна с повышенной микрорельефностью. Эти пятна чаще окружают фаунистические остатки. Реликтовые очень мелкие зерна кальцита чаще приурочены к центральному зонам раковин. Изредка встречаются мелкие (менее 0,01 мм по длине оси) игольчатые руды.

Преимущественно трехкомпонентный минеральный состав (халцедон, опал, кварц) обуславливает физико-механическую неоднородность сырья, его пониженную пластичность при расщеплении.

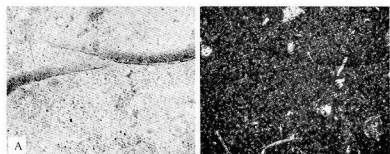
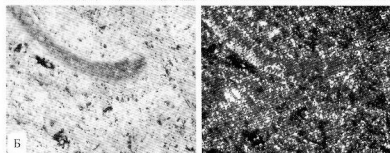
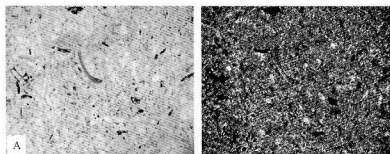
VII группа представлена халцедон-кварцевым кремнем с равномерно-зернистой структурой (размер зерен 0,01–0,02 мм), пятнистой текстурой, с редкими равномерно распределенными изометричными сферолитоподобными агрегатами каль-

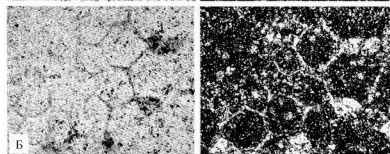
Шл. Г-21

Шл. Г-17

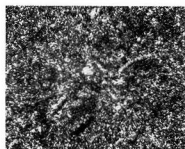
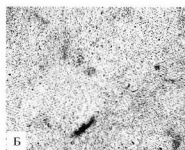
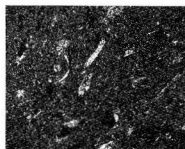
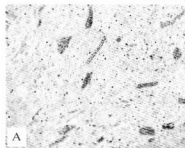

Шл. Г-12

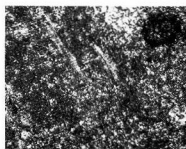
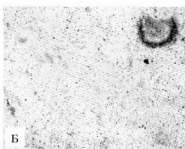
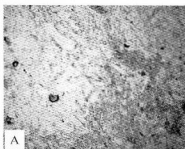
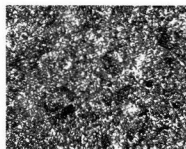
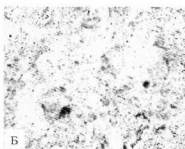
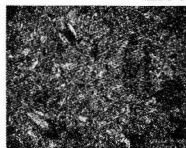
Рис. 1. Петрографические шлифы первой сырьевой группы:
А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

Fig. 1. Petrographic thin sections of the first raw-material group:
А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

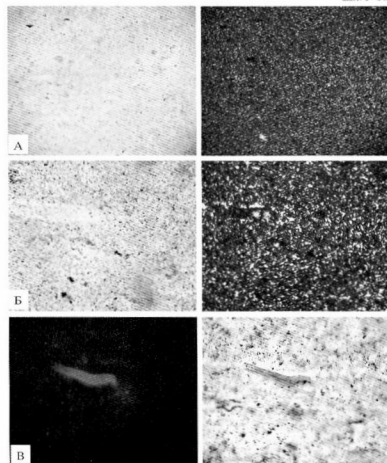
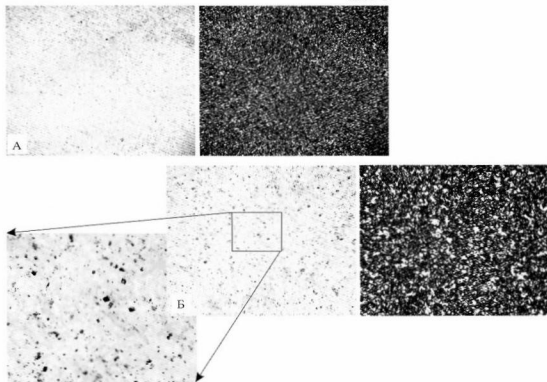
Рис. 2. Петрографические шлифы второй сырьевой группы: А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Вверху без анализатора, внизу с анализатором

Fig. 2. Petrographic thin sections of the second raw-material group: А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Above – without the analyzer, below – with the analyzer

Рис. 3. Петрографические шлифы третьей сырьевой группы: А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

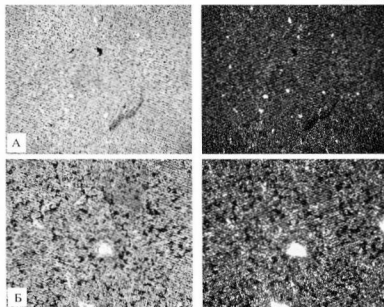
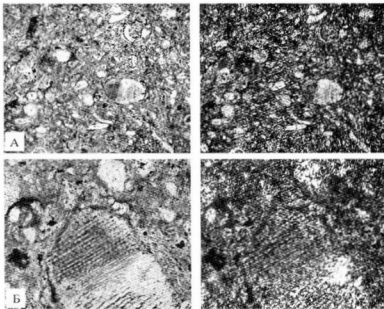
Fig. 3. Petrographic thin sections of the third raw-material group: А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

Рис. 4. Петрографические шлифы четвертой сырьевой группы:
 А – длинная сторона поля 4,8 мм;
 Б – 1,2 мм; В – в ультрафиолетовом отраженном свете. Слева без анализатора, справа с анализатором

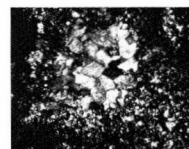
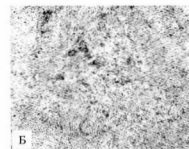
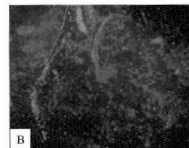
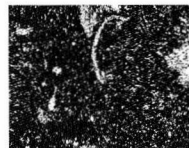
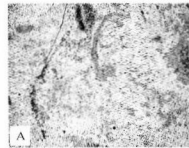
Fig. 4. Petrographic thin sections of the fourth raw-material group:
 А – longer side of the field 4,8 mm;
 Б – 1,2 mm; В – thin section in reflected ultraviolet light. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

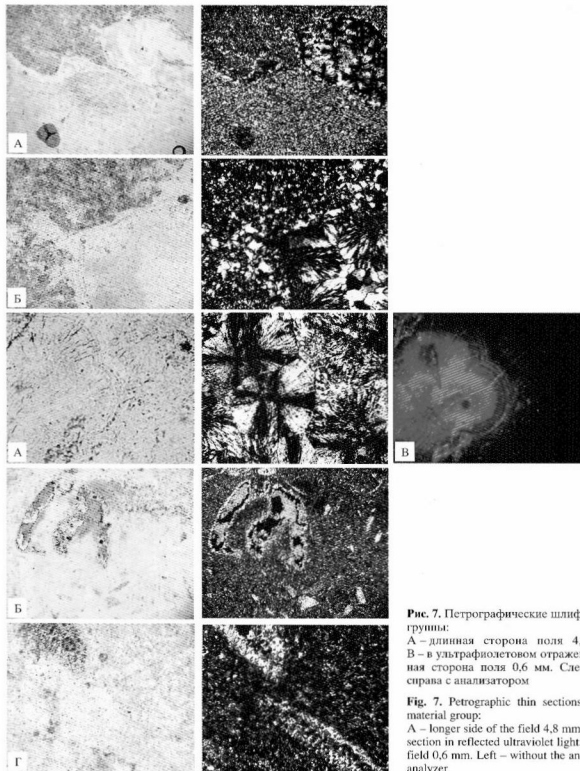
Рис. 5. Петрографические шлифы пятой сырьевой группы:
А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

Fig. 5. Petrographic thin sections of the fifth raw-material group:
А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

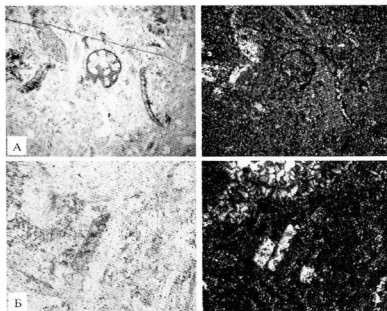
Рис. 6. Петрографические шлифы шестой сырьевой группы:
А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм; В – в ультрафиолетовом отраженном свете. Вверху без анализатора, внизу с анализатором

Fig. 6. Petrographic thin sections of the sixth raw-material group:
А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm; В – thin section in reflected ultraviolet light. Above – without the analyzer, below – with the analyzer

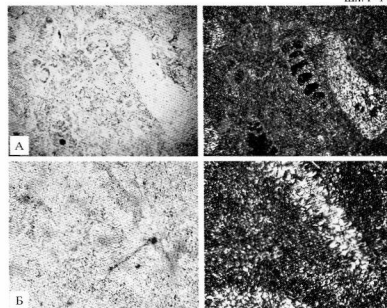

Рис. 7. Петрографические шлифы седьмой сырьевой группы:
 А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм;
 В – в ультрафиолетовом отраженном свете; Г – длинная сторона поля 0,6 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

Fig. 7. Petrographic thin sections of the seventh raw-material group:
 А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm; В – thin section in reflected ultraviolet light; Г – longer side of the field 0,6 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

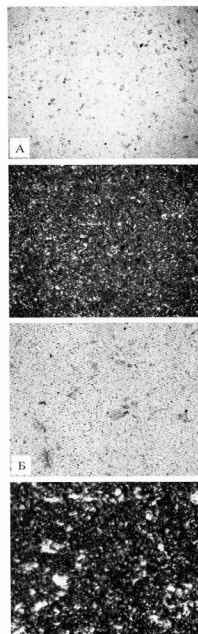

Шл. Г-14

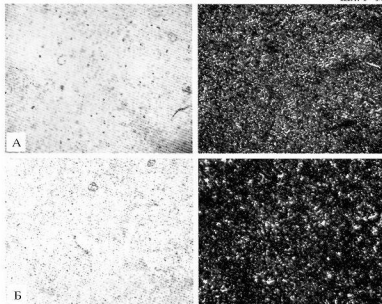
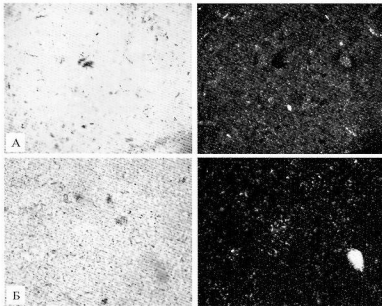
Рис. 8. Петрографические шлифы восьмой сырьевой группы:
 А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора,
 справа с анализатором

Fig. 8. Petrographic thin sections of the eighth raw-material group:
 А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Left – without the analyzer,
 right – with the analyzer

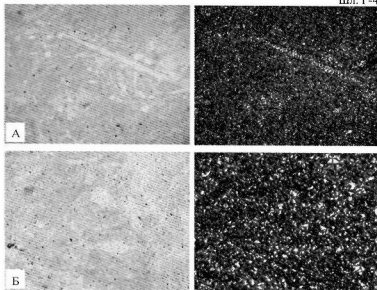
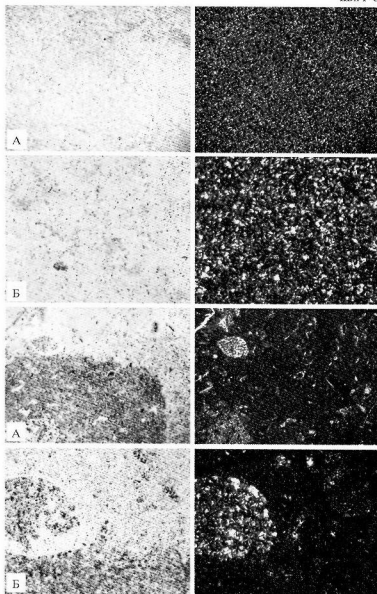
Рис. 9. Петрографические шлифы
 девятой сырьевой группы:
 А – длинная сторона поля 4,8 мм;
 Б – 1,2 мм. Вверху без анализатора,
 внизу с анализатором

Fig. 9. Petrographic thin sections of the
 ninth raw-material group:
 А – longer side of the field 4,8 mm;
 Б – 1,2 mm. Above – without the
 analyzer, below – with the analyzer

Рис. 10. Петрографические шлифы десятой сырьевой группы:
 А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

Fig. 10. Petrographic thin sections of the tenth raw-material group:
 А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1.2 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

Рис. 11. Петрографические шлифы одиннадцатой сырьевой группы:

А – длинная сторона поля 4,8 мм; Б – 1,2 мм. Слева без анализатора, справа с анализатором

Fig. 11. Petrographic thin sections of the eleventh raw-material group:

А – longer side of the field 4,8 mm; Б – 1,2 mm. Left – without the analyzer, right – with the analyzer

цита 0,02–0,05 мм в поперечнике (вкл., рис. 7). Пятнистая текстура обусловлена наличием участков, резко отличающихся микропористостью. Иногда на границе таких участков развита тонкая полоска халцедона, имеющего сферолитовое сложение. Наблюдаются единичные тела эллипсоидальной формы (1 × 3 мм), выполненные аналогичными сферолитовыми агрегатами халцедона, которые в УФ отраженном свете обнаруживают контрастически зональное строение.

В другом шлифе (Г-13) кремнь с аналогичной структурой основной массы содержит участки с реликтовой детритовой структурой. В этом образце лучше видны дефекты сырья, негативно сказывающиеся на его технологическом качестве. Кремнь изобилует сравнительно крупными (до 1,5 мм) кавернами, стенки которых инкрустированы мелкозернистым кварцем, а полости частично заполнены микрозернистым кальцитом.

В целом данная сырьевая группа характеризуется низким качеством. Сырье обладает невысокой пластичностью, имеет шероховатую и даже мелкокавернозную поверхность излома. Процент выхода блоков, пригодных для изготовления инвентаря невелик и его производство сопровождается большим количеством отходов. Такое сырье энергетически не выгодно доставлять на большие расстояния и его месторождения, скорее всего, находятся в непосредственной близости к мастерским.

VIII группа представлена двумя образцами со сходными петрографическими характеристиками (вкл., рис. 8). Кремни опал-кварц-халцедоновые с детритовой текстурой и неравномерно зернистой структурой. На фоне микрозернистой халцедоновой (с примесью опала) основной массы выделяется зоогенный детрит (до 2 мм), замещенный кварцем и халцедоном. Окремнение округлых раковин зональное: по периферии развит халцедон с радиально-лучистым погасанием, реже волокнистый халцедон, а центральная часть выполнена зернистым кварцем с размером зерен около 0,1 мм, а в относительно крупных раковинках – 0,8 мм. Желтая окраска обусловлена тонкой неравномерно рассеянной сырью гидрооксидов железа. Более интенсивная пропитка гидроксидами железа зон повышенной микротрещиноватости приводит к появлению пятен более яркой буровато-желтой окраски.

Неравномерно-зернистая структура со значительным количеством кварцевых зооморфов и наличием мелких каверн в фаунистических остатках обуславливают невысокую пластичность и шероховатую поверхность излома при расщеплении сырья этой группы.

IX группа представлена двумя образцами кремней, сходных по минеральному составу и структуре (вкл., рис. 9). Состав – кварц-халцедоновый, структура – неравномерно-зернистая. Около 80%

объема породы составляет микрозернистый (0,01–0,02 мм) халцедон и менее 20% приходится на долю крупнозернистого (0,05–0,1 мм) халцедона с редкими зернами кварца. Агрегаты крупнозернистого халцедона в виде мелких (около 0,1–0,2 мм) изометричных и редких более крупных (до 0,4 мм) удлиненных пятен распределены на площади шлифа равномерно. Однородный минеральный состав свидетельствует о низкой механической анизотропии этого вида сырья и довольно высокой пластичности при расщеплении.

X группа представлена двумя образцами кремней, по структуре и составу мало отличающихся друг от друга (вкл., рис. 10). Это преимущественно халцедоновые разновидности с детритовой текстурой и микрозернистой структурой основной массы. По размеру зерен основная масса (0,01–0,02 мм) и зооморфы (0,02–0,04 мм) мало отличаются. Равномерное распределение зерен разного размера, но обладающих очень близкой твердостью обуславливает очень низкую физико-механическую анизотропию этого вида сырья и довольно высокую его пластичность при расщеплении. Индивидуальные отличия сводятся к тому, что в шлифе Г-19 присутствуют редкие фосфатизированные остатки ихтиофауны (до 0,05 мм), редкие агрегаты (до 0,1 мм) халцедона с лучистым погасанием и очень редкие зерна (до 0,08 мм) кластогенного кварца, которых нет в шлифе Г-10.

XI группа представлена тремя образцами кремней, несущих следы гипергенных преобразований различной интенсивности от слабой до очень высокой, свидетельствующей о длительном пребывании в водной среде (река, ручей) (вкл., рис. 11). По качеству кремни этой группы разнородны, хотя в целом оно довольно высокое. Самыми высокими технологическими свойствами обладает кремнь, представленный шлифом Г-5, имеющий халцедоновый состав и равномерно-зернистую структуру. Малый размер зерен (0,02–0,03 мм) обеспечивает высокую пластичность сырья и гладкую поверхность излома. Этот кремнь несет следы слабые гипергенных преобразований. Наиболее интенсивное воздействие окислительных обстановок заметно в кремне, представленном шлифом Г-9. Эта разновидность отличается пятнистой прокарской гидроксидами железа, проникающими в него по капиллярно-пористой системе, а также детритовой структурой, обуславливающей явление структурно-вещественных неоднородностей, снижающих его производственную ценность.

3. Геохимическая характеристика сырья. Результаты приближенно-количественного спектрально-го анализа 23 проб на 45 элементов показали, что во всех кремнях концентрация 19 элементов (калия, стронция, гафния, церия, иттрия, урана, тория, лития, вольфрама, олова, теллура, сурьмы, мышьяка,

Таблица 1. Геохимическая характеристика кремневого сырья (выборка из 23 проб)

Table 1. Geochemical characteristics of raw-material flint (23 samples)

Компонент	Среднее	Минимум	Максимум	Стандартная ошибка	Мода	Стандартное отклонение	Дисперсия выборки
Al ₂ O ₃	1132,609	200	5000	259,27	500	1243,4	1546047
MgO	192,6087	100	1500	60,854	120	291,847	85174,7
CaO	400	150	1000	41,703	400	200	40000
Fe ₂ O ₃	4417,391	500	50000	2319,2	1000	11122,6	123711502
Na ₂ O	250,4348	100	1000	38,9	200	186,559	34804,35
P ₂ O ₅	1791,304	200	2000	87,998	2000	422,022	178102,8
Ba	110,8696	50	500	18,425	100	88,3646	7808,3
TiO ₂	141,3043	50	300	17,255	50	82,754	6848,221
MnO	28	10	200	8,1495	15	39,0838	1527,546
V	10,13043	2	25	1,1564	6	5,54571	30,75941
Ni	4,826087	1	10	0,575	3	2,75767	7,604743
Zr	17,47826	5	100	4,9972	5	23,9656	574,3518
Nb	10,26087	8	12	0,2286	10	1,09617	1,201581
La	8,695652	5	10	0,4681	10	2,24489	5,039526
Yb	0,591304	0,2	1	0,0478	0,5	0,22945	0,052648
Mo	1,413043	0,6	5	0,1805	1,2	0,86566	0,749368
Cu	9,73913	2	50	1,9923	10	9,55471	91,29249
Ag	0,144783	0,06	0,25	0,011	0,15	0,0529	0,002799

Германия, индия, кадмия, висмута, цинка) очень низкие и не достигают порога чувствительности метода. Близки к нижним пределам чувствительности концентрации хрома, кобальта, скандия, бериллия, свинца, галлия. Тем не менее концентрации хрома устойчиво фиксируются в кремнях I, III, IV, VII групп, кобальт улавливается в кремнях I, IX, X групп, скандий – в I, II, VII, IX, X группах, бериллий – в V, VII, XI группах, свинец – только в одной пробе IX группы, галлий – во II группе (табл. 1). Результаты геохимического анализа на современном уровне исследования не противоречат предложенной классификации сырьевых групп кремния, выделенных визуально.

Население финального палеолита было ориентировано на местное сырье. В последующие периоды оно также использовалось, но роль кремня более высокого качества из месторождений, расположенных ниже по Волге, значительно возросла. Привозной характер этого кремня подтверждается также и его более экономным использованием древним человеком. В коллекциях отходы расщепления высококачественного кремня представлены единичными предметами. В неолите значение местного серого кремня вновь возрастает за счет использования крупных рубящих орудий, для изготовления которых требовались крупные блоки сырья, трудные для транспортировки.

Моносырьевая база стоянок финального палеолита может быть следствием их кратковременного существования. Напротив, в более благоприятных условиях раннего неолита увеличивается площадь

и длительность существования поселений и интенсивность использования удаленных источников более качественного сырья.

Галибин, Тимофеев 1993 – Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // АВ. СПб., 1993. № 2. С. 13–19.

Геологическая карта СССР 1962 – Геологическая карта СССР масштаба 1:200000 и объяснительная записка. Серия Московская. Лист 0-36-XXXIV. М., 1962.

Геологическая карта СССР 1964 – Геологическая карта СССР масштаба 1:200000 и объяснительная записка. Серия Московская. Лист 0-36-XXXIII. М., 1964.

Геологическая карта СССР 1970 – Геологическая карта СССР масштаба 1:200000 и объяснительная записка. Серия Московская. Лист 0-36-XXXVI. М., 1970.

Геологическая карта СССР 1977 – Геологическая карта СССР масштаба 1:200000 и объяснительная записка. Серия Московская. Лист 0-36-XXXII. М., 1977.

Геологическая карта СССР 1978 – Геологическая карта СССР масштаба 1:200000 и объяснительная записка. Серия Московская. Лист 0-36-XXX. М., 1978.

Гурина 1958 – Гурина Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3. С. 31–45.

Гурина 1996 – Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996. С. 188–193.

Селиванова 1984 – Селиванова Н.Б. Методика определения источников кремня для археологических памятников // III Seminar on petroarchaeology. Plovdiv, 1984. С. 93–102.

Синицына 1996 – Синицына Г.В. Исследование финально-палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях / Археологические изыскания. СПб., 1996. Вып. 39.

- Синицына 1997 – Синицына Г.В. Лавино I – памятник каменного века // Каменный век верхневолжского региона. СПб., 1997. С. 5–62.
- Синицына 2005 – Синицына Г.В. Сырье на финальнопалеолитических стоянках Валдая // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Материалы Международного семинара. Тезисы докладов. 30 мая – 4 июня 2005 г. Сыктывкар, 2005. С. 115–116.
- Синицына 2000 – Синицына Г.В. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Вос-

- точной Европы. Тезисы докладов. 27 ноября – 2 декабря 2000. СПб., 2000. С. 69–71.
- Синицына, Зарецкая 2002 – Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е. О новой дате валдайской культуры // ТАВ. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 196–208.
- Спиридонова, Алешинская 1996 – Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАВ. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 65–69.

Species of Raw Flint as Chronological Indications for the Stone Age Sites on the Valdai Hills

G.V. Sinitsina, V.G. Kolokol'tsev

Studies of the recent years have resulted in discovery of a number of long-lived sites within the area of the Valdai Hills: Podol III/1, Podol III/2, Baranova Gora. Their artefacts allow us to trace the relations between techniques of chipping flint and the use of different raw materials in particular periods of the Stone Age. Examination of the material of finds has shown what raw flint resources were used traditionally at different historical stages.

The geological data on the outcrops of flint enable us to evaluate its volumes. In terms of tectonics the Valdai region is the north-western edge of the Moscow syncline. The information on the deposits of flint is a result of medium-scale geological surveys supplemented by field investigations of 2005.

The pre-Quaternary surface of the territory under consideration is composed of the Lower and Middle Carboniferous marine and coastal terrigenous deposits and limestones gradually dropping down eastwards and south-eastwards. The summary thickness of the carboniferous rocks amounts to 300 m. The remarkable peculiarity of the carboniferous limestones of the Moscow syncline, particularly of its north-western wing, is the presence of fairly voluminous zones of flint inclusions. In most cases these zones are represented by chains of lenses and concretions oriented in layers and varying in their cross-section from 1 cm to 40–60 cm. The thickness of the flint-containing zones varies from a few decimetres up to 1,0–1,5 m or occasionally even more. For example, in the Tarusa horizon, 8–10 m thick, the proportion of the beds of dark-brown and almost black flint amounts up to 20–30 percent of the section.

The most voluminous accumulations of nodules, concretions and slabs of flint are found in the middle section of the Carboniferous system. The colour of the flint is variable: from light-grey to black, pink, red and brown, with every possible colour transitions. In the report on the geological surveys it is stressed that «dark-grey, almost black and brown flints» have paragenetic ties with the Tarusa horizon; in some cases deposits of «grey and brown» flints are noted in the Protva horizon.

The depth of the penetration of erosion suggests that the stock of raw flint available for use by ancient man within the limits of the Valdai Heights may be estimated at millions tons. These calculations are an additional confirmation of the hypothesis of V.A. Galibin and V.I. Timofeev on the interregional scale of exports of flint from the Upper Volga to the flintless north-western zones.

The raw materials used by man at the boundary between the Pleistocene and Holocene differ visually from those used by the Mesolithic and Neolithic populations.

Artefacts found in stratigraphic conditions at long-lived sites allowed us to reveal the regularities of use of different raw materials in different periods of the Stone Age. In 2005, results of spectral analysis were obtained for groups of raw material distinguished visually.

The results of approximate quantitative determination of 45 elements by spectral analyses of 23 samples have shown a low concentration (below the sensibility threshold of the method) of 20 elements (potassium, strontium, hafnium, thallium, cerium, yttrium, uranium, thorium, lithium, tungsten, tin, tellurium, antimony, arsenic, thallium, germanium, indium, cadmium, bismuth, zinc). Close to the lower limits of sensitivity were the contents of chromium, cobalt, scandium, beryllium, lead, and gallium. Nevertheless, the concentrations of chromium were stably recorded in flints of groups I, III, IV and VII; cobalt was identifiable in flints of groups I, IX and X; scandium in groups I, II, VII, IX and X; beryllium in groups V, VII and XI; lead has been determined only in one probe from group IX, and gallium in group II.

A change of the orientation of a population to some other sources of raw materials is one of the primary indications of a cultural change. Analyses of the raw materials used can suggest what outcrops of flint were available to ancient man in a particular period.

Results of these studies have confirmed the hypothesis proposed earlier that populations of different cultures were oriented to differing sources of raw materials depending, possibly, on the availability of the latter at particular stages of the Stone Age.

Неопубликованные погребения Оленеостровского могильника на Онежском озере

(по данным разведки М.Б. Эмлер 1936 года)

А.Ю. Городилов¹

Со времени раскопок некрополя на южном Оленьем острове Онежского озера прошло почти 70 лет. Однако среди могильников и отдельных погребений каменного века лесной зоны Восточной Европы вряд ли можно назвать иной памятник, давший столь богатый археологический и антропологический материал. Именно на этом памятнике, благодаря хорошей сохранности материала и методике раскопок, применявшейся В.И. Равдоникасом, удалось во всех деталях проследить погребальный обряд населения каменного века лесной зоны (рис. 1).

Однако лет, наверное, другого такого погребального памятника, который столь часто являлся бы предметом дискуссий. Вопросы, касающиеся хронологии памятника, его места в круге культур мезолита и неолита лесной зоны, внутренней структуры могильника до сих пор остаются нерешенными до конца. Выходят статьи, посвященные новым открытиям, связанным с отдельными артефактами или неопубликованными данными об Оленеостровском могильнике. В частности статья Т.А. Поповой, в которой она исследует фигуру змеи, происходящую из одного из погребений (Попова 1995).

В данной статье мне хотелось бы обратиться к незаслуженно забытому открытию, сделанному в 1936 году М.Б. Эмлер. Речь идет о ямах корытообразной формы с охристым заполнением, по размерам схожих с большинством захоронений Оленеостровского могильника, но не содержащих не только костных остатков, но и каких-либо предметов инвентаря.

Источником, в котором содержится сведения о данных ямах, является «дневник М.Б. Эмлер разведки на Оленьем острове» (Эмлер А.-1936: л. 12).

Запись от 1.09.1936. «Траншея 'С'. Обнаружены два подовальные в плане пяты охры обычной ориентировки В-З (рис. 2). 1-е пято на расстоянии 1 м 33 см от восточного угла траншеи и на расстоянии 33 см от западного угла ее – начинается на глубине 12 см от дернового слоя и имеет ширину 65–70 см и глубину – 44 см. 2-е пято начинается на расстоянии 3 м 45 см от восточного угла траншеи

и 3 м 33 см от западного угла, то же направление, что и предыдущее; глубина залегания охристого слоя – 54 см в средней своей части (которая совпадает со средней продольной линией траншеи), конец пяты уходит в стенку и начинается, как и первое пято – почти сразу под дерном». Кроме того, в той же траншее была обнаружена яма с охристым заполнением и выкид из нее: «На расстоянии 16 м 70 см от западного угла траншеи, что центром небольшой ямы, врезающейся в траншею, на глубине ямы – 65 см идет слой охры, в 1 м 30 см ширины, который справа от края ямы достигает 50 см».

Запись от 02.09.1936. «Защитка 2-х пятен охры – так же как и два ямы, – окруженной выкидом, – не обнаружено ничего» (Эмлер А.-1936: л. 13).

Данные объекты не вошли в публикацию могильника Н.Н. Гуриной 1956 года (Гурина 1956), хотя они, бесспорно, могут содержать новые данные об особенностях погребального обряда оленеостровцев. Прежде чем переходить непосредственно к исследованию этих корытообразных ям, остановимся на описании могильника в целом.

Всего за время раскопок могильника было вскрыто 2700 кв. м, включая траншеи, и исследовано 177 погребений (Гурина 1956: 25). Распределение захоронений по площади могильника неравномерно. При публикации памятника Н.Н. Гурина выделила два основных скопления погребений: группу I в южной части могильника (раскоп 1936 г.) и группу II в северной его части (раскоп 1937–1938 гг.). Кроме того, Н.Н. Гурина предположила также наличие третьей группы погребений, занимающей центральное относительно предыдущих групп положение. Также в могильнике зафиксировано несколько погребений, располагающихся обособленно и не образующих скоплений. Это погребения № 167, 168, 169 – обнаруженные в 1936 году при прокладке разведочных траншей. Как видно из рисунка 2, данные погребения маркируют северную и западную границы могильника. Однако в действительности, по мнению как автора раскопок В.И. Равдоникаса, так и подавляющего большинства исследователей, большая часть могильника была уничтожена карьером. Во вступительной статье к публикации могильника 1956 г. В.И. Равдоникас писал: «Не подлежит никакому сомнению, что в действительности площадь мо-

¹ Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии палеолита.

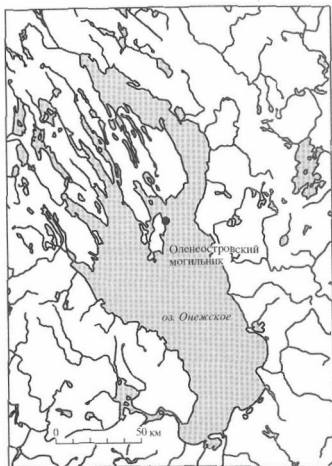

Рис. 1. Карта окрестностей Онежского озера с указанием местоположения Оленостровского могильника

Fig. 1. Map of the surroundings of Lake Onega with indication of the cemetery of Olenostrovsky

гильника была значительно более обширной... Кроме того, нашими раскопками памятник не был исследован до конца» (Гурина 1956: 14). Н.Н. Гурина также свидетельствует, что в течение нескольких лет после проведения раскопок при разработке карьера встречались погребения (Гурина 1956: 28). По мнению Н.Н. Гуриной, общая площадь могильника составляла около 4500 кв. м. В.Ф. Филатова оценивает общую площадь могильника в 7000 кв. м (Филатова 2002: 182).

В связи с вышесказанным важно расположение ям, исследованных М.Б. Эмлер в траншее 'С', находящейся к западу от центральной части могильника, примерно в 50 м от основной части раскопа. Если рассматривать вскрытые ямы как погребения, то можно констатировать, что они маркируют западную границу могильника и значительно увеличивают площадь распространения погребений.

Однако являются ли данные объекты погребениями?

М.Б. Эмлер описывает их как ямы корытообразной формы, схожие с большинством погребений по таким параметрам, как длина и ширина пятна, глубина залегания, форма и мощность охристой подсыпки. Кроме того, схожей с большинством погребений является ориентировка объектов по линии запад–восток.

На первый взгляд, чертой, отличающей данные конструкции от погребений, является полное отсутствие в них инвентаря, сопровождавшего погребенного. Рассмотрим в связи с этим распространение безынвентарных погребений по площади Оленостровского могильника.

В работе 1956 г. Н.Н. Гурина обратила внимание, что безынвентарные погребения располагаются, как правило, группами, нередко обрамляя погребения, снабженные инвентарем (Гурина 1956: 34–36).

Всего, как уже было сказано, в могильнике исследовано 177 погребений, из которых 36, или 20% от общего числа, не содержали инвентаря. Большинство данных погребений располагались на периферии основных скоплений могил. Так, в северной части могильника безынвентарные погребения № 75, 77, 79, 88, 126, 139, 148, 149, 160, 163 находятся на окраине основной группы захоронений. В южной части могильника выделяются две группы компактно расположенных погребений без инвентаря (№ 33, 34, 37, 38, 40, 41, 43 и № 5, 6, 7, 10), обе они расположены на периферии группы погребений с инвентарем. Несколько иначе расположены безынвентарные погребения в центральной части могильника (№ 52, 159, 164, 165) – здесь они находятся на некотором расстоянии от остальных погребений. Из обособленно расположенных погребений (№ 160, 167, 168) инвентарь, и то достаточно скудный, встречен лишь в одном погребении № 168.

Таким образом, характерной чертой планировки безынвентарных погребений является расположение их на периферии основной массы захоронений. Если учесть, что исследованные М.Б. Эмлер объекты расположены на западной границе могильника, то отсутствие в них инвентаря является характерной чертой для погребального обряда оленостровцев.

Итак, общими для объектов, исследованных М.Б. Эмлер, и большинства индивидуальных захоронений Оленостровского могильника являются достаточно большое количество признаков. Во-первых, это параметры ритуального сооружения:

- длина (160–180 см) и ширина (55–65 см) ямы;
- глубина верхнего края ямы – сразу под дерном (12–15 см);
- глубина дна ямы – 40–50 см.

² В публикацию Н.Н. Гуриной эта траншея вошла под номером XII.

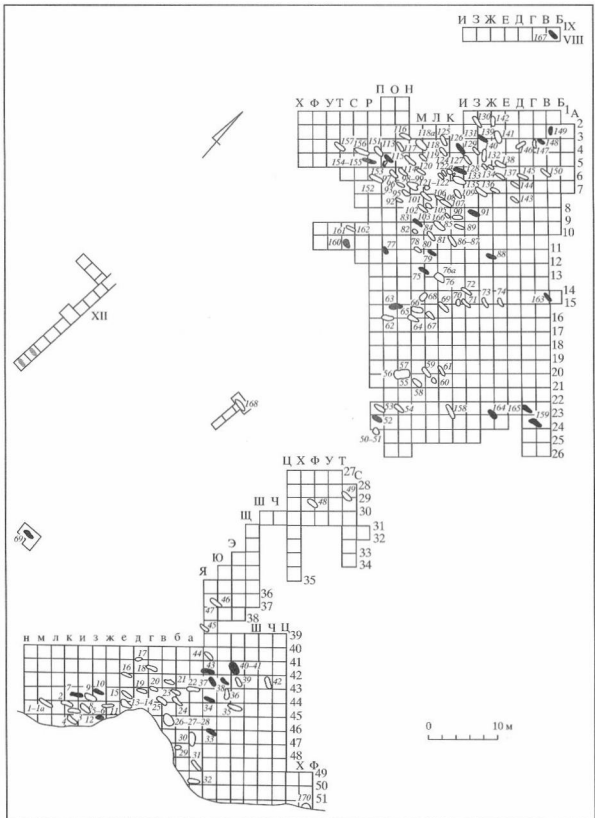

Рис. 2. Распределение безинвентарных погребений Оленеостровского могильника (белым цветом обозначены погребения, снабженные инвентарем, черным – безинвентарные погребения, серым – погребения, не содержащие инвентаря и костных остатков погребенного)

Fig. 2. Distribution of burials without grave offerings at the cemetery of Olenostrovskiy (burials with funerary offerings are marked white, those without grave goods – black, with grey are marked burials containing neither grave goods nor skeleton of the interred)

Кроме того, исследованные М.Б. Эмлер объекты объединяет с захоронениями также некоторые характеристики погребального обряда:

– наличие охристой подсыпки по всей площади ямы;

– ориентировка по линии запад–восток;

– отсутствие инвентаря (для периферийных погребений могильника).

Общность вышеперечисленных признаков позволяет рассматривать описываемые объекты как погребения, в которых не зафиксировано останков погребенного.

Возможны две причины отсутствия в погребении останков умершего.

1. Исследованные М.Б. Эмлер сооружения являются погребениями, в которых в силу особенностей грунта костные останки не сохранились.

2. Описываемые объекты являются кенотафами – сооружениями, в которых обряд совершался без тела умершего.

В пользу первого предположения свидетельствует тот факт, что на близлежащих к могильнику территориях известны погребальные памятники каменного века, в которых не зафиксировано останков умерших в силу особенностей грунта. В частности, могильник Кладовец на восточном берегу Онежского озера. В могильнике исследовано 10 погребальных ям, ни в одной из которых не сохранились кости погребенного (Лобанова 1996а: 81–104, Лобанова 1996б: 198–210). Могильники Сямозерский II и Черная Губа, выделенные Г.А. Панкрушевым (Панкрушев 1978), вряд ли могут быть приведены в качестве примера, поскольку в последнее время погребальный характер данных памятников подвергается сомнениям. Например, в статье 2002 г. В.Ф. Филатова рассматривает данные памятники «как части поселений Черная губа VI и Сулгу IV, а вскрытые ‘могильные ямы’ ... как мощные конструкции» (Филатова 2002: 177).

Однако против данного предположения говорит тот факт, что на территории Оленеостровского могильника, несмотря на достаточно большое число вскрытых захоронений, нет погребений (кроме исследуемых объектов), в которых не зафиксированы останки погребенных.

Также вероятным является предположение, что М.Б. Эмлер были вскрыты погребения, в которых обряд совершался без тела умершего. Аналогии подобным сооружениям в могильниках каменного века можно встретить на территории южной Швеции в могильнике Скатехолм II. В данном могильнике среди 22 погребений, содержащих останки

умерших, была вскрыта одна могильная яма, по таким параметрам как ориентировка, подсыпка охрой, размеры и глубина могильного пятна, схожая с большинством захоронений, но не содержащая остатков погребенного. В заполнении данной ямы были встречены костные остатки – обломки рогов северного оленя. Данное обстоятельство позволило автору раскопок Л. Ларссону предположить, что в погребении изначально отсутствовали останки погребенного, и, следовательно, рассматривать данную конструкцию как кенотаф (Larsson 1989; 1990).

На мой взгляд, однозначно решить вопрос в пользу той или иной причины отсутствия останков погребенного в могильной яме нельзя из-за недостаточного количества данных. В решении данного вопроса могут помочь дальнейшие исследования могильника и применение естественнонаучных методов исследования, в частности фосфатного анализа грунта, благодаря которому можно говорить о наличии в почве следов животной органики даже после ее полного разрушения.

Гурниа 1956 – Гурниа Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. М.: Л., 1956. № 47.

Лобанова 1996а – Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск. 1996. С. 81–104.

Лобанова 1996б – Лобанова Н.В. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (некоторые итоги изучения) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 198–210.

Панкрушев 1978 – Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978.

Попова 1995 – Попова Т.А. Загадки древнего Заонежья (новые артефакты Оленеостровского могильника) // Древности Северо-запада России. СПб., 1995.

Филатова 2002 – Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. № 7. С. 177–211.

Larsson 1989 – Larsson Lars. The late Mesolithic settlements and cemeteries at Skatchholm, southern Sweden // Bonsall S. (ed). The Mesolithic in Europe. Papers presented at the third international symposium Edinburgh 1985. Edinburgh, 1989. P. 367–378.

Larsson 1990 – Larsson Lars. The Mesolithic in southern Scandinavia // Journal of World Prehistory. 1990. № 3. P. 257–300.

Архивные материалы

Эмлер А-1936 – Эмлер М.Б. Дневник раскопок М.Б. Эмлер на Оленьем Острове (Онежское озеро) // НАИ ИИМК РАН. РА. Ф. 2, оп. 1, д. 387.

**Unpublished Burials of the Cemetery
of Oleneostrovsky on Lake Onega**
(after M.B. Emler's Reconnaissance Expedition of 1936)

A.Yu. Gorodilov

In 1936 M.B. Emler conducted the excavations of the burial ground on the southern Olenij island of lake Onega. Two trough-shaped pits were discovered by a reconnoitring trench that were analogous by their length, width, depth, form, orientation and quantity of ochre in the filling to those actually containing human remains. Almost 70 years have passed, but they still remain undivulged.

The purpose of this article is to publish these materials, to determine the exact position of these pits and to consider the nature of the concerned objects

and their place in the culture of the Oleneostrovski burial.

It is possible to make the following conclusions:

1. These are the ritual objects that functioned as a part of an indivisible ceremonial space of the Oleneostrovski burial. This shows that its the area was wider than deemed before.

2. These constructions are most likely to be cenotaphs. It is possible to draw an analogy to such constructions in the Scateholm II graveyard in Southern Sweden.

Каменные стелы из Хаккари (Турция) и некоторые параллели к ним

П.М. Леус¹

В июле 1998 года в центре города Хаккари на юго-востоке Турции были случайно обнаружены несколько каменных стел с антропоморфными изображениями. Проведенные на этом месте раскопки позволили обнаружить в общей сложности 13 стел, стоявших перед скальной стеной рядом или друг за другом на сложенной из крупных камней платформе. На самой скале расположена османская крепость, руинами которой и было перекрыто место находки. Условия обнаружения позволяют говорить о том, что стелы находились на месте их первоначальной установки (Sevin, Özfırat 2001: 11–12).

Раскопки и последующая транспортировка стел в медресе османского времени Мейдан в центре Хаккари были проведены специалистами Ванского музея и исследовательского центра истории и археологии Ванского региона Стамбульского университета. Краткие результаты работ были вскоре опубликованы на турецком языке (Sevin, Özfırat 1998: 6–9; Sevin 1999: 70–86). Два года спустя вышла первая статья на английском языке (Sevin 2000: 46–51). В 2001 году в научных изданиях появились первые аналитические исследования на турецком (Sevin 2001: 79–88) и немецком языках (Sevin, Özfırat 2001: 11–26). В работах представлены фотографии стел без масштаба и единственная прорисовка одной из них (Sevin 2001: res. 9), дан предварительный анализ находок и приведены некоторые, не всегда обоснованные, аналогии, например такие, как средневековые каменные изваяния Семиречья (Sevin 2001: res. 10: 4–7). К сожалению, отсутствие полной публикации комплекса (всех 13 стел), каталога и прорисовок затрудняет работу других исследователей.

Параллель между находками из Хаккари и некоторыми азербайджанскими стелами была проведена в работе А. Шахнера (Schachner 2001: 115–142), посвященной стеле из Асханакерана (Азербайджан). Здесь же были помещены прорисовки трех стел из Хаккари, выполненные им по уже опубликованным фотографиям.

Среди российских исследователей на стелы из Хаккари обратил внимание В.С. Ольховский (Ольховский 2005: 126–127), который отнес эти находки к переходной форме от антропоморфной плиты к статуарному рельефу. При этом автор упомина-

ет только о восьми стелах (Ольховский 2005: 126), хотя во всех известных нам публикациях, в том числе и тех, на которые ссылается он сам, речь идет именно о 13 стелах (Sevin 2000: 47; Sevin 2001: 79; Sevin, Özfırat 2001: 12).

Рассмотрим обнаруженные в Хаккари стелы подробнее (рис. 1: 1–10; 2: 1, 4). Они представляют собой плиты, обработанные с одной стороны, высотой от 0,70 до 3,10 м и толщиной 15–20 см. Человеческие фигуры на 11 стелах представлены в технике рельефа, а на двух, в том числе самой высокой, – контррельефа и гравировки.

На каждой стеле изображена верхняя часть антропоморфной фигуры (ни у одного изображения не показаны ноги). Форма лица – в основном округлая, но в нескольких случаях удлинено-узкая; нос и брови подчеркнuto выражены единым рельефом. У нескольких рельефных изображений в глазницах сохранилась инкрустация из белого камня с отверстием в центре (Sevin 2000: 47, 49–50). На большинстве фигур представлен головной убор, или, возможно, шлем.

Акцентированная часть тела – согнутые в локтях руки, тщательно проработанные, в нескольких случаях показана мускулатура. В правой руке, расположенной на уровне груди, изображен небольшой стилизованный сосуд; в некоторых случаях он отсутствует, но между большим и указательным пальцами имеется небольшое углубление (рис. 1: 8, 10). Левая рука расположена ниже правой. Иногда в области левой руки помещен предмет с округлым верхом, расширенной нижней частью и некоторым сужением в центре (рис. 1: 1–3, 5, 6; 2: 1, 3, 4), который трактуется авторами находки как шатер, напоминающий по форме юрты центральноазиатских кочевников (Sevin 2000: 48; Sevin, Özfırat 2001: 17). На наш взгляд, представляется более верным интерпретировать его как щит. Возможно, что именно такие щиты изображены на бронзовом поясе из Степанована в Армении, датирующемся XX в. до н.э. (Есаия 1966: 91–92, табл. XV: 7) или IX–VIII вв. до н.э. (Погрехова, Раевский 1997: 87, табл. XXV). Определенное сходство, хотя и без суженности в центральной части, со щитами на стелах из Хаккари имеет и один из типов позднеассирийских щитов IX–VIII вв. до н.э., представляющий собой вертикально срезанный цилиндр с закругленным верхом (Madhloom 1970: pl. XXVII–XXVIII).

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

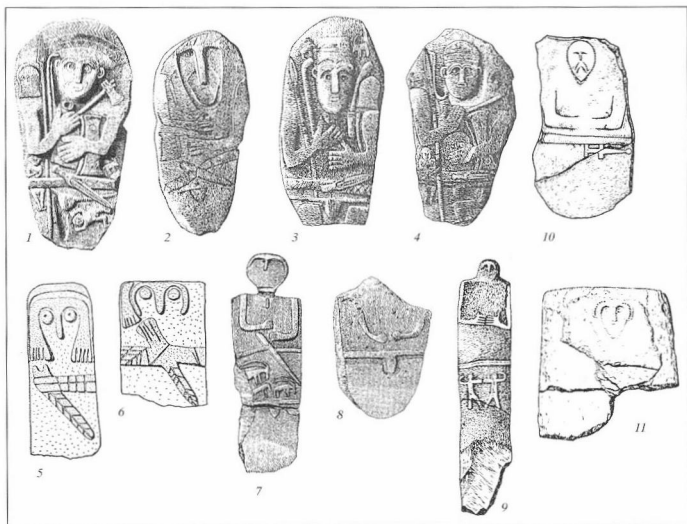
Рис. 1. Стелы из Хаккари (Турция) (1, 3–6, 9 – по: Sevin 2001; 2, 7 – по: Sevin, Özfirat 2001; 10 – по: Sevin 2000)

Fig. 1. Stelae from Hakkari (Turkey) (1, 3–6, 9 – according to Sevin 2001; 2, 7 – according to Sevin, Özfirat 2001; 10 – according to Sevin 2000)

Пояса орнаментированы линиями, треугольниками и зигзагами. На поясе изображен кинжал с серповидной гардой и кровостоком, у ряда фигур он показан параллельно поясу (рис. 1: 1, 5–7; 2: 3, 4). Аналогии таким кинжалам встречаются в погребениях раннего железного века Закавказья, северо-западного Ирана и особенно Хасанлу IV (Sevin, Özfirat 2001: 15). На 11 стелах изображены мужчины, а изображения на двух – неопределимы. Ниже пояса с кинжалом у них показана набедренная повязка, иногда также орнаментированная. На каждой стеле присутствуют предметы вооружения – кроме кинжалов и щитов, показаны копья, топоры, палицы, луки и стрелы. У всех фигур, выполненных в технике рельефа, под правой рукой показан длинный предмет с загнутым наверху концом (рис. 1: 1–7). Как уже отмечено публикато-

рами стел, эти предметы напоминают жезлы – символы власти, известные по находкам из погребений и по некоторым ассирийским рельефам (Sevin, Özfirat 2001: 17). Подобный жезл изображен в правой руке известной статуи Ашшурнацирапала II из Нимруда, хранящейся в Лондоне (Schäfer, Andrae 1925: Taf. 528).

Кроме того, на большинстве стел изображены маленькие фигурки людей и животных. Мужские фигурки часто как бы заткнуты за пояс (рис. 1: 1–4; 2: 1, 4) или лежат (рис. 1: 2), возможно символизируя, таким образом, побежденных врагов. На одной из плит, изображающей хорошо вооруженного воина с длинным узким лицом (рис. 1: 5), представлены необычные для остальных стел фигурки. Выше пояса по разным сторонам помещены вооруженный палицей всадник и женщина,

Рис. 2. Прорисовки стел из Хаккари и некоторые аналоги к ним. 1–4 – Хаккари, Турция (1 – по: Sevin 2001; 2–4 – по: Schachner 2001); 5, 6 – Мешкин-Шахр, Иран (по: Ingraham, Summers 1979); 7 – Асканкеран, Азербайджан; 8 – Дюбенди, Азербайджан (по: Schachner 2001); 9 – Казановка, Крым (по: Шепинский 1958); 10 – Галайты, Чечня (по: Ольховский, Евдокимов 1994); 11 – Троя I, Турция (по: Korfmann 1999)

Fig. 2. Sketches of the stelae from Hakkari and some of their parallels. 1–4 – Hakkari, Turkey (1 – according to Sevin 2001; 2–4 – according to Schachner 2001); 5, 6 – Meshkin Shahr, Iran (according to Ingraham, Summers 1979); 7 – Askhankeeran, Azerbaijan; 8 – Dubendi, Azerbaijan (according to Schachner 2001); 9 – Kazanovka, Crimea (according to Shchepinskiy 1958); 10 – Galayty, Chechnia (according to Ol'khovskiy & Evdokimov 1994); 11 – Troy I, Turkey (according to Korfmann 1999)

поддерживающая левой рукой сосуд на голове, в то время как ее правая рука лежит на поясе. Под ногами женщины находится еще одна, совсем маленькая, человеческая фигурка. Ниже пояса расположена группа фигурок, показывающая трех, возможно, кошачьих хищников, одного из которых держит за хвост вооруженный палицей человек. В нескольких случаях в области плеч находятся фигурки горных козлов (рис. 1: 1, 3), змея, а также сцена терзания (рис. 1: 6). На одной из стел есть изображение оленя (рис. 1: 2; 4).

Авторы находки связывают появление стел с традициями кочевых или полукочевых культур,

так как до сих пор никаких следов древних поселений в этом районе не известно. В 2 км от места находки была открыта в том же 1998 г. камерная гробница с останками 25 человек и многочисленным инвентарем, датирующаяся концом III – началом I тыс. до н.э. (Sevin, Özfirat 2001: 11, 22). То что иконография стел из Хаккари не имеет следов ассирийского или урартского влияния, позволило авторам находки предположить их связь с находившимся в этом регионе независимым государством Хубушкия (Hubuškia). По письменным источникам (ассирийским хроникам) известно, что его правители носили хурритские имена,

а во время правления Ашшурнацирапада II (883–859 гг. до н. э.) платил ему дань. Государство Хубушкия было окончательно завоевано Ассирией в конце правления Салманасара III (858–824 гг. до н.э.), снарядившего против него три военных похода. Исходя из этого, предварительная датировка стел из Хаккари – конец II и начало I тыс. до н.э. (Sevin, Özfırat 2001: 22–23). Если судить только по предметам вооружения, то, по мнению некоторых исследователей, эти памятники датируются XIV–XII вв. до н.э. (Schachner 2001: 131). К сожалению, в процессе дальнейших раскопок 1999–2000 гг. на месте находки стел не было обнаружено ничего, что могло бы уточнить их возраст. В 10 м к западу от места установки стел и была открыта разрушенная камерная гробница с останками около 50 человек и многочисленным инвентарем, однако она датируется несколькими столетиями ранее. Исходя из этого, найденное погребение нельзя связывать со стоявшими здесь стелами (Sevin, Özfırat 2001: 23).

Семантика изображений также до конца неясна. Их первые исследователи осторожно говорят о возможной связи с культом мертвых или же с воплощением в них образа божества (Sevin, Özfırat 2001: 23). Высказывалось предположение о том, что стелы могли изображать правителей государства Хубушкия времен его независимости от Ассирии (Sevin 2000: 50). Подтверждением этому может быть изображение на стелах жезлов – символов власти.

Здесь хотелось бы отметить, что о традиции некоторых народов Малой Азии, в частности лидийцев, устанавливать некий памятный знак у могилы умершего, говорится еще в Илиаде Гомера: Когда царь Ликин Сарпедон пад от руки Патрокла, то Смерть и Сну поручается:

«...бездыханное тело героя

с чуждой земли перенести в плодородную Ликин землю. Там и братья и други его погребут и воздвигнут в память могилу и столп, с подобающей честью умершим»

(Илиада: XVI, 455).

Таким образом, в эпоху Троянской войны в некоторых регионах Малой Азии, возможно, существовал обычный установкой вертикального памятного знака при погребении. Таким знаком могла быть и выполненная из камня стела или изваяние.

Стелы с изображением людей и антропоморфные каменные изваяния не являются для рассматриваемого региона редкостью. В качестве примера можно указать на стелы равнины Мешкин-Шахр в северо-западном Иране, недалеко от границы с Азербайджаном и, в свою очередь, на две стелы из Азербайджана (из Ахсанакерана у иранской границы и из Дюбенди на полуострове Апшерон).

Четыре группы стел из Арьяк-кале (Arjaq Qal'eh), на равнине Мешкин-Шахр (Meshkin Shahr), были обнаружены в 1979 г. возле поселения доахеменидского времени, датируемого первой половиной I тыс. до н.э. (Ingraham, Summers 1979: 71). О них уже упоминалось российскими исследователями (Погрובה 1984: 188; Ольховский 2005: 127, илл. 109–111). Самы стелы (всего около 130) относятся, вероятно, к более раннему периоду, так как некоторые из них были частично повреждены и вторично использованы на поселениях. Изначально стелы были установлены в ряды, близко одна за другой, но без какой-либо системы в расположении и ориентировке самих рядов. Некоторые из рядов были частично или целиком включены в оборонительные стены поселения. Несколько стел использованы как стенки погребальных сооружений. Наибольшая по размеру стела – 172 см высотой, 52 шириной и 38 толщиной. В среднем же они имеют высоту около 100 см, ширину и толщину около 30 см. Орнаментированные пояса с привешенными к ним книжалами, показанные одним рельефом нос и брови (рис. 2: 5, 6) напоминают стелы из Хаккари. У нескольких изображений из Арьяк-кале в глазах имеются отверстия, возможно служившие для инкрустации зрачков (рис. 2: 5).

На изображении стелы из Ахсанакерана, хранящейся сейчас в музее г. Астара (Schachner 2001: 118), руки согнуты в локтях, нос и брови выполнены в едином рельефе, а также показаны пояс с книжалом, набедренная повязка и фигурки козлов (рис. 2: 7). Согнутые в локтях руки и набедренная повязка изображены также и на стеле из Дюбенди (рис. 2: 8), которая важна еще и тем, что была найдена in situ возле кургана, относящегося по ряду предметов погребального инвентаря к завершающему этапу Майкопской культуры (Schachner 2001: 123).

Некоторые общие черты с памятниками из Хаккари имеют и стелы эпохи бронзы из Северного Причерноморья, как, например, стела из села Казановка в Крыму. Высота ее – 1,45 м. На изображении видны согнутые в локтях руки с тщательно проработанными пальцами, пояс и две человеческие фигурки (рис. 2: 9). Нос и брови также показаны здесь единым рельефом (Щепинский 1958: 143–145).

В качестве еще одной аналогии можно привести знаменитую стелу из Трои I (рис. 2: 11), размером 0,79 × 0,62 м (Blegen 1964: 54–55, pl. 17), где лицо человека напоминает по форме узкие лица хаккарских стел. Нос и брови также выражены единым рельефом. Впрочем, подобный прием широко использовался и в монументальной скульптуре Евразии. Его также можно увидеть на некоторых окузевских стелах Минусинской котловины в

Южной Сибири (Leont'ev, Kapel'ko 2002: Taf. 5: 16; Taf. 7: 23; Taf. 14: 42–43 и др.).

Определенное иконографическое сходство с фигурами из Хаккари имеют некоторые антропоморфные изваяния начала I тыс. до н. э. из Армении, например скульптура из крепости Лори (Armenien 1995: Abb. 85). Из Армении же происходят известные скульптурные изображения голов из туфа, имеющие иногда характерные отверстия в глазах, возможно, для инкрустации (Аракелян 1976: табл. V, XII, XVIII). Орнамент на поясах стел из Хаккари и Мешкин-Шахра близок к орнаментам на фигурках из доурартского слоя Кармир-Бдур (Есаия 1980: табл. 24–25; Armenien 1995: Abb. 94).

Украшенные геометрическим орнаментом пояса и круглые глубоко проработанные глаза видны на некоторых статуях-менгирах Иберийского полуострова (Oliveira Jorge 1999a: Abb. 7; 1999b: Abb. 3: 5, 8, 10–12, Abb. 4), безусловно, более древних, чем стелы из Хаккари. Здесь можно предполагать определенную линию эволюции или генетические связи антропоморфных стел региона Западного Средиземноморья и Малой Азии.

В качестве параллелей стелам из Хаккари, хотя и более поздних, можно привести каменные антропоморфные изваяния эпохи раннего железа. Например, изображения скифского времени из Галаиты (Чечня), которые, в отличие от большинства скифских изваяний, воспроизводят фигуры людей на плоских плитах и только с лицевой стороны (Ольховский, Евдокимов 1994: 35–37, илл. 78–81). Важно, что здесь, также как и на некоторых изображениях из Хаккари, показан подвешенный параллельно поясу кинжал, что в общем нехарактерно для скифских изваяний (рис. 2: 10). Такой же способ крепления кинжала к поясу можно видеть на «кимерийской» стеле из кургана Птичата Могила в Болгарии (Ковалев 2000: 142, рис. 3: 1) и некоторых изваяниях плато Устурт (Ольховский 2005: илл. 143: 1; 144: 2; 151: 1–2 и др.). Следует отметить, что территориально наиболее близкие к Хаккари изваяния скифского облика из Муджесира (Muğesir) в Северо-Восточном Ираке (Boehmer 1998: Taf. 2–6) иконографически приближаются к классическим изваяниям этого времени из Северного Причерноморья.

Изображенные на стелах фигурки животных находят некоторые параллели в петроглифах Гемигая в Азербайджане, например горные козлы, змея и др. (Алиев 1985: рис. 12, 13). Фигурка оленя в целом стилистически близка некоторым гравированным изображениям оленей на бронзовых поясах из Закавказья (Погребова, Раевский 1997: табл. IV–V).

Подводя предварительный итог, можно сказать, что находки из Хаккари, хотя и входят в круг ан-

тропоморфных изваяний и стел этого региона, но имеют ряд отличительных черт, выделяющих их в особую группу. Иконография изображений связана, вероятно, с традициями культур евразийских номадов, а на технику изготовления оказало влияние передисазитское монументальное искусство. Культурная принадлежность и датировка стел требует дальнейшего исследования и уточнения.

Алиев 1985 – Алиев В.Г. Петроглифы Гемигая. Баку, 1985.
Аракелян 1976 – Аракелян Б.Н. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Ереван, 1976.

Есаия 1966 – Есаия С.А. Оружие и военное дело древней Армении (III–II тыс. до н.э.). Ереван, 1966.

Есаия 1980 – Есаия С.А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.

Илиада – Гомер. Илиада, М., 1987.

Ковалев 2000 – Ковалев А.А. О происхождении оленьих камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеогеография Евразии. М., 2000. С. 138–180.

Ольховский, Евдокимов 1994 – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.

Ольховский 2005 – Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

Погребова 1984 – Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова, Раевский 1997 – Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., 1997.

Щеинский 1958 – Щеинский А.А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // СА. 1958. № 2. С. 143–148.

Armenien 1995 – Armenien. 5000 Jahre Kunst und Kultur. Tübingen, 1995.

Blegen 1964 – Blegen C. Troy and the Trojans. London, 1964.

Boehmer 1998 – Boehmer R. Skythische Grabstelen aus Muğesir (Nordost-Irak) // Baghdader Mitteilungen. Mainz, 1998. Bd. 29, S. 81–88.

Ingraham, Summers 1979 – Ingraham M., Summers G. Stelae and settlements in the Meshkin Shahr plain, northeastern Azerbaijan, Iran // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1979. Bd. 12, S. 67–102.

Korfmann 1999 – Korfmann M. Ost-West Beziehungen im Mittelmeerraum am Beispiel einer Idolgruppe // Materialien zur Vor- und Frühgeschichte von Hessen. Bd. 8. Festschrift für Günther Smolla II. Wiesbaden, 1999. S. 381–387.

Leont'ev, Kapel'ko 2002 – Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinelen der Okunev-Kultur. Mainz, 2002.

Madhloom 1970 – Madhloom T.A. The chronology of Neo-Assyrian art. London, 1970.

Oliveira Jorge 1999a – Oliveira Jorge S. Stelen und Menhirstelen der Bronzezeit auf der Iberischen Halbinsel: Diskurse der Macht // Götter und Helden der Bronzezeit. Europa im Zeitalter des Odysseus. Ostfildern, 1999. S. 114–122.

Oliveira Jorge 1999b – Oliveira Jorge S. Cabeco da Mina (Vila Flor, Portugal) – Ein kupferzeitliches Heiligtum mit «Stelen» // Götter und Helden der Bronzezeit. Europa im Zeitalter des Odysseus. Ostfildern, 1999. S. 137–141.

Schachner 2001 – Schachner A. Zur Bildkunst des 2. Jahrtausends v. Chr. zwischen Kaspischem Meer und Van-See

- am Beispiel einer Stele im Museum von Ästara (Azerbaycan) // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin, 2001. Bd. 33. S. 115-142.
- Schäfer, Andrae 1925 – Schäfer H., Andrae W. *Die Kunst des Alten Orients*. Berlin, 1925.
- Sevin 1999 – Sevin V. Hakkari'nin ciplak kralları // *Atlas*. Ankara, 1999. № 79. P. 70-86.
- Sevin 2000 – Sevin V. *Mystery stelae* // *Archaeology*. New York, 2000. № 7/8. P. 46-51.

- Sevin 2001 – Sevin V. Hakkari Stelleri: Zap imajı kiyyisında bozkır göcebeleri // *TÜBA-AR*. Ankara, 2001. Vol. IV. P. 81-88.
- Sevin, Özfırat 1998 – Sevin V., Özfırat A. Anadolu'da yeni bir uygarlık / Hakkari stelleri: Hubuskia prensleri // *Arkeoloji ve Sanat*. İstanbul, 1998. № 87. P. 6-9.
- Sevin, Özfırat 2001 – Sevin V., Özfırat A. Die Stelen aus Hakkari: Steppennomaden in Vorderasien // *Istanbul Mitteilungen*. Tübingen, 2001. Bd. 51. S. 11-26.

Stone Stelae from Hakkari (Turkey) and Their Parallels

P.M. Leus

In the Summer of 1998, thirteen stelae with human half-figures were found by chance in the Turkish city of Hakkari. All of the stelae were standing *in situ* close to each other at the foot of a rock. There was a fortress of the Ottoman period on the top of that rock.

The stelae were stone slabs from 0.70 up to 3.10 m high and 15-20 cm thick. Only the 'face' side of the slabs was worked. On eleven of the stelae, the human figures were rendered in the relief while on the other two, including the tallest one, they were cut deeply into.

Each stela represents a human half-figure, the legs having been shown in none of the images. The faces are mostly rounded but occasionally they are elongated and narrow. The nose and eyebrows are characteristically expressed as a single relief. Stone inserts are preserved in the eye-sockets on some of the relief stelae.

In the right hand at the level of the breast the figures hold a small vessel represented in some cases very schematically as a small hole between the thumb and the forefinger. Stone anthropomorphic sculptures with a vessel in one or both hands are found until the Middle Ages in many nomadic cultures of Eurasian steppes.

Near the left hand or on the shoulder of the figures there is some object with a rounded top and enlarged base. In the middle it is slightly narrowed. This object is believed to be a tent resembling jurts of Central-Asian nomads. In my opinion, however, it is more justifiable to interpret it as a shield. Similar shields are represented on a bronze-plated belt dated to the early 1st millennium BC from Stepanovan in Armenia. The girdles of the figures from Hakkari are designed with lines, triangles and zig-zags. Below the girdle, a waistcloth is shown which in some cases also is ornamented. On the right, a dagger is hanging at the belt. On some of the figures the dagger is suspended parallel to the waist like on certain sculptures of the Scythian period. The animals represented on the stelae have parallels among rock carvings in Azerbaijan.

A small deer figure on one of the stelae is in general close stylistically to some engraved representations on bronze-plated belts from the Transcaucasia.

The publishers of the finds supposed that these stelae were related with the independent state of Hubushkia which, as attested by Assyrian sources, was once situated in this region. Therefore the stelae from Hakkari were dated tentatively to the period between the late 2nd and early 1st millennium BC.

The semantics of the images is not quite certain. They are believed to be connected with the cult of dead or to be manifestations of a deity. It was supposed also that the stelae may have represented the rulers of the state of Hubushkia. This hypothesis is possibly corroborated by the symbols of royalty – staffs shown under the right hand of many of the figures.

Certain analogies to the stelae from Hakkari can be observed on stelae from Arjaq Qal'eh in the plain of Meshkin Shahr in north-western Iran and on some from Azerbaijan and Armenia. Similar iconographic features are shown by stelae of the Bronze Age from the regions of the Mediterranean and Black Sea which are undoubtedly older than those from Hakkari. Possibly we are dealing here with one of the potential evolutionary lines or genetic ties of anthropomorphic stelae from the region of the Mediterranean and Asia Minor.

Summing up the above we may state preliminarily that although the finds from Harakkari certainly belong to the circle of anthropomorphic sculptures and stelae of the given region, they have nevertheless some peculiarities segregating them into a special group. The iconography of the representations is probably tied with traditions of the cultures of Eurasian nomads whereas the technique of their manufacture was influenced by the Western Asian monumental art. Clarification of the cultural belonging and dates of the stelae needs further studies.

Могильник Арбан I

(к проблеме изучения памятников
эпохи поздней бронзы
на юге Минусинской котловины)

Д.Г. Савинов¹, А.В. Поляков²

Введение. Некоторые вопросы историографии.

Проблема происхождения, хронологии и периодизации памятников эпохи поздней бронзы Минусинской котловины давно находится в центре внимания исследователей. Наиболее подробно история их изучения и интерпретации изложены в работах Э.А. Новгородовой (Новгородова 1970: 10–32), Н.Л. Членовой (Членова 1972: 5–12), Э.Б. Вадецкой (Вадецкая 1986: 60–64), П.Г. Павлова³ (Павлов 1999: 4–16). Одним из важнейших аспектов решения этой проблемы является вопрос о культурно-хронологическом соотношении двух основных групп памятников, представленных на территории Минусинской котловины. Одна из них – карасукская (или «классическая»), выделенная как археологическая культура С.А. Теплоуховым (Теплоухов 1929); другая («атипичная») была выделена М.П. Грязновым после раскопок поселения Каменный Лог I (1961–1964 гг.) как поздний – каменоложский – этап карасукской культуры (Грязнов 1965: 66; Грязнов, Максименков, Пяткин 1968: 180–187). Более подробное обоснование выделения каменоложского этапа дано в работе Г.А. Максименкова (Максименков 1975: 52–54). Были определены и абсолютные даты существования двух этапов карасукской культуры: собственно карасукский (или «классический») – XIII–XI вв. до н.э.; каменоложский – X–IX вв. до н.э. (Грязнов 1979: 4).

Однако данная точка зрения, основанная на традиционном представлении об одностороннем характере развития минусинских археологических культур, оказалась далеко не единственной. Те же «атипичные» памятники М.Д. Хлобыстина выделила в качестве самостоятельной («бейской») группы; причем на основе анализа бронзовых ножей и керамики, восходящих, по ее мнению, к прототипам афанасьевско-окуневского времени, считала эту группу более ранней, чем «классическая» карасукская (Хлобыстина 1963). Точке зрения

М.Д. Хлобыстиной близка позиция Э.А. Новгородовой, разделившей памятники карасукской культуры на две группы, из которых первая (северная) образовалась в результате смешения местного андроновского и пришлого центрально-азиатского населения, а вторая (южная) сформировалась на основе афанасьевско-окуневских традиций. По Э.А. Новгородовой, представители обеих групп, различаясь этногенетически, существовали практически одновременно и тесно контактировали друг с другом (Новгородова 1970: 171–176). Несомненной заслугой Э.А. Новгородовой является выделение центрально-азиатского (монгольского) центра производства бронзовых изделий, которые встречаются в погребениях карасукской культуры. Позднее этот аспект решения проблемы был актуализирован в статье С.В. Хаврина, показавшего, что ареал так называемых «карасукских бронз» выходит далеко за пределы карасукской археологической культуры (Хаврин 1994); причем, как сейчас установлено, абсолютное большинство подобных изделий относится к каменоложскому этапу, то есть не ранее рубежа II–I тыс. до н.э.

Иная точка зрения высказана Н.Л. Членовой, по которой рассматриваемые памятники («каменоложские», по М.П. Грязнову; «бейские», по М.Д. Хлобыстиной; вторая группа могильников, по Э.А. Новгородовой) вообще относятся к отдельной археологической культуре, названной ею (по наименованию поселения у с. Лугавского) – лугавской. Лугавская культура (по Н.Л. Членовой) сложилась на основе местных неолитических и афанасьевских традиций и сосуществовала с карасукской (Членова 1972: 117–130). Теоретической посылкой такого взгляда является представление о возможности существования на территории Минусинской котловины одновременно нескольких археологических культур. Таким образом, дело заключается не только (и не столько!) в различных наименованиях, применяемых к одной и той же («атипичной») группе памятников, но и в принципиально разном содержании, стоящем, по мнению каждого автора, за этими дефинициями. В известной мере компромиссную позицию занимает Э.Б. Вадецкая, следующая за М.П. Грязновым в определении двух последова-

¹ Россия. 199050. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

² Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

³ Публикация подготовлена Л.М. Сахаровой.

тельных этапов – карасукского и каменоложского – в развитии карасукской культуры, но допускающая возможность сохранения в последнем более древних афанасьевских и окуневских традиций (Вадецкая 1986: 63–64).

В последние годы, с открытием новых памятников, заметно активизировались сторонники выделения отдельной лугавской культуры эпохи поздней бронзы. В совместной статье Н.Л. Членовой и В.В. Боброва рассмотрены смешанные «лугавско-ирменские» памятники в районе Кузнецкого Алатау (Членова, Бобров 1991); а в книге, посвященной древней металлургии Среднего Енисея, название «лугавская культура» (правда, в подзаголовке) впервые вынесено на обложку издания (Бобров, Кузьмин, Тенейшвили 1997). Следует отметить, что в обеих этих работах значительную часть фактического материала составляют находки из Устинкинского могильника на севере Хакасии, исследованного одним из авторов настоящей статьи в 1976 году (Савинов 1977); впоследствии полностью опубликованного и отнесенного к кругу позднекарасукских (Савинов, Бобров 1983: 49) или каменоложских (Вадецкая 1986: 73) памятников.

Точка зрения о выделении самостоятельной лугавской культуры разделяется и И.П. Лазаретовым; однако истоки ее формирования представляются совершенно иными, чем в интерпретации Н.Л. Членовой (Лазаретов 2001: 104–106; Lazaretov 2000). По И.П. Лазаретову, лугавская культура более поздняя, чем карасукская и, несомненно, «впитала» карасукский компонент; «однако монокультурная гипотеза не объясняет причины и механизма трансформации карасукских комплексов в лугавские» (Lazaretov 2000: 277). Появление и сложение лугавского культурного комплекса, по его мнению, связано с приходом в Минусинскую котловину новых групп населения с юга, с территории Монголии и Тувы, принципиально изменивших облик карасукской культуры. На месте их происхождения этого населения связано с памятниками монгун-тайгинского типа, в устройстве наземных сооружений которых прослеживаются некоторые общие черты с погребениями лугавской культуры (Кузьмин, Лазаретов 1995; Lazaretov 2000). Именно эти группы населения могли явиться носителями так называемых «карасукских бронз», получивших широкое распространение в Южной Сибири. Время бытования лугавской культуры определяется И.П. Лазаретовым «в интервале с XI–X по VIII в. до н.э.», что в целом соответствует датировке каменоложского этапа, по М.П. Грязнову.

Из приведенного краткого обзора видно, что на современном этапе изучения существующие раз-

ногласия между исследователями сводятся к определению «удельного веса» двух основных компонентов в составе памятников эпохи поздней бронзы Минусинской котловины – местного (карасукского) и пришлого (инокультурного). Ответить на этот вопрос поможет в первую очередь анализ полностью исследованных могильников, включающих как собственно карасукские, так и каменоложские (лугавские) погребения. К числу таких памятников (кстати, весьма немногочисленных) относится могильник Арбан I, публикации и интерпретации материалов которого посвящена настоящая статья.

Местоположение и степень изученности памятника. Могильник Арбан I был исследован Первым отрядом Среднеисийской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (ныне – Институт истории материальной культуры РАН) в 1987–1988 гг. (начальная экспедиция и Первого Аскизского отряда – Д.Г. Савинов). В раскопках памятника принимали непосредственное участие в 1987 г. – М.Л. Подольский и С.В. Хаврин; в 1988 г. – И.П. Лазаретов. Могильник расположен на правом берегу р. Тея, в нижнем течении реки на высокой надпойменной террасе, в 3,5 км западнее трассы Абакан–Абаза (Аскизский район Республики Хакасия). Местные жители называют это место «Арбан», что и дало общее название для открытых здесь археологических памятников.

В 800 м от могильника Арбан I, ниже по течению, находится известный могильник Федоров Улус, раскопанный в 1952–1954 гг. А.Н. Липским (Липский 1963). В непосредственной близости расположены и другие памятники эпохи поздней бронзы – Арбан III, IV, опубликованные И.П. Лазаретовым (Lazaretov 2000: 255–258). На другом берегу р. Тея, напротив могильника Арбан I, находится карасукское поселение Торгажак (Савинов 1996). Все это вместе взятое позволяет рассматривать совокупность представленных здесь археологических памятников эпохи поздней бронзы как определенное локальное образование, которое уже получило в литературе наименование «нижнетейской группы памятников» (рис. 1).

Со времени раскопок могильника Арбан I прошло более 15 лет, и за это время уже «накопилось» небольшая библиография, связанная с изучением этого памятника. Часть погребений, расположенных в северной части могильника (всего 18 могил) была опубликована И.П. Лазаретовым, который сначала отнес их к каменоложскому этапу, согласно периодизации М.П. Грязнова (Лазаретов 1995), а затем к лугавской культуре (Lazaretov

2000: 249–255, abb. 2, 3, 10, 11). Материалы этого памятника также неоднократно упоминаются в тезисах докладов, посвященных общим проблемам культурогенеза эпохи поздней бронзы Южной Сибири. Однако основная, собственно карасукская часть погребений могильника Арбан I (всего 54 могилы), остается неопубликованной.

Спектральный анализ бронзовых изделий из тейской группы памятников (Торгажак – Арбан I – Федоров Улус) был проведен С.В. Хавриним (Хаврин 2001). В результате была выявлена близость их химического состава и использование населением этих памятников «сходных источников сырья» (Хаврин 2001: 117–118). Торгажак – наиболее крупное поселение карасукской культуры; Федоров Улус – эталонный памятник каменоложского этапа. Для решения вопроса о культурно-хронологическом соотношении этих двух комплексов близость используемого металла представляется весьма существенной.

Антропологические материалы могильника Арбан I были проанализированы А.В. Громовым, который отметил, что «мужские серии из этих памятников (Арбан I и Федоров Улус – Д.С. и А.П.) значительно более сходны, чем женские. Сказанное, возможно, объясняется тем, что серия из Федорова Улуса относится к каменоложскому этапу, а в мужской серии из Арбана I представительство каменоложцев существенно выше, чем в женской» (Громов 1991: 47). В другой своей работе А.В. Громов, объединив краинологические материалы из могильников Арбан I (всего 18 черепов) и Федоров Улус в одну серию, названную им «арбанской», пришел к выводу о своеобразии населения карасукской культуры на юге Хакасии, по сравнению с населением более северных районов; и об участии в его сложении андроновского компонента, в отличие от ожидаемого окуневского (Громов 1995). К сожалению, антропологические материалы могильника Арбан I рассматривались А.В. Громовым не дифференцировано (карасукская и каменоложская серии совместно), что не дает возможности для каких-либо выводов культурно-генетического порядка по отдельным частям этого могильника.

Общая характеристика памятника. Могильник Арбан I состоит из 72 погребений и четырех «поминальников». Планиграфически, а также по конструктивным особенностям погребальных сооружений и сопроводительному инвентарю он распадается на две самостоятельные группы погребений, которые хорошо различимы на плане и обозначены как группы I и II (рис. 2). Группа I (54 погребения – южная) демонстрирует значительное преобладание признаков «классического» этапа карасукской культуры, в то время как группу II (18 погребений – северная) можно уверенно отнести к

более позднему каменоложскому этапу (по периодизации М.П. Грязнова). Это позволяет рассматривать могильник Арбан I как совокупность двух частей, образующих единое целое, и проводить характеристику всех составляющих его элементов с учетом этого деления.

Особенностью могильника Арбан I является большое количество детских погребений, группирующихся скоплениями как в карасукской (№ 24, 25, 33, 34, 45; 21, 23, 38, 41 и др.), так и в каменоложской (№ 61, 64–66; 53, 62, 63) частях могильника. С одной стороны, это могло отразиться на планиграфических особенностях могильника и представительности комплекса предметов сопроводительного инвентаря; с другой – показывает общность идеологических представлений, характерных для создателей как той, так и другой части могильника.

Погребения карасукской группы (I) составляют три четверти от общего числа могил (54 из 72). Основная их часть расположена на относительно ровной площадке в конусе выноса горного лога, занимая тем самым наиболее удобную для сооружения курганов позицию. По наблюдениям, сделанным в процессе раскопок, эта площадка сформирована осадочными породами, представляющими собой толстую прослойку рыхлого наносного грунта, что позволяло выкапывать относительно глубокие могилы без особых трудозатрат. Каменоложская группа (II) из 18 погребений располагается к северу от карасукской на склоне речной террасы, сложенной из плотного материкового суглинка. Сооружение могил на этом участке требовало значительно больше усилий, что заметно отличает условия строительства в невыгодную сторону. Обе группы обособлены друг от друга и взаимно не перекрываются, что указывает на вполне осознанное их разделение.

Взаимное расположение погребений внутри карасукской группы можно охарактеризовать как ряды и отдельные скопления с четко выраженной планировкой. Подобное построение могильников типично для некоторых карасукских памятников (Сабинка II, Подкунинские Горы, Белый Яр V и т.д.). Можно сказать, что такая система формирования могильника занимает промежуточное положение между характерными для андроновской культуры неупорядоченными скоплениями курганов и четкими рядами сооружений каменоложского этапа. Возможно, подобное изменение схемы расположения курганов было связано с постепенным переходом от оград круглой формы к прямоугольным. Каменоложская часть могильника демонстрирует традиционное для этого периода построение в виде четко выраженного ряда, когда практически все курганы вытянуты в одну линию, сохраняя общую ори-

ентировку. Только несколько могил (№ 57, 58, 60, 67) вынесены за рамки этой единой схемы.

Ограды вокруг погребений могильника зафиксированы в единичных случаях и весьма фрагментарно (№ 5, 15, 16, 28–31), однако нет оснований считать его грунтовыми. По всей видимости, ограды, а с ними и остальные наземные сооружения были разрушены в результате естественных природных процессов (не последнюю роль здесь, вероятно, сыграло местоположение могильника в устье лога). Похожая ситуация наблюдалась при исследовании других памятников эпохи поздней бронзы Минусинской котловины (Сабинка II, Белый Яр V, Белоярск II). По тем немногочисленным признакам, которые все-таки сохранились, можно сказать, что ограды погребений карасукской группы были построены из вертикально вкопанных плит и имели прямоугольную форму. Судя по плотности размещения могил, размеры оград были весьма небольшими, что особенно характерно для южных памятников.

Надмогильные сооружения практически не сохранились. Только в отдельных случаях были зафиксированы остатки провалявшегося в погребение каменного перекрытия могил (№ 1, 4, 21, 33 и др.). Это традиционные для «классических» карасукских могил плиты песчаника среднего и крупного размера, перекрывающие погребение целиком. В нескольких случаях можно отметить наличие по краю каменных ящиков обкладок из горизонтально положенных плит.

Наземные сооружения и ограды погребений каменоложской группы пострадали в еще большей степени. Единственное, что можно отметить, это просевший в могилу № 37 (рис. 10: 1) слой мелких плит песчаника. Подобная конструкция широко известна для каменоложских погребений и представляет собой деревянные перекрытые, поверх которого была сделана вымостка из мелких плит.

Наиболее заметные и принципиальные различия между двумя группами могил наблюдаются в конструкции самих погребений. Если карасукская часть могильника (за исключением двух спорных случаев) представлена каменными ящиками, то каменоложская – исключительно грунтовыми ямами. Подобное четкое деление весьма характерно для погребений двух рассматриваемых хронологических этапов.

Карасукские каменные ящики сооружены из тонких плит песчаника, поставленных на ребро в подготовленную яму, и представлены двумя ведущими формами: прямоугольной и трапецевидной. На сегодняшний день причины подобного разделения неясны. Некоторые авторы видят в прямоугольной форме ящиков традиции андроновской культуры и на этом основании считают их более древними, чем трапецевидные (Паульс 2000: 108).

На могильнике Арбан I ящики составлены из большого числа плит, установленных внахлест, с таким расчетом, чтобы верхний их край (специально выровненный) выступал над уровнем древней поверхности на 5–10 см. Необходимо отметить, что все каменные конструкции могильника составлены очень грубо, использовалось много небольших плит, что может быть объяснено отсутствием в окрестностях качественного строительного материала. Практически во всех случаях плиты устанавливались с небольшим наклоном в сторону стенки ямы; при этом ящик получался с некоторым расширением кверху, что хорошо видно на разрезах.

Размеры ящиков очень разнообразны и напрямую связаны с физическими данными погребенных. Детские могилы заметно меньше взрослых. При этом соблюдаются четкие пропорции соотношения длины и ширины погребения, рассчитанного на захоронение человека в вытянутом положении с сопроводительным инвентарем (в первую очередь, сосудами) и погребальной пицей и всегда точно соответствующего его росту и, вероятно, комплекции. В прямой зависимости от размеров могильной ямы находится и ее глубина, а следовательно, и высота ящика. Для взрослых погребений она колеблется в пределах 50–70 см, для детских составляет 30–50 см.

В одном случае стенка ящика сложена способом, который используется при сооружении цист – из горизонтально положенных плит (рис. 3: 5). Подобная техника известна в первую очередь в могильниках северной части ареала культуры, однако применение при строительстве одной могилы двух различных способов возведения стенок – из вертикальных и горизонтально положенных плит, относится, прежде всего, к каменоложской традиции. Использование исключительно каменных плит для сооружения курганов (оград, ящиков, перекрытий) является своего рода «визитной карточкой» «классических» памятников карасукской культуры, в отличие от ее каменоложского этапа. Тем интереснее уникальная ситуация, зафиксированная в погребении № 36: кроме сохранившихся торцевых стенок ящика, на дне могилы была обнаружена деревянная рама (рис. 6: 1). Фрагменты деревянных бревен располагались вдоль северной и западной стенок ямы. Вполне вероятно, что это остатки бревенчатого сруба в один или несколько венцов, опущенного внутрь ящика. Аналогии этому очень редки и встречаются в первую очередь среди погребений каменоложского этапа. Ярким примером может служить могильник Чазы, где отмечены три подобные конструкции (частично опубликовано: Паульс 2000: 107–108).

Погребения каменоложской группы совершались, по всей видимости, в срубах или других дере-

ванных конструкциях, не сохранившихся до сегодняшнего дня по естественным причинам (небольшая глубина могил, климатические условия). Зафиксированы только грунтовые ямы, однако есть несколько косвенных признаков, позволяющих предполагать существование не сохранившихся до нашего времени конструкций. Во-первых, могильные ямы имели четкий контур, борта не осыпались, что возможно только в случае существования устойчивой «границы». Во-вторых, в некоторых погребениях обнаружены отдельные вертикально стоящие плиты забутовки, которые используются для заполнения пространства между стенками сруба и могильной ямы (рис. 10: 7, 8, 13).

Размеры могильных ям, а следовательно, и срубов, также как и в карасукской группе, напрямую связаны с ростом, комплекцией погребенного и помещенным в могилу сопроводительным инвентарем. Только в одном случае зафиксирован каменный ящик (рис. 10: 17), однако это исключение не носит принципиального характера. Каменные ящики известны в погребальных памятниках каменоложского этапа и составляют значительный процент, но хронологически они относятся к наиболее ранним комплексам. Кроме того, указанное погребение еще в процессе раскопок было весьма условно отнесено к каменоложской группе на том основании, что оно располагается в начале цепочки захоронений. Никаких датировочных материалов в этой могиле не обнаружено.

В отличие от конструкций, погребальный обряд обеих частей могильника Арбан I практически идентичен. Незначительные отличия не носят принципиального характера и не позволяют провести границу между «классическими» и каменоложскими погребениями. К сожалению, подавляющая часть погребений подверглась ограблению. Сохранились неповрежденными только несколько могил из каменоложской группы, в то время как погребения карасукской группы подверглись сплошному ограблению. Скорее всего, это связано с отсутствием у каменоложских могил каменных ящиков, хорошо заметных на поверхности, что затрудняло их обнаружение грабителями. В результате столь массового ограбления изучение погребального обряда очень затруднено фрагментарностью полученной информации. Однако в известной степени эта неполнота компенсируется представительностью рассматриваемой серии.

Обобщая полученные данные, погребальный обряд обеих частей могильника можно реконструировать следующим образом. Погребенных клали в могилу на левом боку влоборота, с вытянутыми или слегка подогнутыми ногами. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая несколько согнута в локте и лежала кистью на тазе. С большой долей вероятности существование по-

добного строго регламентированного расположения фиксируется для основной массы погребений «классического» этапа карасукской культуры (Лазаретов 1995: 42–45). Для каменоложских захоронений более характерно погребение покойного на спине, с обеими руками, вытянутыми вдоль туловища. Описанное выше «классическое» положение встречается не часто и обычно связывается с наиболее ранними погребениями каменоложского этапа, что позволяет использовать данный признак при датировании группы II могильника Арбан I. Погребенным под правое плечо клали подушку, которая помогла придать покойному вышеописанную позу – на левом боку влоборота (Лазаретов 1995: 41–42). Во всех случаях, когда это удалось зафиксировать, перед лицом, слева от головы ставили один, редко два глиняных сосуда. С той же левой стороны, на уровне груди или пояса укладывался, вероятно, на деревянном блюде, стандартный набор сопроводительной пищи (мясо овец или коровы). Поверх мяса клался нож, обычно представляющий собой обломок бронзового лезвия, вставленного в деревянную рукоять. В погребениях женщин, кроме того, фиксируется комплект украшений.

Ориентировка тела покойного была установлена в 46 погребениях. В 16 могилах каменоложской группы зафиксирована ориентировка в западном направлении. Аналогичная ориентировка была отмечена в 27 из 30 карасукских погребений, и только в трех – противоположная, головой на восток (рис. 4: 2; 5: 5, 7). При этом остальные элементы обряда (поза, положение сосудов и сопроводительной пищи относительно тела погребенного) оставались неизменными.

Особого внимания заслуживает весьма представительный и разнообразный керамический комплекс могильника. Керамика «классической» части могильника выглядит очень неоднородной. Серия из 30 сосудов, большую часть которых удалось реконструировать полностью, представляет широкий спектр различных вариантов с точки зрения как формовки, так и ornamentации. Форма дна варьируется от ярко выраженного плоского (рис. 8: 3, 12, 23, 24) и уплощенного (рис. 8: 1, 2, 6, 9, 10 и др.), до круглого (рис. 8: 4, 5, 7, 8, 16) и даже яйцевидного (рис. 8: 20). В одном случае зафиксирована «выкружка» у дна, более свойственная андроновским сосудам (рис. 8: 23). Не менее разнообразная картина наблюдается и при рассмотрении пропорций сосудов. Для карасукской керамики в целом характерны устойчивые призматические формы, у которых отношение высоты к ширине сосуда составляет приблизительно 0,65–0,75. В арбанской серии значение этого коэффициента варьируется в очень широких пределах от 0,6 (рис. 8: 19, 24) до 0,9 (рис. 8: 8, 14).

Изгиб шейки сосудов чаще выражен слабо или его нет вовсе (рис. 8: 8), что не вполне характерно для основной массы карасукской керамики. Практически полностью отсутствует такая характерная черта, как уступ у основания шейки сосуда. При этом встречаются и принципиально иные формы с зауженным горлом (рис. 8: 22). В целом по формам сосудов керамика могильника Арбан I демонстрирует значительную вариабельность общеприятного канона.

Аналогичная картина наблюдается при анализе размеров сосудов рассматриваемой серии. Для большей части карасукской керамики традиционные весьма стабильные объемы в пределах 1–2 литров. В материалах могильника Арбан I представлены как значительно меньшие по объему сосуды (рис. 8: 14, 23), так и заметно более вместительные (рис. 8: 18, 20). Последние демонстрируют тенденцию развития в направлении керамического комплекса сложившейся части каменоложского этапа культуры (например, могильник Федоров Улус). Для сосудов этого периода свойственны большие объемы (7–8 литров), а также яйцевидные и бомбовидные формы.

Керамика «классической» части могильника Арбан I отличается весьма небольшим количеством орнаментированных сосудов, что позволяет подробно остановиться на их рассмотрении. Первое, на что необходимо обратить внимание, это заметное превалирование в орнаментации сосудов зубчатого штампа. Он применялся в подавляющем большинстве случаев (свыше 73%). При этом важно отметить, что зубчатым штампом исполнены орнаменты, которые в более северных районах распространения культуры наносились традиционным для этого времени способом резных линий. Например, резные линии на основании шейки, — орнамент, который встречается на сотнях известных на сегодняшний день карасукских сосудах (Заблин 1977: рис. 5: 1–9), в материалах могильника Арбан I отличается только тем, что исполнен зубчатым штампом (рис. 8: 4, 11, 13).

Сосуды, относящиеся к «классической» группе погребений могильника, на основании анализа орнаментации можно разделить на две серии. Первая состоит из двух сосудов (рис. 8: 2, 6), которые находят многочисленные аналоги в северных районах ареала культуры. Их богатая орнаментация, покрывающая практически все тулово сосудов, заметно сближается с андроновскими комплексами и не имеет никаких точек соприкосновения с более поздними каменоложскими сосудами. Вторая серия объединяет остальные сосуды «классической» группы погребений. Она характеризуется двумя основными признаками: скудностью орнамента, расположенного в верхней части тулова, и наличием элементов, широко распространенных на кера-

мике каменоложского этапа. Например, вертикальный зигзаг (рис. 8: 9), представленный и на сосудах II группы этого же могильника (рис. 11: 3, 5, 9, 10, 13); остроугольные свисающие шевроны (рис. 8: 12, 21); насечки по венчику (рис. 8: 18); дополнительные элементы, расположенные в зоне между венчиком и шейкой сосуда (рис. 7: 3, 4; 8: 18, 19). Показательно расположение находок сосудов этих групп на плане могильника. Погребения, содержащие керамику первой серии (№ 11, 20), занимают центральное положение, формируя ядро могильника. Могилы, содержащие посуду второй серии, занимают периферийное положение.

Отдельного внимания заслуживают несколько частных, но достаточно показательных примеров. В первую очередь, это сосуд из могилы 35 (рис. 8: 12), который относится к весьма немногочисленному типу «бадеск». На сегодняшний день их известно чуть более десятка, причем практически все (за исключением одного) обнаружены в могильниках южной части ареала карасукской культуры (Кызыласов 1971: рис. 4: 3; Липский 1956: табл. 11: 2, 3; Савинов 1996: табл. Л: 10, 11). Из общей массы их выделяет не только нестандартная форма, но и обязательное наличие ушек или парных отверстий. В этой связи интересен сосуд с ушком (отверстие сделано в вертикальной плоскости) из могилы № 17 (рис. 8: 9). Иногда ушко может быть прикреплено к традиционному по форме карасукскому сосуду. Они встречаются в одних и тех же комплексах, что и «бадейки», и имеют единый ареал распространения (Белый Яр В, Арбан I, Бельтыры, поселение Торгажак). На наш взгляд, эти два сосуда являются важнейшими маркирующими элементами, так как керамика подобного типа известна и в погребениях каменоложского этапа (Белое Озеро — раскопки И.П. Лазаретова, 1985–1991 гг.; Кутень-Будук — раскопки Н.Ю. Кузьмина, 1986 г.). Большой интерес вызывает также керамика из могилы 27, в которой обнаружены два однотипных сосуда с весьма не характерными для карасукской традиции признаками (рис. 7: 5; 8: 18). Их отличают довольно крупные размеры, вытянутые пропорции, прямой срез венчика с насечками. Аналоги им хотя и существуют (Заблин 1977: рис. 5), но единичны.

Керамика каменоложской группы могильника значительно более однородна по своему составу. Формы сосудов и орнаменты ограничиваются весьма небольшим набором. Любому из имеющихся арбанских сосудов можно найти аналоги в материалах других каменоложских могильников. Все это позволяет говорить о наличии вполне сложившегося комплекса признаков.

Форма дна этих сосудов в основном округлая, с едва заметной тенденцией к яйцевидности (рис. 11: 6–8, 10, 14), в некоторых случаях упло-

шенная (рис. 11: 1, 3, 11, 12). В одном случае отмечен плохо сохранившийся (обломан) поддон – черта характерная для сосудов ранней части каменоложского этапа (рис. 11: 2). Из 14 сосудов только на одном нет широких канцелюр или резных желобков на шейке (рис. 11: 1; рис. 11: 13 – шейка обломана по нижней канцелюре). В орнаментации используются вертикальный зигзаг (рис. 11: 3, 5, 9, 10, 13); треугольные шевроны, исполненные в различной технике (рис. 11: 2, 4, 8, 14); треугольнички и частые косые насечки, расположенные выше канцелюр (рис. 11: 2, 3, 8, 10, 14). Все они выполнены резными линиями, в отличие от «классической» группы могильника Арбан I, где преобладает зубчатый штамп. Все перечисленные выше орнаменты характерны для посуды каменоложского этапа и маркируют единый хронологический горизонт, часто встречающийся в едином комплексе; например серия керамики из могильника Карасук IV (раскопки М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой, 1961–1963 гг.).

Еще одним важным критерием оценки погребального обряда является количество сосудов, устанавливаемых в могилу, и по этому признаку обе группы имеют очень схожие показатели. Практически во всех случаях погребенному ставили один сосуд. Исключение составляют только три могилы: две в группе I (№ 27, 28) и одна в группе II (№ 63). Если для каменоложских могильников такой процент погребений с более чем одним сосудом выглядит естественно, то для «классических» это не совсем характерная черта. В среднем для карасукских могильников более свойственно наличие в погребении двух сосудов, а в отдельных могильниках и более (например, Белый Яр V, раскопки А.И. Поселянина, 1995 г.), что еще раз указывает на заметные отличия «классической» части могильника Арбан I от эталонных памятников этого этапа.

Вещевой инвентарь, обнаруженный в погребениях, представлен в основном бронзовыми изделиями, которые можно четко разделить на две категории: украшения и столовый прибор. Последний попадал в могилу в комплексе с сопроводительной пищей. К сожалению, как уже говорилось, большинство вещей было унесено или перемещено грабителями. Это не позволяет дать им более или менее полную характеристику. Однако заметные отличия в наборе сохранившихся вещей в разных группах могильника позволяют заметить дополнительные критерии их разделения.

Карасукская группа представлена в первую очередь разнообразным набором украшений. Это традиционные бронзовые кольца в 1,5 и более оборотов различного диаметра и назначения, часть из которых обнаружена в обломках (рис. 9: 4, 10, 15, 20, 22, 24, 27, 31). Крупные обыч-

но использовались в качестве височных украшений, более мелкие иногда нашивались на головной убор, но известны случаи, когда их носили на пальцах наподобие перстней. Обнаружены и другие не менее часто встречающиеся в карасукских могилах мелкие бронзовые украшения: пронизки (рис. 9: 6, 19, 26), обоймочки (рис. 9: 9, 12, 14, 23, 29), нашивные бляшки с отверстиями по краям (рис. 9: 2, 17). Особый интерес представляют вещи, имеющие для карасукских погребений маркирующее значение. К ним относятся ярусные бляшки, «твозидки» и лапчатая привеска. Последняя обнаружена в единственном экземпляре в погребении № 50 (рис. 9: 32). Ее состояние не позволяет провести типологический анализ; остается лишь констатировать сам факт наличия украшения этой категории. Ярусные бляшки обнаружены в четырех могилах, причем количественно они распределены очень неравномерно. В погребении № 46 их найдено 12 экземпляров (рис. 9: 25), в могиле № 50 – три (рис. 9: 34) и в могилах № 44, 59 – по одной (рис. 9: 16, 38). Эти нашивные украшения были изготовлены с применением двух различных технологий. Три из них – методом штамповки из тонкого листа (например, рис. 9: 16), а остальные – способом отливки, что повлияло в первую очередь на их размеры. При этом те и другие были найдены совместно в погребении № 50, что, возможно, указывает и на их различное назначение. Еще одной категорией предметов, связанных исключительно с погребениями «классической» группы, являются так называемые «твозидки». В материалах могильника Арбан I их зафиксировано шесть экземпляров (рис. 9: 28, 33, 36). Название дано очень условно, так как они могут иметь как заостренный, так и тупой шпенок, и скорее напоминают заклепки, что не меняет сути их использования. По всей видимости, выступающая шляпка служила украшением, в то время как шпенок был утоплен в кожаную или деревянную основу.

Единственным предметом, не имеющим аналогий в материалах других могильников, является фигурная пластинка с закрученными концами из погребения № 31 (рис. 9: 21). Однако ее назначение не вызывает сомнения. Она относится к разряду украшений и, по всей видимости, либо нашивалась на одежду, либо входила в состав ожерелья.

К категории «столового прибора» относятся только два типа вещей: ножи и шилья. В погребениях «классического» этапа они обнаружены в единичных экземплярах в первую очередь потому, что наиболее привлекали грабителей, искавших, по всей видимости, полновесные бронзовые изделия (вероятно, для переплавки). Ножи и шилья обычно находятся поверх костей животного, положенного в качестве сопроводительной пищи. Единственный нож, обнаруженный в могиле № 70,

представлен частью лезвия длиной 6 см (рис. 9: 40). По абрису обуха видно, что нож подвергался неоднократной отковке, в результате чего его форма приобрела некоторую «хвостатость». По сечению он относится к типу пластинчатых ножей. Шилья найдены в могилах № 48, 59 (рис. 9: 30, 35). Они относятся к традиционным формам, широко распространенным в карасукских погребениях. Шилья отличаются небольшими размерами (около 6 см), четырехгранным сечением и заостренностью с двух концов, иногда фиксируется плохо сохранившаяся деревянная рукоятка.

Анализируя наборы, которые образуют перечисленные выше предметы, можно отметить наличие устойчивых сочетаний. Наиболее ярко они проявляются в могилах № 48, 50 и 59 (рис. 9: 27–39). В условный комплект входят височные кольца (обычно два), ярусные бляшки, «гвоздики» и, вероятно, лапчатые привески. По всей видимости, именно эти предметы составляют основу традиционного набора украшений, формирующего погребальный (а возможно, и повседневный) костюм населения карасукской культуры.

Инвентарь каменоложской части могильника заметно малочисленнее и более унифицирован, по сравнению с его «классической» частью. Такие распространенные предметы, как бронзовые кольца (рис. 12: 1, 15, 17, 20–22, 24), пронизки (рис. 12: 3, 16, 18) и обоймочки (рис. 12: 6, 14), представлены очень широко на протяжении всей эпохи бронзы Евразии. В наиболее богатом погребении № 37, кроме указанных выше вещей, найдено несколько маркирующих бронзовых изделий. Самым ярким из них является шестилепестковая бляха (рис. 12: 5), аналогии которой встречаются только в погребениях каменоложского этапа. Не менее характерны для этого времени треугольные нашивные бляшки с отверстиями по краям (рис. 12: 7). Единственное отличие экземпляров, представленных в погребении № 37 – отсутствие пуповинного орнамента, часто встречающегося на подобных изделиях.

Датирующее значение в определенной степени имеет бронзовая пуговица из той же могилы № 37, на обратной стороне которой вместо традиционной петельки, бытовавшей в течение очень продолжительного времени, припаяна перемычка (рис. 12: 2). Такие пуговицы появляются начиная уже с развитой традиции каменоложского этапа (например, в материалах могильника Федоров Улус – Lazaretov 2000: abb. 12: 12).

Из предметов столового прибора в погребениях этой группы встречаются только ножи. Отсутствие шильев труднообъяснимо, особенно при наличии серии неограбленных погребений. Учитывая, что шилья известны в материалах других каменоложских могильников, отсутствие их в данном слу-

чае, скорее всего, следует рассматривать как локальный признак.

Ножи представлены достаточно большой серией, основу которой составляют семь обломков лезвий (рис. 12: 4, 9–12, 19, 23). Четыре из них очень сильно сточены, но остальные три экземпляра позволяют выделить некоторые особенности (рис. 12: 9, 10, 19). Во-первых, следует обратить внимание на тавровое сечение лезвия. Подобное усиление обуха свойственно, в первую очередь, ножам каменоложского этапа. Во-вторых, отметим факт четкого отделения лезвия от рукоятки. В-третьих – небольшие размеры сохранившейся части лезвия. Все указывает на то, что данные обломки могут быть отнесены к фрагментам ножей коленчатого типа. Прекрасно сохранившийся образец именно такого ножа обнаружен в могиле № 60 (рис. 12: 13). Он имеет аналогичное тавровое сечение лезвия; шип в месте перехода от лезвия к рукоятке; грибовидное навершие с петелькой, что позволяет отнести его по этим признакам к характерным изделиям каменоложского этапа. В шести случаях ножи II группы были обнаружены *in situ*. Из них пять находились на остатках сопроводительной пищи, что позволяет сделать вывод об их принадлежности к столовому прибору (№ 53, 58, 61, 64, 67). «Полновесный» нож из могилы № 60, в отличие от обломков лезвий, был обнаружен на левом крыле таза погребенного. Это позволяет предполагать, что он относился к особой категории предметов – ножам, которые постоянно носились на поясе. Такое местоположение «полновесных» ножей в погребении становится правилом, в основном начиная с каменоложского этапа. До этого они чаще всего встречались вместе с сопроводительной пищей.

Отдельного упоминания заслуживает единственный костяной предмет – изделие коленчатой формы со следами специальной обработки (рис. 12: 8). Точное его назначение неизвестно, скорее всего, это заготовка псалля. Известно, что подобные типы псалев распространяются именно в это время, и они неоднократно встречались при исследовании поселений (Торгажак, Каменный Лог I).

Сопроводительная пища представлена традиционным набором, одинаковым для погребений всего могильника. По данным могил № 53, 58–60, 62, 64, 65, 69, 70 и 72 с наилучшей сохранностью остатков, его можно реконструировать: в набор входила часть передней ноги, обычно плечо, бок туши – лопатка, ребра и иногда грудина, и часть задней ноги – бедро. Видовой состав пищи очень однороден: в 22 случаях это овца и только в трех – корова (могила № 48, 59 в первой группе и могила № 60 – во второй). Местоположение в могиле и набор кусков мяса не зависят от вида животного.

Этот набор практически не отличается от традиционного – из четырех кусков мяса, обычно фиксируемого в погребенных карасукской культуры (Грязнов, Максименков, Пяткин 1968: 180). При этом они, как правило, относятся к разным половинам туши, что позволяет утверждать, что в могилу клались именно куски мяса, а не половина овцы. Располагалась сопроводительная пища всегда определенным образом – с левой стороны от погребенного, как и сосуд. Существуют небольшие вариации такого местоположения: на уровне груди – непосредственно рядом с сосудом, возле пояса и в одном случае даже напротив бедра, но суть явления они не затрагивают.

Поминальные сооружения, расположенные на территории могильника, трудно отнести к какой-либо конкретной группе. Всего зафиксировано четыре объекта, которые представляют собой обычную округлую грунтовую яму, иногда перекрытую слоем мелких плиток (рис. 4; 9; 6; 4, 11, 15). В двух случаях на дне ямки были обнаружены кости барана, что и позволило отнести эти сооружения к разряду «поминальников». Еще в одном – находились окатанные гальки, что тоже, скорее всего, свидетельствует о ритуальных действиях, связанных с погребальным обрядом.

В поминальнике 1 был обнаружен фрагмент сосуда, который мог бы уточнить хронологическую принадлежность этих сооружений (рис. 11: 15), но он оказался неорнаментированным, с обломанным налпешным ушком, аналогии которому, как уже отмечалось, встречаются и на «классических», и на каменоложских сосудах. Таким образом, основной относится эту категорию памятников конкретно к тому или иному хронологическому периоду нет.

Систематизация полученных материалов. В результате проведенного анализа можно провести обобщенную систематизацию материалов могильника Арбан I.

«Классическая» часть погребений характеризуется четким следованием традиционному обряду. Строительство оград из вертикальных плит, каменные ящики прямоугольной и трапецевидной формы, положение погребенных в могиле, размещение и набор сопроводительного инвентаря – все это подтверждает точную, собственно карасукскую, культурную атрибуцию данной группы. Однако существует несколько аспектов, которые требуют более пристального внимания. Их детальное рассмотрение дает значительно больше информации к размышлению, чем простая констатация культурной принадлежности погребений.

1. При детальном рассмотрении материалов «классической» группы отмечалась близость основной части керамики к более поздней культурной традиции. В частности, были выделены ор-

наменты, скорее свойственные каменоложской керамике, и несколько типов сосудов, встречающихся в материалах обоих этапов. В погребальном обряде также отмечен, хотя и единственный, но весьма показательный случай проявления каменоложской традиции. Это могила № 36, в которой зафиксирован фрагмент деревянной рамы или сруба. Наличие отдельных элементов, относящихся к более позднему хронологическому этапу, в материалах «классической» группы указывает на преемственность двух традиций и, скорее всего, маркирует начало процесса постепенной трансформации культуры от одного этапа к другому.

2. Глиняные сосуды I группы значительно варьируются по своим формам и орнаментам, не образуя единого ядра. Подобная нестабильность может быть объяснена множеством причин, однако наиболее вероятной из них является тот же процесс трансформации общества. Именно в переходные периоды наблюдаются наиболее активные изменения во всех элементах формирующей культуры. Они касаются, в первую очередь, стандартов в вещевом комплексе и особенно проявляются на такой подверженной изменениям категории изделий как керамика. На этом основании можно предполагать, что «классическая» группа могильника в основной своей массе относится к наиболее позднему хронологическому горизонту этого этапа, и частично отражает процесс сложения комплекса уже каменоложской традиции.

3. Отдельный и весьма существенный признак – заметная «бедность» всех погребений «классической» группы. На фоне других могильников этого этапа материалы Арбан I выглядят более чем скромно – это касается не только инвентаря, но и других элементов погребального обряда. Так, стенки каменных ящиков сооружены из большого числа колотых плит малого и среднего размера, что не совсем характерно для этого периода. Обычно применяются хорошо подготовленные крупные плиты с тщательно подработанными краями; при этом ящик сооружается из шести или даже четырех плит. «Бедность» погребений хорошо заметна и по единичности сосудов, установленных в погребениях. Для «классической» карасукской культуры в целом более характерен набор из двух сосудов в одной могиле. Арбанская керамика изготовлена очень грубо, плохо обожжена, формы сосудов сильно варьируются. Орнаменты нанесены небрежно, с использованием примитивных штампов. Все это свидетельствует о нарушении традиции изготовления керамики. Самым ярким признаком, отражающим общую бедность населения, оставившего этот могильник, является чрезвычайно малое число изделий из бронзы. В более чем 50 погребениях не обнаружено ни одного биконического

перстня, ни одного зеркала, отсутствуют многие другие категории инвентаря. Среди найденных предметов нет ни одного, который можно было бы отнести к «массивным» бронзам. Следует отметить, что понятие «бедность» в данном случае – условное. Под этим термином мы подразумеваем отсутствие многочисленного и добротного бронзового инвентаря, а также большого числа сосудов в могиле, что действительно может отражать бедность населения. Наряду с этим понятие «бедность» в нашем понимании включает в себя: нестабильность форм и грубость изготовления сосудов, обнаруженных в погребениях; примитивность строительных конструкций. Все это также характеризует общий уровень состояния общества. Причины данного явления можно только предполагать. Возможно, это связано с тем, что могильник расположен на самой периферии юго-западной части ареала культуры. Такое местоположение могло привести к относительной изоляции и, как следствие этого, застоиным явлениям, обусловившим регрессивные процессы в культурогенезе.

4. Сравнивая материалы I группы могильника с результатами раскопок других археологических памятников «классического» этапа, нетрудно заметить, что по многим критериям он выделяется из общей массы и не может быть принят в качестве эталонного. Если же взглянуть на этот вопрос шире, то обнаруживается, что существует небольшая серия могильников, локализованных в этом районе, которые демонстрируют очень схожие тенденции, отличающие их от таких ключевых памятников как Карасук I, Кюргенер I–II, Сухое Озеро II, Малые Копены III, Белый Яр V и др. Район распространения памятников, отличающихся этими особенностями, ограничивается юго-западной частью собственно Миусинской котловины, где можно выделить три наиболее крупных из раскопанных могильников – Хара-Хая (Кызласов 1971; Филиппова 1980), Терт-Аба (Павлов 1999) и Арбан I. Видимо, к этой весьма обособленной группе следует отнести и поселение Торгажак (Савинов 1996), содержащее довольно близкий керамический материал (Лазаретов 1996: 35–36). Есть несколько критериев для определения указанных отличий.

Первый – особенности орнаментации керамики, самая яркая из которых – преобладание орнаментов, нанесенных зубчатым штампом, черта, весьма не характерная для основной части «классических» карасукских могильников. Традиционно сосуды этого времени орнаментировались резными линиями, и процент использования зубчатого штампа не превышал 20–25% (к примеру, Малые Копены III – 16%). В материалах I группы Арбана I из 14 сосудов с геометрическим орнаментом на 11 экземплярах он нанесен зубчатым штампом

(свыше 73%). Могильник Хара-Хая содержит около 60%, Терт-Аба – 72% сосудов, орнаментированных подобным образом. Аналогичная ситуация наблюдается и в материалах поселения Торгажак (около 60%).

Второй – значительное число элементов орнамента, более свойственных каменоложскому этапу. Причем это одни и те же элементы для всех трех могильников: вертикальный зигзаг и его производные, узкие треугольные шевроны, косые насечки по венчику и размещение орнамента в зоне между шейкой и венчиком сосуда. Подобные элементы встречаются и на сосудах, происходящих из других могильников, однако число их очень невелико. Например, в материалах Малых Копен III на 130 сосудов известен всего один подобный случай (Зяблин 1977: рис. 7. 5). Схожая картина наблюдается и для других могильников «классического» этапа. Сюда же следует отнести и некоторые типы сосудов, занимающих промежуточное положение и встречающихся как в «классических» погребениях, так и в каменоложских. Это уже упоминавшиеся выше «бадейки» (Хара-Хая; Торгажак); сосуды с ушком (Бельтыры; Торгажак); а также валиковая керамика (Терт-Аба; Торгажак). Можно сказать, что данная группа памятников демонстрирует устойчивую связь с каменоложским этапом на уровне керамики.

Еще один признак, объединяющий керамику этих комплексов – грубость изготовления и значительная нестабильность форм. Многие сосуды заметно перекошены, такие элементы как венчик, шейка, дно неярко выражены и заметно отходят от общепринятых стандартов. Орнаменты нанесены неравномерно, с разной степенью тщательности. Все это позволяет говорить о едином процессе, приведем к значительному огрублению производимой в этом районе керамики. Наконец, число сосудов в одном погребении также свидетельствует о существовании устойчивого отличия данной локальной группы от единого массива памятников «классического» этапа карасукской культуры. Как и в вышеописанной карасукской части могильника Арбан I, наблюдается минимальное количество сопроводительной керамики в материалах комплексов Терт-Аба и Хара-Хая. Более одного сосуда в погребении здесь встречается редко.

Достаточно близкие по своей сути признаки свойственны бронзовому инвентарю. Количество его во всех трех могильниках очень невелико. Многие категории инвентаря отсутствуют или представлены единичными экземплярами (например, зеркала). Сами вещи изготовлены некачественно, с большим количеством литейного брака. Формы их довольно далеко отстоят от образцов, которые широко встречаются в центральной час-

ти Минусинской котловины. Все обнаруженные полевые ножи относятся к различным типам, но образуют единую группу. В совокупности это свидетельствует о довольно низком (по карасукским меркам) уровне бронзолитейного производства.

Таким образом, выделяется небольшая локальная группа памятников в юго-западной части Минусинской котловины, главное отличие которой заключается в особенностях вещевого комплекса. Условно ее можно назвать «арбанской». В эту группу, кроме трех уже упомянутых могильников, входят и такие небольшие комплексы из этого района, как Есинская МТС и Бельтеры, которые относятся к этому же хронологическому горизонту. Важно отметить, что отличия этой локальной группы не касаются обряда погребения (положения и ориентировки погребенного, распределения инвентаря в могиле, наличия и состава сопроводительной пищи) и конструкций внутри- и надмогильных сооружений. В основном они связаны с количеством, качеством и типологическими особенностями инвентаря, то есть категориями, наиболее подверженными быстрым изменениям. Из этого следует, что «арбанская» группа могла сформироваться в довольно короткий срок предположительно под воздействием двух факторов. Первый – географическое расположение на периферии ареала культуры и, возможно, частичная изоляция. Второй – заметное влияние процессов, приводящих в дальнейшем к формированию каменоложского этапа. Кроме перечисленных памятников можно отметить еще один крупный могильник – Сабинка II, расположенный на юге Минусинской котловины (Бейский район). Он занимает схожее географическое положение (на периферии) и удовлетворяет части критериев «арбанской» группы. Но его материалы, к сожалению, не опубликованы.

Совершенно иная картина наблюдается при комплексном анализе каменоложской части погребений могильника Арбан I. Все они составляют монолитное ядро с единым погребальным обрядом и инвентарным комплексом. Учитывая значительное разнообразие материалов каменоложского этапа и, в частности, существование в непосредственной близости таких комплексов, как Арбан III и Федоров Улус, необходимо согласиться с выводом И.П. Лазаретова об очень коротком сроке функционирования этой части могильника. На примере нижнетейской группы им было выделено три хронологических горизонта каменоложского этапа, наиболее раннему из которых соответствуют погребения II группы могильника Арбан I, развитому – погребения Федорова Улуса и позднему – Арбана III (Lazaretov 2000).

К этому можно добавить, что по некоторым признакам каменоложские погребения Арбана I

следует относить к завершающей стадии раннего горизонта (отсутствие каменных ящиков, которые иногда встречаются в других ранних памятниках как наследие «классического» этапа; существование хорошо сложившегося керамического комплекса; наличие в могиле № 37 пуговицы с перемычкой, которая приходит на смену петелькам начиная с развитого горизонта каменоложского этапа, например Федоров Улус, могилы № 16, 17). В отличие от I группы могильника, каменоложские погребения не имеют каких-либо особенностей, позволяющих говорить о существовании локальных различий. Наоборот, все погребальные конструкции, обряд захоронения и инвентарь находят многочисленные аналогии по всему ареалу культуры (например, Карасук IV, ранняя группа могильника Белое Озеро, Аскиз IV, Уйбат III, Солнечный Лог и др.).

Отдельным наиболее сложным и принципиальным остается вопрос о соотношении «классических» и каменоложских памятников. К сожалению, на сегодняшний день известен только один случай «прямой» стратиграфии материалов двух этапов. Он зафиксирован при раскопках поселения Торгажак, когда поверх сгоревшего жилища I, содержащего керамический материал «классического» облика, был обнаружен сосуд, достоверно относящийся к развитой части каменоложского этапа (Савинков 1996: 15, табл. L: f2). Поселение Торгажак является одним из поздних собственно карасукских памятников (Савинков 1996: 46). По всем имеющимся данным, жители покинули его вместе со всем имуществом и затем подожгли. Спустя некоторое время поверх пепелища, оставшегося от поселения, был установлен абсолютно целый сосуд каменоложского облика. Такое развитие событий практически полностью исключает возможность продолжительного сосуществования представителей разных хронологических этапов.

К аналогичным выводам можно прийти при рассмотрении горизонтальной стратиграфии могильников. Последовательность существования двух этапов отчетливо прослеживается на примере могильника Арбан I. Как уже отмечалось, «классическая» группа погребений занимает самую удобную площадку для сооружения могил. Это ровный участок в конусе выноса Горного лога, где скапливались рыхлые осадочные породы, сформировавшие слой мягкого насыпного грунта. На этом участке выкапывание могил нужной глубины не составляло особого труда. Погребения каменоложской группы находятся в совершенно иной ландшафтной ситуации. Они расположены на довольно крутом склоне, что хорошо видно как на плане могильника (рис. 2), так и по разрезам некоторых могильных сооружений (рис. 10: 5, 6, 12, 14, 16, 18). Ямы для сооружения могил на этом участке при-

ходилось выкапывать в очень плотном материковом суглинке, который с трудом поддается даже современным инструментам. Исходя из этого, следует предположить, что первоначально функционировало только кладбище «классического» этапа, занявшее наиболее удобную площадку, которая в силу своих небольших размеров была быстро застроена могильными сооружениями. Появившееся позднее каменоложское население было вынуждено совершать погребения уже на малопригодных участках, что могло послужить причиной как столь краткого периода существования могильника, так и, возможно, его переноса на соседний участок (например, где расположен могильник Федоров Улус).

Определенный интерес вызывает существование хоть и не большого, но достаточно заметного хронологического разрыва между двумя частями могильника. Как уже отмечалось, погребения каменоложской группы могут быть отнесены к завершающей части раннего периода существования этапа; в материалах могильника Арбан I наиболее ранние погребения каменоложского этапа не представлены. Зато они были исследованы при раскопках других комплексов, например в могильнике Кутень-Будук и ранней части Белого Озера I. Материалы этих погребений составляют то самое «недостающее звено», которое отсутствует в Арбане I. Они отличаются еще большей близостью керамического материала к формам и орнаментам «классического» этапа, а также зачастую использованием в качестве могильных конструкций каменных ящиков.

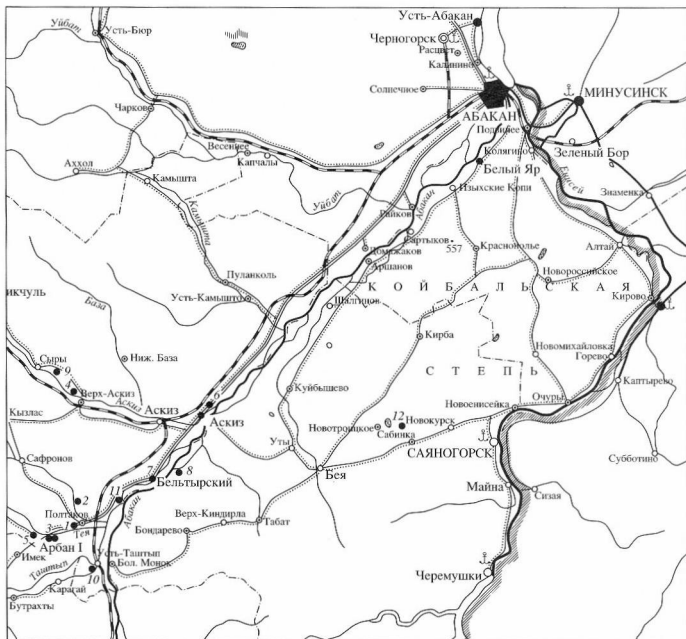
Вопрос о сосуществовании (для всей карасукской культуры) в пределах одного могильника погребений разных этапов требует самостоятельного развернутого исследования; однако уже сейчас можно указать некоторые ключевые позиции. Не известно ни одного случая, когда бы сооружения двух этапов располагались чересполосно. Даже находясь в пределах одного могильника, они всегда формируют самостоятельные группы, как в случае с Арбаном I или комплексами Карасук I, IV. При этом немногочисленные каменоложские погребения обычно расположены на периферии более крупных собственно карасукских могильников, занимая, как уже отмечалось выше, менее пригодные для строительства курганов участки (Арбан I; то же – Сабинка II; Подкунинские Горы – раскопки К.Г. Котожекова, 1997 год). Подобное соотношение комплексов возможно только в случае их последовательного существования.

Заключение. Каменоложский этап или дугавская культура. В материалах ранних «классических» погребений, наиболее близких к андроновской культуре, отсутствуют какие-либо признаки, указывающие на возможность их связи с ка-

меноложскими комплексами (Поляков 2002; Lazaretov 2000). Зато хронологически наиболее поздняя часть карасукских захоронений демонстрирует целый «букет» черт, явно сближающих их с каменоложскими памятниками. В первую очередь они выражаются в появлении нового бронзового инвентаря и орнаментальных композиций на сосудах. Конструкции погребений и сам обряд в течение всего «классического» этапа изменяются слабо, в основном под влиянием внутренних процессов, происходивших в культуре. В свою очередь, большинство элементов погребений ранней группы каменоложского этапа несут на себе яркие черты наследия «классического» этапа карасукской культуры. Это курганные конструкции в виде оград из вертикально вкопанных плит и каменных ящики в могилах; сохранение традиционного положения погребенного – на боку влоботорота; характер размещения инвентаря и заметные проявления более ранней керамической традиции. Все это позволяет уверенно говорить о том, что возникновение нового – каменоложского – этапа непосредственно связано с проникновением инокультурных элементов на «классическом» этапе культуры, что и привело к ее трансформации.

Погребения развитой и поздней части каменоложского этапа уже значительно дистанцируются от культурного облика карасукской основы. Формируется собственный обряд, исчезают конструкции из каменных плит, бронзовый инвентарь и керамика приобретают окончательно сложившиеся черты, имеющие мало общего с карасукскими вещами. В этот период элементы наследия «классического» этапа уже с трудом можно разглядеть под новым обликом культуры. В целом это соответствует представлениям о развитии карасукской культуры, выработанным М.П. Грязновым на основании исследований Красноярской экспедиции (Грязнов, Пяткин, Максименков 1968). Должно сохранить свое значение и наименование ее позднего – каменоложского – этапа, но наполненного несколько иным содержанием.

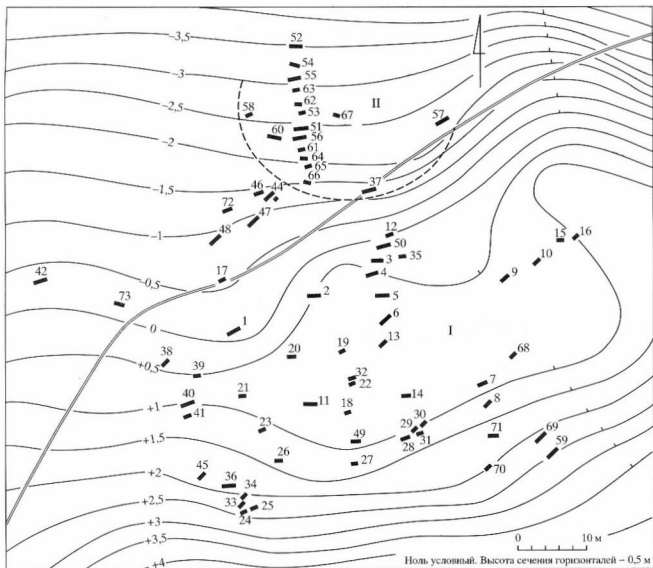
Наличие, наряду с наследием «классической» карасукской культуры, в каменоложском культурном комплексе целого ряда инновационных элементов, которые в конечном счете приводят к его значительной трансформации и «отрыву» от карасукской основы, в настоящее время не вызывает сомнения. Материалы могильника Арбан I, очевидно, демонстрируют один из начальных этапов этого процесса. Что касается происхождения инновационных элементов, в первую очередь керамики и бронзовых изделий, преобразовавших карасукский культурный комплекс с его андроновской основой в каменоложский, то пока этот вопрос остается открытым.

Рис. 1. Расположение археологических памятников карасукской культуры в юго-западной части Минусинских степей: 1 – поселение Торгажак; 2 – Терт-Аба; 3 – Федоров Улус; 4 – Хара-Хая; 5 – Есинская МТС; 6 – Аскиз I-V; 7 – Бельтырь; 8 – Маткеччик; 9 – Анчил-Чон; 10 – Усть-Таштып; 11 – поселение Бырганов V; 12 – Сабинка II

Fig. 1. Sites of the Karasuk culture in the south-western area of the Minusinsk steppes: 1 – settlement of Torgzhak; 2 – Tert-Aba; 3 – Fedorov Ulus; 4 – Khara-Khaya; 5 – Yesinskaya MTS; 6 – Askiz I-V; 7 – Beltyry; 8 – Matkechik; 9 – Anchil-Chon; 10 – Ust-Tashtyp; 11 – settlement of Byrganov V; 12 – Sabinka II

Рис. 2. План расположения погребений могильника Арбан I

Fig. 2. Plan of the arrangement of burials at the cemetery of Arban I

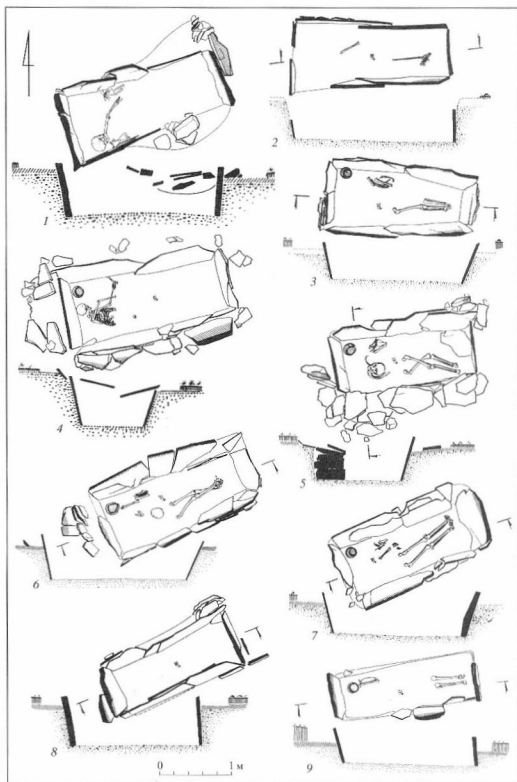
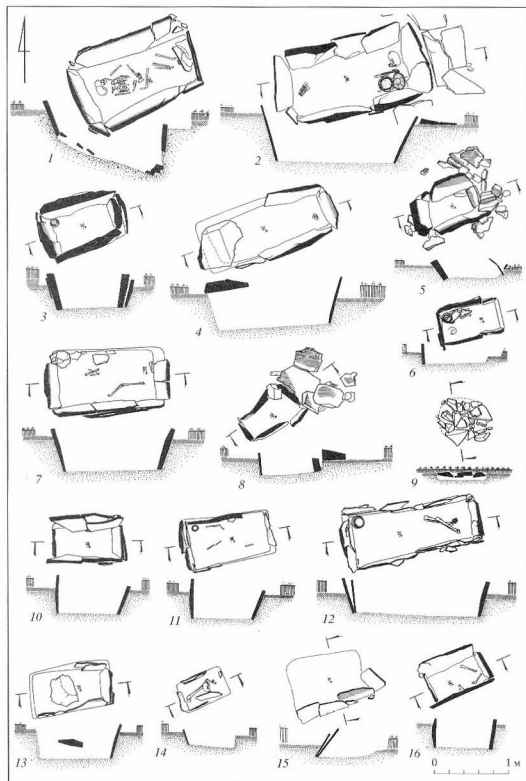

Рис. 3. Погребения карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 1; 2 – могила № 2; 3 – могила № 3; 4 – могила № 4; 5 – могила № 5; 6 – могила № 6; 7 – могила № 7; 8 – могила № 8; 9 – могила № 11)

Fig. 3. Burials of the Karasuk stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 1; 2 – grave 2; 3 – grave 4; 4 – grave 5; 5 – grave 6; 6 – grave 7; 7 – grave 8; 8 – grave 9; 9 – grave 11)

Рис. 4. Погребения карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 9; 2 – могила № 27; 3 – могила № 12; 4 – могила № 13; 5 – могила № 15; 6 – могила № 17; 7 – могила № 14; 8 – могила № 16; 9 – могила № 39; 10 – могила № 18; 11 – могила № 19; 12 – могила № 20; 13 – могила № 21; 14 – могила № 22; 15 – могила № 23; 16 – могила № 24)

Fig. 4. Burials of the Karasuk stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 9; 2 – grave 27; 3 – grave 12; 4 – grave 13; 5 – grave 15; 6 – grave 17; 7 – grave 14; 8 – grave 16; 9 – grave 39; 10 – grave 18; 11 – grave 19; 12 – grave 20; 13 – grave 21; 14 – grave 22; 15 – grave 23; 16 – grave 24)

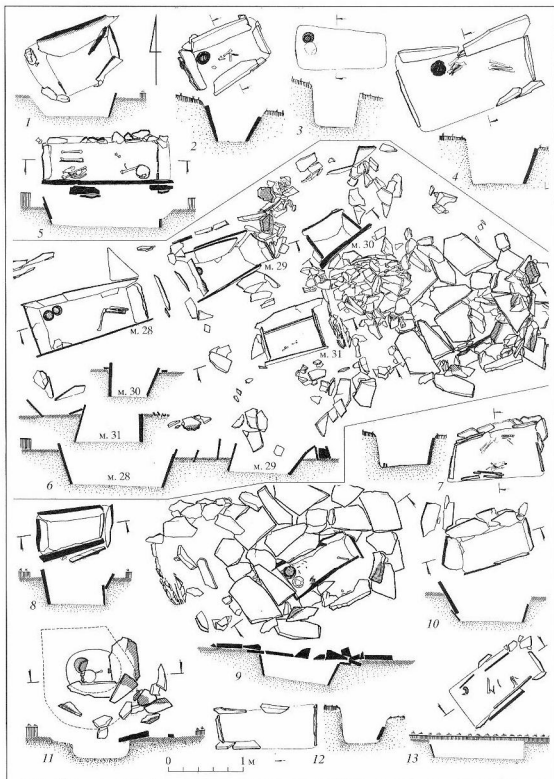
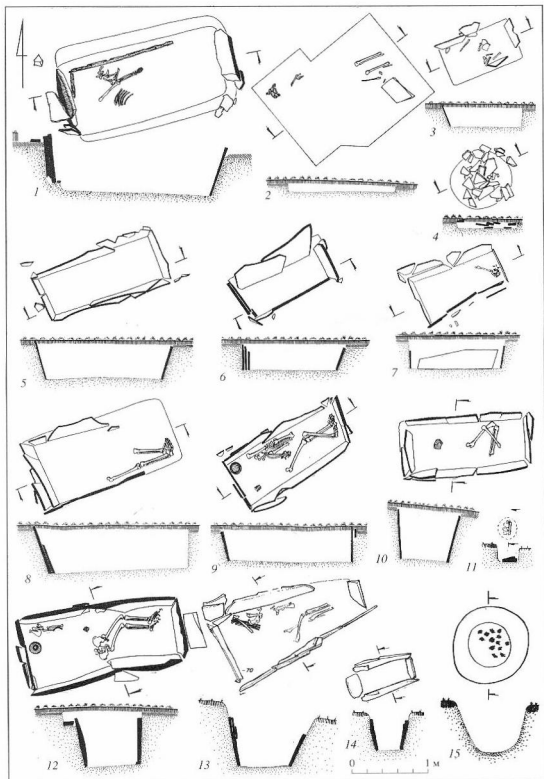

Рис. 5. Погребения карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 25; 2 – могила № 70; 3 – могила № 71; 4 – могила № 69; 5 – могила № 26; 6 – могилы №№ 28–31; 7 – могила № 72; 8 – могила № 32; 9 – могила № 33; 10 – могила № 34; 11 – могила № 35; 12 – могила № 73; 13 – могила № 38)

Fig. 5. Burials of the Karasuk stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 25; 2 – grave 70; 3 – grave 71; 4 – grave 69; 5 – grave 26; 6 – grave 28–31; 7 – grave 72; 8 – grave 32; 9 – grave 33; 10 – grave 34; 11 – grave 35; 12 – grave 73; 13 – grave 38)

Рис. 6. Погребения карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 36; 2 – могила № 40; 3 – могила № 41; 4 – могила № 43; 5 – могила № 44; 6 – могила № 45; 7 – могила № 46; 8 – могила № 47; 9 – могила № 48; 10 – могила № 49; 11 – поминьник II; 12 – могила № 50; 13 – могила № 59; 14 – могила № 68; 15 – поминьник I)

Fig. 6. Burials of the Karasuk stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 36; 2 – grave 40; 3 – grave 41; 4 – grave 43; 5 – grave 44; 6 – grave 45; 7 – grave 46; 8 – grave 47; 9 – grave 48; 10 – grave 49; 11 – ritual deposit II; 12 – grave 50; 13 – grave 59; 14 – grave 68; 15 – ritual deposit I)

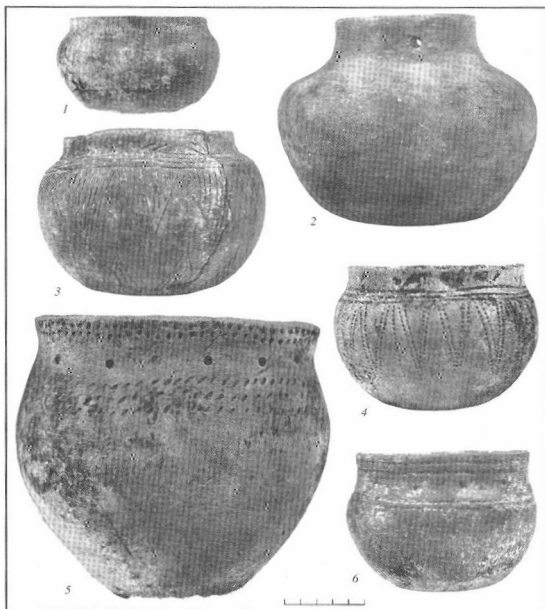

Рис. 7. Керамика карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 12; 2 – могила № 50; 3 – могила № 3; 4 – могила № 4; 5 – могила № 27, сосуд 1; 6 – могила № 7)

Fig. 7. Pottery of the Karasuk stage from the cemetery of Arban I (1 – grave 12; 2 – grave 50; 3 – grave 3; 4 – grave 4; 5 – grave 27, vessel 1; 6 – grave 7)

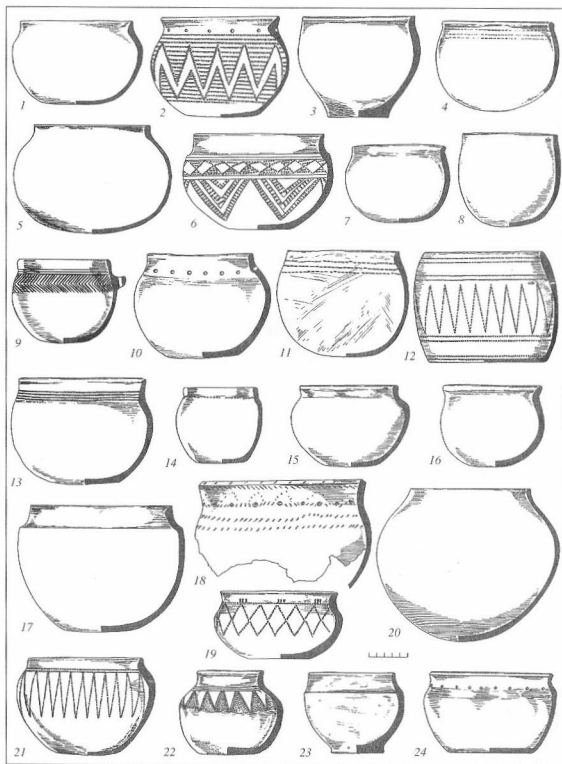
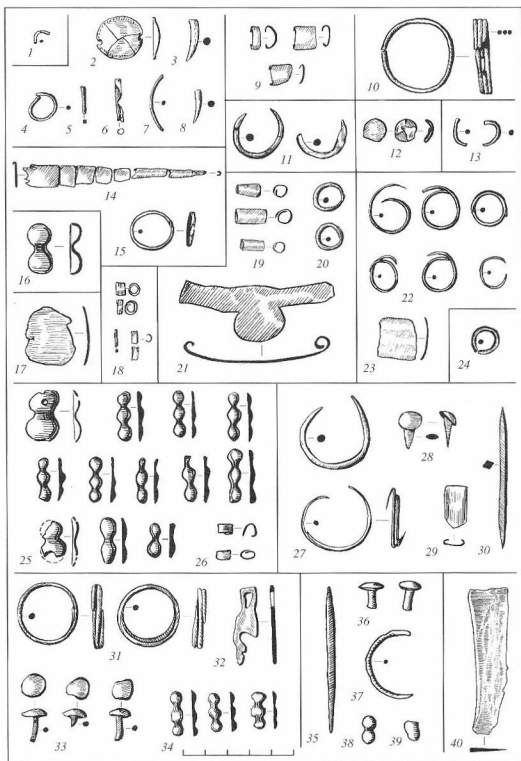

Рис. 8. Керамика карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 5; 2 – могила № 6; 3 – могила № 11; 4 – могила № 18; 5 – могила № 9; 6 – могила № 20; 7, 8 – могила № 28; 9 – могила № 17; 10 – могила № 46; 11 – могила № 26; 12 – могила № 35; 13 – могила № 48; 14 – могила № 29; 15 – могила № 33; 16 – могила № 37; 17 – могила № 59; 18 – могила № 27, сосуд 2; 19 – могила № 70; 20 – могила № 36; 21 – могила № 69; 22 – могила № 38; 23 – могила № 49; 24 – могила № 71)

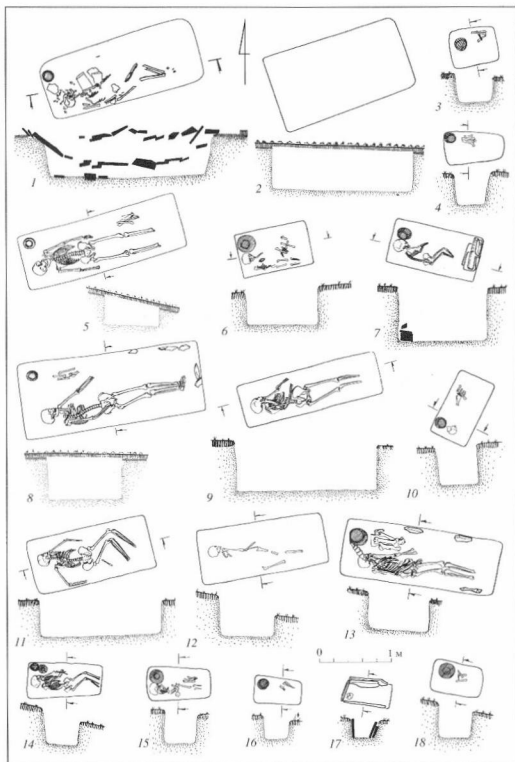
Fig. 8. Pottery of the Karasuk stage from the cemetery of Arban I (1 – grave 5; 2 – grave 6; 3 – grave 11; 4 – grave 18; 5 – grave 9; 6 – grave 20; 7, 8 – grave 28; 9 – grave 17; 10 – grave 46; 11 – grave 26; 12 – grave 35; 13 – grave 48; 14 – grave 29; 15 – grave 33; 16 – grave 37; 17 – grave 59; 18 – grave 27, vessel 2; 19 – grave 70; 20 – grave 36; 21 – grave 69; 22 – grave 38; 23 – grave 49; 24 – grave 71)

Fig. 9. Вещи из погребений карасукского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 1; 2–8 – могила № 3; 9 – могила № 5; 10 – могила № 6; 11 – могила № 27; 12 – могила № 28; 13 – могила № 38; 14, 15 – могила № 9; 16 – могила № 44; 17 – могила № 25; 18 – могила № 36; 19–21 – могила № 31; 22, 23 – могила № 33; 24 – могила № 45; 25, 26 – могила № 46; 27–30 – могила № 48; 31–34 – могила № 50; 35–39 – могила № 59; 40 – могила № 70). Масштаб – для № 1–40

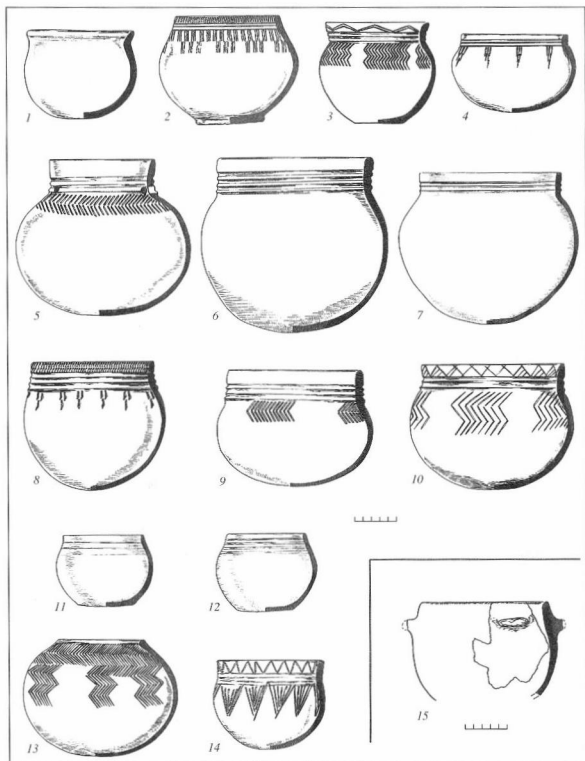
Fig. 9. Grave goods from burials of the Karasuk stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 1; 2–8 – grave 3; 9 – grave 5; 10 – grave 6; 11 – grave 27; 12 – grave 28; 13 – grave 38; 14, 15 – grave 9; 16 – grave 44; 17 – grave 25; 18 – grave 36; 19–21 – grave 31; 22, 23 – grave 33; 24 – grave 45; 25, 26 – grave 46; 27–30 – grave 48; 31–34 – grave 50; 35–39 – grave 59; 40 – grave 70). Scales – for nos. 1–40

Рис. 10. Погребения каменнолошского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 37; 2 – могила № 42; 3 – могила № 61; 4 – могила № 62; 5 – могила № 51; 6 – могила № 53; 7 – могила № 54; 8 – могила № 52; 9 – могила № 55; 10 – могила № 58; 11 – могила № 56; 12 – могила № 57; 13 – могила № 60; 14 – могила № 63; 15 – могила № 64; 16 – могила № 65; 17 – могила № 66; 18 – могила № 67)

Fig. 10. Burials of the Kamennolozhsky stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 37; 2 – grave 42; 3 – grave 61; 4 – grave 62; 5 – grave 51; 6 – grave 53; 7 – grave 54; 8 – grave 52; 9 – grave 55; 10 – grave 58; 11 – grave 56; 12 – grave 57; 13 – grave 60; 14 – grave 63; 15 – grave 64; 16 – grave 65; 17 – grave 66; 18 – grave 67)

Рис. 11. Керамика каменоложского этапа могильника Арбан I (1 – могила № 37; 2 – могила № 51; 3 – могила № 52; 4 – могила № 62; 5 – могила № 53; 6 – могила № 60; 7 – могила № 67; 8 – могила № 58; 9 – могила № 54; 10 – могила № 61; 11, 12 – могила № 63; 13 – могила № 64; 14 – могила № 65; 15 – поминальник I)

Fig. 11. Pottery of the Kamennolozhsky stage at the cemetery of Arban I (1 – grave 37; 2 – grave 51; 3 – grave 52; 4 – grave 62; 5 – grave 53; 6 – grave 60; 7 – grave 67; 8 – grave 58; 9 – grave 54; 10 – grave 61; 11, 12 – grave 63; 13 – grave 64; 14 – grave 65; 15 – ritual deposit I)

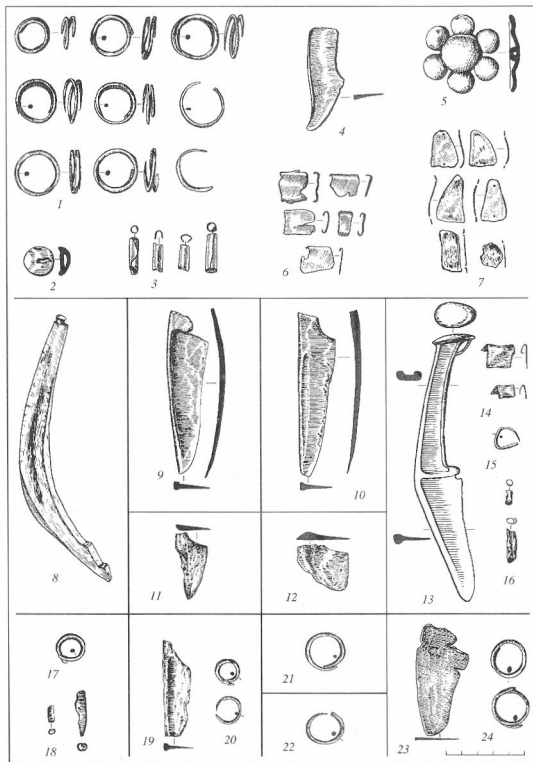

Рис. 12. Вещи из погребений каменоложского этапа могильника Арбан I (1–7 – могила № 37; 8 – могила № 42; 9 – могила № 61; 10 – могила № 67; 11 – могила № 56; 12 – могила № 64; 13–16 – могила № 60; 17, 18 – могила № 52; 19, 20 – могила № 53; 21 – могила № 54; 22 – могила № 57; 23, 24 – могила № 58. 8 – кость, остальное бронза). Масштаб – № 1–24

Fig. 12. Grave goods from burials of the Kamennolozhsky stage at the cemetery of Arban I (1–7 – grave 37; 8 – grave 42; 9 – grave 61; 10 – grave 67; 11 – grave 56; 12 – grave 64; 13–16 – grave 60; 17, 18 – grave 52; 19, 20 – grave 53; 21 – grave 54; 22 – grave 57; 23, 24 – grave 58. 8 – bone, the rest are bronzes). Scales – for nos. 1–24

В местных культурах палеометалла, как считает И.П. Лазаретов, справедливо отметивший случайный (или общий) характер привлекаемых аналогий, нет истоков формирования этого комплекса (Лазаретов 2001: 104–105). Трудно также представить себе, что наследники афанасьевской и окуневской культур долгое время «отсжиивались» по горам, где подобные памятники до сих пор не обнаружены. Идея о появлении лугавских (каменнолозовских) памятников в результате миграции с юга населения монгун-тайгинской культуры интересна, но вызывающие ее параллели (внешнее сходство отдельных элементов наземных сооружений) вполне могут иметь стадийный характер. Во всяком случае, для обоснования гипотезы о приходе новых групп населения этих элементов явно недостаточно. Памятники монгун-тайгинского типа входят в обширный ареал безыскусных погребений с захоронениями преимущественно на уровне древней поверхности, составляющих неотъемлемую часть исторического ландшафта Центральной Азии (Савинов 1993). Сюда же относятся своеобразные погребения на «платформе», курганы-хересуры

с их сложной планировкой и погребениями в цитах на уровне древней поверхности, оленные камни, различного рода жертвенники и т.д. Ничего этого в Минусинской котловине нет; как нет ни одного фрагмента каменнолозовской керамики, найденного южнее Западных Саян. Поэтому говорить о каком-то переселении, привнесшем к появлению новой археологической культуры, пока нет достаточных оснований. Вместе с тем именно это направление культурно-генетических связей, учитывая разнообразные формы центральноазиатского влияния на северную периферию и общий характер распространения «карасукских бронз», представляется наиболее вероятным.

Могильник Арбан I, в силу своего окраинного положения и целого ряда специфических особенностей, не может считаться эталонным памятником карасукской культуры. Однако представленные здесь материалы, относящиеся к переломному моменту в истории карасукских племен, в целом достаточно точно отражают основные закономерности культурогенеза эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА АРБАН I

Могилка 1. Каменный ящик трапециевидной формы, вытянутый в направлении северо-восток-восток – юго-запад-запад (рис. 3: 1). В восточной части сохранились остатки покрытия из горизонтально воложениных плиток. Размеры ящика 2,2 × 1(0,8) м, глубина 0,6 м. На северной стенке ящика в углу на глубине 0,12 м находился скелет собаки, лежащий на левом боку с подогнутыми лапами, головой на юго-запад. На дне ящика сохранились остатки скелета взрослого человека – череп, кости левой руки, лопатки. Судя по ним, положение – около южной стенки ящика, головой на запад. Под черепом найдены фрагменты мелких бронзовых колец (рис. 9: 1). У кисти левой руки – длинные кости, лопатки и ребра барана.

Могилка 2. Погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером 2,1 × 0,9 (0,65) м, глубиной 0,58 м. Расположение ящика по длинной оси в направлении запад-восток (рис. 3: 2). На дне ящика находились, кости ног взрослого человека и отдельно лежащая лучевая кость. Судя по ним, первоначальное положение погребенного – головой на запад. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилка 3. Погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером 1,9 × 0,9 (0,6) м, глубиной 0,4 м (рис. 3: 3). Расположение ящика – по длинной оси в направлении запад-восток. В заполнении ящика найдены фрагменты бронзовых колец, провозок, бронзовых пластинок с пуансоном (рис. 9: 2–8). На дне находились кости ног взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – головой на запад. В северо-западном углу ящика находился оранжированный глиняный сосуд (рис. 7: 3).

Могилка 4. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером 2,2 × 1,0 м, вытянутом по основной оси в на-

правлении юго-запад-запад – северо-восток-восток (рис. 3: 4). Сохранились две горизонтально лежащие плиты от перекрытия и остатки разрушенной ограды с западной стороны. Глубина ящика 0,64 м. На дне ящика находилась верхняя часть скелета взрослого человека. Положение погребенного – на левом боку, головой на юго-запад; правая рука перекинута на левую сторону. В северо-западном углу ящика поставлен оранжированный глиняный сосуд (рис. 7: 4). Между кистью левой руки и стенкой ящика – плечевая кость и ребра барана.

Могилка 5. Ограда из положенных в один ряд камней неправильной формы, шириной около 2,5 м, от которой сохранилась только восточная стенка. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы размером 1,8 × 0,8 м, ориентированном по длинной оси в направлении запад-восток (рис. 3: 5). Стенки ящика сделаны в комбинированной технике: из вертикально установленных плит и одна (южная) из положенных в несколько слоев горизонтальных плиток. Глубина ящика 0,4 м. В заполнении найдены три бронзовые пластинчатые скобки (рис. 9: 9). На дне ящика находился сохранившийся фрагментарно скелет взрослого человека (череп, кости ног, отдельные ребра). Судя по ним, положение погребенного – головой на запад. В северо-западном углу ящика находился красноватый глиняный сосуд (рис. 8: 1). Около северной стенки – длинные кости, лопатки и ребра барана.

Могилка 6. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером 2,0 × 0,8 м, вытянутом по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 3: 6). Около западной стенки сохранилось несколько камней от окружающей ограды. Глубина ящика – 0,4 м. На дне находились остатки скелета взрослого человека – кости ног, череп, отдель-

лежащая челюсть. Судя по ним, положение погребенного – головой на юго-запад. Около черепа найдено бронзовое кольцо (рис. 9: 10). В северо-западном углу каменного ящика находился орнаментированный глиняный сосуд (рис. 8: 2).

Могила 7. Каменный ящик прямоугольной формы, размером 2×1 м, вытянутый по основной оси в направлении юго-запад-запад – северо-восток-восток (рис. 3: 7). К востоку от ящика сохранилась часть окружающей ограды из мелких колотых плит и за ней – скопление мелких фрагментов керамики. Глубина ящика – 0,4 м. На дне ящика находились остатки скелета взрослого человека (кости ног, левая рука). Судя по ним, первоначальное положение погребенного – на спине, головой на юго-запад. В северо-западном углу находился глиняный сосуд (рис. 7: 6).

Могила 8. Погребение в каменном ящике, размером $1,8 \times 0,7$ м, вытянутом в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 3: 8). Глубина ящика – 0,56 м. Погребение полностью разрушено, костей погребенного и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 9. Погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером $1,5 \times 0,8$ (0,6) м, вытянутом в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 4: 1). Первоначально ящик был перекрыт плоскими каменными плитами, часть которых опустела в придонную часть ящика. Дно ящика наклонное. Глубина в средней части – 0,65 м. На дне находились скелет подростка; положение погребенного – на левом боку, ноги согнуты в коленях, головой на юго-запад. Под черепом погребенного найдены бронзовое кольцо и обломки нескольких пластичных скобок (рис. 9: 14, 15). В северо-западном углу (под стенкой ящика) – раздавленный глиняный сосуд (рис. 8: 5).

Могила 10. Разрушенный каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,2 \times 0,75$ м, глубиной 0,45 м. Остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 11. Разрушенный каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,9 \times 0,7$ м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (с небольшим смещением) (рис. 3: 9). Глубина ящика – 0,25 м. На дне сохранились длинные кости ног и ребра взрослого человека. Судя по ним, первоначальное положение погребенного – головой на запад. В северо-западном углу находились плоскостной глиняный сосуд (рис. 8: 3).

Могила 12. Каменный ящик трапециевидной формы из массивных плит размером $1,0 \times 0,7$ (0,5) м, вытянутый по основной оси в направлении юго-запад-запад – северо-восток-восток (рис. 4: 3). Глубина – 0,35 м. В заполнении найдены бронзовая прошивка и обломок бронзового кольца. В западном углу ящика находилась глиняный сосуд (рис. 7: 1).

Могила 13. Разрушенный каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,8 \times 0,7$ м, вытянутый по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 4: 4). Сохранилась только восточная часть ограждения каменного ящика. Глубина 0,45 м. Около восточной торцевой стенки лежали фаланги стопы взрослого человека. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 14. Каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,5 \times 0,75$ м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (рис. 4: 7). Северная стенка ящика не сохранилась. Глубина 0,44 м. На дне ящика у южной стенки находились длинные кости ноги взрослого подростка; ближе к середине – лопатка и плечевая кость барана. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 15. Погребения 15, 16 (детские каменные ящики) копались одним раскопом. На уровне древней поверхности сохранились отдельно лежащие камни, относящиеся к окружа-

ющей ограде. В могиле 15 находился каменный ящик прямоугольной формы из крупных плит размером $0,8 \times 0,5$ м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (рис. 4: 5). Глубина 0,15 м. Остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 16. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,75 \times 0,4$ (0,3) м, вытянутый в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 4: 8). Остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 17. Каменный ящик прямоугольной формы, размером $0,85 \times 0,5$ м, вытянутый по основной оси в направлении северо-восток-восток – юго-запад-запад (рис. 4: 6). Восточная торцевая стенка ящика не сохранилась. Глубина – 0,12 м. На дне ящика, около западной стенки, находились фрагменты черепа ребенка, в северо-западном углу – глиняный орнаментированный сосуд с ручкой (рис. 8: 9). На сосуде сверху лежала плечевая кость около северной стенки лопатка, длинные кости и ребра барана.

Могила 18. Каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,0 \times 0,5$ м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (рис. 4: 10). Глубина 0,33 м. В заполнении найдены фрагменты глиняного сосуда (рис. 8: 4). Других остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 19. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $1,2 \times 0,65$ (0,5) м, вытянутый по основной оси в направлении северо-восток-восток – юго-запад-запад (рис. 4: 11). Южная и восточная стенки ящика не сохранились. Глубина 0,33 м. На дне ящика находились разрозненные кости человеческого скелета (обломки длинных костей), у северной стенки – кости ног барана. В северо-западном углу – раздавленный глиняный сосуд.

Могила 20. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $1,8 \times 0,8$ (0,6) м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (с небольшим смещением) (рис. 4: 12). Глубина 0,25 м. На дне ящика в восточной части находились длинные кости ног взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – головой на запад. В северо-западном углу ящика находился орнаментированный глиняный сосуд (рис. 8: 6).

Могила 21. Разрушенный каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,1 \times 0,6$ м, вытянутый по основной оси в направлении запад-восток (с небольшим смещением) (рис. 4: 13). В заполнении посередине лежал крупный одиночный камень. Глубина 0,4 м. Остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 22. Разрушенный каменный ящик прямоугольной формы, размером $0,7 \times 0,4$ м, вытянутый по основной оси в направлении северо-восток-восток – юго-запад-запад (рис. 4: 14). Восточная часть ящика не сохранилась. Глубина 0,16 м. На дне ящика найдены свод черепа и бедренная кость взрослого человека. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 23. Погребение в каменном ящике (?), от которого сохранилась только одна (южная) стенка (рис. 4: 15). Размер могильной ямы $0,95 \times 0,7$ м, глубина 0,14 м. Остатков захоронения и сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 24. Могилы 24 и 25 копались одним раскопом. В могиле 24 находилось погребение в каменном ящике размером $0,8 \times 0,45$ м, вытянутом по основной оси в направлении северо-восток-восток – юго-запад-запад (рис. 4: 16). Глубина – 0,35 м. На дне в восточной части могилы находились длинные кости ног человека; около южной стенки – лопатка барана. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 25. Разрушенный каменный ящик трапециевидной формы (?), размером $0,9 \times 0,6$ м, вытянутый в направлении основной оси на северо-восток-запад – юго-запад-запад (рис. 5: 1). Глубина $0,27$ м. В заполнении найдены обломки бронзовой круглой пластины (рис. 9: 17). Остаток захоронения и других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 26. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,5 \times 0,5$ м, вытянутом по основной оси по направлению запад-восток (рис. 5: 5). Глубина $0,22$ м. На дне в западной части ящика находились длинные кости ног взрослого человека. Судя по ним, первоначальное положение погребенного – головой на В. Между костями ног и южной стенкой ящика располагались кости барана (длинные кости ног, лопатка и ребра). В юго-восточном углу ящика находился глиняный сосуд (рис. 8: 11); рядом с ним – плечевая кость человека. Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 27. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,9 \times 0,9$ м, вытянутом по основной оси в направлении запад-восток (с небольшим смещением) (рис. 4: 2). Восточнее каменного ящика сохранились лежащие горизонтально плиты ограждения. Глубина – $0,26$ м. На дне ящика около восточной стенки находились череп и левая рука; около западной стенки – кости стопы. Судя по ним, положение погребенного – на левом боку, головой на восток. В юго-восточном углу ящика были поставлены два глиняных сосуда (рис. 7: 5; 8: 18). Под черепом найдены мелкие обломки бронзовых колец (рис. 9: 11).

Могилы 28. Могилы 28–31, 33 копались одним раскопом (рис. 5: 6). На уровне древней поверхности были бесследно разрыты мелкие колоды камней, очевидно, остатки разрушенных каменных сооружений. С северо-восточной стороны от могилы 29 среди камней на уровне древней поверхности обнаружены мелкие фрагменты керамики. В могиле 28 находилось погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером $1,5 \times 0,6$ ($0,5$) м, расположенное по основной оси в направлении северо-восток-запад – юго-запад-запад. Около ящика со всех сторон сохранились вертикально стоящие плиты ограждения. Глубина ящика $0,43$ м. В заполнении найдена небольшая бронзовая пуговица (рис. 9: 12). На дне находились длинные кости ног взрослого человека, по которым можно судить, что погребенный был положен в скрещенном положении, на левом боку, головой на запад. В северо-западном углу находилось два глиняных сосуда (рис. 8: 7, 8).

Могилы 29. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,9 \times 0,6$ ($0,4$) м, расположенный по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток. Вокруг ящика сохранились остатки ограждения из вертикально вкопанных плит. С северо-восточной стороны от ящика среди камней на уровне древней поверхности находилось скопление мелких фрагментов керамики. Глубина ящика $0,16$ м. На дне ящика под западной стенкой найден раздавленный глиняный сосуд (рис. 8: 14). Остаток захоронения и других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 30. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,8 \times 0,5$ ($0,4$) м, расположенный по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток. Глубина ящика – $0,35$ м. Остаток захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 31. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,8 \times 0,5$ ($0,4$) м, расположенный по основной оси в направлении северо-восток-запад – юго-запад-запад. Глубина ящика $0,35$ м. На дне ящика найден обломок лучевой кости и бронзовые вещи: изогнутая фигурная пластина; три бронзовые проноски; два бронзовых кольца (рис. 9: 19–21).

Могилы 32. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,8 \times 0,5$ ($0,35$) м, расположенный по основной оси в направлении юго-запад-запад – северо-восток-запад (рис. 5: 8). Глубина ящика $0,31$ м. Остаток захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 33. До начала раскопок на уровне современной поверхности прослеживалась овальная выкладка из крупных горизонтально положенных плит диаметром около 2 м. Последнее выкладки находился каменный ящик трапециевидной формы размером $1,0 \times 0,5$ ($0,3$) м, расположенный по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 5: 9). Глубина – $0,3$ м. На дне ящика в западной части находились раздавленные череп; в восточной – отдельно лежащая берцовая кость. Судя по ним, первоначальное положение погребенного – головой на юго-запад. В северо-западном углу ящика находились глиняный сосуд (рис. 8: 15). Рядом с ним найдено шесть бронзовых колец; бронзовая пластинчатая скобка (рис. 9: 22, 23).

Могилы 34. Каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,0 \times 0,5$ м, расположенный по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 5: 10). Глубина $0,33$ м. Остаток захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 35. Остатки каменного ящика прямоугольной формы, составленного из крупных каменных блоков, размером $0,8 \times 0,6$ м, вытянутом в направлении запад-восток (рис. 5: 11). С западной и восточной сторон плиты ящика отсутствовали. С южной и частично с восточной сторон сохранились разбросанные камни ограждения. Глубина ящика $0,58$ м. На дне грунтовой ямы со скругленными стенками находились череп взрослого человека со скловым отверстием в теменной кости, под черепом – длинная кость животного. Рядом с черепом – раздавленный глиняный сосуд (рис. 8: 12).

Могилы 36. Каменный ящик прямоугольной формы, размером $2,2 \times 1,2$ м, расположенный по длинной оси в направлении запад-восток (с небольшим смещением) (рис. 6: 1). Сохранились только западная и восточная торцевые стенки ящика; с южной и восточной сторон на уровне древней поверхности находились отдельно лежащие камни ограждения. Глубина ящика $0,63$ м. В заполнении найдены фрагменты глиняного сосуда (рис. 8: 20) и несколько бронзовых проносок (рис. 9: 18). На уровне дна, вдоль западной и северной стенок сохранились остатки деревянной рамы из двух жердей. На дне ящика в западной части находились части скелета взрослого человека – левая рука, ребра, отдельные разрозненные мелкие кости. Судя по ним, положение погребенного – головой на запад. Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 37. Погребение грунтовое. На уровне древней поверхности находилось перекрытие из мелких колодых плит овальной формы, размером $2,6 \times 1,0$ м, расположенное по длинной оси в направлении юго-запад-запад – северо-восток-восток (рис. 10: 1). Часть наиболее крупных плит перекрытия опущена в заполнение могильной ямы по придонной части. В заполнении найдены три бронзовые пластинчатые обоямы. Глубина погребения $0,5$ м. Могильная яма (по дну) имеет прямоугольную форму, со скругленными углами, размером $2,1 \times 0,85$ м, вытянута по основной оси в направлении юго-запад-запад – северо-восток-восток. На дне ямы находился скелет взрослого человека. Положение погребенного – на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад-запад. В северо-западном углу ямы был поставлен глиняный сосуд (рис. 11: 1). С погребением (жидкой?) найдены многочисленный набор бронзовых предметов, находившихся на черепе и под черепом: бронзовые височные кольца (рис. 12: 1); бронзовые пластины с отверстием для крепления (рис. 12: 7); бронзовая пуговица с петелькой на обратной стороне (рис. 12: 2);

бронзовые пронизки (рис. 12: 3); бронзовые пластинчатые обоймы (рис. 12: 6). На левой локтевой кости лежала круглая шестилестковая бронзовая бляха (рис. 12: 5). Между левой рукой погребенного и северной стенкой ямы находился сильно сточенный бронзовый нож (рис. 12: 4).

Могилы 38. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,2 \times 0,6$ м, расположенном по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 5: 13). Западная торцевая стенка ящика не сохранилась. Глубина ящика 0,23 м. В заполнении найдены два обломанных бронзовых кольца (рис. 9: 13). На дне находились разрозненные длинные кости взрослого человека. В западном углу ящика найдены фрагменты глиняного орнаментированного сосуда (рис. 8: 22).

Могилы 39. На уровне древней поверхности находилась каменная вымостка овальной формы, размером $0,7 \times 0,5$ м, вытянутая в направлении запад–восток (рис. 4: 9). Под вымосткой посередине находилась овальная яма глубиной 0,11 м, в которой найдены кости ноги барана.

Могилы 40. Захоронение обилие урны древней поверхности (рис. 6: 2). Сохранились отдельно лежащие каменные плиты, длинные кости ног взрослого человека, отдельные разбросанные кости, фрагменты керамики. Других предметов сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено.

Могилы 41. Погребение в разрушенном каменном ящике прямоугольной формы, размером $0,9 \times 0,55$ м, расположенном по длинной оси в направлении северо-восток–восток – юго-запад–запад (рис. 6: 3). Южная и западная стенки ящика не сохранились. Глубина 0,24 м. На дне находились разрозненные кости детского скелета. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 42. Грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,8 \times 1,0$ м, расположенная по основной оси в направлении северо-восток–восток – юго-запад–запад (рис. 10: 2). Глубина – 0,51 м. В заполнении найдены концы цесалий (рис. 12: 8). Других следов захоронения в яме не обнаружено.

Могилы 43. На уровне древней поверхности находилась каменная вымостка из плоских плиток округлой формы, размером около 0,8 м (рис. 6: 4). Под вымосткой посередине – яма округлой формы, размером $0,7 \times 0,8$ м, глубиной 0,08 м. На дне ее находились плоские камни и кости барана.

Могилы 44. Погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером $1,6 \times 0,7$ (0,55) м, расположенном по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 6: 5). Глубина 0,46 м. В заполнении найдена бронзовая двухъярусная бляшка (рис. 9: 16). Других остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 45. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,2 \times 0,6$ м, расположенном по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 6: 6). С западной и юго-восточной стороны от ящика сохранились остатки ограждения из вертикальных и горизонтально положенных плит. Глубина – 0,34 м. В заполнении найдено маленькое бронзовое кольцо (рис. 9: 24). Других остатков захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 46. Погребение в каменном ящике трапециевидной формы, размером $1,2 \times 0,65$ (0,5) м, расположенном по основной оси в направлении северо-восток–восток – юго-запад–запад (рис. 6: 7). Стенки ящика сохранились частично. Глубина 0,4 м. На дне у восточной стенки ящика находились берювые кости и стопы взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – головой на юго-запад. Около стоп ног найдены бронзовые украшения в виде тонких многоярусных бляшек – всего 12 экз. (рис. 9: 25), а также две бронзовые обоймы (рис. 9: 26).

Могилы 47. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,9 \times 0,9$ м, расположенном по основной оси в направлении северо-восток – юго-запад (рис. 6: 8). С восточной стороны часть плит каменного ящика не сохранилась. Глубина 0,58 м. На дне около южной стенки находились кости ног взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – головой на юго-запад. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могилы 48. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,65 \times 0,65$ м, расположенном по основной оси в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 6: 9). Восточная стенка ящика расположена наклонно. Глубина ящика – 0,4 м. В заполнении найдены фрагменты глиняного сосуда, детали бронзовых пронизок (рис. 9: 29), бронзовый гвоздик (рис. 9: 28). На дне ямы в восточной части находились длинные кости ног взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – головой на юго-запад. Около северной стенки лежали кости животного – длинные кости конечностей, ребра, позвонки. Около них найдено бронзовое четырехгранное шило (рис. 9: 30). В северо-западном углу ящика стоял глиняный сосуд (рис. 8: 13). Около сосуда найдены два бронзовых кольца (рис. 9: 27). В юго-восточном углу – позвонки мелкого животного.

Могилы 49. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $1,65 \times 0,7$ м, расположенном по основной оси в направлении запад–восток (с небольшим отклонением) (рис. 6: 10). Глубина ящика – 0,65 м. На дне в восточной части ящика находились кости ног взрослого человека, согнутые в коленях. Судя по ним, положение погребенного – головой на запад. В западной части ящика посередине находился плоскодонный глиняный сосуд (рис. 8: 23).

Могилы 50. Погребение в каменном ящике прямоугольной формы, размером $2,1 \times 0,9$ м, расположенном по основной оси в направлении северо-восток–восток – юго-запад–запад (рис. 6: 12). Глубина – 0,7 м. На дне ящика находились кости нижней части скелета взрослого человека. Судя по ним, положение погребенного – с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. В северо-западном углу ящика находился глиняный сосуд (рис. 7: 2). Здесь же находились длинные кости ног, лопатка и ребра барана. Между сосудом и костями животных лежали два бронзовых кольца (рис. 9: 31). На костях стопы погребенного найдены три бронзовых гвоздика (рис. 9: 33); три многоярусные бляшки (рис. 9: 34); бронзовая лопатчатая приська (рис. 9: 32).

Могилы 51. Погребение грунтовое. Могильная яма прямоугольной формы, размером $2,3 \times 0,8$ м, расположенная по длинной оси в направлении северо-восток–восток – юго-запад–запад (рис. 10: 5). Глубина 0,36 м. На дне ямы находился скелет взрослого человека. Положение погребенного – вытянуто на спине, головой на юго-запад–запад. В северо-западном углу находился глиняный сосуд (рис. 11: 2).

Могилы 52. Погребение грунтовое. Могильная яма прямоугольной формы, размером $2,6 \times 1,05$ м, расположена по длинной оси в направлении запад–восток (с небольшим отклонением) (рис. 10: 8). Глубина – 0,6 м. На дне ямы по северной и восточной стенкам сохранились несколько вертикально установленных плит ограждения. Около южной стенки могильной ямы находился скелет взрослого человека. Положение погребенного – англооборотом на левом боку, головой на запад. В северо-западном углу стоял глиняный сосуд (рис. 11: 3). Около черепа – бронзовое кольцо (рис. 12: 17). Ниже ребер – две бронзовые пронизки (рис. 12: 18).

Могилы 53. Яма размерами $1,0 \times 0,6$ и глубиной 0,5 м. Ориентирована осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 10: 6). На дне могилы находилась скелет ребенка трех-четырёх лет, лежавшего головой на запад-юго-запад.

вытянута на левом боку влоборота. Правая рука согнута в локте и располагалась кистью на тазе. На черепе погребенного и в юд найден два бронзовых височных кольца (рис. 12: 20), а у левого бедра – лезвие ножа (рис. 12: 19). Слева у головы стоял глиняный сосуд (рис. 11: 5). У левого колена лежали кучкой левое плечо, лопатка и кости задней ноги овцы.

Могила 54. Грунтовая яма размерами 1,25 × 0,65 и глубиной 0,8 м. Ориентирована осяю по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 10: 7). Юго-восточная стенка могилы укреплена кладкой высотой 0,3 м из четырех рядов плоских камней. На дне ямы находился скелет ребенка четырех-пяти лет, лежавшего головой на запад-северо-запад, на левом боку влоборота, с подогнутыми ногами. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. На правом виске ребенка найдено бронзовое кольцо (рис. 12: 23). Слева от головы погребенного стоял глиняный сосуд (рис. 11: 9).

Могила 55. Грунтовая яма размерами 2,0 × 0,6 и глубиной 0,7 м. Ориентирована осяю по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 10: 9). На дне могилы находился скелет взрослого мужчины, лежавшего головой на запад-юго-запад, вытянуто на левом боку влоборота. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Правая рука, лопатка и крыло таза смешаны упираясь в плиту покрытия. В заполнении ямы найден кусок грудной коровы. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 56. Грунтовая яма размерами 1,7 × 0,8 и глубиной 0,5 м. Ориентирована осяю по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 10: 11). На дне могилы находился скелет взрослого мужчины, лежавшего головой на запад-юго-запад, на левом боку влоборота, с подогнутыми ногами. Череп и верхняя часть позвоночника сдвинуты относительно оси скелета. У правого бедра погребенного лежали голени и пятка овцы; в заполнении найдено лезвие бронзового ножа (рис. 12: 11).

Могила 57. Грунтовая яма размерами 1,7 × 0,8 и глубиной 0,45 м. Ориентирована осяю по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 10: 12). На дне могилы сохранились череп, правые рука и лопатка, а также кости ног взрослого человека. Первоначальное положение погребенного головой на запад-юго-запад, вероятно, вытянуто на левом боку влоборота. Верхняя часть скелета перевернута грабителями. Под черепом погребенного найдено бронзовое височное кольцо (рис. 12: 22); в заполнении обнаружен фрагмент венчика глиняного сосуда.

Могила 58. Грунтовая яма размерами 0,95 × 0,5 и глубиной 0,5 м. Ориентирована осяю по линии юго-запад – северо-восток (рис. 10: 10). На дне могилы находился череп ребенка в возрасте до одного года, лежавшего головой на юго-запад. Под ним найдено два бронзовых височных кольца (рис. 12: 24). Слева от головы погребенного стоял глиняный сосуд (рис. 11: 8); а ближе к северному углу могилы лежали левые плечо, лопатка, ребра и кости задней ноги овцы. На виске животного находилось лезвие бронзового ножа (рис. 12: 23).

Могила 59. Каменный ящик трапециевидной формы, размерами 1,8 × 0,8 (0,5) м, высотой – 0,7 м, ориентированный северо-восток – юго-запад (рис. 6: 13). На дне могилы в непотревоженном состоянии находились кости ног взрослого человека, лежащего на левом боку влоборота, с подогнутыми ногами; ориентировка – на юго-запад. Слева от погребенного – левые бедро, плечо, ребра теленка. В заполнении могильной ямы найдены глиняный сосуд (рис. 8: 17), бронзовая проколка (рис. 9: 35), двухъярусная бляшка (рис. 9: 38), обломок височного кольца (рис. 9: 37), обломок бронзовой накладки (рис. 9: 39), два бронзовых гвоздика (рис. 9: 36).

Могила 60. Грунтовая яма размерами 2,15 × 0,85 и глубиной 0,5 м. Ориентирована осяю по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 10: 13). В юго-восточном углу могилы и вдоль северной стенки стояло на ребре несколько плиток песчаника. На дне ямы находился скелет взрослого человека, лежавшего головой на запад-северо-запад, вытянуто на левом боку влоборота. Левая рука вытянута, правая согнута в локте и лежит кистью на тазе. Череп и шейные позвонки смещены, что позволяет предполагать наличие под ними подушки из органического материала. На правом соседнем отрезке черепа найдено бронзовое височное кольцо (рис. 12: 15); на левом отмечены следы окиси меди от разложившегося украшения. Слева от головы погребенного стоял глиняный сосуд (рис. 11: 6); а перед грудью лежали левые лопатка, плечо, ребра и кости задней ноги коровы. На левом крыле таза погребенного находился бронзовый нож (рис. 12: 15), а в заполнении ямы обнаружено несколько мелких бронзовых обломочек (рис. 12: 14) и пронизок (рис. 12: 16).

Могила 61. Грунтовая яма размерами 0,65 × 0,5 и глубиной 0,35 м. Ориентирована осяю по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 10: 3). На дне могилы в северо-западном углу стоял глиняный сосуд (рис. 11: 10), а в северо-восточном углу лежали левые плечо и ребра овцы. Среди костей найдено лезвие бронзового ножа (рис. 12: 9). Остатков погребенного в могиле не сохранилось.

Могила 62. Грунтовая яма размерами 0,8 × 0,45 и глубиной 0,5 м. Ориентирована осяю по линии запад-восток (рис. 10: 4). На дне могилы в северо-западном углу стоял глиняный сосуд (рис. 11: 4); ближе к восточной стенке лежали левые плечо, лопатка, ребра и кости задней ноги овцы. Остатков погребенного (ребенка?) в могиле не сохранилось.

Могила 63. Грунтовая яма размерами 1,05 × 0,5 и глубиной 0,4 м. Ориентирована осяю по линии запад-восток (рис. 10: 14). На дне могилы найден скелет ребенка 7–8 лет, лежавшего головой на запад, на левом боку влоборота, с подогнутыми ногами. Левая рука погребенного вытянута, правая согнута в локте. Слева от черепа стояло два глиняных сосуда (рис. 11: 11, 12).

Могила 64. Грунтовая яма размерами 0,85 × 0,45 и глубиной 0,45 м. Ориентирована осяю по линии запад-восток (рис. 10: 15). На дне могилы расчищен скелет ребенка 3–4 лет, лежавшего головой на запад, вытянуто, на левом боку влоборота. На соседних отрезках черепа отмечены следы окиси меди от разложившихся украшений. Слева от головы погребенного стоял глиняный сосуд (рис. 11: 13); у левого колена лежали левые лопатка, ребра и кости задней ноги овцы. На костях животного найден обломок лезвия бронзового ссакача (рис. 12: 12).

Могила 65. Яма размерами 0,65 × 0,4 и глубиной 0,3 м. Ориентирована осяю по линии запад-восток (рис. 10: 16). На дне могилы в северо-западном углу стоял глиняный сосуд (рис. 11: 14); а в северо-восточном углу лежали правая лопатка, левые плечо и кости задней ноги овцы. Остатков погребенного (ребенка?) в могиле не сохранилось.

Могила 66. Каменный ящик из плит песчаника размерами 0,6 × 0,3 и глубиной 0,4 м. Ориентирован осяю по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 10: 17). На дне могилы в юго-западном углу находился череп новорожденного ребенка, лежавшего головой на запад-северо-запад. Вещей нет.

Могила 67. Грунтовая яма размерами 0,7 × 0,45 и глубиной 0,4 м. Ориентирована осяю по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 10: 18). На дне могилы в северо-западном углу стоял глиняный сосуд (рис. 11: 7); ближе к восточной стенке лежали левые плечо и кости задней ноги овцы. На костях животного найдено лезвие бронзового ножа (рис. 12: 10).

- Могила 68.** Каменный ящик из четырех плит, размерами $0,6 \times 0,3$ м, высотой $0,4$ м, ориентированный осью по линии юго-запад – северо-восток (рис. 6: 14). Остаток погребения не обнаружено, вещей нет.
- Могила 69.** Каменный ящик трапециевидной формы, размерами $1,6 \times 0,8$ ($0,6$) м, высотой $0,45$ м, ориентирован осью по линии юго-запад – северо-восток (рис. 5: 4). На дне в северо-восточной части могилы сохранились в непотревоженном состоянии кости ног взрослого человека, лежащего с подогнутыми ногами, головой на юго-запад, вероятно, на левом боку, вполоборота. В западном углу могилы – глиняный круглодонный сосуд (рис. 8: 21). Рядом левая голень, правое плечо, ребра и кости передней ноги ошцы. Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.
- Могила 70.** Каменный ящик трапециевидной формы, размерами $0,85$ на $0,5$ ($0,35$) м, высотой $0,45$ м, ориентированный осью по линии юго-запад – северо-восток (рис. 5: 2). В юго-западной части могилы находились обломок черепа ребенка и височное кольцо, ближе к западному углу – глиняный сосуд (рис. 8: 19). В центре могилы – правое плечо, левое бедро и лопатка ошцы. Среди них найдено лезвие бронзового ножа (рис. 9: 40).
- Могила 71.** Грунтовая яма размерами $1,2$ на $0,55$ м, глубиной $0,45$ м, ориентирована по линии запад-восток (рис. 5: 3). На дне в западной части – обломок черепа ребенка 5–7 лет. Здесь же находился развал глиняного сосуда (рис. 8: 24). В заполнении найдены обломок бронзовой пронизки и кости животных. Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.
- Могила 72.** Каменный ящик трапециевидной формы, размерами $1,2$ на $0,7$ ($0,5$) м, высотой $0,35$ м, ориентирован осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 5: 7). На дне могилы в непотревоженном состоянии сохранились позвоночник, таз и бедренные кости ребенка 7–8 лет, лежащего на левом боку вполоборота, с подогнутыми ногами, головой на восток. У южной стенки ящика лежали правое плечо, лопатка, ребра, грудина и кости левой задней ноги ошцы. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.
- Могила 73.** Остатки каменного ящика размерами $1,1$ на $0,55$ м, глубиной $0,4$ м, ориентированного осью по линии запад-северо-запад – восток-северо-восток (рис. 5: 12). На дне кости ребенка 7–8 лет, лежащего на левом боку вполоборота, с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад. Часть костей погребенного растащена грызунами. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.
- Могила 74.** Каменный ящик трапециевидной формы, размерами $1,3$ на $0,6$ ($0,4$) м, глубиной $0,35$ м, ориентирован осью по линии запад-восток. Следов захоронения и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.
- Поминиальник I.** Грунтовая яма округлой формы диаметром $0,9$ м, глубиной $0,6$ м. На дне слой угля, фрагменты обгоревшей бересты, толщиной 3 см. В заполнении ямы найдены фрагменты глиняного сосуда (рис. 6: 15).
- Поминиальник II.** Размеры и форма ямы не установлены, глубина $0,2$ м. На дне возле вертикально вкопанной плитки пестанка лежала кучка из восьми окатанных галек округлой формы (рис. 6: 11).
- Бобров, Кузьминых, Тенейшвили 1997 – Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (Лугавская культура). Кемерово, 1997.
- Вадецкая 1986 – Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986.
- Громов 1991 – Громов А.В. Палеоантропологические материалы из карасукского могильника Арбан I // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии // Сборник МАЭ. СПб., 1991. Т. XLIV. С. 41–47.
- Громов 1995 – Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема протондизации карасукской культуры // Антропология сегодня. 1995. Вып. 1. С. 130–150.
- Грязнов 1965 – Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции (1960–1963 гг.) // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.
- Грязнов 1979 – Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 3–6.
- Грязнов. Пяткин, Максименков 1968 – Грязнов М.П., Пяткин Б.И., Максименков Г.А. Карасукская культура // Древняя Сибирь / История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 180–187.
- Зяблин 1977 – Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копеи III. М., 1977.
- Кузьмин, Лазаретов 1995 – Кузьмин Н.Ю., Лазаретов И.П. Памятники эпохи поздней бронзы долины реки Уйбат (относительная хронология и интерпретация) // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995. С. 33–37.
- Кыласов 1971 – Кыласов Л.Р. Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170–188.
- Лазаретов 1995 – Лазаретов И.П. Каменоловские погребения могильника Арбан I // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб., 1995. № 24. С. 39–46.
- Лазаретов 1996 – Лазаретов И.П. Керамика поселения Торгажак // Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак, СПб., 1996. С. 33–37.
- Лазаретов 2001 – Лазаретов И.П. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 103–107.
- Липский 1956 – Липский А.Н. Карасукские погребения (1200–700 гг. до н.э.) в городе Абакане // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. № 1. С. 93–157.
- Липский 1963 – Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 57–89.
- Максименков 1975 – Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48–58.
- Новгородова 1970 – Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Павлов 1999 – Павлов П.Г. Карасукский могильник Терт-Аба, СПб., 1999.
- Паульс 2000 – Паульс Е.Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 104–118.
- Поляков 2002 – Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 209–213.
- Савинов 1977 – Савинов Д.Г. Устинкинский могильник на севере Хакасии // АО 1976 года. М., 1977. С. 238–240.
- Савинов 1993 – Савинов Д.Г. О «третьем» мире культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурногене-

- тические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 107–112.
- Савинов 1996 – *Савинов Д.Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
- Савинов, Бобров 1983 – *Савинов Д.Г., Бобров В.В.* Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири / ИЛАИ. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 34–71.
- Теплоухов 1929 – *Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
- Филиппова 1980 – *Филиппова Е.Е.* Новые находки в карасукском комплексе Хара-Хая // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 85–102.
- Хаврин 1994 – *Хаврин С.В.* Карасукская проблема? // ПАВ. СПб., 1994. № 8. С. 104–113.
- Хаврин 2001 – *Хаврин С.В.* Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак – Арбан – Федоров Улус) // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 117–125.
- Хлобыстина 1963 – *Хлобыстина М.Д.* Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.
- Членова 1972 – *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова, Бобров 1991 – *Членова Н.Л., Бобров В.В.* Сметанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 143–180.
- Lazaretov 2000 – *Lazaretov I.P.* Spätbronzezeitliche Denkmäler in Südschakassien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2000. Bd. 6. S. 249–280.

The Burial Ground of Arban I

D.G. Savinov, A.V. Polyakov

This article is basically a publication and a primary interpretation of the finds from the Karasuk cemetery of Arban I situated in the Askiz region of the Republic of Khakassia. The complex under consideration was excavated in 1987–88 by the First Detachment of the Middle-Yenisey Expedition headed by D.G. Savinov. Some of the materials obtained have already been published, but a complete report on all of the burials is first presented here.

The burial ground containing a total of 72 burials and four ritual deposits is interesting mostly by the fact that it consists of two groups of graves. The first group (54 burials) represents the 'classic' stage of the Karasuk culture, while the second one (18 burials) belongs to the Kamennolozhsky stage. These groups demonstrate marked differences both in their construction and in the funerary offerings. This cemetery therefore provides us with an example to discuss the problem of the interrelation between the two stages of the Karasuk culture. Here a brief review of opinions suggested on these problems is presented and the views of the present authors are then proposed on the basis of the aggregate of the objective evidence (including the plan of the cemetery of Arban I).

The finds from the 'classical' section of the cemetery considered together with other sites lying nearby give us grounds to distinguish still another local 'Arban' group of burials. Practically all cemeteries of the 'classic' stage of the Karasuk culture situated in the south-western part of its area (Khara-Khaya, Tert-Aba, Yesinskaya MTS, Bel'tyrg, Torgazhak) demonstrate similar features differing markedly from the type sites of the same period. The factors unifying the former sites are the pottery decorated with toothed stamps, the presence of certain traits peculiar rather to the Kamennolozhsky stage of the culture, the general 'poorness' of the graves and instability of the burial rite. The features mentioned above resulted probably of the marginal location of the group and, perhaps, its partial isolation from the major centres.

The cemetery of Arban I, due to its marginal position and a number of its specific features cannot be considered as a type site of the Karasuk culture. Nevertheless, the presented here evidence related with a turning-point in the history of the Karasuk tribes, reflects on the whole fairly exactly the major trends in the cultural genesis of the Late Bronze Age in the south of the Minusinsk Basin.

Памятники байновского типа и тагарская культура

И.П. Лазаретов¹

Уже в процессе создания первой периодизации древних памятников Южной Сибири С.А. Теплоухов столкнулся с проблемой интерпретации переходных комплексов, сочетающих в себе особенности двух смежных во времени археологических культур. В качестве памятников, демонстрирующих связь между карасукской и минусинской курганной (тагарской) культурой, им были отмечены могильник Гришкин Лог, курган у станции Шира и погребение с баночным сосудом в могильнике Карасук I (Теплоухов 1926: 90, 94). В дальнейшем, по мере накопления новых материалов, перечень такого рода комплексов постоянно пополнялся. С.В. Киселев добавил в него могилу № 2 у Быстрой и могилу № 1 у Ильинской Горы, а в архиве Г.П. Сосновского имеется список, состоящий из 10 памятников переходного карасук-тагарского времени (Киселев 1937: 166; 1951: 187, 188).

Все эти комплексы М.П. Грязнов объединил в ранний этап тагарской культуры, предшествующий 1-й ступени по периодизации С.А. Теплоухова и 1-й стадии С.В. Киселева, дав ему название по могильнику Байнов Улус (Грязнов 1956: 70). Он указал на несомненную связь байновских комплексов с поздним каменоложским этапом карасукской культуры, которая выражалась в сходстве элементов погребального обряда (количество и способ размещения сосудов, жертвенная пища), посуды (уплощенно-яйцевидные формы, характер ornamentации), орудий (шилья с грибовидной шляпкой, ножи с козлом и полукольцом, предметы неизвестного назначения) и украшений (височные кольца, пронизки, лапчатые привески). Одновременно М.П. Грязнов отметил, что целый ряд предметов (кинжалы, чеканы, боевые топоры, пластинчатые ножи с отверстием в рукояти, полушарические бляшки, костяные головные ножи, баночная посуда с орнаментом в виде широких желобков) представляют собой ранние варианты изделий уже скифского времени. На этом основании он и включил байновские комплексы в круг памятников тагарской культуры (Грязнов 1968: 188, 189). Наиболее наглядно эта точка зрения проиллюстрирована Э.Б. Вадецкой в ее сводной работе, посвященной древним памятникам Среднего Енисея (Вадецкая 1986: 88, табл. VI). Периодизация, предложенная М.П. Грязновым, в настоящий момент признана и используется подавляющим боль-

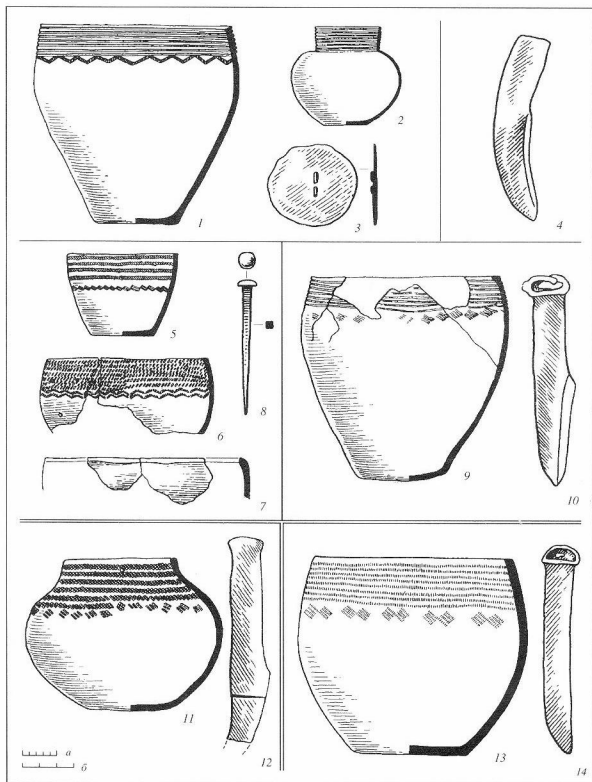
шинством археологов, специализирующихся по истории Сибири. В предложенной трактовке преемственные связи тагарской культуры с местными памятниками эпохи поздней бронзы выглядят вполне очевидными. В научной литературе последних десятилетий ее автохтонное происхождение рассматривается как безусловно доказанный факт, не требующий дополнительной аргументации и разработки. Если добавить к этому большое количество случайных находок ранних типов оружия, тагарской упряжи и предметов, выполненных в «зверином» стиле, то Южная Сибирь предстает перед нами как один из важнейших центров формирования скифской культуры. Так ли это на самом деле?

С точки зрения относительной хронологии позиция байновских комплексов и сегодня не вызывает сомнений. Они действительно занимают место между каменоложскими (дугавскими по Н.Л. Членовой) памятниками и основной массой комплексов подгорновского типа. Однако их этнокультурная атрибуция выглядит, на наш взгляд, не столь безупречно. Прежде всего настораживает способ формирования байновской группы. Все работы по данной тематике начинаются со списка памятников и их суммарной характеристики, но отсутствует детальное обоснование причин, по которым каждый конкретный комплекс был причислен к этой группе.

Поскольку группа носит название байновской, мы вправе ожидать, что в качестве эталона должен использоваться могильник Байнов Улус. Этот сравнительно небольшой комплекс содержит достаточно выразительный материал. В нем представлена керамика двух основных типов: банки, близкие по форме к яйцевидным сосудам лугавской культуры, но имеющие уплощенное дно, а также сферические сосуды с высоким узким горлом (рис. 1: 1, 2, 5–7, 9). В верхней части они украшены тонкими прочерченными линиями, рядами отрисков гладкого или зубчатого штампа. Основной мотив часто дополняется горизонтальным зигзагом или ромбическими фигурами, выполненными тем же орнаментом. Имеется два типа пластинчатых ножей: с завершением в виде полукольца и без завершения (рис. 1: 4, 10). Здесь же найдено дисковидное зеркало с петелькой на обороте и шило с грибовидной шляпкой (рис. 1: 3, 8).

Этой характеристике в полной мере соответствуют отдельные погребения в могильниках Малые Колены I и Самохвал (рис. 1: 11–14). К памятникам байновского типа можно отнести большинство за-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Fig. 1. Байнов Улус (Членова 1972): 1–3 – курган № 1; 4 – курган № 4; 5–8 – курган № 3; 9, 10 – курган № 2. Малые Копецы I: 11, 12 – курган № 2, могила № 3. Самохвал: 13, 14 – курган № 9, могила № 2 (1, 2, 5–7, 9, 11, 13 – керамика; 3, 4, 8, 10, 12, 14 – бронза)
Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 1. Bainov Ulus (Членова 1972): 1–3 – kurgan 1; 4 – kurgan 4; 5–8 – kurgan 3; 9, 10 – kurgan 2. Malye Kopecy I: 11, 12 – kurgan 2, grave 3. Samokhval: 13, 14 – kurgan 9, grave 2 (1, 2, 5–7, 9, 11, 13 – pottery; 3, 4, 8, 10, 12, 14 – bronze)

Scales: a – for pottery; б – for other objects

хороший могильника Аскиз VI (Членова 1972: табл. 39). Правда, часть сосудов в нем имела округлое дно, что обычно свойственно керамике эпохи бронзы, а сосуд из кургана № 4 и по форме и по ornamentации просто является лугавским (Членова 1972: табл. 39: 10). Аналогичная округлодонная посуда происходит из погребений поздней части могильника Белое Озеро I (рис. 2: 1-9). Данную особенность, по всей видимости, следует считать наследием лугавской культуры, а комплексы, где она встречается, датируются раннебаиновским или переходным лугавско-баиновским временем. С учетом этих оговорок, могильник Аскиз VI позволяет пополнить состав инвентаря баиновской группы ножами с кольцевым навершием, предметами неизвестного назначения, лапчатыми привесками, височными кольцами, перстнями с двумя выступами и пуговицами с перемычкой. Единственным новым орнаментальным мотивом, ранее не встречавшимся на посуде, являются «жемчужины» — бугорки выдавленные с внутренней стороны сосудов. Расширенная характеристика дает возможность причислить к памятникам баиновского типа еще целый ряд небольших комплексов и отдельных погребений: курган № 1 могильника Лугавское III (рис. 2: 10-14), Мохов П, Минусинск VII, Кривая I, Монок, Ильинская Гора (Членова 1972: табл. 37: 1-10, 30-51; табл. 41: 1-7, 31, 32). Из раскопок последних лет, пожалуй, самым крупным могильником является Бырганов V, в котором 13 из 17 курганов можно уверенно интерпретировать как баиновские (рис. 3-4).

Что касается остальных комплексов, упоминавшихся в перечне переходных памятников, то существуют серьезные сомнения в правомочности включения их в баиновскую группу. Попытаемся проиллюстрировать это на примере могильника Гришкин Лог I. Данный памятник, фигурирующий практически во всех списках, частично исследовался С.А. Теплоуховым, а впоследствии был полностью исследован М.П. Грязновым и Г.А. Максименковым. Он состоял из 25 курганов, включавших 80 одиночных или групповых захоронений. В составе инвентаря могильника имеется большая серия разнообразных бронзовых, костяных и каменных предметов, а также 90 целых и фрагментированных сосудов (Максименков 2003: табл. 19-29). Керамика могильника была разделена Г.А. Максименковым на пять групп. Для удобства сопоставления нам больше подходит деление посуды по форме на три основных типа: слабопрофилированные банки, сосуды с раздутым туловом и низким, узким горлом, а также сосуды индивидуальным форм.

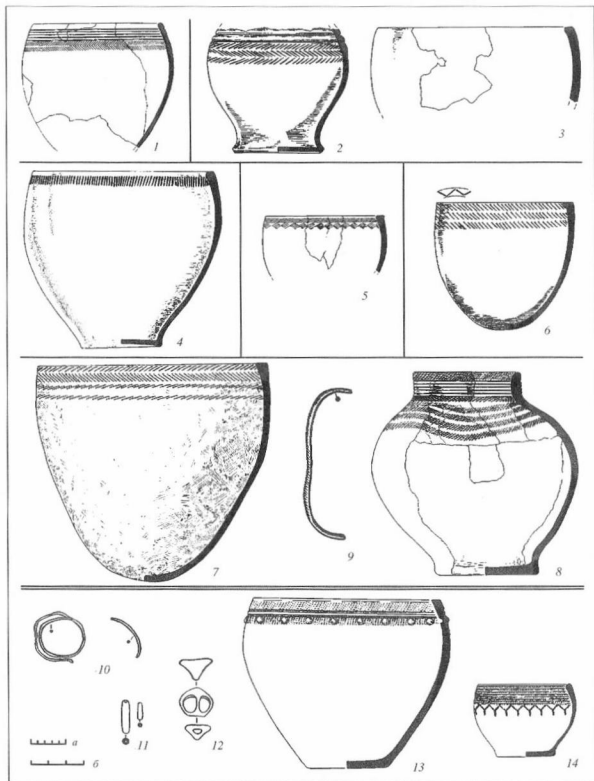
Керамика индивидуальных форм представляет собой красноватые тщательно залощенные сосуды небольшого объема с округлым дном, поддоном или сосцевидными ножками (Максименков 2003: табл. 21: 2-5). Характерным признаком, позволяющим объединить их в одну группу, является обязательное наличие двух отверстий для подвешивания. Такие сосуды многократно встречались в подгорновских комплексах, причем только в женских и детских погребениях. Ни в собственно Баиновом Улусе, ни в других памятниках этой группы ничего подобного до сих пор не обнаружено. В свете автохтонной теории происхождения этого специфического типа посуды остается загадкой.

Другие разновидности посуды Гришкиного Лога отличаются от баиновских не столь кардинально. Банки в целом менее профилированы, а у сферических сосудов иначе оформлена верхняя часть. Шейка у них низкая, заметно отогнутая наружу (Максименков 2003: табл. 21: 6-10). При желании здесь еще можно обнаружить элементы силуэтного сходства с баиновской посудой, но набор и расположение орнаментальных мотивов у них принципиально разные.

Характерной особенностью керамики Гришкиного Лога можно считать украшение в виде так называемых «карнизиков» или «широких желобков», которые, по нашему мнению, являются ничем иным, как формованными валиками. Часто встречающийся на посуде раннескифского времени косой срез венчика также можно рассматривать в качестве рудимента валика. Орнаментация сосудов крайне скудная. Это может быть ряд ямок, иногда «жемчужин», разреженные косые насечки, а также группы отгисов палочки или штампа. Причем орнамент тяготеет не к верхней части сосуда, как на баиновских горшках, а располагается ниже, под валиками. Подобная приуроченность, вероятно, представляет собой уже утраченный функциональное значение пережиток валиковой традиции, где орнамент выполнял не только декоративную роль, но и способствовал лучшему креплению налета к тулову сосудов.

По подсчетам Г.А. Максименкова, керамика с «карнизиком» и «широкими желобками» составляет в Гришкином Логу 56,1%, то есть более половины от общего числа сосудов. В других раннеатарских могильниках, особенно на юге Хакасии, процент посуды с валиками еще выше и может достигать 70-80%. Удивительно, но в комплексах собственно баиновского типа нам не известно ни одного сосуда с валиком. Между тем посуда Гришкиного Лога демонстрирует отнюдь не начальную стадию формирования валиковой традиции, а скорее момент ее максимального развития и последующего вырождения, что подтверждается общей

² Во избежание путаницы, здесь и в дальнейшем названия могильников даны по сводке Э.Б. Вадецкой (Вадецкая 1986).

Рис. 2. Белое Озеро I (Е.Д. Паульс, И.П. Лазаретов, раскопки 1984–1991 гг.): 1 – курган № 3; 2, 3 – курган № 42; 4 – курган № 50; 5 – курган № 77; 6 – курган № 53; 7–9 – курган № 40, могила № 2. Лугавское III (Н.В. Леонтьев, раскопки 1971–1972 гг.): 10–14 – курган № 1 (1–8, 13, 14 – керамика, 9–12 – бронза)

Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 2. Beloe Ozero (E.D. Paul's, I.P. Lazaretov, excavations 1984–1991): 1 – kurgan 3; 2, 3 – kurgan 42; 4 – kurgan 50; 5 – kurgan 77; 6 – kurgan 53; 7–9 – kurgan 40, grave 2. Lugavskoe III (N.V. Leon't'ev, excavations 1971–1972): 10–14 – kurgan 1 (1–8, 13, 14 – pottery, 9–12 – bronze)

Scales: а – for pottery; б – for other objects

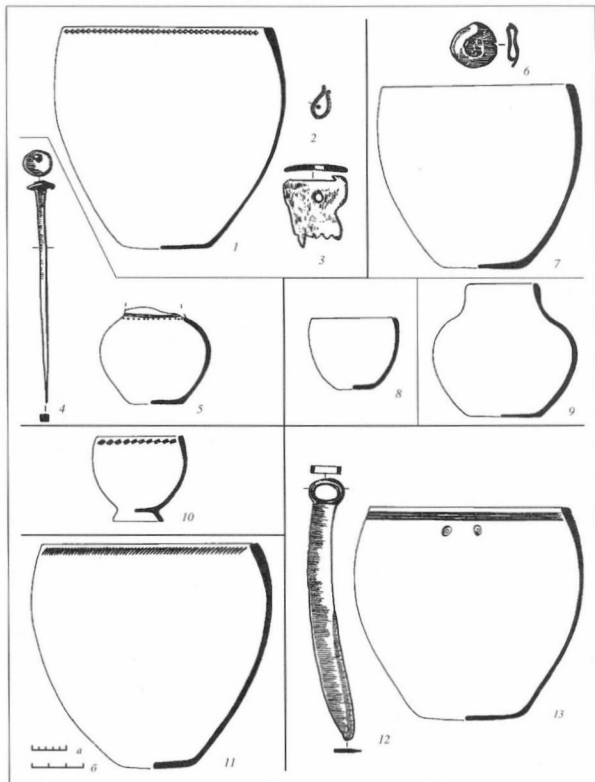
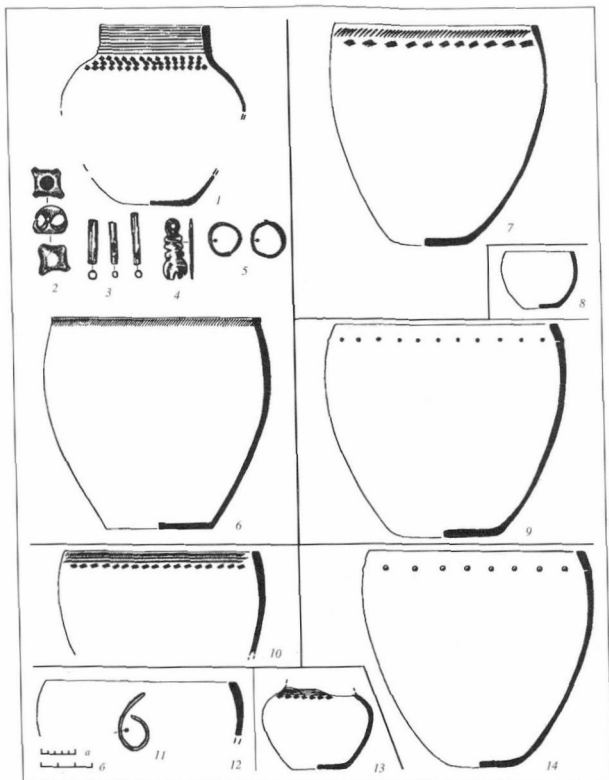

Рис. 3. Бырганов V (И.П. Лазаретов, раскопки 1990 г.): 1–3 – курган № 2, могила № 1; 4, 5 – курган № 2, могила № 2; 6, 7 – курган № 5, могила № 1; 8 – курган № 5, могила № 4; 9 – курган № 5, могила № 2; 10 – курган № 4, могила № 3; 11 – курган № 7, могила № 1; 12, 13 – курган № 6, могила № 1 (1, 5, 7–11, 13 – керамика; 2, 4, 6, 12 – бронза; 3 – кость)
Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 3. Byrganov V (I.P. Lazaretov, excavations 1990): 1–3 – kurgan 2, grave 1; 4, 5 – kurgan 2, grave 2; 6, 7 – kurgan 5, grave 1; 8 – kurgan 5, grave 4; 9 – kurgan 5, grave 2; 10 – kurgan 4, grave 3; 11 – kurgan 7, grave 1; 12, 13 – kurgan 6, grave 1 (1, 5, 7–11, 13 – pottery; 2, 4, 6, 12 – bronze; 3 – bone)

Scales: a – for pottery; б – for other objects

Рис. 4. Бырганов V (И.П. Лазаретов, раскопки 1990 г.): 1-6 – курган № 9, могила № 1; 7 – курган № 15; 8 – курган № 14, могила № 2; 9 – курган № 14, могила № 1; 10 – курган № 8, могила № 1; 11, 12 – курган № 13, могила № 1; 13 – курган № 13, могила № 4; 14 – курган № 10, могила № 1 (1, 6-10, 12-14 – керамика; 2-5, 11 – бронза)

Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 4. Byrganov V (I.P. Lazaretov, excavations 1990): 1-6 – kurgan 9, grave 1; 7 – kurgan 15; 8 – kurgan 14, grave 2; 9 – kurgan 14, grave 1; 10 – kurgan 8, grave 1; 11, 12 – kurgan 13, grave 1; 13 – kurgan 13, grave 4; 14 – kurgan 10, grave 1 (1, 6-10, 12-14 – pottery, 2-5, 11 – bronze)

Scales: a – for pottery; б – for other objects

тенденцией развития тагарской керамики. В памятниках подгорновского типа «широкие желобки» постепенно трансформируются в прочерченные линии, а затем и вовсе исчезают. Наблюдаемое явление может иметь двойное объяснение: либо между памятниками баиновской группы и Гришкиным Логом существует значительный хронологический разрыв, включающий период становления валиковой традиции, либо истоки ее следует искать в других археологических культурах за пределами Минусинской котловины.

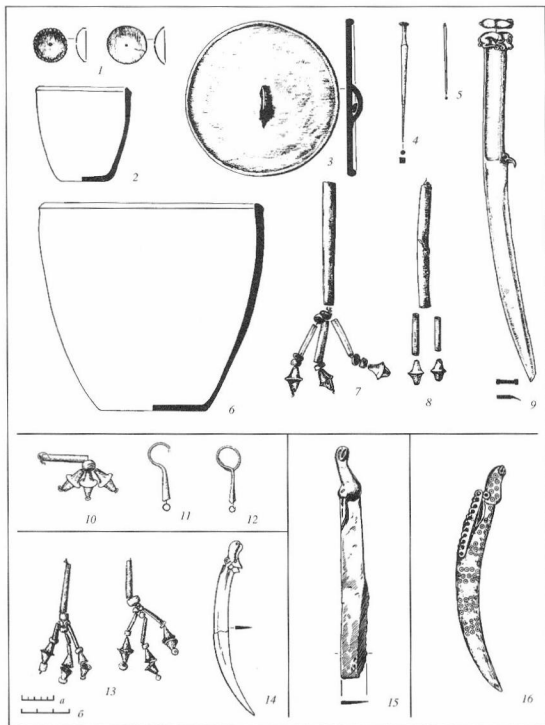
Из всего бронзового инвентаря Гришкиного Лога только две категории предметов могут быть напрямую сопоставлены с изделиями Баинова Улуса. Это шилья с грибовидными шляпками и дисковидные зеркала с петелькой. Однако часть из них принадлежит уже к другому типу. Большинство шильев имеют четко выраженную шейку, а зеркала – бортик. Ножи представляют двумя разновидностями: пластинчатые без навершия и с рельефным навершием в виде фигурки животного, полый трубочки, квадрата или кольца. Последние отличаются от баиновских тем, что кольцо соответствует ширине рукояти, но при этом значительно превосходит ее по толщине, образуя как бы рельефный валик вокруг отверстия. При некоторой доле фантазии их можно попытаться вывести из баиновских, но опять же возникает проблема переходных форм. Другие типы ножей разнятся в еще большей степени. Ближние аналогии им можно найти только в памятниках подгорновского типа.

Можно говорить о сходстве отдельно взятых бронзовых трубочек-проковок, обоймочек и каменных бус, часто встречающихся в могилах, но и это сопоставление без учета конкретных реалий лишено всякого смысла. В раннекифских погребениях Минусинской котловины они существуют не сами по себе, а в сочетании с бронзовыми биконическими бусами образуют составные трехчастные подвески. Об этом можно судить по находкам практических идентичных наборов в могильниках, удаленных друг от друга на сотни километров (рис. 5: 7, 8, 10, 13). Наряду с бронзовыми полусферическими бляшками (их в Гришкином Логе найдено около 50) и серьгами с раструбом эти составные трехчастные подвески представляют собой легко узнаваемый элемент тагарского костюма. Ничего подобного в памятниках баиновского типа нет, равно как в Гришкином Логу нет височных колец, лапчатых привесок и перетней, столь характерных для памятников эпохи поздней бронзы. Зато здесь впервые и сразу в массовом количестве проявляются костяные головные ножи и гребни с циркульным или резным орнаментом, а также предметы вооружения и изделия в скифском «зверином стиле». Особо упоминания заслуживает бронзовая рифле-

ная пронизка, покрытая золотым листком. Находки золотой фольги в памятниках подгорновского типа явление обычное. В трех тысячах могил эпохи поздней бронзы Южной Сибири, карасукских, лугавских и баиновских нам не известно ни одного изделия из драгоценного металла.

Обобщая вышесказанное, можно заметить, что из всего инвентаря Гришкиного Лога только два-три сосуда и две-три категории изделий, да и те с некоторым допущением, могут быть сопоставлены с Баиновым Улуосом. Зато в нем «уже имеются все выработанные тагарские формы, хотя и не полностью завершенные. Это самый конец сложения классических тагарских вещей периода подгорновского этапа, наибольшего расцвета этой культуры» (Максименков 2003: 76). Тем не менее Г.А. Максименков и М.П. Грязнов отнесли могильник Гришкин Лог I к разряду позднебаиновских памятников. Не заполняют образовавшуюся лакуну и другие комплексы, упоминавшиеся в списках. Все они, с некоторыми вариациями, содержат те же категории и типы инвентаря, что Гришкин Лог I и столь же далеки от Баинова Улуса. Эти могильники, а также почти три четверти комплексов из сводки Э.Б. Вадецкой (57 местонахождений на 1982 год), по нашему мнению, должны быть исключены из разряда баиновских и объединены в особую раннеподгорновскую группу памятников (рис. 6, Б). Отчасти такое деление уже было проделано Г.А. Максименковым, выделившим черновский этап тагарской культуры, промежуточный между баиновским и подгорновским. К сожалению, эта работа не была доведена до логического конца, что хорошо видно на примере Гришкиного Лога, и не получила должного обоснования в археологической литературе. Неудачным выглядит также название группы, поскольку с черновскими памятниками в большей мере ассоциируются поздние комплексы окуневской культуры типа Черновой VIII.

Что касается памятников собственно баиновского типа, то их, на наш взгляд, следует исключить из состава тагарской культуры, хотя бы на том основании, что в них полностью отсутствуют элементы «скифской триады». По погребальному обряду, основным категориям инвентаря и набору украшений эти комплексы практически не отличаются от лугавских. Сегодня мы в состоянии детально проследить процесс развития форм и орнаментации баиновской керамики из лугавской посуды. Настолько, что в некоторых случаях между ними невозможно провести четкую границу. Вместе с тем в баиновских комплексах имеется и ряд инноваций. Наряду с традиционными прямоугольными погребальными сооружениями фиксируются «трапецевидные» и «скобчатые» ограды (Лазаретов 1992: 12–14). Получают массовое

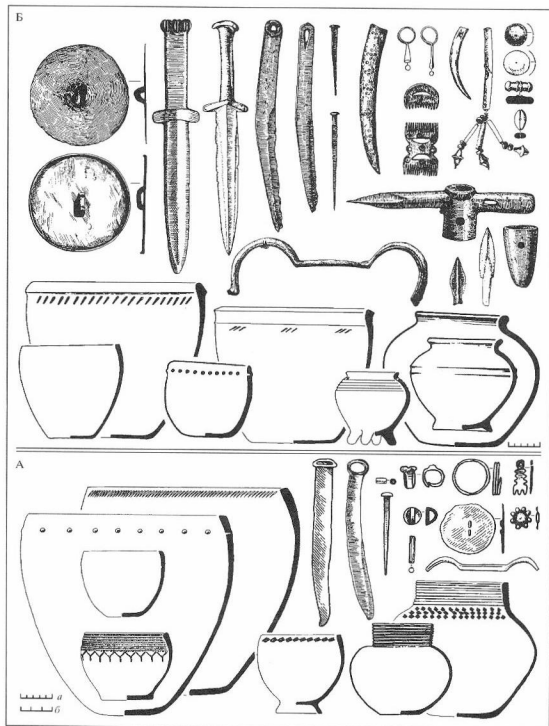

Рис. 5. Инвентарь раннеподгорновских комплексов. Сектах (И.П. Лазаретов, раскопки 1998 г.): 1-9 – курган № 1, могила № 1. Знаменка (Podol'skij 1996); 10 – курган № 2, могила № 2; 11 – курган № 16, могила № 1; 12 – курган № 8, могила № 2. Шаман Гора (Боковенко, Смирнов 1998); 13, 14 – курган № 1, могила № 2. Карасук IV (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, 1961-1963 гг.); 15 – курган № 5, могила № 1. Пригорск (Боковенко, Смирнов, Соколова 1997); 16 – курган № 1, могила № 1 (1, 3-5, 7-13, 15 – бронза; 2, 6, – керамика; 14, 16 – кость)

Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 5. Grave goods of the early Podgornovo complexes, Sektakh (I.P. Lazaretov, excavations 1998): 1-9 – kurgan 1, grave 1. Znamenka (Podol'skij 1996); 10 – kurgan 2, grave 2; 11 – kurgan 16, grave 1; 12 – kurgan 8, grave 2. Shaman Gora (Боковенко, Смирнов 1998); 13, 14 – kurgan 1, grave 2. Karasuk IV (M.P. Gruzynov & M.N. Komarova, excavations 1961-1963); 15 – kurgan 5, grave 1. Prigorisk (Боковенко, Смирнов, Соколова 1997); 16 – kurgan 1, grave 1 (1, 3-5, 7-13, 15 – bronze; 2, 6 – pottery; 14, 16 – bone)

Scales: a – for pottery; б – for other objects

Рис. 6. А – bainовский этап лугавской культуры; Б – раннеподгорновские комплексы тагарской культуры
 Масштабы: а – для керамики; б – для остальных вещей

Fig. 6. А – Bainov stage of the Lugavskaya culture; Б – early Podgornovo complexes of the Tagar culture
 Scales: a – for pottery; б – for other objects

распространение шидля с грибовидными шляпками, ножи с навершием в виде кольца и полукольца. Их появление, по всей видимости, не связано с внутренними тенденциями развития лугавской культуры, а является следствием внешнего воздействия. Определить истоки этого влияния в настоящий момент затруднительно. Судя по тому что массовые категории инвентаря, прежде всего керамика и украшения, не претерпели существенных изменений, это воздействие имело ограниченный характер и не сопровождалось сменой населения. Учитывая все вышеизложенное, логично было бы вести памятники байновского типа в лугавскую культуру на правах ее позднего этапа (рис. 6, А). В истории Минусинской котловины этот период занимал, по-видимому, очень короткий промежуток времени. Байновские комплексы, обычно, не считают в своем составе 5–10, крайне редко 15 курганов, что не идет ни в какое сравнение с карасукскими, лугавскими или тагарскими могильниками, где количество погребальных сооружений может исчисляться многими десятками и сотнями.

После выделения группы собственно байновских памятников автохтонное происхождение тагарских комплексов выглядят уже не столь очевидным. Нетрудно убедиться, что все те элементы, которые считались связующими, целиком отходят либо к байновским, либо к раннеподгорновским комплексам. Это касается не только категорий престижных изделий, таких как ножи или оружие, но и массового инвентаря, прежде всего украшений и керамики. Учитывая высокую степень изученности Минусинской котловины, отсутствие переходных памятников вызывает удивление. Единственным, на наш взгляд, правдоподобным объяснением сложившейся ситуации может служить признание не хронологического, а культурного разрыва между лугавско-байновскими и раннетагарскими комплексами аналогичными Гришкиному Логу. Это особенно хорошо видно на примере украшений. Характерным элементом тагарского костюма являются полусферические бляшки, гладкие или с пуансонным орнаментом, нашивавшиеся на головной убор. Их присутствие четко маркирует этническую принадлежность, а количество, судя по всему, соответствует социальному статусу владельца. В детских погребениях встречаются только одиночные бляшки, а в захоронениях взрослых их число варьируется от одной до пяти. Изначально андроновское происхождение этих изделий не вызывает сомнений (Членова 1963: 56). Составные трехчастные подвески, серьги с конусом, пронизки, обернутые золотой фольгой, по-видимому, также имеют андроновские истоки. Они неизменно присутствуют в любом мало-мальски исследованном тагарском могильнике. Мелкие украшения не представляли интереса для грабителей и часто сохранялись

даже в полностью разрушенных могилах. Тем более удивительно полное отсутствие перечисленных предметов или их прототипов в байновских захоронениях. Следовательно, можно утверждать, что на стыке лугавской и тагарской культуры в Минусинской котловине исчезает традиционный для эпохи поздней бронзы набор украшений (височные кольца, лапчатые привески, перстни) и осуществляется возврат к андроновскому костюму.

Андроновская версия происхождения тагарского комплекса была высказана достаточно давно, хотя и не получила широкого распространения (Членова 1963; 1967; Мартынов 1967). В частности, А.И. Мартынов полагал, что тагарская культура сформировалась на андроновской основе в верховьях Чулыма, а затем распространилась на южные районы Минусинской котловины, сменив проживавших там карасукцев. От андроновцев она унаследовала конструкцию погребальных сооружений, основной набор украшений, формы керамики и предметы вооружения, восприняв при этом некоторые разновидности карасукских бронзовых изделий (Мартынов 1967: 16–30). Автохтонная теория в таком модернизированном варианте имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, Большепечугинский и другие северные могильники по составу инвентаря относятся к классическому подгорновскому типу памятников, скорее даже – к их поздней разновидности. Раннеподгорновские комплексы, напротив, тяготеют к центральному и, что особенно важно, южным районам Хакасии, никогда не входившим в ареал распространения минусинского варианта андроновской культуры. Во-вторых, вызывает сомнения принципиальная возможность доживания минусинского варианта андроновской культуры до скифского времени. Она действительно существовала с карасукской на протяжении достаточно длительного периода, однако и ту и другую сменяет лугавская культура, причем повсеместно. По данным С.Б. Гультова, на всех обследованных поселениях Назаровской котловины наряду с андроновской имеется лугавская керамика. Эта посуда несет на себе отдельные проявления андроновского населения, но ни в малейшей степени не напоминает тагарскую керамику. Зато в лугавской культуре северных районов явно ощущается ирменское влияние (Савилов, Бобров 1983: 61–70).

Более гибкую позицию заняла Н.Л. Членова. По ее мнению, тагарская культура сформировалась вследствие длительных контактов носителей лугавской культуры с носителями андроновской, местными или пришлыми, эпизодически проникавшими с территории Казахстана. Кроме того, тагарское население восприняло ряд сложных форм бронзовых изделий и архаичный звериный стиль от карасукского, дожившего в Минусинской котловине до VI века до н.э. (Членова 1967: 216, 217).

Переходные памятники в зависимости от степени влияния карасукской культуры и близости к тагарской были разделены Н.Л. Членовой на несколько групп: байновская, подкузвинско-кокоревская, карасук-тагарская и раннетагарская. Причем все они существовали параллельно, а процесс слияния и сложения единой культуры продолжался с X по VI век до н.э. (Членова 1972: 88–131). Столь дробное деление обусловлено не критичным использованием абсолютных дат ножей и некоторых других предметов из одиночных курганов и даже могил. Последующие исследования показали, что основные типы изделий трех последних групп памятников могут соседствовать в пределах одного сравнительно небольшого и кратковременного могильника, такого как *Гришкин Лог I*, Новая Черная I или Черновая I. Как справедливо отметил Г.А. Максименков, подобный подход приводит к неоправданному дроблению однородных комплексов и их излишнее расширенной датировке (Максименков 2003: 75, 76).

Отдельное рассмотрение заслуживает проблема карасукского наследия в тагарской культуре. Она возникла в связи с находкой в погребении Райкова Улуса наряду с типично подгорновским инвентарем классического карасукского ножа. Данное обстоятельство приводится рядом авторов как доказательство длительного переживания карасукской культуры, вплоть до VI века до н.э. (Членова 1972: 130). Однако упомянутые авторы почему-то забывают, что именно тагарское население повинно в массовом ограблении карасукских захоронений. К тому же в погребении Райкова Улуса имеется обычный подгорновский нож. Массивное карасукское изделие использовано здесь не по прямому назначению, а замещает кинжал. В таком контексте скорее можно утверждать, что тагарское население получало карасукские бронзы вследствие ограбления покойников, а не взаимодействия с живыми носителями культуры.

Столь же необдуманным выглядит мнение о происхождении байновских ножей с кольцевым навершием от карасукских (Членова 1972: 124). Общим для этих типов изделий является только название. Сечение рукояти, навершия и способ заточки лезвия у них абсолютно разные. Действительно, ножи с кольцом, но со специфическим набором признаков (орнаментированная рукоять, часто гарда с подрезкой и маленькое дополнительное колечко под навершием) эпизодически встречаются в переходных карасук-лугавских и ранне-лугавских памятниках. Их происхождение от карасукских также сомнительно, однако эти комплексы хотя бы граничат во времени. В классических лугавских памятниках ножи унифицируются, сохраняя единственный тип навершия – грибовидную шляпку. Массовое распространение кольча-

тых ножей в байновских комплексах трудно объяснить в рамках автохтонной теории. Даже если и принять ее за основу, то их прототипы скорее следует искать не среди карасукских, а среди ранне-лугавских образцов.

Только недоразумением можно объяснить попытку увязать группу тагарских сосудов индивидуальных форм с карасукской керамикой. Ни по форме, ни по орнаментации, ни по цвету и способу обработки поверхности эти типы посуды не сопоставимы.

Наконец, хотелось бы знать, что имеют в виду Н.Л. Членова и другие авторы, говоря об архаичном карасукском зверином стиле в тагарской культуре. Нам известно несколько случайных находок, а также изделия из переходного карасук-лугавского погребения в Абакане и лугавского захоронения в могильнике Подкузвинские Горы (Членова 1972: табл. 9, 1–5, 7–10; Kotozokov 2000: 288, abb. 6, 2). Дело даже не в том, что ножи с зооморфным навершием никогда не встречаются в классических карасукских комплексах и по праву должны называться центрально-азиатскими или лугавскими, а в том, что это единственная категория предметов на протяжении всей эпохи развитой и поздней бронзы Минусинской котловины с единственным художественным образом – головкой козла или барана. Мы не беремся судить насколько продуктивно сопоставление деталей оформления глаз и ноздрей различных животных, однако отказываемся видеть в «карасукских» головках первоисточник статичных поз и «тела в виде шаров и цилиндров» тагарских скульптурных изображений (Членова 1967: 212; 1992: 218).

В тагарских памятниках, начиная уже с ранне-подгорновского времени, скифский звериный стиль представлен фигурками кабанов, баранов, кошачьих хищников, головками птиц, оленей или лосей, украшавших различные категории предметов. Из всего этого многообразия только головки оленей или лосей в какой-то степени могут быть сопоставимы с изделиями эпохи бронзы. Однако и здесь мы видим другой набор персонажей и иной способ их передачи. На лугавских ножах головки животных располагаются под углом к рукояти, тогда как тагарские вытянуты вдоль и составляют как бы ее продолжение. Подобная манера изображения скорее ведет свое происхождение от резных головок животных, выполненных на предметах из кости (рис. 5: 14, 16). Что касается скульптурных фигурок, то они при всем желании не обнаруживают местных прототипов и принесены в Минусинскую котловину уже в полностью сложившемся виде.

Несмотря на очевидные недостатки, гипотеза Н.Л. Членовой несет в себе рациональное зерно, а именно – признание значительной роли внешнего импульса в формировании тагарской культуры.

Она первой отметила сходство комплекта украшений, некоторых бронзовых изделий и керамики тагарской культуры с соответствующими категориями андроновской, указав на Казахстан как на наиболее вероятный источник этих инноваций. К сказанному можно только добавить, что циркульный орнамент на гребнях и костяных ножах подгорновского этапа также может вести свое происхождение от изделий населения андроновской культуры Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 141).

Лугавско-байновское наследие в тагарской культуре сегодня уже не кажется столь всеобъемлющим, однако то немногое, что имеет место в действительности, заслуживает отдельного упоминания. Наиболее отчетливо преемственность прослеживается в деталях погребального обряда. Ранние курганы и могилы тагарской культуры по форме, размерам и конструкции мало отличаются от существовавших на байновском этапе. Новым элементом можно считать размещение нескольких захоронений в пределах одного комплекса и оформление входа с восточной стороны ограды. Общими являются поза и ориентировка покойников, способ размещения инвентаря и, что особенно важно, присутствие четырех кусков мяса жертвенного животного – обряды, характерный только для памятников Минусинской котловины. Правда, у подгорновского населения чаще встречается двойной комплект – овца и корова. Из инвентаря байновского этапа в тагарской культуре, определенно, продолжают существовать упрощенные предметы неизвестного назначения. Сложнее обстоит дело с ножами, зеркалами и шильями. Их байновская принадлежность не бесспорна, поскольку аналогичные предметы широко распространены в культурах сопредельных территорий. Возможно, некоторые раннеподгорновские баночные сосуды с раздутым туловом и прямым срезом венчика ведут свое происхождение от байновских форм, но в способе орнаментации тагарской посуды преемственности уже не наблюдается.

Не следует думать, что байновское население было уничтожено или исчезло сразу же после появления тагарского. Часть байновских комплексов, очевидно, сосуществовала с раннеподгорновскими, хотя процесс ассимиляции не был продолжительным. Это видно по могильнику Бырганов V, где байновские курганы занимают центральную часть небольшого захолмления, а комплексы с раннеподгорновским инвентарем располагаются на его периферии. Этот памятник, по-видимому, оставлен одной группой населения уже испытавшей на себе тагарское влияние. Примечательно, что плиты подгорновских оград в данном случае легли на горельный слой позднелугавского поселения Бырганов IV. Стерильная прослойка между

ними составляла не более 1–2 см. Следовательно, хронологический разрыв между окончанием функционирования поселения эпохи поздней бронзы и строительством подгорновских курганов был очень коротким.

Подводя итог вышеизложенному, можно следующим образом представить события, происходившие в Минусинской котловине в первой половине I тыс. до н.э.: развитие лугавской культуры, сформировавшейся на рубеже II–I тыс. на основе традиций местного карасукского населения и пришлого центрально-азиатского компонента, в VIII веке до н.э. было нарушено внешним воздействием³. Это влияние не сопровождалось сменой населения и носило ограниченный характер. Оно выразилось главным образом в появлении новых типов престижных бронзовых изделий (ножи, шилья, перекрестники ремней), а также конструкций погребальных сооружений («трапециевидные» и «скобчатые» ограды). Керамическая традиция и набор украшений не претерпели существенных изменений и продолжали развиваться в русле тенденций, наметившихся еще в классических лугавских комплексах. Памятники этого сравнительно короткого периода мы называем байновскими (в узком смысле) и предлагаем включить в состав лугавской культуры на правах ее позднего этапа (рис. 6, А).

Уже после этих событий на Средний Енисей, прежде всего в его южные и центральные районы, проникает другая группа мигрантов, непосредственно генетически несвязанная ни с населением лугавской культуры, ни с байновским. Их появление сопровождалось изменением набора украшений, массовым распространением обряда погребения с оружием, изображений в скифском зверином стиле, валковой керамики, своеобразных типов ножей, зеркал с бортиком, костяных ножей и гребней с циркульным орнаментом. Перечисленные особенности не имеют местных истоков и принесены в Минусинскую котловину мигрантами уже в сложившемся виде. Комплексы с таким набором инноваций мы относим к начальному этапу тагарской культуры, называя их раннеподгорновскими (рис. 6, Б)⁴. Наиболее вероятным исходным районом этой миграции в настоящий момент представляется территория Казахстана, где в среде постандроновских племен имелись все необходимые предпосылки для формирования культуры скифского типа. В качестве гипотетической пра-

³ За удобства восприятия мы приводим традиционные даты, которые достаточно условны и могут быть изменены в ту или иную сторону.

⁴ Раннеподгорновские памятники, в нашем понимании, соответствуют черновскому этапу тагарской культуры Г.А. Максимова, с добавлением отдельных комплексов неправильно названных байновскими.

родины тагарцев может рассматриваться еще и Монголия, дальнейшее исследование которой может преподнести немало сюрпризов.

- Бокоренко, Смирнов, Соколова 1997 – Бокоренко Н.А., Смирнов Ю.А., Соколова Л.А. Археологические исследования в Хакасии // АО 1996 года. М., 1997. С. 302–304.
- Бокоренко, Смирнов 1998 – Бокоренко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998.
- Вадецкая 1986 – Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Грязнов 1956 – Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. М.-Л., 1956. № 48.
- Грязнов 1968 – Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 187–196.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 – Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпака-Далы). Алма-Ата, 1992.
- Киселев 1937 – Киселев С.В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // СА. 1937. № 3. С. 137–166.
- Киселев 1951 – Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Лазаретов 1992 – Лазаретов И.П. Конструктивные особенности потребных сооружений предскифского времени в Хакасии (вопросы реконструкции и датиров-

- ки) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2. С. 12–14.
- Максименков 2003 – Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003.
- Мартьянов 1967 – Мартьянов А.И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 15–38.
- Савинов, Бобров 1983 – Савинов Д.Г., Бобров В.В. Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири / ИЛАИ. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 34–71.
- Теплоухов 1926 – Теплоухов С.А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926. С. 88–94.
- Членова 1963 – Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. 1963. № 3. С. 48–66.
- Членова 1967 – Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова 1972 – Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова 1992 – Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 206–224.
- Kotozokov 2000 – Kotozokov K. Ein bronzezeitlicher Grabkomplex aus dem Gräberfeld Podkuninskie Gory // Eurasia Antiqua, Bd. 6. Berlin, 2000. S. 281–295.
- Podol'skij 1996 – Podol'skij M.L. Early Tagar barrows near the Village of Znamenka in Khakassia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1996. Vol. 3, No. 1. P. 61–96.

Sites of the Bainov Type and the Tagar Culture

I.P. Lazaretov

This paper deals with archaeological complexes dated from the transition between the late Bronze Age and the Scythian period in southern Siberia. This group of sites was distinguished by S.A. Teploukhov as intermediate between the Karasuk and Tagar cultures. Later, M.P. Gрязнов united the latter two into the early stage of the Tagar culture and gave it the name after the cemetery of Bainov Ulus. He pointed out to the undoubted relation of the Bainov complexes with Bronze Age sites and at the same time noted that they contain early variants of weapons, tools and ware of the Scythian period. Gрязнов's periodical scheme is accepted and employed by most of the archaeologists. The autochthonous origins of Scythian sites in the Minusinsk Basin are considered as an established fact needing no additional argumentation.

The chronological position of the Bainov type sites really is correct, but their ethnocultural attribution is arguable. In all of the publications, the burial grounds are enumerated and archaeological complexes summarily described without any substantiation of their cultural belonging.

A detailed examination of the sites of the Bainov type shows that they are subdivided into two distinctly independent groups. One is similar to the type burial ground of Bainov Ulus. The funerary rites, major types of wares

and tools of the first group originate in the complexes of the late Bronze Age. They are devoid completely of elements of the 'Scythian triad'. Only these complexes should be called the Bainov ones. Probably we may consider them as the later phase of the Bronze Age Lugavskaya culture.

The second group of burials contains weapons, objects of the 'animal style', ornaments and wares characteristic of the early Scythian period. These assemblages have nothing to do with the cemetery of Bainov Ulus and belong to the beginning of the Podgomovo stage of the Tagar culture.

In spite of the popular opinion, there are no signs of continuity between the two groups. Their uniting into a single stage is erroneous. The articles in the Scythian 'animal style' characteristic of the Tagar culture, assemblages of ornaments and the pottery with cylindrical ridges have no origins in the local cultures of the Bronze Age. These features were brought to the Minusinsk Basin by a new population in the completely established form. The probable departure region of the migration seems to have been the territories of Kazakhstan or Mongolia. There, among the post-Andronov tribes, there must have been all the necessary prerequisites for the formation of a Scythian type culture.

О семантике находок в некрополе Ольвии VI–IV веков до н.э.

И.Ю. Шауб¹

Материалы многолетних раскопок обширного некрополя Ольвии получили весьма широкое освещение как в монографических исследованиях (Парович-Пешкан 1974; Козуб 1974; Скуднова 1988), так и в многочисленных статьях.

Однако вопросы семантики вещей, входивших в состав погребального инвентаря ольвийских могил, в большинстве этих публикаций почти не затрагивались. Поэтому, оставляя в стороне особенности конструкции могил и аспекты погребального обряда, мы попытаемся рассмотреть вещи, найденные в ольвийском некрополе, с точки зрения их смысла, то есть того религиозно-мифологического значения, который могли вкладывать в них ольвиополиты.

В погребальном инвентаре ольвийского некрополя VI–IV вв. до н.э. самое значительное место занимает керамика, причем преобладает импортная аттическая керамика (Скуднова 1988: 15 сл.). Это небольшие чернофигурные сосуды: лекифы, скифосы, киллики, ойнохы, амфорки и деканы, производство которых относится в основном к последней трети VI – началу V в. до н.э. Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в архаических могиллах ольвийского некрополя аттических ваз крупных форм: кратеров, пелик, гидрий². Обломки кратеров были найдены только в насыпях двух могил и в ямах на некрополе (Скуднова 1988: 15).

Подавляющее большинство сюжетов росписи аттической ваз из ольвийских могил относится к дионисийскому кругу. Сюжет этого круга представлен и на одном из немногочисленных ионийских сосудов с сюжетной росписью, происходящий из ольвийского некрополя: самосская чернофигурная ойнохья третьей четверти VI в. до н.э. с изображением двух пляшущих фигур, женской и мужской, которая представлена итифалличной, но при этом в остроконечном башлыке (Скуднова 1988: могила № 254³; Книпович 1927: 96–97, табл. XII).

С дионисийскими представлениями о смерти (прежде всего как о пребывании в дионисийском

парадизе), вероятно, ассоциировались в погребальном контексте и многочисленные изображения площевого орнамента⁴ и пальметок⁵ (иногда они сосуществуют на одном сосуде) на аттических вазах, а также изображения бутонов лотоса и листьев плюща на ионийских (знаменательно, что единственный обломок чернофигурного кратера, найденный в насыпи могилы № 216, украшен изображением листьев плюща). В дионисийском контексте (на фоне и в окружении лоз) выступает не только Аполлон (лекиф; могила № 9)⁶, но и Европа на быке (ойнохья; могила № 15)⁷, а также, казалось бы, никак не связанная с дионисийством Афина (могила № 50, 122)⁸. Следует отметить, что на целом ряде ваз с дионисийскими мотивами присутствуют изображения дельфинов (могила № 6, 10, 50)⁹. В погребении № 50 дионисийский сюжет представлен наглядно изображениями сатиров и менад на киллике (здесь же представлены и дельфины) и ойнохое, а также Афиной, поражающей гиганта (?) на фоне лозы, изображенной на другой ойнохое, и сражающимися воинами¹⁰, представленными на аналогичном фоне на обеих сторонах амфоры.

Можно предполагать, что многие из этих сюжетов (пальметки, плющ, лотос, дельфин) воспринимались ольвиополитами не только в качестве символов умирающего и воскресающего Диониса, но

⁴ Плющ – один из наиболее устойчивых атрибутов Диониса (Кагаров 1913: 166 сл.).

⁵ «Пальметки – прорабы жизни» (Scheffold 1975: 102). О символизме пальмы, в том числе о ее связи с представлениями о бессмертии, см.: Stähler 2001: 187 сл., прим. 43.

⁶ Рядом, вероятно, представлена фигура самого Диониса. Это может являться намеком на синкретизацию обоих богов, что наблюдается на Боспоре (см.: Шауб 1989).

⁷ О семантике этого сюжета см.: Шауб 2000.

⁸ О том что подобная связь все же существовала, может свидетельствовать золотой фалар II в. с изображением Диониса и Афины из Северного кургана (см.: Mordvinova 2001: 77, № 43).

⁹ Ср. аттический чернофигурный скифидный киллик конца VI в. до н.э. с изображением Диониса и его свиты в окружении дельфинов, найденный в кургане № 491 в Киевской области (Рулева 1911; Овайко 1966: № 160). О связи дельфина с Дионисом и представлениями о возрождении см.: Шауб 2003.

¹⁰ Изображения биты в погребальном контексте, возможно, воспринимались как один из вариантов мотива терзания хищными животными травоядных. Этот мотив, столь популярный в скифском искусстве, в ольвийском некрополе представлен на одном из навкратийских погребальных сосудов (см. ниже).

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

² Мы не знаем, как ольвиополиты символически осмыслили использование сосудов в погребальном ритуале, однако стоит всегда помнить, что греки, как и подавляющее большинство других народов, воспринимали свои ваты как живой организм.

³ Далеко все номера могил даны по каталогу В.М. Скудновой (Скуднова 1988).

и ощущались живыми знаками Великой богини, *владычицы всего сущего*¹¹). С этим же древним божеством народной веры, возможно, ассоциировался и следующий по частоте встречаемости после дionисийских сюжетов на вазах – водоплавающие птицы (Ростовцев 1913: 44; Онайко 1970: 37), изображенные на крышках небольших чернофигурных лекан, а также сосудов других форм (могилы № 122; 134; 149; 172; 173; 231 – две). Обращает на себя внимание тот факт, что эти сосуды были изготовлены гораздо раньше их помещения в могилу (например, крышки лекан из погребения № 231, относящегося к началу V в. до н.э., датируются еще *серединой VI в. до н.э.*), а, кроме того, изображения на них были явно не менее важны, чем сами сосуды: об этом свидетельствует помещение в могилу № 231 двух крышек без самих лекан. Таким образом, сюжет, прослеживаемый нами на погребальном инвентаре могил ольвийского некрополя, может служить еще одним свидетельством характерных для населения Северного Причерноморья (как греков, так и варваров) представлений о связи водоплавающих птиц с потусторонним миром (см. Шауб 2001). Вазы с изображениями водоплавающих птиц другого типа происходят из могил № 222, 245 (в первой найдены два одинаковых чернофигурных скифоса и хвосский чернофигурный горпючек, во второй – чернофигурный киликс).

С подобными представлениями, несомненно, связаны и довольно многочисленные изображения скифосов (могилы № 64, 180, 237, 266), причем не только на расписных вазах, но и на алебастровой вазе (могила № 160, 12), а также на ручке зеркала в сочетании с фигурой знойной богини (Фармаковский 1914: табл. X, 3), где эти фантастические чудовища выступают в своей исконной функции спутников Великой богини (см. Gimbutas 1999: 168). Тот факт, что в этих существах древние видели могущественные атропены, обусловил употребление сосудов с их изображениями не только в качестве погребального инвентаря, но и в быту (Hildburgh 1946; Шауб 1979).

Несомненно, со своими загробными представлениями ассоциировали ольвинопольцы и сюжет собаки, преследующей зайца¹², на деклефе из могилы № 141, и изображение крылатой женщины¹³ на

ойнохое (могила № 182), и кентавра¹⁴, которого на фоне лоз поражают два воина, на ойнохое (могила № 219), и горгоней¹⁵ на тондо килика (могила № 186; ср. зеркало с головой Горгоны из погребения № 199), и Аполлона с Артемидой¹⁶ на ольпе (могила № 79), и сирену¹⁷ на клазоменской амфоре (могила № 253), и спрута¹⁸ на самосском аске (могила № 51).

Отнюдь не случайно в могилах оказались и сосуды с изображениями Геракла: на скифосе (со львом) из могилы № 123, на деклефе (с кентавром) из могил № 144, 148; на лекифе (с быком) из могилы № 175, а также на деклефе (с Антеем) из могилы, раскопанной в 1948 г. (см. Борисковская 2000)¹⁹. Во всех этих сюжетах герой явно мыслится как борец со смертью.

¹⁴ О связи кентавров с представлениями о смерти см.: Schweitzer 1922: 103 ст.

¹⁵ Оидеес в загробном мире опасается, «как бы не выпала достоянная Персефоны из Гадеса голову ужасного чудовища Горгоны» (Hom. Od. XI, 634–635; пер. нем.). Однако генетически эта «маска загробного демона» (см.: Croon 1955; ср. Hopkins 1934; Howe 1954; Ricciotti 1960) восходит к одному из образов Великой богини Этеды (Frothingham 1911), владычицы всего сущего, жизни и смерти. Тот факт, что наиболее наглядно сущность Медузы Горгоны проявляется в виде «всевидного ока» – огромных глаз, чаще всего фантасирующих разнообразие слепны на архаических сосудах (преимущественно на чернофигурных аттических киликсах) (см.: Ricciotti 1960: 137; Potts 1982: 36), скорее всего, объясняется именно этим обстоятельством. «Сам демон невидим, находится как бы “за кадром” действия, но присутствие его здесь несомненно и всепроникающее. Весь мир охвачен его властью, которая и отразилась в функции “отрицателя всякого зла”» (Савостина 1990: 136–137). О генетической связи Горгоны и Диониса см.: Акимова 1990: 119.

¹⁶ Оба этих мифологически родственные божества амбивалентны: с одной стороны – они жизнелюбивы и помощники, с другой – тесно связаны с представлениями о смерти, в частности с широко распространенными, в том числе и в Северном Причерноморье, мифами о потусторонней стране гиперборее (см., например, Шауб 1998).

¹⁷ Сирены – «музы загробного мира» (см.: Buschor 1944), представлены также на одной из алебастровых ваз из могилы № 160.

¹⁸ Вероятно, в данном случае мы имеем дело с продолжением традиций крито-микенской культуры, где спрут, судя по всему, рассматривался как одно из существ, связанных с представлениями о круговороте жизни и смерти. См. изображение Великой богини в виде стилизованного осьминога на критском саркофаге XIV в. до н.э. (Gimbutas 1989: 227, рис. 348). Те же традиции, скорее всего, обусловили появление в могиле № 134 костяной подвески в виде двойного тора (лабриса), одного из главных символов Великой богини (Gimbutas 1989: 271, 273 и др.). В первую очередь именно с древними представлениями об этой богине, а не только с Дионисом (Зайцева 1971: 97–98; Русева 1979: 89) следует связывать ольвийские свищовые вотивы в виде букрании с лабрисом, которые появляются в засыльных ольвийских могилах IV в. до н.э. Семантике этих интересных предметов мы наеемся посвятить отдельную работу.

¹⁹ Тело погребенного с этим сосудом было перерублено (Книпович 1950: 103). «Подобно Антею, владыку сосуда не удалось избежать мучительного конца. Вероятно, он погиб в одном из восточных столкновений со скифами» (Борисковская 2000: 200).

¹¹ «Мир растений и моря принадлежит Владычице жизни» (Schefold 1975: 23).

¹² Этот сюжет, заимствованный греками с Ближнего Востока и весьма популярный в пошпийской керамике ориентализирующего стиля, явно мыслится как один из вариантов мотива терзания («отроческое терзание»). О семантике сюжета у скифов см.: Раевский 1985: 59 сл.

¹³ Иконография Ники в архаическом искусстве Греции весьма схожа с иконографией Медузы Горгоны (см.: Kieseritzky 1876; Isler-Kerenyi 1969), что, на наш взгляд, свидетельствует об общем происхождении обоих образов (см. прим. 15).

Этот краткий обзор сюжетов расписных импортных ваз, которые ольвиополиты помещали в могилы своих родных и близких, позволяет с уверенностью утверждать, что выбор этих сюжетов был отнюдь не случаен, а обуславливался определенной системой загробных представлений. Даже в тех случаях, когда у нас не возникает каких-либо конкретных ассоциаций по поводу подобных сюжетов, можно думать, что у ольвиополитов такие ассоциации явно были. Так, на чернофигурном лекифе из могилы № 182 более важным, чем изображение на тулове сосуда гомосексуальных ухаживаний, в погребальном контексте выглядит сюжет, представленный на плечиках. Здесь изображена мужская фигура, бегущая возле лошади; аналогичный сюжет представлен и на крышке ритуального алебастрового сосуда, помещенного в ту же могилу (см. ниже).

В.М. Скуднива (Скуднива 1988: 31) отмечает находки монет-дельфинчиков в девяти погребениях архаического некрополя Ольвии. «Кроме *их*, никаких монет в архаическом некрополе не обнаружено» («медные монеты» «между пальцев правой руки» в могиле последней четверти VI в. до н.э. — явное недоразумение). Таким образом, не зафиксировано ни одной находки монет-стрелок. Может быть, этот факт не случаен и связан с тем, что они никак не ассоциировались с загробными представлениями ольвиополитов? В таком случае дельфинчики могли выступать не столько в качестве «оболочек Харона», сколько выполнять вполне определенную, но непонятную нам в деталях символическую функцию.

О том, что дельфин воспринимался ольвиополитами как символ возрождения (см. Шауб 2003), может свидетельствовать инвентарь могилы № 167. В этом детском погребении в саркофаге из черепицы *наряду с тремя одинаковыми чернофигурными аттическими кликами с изображением фриза из пальметок и фрагментированного самосского аска, украшенного гирляндами плющевых листьев, был помещен вверх горлом обломок другого самосского аска, по обе стороны ручки которого изображены дельфины.* Следует также отметить находку в этом погребении и изящного бронзового колокольчика, вероятно, для защиты от злых духов.

Колокольчики встречались и в других погребениях, причем не только бронзовые, как в могилах № 167, 79 (где их было три), но и золотой (могила № 223).

Из 45 золотых ювелирных изделий, происходящих из 24 погребений, наиболее интересны по форме и орнаментации большие ушные подвески (могилы № 122, 170, 172, 232, 234). Они состоят из выпуклого щитка с рельефной львиной головой в центре, а толстый изогнутый стержень, при-

крепленный к внутренней стороне щитка, заканчивается бараньей головкой (только подвеска из могилы № 122 имеет на конце стержня не баранью головку, а шишечку).

Тот факт, что в курганах Киевщины неоднократно встречались золотые подвески с конусовидными щитками, послужил основанием для предположения о подражании ольвийским мастерам скифским образцам (см. Гайдукевич, Капошина 1951: 170–171; Прушевская 1955: 331; Капошина 1956: 180–181). Однако форма этих украшений не является специфически скифской. Она появляется в Греции еще в геометрическую эпоху. Поэтому В.М. Скуднива (Скуднива 1988: 22), не соглашаясь со скифской гипотезой происхождения формы рассматриваемых подвесок, высказала предположение, что она зародилась в Ионии. Тем не менее знаменательно, что аналогичная пара подвесок обнаружена в курганах села Емчихи Киевской губернии (Фармаковский 1914: табл. IX; б, 7). Других аналогий пока найти не удалось (Скуднива 1988: 21).

Это сочетание изображений льва и барана не выглядит случайным и должно было нести определенную семантическую нагрузку, поскольку встречается не только на золотых украшениях трона Келермесского кургана № 3 (см. Галанина 1997: могила № 35), но и в комплексе могилы № 109 ольвийского архаического некрополя. Здесь, наряду с двумя пронизями из белой пасты в виде лежащего льва, *найден подвеска из синей стеклянной пасты в виде головы барана.*

Кроме отмеченных выше, изображения льва (полностью или только голова) зафиксированы в ольвийском некрополе также на золотой подвеске (могила № 199), на серебряном перстне (могила № 221), а также в терракоте (см. ниже).

Голова барана, кроме тех вещей, которые упомянуты выше, встречается (в сочетании с фигурой оленя) на бронзовых скифских зеркалах (наконечник ручки в сочетании с лежащей фигурой оленя у основания ручки) (могилы № 182, 245, 258), а также на бронзовой скифской пряжке (могила № 55).

И лев, и баран, как у греков, так и у скифов, считались священными животными амбивалентной природы: они оба связаны и с солнцем, и с хтоническим миром. Поэтому обилие и многообразие их изображений на различных предметах, найденных в ольвийских могилах, неудивительно. Что касается сочетания изображений этих животных, то, возможно, это было обусловлено скифскими представлениями о фарне (см.: Шауб 2004).

Кроме льва и барана, на ювелирных изделиях изображались также птицы (две золотые подвески из могилы № 182; две серебряные подвески с головой лебедя из погребения № 181). Семантика этих

украшений, наряду с изображениями птиц на чернофигурных вазах, терракотовыми статуэтками в виде птичек (см. ниже), а также наличие птичьих костей в погребениях № 174, в дальнейших разъяснениях, думается, не нуждаются.

Еще более распространенной и гораздо более скромной формой ювелирных украшений были луновидные подвески (могилы № 50, 52, 97, 101, 149, 202, 221, 259). Так как их находили в количестве от одной до семи (!), можно предполагать, что их подвешивали по несколько штук на кольце серги.

Весьма наглядная параллель с верованиями языческой Руси, где подобные подвески-луницы, будучи отражением древнего культа Луны, являлись одной из самых распространенных форм ювелирных украшений (преимущественно девичьего убора) (Сапунов 1970), позволяет предполагать нечто подобное и для украшений из ольвийского некрополя. Это тем более вероятно, что, судя по всему, зародившаяся на Ближнем Востоке, эта красноречивая форма была распространена буквально повсюду (с соответствующей семантикой), в том числе не только у греков, но и у скифов.

Прежде чем обратиться к бесспорно варварским чертам погребального инвентаря ольвийского некрополя VI в. до н.э., следует сказать несколько слов о столь же несомненно греческом его элементе – терракотах.

Их очень немного (они найдены только в девяти могилах). Все они относятся к последней трети VI в. до н.э. (Скуднова 1988: 29). В могилах № 97 и 230 протому сопровождает статуэтка сидящей богини; в погребениях № 158 и 202 найдено по две фигурки сидящей богини (в могиле № 202 одна из них, судя по львенку на коленях, – Кибела).

Статуэтки сидящего на корточках силена (могила № 219), голубя (могила № 102), птички с птенцами под крыльями (могила № 112) помещены в могилу в одном экземпляре. Исключение составляет одно из самых богатых погребений (№ 122), где обнаружены три протомы, фигурки свиньи и лежащего льва. Аналогичная статуэтка свиньи найдена и в детской грабленной могиле № 265 (здесь же в насыпи и в самой могиле встречались обломки других терракот).

Судя по этим немногочисленным образцам терракот, те или иные варианты которых часто встречаются как в погребениях, так и в святилищах, все они ассоциировались с представлениями о богах элевсинско-дионисийского круга (протомы, сидящая богиня, свинья, силен), а также с Кибелой и Афродитой (птицы).

С заgrabными представлениями ольвиополитов, скорее всего, были связаны также навкратийские фигурные сосуды в виде ежа, «над которым возвышается голова сфинкса или человека» (могилы

№ 31, 43) (Скуднова 1988: 30)²⁰. С идеями возрождения не только у египтян, но, вероятно, и у греков ассоциировались и другие предметы навкратийского экспорта – скарабей. Они встречены в трех могилах (№ 2, 109, 245). Любопытно, что в двух могилах (№ 2, 109) скарабеев было по пять экземпляров. В погребении № 245 их было два, но с весьма характерными сюжетами на оборотной стороне: на скарабее голубой пасты врезаны изображения борющихся животных; на другом, из белой пасты, изображена женская фигура между двух животных. Оба сюжета – и борьбы животных, и владычицы зверей – несомненно, были близки вкусам и представлениям причерноморских варваров²¹. Судя по другим предметам инвентаря этой могилы (зеркало скифского типа, железный нож и др. в женском погребении), это была могила туземки.

Вероятнее всего, представительницы местной варварской аристократии были погребены в самых богатых могилах ольвийского некрополя (№ 160 и 182), в которых были найдены три однотипные алебастровые вазы со скульптурными украшениями (Скуднова 1988: 30).

Все эти вазы, равно как и две другие: одна из Одесского археологического музея, возможно происходящая из Ольвии, другая из Херсонского музея (найдена на о. Березань) (см.: Фармаковский 1914: табл. VIII: б, 8), вероятно, созданы в Навкратисе во второй половине VI в. до н.э. и, судя по хрупкости своего материала, специально предназначались для погребальных целей.

В могиле № 160 (к сожалению, грабленной) были обнаружены две вазы. Все три ножки каждой из ваз оканчиваются изображением лежащего льва, которого попирает женская фигура в растительном големом уборе, держащая в руках ребенка, причем если на одной вазе женщины облачены в легкие плащи, то на другой они обнажены. Край одной вазы украшен розетками, другой – фигурками сирен. На крышке первой из описываемых ваз представлены четыре скульптурные группы (львы, терзающие копытных) вокруг двух стоящих рядом животных (львиц?). На второй крышке вокруг двух стоящих рядом, но обращенных в разные стороны сфинксов, находятся четыре разных группы, состоящие из двух мужских персонажей и двух лошадей (в одной группе лошадь только одна).

Ножки вазы из могилы № 182 выполнены в виде нагих женщин в растительном головном уборе. Две из них опираются на львов, а одна сидит на

²⁰ Еж с древнейших времен связан с представлениями об обновлении, возрождении и Великой богине (см.: Gimbutas 1989: 256–258).

²¹ Ср. с изображениями на двусторонней гемме с о-ва Березань: крылатой фигуры со змеями в руках на одной стороне и борьбы двух животных на другой (Тураев 1911: 119, рис. 7).

украшений, наряду с изображениями птиц на чернотелых вазах, терракотовыми статуэтками в виде птичек (см. ниже), а также наличие птичьих костей в погребении № 174, в дальнейших разъяснениях, думается, не нуждаются.

Еще более распространенной и гораздо более скромной формой ювелирных украшений были луновидные подвески (могилы № 50, 52, 97, 101, 149, 202, 221, 259). Так как их находили в количестве от одной до семи (!), можно предполагать, что их подвешивали по несколько штук на кольце серыги.

Весьма наглядная параллель с верованиями языческой Руси, где подобные подвески-луницы, будучи отражением древнего культа Луны, являлись одной из самых распространенных форм ювелирных украшений (преимущественно девичьего убора) (Сапунов 1970), позволяет предполагать нечто подобное и для украшений из ольвийского некрополя. Это тем более вероятно, что, судя по всему, зародившаяся на Ближнем Востоке, эта красноречивая форма была распространена буквально повсюду (с соответствующей семантикой), в том числе не только у греков, но и у скифов.

Прежде чем обратиться к бесспорно варварским чертам погребального инвентаря ольвийского некрополя VI в. до н.э., следует сказать несколько слов о столь же несомненно греческом его элементе – терракотах.

Их очень немного (они найдены только в девяти могилах). Все они относятся к последней трети VI в. до н.э. (Скуднова 1988: 29). В могилах № 97 и 230 протому сопровождает статуэтка сидящей богини; в погребениях № 158 и 202 найдено по две фигурки сидящей богини (в могиле № 202 одна из них, судя по лысенку на коленях, – Кибела).

Статуэтки сидящего на корточках силена (могила № 219), голубя (могила № 102), птички с птенцами под крыльями (могила № 112) помещены в могилу в одном экземпляре. Исключение составляет одно из самых богатых погребений (№ 122), где обнаружены три протомы, фигурки свиньи и лежащего льва. Аналогичная статуэтка свиньи найдена и в детской грабленной могиле № 265 (здесь же в насыпи и в самой могиле встречались обломки других терракот).

Судя по этим немногочисленным образцам терракот, те или иные варианты которых часто встречаются как в погребениях, так и в святилищах, все они ассоциировались с представлениями о богах элевсинско-дионисийского круга (протомы, сидящая богиня, свинья, силен), а также с Кибелой и Афродитой (птицы).

С загробными представлениями ольвиополитов, скорее всего, были связаны также навкратийские фигурные сосуды в виде ежа, «над которыми возвышается голова сфинкса или человека» (могилы

№ 31, 43) (Скуднова 1988: 30)²⁰. С идеями возрождения не только у египтян, но, вероятно, и у греков ассоциировались и другие предметы навкратийского экспорта – скарабен. Они встречены в трех могилах (№ 2, 109, 245). Любопытно, что в двух могилах (№ 2, 109) скарабеев было по пять экземпляров. В погребении № 245 их было два, но с весьма характерными сюжетами на оборотной стороне: на скарабее голубой пасты врезаны изображения борющихся животных; на другом, из белой пасты, изображена женская фигура между двух животных. Оба сюжета – и борьбы животных, и владычицы зверей – несомненно, были близки вкусам и представлениям причерноморских варваров²¹. Судя по другим предметам инвентаря этой могилы (зеркало скифского типа, железный нож и др. в женском погребении), это была могила туземки.

Вероятнее всего, представительницы местной варварской аристократии были погребены в самых богатых могилах ольвийского некрополя (№ 160 и 182), в которых были найдены три однотипные алебастровые вазы со скульптурными украшениями (Скуднова 1988: 30).

Все эти вазы, равно как и две другие: одна из Одесского археологического музея, возможно происходящая из Ольвии, другая из Херсонского музея (найдена на о. Березань) (см.: Фармаковский 1914: табл. VIII: 6, 8), вероятно, созданы в Навкратисе во второй половине VI в. до н.э. и, судя по хрупкости своего материала, специально предназначались для погребальных целей.

В могиле № 160 (к сожалению, грабленной) были обнаружены две вазы. Все три ножки каждой из них оканчиваются изображением лежащего льва, которого попирает женская фигура в растительном головном уборе, держащая в руках ребенка, причем если на одной вазе женщины облачены в легкие плащи, то на другой они обнажены. Край одной вазы украшен розетками, другой – фигурками сирен. На крышке первой из описываемых ваз представлены четыре скульптурные группы (львы, терзающие копытных) вокруг двух стоящих рядом животных (львыц?). На второй крышке вокруг двух стоящих рядом, но обращенных в разные стороны сфинксов, находятся четыре разных группы, состоящие из двух мужских персонажей и двух лошадей (в одной группе лошадь только одна).

Ножки вазы из могилы № 182 выполнены в виде нагих женщин в растительном головном уборе. Две из них опираются на львов, а одна сидит на

²⁰ Еж с древнейших времен связан с представлениями об околдовании, возрождении и Великой богине (см.: Gimbutas 1989: 256–258).

²¹ Ср. с изображениями на двусторонней гемме с о-ва Березань: крылатой фигуры со змеями в руках на одной стороне и борьбы двух животных на другой (Тураев 1911: 119, рис. 7).

двух лошадях (?); по краю вазы – рельефный пояс зигзагов, на нем в промежутках между фигурами – розетки. На крышке вокруг фигуры сидящей на троне женщины расположены три группы, каждая из которых состоит из нагого юноши рядом с лошастью.

Б.В. Фармаковский (Фармаковский 1914: 21), нашедший эти вазы, справедливо усмотрел в скульптурном убранстве всех этих ваз символику «ведлички богини, владычицы жизни и смерти».

В могиле № 160 была похоронена женщина (об этом говорят остатки украшений и обломок медной иглы). В то же время в данном погребении обнаружен обломок железного ножа и оселок. О том что здесь была похоронена именно туземка, кроме этих предметов, свидетельствуют также золотые бляшки с изображением спернувшейся пантеры (ср. Артамонов 1966: табл. 22), зубы кабана (?) и кости собаки²².

Могилы № 182 также была женской (судя по украшениям). Кроме того, здесь рядом с так называемым «точилом» лежало бронзовое скифское зеркало, бронзовая ручка которого заканчивается головой барана, а у основания ручки помещена фигура лежащего оленя, вокруг зеркала были разбросаны 13 астрагалов (наличие астрагалов – не редкость в ольвийском некрополе, см. могилы № 25, 231, 245, и др.; Скуднева 1988: 31). Здесь же найдены куски реальгара, связанного с символикой огня. Алебастровая ваза находилась в центре могилы; именно в скульптурном убранстве этой вазы особенно ярко выражена символика Великого женского божества (нагие женщины в головных уборах в виде бубонов лотоса, попирающие животных; на крышке в центре – сидящая на троне женщина в целло, вокруг которой расположены три группы: нагой юноша рядом с лошастью). В этой связи, вероятно, не случайно наличие в данном погребении как чернофигурной ойнохой с изображением крылатой женской фигуры, так и лекифа, на котором представлен нагой персонаж, бегущий рядом с лошастью.

«Одной из особенностей погребального обряда Ольвии являлся обычай класть в некоторые могилы среди обычных предметов погребального инвентаря большие плоские камни, как их называют, «точильный камень» или «каменное блюдо»», – пишет В.М. Скуднева (Скуднева 1988: 31). Судя по архивным данным, их было свыше 40. «Привести более точные данные трудно из-за нечеткой терминологии в дневниках. Два каменных блюда, хра-

нившиеся в Эрмитаже (кат. 46, 78), неправильной овальной формы, сужающиеся к одному концу. Первое блюдо окружено по краю небольшим валиком, второе, названное в дневнике «точило», с ровной гладкой поверхностью... Третье, без паспорта, продолговатой формы, с закругленными углами и овальными углублениями в середине, на котором видны следы работы» (Скуднева 1988: 31).

В.М. Скуднева (Скуднева 1988: 31) указывает на аналогию этим «блюдам» – две на Березинах и в курганах Смелы, где их было найдено немало (см. Бобринский 1887: 100, 104; 1894: 136, рис. 21; 1901: 101, 114, 130, 140, рис. 78). А.А. Бобринский разделял их на блюда овальной формы с выступающим бортиком и точильные плиты.

Предположение А.А. Бобринского о том, что они служили для точилки оружия, мало вероятно. «Вообще, что бы то ни было точить на углубленной поверхности просто трудно, да и не нужна была такая громоздкая тяжелая вещь, когда в употреблении были небольшие бруски-оселки из твердых пород камня» (Скуднева 1988: 31–32).

А.А. Бобринский также считал, что эти блюда служили для растирания краски, так как куски красной, розовой и черной краски иногда находили на блюдах в курганах близ Смелы. Но, во-первых, куски краски лежали на них далеко не всегда, во-вторых, «возникает вопрос: нужна ли была такая громоздкая вещь, чтобы растереть маленький комочек краски, тем более что ни пестика, ни растиралки в погребениях с блюдами не было найдено» (Скуднева 1988: 32).

Поскольку в погребениях воинов с оружием блюда отсутствуют, можно заключить, что это были предметы женского инвентаря (Скуднева 1988: 32). В.А. Ильинская (Ильинская 1968: 150–151) считает, что эти блюда служили туалетными столиками. Однако гораздо более вероятно, на наш взгляд, является предположение О.Д. Ганиной (Ганина 1958: 175), что блюда, найденные вместе с зеркалами и ювелирными украшениями, то есть специфическими предметами инвентаря скифских женских погребений, имели ритуальное значение²³.

Хотя В.М. Скуднева и отмечает, что рассматриваемые блюда были найдены не во всех перечисленных О.Д. Ганиной комплексах, она констатирует, что эти предметы были обнаружены «почти во

²³ К.Ф. Смирнов называет подобные блюда «универсальными алтарями или жертвенниками» (Смирнов 1964: 166). Об этом свидетельствует и тот факт, что их часто находят «в социально выделенных погребениях и в сочетании с другими предметами сакрально-магического назначения (зеркала, наперстки, жертвенными ножами, ритуальными головными уборами)» (Бессонова 1991: 93). Попытки критического пересмотра данного взгляда (см.: Зуев 1996) не кажутся убедительными.

²² Об отношении к собаке племен лесостепной Скифии см.: Андриенко 1975: 19; населения степной Скифии см.: Ольховский 1991: 160. У родственников скифов саков собака считалась священной и мыслится спутницей Ардисуры Анахиты. В Хорезме найдены рядом оссуарии с костями людей и собак (Рапопорт 1971: 29).

всех богатых женских погребениях с золотыми ювелирными вещами (13 могил)... в трех могилах – с серебряными изделиями, в двух – с деревянными саркофагами. Еще в семи грабленых могилах найдены были блюда; вероятно, золото и серебро похищали грабители» (Скудинова 1988: 32).

Что касается бронзовых зеркал, то их в могилах архаического некрополя Ольвии найдено 31 (причем 19 из них в захоронениях сочетались с каменными блюдами); в большинстве своем они греческой работы (Скудинова 1988: 24). Нет сомнения в том, что все зеркала по самой своей природе надевались глубоким мистическим смыслом (см., например, Williams 1932²⁴; Хазанов 1964; Литвинский 1964), который еще более углублялся в погребальном контексте. Особенно интересны для нас скифские зеркала (см. Скудинова 1962: 5 сл.; всего их найдено в Ольвии 13; Скудинова 1988: 26). По украшению на ручке они делятся на три группы. Концы ручек первой группы украшены стоящей фигуркой пантеры, у зеркал второй группы оба конца ручки заканчиваются фигурами зверей, у диска находится лежащий олень²⁵, в одном случае ручка заканчивается стоящей пантерой, в другом – головкой барана. Ручки третьей группы всегда имеют на конце головку барана.

Несомненно, зеркала ценились скифами не только как утилитарные предметы туалета, но и как принадлежность ритуала. «Известно немало изображений скифской богини с зеркалом, причем последнее греческого типа, то есть с боковой ручкой. Правда, такие изображения в большинстве случаев относятся к классическому периоду, но встречаются и в архаике» (Скрижинская 1984: 121). В качестве примера можно привести золотой перстень скифского царя Скила конца VI – начала V в. до н.э., на шитке которого представлена сидящая богиня с зеркалом в руке (см. Виноградов 1980).

Как известно, особенности художественного оформления ольвийских зеркал вызывают горячие споры: одни считают их греческими, другие – скифскими. Не вдаваясь в подробности этого спора, что увело бы нас слишком далеко от рассматриваемой темы, напомним авторитетное мнение Н.А. Онайко, которая справедливо видела в этих особенностях ольвийских зеркал «наличие греко-варварского юнкта, имевшего место в раннее время и в ольвийском окружении». Поскольку в этих зеркалах наблюдается тесное переплетение, а иногда

и слияние греческих и варварских элементов, «подобные изделия нередко исключают возможность определить, имеем ли мы дело с произведением местного мастера, воспринявшего греческую культуру, или же – произведением греческого мастера, который в той или иной мере вошел в мировоззрение и художественную культуру варваров» (Онайко 1976: 79).

А.С. Русева безосновательно видит в большинстве зеркал ольвийских могил «отражение магических свойств хтонической Деметры» (Русева 1992: 178). Подтверждением этого тезиса является только единственная находка зеркала с изображением Деметры, причем из эллинистического погребения (Русева 1992: рис. 57: 6 на с. 176), хотя подавляющее большинство погребений с зеркалами относится к архаической эпохе. Что касается обряда с зеркалом (см. Paus. VII, 21, 12), на который ссылается киевская исследовательница, то он уникален. Вместе с тем она отмечает наличие в этих могилах каменных плит, которые «могли служить примитивными жертвенными столиками или алтариками» и которые «синхронно употреблялись в погребальном обряде высшей знати или относительно богатых женских захоронений в Лесостепи». Довольно близкие этим алтарикам предметы входили в погребальный инвентарь сарматов и саков Южного Урала и Казахстана (Смирнов 1964: 162–170; Вишневская 1973: 86–87; Пеничнюк 1983: 99), поэтому А.С. Русева не может не видеть здесь яркого проявления варварского влияния на погребальный обряд архаической Ольвии. Она не без основания полагает, что каменные плиты употреблялись в ритуалах, связанных с культом плодородия (Русева 1992: 178–179).

«...Прямое сходство употребления зеркал и каменных блюд как единого комплекса в погребальном культе двух иноязычных, к тому же впервые вступивших в непосредственные контакты народов, произошло благодаря тесным родственным связям – заключением брачных союзов» (Русева 1992: 179–180). Подобная ситуация прослеживается и в Истрии, где в архаическую эпоху греческая родовая аристократия поддерживала тесные контакты с вождями местных племен, заключая браки с их дочерьми (см. Histria 1954: 23). Смешанные браки были характерны не только для Северного Причерноморья, но и для других областей ойкумены (см., например: Graham 1971: 223–226).

Представительницы варварской аристократии, похороненные в Ольвии с культовыми предметами, по своей природе выступали в роли хранительниц своих религиозных традиций. Эти женщины не только исполняли жереские функции в культе своей Великой богини, а также идентифицировавшихся с нею греческих богинь, но и, несомненно, должны были оказывать влияние на религиозную

²⁴ Древнекитайские зеркала (некоторые из них украшены греко-бактрийскими мотивами) считались наделяемыми «магической силой охранять своего владельца от злых сил... Считалось, что они способны делать невидимых духов видимыми и раскрывать секреты будущего» (Williams 1932: 272).

²⁵ О тесной связи оленя с культом Великой богини см.: Gimbutas 1989: 113 сл.

жизнь своих мужей и в еще большей степени – детей. Влияние этих женщин-жриц на формирование идеологии ранней Ольвии особенно чувствуется в том, что нам известно о представлениях и культах, связанных с Гилеями²⁶.

Ольвийские погребальные комплексы с каменными плитами и зеркалами датируются преимущественно второй половиной VI в. до н.э.; отсюда следует, что предполагаемые браки ольвиополитов с местными аристократками заключались еще с первой половины этого столетия.

В начале классического периода эта практика прекратилась. Причиной этого «в равной степени могли быть и социально-политические изменения в самой Ольвии, и усиление агрессивности номадов, перекривших пути в Лесостепь» (Русева 1992: 180).

Ольвийский некрополь V–IV вв. до н.э., по словам изучавшей его Ю.И. Козуб (Козуб 1974: 40), дает картину, характерную для погребального ритуала греческого мира. Большинство могил отличается скромностью инвентаря (в основном, это три-четыре предмета). Однако, некрополь этого периода значительно беднее синхронных кладбищ Греции, не говоря уже о боспорских.

Погребальный инвентарь состоит в основном из столовой посуды: чернолаковой, краснофигурной, серо- и красноглиняной (килики, скифосы, миски и проч.). Большую и разнообразную группу составляют культовые и туалетные сосуды: лекифы, алабастры, леканы, пиксиды и др. Характерной особенностью погребального обряда Ольвии V–IV вв. до н.э. является малочисленность больших расписных ваз типа пелик, тидрий, оксибафов, особенно редки изделия из драгоценных металлов. В мужских погребениях иногда встречаются предметы вооружения: наконечники стрел и копий, остатки кинжалов и мечей. «Некоторые бытовые предметы – светильники, зеркала, монеты, кроме своего прямого назначения, играли культовую, символическую роль в погребальном обряде. Исключительно культовые функции имели терракоты, лекифы, курильницы» (Козуб 1974: 41).

Оставляя в стороне вопросы, связанные с погребальными сооружениями (ямами, подбойными могилами и земляными склепами: см. Козуб 1974: 9 сл.), отметим только такой оригинальный тип погребения (он зафиксирован дважды – погребение 1911/78 и кромлех 1926 г.) как трупосожжение, окруженное «кромлехом» из амфор (см. Медцианов 1928; Козуб 1974: 32–33).

Из небольшого количества расписных сосудов следует упомянуть чернофигурный аттический

скифидный килик беглого стиля первой четверти V в. до н.э. с изображением сатира и менады (погребение 1903/27, Козуб 1974: 43, рис. 7), краснофигурную аттическую ойнохою V в. до н.э. с изображением пляшущего сатира (Козуб 1974: 68, рис. 26, 3), краснофигурные оксибафы IV в. до н.э. с изображениями мистеральных сцен (Козуб 1974: 58, рис. 19: 1–3; 60, рис. 20, 2, 62; рис. 22), а также краснофигурную пелику с изображением амазомахи (Бураков 1980: 64 сл.; Тугушева 2001: рис. 11). Думается, что наличие в ольвийских могилах расписных сосудов с изображениями амазонок отнюдь не случайно, учитывая ярко выраженную этничность этих персонажей – служительниц Великой богини, владычицы жизни и смерти. В этой связи можно вспомнить и амазонку на памятнике Леокса, сына Мольагора, происходящем из некрополя Ольвии (Фармаковский 1915: табл. III, IV)²⁷.

Собственно культовые сосуды в ольвийском некрополе представлены большим количеством лекифов разнообразных форм (они выявлены в 103 погребениях в количестве 109 экземпляров). Самый частый сюжет росписи этих ваз – пальметта (как в позднем чернофигурном стиле начала V в. до н.э., так и в краснофигурном стиле IV в. до н.э.; см.: Фармаковский 1915: 93, рис. 45: 6–8; 100; рис. 1–3, 7–8); в позднем чернофигурном стиле встречается роспись с двумя центральными половинами, украшенными листьями плюдца (Фармаковский 1915: 93, рис. 45: 5). Р. Онинанс (Онинанс 1999: 212, 269, 279) совершенно справедливо оспаривает исключительно бытовое значение умащения, отмечая в этом действии аспект наделяния жизненной силой и связь этого аспекта с вместилищем умащающей жидкости – лекифом. Изображения пальметок и плюдца на лекифах подтверждают точку зрения английского исследователя. Среди аттических краснофигурных лекифов следует выделить сосуд середины V в. до н.э. с изображением головы Гермеса в крылатой шапке (Козуб 1974: 96, рис. 46: 8)²⁸, а также лекиф конца V – начала IV в. до н.э. с изображением головы амазонки в льсяй шапке, перед головой – боевая секира (Козуб 1974: 98), и лекиф IV в. до н.э., на котором представлена женская голова в чепце, перед которой находится стилизованный растительный орнамент в виде завязавшегося усика (Козуб 1974: 96, рис. 46: 10; Афродита? см.: Шауб 1998). Ко второй половине IV в. до н.э. относятся две курильницы,

²⁷ См.: Шауб 1999. Только как курьез можно упомянуть трактовку одного из этих рельефных изображений А.С. Русевой (Русева 1987: 158–159), которая в амазонке видит скифа и обосновывает его якобы служебный статус отсутствием у него штанов (которые в действительности были: см. Фармаковский 1915: табл. IV).

²⁸ Здесь явно мыслится Гермес-Психопомп.

²⁶ Подробнее см.: Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.

вероятно, ольвийского производства, обнаруженные в двух разных могилах (Козуб 1974: 103, 104, рис. 50). В эллинистическое время глиняные курильницы-фимиатеры «были необходимым предметом погребального ритуала» (Парович-Пешикан 1974: 119). Иногда в качестве курильниц использовали обыкновенные чашки и мисочки. В них были угольки, зола и пепел (там же). Стоит отметить, что в могилах ольвийского некрополя II–I вв. до н.э. часто встречаются лепные курильницы самых разнообразных типов, несомненно являющиеся произведениями скифских мастеров (Парович-Пешикан 1974: 121–123). Возможно, и сама практика помещения курильницы в могилу связана со скифскими влияниями, но восходит она явно еще к VI в. до н.э., когда вместо курильниц в могилы клались куски реальгара или охры²⁹.

В комплексах погребального инвентаря выявлена целая серия бронзовых зеркал греческого типа³⁰. Всего их найдено девять, семь из которых с гравированным геометрическим орнаментом по краю диска или ручки, а два с бронзовыми накладками в виде пальметок на концах ручек (Козуб 1974: 83, 84, рис. 37). Хотя в основном зеркала происходили из женских могил, но встречались они и в мужских погребениях (Козуб 1974: 83). Этот факт свидетельствует о том, что зеркала в погребениях имели не только утилитарное значение (Козуб 1974: 83), однако попытка Ю.И. Козуб связать их с культом Деметры представляется недостаточной обоснованной.

Следует отметить также наличие в 13 погребениях ольвийского некрополя V–IV вв. до н.э. бронзовых киафов с головкой лебеда на конце ручки; такой же головкой заканчивалось и одно из двух бронзовых ситечек, найденных вместе с этими черпаками (Козуб 1974: 75, 76, рис. 29, 30)³¹.

Амулетов в ольвийском некрополе V–IV вв. до н.э. было очень немного. Это, в первую очередь, подвески из стеклянной пасты в виде гротескных человеческих головок; Ю.И. Козуб считает, что

роль амулетов могли играть черепашки, найденные в двух могилах (Козуб 1974: илл. 103; материал, из которого они сделаны [терракота] и их общее количество автор не приводит).

Терракотовые статуэтки в комплексах ольвийского некрополя V–IV вв. до н.э. еще более редки, чем в могилах VI в. до н.э. В одном из погребений, представлявшем собой трупосоложение в амфоре, найдены терракотовые фигурки свиньи и льва (кстати, лев представлен и на краснофигурном аске V в. до н.э., обнаруженном в одной из ольвийских могил; см. Козуб 1974: 68, рис. 26: 5). В другой могиле найдена статуэтка Кибелы в традиционной позе: богиня сидит на троне, держа в одной руке чашу, в другой тимпан (Козуб 1974: 104, 105, рис. 51).

В богатом для ольвийского некрополя погребении IV в. до н.э. с золотыми и серебряными украшениями найдена миниатюрная гипсовая фигурка голубя, выкрашенного в розовый цвет.

Комплекс 1908/4 содержал две терракоты, изображающие крылатых гениев, одна из них, сохранившая следы белой краски и позолоты, имеет высоту 2,5 см. Здесь же найдено шесть терракотовых позолоченных розеток. Очевидно, эта фигурка входила в состав местного украшения из позолоченных розеток. От другой терракоты, большего размера, сохранились только фрагменты (Козуб 1974: 105).

В могиле 1956/1 найдена протема женского божества, относящаяся к позднеклассическому времени (Парович-Пешикан 1974: 130).

В ольвийском некрополе засвидетельствован греческий обычай сопровождать покойников «оболом Харона». Монеты выявлены в 21 могиле. 20 монет бронзовые, одна серебряная (Парович-Пешикан 1974). Любопытно, что в самых ранних (в том числе и наиболее богатых подкурганых склепах) встречаются монеты-дельфинчики («рыбки») (их зафиксировано десять, см. Парович-Пешикан 1974: 130–131). Так как их чеканка прекратилась еще в V в. до н.э. (Голубцов 1914: 77) или, самое позднее, в начале IV в. до н.э. (Зогграф 1951: 124), можно предполагать, что их помещали в могилы не столько в качестве «оболов Харона», сколько вследствие древней связи представлений о дельфинах с потусторонним миром.

В классическом некрополе Ольвии найдено также девять светильников (Козуб 1974: 106). Следует отметить, что в эллинистическую эпоху светильники стали непременной принадлежностью погребального инвентаря ольвиополитов (Парович-Пешикан 1974: 111 сл.).

Одна из самых интересных находок была сделана в детском погребении V в. до н.э. (1913/49). Это единственная в своем роде бронзовая модель скифского лука (Козуб 1974: 107, 108, рис. 54).

²⁹ В свою очередь данная практика восходит к традициям бронзового века. В погребениях ямной и катакомбной культур почти всегда присутствует красная краска – как правило, комочек или несколько крупинок (Попова 1955: 148). Часто красная краска (нередко вместе с углями) помещалась в курильнице, выступая в качестве символа огня (Городцов 1910: 264).

³⁰ Стоит упомянуть и об армитажном бронзовом этрусском зеркале (около 300 г.) со сценой суда Париса, якобы происходящем из Ольвии (см. Мавлеев 1984: 57, табл. V: 17–19; о семантике этого сюжета на Боспоре см.: Шауб 1993). В этом не было бы ничего удивительного, поскольку находки разнообразных этрусских бронзовых изделий в Северном Причерноморье не редкость (см., например: Билимович 1979; Трейстер 1990).

³¹ О семантике этих предметов см.: Шауб 2001.

Поиски аналогий этому уникальному для Северного Причерноморья предмету привели Ю. И. Козуб в «сибирско-савроматский культурный ареал» (Козуб 1974: 107), где известны изготовлявшиеся в V–IV вв. до н.э. бронзовые модели луков с натянутой стрелой (Козуб 1974: прим. 167). Киевская исследовательница правильно отмечает существование у хакасов и алтайцев традиции класть в колыбель младенцев мужского рода или вешать над ними модели луков и стрел, а также поверья тюрко-язычных народов Сибири, связанные с древней богиней Умай (Ю. И. Козуб называет ее духом и говорит о ней в мужском роде)³². Однако в конце XIX – начале XX в. Умай сохранила только часть своих функций, а именно, считалась покровительницей детей, тогда как в древности это была Великая богиня, связанная не только с плодородием, но и с войной. Именно поэтому с культом Умай ассоциировались миниатюрные изображения лука и стрел (см. Дзвлет 1966: 70–72, 74, рис. 21). В то же время Ю. И. Козуб (Козуб 1974: 107) почему-то рассматривает находку бронзовой модели лука в ольвийской могиле как свидетельство органической связи этого предмета с идеологическими представлениями ольвиополитов, считая его простым апотропеем.

Однако, на наш взгляд, данная вещь может быть одним из самых ярких проявлений «варварства» (наряду с настоящим оружием)³³ в погребальном

³² Об этой богине алтайских шаманов см.: Потапов 1991: 284 сл.

³³ Как известно, в десятках могил ольвийского некрополя обнаружены разнообразные предметы вооружения (наконечники стрел, копий, мечи, кинжалы, секира), причем подавляющее их большинство относится к скифским типам. Точное количество подобных погребений назвать трудно из-за плохой сохранности железных предметов. Ю.И. Козуб зафиксировала 36 могил классического периода с оружием (Козуб 1974: 107).

Разные мнения относительно оружия в ольвийских могилах в качестве индикатора этнической принадлежности погребенного см. Капошина 1950 (скифы); Скудунова 1966 (греки); *о прочих варварских элементах* в погребениях ольвийского некрополя см. Капошина 1941; 1946; 1956; Бессонова 1991. Несомненно, предметы вооружения могил рассматриваются как мощные обереги (Палаинова 2002: 283), однако предположение о том, что греки специально использовали для этой цели оружие противника (Палаинова 2002: 280), ничем не подкреплено. Ср. об этнокультурной принадлежности погребений с оружием на Боспоре: М.И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 235) считает их варварскими, Г.И. Цветаева (Цветаева 1951: 168) и Е.Г. Кастанаян (Кастанаян 1959: 270) – греческими; А.А. Масленников (Масленников 1981: 32) полагает, что с оружием могил хоронили как варваров, так и греков.

Функции оберегов в могилах, скорее всего, могли выполнять и большие гвозди с толстыми шляпками. На эту мысль наводит тот факт, что в тех могилах, где зафиксированы следы деревянных гробов, гвозди не найдены (Скудунова 1988: 27). Правда, в некоторых случаях эти гвозди могли использоваться для крепления ткани (Ольховский 1991: 157).

инвентаре ольвийского некрополя классического периода.

Таким образом, рассмотрение захоронков, сделанных в ольвийском некрополе VI–IV вв. до н.э., дает серьезные основания для предположения об их семантической значимости. Можно думать, что не только сами предметы, входившие в состав инвентаря ольвийских могил, но и сюжеты и образы, запечатленные на этих предметах, имели глубокую связь с религиозно-мифологическими представлениями ольвиополитов, прежде всего, с их воззрениями на загробный мир.

Акимова 1990 – Акимова Л.И. Анализ вазы Франсуа // Образ-смысл в античной культуре. М., 1990. С. 96–133.

Андреевский 1975 – Андреевский В.П. Замедельские культуры племен лесостепной Скифии (VII–V вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1975.

Артамонов 1966 – Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Л., Прага, 1966.

Бессонова 1991 – Бессонова С.С. Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии в Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 92–99.

Билимович 1979 – Билимович З.А. Этруские бронзовые ситочки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 26–36.

Бобринский 1887 – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеля. СПб., 1887. Т. 1.

Бобринский 1894 – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеля. СПб., 1894. Т. 2.

Бобринский 1901 – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеля. СПб., 1901. Т. 3.

Борисовская 2000 – Борисовская С.П. Геракл и Антей. Об одном малоизвестном асфике из Ольвии // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 198–201.

Бураков 1980 – Бураков А.В. Земляной склеп Ольвийского некрополя // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 64–75.

Виноградов 1980 – Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 92–109.

Вишневская 1973 – Вишневская О.Л. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // Труды Хорезмской археологической экспедиции. М., 1973.

Гайдукевич, Капошина 1951 – Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV. С. 162–187.

Галанина 1980 – Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.

Гавнина 1958 – Гавнина О.Д. До питання про жіночі поховання з зброєю скифського часу. Праці Київського державного історичного музею. Київ, 1958. Вип. 1. С. 175–185.

Голубцов 1914 – Голубцов В.В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905–1908 гг. // ИАК. 1914. Вып. 51. С. 67–118.

Городцов 1910 – Городцов В.А. Бытовая археология. М. 1910.

- Грач 1980 – *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Давлет 1966 – *Давлет М. А.* 1966. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.
- Зайцева 1971 – *Зайцева К.И.* Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 4–106.
- Зограф 1951 – *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Зуев 1996 – *Зуев В.Ю.* Научный миф о «сапроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.
- Ильинская 1968 – *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- Кагаров 1913 – *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
- Капошина 1941 – *Капошина С.И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. Т. 7. С. 161–173.
- Капошина 1946 – *Капошина С.И.* Пережитки ритуального окрашивания костяков в ольвийском некрополе и в погребениях Приднепровских скифов // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 26–30.
- Капошина 1950 – *Капошина С.И.* Погребения скифского типа в Ольвии // СА. 1950. Т. 13. С. 205–216.
- Капошина 1956 – *Капошина С.И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. № 50. С. 154–189.
- Кастанян 1959 – *Кастанян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 179–190.
- Книпович 1950 – *Книпович Т.Н.* Основные итоги Ольвийской экспедиции // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. 35. С. 100–105.
- Книпович 1927 – *Книпович Т.Н.* Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоманский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 85–101.
- Козуб 1973 – *Козуб Ю.И.* Модель лука из Ольвии // Скифские древности. Киев, 1973.
- Козуб 1974 – *Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V–IV вв. до н.э. Киев, 1974. (На укр. яз.).
- Литвинский 1964 – *Литвинский Б. А.* Зеркало в верованьях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3. С. 97–104.
- Мавлеев 1984 – *Мавлеев Е.В.* Судьба греческого сказания о «Суде Париса» в Этрурии VI–III вв. до н.э. // Труды ГЭ. Л., 1984. Т. 24. С. 49–63.
- Масленников 1981 – *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Мецаинов 1930 – *Мецаинов И.И.* Кромлехи // ИГАИМК. Л., 1930. Т. 6. Вып. 3.
- Ольховский 1991 – *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Онайко 1976 – *Онайко Н.А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // ХКАМ. М., 1976. С. 166–179.
- Онианс 1999 – *Онианс Р.* На коленях у богов. М., 1999.
- Папанова 1993 – *Папанова В.А.* Некрополь Ольвии. Бердянск, 1993.
- Папанова 1994 – *Папанова В.А.* Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1994.
- Папанова 2002 – *Папанова В.А.* Символика оружия в античных погребениях // БФ. Вып. 4. Т. 2. С. 279–285.
- Парович-Пешикан 1974 – *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Попова 1955 – *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры. М., 1955.
- Потапов 1991 – *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Прушевская 1955 – *Прушевская Е.О.* Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С. 325–355.
- Пшеничюк 1983 – *Пшеничюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Равский 1985 – *Равский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Рапопорт 1971 – *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Ростовцев 1914 – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Пг., 1914. Т. 1–2.
- Ростовцев 1925 – *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев 1913 – *Ростовцев М.И.* Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62.
- Руднева 1911 – *Руднева С.Д.* Чернофигурная котила из кургана Киевской губернии // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 130–141.
- Русева 1979 – *Русева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии допетровского времени. Киев, 1979.
- Русева 1987 – *Русева А.С.* Эпиграфические памятники. Скульптура, Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время. Киев, 1987. С. 134–175.
- Русева 1992 – *Русева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Савостина 1990 – *Савостина Е.А.* Фронтоны античного храма: образ универсума – Медуза Горгона // Образ – смысл в античной культуре. М., 1990. С. 134–150.
- Сапунов 1970 – *Сапунов Б.В.* Памятники материальной культуры двовершья. Из истории семантики луниц // Труды ГЭ. Л., 1970. Вып. XI. С. 7–14.
- Скржинская 1984 – *Скржинская М.В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 105–129.
- Скудова 1960 – *Скудова В.М.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗООИД. Одесса, 1960. Т. 1 (34). С. 60–64.
- Скудова 1962 – *Скудова В.М.* Скифские зеркала в архаическом некрополе Ольвии // Труды ГЭ. Л., 1962. Вып. VII. С. 5–27.
- Скудова 1988 – *Скудова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Смирнов 1964 – *Смирнов К.Ф.* Сапроматы. М., 1964.
- Трейстер 1990 – *Трейстер М.Ю.* Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикалея // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 37–44.
- Тугушева 2001 – *Тугушева О.В.* Амазономания на боспорских пендиках // Боспорский рельеф со сценой сражения. М.; СПб., 2001. С. 216–229.
- Тураев 1911 – *Тураев Б.А.* Скарabei с о. Березани // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 118–120.
- Фармаковский 1914 – *Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // МАР. 1914. Вып. 34. С. 15–78.
- Фармаковский 1915 – *Фармаковский Б.В.* Памятники античной культуры, найденные в России // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 82–132.

- Хазанов 1964 – Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркала у сарматов // СЭ. 1964, № 3, С. 89–96.
- Цветаева 1951 – Цветаева Г.И. Грунтовый некрополь Пантикалея // МИА. 1951, № 19, С. 63–86.
- Шaub 1979 – Шaub И.Ю. Африканская чернофигурная керамика с изображением сфинксов (из раскопок ольвийских темениса и агоры) // КСИА. 1979, Вып. 159, С. 60–65.
- Шaub 1989 – Шaub И.Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов. М., 1989, С. 128–129.
- Шaub 1992 – Шaub И.Ю. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1992, С. 70–72.
- Шaub 1993 – Шaub И.Ю. Парис на Боспоре // КСИА. 1993, № 207, С. 67–69.
- Шaub 1998 – Шaub И.Ю. Варварские элементы в культуре Аполлона на Боспоре // Кля. 1998, Вып. I (14), С. 67–74.
- Шaub 1998a – Шaub И.Ю. О культуре Афродиты на Боспоре // БФ. СПб., 1998, Т. 1, С. 54–57.
- Шaub 1999 – Шaub И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999, № 3, С. 207–223.
- Шaub 2000 – Шaub И.Ю. «Буйный Арес номадов» (Воинские культы скифов) // «Новый часовой». СПб., 2000, № 10, С. 7–21.
- Шaub 2000a. – Шaub И.Ю. О семантике образа Европы // ΣΥΣΣΤΙΛΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000, С. 122–125.
- Шaub 2001 – Шaub И.Ю. Причерноморско-италийские этюды. I. «Гуси-лебеди» и их семантика // ИС. СПб., 2001, № 5, С. 5–14.
- Шaub 2003 – Шaub И.Ю. Причерноморско-италийские этюды. II. Религиозно-мифологическое значение дельфина в Ольвии и в Эгтрури // ИС. 2003, № 7, С. 5–11.
- Шaub 2003a – Шaub И.Ю. Причерноморско-италийские этюды. III. Геракл в Италии и Скифии // ИС. 2003, № 7, С. 12–27.
- Шaub 2004 – Шaub И.Ю. Культ фарины у скифов // Вестник ПСТБИ. М., 2004, Вып. 2, С. 238–245.
- Buschor 1944 – Buschor E. Die Musen des Jenseits. München, 1944.
- Croon 1955 – Croon J.H. The Mask of the Underworld Daemon // JHS. 1955, Vol. 75.
- Frothingham 1911 – Frothingham A.L. Medusa, Apollo and the Great Mother // AJA. 1911, Vol. 15, № 3, P. 349–377.
- Gimbutas 1989 – Gimbutas M. The Language of the Goddess. New York, 1989.
- Gimbutas 1999 – Gimbutas M. The Living Goddesses. Berkeley, Los Angeles, London, 1999.
- Graham 1971 – Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1971.
- Hildburgh 1946 – Hildburgh W.L. Apotropaism in Greek Vase-Painting // Folk-Lore. 1946, Vol. 57.
- Histria 1954 – Histria. Monografie arheologica. Bucuresti, 1954, Vol. I.
- Hopkins 1934 – Hopkins C. Assyrian Elements in the Perseus-Gorgon Story // AJA. 1934, Vol. 38, № 3, P. 341–358.
- Howe 1954 – Howe T.P. The Origin and Function of the Gorgon-Head // AJA. 1954, Vol. 58, № 3, P. 209–221.
- Malten 1914 – Malten L. Das Pferd im Totenglauben // JdI. 1914, Bd. 29, S. 179–256.
- Metzger 1944–1945 – Metzger H. Dionysos chthonien // BCH. 1944–1945, T. 68–69, P. 296–339.
- Mordvinceva 2001 – Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Rahden/Westf., 2001.
- Potts 1982 – Potts A.M. The World's Eye. Lexington, 1982.
- Riccioni 1960 – Riccioni G. Origine e sviluppo del Gorgoneion e del imito della Gorgone-Medusa nell'arte Greca // Revista dell'Istituto nazionale d'archeologia e storia dell'arte. 1960, № 9, P. 3–60.
- Schaenburg 1953 – Schaenburg K. Pluton und Dionysos // JdI. 1953, Bd. 68, S. 38–72.
- Schefold 1975 – Schefold K. Wort und Bild. Basel-Mainz, 1975.
- Schweitzer 1922 – Schweitzer B. Heracles, Tübingen, 1922.
- Stähler 2001 – Stähler K. Der Herrscher als Pflüger und Säer. Münster, 2001.
- Williams 1932 – Williams C.A.S. Outlines of Chinese Symbolism and Art Motives. Shanghai, 1932.

Semantics of Grave Goods from the Olbian Necropolis of the 6th–4th Century BC

I.Yu. Schaub

The most noteworthy of funerary offerings from the Olbian necropolis of the 6th–4th century BC is pottery with Attic imports predominating in it. The overwhelming majority of the motifs of painting on the latter belong to the Dionysian circle. Associated with the Dionysian ideas about death (as residence in the Dionysian paradise) probably were also numerous ivy designs and palmettes on Attic vases as well as representations of lotus and ivy and those of ivy on Ionian vases.

The next in terms of the frequency of its occurrence on the vases is a water-fowl motif. These representations are an additional evidence that religious concepts connecting these birds with the other world were widely distributed in the northern Black Sea area.

Tied with ideas about the other world are undoubtedly also the fairly numerous representations of sphinxes.

Furthermore, vessels with representations of a struggle between Heracles and a lion, a centaur, a bull or Antaeus are in no way accidental in the graves.

Bronze dolphin-shaped coins (as well as representations of dolphins on pottery) from Olbian graves may be considered as a symbol of revival rather than as 'obols of Charon'.

Lion and ram were considered both by the Greeks and the Scythians as sacred animals of ambivalent nature: they were connected alike with the sun and the chthonic world. Therefore the abundance of their rep-

representations on various objects found in Olbian graves is not surprising.

Lunate pendants are possibly reflections of the cult of the Moon as suggested by their analogies with similar female ornaments in heathen Rus.

Mirrors were peculiar to late Archaic rich female burials. The fact that these objects are commonly accompanied by stone slabs of ritual purpose indicate their religious meaning. The combination of the two

objects (along with some other) is an expressive evidence of the barbarian belonging of the interred women – priestesses whom these objects were accompanying. The barbarian provenance is suggested also by a bronze model of a Scythian bow from a child's grave of the 5th century BC.

Thus all of the finds from the necropolis of Olbia of the 6th–4th centuries BC give us grounds to suppose that they had a semantic significance.

Бронзовый котел из окрестностей станции Гостагаевской

А.М. Новичкин¹

Весной 1998 г. в Анапский археологический музей был доставлен сильно деформированный бронзовый котел, буквально разорванный плугом надвое по линии наибольшего расширения тулова. После реставрации сосуд занял подобающее ему место в экспозиции «Древнейшее прошлое Анапского района».

Как удалось установить в результате распроса доставивших находку лиц, котел был найден при вспашке на поле приблизительно в 2 км к юго-востоку от станции Гостагаевской и в 0,5 км к северо-западу от Гостагаевского городища². По словам находчиков, поблизости от котла на пахоте находились обломки сильно перержавевших железных стержней (*остатки треножника* – ?), не привлекавшие их внимания. Не исключено, что находка имеет отношение к некрополю городища (распаханных курган, ритуальный комплекс – ?).

Сосуд изготовлен путемковки из листовой бронзы. Толщина стенок 1 мм. Тулово котла уплощено-шаровидной формы, но за счет выровненных плечиков имеет несколько реповидную форму. Горло в виде низкого слегка расширяющегося кверху обода, венчик отогнут наружу. Толщина горла и венчика – 2 мм. Высота котла – 29 см, диаметр – 44 см. В нижней части тулова следы ремонта: неправильной формы пробина прикрыта изнутри тонкой бронзовой прямоугольной пластиной – «латкой», по периметру приклепанной к стенкам сосуда множеством заклепок (рис. 1).

В Западном Закубанье это уже третья находка подобного котла. Два котла были найдены в 1870-х гг. В.Г. Тизенгаузеном при раскопках Семибратних курганов – IV и I Малого. Информация об этих сосудах и фото одного из них опубликованы Л.К. Галаниной (Галанина 1980: 35, 36, рис. 12). Оба котла из Семибратних курганов имеют уплощено-шаровидную форму и низкое горло с отогнутым венчиком. Высота сосудов 35 и 32,5 см. Котел из IV Семибратнего кургана снабжен приклепанными к плечикам петельками со вставленными в них кольцами и сопровождался железным треножником. Оба комплекса Семибратних курганов датированы первой половиной V в. до н.э. (Галанина 1980: 35).

Еще один аналогичный гостагаевскому котел происходит из основного погребения Курджинского кургана в Среднем Закубанье. Это сосуд с покатыми плечиками, резко переходящими в округлое тулово. К его плечикам прикреплены заклепки с петельками, как и у котла из IV Семибратнего кургана, но без вставленных в них колец. Высота изделия – 36,5 см, диаметр тулова – 57 см, диаметр венчика – 35 см (Галанина 1980: 35, 83, кат. 15). Дата Курджинского комплекса определяется в пределах последней четверти IV в. до н.э. (Галанина 1980: 54).

Четыре подобных котла найдено за пределами Кубани.

Два сосуда обнаружены на Балканах. Один – в погребении первой половины V в. до н.э. Куковой могилы на территории Болгарии (древняя Фракия). Высота болгарского экземпляра – 26,5 см, он, как и котел из IV Семибратнего кургана, снабжен приклепанными к плечикам петлями со вставленными в них кольцами (Галанина 1980: 36, рис. 13). Второй обнаружен в знаменитой II Вергинской гробнице на территории Северной Греции (древняя Македония). Котел был установлен на железном треножнике в углу погребальной камеры. Он также снабжен приклепанными к плечикам петлями с кольцами для подвешивания (Манцевич 1980: 157, рис. 6). Датировается II Вергинская гробница (зачастую отождествляемая с захоронением Филиппа II Македонского или одного из ближайших его родственников) в пределах второй половины IV в. до н.э. (Андроникос 1979: 27; Манцевич 1980: 154, 167; Алексеев 1987: 48), однако ладпись на треножнике интересующего нас котла указывает на изготовление его около 460 г. до н.э., то есть на существенно более древнюю дату этого предмета и весьма длительный период его бытования (Алексеев 1987: 48).

Еще два котла (большой и малый) найдены на Среднем Дону в Аверинском кургане (Медведев 1997: 60, 61, рис. 3: 3, 4; 1999: 150, рис. 56: 6, 7, рис. 67: 3, 4). Как сообщил автору А. П. Медведев, котлы обнаружены случайно при земляных работах. По аналогии с курджинским сосудом они отнесены к концу IV в. до н.э. (Медведев 1997: 60; 1999: 150). Особенностью аверинских экземпляров является крепление петель с кольцами не к плечикам сосуда (как у котлов из IV Семибратнего кургана, Курджинца, Куковой могилы и Вергины), а к горлу под венчиком.

¹ Россия. 353456. г. Анапа, ул. Чехова, 69. Анапский филиал Сочиного государственного университета туризма и курортного дела.

² Информацию о городище и найденных там вещах см.: Кругликова 1975: 143; Салов 1979: 101; Новичкин 2001: 126.

Рис. 1. 1 – Бронзовый котел из окрестностей станицы Гостагаевской; 2 – вид сбоку; 3 – вид сверху

Fig. 1. 1 – Bronze cauldron from the neighbourhood of the stanitsa of Gostagayevskaya; 2 – side view; 3 – view from above

Таким образом, к настоящему времени известно уже восемь подобных котлов. Четыре из них найдены на Кубани, причем три – в Западном Закубанье, на территории исторической Синдикки. Хронологически датированные экземпляры распадаются на две группы: 1) первая половина – середина V в. до н.э. (Семибратние курганы, Кукова могила и, судя по надписи на треножнике, Вергинна), 2) последняя четверть IV в. до н.э. (Курджипский курган). Впрочем, для последнего комплекса нельзя исключать возможности весьма длительного использования сосуда до его помещения в могилу, как это было в случае с *вергинским котлом*. Дата *аверинских* сосудов, ввиду случайности находки, не вполне ясна. Возможно, прав А.П. Медведев, относящий их к концу IV в. до н.э. на основании сходства малого котла с сосудом из Жutowского могильника и отмеченных исследователем фактов появления именно в этот период на Среднем Дону материалов кубанского облика (мечей так называемого синдо-меотского типа и др.) (Медведев 1997: 60, 61; 1999: 150). *Аверинские находки*, таким образом, могут быть включены во вторую хронологическую группу.

Публикуемый экземпляр также не имеет надежных оснований для определения его хронологической позиции, но, учитывая датировку наиболее близких территориально находок из Семибратних курганов, его, видимо, следует датировать V в. до н.э. и относить к первой хронологической группе.

Судя по находкам исключительно в погребениях знати, данная категория кованых котлов относилась к разряду социально-престижных и, надо полагать, учитывая сложность изготовления и следы починки, весьма дорогостоящих вещей.

Л.К. Галанина, изучив сосуды из Курджипского и Семибратних курганов, допускает, что кованые

котлы подобной формы могли производиться в V–IV вв. до н.э. в Прикубанье (Галанина 1980: 36). Как уже отмечалось, в настоящее время к числу кубанских находок относятся четыре из восьми известных котлов, то есть половина, что, как представляется, подтверждает предположение Л.К. Галаниной. Кубанское происхождение весьма вероятно и для котлов Аверинского кургана (Медведев 1997: 60, 61; 1999: 150).

В V в. до н.э. центр по производству этих сосудов, вероятнее всего, находился в Синдикке: именно здесь, в Семибратних курганах, найдены датированные экземпляры этого времени. Балканские находки (котлы из Куковой могилы и Вергинны) в таком случае, могут рассматриваться как дипломатические дары, трофеи или свидетельства каких-либо форм контактов между Прикубаньем (Азиатским Боспором) и Фракией, а также соседней с ней Македонией. Эти связи пока не известны по другим источникам, но весьма вероятны для времени близкого к середине V в. до н.э. на уровне отношений фрако-скифо-боспорской знати (Алексеев 1992: 124, 125; Крыкин 1993: 237; Мачинский 1993: 17). Косвенным свидетельством возможности подобных связей может служить отмечаемое исследователями определение сходства антропонимии правящих домов фракийской державы Одрисов, Скифии, Синдикки и Боспорского государства во второй половине V–IV в. до н.э. (Тохтасьев 1998: 296, 301).

Использование, а быть может, и производство котлов подобной формы продолжалось на Кубани и позднее, вплоть до конца IV в. до н.э. Они получили распространение в ивентере меотской или меото-сиракской знати (находка в Курджипе), при участии которой могли попасть на Средний Дон (Аверино).

- Алексеев 1987 – *Алексеев А.Ю.* Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ. Л., 1987. Вып. 28. С. 38–51.
- Алексеев 1992 – *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.
- Андроникос 1979 – *Андроникос М.* Гробницы македонских царей // Курьер ЮНЕСКО. 1979. № 7. С. 18–31.
- Галанина 1980 – *Галанина Л.К.* Курджипский курган. Л., 1980.
- Кругликова 1975 – *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыкин 1993 – *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
- Манцевич 1980 – *Манцевич А.П.* Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ. 1980. № 3. С. 153–167.
- Мачинский 1993 – *Мачинский А.Д.* Скифия и Боспор. От Аристота до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 6–27.
- Медведев 1997 – *Медведев А.П.* Новые материалы о финале лесостепной Скифии // *Донские древности. Азов*, 1997. Вып. 5. С. 50–66.
- Медведев 1999 – *Медведев А.П.* Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
- Новичихин 2001 – *Новичихин А.М.* К вопросу о походах скифов в земли скидов // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар–Анапа, 2001. С. 125–128.
- Салов 1979 – *Салов А.И.* Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 98–102.
- Тохтасьев 1998 – *Тохтасьев С.П.* К чтению и интерпретации посвяительной надписи Левкола I с Семibrатне-го городища // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286–301.

Bronze Cauldron from the Neighbourhood of the Stanitsa of Gostagayevskaya

A.M. Novichikhin

A bronze forged cauldron 29 cm high and 44 cm in diameter (fig. 1) was found by chance near the stanitsa (Cossack village) of Gostagayevskaya, not far from the settlement-site of Gostagayevskoye. The find is housed now in the Anapa Archaeological Museum.

This is the third object of the same shape from the region of the city of Anapa (the territory of ancient Sindike): two similar vessels were uncovered in barrows of the Semibratniye or Seven Brothers group. Another find comes from the Kuban River – from a burial in the Kurdzhip kurgan. From outside the limits of the Kuban area, finds of similar vessels also are reported. Two cauldrons were found on the Balkans: in the Kukova Grave, Bulgaria (ancient Thrace), and in the famous 2nd Vergina Tomb, northern Greece (ancient Macedony). Two other were found in the disturbed Averinsky kurgan on the middle Don River. In each case, the cauldrons were uncovered in graves of the elite.

The assemblages containing the cauldrons are dated to the first half of the 5th century BC (the Semibratniye

kurgans and Kukova Grave) or to the second half of the 4th century BC (Kurdzhips and Vergina). In the last case, the cauldron manufactured in c. 460 BC was used for a long time.

The object from Gostagayevskaya has supplemented the number of the Kuban finds and confirmed L.K. Galanina's supposition that forged cauldrons of this shape were manufactured on the Kuban River. It is probable that Sindike was the centre of their production in the 5th century BC.

The wide geographical distribution of these finds suggests that there were contacts of some type between the Kuban area and the Balkans enabling the forged cauldrons to come into hands of members of the Thracian and Macedonian elite. The existence of such contacts in about the middle of the 5th century BC is quite probable.

The use and, possibly, manufacture of similar vessels continued until the end of the 4th century BC when, as suggested by the Kurdzhips find, they were current among the Maeotian and Maeoto-Sirakian nobility.

К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом

Р.В. Стоянов¹

Эллинистический некрополь, расположенный в юго-восточной части Херсонеса Таврического, начинается от 15 куртины и продолжается вдоль городских оборонительных стен² по юго-восточному склону Карантинной балки к западному побережью Карантинной бухты и склонам Девичьей горы (Стоянов 2000: 134). Г. Д. Белов выделял в рамках восточного некрополя три участка, захоронения на которых производились на протяжении III–I вв. до н.э. (Белов 1978: 45–46, участки А–В)³. В статье рассмотрены вопросы хронологии погребальных комплексов, расположенных напротив 18 и 19 куртин возле гончарных мастерских, ранее размещавшихся в этом районе⁴ (рис. 1: 1).

В 1900 г. в периболо напротив 19 куртины были открыты печи для обжига керамики и 23 захоронения (№ 1015–1037)⁵, часть из которых была перекрыта протейхизмой, строительство которой К. Э. Гриневич относил к IV в. (рис. 1: 2; Гриневич 1959: 113). Поскольку могильные ямы были перекрыты метанам слоem, образованным во время строительства протейхизмы, их удалось проследить только с уровня материковой скалы (Косцюшко-Валюжинич 1902а: 16 сл.; Косцюшко-Валюжинич 1902б: 10–11)⁶. Руководитель раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Трудно объяснить нахождение этого небольшого участка некрополя в местности, несомненно⁷ предназначенной для ремесленного поселка, как это доказывают остатки древнегреческих построек и вырубленные в скале печи для обжига посуды и терракот... Что касается времени, к которому отно-

сятся описанные погребения ... можно думать, что они принадлежали к II веку до Р. Х.; во всяком случае, они относятся к доримской эпохе...» (Косцюшко-Валюжинич 1902б: 18). Предметы, изображения и описания которых были приведены в отчете, позволяют составить некоторое представление о времени совершения отдельных захоронений. Так, среди находок из могилы 1016 были упомянуты шесть частей от «ожерелья в виде золотых полых полушарий сканной работы с дырочкой посередине, украшавших, вероятно, с обеих сторон три круглые халдеоновые пронизи...» (Косцюшко-Валюжинич 1902б: 16). Среди сопутствующего инвентаря погребения № 1032 находились «обрывок от золотого ожерелья 0,04 м дл.: к круглому медальончику с зеленым стеклышком прикреплены с обеих сторон проволочки на петельках с навязанными двумя круглыми гранатовыми бусинами, украшенными с двух сторон золотыми рубчатými полушарьями, подобными найденным в гробнице 1016; по обоим концам уцелели золотые цепочки в виде превосходно исполненных золотых жгутиков в 0,01 м длины каждый; обрывок составлял среднюю часть ожерелья» (Косцюшко-Валюжинич 1902б). Подобные украшения, распространенные в эллинистический период и хорошо известные по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья, обычно датируются в пределах второй половины III – середины II в. до н.э. (Marshall William 1911: № 1961, 1962, 1966, 1973; Pfrommer 1990: taf. 16: 1, 6; Максимова 1979: Арт. 5). К этому же времени могут быть отнесены и парные золотые серги с окончаниями в виде голов львиноголовых грифонов (Косцюшко-Валюжинич 1902а: 17, рис. 31; Косцюшко-Валюжинич 1902б: 11, № 1016, рис. 10. Ср. Pfrommer. 1990: ТК 23, taf. 30: 29, 31). Набор из шести терракотовых статуэток из могилы № 1016 и статуэтка из погребения № 1034 были отнесены Г.Д. Беловым к продукции Мирини II в. до н.э. (Косцюшко-Валюжинич 1902б: рис. 11–13, 15; Косцюшко-Валюжинич 1902а: рис. 34–37; Белов 1970: кат. 42, 47, 45, 50; Белов 1978: № 19, рис. 11: 1–3. Другая интерпретация с той же датировкой см. Шевченко 2001: 4–5). Монеты, найденные в погребениях этого участка, относятся к сериям конца III – начала II в. до н.э.: голова Девы в венке вправо, сзади лук и колчан / Хер. Бодающий бык влево, внизу имя (Авохиз 1977: № 143. Ок. 200–190 гг. до н.э.), голова Девы в венке вправо, сзади лук и кол-

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

²Нумерация куртин соответствует общепринятой в настоящее время номенклатуре А.Л. Бертье-Деллагарда (Бертье-Деллагард 1907: табл. II).

³В основе данного разделения лежал исключительно территориальный принцип.

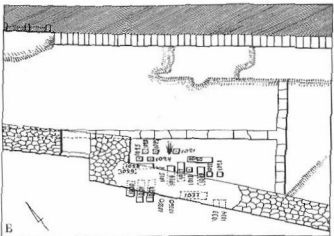
⁴Участок В, по Г.Д. Белову.

⁵Здесь и далее приведена авторская нумерация погребений соответственно материалам полевой документации и отчетов исследователей.

⁶Отдельные предметы, найденные в насыпи, перекрывающей могилы, вероятно, относились к погребениям, разрушенным во время строительства протейхизмы. Например – золотое ожерелье, бусулка и серги (Косцюшко-Валюжинич А-1900: 113, № 1, 6–8). Наиболее интересные и ценные находки были отправлены в Императорскую Археологическую Комиссию и переданы в Императорский Эрмитаж (Косцюшко-Валюжинич А-1900: 113–114).

⁷В цитатах сохранена авторская пунктуация (Р.С.).

Рис. 1. А – участок некрополя напротив куртины 19. 1 – куртина 19; 2 – границы участка, стрелкой показано расположение могил, открытых в 1958 г. (фото 2005 г.). Б – план участка, открытого в 1900 г. (по М.И. Скубетову)

Fig. 1. А – Area of necropolis opposite Curtain 19; 1 – Curtain 19; 2 – borders of the area, indicated by the arrow are positions of the graves excavated in 1958 (photo of 2005). Б – plan of the area excavated in 1900 (according to M.I. Skubetov)

чан / Лежащая лань влево, внизу имя *Ξενοδοξ* (Анохи 1977: № 156, 210–200 гг. до н.э.). В конструкции двух могил были использованы синопские черепицы с клеймами I хронологической группы (Косцюшко-Валожинич 1902б: 13). Имеющиеся материалы в целом подтверждают правильность датировки некрополя, предложенной К.К. Косцюшко-Валожиничем. Отметим при этом, что некоторые погребальные комплексы, открытые здесь, очевидно, могут относиться к самому началу II в. до н.э.

Во время исследования этой территории в 1956 г. были открыты еще 13 могил (Борисова 1998:

14–15), расположенных к северо-западу от раскопа 1900 г. над сооружениями, относящимися к гончарным мастерским (рис. 2: 1). Подобное размещение указывало на то, что возникновение некрополя следует относить ко времени после прекращения деятельности эргастериев. В.В. Борисова датировала открытые захоронения в пределах второй половины II в. до н.э. (Борисова 1958: 144⁸). При этом единственная монета, найденная в могиле № 12, относится к серии начала IV в. до н.э.⁹, а столовая керамика и сосуды для масла, сопровождавшие захоронения, представлены типами конца III–II в. до н.э. (Стоянов 2005: 45–46, рис. 4: 5, 19, 33; 3: II, 18). Подобные материалы позволяют относить время возникновения этого участка не к середине, а к началу II в. до н.э.

Гибель гончарных мастерских, располагавшихся на этой территории, Борисова связывала со скифскими нашествиями. Соответственно с этим керамический комплекс гончарных печей, перекрытых некрополем, был датирован концом III – первой половиной II в. до н.э. (Борисова А-1956; Борисова 1966: 15). Этот вывод вызвал оправданные замечания. В числе прочего было указано на наличие в эргастериях комплексов с материалами середины IV в. до н.э. (Шеглов 1970: 175, примечание 18), а также на то, что от времени гибели производственного комплекса до появления первых погребений на этой территории, вероятно, должно было пройти некоторое время (Михлиш 1979: 146)¹⁰. На основании датировки серии тарных амфор, открытых в мастерских, С. Ю. Монахов отнес время гибели последних к первой половине III в. до н.э. (Монахов 1984: 122; Монахов 1989: 53–54). Таким образом, hiatus, равный по меньшей мере половине столетия, должен был разделять начало использования рассматриваемого участка в качестве некрополя и прекращение функционирования эргастериев.

Новые материалы, дополняющие уже имеющиеся данные, были получены во время раскопок, сопровождавшихся консервацией и реставрацией участка перибола напротив 19 куртины в 1958 г. (Стржецкий 1969: 37). В процессе работ были открыты две могилы, которые располагались в нижнем ярусе кладки протейхизмы. Кладка, за-

⁸ Вместе с тем для этого участка были предложены и более широкие хронологические границы в пределах всего II в. до н.э. (Белов 1978: 45; Стоянов 2000: 134).

⁹ Букрашич / Хер. Рыба и палица вправо (Коваленко 1999: 116 сл.; Коваленко 2003: 361 сл.). Это далеко не единственный в херсонесском некрополе пример долговременного обращения монет до попадания в могилу. Так, среди сопроводительного инвентаря скелета № 2791 (раскопки Н.И. Реникова 1908 г.), датированного рубежом III–IV вв. была найдена местная монета II в. до н.э. (Глязев 1963: 16, примечание 4).

¹⁰ Без указания продолжительности этого отрезка (Р.С.)

крывавшая эти сооружения со стороны перибола, была разобрана вместе с северо-восточными стенками гробниц, а оставшиеся, видимые части могила – законсервированы с применением железобетонной конструкции (рис. 2: 2). Захоронения располагались на площади, исследовавшейся в 1900 и 1956 гг. К сожалению, в отчете и полевой документации, которая велась в процессе работ, не удалось найти описаний, обмеров и чертежей этих сооружений, а также сведений, касающихся наличия и расположения костных останков и сопутствующего инвентаря. Единственным источником, содержащим информацию о находках, является Коллекционная опись (Стрелецкий 1958). Это полностью объясняет причину, по которой указанные материалы до недавнего времени оставались абсолютно не известными исследователям (Стоянов 2003: 240 сл.). Вместе с тем предметы, найденные в этих могилах или одной из них, являются важным источником для выяснения хронологии рассматриваемого участка некрополя¹¹.

Несмотря на то что обе погребальные конструкции были перекрыты кладкой протейхизмы, видимые части позволили реконструировать их форму вполне надежно¹². Сооружения относятся к ямным грунтовым могилам с плитовой (1) и черепичной (2) конструкциями. Дно могильных ям было расположено на высоте около 0,3–0,4 м от материковой скалы.

1. Ямная грунтовая могила с плитовой конструкцией прямоугольной в плане формы, длиной 1,4 м, шириной 0,73 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 3: 1). Северо-восточная поперечная стена отсутствует. Все плиты тщательно обработаны и подогнаны друг к другу. Дополнительные крепления и следы соединительного раствора отсутствуют. Продольные стены сложены из восьми – по четыре с каждой стороны, поперечные – из двух известняковых плит¹³ и перекрыты тремя плитами, уложенными плашмя¹⁴.

¹¹ Expressis verbis должен признать, что уточнение датировок отдельных находок позволило пересмотреть заключение относительно времени совершения погребений и отнестя это событие не к середине – третьей четверти II в. до н.э. (Стоянов 2003: 243), а к первой половине указанного столетия.

¹² Эти сооружения в настоящее время не доступны для исследования. Во время реставрационных работ, проводившихся в 2001–2005 гг., кладка протейхизмы была восстановлена, а погребальные сооружения заложены (Самойленко 2005: 31–32).

¹³ Здесь и далее размеры плит приведены согласно их расположению в конструкциях с юго-запада на северо-восток. Поперечная стена (длина × ширина × толщина, размеры в метрах): 0,53–0,55 × 0,56–0,58; юго-западная продольная стена: 0,54 × 0,4 × 0,09; 0,54 × 0,31 × 0,09 м; 0,56 × 0,22 × 0,09 м; 0,56 × 0,32 (рек.) × 0,09; северо-восточная продольная стена: 0,56 × 0,4 × 0,1; 0,56 × 0,29 × 0,07–0,08; 0,56 × 0,4 × 0,07; 0,55 × 0,29–0,33 × 0,07.

¹⁴ Размеры плит (в метрах): 0,73 × 0,39 × 0,08; 0,74 × 0,52 × 0,08; 0,75 × 0,47 (рек.) × 0,08.

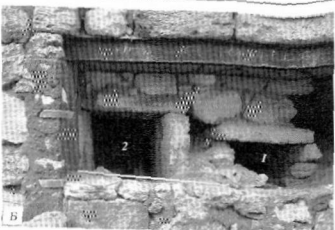
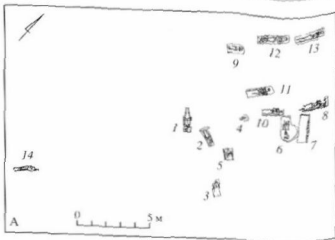

Рис. 2. А – План участка некрополя, открытого в 1956 г. (по В.В. Борисовой); Б – Погребальные сооружения (1, 2), открытые в 1958 г. (фото 1999 г.)

Fig. 2. A – Plan of the necropolis area excavated in 1956 (according to V.V. Borisova); B – funerary structures (1, 2) excavated in 1958 (photo of 1999)

2. Ямная грунтовая могила с каменной облицовкой в виде односторонних стен, сложенных из грубо обработанных известняковых блоков размерами около 0,3–0,4 × 0,2–0,3 м, внутри которых размещена черепичная конструкция прямоугольной в плане формы длиной 1,3 м, шириной 0,6 м, сложенная из десяти керамид¹⁵, ориентированная по линии восток – запад (рис. 3: 2). Продольные стены сложены из четырех (по две с каждой стороны), поперечные – из двух черепиц, установленных вертикально, бортиками наружу. Ящик перекрыт тре-

¹⁵ Все черепицы относятся к одному типу – плоские керамиды с прямыми бортиками, прямоугольной формы, плоско срезанные на расстоянии 15–20 см от верхнего края плиты. С оборотной стороны каждой керамиды имелась выемка. Характеристики керамидического теста позволяют отнести черепицу к продукции Синопы. Размеры керамид (в м) – 0,6 × 0,53 × 0,27. Аналогичные черепицы были широко распространены в Херсонесе в IV – первой половине III в. до н.э. (Борисова 1966: 46–47 табл. 32; Качмар 1989: 1–2).

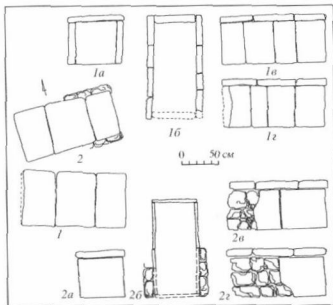

Рис. 3. Могилы 1–2, открытые в 1958 г.

Fig. 3. Graves 1–2 excavated in 1958

мя уложенными плашмя известняковыми плитами¹⁶. Все керамики плотно прилежали к кладкам стен. Вероятно, юго-восточный угол сооружения вплотную примыкал к углу плитовой гробницы. Восточная поперечная стена не сохранилась.

В Коллекционной описи содержатся описания шестидесяти одного предмета (включая бусы), место находки которых обозначено как «протейхизма на участке 19-й куртины. Могила под фундаментом протейхизмы»¹⁷.

1. Лекана расписная (рис. 4: 2)¹⁸. Покрытие тусклое, графитового оттенка. Сосуд с прямым венцом, отделенным от тулова рельефным бортиком. Тулово уплощенное, овальной формы, нижняя часть плавно переходит в широкий кольцевой поддон. Крышка конической формы с загнутым краем и высокой сложнопрофилированной ручкой. Поверхность крышки украшена рельефным орнаментом в виде двух широких горизонтальных поясков, между которыми расположено стилизованное изображение ветви плюща, выполненное накладной глиной в стиле west slope. Подобные леканы, относящиеся к типу Pyre lekaniis, производились в Аттике и достаточно часто использовались в качестве погребального инвентаря на протяжении V–III вв. до н.э. (Boulter 1951: B8, D5, E9; Young 1951: Pyre № 7: 8; 11: 2; 12: 4; Rotroff 1997: Ca. 1308, 1332, 1445–1454). На основании формы, покрытия

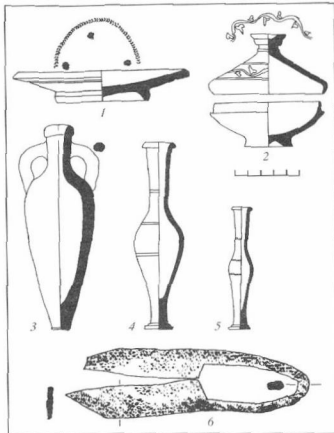

Рис. 4. Предметы, найденные в погребениях, открытые в 1958 г. 1 – тарелка, 2 – лекана, 3 – амфориски, 4, 5 – унгуентарии, 6 – ножницы

Fig. 4. Finds from burials excavated in 1958. 1 – plate, 2 – lekana, 3 – amphoriskos, 4, 5 – unguentaria, 6 – scissors

и росписи крышки сосуда этот экземпляр может быть отнесен к поздним вариантам типа, производившимся во второй половине III в. до н.э. Примеры находок подобных сосудов в погребальных комплексах херсонесского некрополя мне не известны.

2. Амфориски (рис. 4: 3)¹⁹. Сосуд из крупнозернистой глины, оранжевого цвета с бежевым оттенком и большим количеством включений. Венеч массивный, лентовидной формы, горло высокое, ручки округлые в сечении, тулово вытянутое, конической формы, оканчивается слабовыраженной ножкой в виде плоской подставки. Характеристика теста позволяет предположить, что сосуд является продукцией местных керамических мастерских. Амфориски такой же формы был найден в погребении начала II в. до н.э. восточного участка херсонесского некрополя²⁰. Материалы отчетов

¹⁶ Размеры плит (в метрах): 0,6 × 0,36 × 0,09; 0,6–0,66 × 0,57 × 0,09. ¹⁷ НЗХТ к. о. 36465.

¹⁸ НЗХТ к. о. 36465, № 2. Размеры (в сантиметрах): высота тулова – 4, диаметр венча – 9,6, диаметр поддона – 4,4. Высота крышки – 5,5, диаметр ручки – 3,7, диаметр венча – 10.

¹⁹ Размеры (в сантиметрах): высота – 18,5, диаметр венча – 2,5, диаметр ножки – 1,7.

²⁰ НЗХТ № 3064/11. Могила № 47, раскопки Р.Х. Лепера 1911 г. между шоссе, ведущим из Севастополя в Херсонес, и Карантинной бухтой.

позволяют предполагать, что подобные сосуды находились еще в двух могилах эллинистического времени²¹. В некрополе Том подобные амфорские были найдены в комплексах II в. до н.э. (Bucovača 1967: 128, fig. 90).

3. Унгвентарины сероглиняные (рис. 4: 4, 5)²². Сосуды с грибовидными венцами, туловами веретенообразной формы, украшенными тремя горизонтальными полосами белой краски по горлу и тулову. Ножки в виде плоских, профилированных подставок. Унгвентарины этого типа были распространены в эллинистический период и встречаются в различных регионах античного мира на протяжении III–II вв. до н.э. (Anderson-Stojanović 1987: 109 *next*, group I, type B; Camilli 1999: serie B.11).

4. Тарелка чернолаковая с валикообразным краем (rolled rim), украшенная по дну штампованным орнаментом в виде четырех пальметт внутри двойного круга насечек (рис. 4: 1)²³. Покрытие чернолаковое, тусклое. На внешней стороне дна *graffito* – A²⁴. Тарелка относится к аттической продукции первой четверти II в. до н.э. (Rotroff 1997: Ca. 676; Стоянов 2005: рис. 4: 22). Следы потертостей и царапины от ножа на поверхности указывают на использование до попадания в могилу.

5. Пружинные ножницы в виде согнутой металлической пластины с расплюснутыми концами (рис. 4: 6)²⁵. Ножницы этой формы, использовавшиеся для стрижки волос, получили широкое распространение в античном мире²⁶. Они часто использовались в качестве погребального инвентаря и известны в погребальных комплексах III в. до н.э. – III в. н.э. некрополей различных регионов античного мира (Clerk 1891: 2366 fig. 74; Венедиктов 1963: №№ 1086, 1067; Репников 1927: рис. 11, № 2529; Арсеньева 1977: табл. XLII, могилы 195, 258). Следует отметить, что это первая находка подобного изделия в погребальных комплексах херсонесского некрополя, относящихся к эллинистическому периоду.

Все бусины, найденные в погребениях, были объединены в одну группу. Поэтому порядок их распределения, вероятно, является условным.

Имеющиеся материалы позволяют выделить, как минимум, два ожерелья разных типов.

6. Ожерелье из гранатовых бусин с затворами в виде бычьих голов (рис. 5А: 1)²⁷. Каждая бусина оправлена с обеих сторон в золотую чашечку в виде розетки с миниатюрными лепестками. Часть лепестков имела овальные, часть – заостренные окончания²⁸. Головы быков сделаны из двух отточенных в форме и спаянных между собой рельефных пластинок. В рот одного вставлен крючок, другого – петля затвора. За бычьими головами следует стеклянная прониз шаровидной формы, оправленная в розетки. Окончание нижней розетки переходит в золотой колпачок. Наиболее близкие аналоги херсонесской находке имеют изделия 2-й половины III – середины II в. до н.э. (Marshall William 1911: Ca. № 1961, 1962, 1966, 1973; Pfrommer 1990: taf. 16: 1,6 – ожерелье датируется II в. до н.э.; Максимова 1979: Арт. 5; Младенова: 1963: № 909–910). Отмечу, что это не первая находка частей от подобных ожерелий в некрополе Херсонеса. Выше уже упоминались два фрагментированных ожерелья, найденные в 1900 г. Части от ожерелья подобного типа в виде чашечки-розетки с лепестками округлой и заостренной формы, а также полой бусины, сделанной из двух половинок, украшенных филигранью, были обнаружены в могиле 25 западного участка некрополя, датированной II в. до н.э. (Зубарь, Шевченко, Липавский 1989: 11, М 25). В 1908 г. во время исследования участка некрополя, расположенного к юго-западу от башни 17, в могиле конца III – начала II вв. до н.э. были найдены части ожерелья подобного типа в виде округлых бусин из горного хрусталя, оправленных в лепестковые розетки (Репников 1927: 153, № 2515).

7. Набор из 37 бусин и подвески, изготовленных из граната, сердолика, горного хрусталя, халцедона, аметиста, пасты, монохромного и полихромного стекла, мог принадлежать одному или нескольким ожерельям (рис. 5Б: 4; табл. 1). Набор бус характерен для комплексов III–I вв. до н.э. Следует отметить варианты I. С. 9–10, I. Д. 11, отсутствующие в классификации Е.М. Алексеевой, но имеющие надежные аналогии в комплексах Артюховского кургана первой половины II в. до н.э. (Максимова 1979: Арт. 25), а также сердоликовые бусины типа III. А. 1, форма которых также не была учтена в своде античных бус Северного Причерноморья. С комплексами II в. до н.э. можно связывать также реберчатые бусины из горного хрусталя (I. С. 8) и аметистовые бусины эллипсоидной формы с гладкой поверхностью (II. А. I). Вызывает интерес сердоликовая подвеска

²¹ Погребение № 1053 (раскопки 1901 г.), сосуд депаспортгизирован, высота – 19 см (Косцюшко-Валюжинич 1902а: 98), погребение № 2227 (раскопки 1907 г.), сосуд депаспортгизирован (Косцюшко-Валюжинич, Скубатов 1911: 37).

²² Размеры (в сантиметрах): высота – 16,9, диаметр венца – 2,5, диаметр ножки – 2,5 (рис. 4: 4); высота – 11, диаметр венца – 1,6, диаметр ножки – 2 (рис. 4: 5).

²³ Высота – 2,8 см, диаметр края – 15 см, диаметр поддона – 8,3 см.

²⁴ Граффити с одной литерой "А" встречается в Херсонесе довольно часто. Обычно они интерпретируются как аббревиатура имени божества или имени владельца (ГАХ: 8).

²⁵ Длина – 16,5 см.

²⁶ Подробное см.: Reinach 1896: 1241–1243.

²⁷ Сохранившаяся длина – 5,5 см.

²⁸ Диаметр розеток ок. 0,7 см.

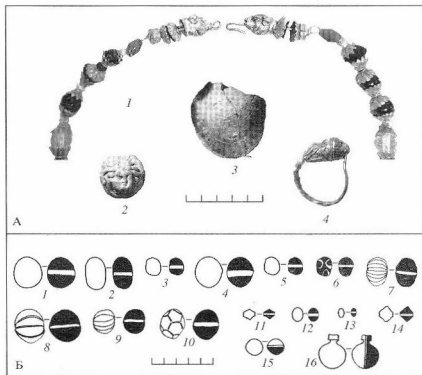

Рис. 5. Предметы, найденные в погребениях, открытых в 1958 г. А: 1 – ожерелье, 2, 3 – медальоны, 4 – серьга. Б: 1–15 – бусины, 16 – подвеска

Fig. 5. Finds from burials excavated in 1958. А: 1 – necklace, 2, 3 – medallions, 4 – earring. Б: 1–15 – beads, 16 – pendant

ка сферической формы с цилиндрическим колпачком, украшенная прорезным орнаментом в виде вертикальных линий на поверхности (рис. 5Б: 16). Сквозь подвеску пропущена золотая проволока, выходящая со стороны колпачка, конец которой согнут в петлю, а другой закреплен при помощи напаянных гранул. Аналогичные подвески не известны в материалах античных комплексов Северного Причерноморья. Близкая форма, правда с другим типом крепления и отсутствием декора была учтена в классификации Х.К. Бека (Beck 1928: groep XXII. В.1с.).

8. Изделие, описанное как серебряная подвеска, на лицевой стороне которой в высоком рельефе нанесено изображение Медузы, не сохранилось (рис. 5А: 2). Аналогий таким подвескам найти не удалось. Близкую форму имеют керамические медальоны из некрополя Нимфея, найденные в склепах, имеющих широкую датировку в пределах III в. до н.э. – II в. н.э. (Грач 1999: ННФ. 76.85, ННФ. 76.106).

9. Серьга золотая с окончанием в виде львиной головы (рис. 5А: 4)²⁹. Голова льва составлена из двух половинок, оттиснутых в профилированных матрицах. В пасти – сквозное отверстие, в котором располагается острый конец крючка. Вдоль ниж-

него края втулки, украшенной растительным орнаментом, выполненным из витой проволоки, располагаются резные фестоны, края которых опоясаны гладкой проволокой. Ствол выполнен из витой проволоки, суживающейся к концу. Морда льва проработана белго. Форма и характер орнамента позволяют отнести этот экземпляр к концу III – первой половине II в. до н.э. (Pfrommer 1990: OR 321, taf. 30: 31; Димитрова 1989: 2–8, табл. I: 15; Младенова 1963: № 911–912; Bucovală 1967: 32j). Во время раскопок 1900 г. в насыпи, перекрывавшей погребения, была найдена близкая по форме серьга (Косцюшко-Валюжинич А-1900: 113, 178). Серьги аналогичной формы были найдены в могиле № 2515, открытой в 1908 г., в комплексе с ожерельем второй половины III – середины II в. до н.э. и блюдом конца III – начала II в. до н.э. (Репников 1927: 153, рис. 9; НА ИИМК РАН, ФА: Q.430.35, Табл. VIII. 24, 24а; Стоянов 2005: рис. 4: 38).

10. Несохранившееся фрагментированное серебряное украшение было описано как умбон в виде панциря черепахи³⁰ (рис. 5А: 3). Судя по фотографии, это фибула-брошь или медальон. Близкие формы имеют медальоны, найденные в могиле

²⁹ Диаметр – 2,0 см, вес – 2,04 г.

³⁰ НЭХТ. Коллекционная опись № 36465. № 11. Диаметр украшения – 3,2 см.

Таблица 1. Классификация бус из погребений, открытых в 1958 г. (за основу взята классификация Х.К. Бека – Beck 1928: pl. II–III).

Table 1. Classification of the beads from graves excavated in 1958 (taken as the basis is classification of Beck 1928: pl. II–III).

I. Бусы сферической формы

(по форме все бусы группы I соответствуют разряду С.Ia у Бека – Beck 1928: pl. I–II)

A. с гладкой поверхностью

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
1. Халцедон белый	D 12 мм	2	1	АБСП 1982: тип 3, вариант а, табл. 37: 5. III в. до н.э. – III в. н.э.
2. Горный хрусталь	D 6 мм	4	3	АБСП 1982: тип 2, вариант а, табл. 35: 21, 26.
	D 11 мм		4	II в. до н.э. – III в. н.э.
3. Паста голубая	D 6 мм	2	5	АБСП 1975: тип 3, вариант г, табл. 5: 5–6. III в. до н.э. – IV в. н.э.
4. Паста белая	D 4 мм	6	12	АБСП 1978: 65, тип 17, табл. 33: 1–2. Античный период.
5. Лигнит	D 10 мм	1	13	АБСП. 1978: тип 1, табл. 33: 1–2, VI в. до н.э. – IV в. н.э.
6. Гранат	D 7 мм	4	15	АБСП 1982: тип 1, табл. 39: 41. III в. до н.э. – III в. н.э.

B. с глазками

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
7. Стекло синее, непрозрачное. В глазках синий диск окружен белым кольцом	D 8 мм	1	6	АБСП 1975: тип 78, вариант а, табл. 15: 10–11. V в. до н.э. – II в. н.э.

C. реберчатые

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
8. Горный хрусталь	D 12 мм	4	7	АБСП 1982: тип 15, вариант б, табл. 35: 33. С. 9; Максимова; 1979: Арт. 25. III–II вв. до н.э.
9. Халцедон	D 13 мм	2	8	Максимова; 1979: Арт. 25. III–II вв. до н.э.
10. Стекло прозрачное, зеленого цвета.	D 10 мм	2	9	Максимова; 1979: Арт. 25. III–II вв. до н.э.

D. с прорезным орнаментом

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
11. Горный хрусталь. Орнамент в виде сот или сетки	D 12 мм	2	10	Максимова; 1979: Арт. 108. III–II вв. до н.э.

II. Бусы эллипсоидной формы

A. с гладкой поверхностью

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
1. Аметист	D 15 мм	2	2	Beck 1928: I. B. 1a; АБСП 1982: тип 2, табл. 36: 16. III в. до н.э. – II в. н.э.

III. Бусы биконической формы

A. продолговатые

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
1. Сердолик	H 6 мм	2	11	Beck 1928: I. D. 2 f. III–II вв. до н.э.

B. укороченные

Материал	Размеры	Кол-во	Рис. 5: 4	Аналоги. Время изготовления
1. Стекло темно-фиолетовое, непрозрачное	H 3 мм	2	14	Аналоги. Время изготовления Beck 1928: I. B. 2e; АБСП 1978: тип 18, табл. 33: 4. II в. до н.э. – I в. н.э.

№ 630 некрополя Херсонеса (Калашник 2004: 107, рис. 16), в мавзолее Неаполя Скифского (Дашевская 1991: табл. 54; 10; 69; 4, 6; 65; 3) и некрополе Аполлония (Младенова 1963: № 906, 907).

II. Фрагментированный железный перстень³¹ с овальным шитком и частью дужки также не сохранился. М. И. Максимова указывала на использование подобных перстней в качестве оберегов (Максимова 1979: 21–22).

Рассмотренные выше материалы позволяют в сущности считать первую половину II в. до н.э. наиболее вероятным временем образования этого комплекса. Вместе с тем невозможно установить, составляли ли эти находки инвентарь одной могилы, указанной в описи, или же в коллекцию вошли вещи, происходящие из обеих погребений. Отмечу, что отдельные предметы (косметический сосуд, украшения, ножицы) обычно сопровождали захоронения женщин.

В заключение следует еще раз отметить, что расположение погребальных комплексов, открытых возле протейхизмы и в периболе напротив 19-й куртины в 1900, 1956 и 1958 гг., указывает на то, что все они относятся к одному участку городского некрополя. Рассмотренные выше материалы не позволяют согласиться с выводом В.В. Борисовой, согласно которому наличие пяти безынвентарных могил, а также инвентаря, сопровождавший захоронения, свидетельствуют, что в пределах этого участка были похоронены представители беднейшего населения Херсонеса (Борисова 1998: 15). Прежде всего – это заключение было сделано без учета данных погребальных комплексов, открытых в 1900 г. Кроме того, следует привлечь во внимание, что из пяти безынвентарных могил, упомянутых исследовательницей, две были частично разрушены во время строительства, проводившегося здесь в римское время, поэтому нельзя исключать, что сопутствующий инвентарь, находившийся в них, был разграблен или уничтожен, а третья – являлась гробницей № 1020, открытой в 1900 г.³² К этому перечню следует добавить еще одно погребение, разрушенное строительными работами (№ 1028), а также могилу № 1037, не содержащую следов захоронения. Во всех остальных гробницах был найден различный, а в отдельных случаях довольно дорогостоящий инвентарь. Это в свою очередь позволяет считать, что в пределах рассматриваемого участка хоронили жителей города, прижизненное материальное положение и социальный статус которых не были одинаковыми, что и нашло отражение в разнообразном по со-

ставу и ценности сопутствующем инвентаре. Материалы погребальных комплексов позволяют сделать вывод, что захоронения на этой территории начали совершаться не позже начала II в. до н.э. Следовательно – временной отрезок, разделяющий прекращение функционирования гончарных мастерских, располагавшихся в этом районе, и возникновение некрополя, составляет более пятидесяти лет. Во время раскопок 1956 г. были открыты погребальные сооружения, датировка которых в пределах I–III вв. дает terminus post quem прекращения функционирования этого участка некрополя, что, вероятно, было связано со строительством протейхизмы в римское время.

Анохин 1977 – Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

Арсеньева 1977 – Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Бертье-Делагард 1907 – Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. XXI.

Белов 1970 – Белов Г.Д. Терракоты из Херсонеса // САИ. 1970. Г. 1–II. С. 70–77.

Белов 1978 – Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСТЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 45–67.

Борисова 1958 – Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–154.

Борисова 1966 – Борисова В.В. Херсонес. Керамическое производство // САИ. 1966. Г.1–20. С. 13–17.

Борисова 1998 – Борисова В.В. Некрополь Херсонеса II в. до н.э. // ПИАХС. Севастополь, 1998. С. 14–15.

Венедиктов 1963 – Венедиктов И. Металлически и кости предметы от некрополя на Аполония // Аполония. С. 313–320.

Гилевич 1963 – Гилевич А.М. Бронзовый медальон из Лесоса // СХМ. Симферополь, 1963. Вып. III. С. 15–19.

Грач 1999 – Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Гриневич 1959 – Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. III // ХСБ. Севастополь, 1959. Вып. V. С. 75–121.

Дашевская 1991 – Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Д. 1–17.

Зубарь, Шевченко, Липавский 1989 – Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Каталог погребений. Киев, 1989.

Калашник 2004 – Калашник Ю.П. Два ожерелья из Херсонеса (об эллинистических традициях в римском ювелирном искусстве) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Е.Н. Хаджа (Ред.). СПб., 2004. С. 97–110.

Кичмар 1989 – Кичмар Е.К. Строительная керамика из раскопок Западного некрополя Херсонеса // Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Отдельные категории материальной культуры. Киев, 1989. Приложение № 1. С. 1–2.

Коваленко 1999 – Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднелатинскую эпоху // НЭ. 1999. Вып. XVI. С. 108–130.

Коваленко 2003 – Коваленко С.А. Об организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в первой по-

³¹ Диаметр – 2,0 см.

³² В этой могиле были найдены блюдо с покрытием графитового оттенка и расписной лагисос (Косцюшко-Валюжинич 1902б: 13). Борисова отметила, что погребение № 7 было заполнено отвалом 1900 г. (Борисова А-1956: № 7).

- ловине IV в. до н.э. // *ХСб.* Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 355–376.
- Косцюшко-Валожницкий 1902а – *Косцюшко-Валожницкий К.К.* Раскопки в Херсонесе // *ОАК* за 1900 г. СПб., 1902. С. 13–25.
- Косцюшко-Валожницкий 1902б. – *Косцюшко-Валожницкий К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврического в 1900 г. // *ИАК.* 1902. Вып. 2. С. 1–39.
- Косцюшко-Валожницкий 1902в – *Косцюшко-Валожницкий К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // *ИАК.* 1902. Вып. 4. С. 51–119.
- Косцюшко-Валожницкий, Скубатов 1907 – *Косцюшко-Валожницкий К.К., Скубатов М.И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. // *ИАК.* 1911. Вып. 42. С. 1–91.
- Макимова 1979 – *Макимова М.И.* Артоховский курган. Л., 1979.
- Младенова 1963 – *Младенова Я.* Наките от некрополя на Аполония // *Аполония.* 1979. С. 293–299.
- Михлин 1979 – *Михлин Б.Ю.* К изучению херсонесских керамических клеев // *ВДИ.* 1979. № 2. С. 139–159.
- Монахов 1984 – *Монахов С.Ю.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // *ВДИ.* 1984. № 1. С. 109–129.
- Монахов 1989 – *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989.
- Репников 1927 – *Репников Н.И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. // *ХСб.* Севастополь, 1927. Вып. II. С. 149–181.
- Самойленко 2005 – *Самойленко В.Г.* Реставрационные работы на юго-восточном участке оборонительной системы Херсонеса Таврического // *Проблемы исследования археологических памятников.* Тез. докл. междунар. симп. Севастополь, 2005. С. 31–32.
- Стоянов 2000 – *Стоянов Р.В.* Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // *Stratum plus.* (Мельбурна археологическая). 2000. № 3. С. 129–140.
- Стоянов 2003 – *Стоянов Р.В.* Новые материалы участка некрополя II в. до н.э. в юго-восточной части Херсонеса Таврического // *Боспор Интимерийский и варварский мир.* Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 240–246.
- Стоянов 2005 – *Стоянов Р.В.* Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V–I вв. до н.э. // *БИ.* 2005. Вып. VIII. С. 39–54.
- Стржеleckий 1958 – *Стржеleckий С.Ф.* Протеихизма на участке 19-й куртины. Могила под фундаментом протеихизма. НЗХТ. К. о. № 36465. Севастополь, 1958.
- Стржеleckий 1969 – *Стржеleckий С.Ф.* Опыт консервации памятников античного и средневекового Херсонеса // *Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР.* Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР. Материалы совещания. М., 1969. С. 32–40.
- Шевченко 2001 – *Шевченко А.В.* Хтонические культы Херсонеса // *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе.* Севастополь, 2001. С. 3–9.
- Щеглов 1970 – *Щеглов А.Н.* Реп.: Сообщения Херсонесского музея, вып. IV // *ВДИ.* 1970. № 3. С. 172–178.
- Anderson-Stojanović 1987 – *Anderson-Stojanović V.R.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // *AJA.* 1987. Vol. 91. P. 105–122.
- Beck 1928 – *Beck H.C.* Classification and Nomenclature of Beads and Pendants // *Archaeologia or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity.* 1928. Vol. LXXVII (second Series: Vol. XXVII). Oxford. P. 1–76.
- Boulter 1951 – *Boulter C.G.* Graves in Lenormant street, Athens // *Hesperia.* 1951. Vol. XXXII. № 2. P. 113–137.
- Bucovală 1967 – *Bucovală M.* Necropole elenistice la Tomis. Constanța, 1967.
- Camilli 1999 – *Camilli A.* Ampullae. Balsamari ceramici di età ellenistica e romana. Roma, 1999.
- Clerk 1981 – *Clerk M.* Fouilles d'Aegae en Eolide // *BCH.* 1891. Vol. XV. P. 205–272.
- Marshall William 1911 – *Marshall William F.H.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum. London, 1911.
- Pfrommer 1990 – *Pfrommer, M.* Untersuchungen zur Chronologie früh und hochhellenistischen Goldschmucks // *IF.* 1990. Bd. 37.
- Reinach 1896 – *Reinach S.* Daremberg-Saglio, Dictionnaire, IIe. Paris, 1896.
- Rotroff 1997 – *Rotroff S.J.* Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material // *AA.* 1997. Vol. XXIX.
- Young 1951 – *Young R.* Sepulchrae intra urbem // *Hesperia.* 1951. Vol. XX. № 2. P. 67–134.

Архивные материалы

- Борисова А-1956 – *Борисова В.В.* Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя // *Научный архив НЗХТ.* № 130/1. 1956.
- Косцюшко-Валожницкий А-1900 – *Косцюшко-Валожницкий К.К.* О продолжении археологических разысканий в Херсонесе // *НА ИИМК РАН.* РА. Ф. 1. 1900. № 2.
- НА ИИМК РАН. ФА – Q. 430. 35.

Chronology of the Area of the Hellenistic Necropolis near the Ceramic Workshops in the Tauric Chersonesos

R.V. Stoyanov

This paper discusses chronological problems of an area of the necropolis of the Tauric Chersonesos. The area under consideration is situated near Curtain 19 of the south-eastern line of the city's defensive wall. During archaeological investigations conducted here in 1900, 1956 and 1958, thirty seven graves of the Hellenistic period were excavated. A wide range of grave goods found in the burials suggests that buried here were citizens of fairly varied ante-mortem welfare

and social status. Finds from the funerary assemblages give us grounds to suppose that interments had begun within this territory not later than the early 2nd century BC. A time span of more than fifty years divided the cease of functioning of potters' workshops which had been here before and the appearance of the necropolis. The use of this area of the necropolis ceased probably due to construction of the proteichisma or front defensive wall in the 4th century AD.

Ханская колесница из могильника Царам

С.С. Миняев¹, Л.М. Сахаровская²

Исследования археологических памятников зиянских гунов (сюнну) ведутся более ста лет, однако информации о захоронениях высшей сюннуской знати по-прежнему крайне недостаточно. Чтобы частично восполнить этот пробел Забайкальская экспедиция ИИМК РАН с 1997 года ведет систематические работы на одном из могильников сюнну в пади Царам³ (Кяхтинский район Республики Бурятия, в 1,5 км южнее поселка Наушки). Захоронения в пади Царам были обнаружены известным исследователем Забайкалья Ю.Д. Талько-Гринцевичем в июне 1899 года (Талько-Гринцевич 1999: 93). Первооткрыватель памятника зафиксировал не менее 20 могил, «разсеянных по лесу». Пять из них, спустя несколько лет, в июне 1903 года, были раскопаны им совместно с Я.С. Смолевым (Талько-Гринцевич 1999: 117–118). Все могилы были ограблены, полученные находки были крайне немногочисленны: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и фрагменты нескольких сосудов. Особенности внутримогильных конструкций позволили Ю.Д. Талько-Гринцевичу отнести эти погребения к выделенному им типу «захоронений в срубках», которые он интуитивно правильно отождествлял с погребениями сюнну.

Детальное обследование памятника Забайкальской экспедицией, составление топографического плана и обмеры намогильных сооружений показали, что здесь сосредоточены наиболее крупные среди известных ныне погребальных сооружений сюнну в России и одни из самых крупных в мире. Вполне очевидно, что в пади Царам располагалось элитное кладбище высшей сюннуской знати, погребальные сооружения которой до настоящего времени оставались практически неисследованными (подробную характеристику памятника см. Миняев, Сахаровская 2002).

Работы экспедиции в пади Царам были спланированы с учетом особенности планиграфии сюннских могильников, которая демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд на-

блюдений показал, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, видимо, «сопровождавшие» своего хозяина в потусторонний мир (см. подробнее Миняев 1985; 1998: 70–71). Основным объектом исследования был выбран самый крупный курган могильника, расположенный в северной части пади. Заложенный здесь раскоп охватил как сам курган, так и площадь вокруг него, где выходы отдельных камней позволяли предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа, включая и курган № 7, составила 7700 кв. м. На этой площади были обнаружены и исследованы 10 сопроводительных погребений, располагавшихся с западной и восточной сторон кургана № 7 двумя линиями по пяти захоронений в каждой (см. подробно Миняев, Сахаровская 2002). Работы на кургане № 7, где обнаружено сложное внутримогильное сооружение, пока не закончены. Цель данной статьи – публикация данных о ханской колеснице, обнаруженной в ходе работ в центральном кургане № 7.

Курган № 7 является самым крупным курганом могильника и одним из крупнейших курганов сюнну, известных к настоящему времени. Намогильное сооружение на современной поверхности представляло собой насыпь размером 32 × 32 м, высотой около 1,5 м; в центре насыпи была западина глубиной 2,5 м. С южной стороны насыпи прослеживалось возвышение трапециевидной формы, длиной 20 м, полого понижавшееся к югу. Все намогильное сооружение состояло из смеси гумусированной почвы, суглинка и супеси и было покрыто тонким слоем желтого переотложенного материкового суглинка. По периметру насыпь была выложена вертикальными каменными плитами, расположенными в один-два ряда и образующими своеобразные стены. Верхний контур могильной ямы практически совпадал с размерами намогильного сооружения: размеры ямы по этому верхнему контуру составляли 27 × 27 м. В верхней части ямы была обнаружена внутримогильная конструкция, которую условно можно назвать деревянной клетью. Она состояла из одной продольной перегородки и семи перпендикулярных к ней перегородок и делила верхнюю часть ямы на девять отсеков. Перегородки были сложены из сосновых бревен диаметром 18–20 см⁴. Ниже этой деревян-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

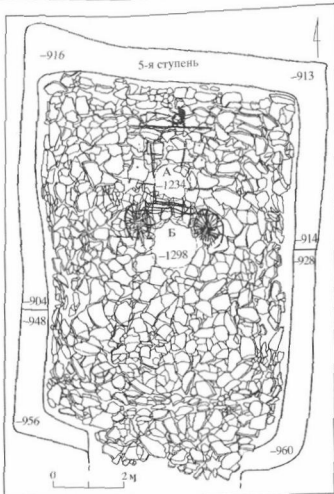
² Россия. 671840. г. Кяхта, ул. Ленина, 49. Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева.

³ С 1998 г. раскопки ведутся при систематической финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда.

⁴ Анализы деревянных конструкций кургана и колесницы (см. Приложение) выполнены кандидатом биологических наук М.И. Колосовой (Государственный Эрмитаж). Авторы выражают ей свою искреннюю признательность.

ной клетки в полевых сезонах 2001–2004 гг. были расчищены и зафиксированы четыре перекрытия могильной ямы. Верхнее перекрытие состояло из крупных каменных плит, уложенных сплошь на сосновые бревна, которые перекрывали всю могильную яму в направлении с севера на юг. Под бревнами фиксировался *слой покрытия из тростника*. Второе перекрытие располагалось ниже первого на 120–150 см и состояло из лежавших встык каменных плит, ниже которых также фиксировался слой тростника. Третье перекрытие было многослойным: крупные каменные плиты средним размером 100 × 70 см; слой древесного угля и речной гальки; слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек; *слой крупной щебенки*. Структура четвертого перекрытия была также многослойной: крупные каменные плиты средним размером 80 × 60 см; слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек; слой крупной речной гальки; слой крупного щебня; слой мелко древесного угля. При расчистке третьего и четвертого перекрытий были отмечены определенные различия между их западной и восточной частями. Они были выражены в цвете и структуре каменных плит: *западные части* этих перекрытий состояли из плит светло-серого песчаника, тогда как восточная часть была сложена из светло-розовых валунов. В центральной части могильной ямы прослеживались два грабительских хода, частично разрушивших центральную клетку и перекрытия.

Детали колесницы были обнаружены при разборе третьего и при расчистке четвертого перекрытия в центре кургана на глубине 10,5–11 м. Ряд наблюдений (на которых мы остановимся ниже) позволяет предположить, что колесница была *положена в могильную яму* в разобранном виде. Расположение деталей колесницы показывает, что ее корпус находился ниже третьего перекрытия в *заполнении ямы*, тогда как *тент колесницы и колеса были найдены поверх камней* третьего перекрытия в центре кургана и, следовательно, располагались выше уровня этого перекрытия. Вероятно, колесница была поставлена на камни четвертого перекрытия и затем засыпана на *заполнение ямы*, а также щебнем, галькой, углем и плитами третьего перекрытия (поверх которого остались тент и колеса). При просадке *заполнения ямы* детали колесницы утратили свое первоначальное положение: они провалились вниз и были значительно повреждены *перемещением каменных плит, щебня и гальки*, сыгравших роль своеобразных жерновов. В дальнейшем колесница была дополнительно повреждена грабительскими ходами: *северный ход повредил часть упряжи и корпуса*; южный ход *прошел через место предполагаемого сиденья колесницы*, разрушив и значительную часть тента. Сохранность деталей колесницы была чрезвычайно

Рис. 1. План расположения остатков колесницы на уровне четвертого перекрытия. Детали колесницы выделены черным цветом. А, Б – грабительские ходы

Fig. 1. Plan of the positions of the chariot remains at the level of the fourth ceiling. Parts of the chariot are set off in black. A, B – robbers' passages

плохой: деревянные части и органический материал практически полностью сгнили, бронзовые и железные детали упряжи сильно окислились и утратили первоначальную структуру. У северной стены могильной ямы в 1 м от склона пятой ступени на глубине 10 м был найден череп, два шейных позвонка и метанодин лошади. Ниже приводится описание сохранившихся деталей колесницы.

Тент колесницы. Остатки тента найдены в центре ямы в 4 м от северной стенки ямы, поверх *каменной третьего перекрытия* (рис. 1). Основу тента составлял *деревянный каркас*, поверх которого было натянуто покрытие из органического материала. Каркас был сооружен из крестообразно расположенных тонких деревянных плах шириной *около 4 см*, к которым крепились несколько изогнутых в круг толстых прутьев. Эта основа была дополнена более тонкими прутьями диаметром 1–1,5 см, радиально расходящимися от центра каркаса. Покрытие каркаса было двухслойным: верх-

ний слой состоял из темного органического материала (кожи или войлока), ниже прослеживался тонкий слой ткани. Это покрытие тента было прибито к плахам и прутьям основы тонкими железными гвоздями Г-образной формы. С внутренней стороны тент был покрыт слоем красного лака, на котором сохранились следы геометрического орнамента, нанесенного белой, коричневой и темно-красной красками. Южная часть тента была срезана южным грабительским ходом (рис. 2).

Передняя яремная жердь колесницы была найдена на слое гальки и угля под камнями третьего перекрытия в 2,5 м севернее тента. Диаметр яремной жерди 18–20 см. Ее западный край был полностью разрушен при проседании третьего перекрытия. Сохранившаяся длина яремной жерди 2,5 м (рис. 2: 2). На восточный конец жерди был надет бронзовый наконечник длиной 10 см и диаметром 7 см, почти полностью окисленный и разрушенный давлением заполнения (рис. 2: 4). Не исключено, что аналогичный наконечник был надет на западный, разрушенный конец жерди. В 12 см от восточного края яремной жерди и далее по всей ее длине на расстоянии 40–50 см друг от друга прослеживались пять пар квадратных пазов для крепления деталей упряжи размером 3 × 1,5 см (в каждой паре пазы находились на расстоянии 4 см друг от друга). Рядом с пазами прослеживались фрагменты бронзовых дуг, которые вставлялись в пазы (рис. 2: 5). Дуги закреплялись в пазах с помощью прямоугольных деревянных фиксаторов, сделанных по размерам пазов; в углу фиксатора было отверстие, через которое проходила бронзовая дуга (рис. 4: 5).

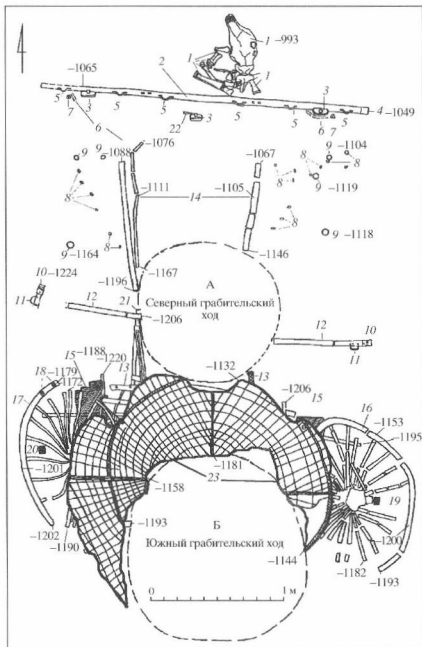
С западной и восточной сторон яремной жерди, а также в ее центре были найдены остатки яремных наверший (рис. 2: 3). Они представляли собой доски толщиной 4 см, шириной 8 см и сохранившейся длиной 25–30 см. Расположение западного навершия, найденного *in situ*, показывает, что наверхи с помощью специальной врезки крепились к яремной жерди; нижняя часть яремных наверший не сохранилась. В верхней части западного и центрального наверший имелся цилиндрический выступ, на который был надет бронзовый наконечник. На восточном навершии выступ был отломан еще в древности, след от выступа прослеживался в верхней части навершия. Вся поверхность яремной жерди и яремных наверший была покрыта черным лаком, поверх которого белой и красной красками нанесен геометрический орнамент. Стилистически фрагменты этого орнамента сходны с орнаментом на внутренней стороне тента колесницы. У остатков центрального яремного навершия были найдены разорубленные пополам плюсовые кости ягненка, покрытые окислами бронзы.

Деревянные оглобли. Две оглобли колесницы располагались ниже передней яремной жерди в направлении север–юг параллельно друг другу, на расстоянии 60 см друг от друга (рис. 2: 14). Сохранность дерева оглобель очень плохая, сохранившаяся толщина дерева не превышает 5 см. Южная часть оглобель срезана грабительским ходом, сохранившаяся длина – 95–100 см. На поверхности оглобель сохранились следы лака и орнамента, нанесенного красной и белой красками. Рядом с восточной оглоблей, на расстоянии 10 см от нее, прослеживались расположенные в длину железные бляшки овальной формы с отверстиями на коротких сторонах. Возможно, они были нашиты на кожаные ремни упряжи или вожжи. Ниже этой линии бляшек, в 30 см восточнее них, лежало железное кольцо диаметром 6,5 см.

Деревянные колеса. Остатки колес располагались в 1 м южнее оглобель, на камнях третьего перекрытия; нижний сегмент западного колеса был найден в слое гальки и щебня, подстилавших третье перекрытие. Колеса располагались на расстоянии 2 м друг от друга и состояли из обода, спиц и, видимо, центрального диска, куда вставлялись концы спиц, и в центре которого помещалась железная втулка оси. Колеса в значительной степени повреждены давлением заполнения ямы и перекрытий, диаметр колес 120 см, количество спиц достигало 22, толщина спиц 3–4 см. По ободу западного колеса прослеживались остатки нескольких железных скоб (рис. 3: 18). На ободе и спицах сохранились мелкие фрагменты красной и белой краски. При этом красной краской были окрашены обод и прилегающие к нему части спиц на расстоянии 10–12 см, остальная часть спиц была окрашена белой краской. Центральная часть колес практически не сохранилась, однако остатки красной краски, найденные в районе центральной части, показывают, что центральный диск колес, куда вставлялись спицы, был, вероятно, окрашен в красный цвет.

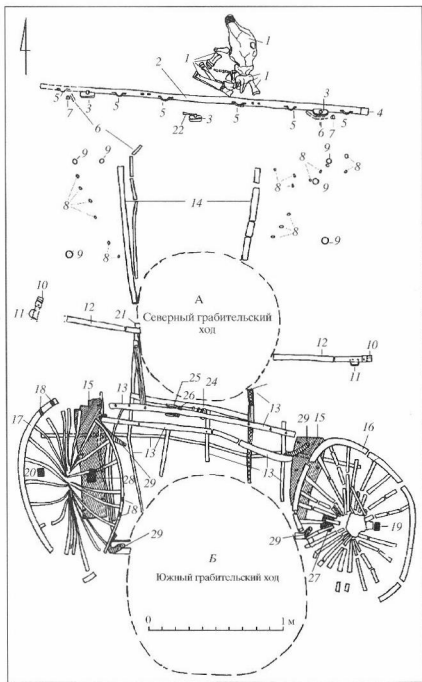
В галечном слое, подстилавшем третье перекрытие, непосредственно с наружной стороны колес были обнаружены малые железные втулки с двумя выступами (рис. 2: 19, 20; 4: 3); на наружной стороне втулок отмечены следы дерева. Под колесами, также в галечном слое третьего перекрытия, были обнаружены большие железные втулки с тремя выступами с наружной стороны и также со следами дерева на наружной поверхности втулок (рис. 3: 27, 28; 4: 4) (в центре больших и малых втулок следов дерева не обнаружено). На наружной стороне больших втулок сохранились железные гвозди, которыми втулка крепилась к деревянному центру колеса.

Задняя яремная жердь. Название этой части колесницы является условным, так как ее подлинное назначение пока не совсем ясно (рис. 2: 12).

Рис. 2. План остатков колесницы: 1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя яремная жердь; 3 – яремные наконечники; 4 – бронзовый наконечник яремной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пражки; 8 – железные блишки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней яремной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя яремная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – огибли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы; 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железные пластины; 22 – кости ягненка; 23 – тент повозки

Fig. 2. Plan of the chariot remains: 1 – horse bones (skull and metapodials); 2 – front yoke-pole; 3 – yoke-heads; 4 – bronze terminal of yoke-pole; 5 – bronze arches; 6 – remains of thin round wooden poles; 7 – rectangular iron clasp; 8 – iron plates; 9 – iron rings; 10 – bronze terminals of rear yoke-pole; 11 – iron arches; 12 – rear yoke-pole; 13 – remains of the trussed frame of the chariot; 14 – shafts; 15 – elbow-rests of the seat; 16 – eastern wheel; 17 – western wheel; 18 – iron shackles; 19, 20 – small iron hubs; 21 – iron plates; 22 – lamb bones; 23 – tent of the chariot

Рис. 3. План остатков колесницы после снятия тента: 1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя ярменная жердь; 3 – ярменные наконечники; 4 – бронзовый наконечник ярменной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пряжки; 8 – железные бляшки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней ярменной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя ярменная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – оглобли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы; 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железные пластины; 22 – кости ягненка; 24, 25 – бронзовые наконечники; 26 – железные чеки; 27, 28 – большие железные втулки; 29 – фрагменты деревянных стоек тента

Fig. 3. Plan of the chariot remains after removal of the tent: 1 – horse bones (skull and metapodials); 2 – front yoke-pole; 3 – yoke-heads; 4 – bronze terminal of yoke-pole; 5 – bronze arches; 6 – remains of thin round wooden poles; 7 – rectangular iron clasps; 8 – iron plates; 9 – iron rings; 10 – bronze terminals of rear yoke-pole; 11 – iron arches; 12 – rear yoke-pole; 13 – remains of the trussed frame of the chariot; 14 – shafts; 15 – elbow-rests of the seat; 16 – eastern wheel; 17 – western wheel; 18 – iron shackles; 19, 20 – small iron hubs; 21 – iron plates; 22 – lamb bones; 24, 25 – bronze axle-terminals; 26 – iron pins; 27, 28 – large iron hubs; 29 – fragments of wooden supports of the tent

Интерпретировать ее как колесную ось не позволяет пока ряд наблюдений, в частности:

– разница в диаметре жерди и внутреннего диаметра больших железных втулок, куда должна была вставляться ось,

– отдельное расположение бронзовых наосьников (их описание см. ниже), обычно надевавшихся на концы оси и по диаметру втулки не совпадающих с диаметром задней жерди (имевшей к тому же собственные бронзовые наконечники).

«Задняя ярменная жердь» по форме и размеру напоминала переднюю ярменную жердь. Ее основой была длинная круглая жердь диаметром 7 см и длиной около 3 м. Основная часть жерди была срезана северным грабительским ходом, сохранились лишь восточное и западное окончание жерди. На концы жерди были надеты бронзовые наконечники диаметром 5,5 см и длиной 7 см. На поверхности наконечников выделялся небольшой валик (рис. 2; 10; 4; 2, 2а). С внутренней стороны наконечников в 3–4 см от них в ярменную жердь были вбиты две железные дуги, через которые, возможно, пропускались какие-то элементы упряжи – ремни или веревки (рис. 2; 11; 4; 2в). На поверхности задней ярменной жерди прослеживались остатки лака и орнамента, нанесенного белой краской.

Деревянные «подлокотники» сиденья. После расчистки колес, непосредственно под ними, были обнаружены остатки основных плах, вероятно, подлокотников сиденья. Они представляли собой доски толщиной 3–4 см, сгнившие и в значительной степени разрушенные давлением заполнения ямы. Предпологаемый размер подлокотников 25 × 50 см (рис. 3; 15). Поверхность подлокотников была покрыта лаком, на котором можно было проследить нанесенный красками геометрический узор.

Корпус повозки. После расчистки и разборки колес в пространстве между колесами и остатками оглобей были обнаружены и расчищены остатки решетчатого корпуса колесницы и бронзовые наосьники. Остатки корпуса представляли собой несколько деревянных планок, образовывавших решетчатую часть корпуса. В месте перекрестий планки скреплялись между собой железными гвоздями. Толщина планок 2–3 см. Северная и южная часть решетчатого корпуса колесницы, как и, очевидно, основная часть сиденья, были разрушены грабительскими ходами (рис. 3). С северной стороны решетчатого корпуса под его деревянными планками были найдены два бронзовых наосьника в виде круглого диска с цилиндрическим выступом (рис. 3; 24, 25). Диаметр основания наосьников 12 см, диаметр верхней части 5 см, высота 10 см. В нижней части наосьников имелись прямоугольные отверстия размером 3 × 1,5 см для вставки чек. В верхней части наосьники имели Г-образные выступы, видимо, для фиксации ремней упряжи (рис. 4; 1).

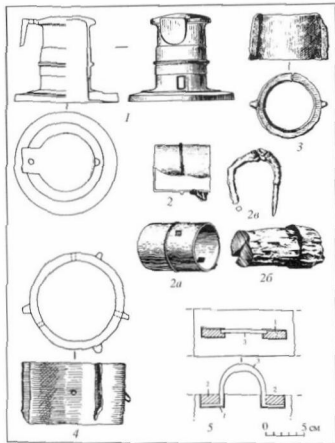

Рис. 4. Детали царемской колесницы: 1 – бронзовый наосьник; 2, 2а – наконечник «задней ярменной жерди»; 2б – фрагмент «задней ярменной жерди»; 2в – железная скоба «задней ярменной жерди»; 3 – малая железная втулка колеса; 4 – большая железная втулка колеса; 5 – схема фиксации бронзовых дуг на передней ярменной жерди: 1 – паз, 2 – деревянный фиксатор, 3 – бронзовая дуга

Fig. 4. Parts of the Tsaram chariot: 1 – bronze axle-terminal; 2, 2a – terminal of the «rear yoke-pole»; 2b – fragment of the «rear yoke-pole»; 2в – iron shackle of the «rear yoke-pole»; 3 – small iron hub of wheel; 4 – large iron hub of wheel; 5 – scheme of fixation of bronze arches on the front yoke-pole: 1 – mortise, 2 – wooden holder, 3 – bronze arch

Железные чеки лежали между наосьниками (рис. 3; 26). Они имели вид железных пластин с кольцевидным окончанием, прямоугольных в сечении, длиной 10 см.

Отсутствие колесной оси и расположение бронзовых наосьников в необычном месте (под решетчатым корпусом) позволяет предположить, что колесница была положена в могилу в разобранном виде и, возможно, – не полностью. Следует отметить и то обстоятельство, что наличие трех ярменных наверхшй подразумевало и использование трех лошадей в упряжке. Однако как отмечено выше, был найден только череп, два шейных позвонка и метаподий одной лошади, положенные в могилу, очевидно, по принципу «часть вместо целого» (рис. 2; 1).

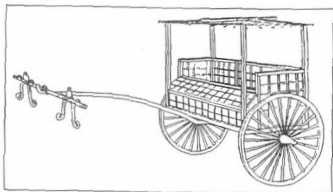

Рис. 5. Один из вариантов конструкции ханьской колесницы (по Wang Zhenduo 1997: рис. 32)

Fig. 5. One of the variants of the construction of Han chariot (according to Wang Zhenduo 1997: fig. 32)

Конструкция рассматриваемой колесницы и ее декор вполне убедительные аналогии среди колесниц ханьского времени. Наиболее полное на данный момент исследование таких колесниц (Wang Zhenduo 1997) позволило выявить несколько вариантов их конструкции, в том числе и весьма близких колеснице из Царама (рис. 5). Царамская колесница, как и ханьские, имела тент из органического материала, натянутого на деревянный каркас, четыре деревянных стойки, поддерживавших тент, решетчатое сиденье и деревянные «подлокотники». Раскраска колес аналогична раскраске на реконструированной недавно колеснице из захоронения знаменитого ханьского военачальника Хоцойбина, успешно воевавшего с сюнну (Imperial China 2000: 131, fig. 112). Существенной особенностью конструкции царамской колесницы является использование двух оглобель вместо типичного для ханьских колесниц одного центрального дышла. Связано это, видимо, с тем, что колесница Царама изначально была рассчитана на трех упряжных лошадей, тогда как использование центрального дышла требует четного числа лошадей.

Письменные источники нередко сообщают, что в числе даров, получаемых высшей сюннуской знатью от ханьского двора, были и колесницы. Так, в 51 г. до н.э. шаньюй Хухань получил в дар в числе прочего «колесницу с сиденьем» (Таскин 1973: 35). В дальнейшем, как отмечено в «Ханьшу», шаньюй неоднократно был одарен «как и в первый раз» (Таскин 1973: 36, 37, 51). В эпоху Ван Мана (9–24 гг. н.э.), стремившегося разделить сюнну на несколько кочевий и поставить во главе каждого своего вождя, одному из перебежчиков, правому лиюй-вану Сяню был присвоен титул Сяо-шаньюя. При этом среди прочих даров ему были пожалованы «колесница с сиденьем и колес-

ница с барабаном» (Таскин 1973: 57). В 50 г. н.э. шаньюю южных сюнну Би (внуку Хухань, правившему под тем же именем, что и его дед) была пожалована «коляска с сиденьем и зонтом из перьев и упряжная четверка богато украшенных лошадей» (Таскин 1973: 72). В 143 г. н.э. южному шаньюю Хуланьчжо в тронном зале императорского дворца пожаловали среди прочего «колесницу с черным верхом, запрягающуюся четверкой лошадей, колесницу с барабаном, колесницу с сиденьем»; женам шаньюя были пожалованы «украшенные золотом и парчей две коляски и упряжные лошади» (Таскин 1973: 94).

Вполне вероятно, таким образом, что найденная в Цараме ханьская колесница также была получена в дар одним из представителей высшей сюннуской знати. Возможно, однако, и другой вариант, который основан на сообщении «Ханьшу». В эпоху Ван Мана сын упоминаемого выше Сяо-шаньюя Дэнь, находившийся при императорском дворе, был казнен в отместку за то, что его отец перебежал назад к северным сюнну, а его брат Цзяо часто совершал набег на пограничные земли. Трупы Дэня и других казненных вместе с ним знатных лиц по требованию сюнну были возвращены для захоронения, при этом для транспортировки на родину тела были «положены на колесницы» (Таскин 1973: 62). Не исключено, что позднее эти колесницы были помещены в могилы вместе с другим погребальным инвентарем.

Следует подчеркнуть, что в любом случае упоминание колесниц либо в качестве даров, либо в связи с погребальной церемонией связано только с высшей сюннуской знатью – шаньюями, их женами или сыновьями. Это обстоятельство еще раз подчеркивает вероятность того, что курган № 7 в Цараме является захоронением представителя именно высшей знати сюнну, возможно – одного из шаньюев.

Несомненно, колесница Царама не являлась единственной, захороненной в могилах высшей знати сюнну. Детали колесниц (бронзовые наосьники, дуги, кольца) были найдены и в другом могильнике сюннуской знати – Ноин-Уле (Руденко 1962: табл. XXIV: 5, 6 и табл. XXVIII). Однако, несовершенство методических приемов, использованных при раскопках этого памятника, не позволяло получить какую-либо достоверную информацию о конструкции найденных там колесниц.

На основании характерных форм инвентаря, найденного в сопроводительных захоронениях комплекса № 7, сам комплекс, центральный курган и найденную в нем колесницу можно датировать I в. н.э.

АНАЛИЗЫ ОБРАЗЦОВ ДЕРЕВА КИТАЙСКОЙ КОЛЕСНИЦЫ ИЗ КУРГАНА № 7 В МОГИЛЬНИКЕ ЦАРАМ

М.И. Колосова¹

Пробы древесины идентифицированы на тонких срезах и мацерате микроскопическим методом по анатомическим признакам.

Основные анатомические признаки, по которым определена таксономическая принадлежность проб древесины:

Сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.) – зигзагообразных ходов тонкостенный; стенки лучевых трахеид с четко выраженными зубцами; на поле перекреста простые оконцевые поры.

Береза (*Betula* sp.) – перфорации сосудов лестничные; сосудистая и сосудисто-паренхимная поровости точечные,

мелькие; сосуды малые и средние, группирующиеся, рассеянные; лучи гомогенные и слабо гетерогенные, шириной до 4 клеток.

Вяз (*Ulmus* sp.) – перфорации сосудов простые; сосудистая поровость точечная, крупная; сосуды крупные и малые, группирующиеся, распределяются тангентальными полосами; лучи гомогенные, шириной до 5(6) клеток.

Тростник (наиболее вероятно *Phragmites communis* Trin) – зигзагообразный построен из длинных и коротких клеток с волнистыми стенками, клеток с волнистыми стенками, расположенных правильными рядами, с включением устьиц.

Вторая дуга каркаса тента
Западная часть крестовины каркаса тента
Северная часть крестовины каркаса тента
Прутья каркаса тента
Внутренняя дуга каркаса тента
Обод западного колеса
Спица западного колеса
Обод восточного колеса
Спица восточного колеса
Восточный «подлокотник» сиденья
Западный «подлокотник» сиденья
Задняя западная стойка
Задняя восточная стойка
Передняя ярменная жердь
«Задняя ярменная жердь»
Восточная оглобля
Западная оглобля
Крепежные детали у восточной оглобли
Дерево на большой западной втулке
Фрагменты дерева у западного колеса под железной пластиной

береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
вяз (*Ulmus* sp.)
вяз (*Ulmus* sp.)
вяз (*Ulmus* sp.)
сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.)
сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.)
вяз (*Ulmus* sp.)
вяз (*Ulmus* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
береза (*Betula* sp.)
вяз (*Ulmus* sp.)

Миняев 1985 – Миняев С.С. К топографии курганных памятников сиюну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.

Миняев 1998 – Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.

Миняев, Сахаровская 2002 – Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. СПб., 2002. № 9. С. 80–118.

Руденко 1962 – Руденко С.И. Культура хуннов и Нонинские курганы. М.; Л., 1962.

Талько-Гринцевич 1999 – Талько-Гринцевич Ю.Д. Материалы к палеознтологии Забайкалья. СПб., 1999.

Таскин 1973 – Таскин В.С. Материалы по истории сиюну. М., 1973. Вып. 2.

Imperial China 2000 – *Imperial China. The Art of the Horse in Chinese History*. Kentucky, 2000.

Wang Zhenduo 1997 – Wang Zhenduo. Reconstruction and study of the Eastern Han vehicle. Beijing, 1997.

A Han Chariot from the Cemetery of Tsaram

S.S. Minyaev, L.M. Sakharovskaya

Since 1997, the Trans-Baikal Expedition of ИМК RAS has been excavating systematically a Hsiung-nu burial ground in the Pad (i.e. a gully or a brook ravine) of Tsaram (Kiakhta Region of the Republic of Buryatia, 1.5 km south of the settlement of Naushki. It is here that

the largest of Hsiung-nu burial structures so far known in Russia and ones of the largest in the world are concentrated (for a detailed description of the site see: Миняев, Сахаровская 2000).

The main object of our studies was Kurgan 7 which is the largest barrow at the cemetery and one of the largest Hsiung-nu barrows known at present. During the preceding field seasons excavated were an above-grave

¹ Россия, 191065. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел научной экспертизы.

structure and a sophisticated structure inside the tomb consisting of a wooden cage in the upper part of the grave pit and four ceilings or coverings. The upper ceiling was composed of large adjoining stone slabs laid onto pinewood logs which covered all of the grave pit over from north to south. Under the logs a covering layer of reed was distinguishable. The second ceiling, located 120–150 cm below the first, consisted of stone slabs adjoining each other. Beneath the latter, a layer of reed also has been uncovered. The third ceiling was multi-layered: large stone slabs measuring on average 100×70 cm, a layer of charcoal and river pebbles, a layer of compacted birch bark, twigs and pine cones, and a layer of coarse gravel. The structure of the fourth ceiling also was multi-layered: a layer of large river pebbles, a layer of coarse gravel, and a layer of fine charcoal. During clearing of the third and fourth coverings, certain differences between their western and eastern sections have been noted. These distinctions were expressed in the colour and structure of the stone slabs: the western parts of these ceilings were composed of slabs of light-grey sandstone whereas the eastern sections were constructed of light-pink boulders. In the central part of the grave pit, two robber passages were detected. These had partly disturbed the central cage and all of the ceilings.

In the course of the excavation of the third and clearing of the fourth ceiling in the centre of the barrow at a depth of 10.5–11 m, different parts of a chariot were recovered. The arrangement of these parts suggests that the body of the chariot had been located beneath the third ceiling in the filling of the pit, while the tent and wheels were found above the stones of the third ceiling in the centre of the kurgan and thus must have been located above the level of that covering. Probably the chariot was set onto the stones of the fourth covering and later was covered by the filling of the pit as well as by gravel, pebbles, charcoal and slabs of the third ceiling (the tent and the wheels of the chariot having remained above the latter). When the fills of the pit sank, the parts of the chariot were displaced: they fell down damaged considerably as if by millstones by the movement of stone slabs, gravel and pebbles. Some time later, the chariot was additionally disturbed by robber passages: the northern passage damaged part of the harness and frame while the southern one crossed the presumable location of the seat having demolished a considerable part of the tent. Altogether, the details of the chariot were very poorly preserved: the wooden parts and organic material of the tent had decayed almost completely, the bronze and iron items of the harness had been severely oxidized and lost their original structure. Near the northern wall of the grave pit, a skull, two cervical vertebra and metapodials of a horse were found 1 m from the slope of the fifth step. Below, a description of the preserved parts of the chariot is presented.

The tent of the chariot. The remains of the tent were found in the centre of the pit, 4 m from its northern edge, above the stones of the third ceiling. The tent consisted of a wooden frame which once was covered by some organic material. The base of the frame was composed of thin wooden plates about 4 cm wide which were set crosswise. To these a number of thick arched twigs were fixed. Additionally this base was supplemented with thinner twigs 1–1.5 cm in diameter, deflected radially from the centre of the frame. The organic cover of the frame was two-layered: the upper layer consisted of a dark material (leather or felt) below which a thin layer of cloth has been recognized. This tent covering was fixed to the plates and twigs of the frame with thin iron Γ -shaped nails. From inside the tent was coated with red lacquer which preserved traces of a geometrical pattern rendered in white, brown and dark-red paints. The southern part of the tent was destroyed by the southern robber trench.

The front yoke-pole of the chariot was found on the layer of pebbles and charcoal under the stones of the third ceiling, 2.5 m north of the tent. The diameter of the pole was 18–20 cm. Its western edge was completely destroyed during the collapse of the third ceiling. The preserved length of the pole was 2.5 m. A bronze ferrule 10 cm long and 7 cm in diameter was fixed onto the eastern tip of the pole. The ferrule was completely oxidized and crushed by the pressure of the fills. Probably, a similar ferrule had been fixed onto the western destroyed end of the pole. Five pairs of square mortises measuring 3×1.5 cm for fixation of parts of the harness were discernible. They began 12 cm from the eastern tip of the yoke-pole and ran further to its entire length at intervals of 40–45 cm (the mortises in each pair were spaced 4 cm apart). Near the mortises, fragments of bronze were detectable – probably traces of bronze arches which had been set into the mortises).

At the western and eastern sides of the yoke-pole, as well as in its centre, remains of yoke-heads were uncovered. These were presented by boards 4 cm thick, 8 cm wide and with the preserved length of 25–30 cm. The position of the western yoke-head found *in situ* suggests that the heads were attached to the yoke-pole by means of special incuts; the lower parts of the yoke-heads were not preserved. In the upper part of the western and central yoke-heads there was a cylindrical projection onto which a bronze ferrule was put. On the eastern head this projection was broken off in antiquity but its traces were discernible in the upper part of the head. The entire surface of the yoke-pole and yoke-heads was coated with black lacquer over which a geometrical pattern was drawn in white and red paint. Stylistically, fragments of this pattern are similar to that on the inside of the tent of the chariot.

Wooden shafts. The two shafts of the chariot were beneath the front yoke-pole lying parallel to each other in the N-S direction 60 cm apart of each other. They

were very poorly preserved their southern parts cut off by the robber trench; the preserved length was 95–100 cm. On the surface of the shafts, traces of lacquer and pattern rendered in red and white paints were preserved. Near the eastern shaft at a distance of 10 cm from it, iron oval plates with holes on the shorter side were traced lying in line. Probably these were once sewn onto the leather belts of the harness or the reins. Below this line of plates, 30 cm to the east, an iron ring 6.5 cm in diameter was found.

Wooden wheels. The remains of the wheels were located 1 m south of the shafts, on the stones of the third ceiling, the lower part of the western wheel found in the layer of pebbles and gravel underlying that ceiling. The wheels were spaced 2 m from each other and consisted of a felloe, spokes and, possibly, a central disc into which the ends of the spokes were inserted and in the centre of which the iron hub of the axle was placed. The wheels were considerably damaged by the pressure of the filling of the pit and ceilings. The diameter of the wheels was 120 cm; the number of the spokes amounted to 22, their thickness was 3–4 cm. Round the felloe of the western wheel, remains of a number of iron shackles were traceable. On the felloe and spokes, tiny fragments of red and white paint were preserved, the felloe and the adjoining parts of the spokes were painted in red to the length of 10–12 cm whereas the rest of the spokes was painted in white. The central parts of the wheels practically do not survive, nevertheless traces of red paint detected in the central parts suggest that the central disc of the wheel into which the spokes were inserted was painted in red.

In the pebble layer which underlay the third ceiling, small iron hubs with two projections have been uncovered directly outside of the wheels. On the outer side of the hubs, traces of wood were detectable. Under the wheels, also in the pebble layer of the third covering, large iron hubs with three projections on the outside each were found. These also bore traces of wood on the outer side (while in the centre of the large and small hubs no traces of wood have been detected). Preserved on the outer side of the larger hubs were the iron nails with which the hubs were fixed to the wooden cores of the wheels.

The rear yoke-pole. The appellation of this part of the chariot is arbitrary since its real purpose still is not clear. A number of facts do not allow us to interpret it as the axle of the chariot, in particular:

– the difference between the diameter of the pole and the inner diameter of the large iron hubs into which the axle must have been inserted;

– a separate position of the bronze axle-terminals (as described below) usually put onto the ends of the axle and differing in the diameter of the hub from the diameter of the rear pole (which furthermore had its own bronze terminals).

In its shape and dimensions the 'rear yoke-pole' resembled the front pole. Its base was a round pole 7 cm in diameter and about 3 m long. The major part of the pole had been cut off by the northern robber trench, only its eastern and western ends being preserved. On the tips of the pole bronze terminals 5.5 cm in diameter and 7 cm long were put on. On the surface of the terminals a small cylindrical ledge was relieved (fig. 2: 10). From the inside of the terminals, 3–4 cm apart from the them, two iron arches were driven into the yoke-pole. Through these arches possibly some elements of the harness (belts or ropes) once passed. On the surface of the rear yoke-pole remains of lacquer and a pattern rendered in white paint were discernible.

Wooden elbow-rests of the seat. After the wheels had been cleared, directly below them were found remains of some pinewood blocks which possibly were once the elbow-rests of the seat. These consisted of boards 3–4 cm thick, decayed and compressed by the powerful pressure of the filling of the pit. The elbow-rests presumably were measuring 25 × 50 cm. Their surface was lacquered with a painted geometrical design traceable above.

The body of the chariot. After the wheels had been cleared and removed, in the space between the wheels and the remains of the chariot shafts were found and cleared remains of a trellised frame of the chariot and bronze axle-terminals. The remains of the frame consisted of several wooden planks which built-up the trellised part of the body. In their crossings the planks were fixed together with iron nails. The thickness of the planks was 2–3 cm. The northern and southern parts of the trellised frame of the chariot, as well as, perhaps, the entire seat, were destroyed by the robber passages. North of the trellised frame, under its wooden planks were found two bronze axle-terminals in the form of circular discs with cylindrical ledges. The axle-terminals were 10 cm long and 12 cm in diameter in their base and 5 cm in diameter on the top. In the lower part of the terminals there were rectangular holes measuring 3 × 1.5 cm for insertion of the pins. In their upper part they had I-shaped projections probably to fix the belts of the harness.

The iron pins were found lying between the axle-terminals (fig. 3: 26). These consisted of iron plates 10 cm long of rectangular section with a ring-shaped terminal.

The absence of the wheel axle and the unusual position of the pair of axle-terminals (beneath the trellised body) suggest that the chariot was put into the tomb in a disassembled and possibly incomplete state. It is also noteworthy that the presence of three yoke-heads implies the use of three horses in the team. However, as mentioned above, only the skull, two cervical vertebra and metapodials only of a single horse have been uncovered. This horse was evidently laid into the tomb according to the principle «a part instead of the whole».

The construction of the chariot under consideration and its decorations have very close parallels among chariots of the Chinese Han period. The most comprehensive so far studies of these chariots carried out recently have enabled to distinguish a number of variants of their construction including those very similar to the chariot from Tsaram. The Tsaram chariot like the Han examples has a tent consisting of a wooden framework covered by some organic material, four wooden posts supporting the tent, a trellised seat and wooden 'elbow-rests'. The body of the chariot and the painting of the wheels are remarkably closely paralleled by a recently restored chariot from the burial of the famous Han general Huoqūbīng who fought against Hsiung-nu (Imperial China 2000). Judging by the number of yoke-heads, the Tsaram chariot was originally intended for a team of three horses that explains the use of two yoke shafts instead of a single central shaft (the use of which implies an even number of horses in the team) more typical of Han chariots.

Written sources often attest that among the gifts offered by the Han court to the first-rank Hsiung-nu nobility there were *inter alia* chariots. Thus in 51 BC shanyū Huhanye received along with other grants a «chariot with a seat» (Таскин 1973: 35). Thereafter, as mentioned in «Hanshu», not once the shanyū was given presents «like for the first time» (Таскин 1973: 36, 37, 51). *During the epoch of Wang Mang (9–24 AD)*, who intended to divide Hsiung-nu into separate nomadic bands and to set his own chief at the head of each, one of the Hsiung-nu deserters, the right liyū-wang Xian was bestowed the title of Xiao-shanyū and given among other presents a «chariot with a seat and a chariot with a drum» (Таскин 1973: 57). *In 50 AD the shanyū of the*

southern Hsiung-nu, Bi (grandson of Huhanye ruling under the same name as his grandfather) was granted «a carriage with a seat and an umbrella of feathers and a team of four richly harnessed horses» (Таскин 1973: 72). In 143 AD the southern shanyū Hulanzhuo in the throne hall of the imperial palace was granted along with other gifts «a chariot with the black top harnessed to a team of four horses, a chariot with a drum, a chariot with a seat»; the shanyū's wives were granted «two carriages decorated with gold and brocade and draught horses» (Таскин 1973: 94).

It is thus quite probable that the chariot found in Tsaram was also a gift from the Han court to one of the representatives of the Hsiung-nu elite. However, judging by the evidence from the «Hanshu» another event was also possible. In Wang Mang's epoch, son of the mentioned above Xiao-shanyū – Deng who was then at the imperial court in the quality of a hostage, was put to death in revenge of his father having deserted back to the northern Hsiung-nu and his brother's frequent raids to the borderlands. On the demand of Hsiung-nu the corpses of Deng and some other noblemen executed together with him were returned to their homeland for burial. For the transportation of the bodies they were «laid into chariots» (Таскин 1973: 62). We may not rule out that later these chariots were buried in the tombs together with other funerary offerings.

It should be emphasized that in any case the records of chariots either as gifts or in connection with funerary ceremonies concern only the first-rank Hsiung-nu nobility, i.e. shanyūs, their wives or sons. This fact is a further confirmation of the probability that Kurgan no. 7 in Tsaram is a burial of a representative of the Hsiung-nu elite, possibly a shanyū.

Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре

В.Н. Чхайдзе¹

Время, последовавшее за гуннским нашествием в 70-х гг. IV в., характеризуется угасанием античной культуры, общим кризисом распадающегося Боспорского государства, ставшего второстепенной провинцией Византийской империи.

Гермонасса, находившаяся в стороне от главных дорог, избежала участи других городов Боспора, судя по отсутствию характерных следов пожара, гунны, скорее всего, сюда даже не заходили (Плетнева 1963: 63; Коровина 1998: 21, 28; 2002: 89, 94). Однако дальнейшая судьба города, вследствие отсутствия письменных источников и эпиграфических памятников, характеризуется лишь на основании археологических материалов. Последние позволяют утверждать, что по крайней мере до второй четверти VI в. жизнь в городе не только не прекратилась, но и не претерпела существенных изменений (Зеест 1955: 121; Плетнева 1963: 63; Сазанов 1989: 57; Фигонова 1998: 41).

На городище выявлены слои от второй половины – конца IV в. до 570–580 гг. (Сазанов 1999: Табл. 10). На двух раскопах – «Нагорном» и «Северном» – открыты остатки фундаментов и цоколей V–VI вв. из рваного камня на глиняном растворе. Их ориентировка по сторонам света совпадает с ориентировкой построек предшествующего времени III–IV вв., на развалах которых они и сложены (Зеест 1955: 114; 1959: 59; Коровина 1992: 31; 1998: 20–21; 1999: 59; 2002: 88–89).

Вещевой комплекс характеризуется краснолаковой керамикой конца IV–VI в. (Плетнева 1963: 33–35, рис. 19; 2003: 176; Коровина 1987: 65; 1992: 31, рис. 18; 1998: 24–27; рис. 6, 7; 1999: 60; 2002: 91–93, рис. 47), в частности мисками группы «Late Roman C» формы 3 по Дж. Хейсу, датированными концом IV – третьей четвертью VI в. (Сазанов 1989: табл. 2.5, 5.2.5), а так же группы «Late Roman D» и «African red slip ware», датированными третьей четвертью VI в. – 570–580 гг. (Сазанов 2000: 234–235, рис. 20). К категории тарной керамики относятся узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Д. Б. Шелову, красноглиняные типов 96 и 97 по И. Б. Зеест – конца IV – третьей четверти VI в. (Сазанов 1989: табл. 2.5, 5.2.5). И амфоры типа «Carottes» типа 5 по I херсонесской классификации, коричневоглиняные «с перехватом» и красноглиня-

ные типов 96 и 97, датированные третьей четвертью VI в. – 570–580 гг. (Коровина 1992: 31, рис. 17; 1998: 22–23, рис. 3, 4; 1999: 59; 2002: 90–91, рис. 46; Сазанов 2000: 231–234, рис. 20). К этому же времени принадлежат и многочисленные стеклянные сосуды (Сорокина 1963: 134–170; Плетнева 2003: 178).

Из индивидуальных находок можно отметить две мраморные капители колонн V в. и часть рельефа V–VI вв. с изображением ангела, держащего плат, что может свидетельствовать о существовании в городе уже в V в. христианского храма (Коровина 1992: 32; 1998: 27; 1999: 60; 2002: 93, рис. 48, 49).

Население боспорских городов в это время явно представлено разноязычной смесью греков, синоподоматов, сарматов, готов, алан, евреев и остатков кочевых и полукочевых гуннов; греческий язык, очевидно, оставался официальным языком Боспора (Плетнева 1963: 64; Коровина 1992: 32; 2002: 95; Болтов 1999: 253). Поэтому весьма вероятно, что Гермонасса продолжала сохранять свое античное название.

В 20-х гг. VI в. Гермонасса, по всей вероятности вместе с Боспором, приняла византийское подданство (Плетнева 1963: 63, 66; Коровина 1992: 32; 1998: 19; 2002: 93–94). Об этом позволяют судить события, связанные с вхождением боспорских городов в состав византийской империи в правление Юстина I (518–527), о чем говорится в надписи царя Тиберия-Юлия Диптуна (522 г.). Это событие вызвало недовольство гуннов, которые напали на Боспор и, убив трибуна, захватили город (Якобсон 1958: 460–461). Тогда же были «взаты и разрушены» (Прокопий 1996: 25) города Кепы и Фанагория. Для возмещения городов около 527/529 гг. Юстиниан I (527–565) отправил к проливу наемную армию во главе с комитом Иоанном, усиленную вспомогательным войском готов. Боспор был возвращен и укреплен стенами (Прокопий 1996: 224). По-видимому, были возвращены и Кепы с Фанагорией (Артамонов 1962: 88–91), на что указывает найденный в 1893 году на Таманском полуострове фрагмент строительной надписи 533 г. с именем Юстиниана (Латышев 1896: 98–105).

Между тем в изученных слоях Гермонассы существует разрыв между 570–580 гг. и началом VII в. (Сазанов 1999: табл. 10), что, без сомнения, указывает на события, связанные с тюркским походом на Боспор и Крым, известные по сообщению Менаандра Протектора: когда, во время войны, начатой против Византии, войсками тюрко-

¹Россия. 117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Группа средневековой археологии евразийских степей.

тов Бохана и утигуров Анагя в 576 г. после осады был взят Боспор (Менадр 2003: Отрывок 47, 302). Как известно, события закончились миром с Византией. После смерти кагана Арсилы, империя удалось восстановить свою власть над проливом, о чем сообщает греческая надпись Евпатория (590 г.), обнаруженная в 1803 г. П. И. Сумароковым в Тамани. Как следует из надписи, Боспор в это время был административно подчинен Херсону и находился под управлением стратилата и дукса – военачальника провинции и пограничных мест. Однако основные центры Боспора после тюркского погрома уже не восстанавливаются (Сазанов 1999: 36–37). По всей видимости, одним из таких центров являлась и Гермонасса, так как судьба города в конце VI – первой половине VII в. нам почти не известна. Видимо, жизнь на городище в это время оборвалась (Коровина 1992: 32).

Однако уже в VII в., со времени хождения Степного Предкавказья, включая Низовья Кубани, в политическую систему Хазарского каганата, Гермонасса получает новое тюркское наименование Тумен-тархан (Tumen-tarhan), что буквально означает место ставки военачальника (тархана) – главы округа, выставляющего десять тысяч воинов – «тумен», или «тыма» в русской транскрипции (Готье 1930: 79; Menges 1960: 35; Артамонов 1962: 431, сноски 16; Гадло 1968: 61; 2004: 136–137; Подосинов 1997: 157, сноска 2). Конечно, вряд ли дислоцировавшийся в городе хазарский тумен вскрывал такое количество воинов, поскольку вся армия Хазар-тархана во время войны с арабами в 738 г. состояла из сорока тысяч человек (Артамонов 1962: 206, 219; Тортика 2002: 250–251; Гадло 2004: 167).

Вместе с тем на местах могла сохраняться и прежняя византийская администрация, так на данной территории первоначально могла осуществляться система condominiuma – византийско-хазарского «двоевластия» (Сазанов 1999: 40; Науменко 2001: 346, 350; Сорочан 2002: 512, 522; Чахидзе 2005: 358).

Суля по всему, именно название Тумен-тархан явилось производным для последующего наименования города – Таматарха, известного в византийских источниках и продолжающего сохраняться вплоть до конца X в.

Между тем, по мнению ряда исследователей, именно этот поселок, названный Томи (Тоцпу по Феофану, Тоцпу по Никифору) упомянут в рассказе 704/705 гг. о Юстиниане II, который, задушив в Фанатории присланных каганом убийц, бежал в «приморское селение» Томи, нашел там снаряженный корабль, на котором и отплыл к Херсону (Феофан Исповедник 1980: 39–40/63, сноска 16, примечание 318; Никифор 1980: 155/163, сноска 4, примечания 102, 103; Кулаковский 2004: 239–240;

Март 1935: 182; Gregoire 1952: 288–292; Гадло 1968: 61; Айбабин 1999: 195).

Также именно VII в. характеризуется появлением новых строительных традиций на городище, прежде всего ранее неизвестных строительных приемов (так называемая кладка «елочка» – opus sricatum; Сорочан 2004: 117–159). Складывается новая планировка жилых кварталов, дома VII–IX вв. выстроены уже на основе стен IV–VI вв. (Якобсон 1958: 479; 1964: 39; 1970: 120; Плетнева 1967: 49, 63; Богословская, Богословский 1992: 8; Айбабин 1999: 188; Гадло 2004: 90; Сорочан 2005: 191). Вновь появляются поселенческие комплексы, датированные концом VII – началом VIII в. (Сазанов 1999: 39, табл. 10). До середины VIII в. меняется весь керамический комплекс – возникает и начинает активно развиваться приазовский вариант салтово-маяцкой культуры, который остается доминирующим вплоть до XIII в. (Богословская, Богословский 1992: 8, 11).

Менадр 2003 – Менадр Византиец, Менадра Византийца продолжение истории Агафий // Византийские истории. Дексини, Эвнаний, Олимпийдор, Малх, Петр Патриций, Менадр, Кандид, Нониос и Феофан Византиец, Рязань, 2003.

Никифор 1980 – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана. «Бреварий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1980.

Прокопий 1996 – Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Т. II. М., 1996.

Феофан Исповедник 1980 – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бреварий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1980.

Айбабин 1999 – Айбабин А.И. Этническая история ранне-византийского Крыма. Симферополь, 1999.

Артамонов 1962 – Артамонов М.И. История хазар. М., 1962.

Богословская, Богословский 1992 – Богословская И.Н., Богословский О.В. Исследование средневековых слесов Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 8–11.

Болгов 1999 – Болгов И.И. Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V–VI вв.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999. СПб., 1999. С. 252–256.

Гадло 1968 – Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник ЛГУ. Л., 1968. № 14. С. 55–65.

Гадло 2004 – Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Готье 1930 – Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.: Л., 1930.

Зест 1955 – Зест И.В. Раскопки Гермонассы // КСИИМК. М., 1955. Вып. 58. С. 114–121.

Зест 1959 – Зест И.В. Раскопки Гермонассы // КСИИМК. М., 1959. Вып. 74. С. 58–63.

- Коровина 1987 – *Коровина А.К.* Винодельня Гермонассы // КСИА. М., 1987. Вып. 191. С. 60–66.
- Коровина 1992 – *Коровина А.К.* История исследования Таманского городища // Археология и искусство Боспора. Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М., 1992. Вып. 10. С. 7–40.
- Коровина 1998 – *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековий период // Таманская старина. СПб., 1998. Вып. 1. С. 19–29.
- Коровина 1999 – *Коровина А.К.* Раннесредневековая Гермонасса // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999. С. 59–60.
- Коровина 2002 – *Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Кулаковский 2004 – *Кулаковский Ю.А.* История Византии. СПб., 2004. Том III.
- Латышев 1896 – *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Марр 1935 – *Марр Н.Я.* Этно- и топонимия Восточной Европы // Избранные работы. М., 1935. Том V. С. 165–194.
- Науменко 2001 – *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 336–361.
- Плетнева 1963 – *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–72.
- Плетнева 1967 – *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142.
- Плетнева 2003 – *Плетнева С.А.* Таматарха-Тмутаракань // Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология. М., 2003. С. 171–179.
- Подосинов 1997 – *Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 155–171.
- Сазанов 1989 – *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранне-византийского времени // СА. М., 1989. № 4. С. 41–60.
- Сазанов 1999 – *Сазанов А.В.* Города и поселения Северо-Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.
- Сазанов 2000 – *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. М., 2000. № 3. С. 221–259.
- Сорокина 1963 – *Сорокина И.П.* Позднеантичное и ранне-средневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 134–163.
- Сорочина 2002 – *Сорочина С.В.* Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 509–543.
- Сорочина 2004 – *Сорочина С.В.* Об орус spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Киев, Харьков, 2004. Т. 3. С. 117–159.
- Сорочина 2005 – *Сорочина С.В.* Об строительном деле как показателе развития раннесредневековой Византии // Древности. 2004. Харьков, 2004. С. 185–204.
- Тортика 2002 – *Тортика А.А.* Экологически возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) – вторая четверть VII в. н.э. // Судья, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси–Украины. Киев; Судак, 2002. С. 249–252.
- Финогенова 1998 – *Финогенова С.И.* Античный город Гермонасса // Сборник. 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань археологическая (II раздел). Тамань, 1998. С. 33–41.
- Чхайдзе 2005 – *Чхайдзе В.Н.* Протоболгары на Таманском полуострове? // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Керчь, 2005. С. 356–361.
- Якобсон 1958 – *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. Т. II / МИА. М., 1958. № 85. С. 458–501.
- Якобсон 1964 – *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.: Л., 1964.
- Якобсон 1970 – *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. М., 1970. № 168.
- Gregoire 1952 – *Gregoire H.* Le Nom de la ville Tmutarakan // *Nouveaum Clio*. 4. Paris, 1952. P. 288–292.
- Menges 1960 – *Menges K.G.* Тьмуторокань // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XXIX. Heidelberg, 1960. P. 26–43.

Hermonassa – Tomi – Tamatarcha: a Town of the Late Classical and Early Medieval Period in Bosphorus

V.N. Chkhaidze

The period subsequent to the Hunnish invasion of the 370s is characterized by fading out of the Greek and Roman culture and a general crisis of the falling apart Bosphoran state which became a province of minor importance in the Byzantine empire. The city of Hermonassa, situated aside of the major routes, had evaded the lot of the other Bosphoran towns, the Huns having probably not even entered it. The subsequent fate of the city is known only from archaeological evidence. The latter suggests that not only the city's occupation had been continuing until at least the second quarter of

the 6th century but even its life had suffered no considerable changes.

At the townsite, layers dated from the late 4th century AD until 570–580s have been revealed. The assemblage of artifacts is characterized by red-glazed pottery of the third quarter of the 4th–6th century and ceramic containers of the third quarter of the 6th century – the 570–580s. Of the individual finds noteworthy are two marble column capitals of the 5th century and a fragment of a relief of the 5th–6th centuries suggesting the existence of a Christian temple in the city.

The populations of Bosporan cities of the period under consideration were polyethnic, the Greek evidently remaining the official language of the Bosphorus. Hermonassa probably retained its ancient name.

It is of importance, that the excavated layers of Hermonassa show an interruption between the 570–580s and the beginning of the 7th century indicating the events of 576 AD connected with the Turkic raid to the Bosphorus and Crimea. The main centres of the Bosphorus had not restored any more after the Turkic devastation. Hermonassa was perhaps one of those centres since we know almost nothing about the fate of the city in the end of the 6th – first half of the 7th century. Evidently, the occupation of the site ceased at that time.

However, from the 7th century, when the steppe Ciscaucasia including the region of the lower Kuban River became part of the political system of the Khazar Khaganate, the city received the new Turkic name of Tumen-Tarkhan. In the provinces, the previous

Byzantine administration may have been preserved since here originally the system of condominium had possibly existed. It is from Tumen-Tarkhan that the subsequent name of the city was derived, viz. Tamatarcha known from Byzantine sources and retained until the end of the 10th century.

In the opinion of a number of scholars, it is exactly this settlement that is mentioned under the name of Tomi in the tale of 704/705 about the escape of Justinian II from Phanagoria.

The 7th century is characterized by the emergence of new building traditions (*opus spicatum*) unknown before at the site. A new layout of the living blocks was formed. Assemblages of artifacts dated to the end of the 7th – beginning of the 8th century appear in the city. By the mid-8th century the entire complex of pottery had changed and the Azov variant of the Saltovo-Mayatskaya culture had emerged and begun its active development. That culture had continued its domination until the 13th century.

Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках¹

Г.Г. Король, Л.В. Конькова²

В Восточной Европе к X–XIII вв. сложились определенные традиции изготовления ремесленных наборных украшений – поясной и срубной гарнитуры всадника. Они не были однородными и отражали разнообразные влияния (скандинавские, венгерские, позднехазарские, византийские, постсасанидские и исламские, общетюркские и кочевнические в целом). Синтетический характер этих традиций, включающих особенности технологии изготовления, состав металла, декоративное украшение предметов, в том числе орнаментальные композиции и редкие сюжетные изображения, всегда привлекал исследователей и в настоящее время хорошо изучен на материалах разных регионов (Даркевич 1976; Федоров-Давыдов 1976; Айбабин 1977; Кубышев, Орлов 1982; Макарова, Плетнева 1983, 2002; Орлов 1984б, 1989; Гаврилина 1987, 1991; Фоянова 1987, 1998, 2001; Михайлов, Соболев 2000; Мурашева 2000 и др.).

В Древней Руси, а также у кочевников южно-русских степей были распространены серебряные и бронзовые изделия, причем последние преобладали. Железные предметы единичны. В Волжской Болгарии, одном из центров производства поясных и срубных украшений, наряду с цветным металлом со второй половины XI–XII в. начинает широко использоваться и черный металл (Белорыбкин 2000; Казаков 2000; Кокорина 2000; Руденко 2001; Кызласов И.Л. 2003 и др.). База археологических источников, накопленных к настоящему времени на территории Восточной Европы и Центральной Азии, и увеличение количества публикаций материала позволяют на этой основе конкретно, по разным регионам, проследить происхождение и распространение тех или иных вещей. Основой сравнительного анализа является комплексный подход с оценкой как морфологии предметов, так и технологии их производства и системы орнаментации.

Среди ремесленных наборных украшений из цветного металла, найденных в Восточной Европе, встречаются единичные предметы, которые не имеют аналогий или корней ни в традициях населявших ее народов, ни в ремесленных традициях производственных центров, обслуживавших разные территории большого региона. Сравнительный анализ формы этих предметов, технологии их изготовления, особенностей декора на уровне евразийских изделий конца I – начала II тыс. н.э. показывает, что эти вещи являются импортом из региона Южной Сибири. В указанный промежуток времени на этой территории преобладала технология тонкостенного литья с использованием восковой модели, а также ажурное литье в период расцвета технологии. Предметы были украшены рельефным орнаментом, преимущественно растительных (геометризованных) форм, имеющих свои особенности и свой набор наиболее распространенных композиций. Именно эти особенности и характеризуют упомянутые единичные находки из Восточной Европы.

Одна группа из шести предметов: бронзовые ремесленные наконечник, накладки разных форм и пряжка (рис. 1) – входит в собрание вещей, найденных в начале XX в. в Донской губернии между Таганрогом и Ростовом при строительстве железной дороги; часть коллекции происходит из г. Симферополя Таврической губернии (хранится в ГИМ⁴). Первые четыре предмета находят не просто аналогии в южно-сибирском материале, они абсолютно идентичны украшениям поясной и срубной гарнитуры, имеющим там широкое распространение. Подробно особенности каждого предмета, аналогии, интерпретация и датировка

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Россия, 117036, Москва, Дм. Ульянова ул., 19. Институт археологии РАН.

³ Россия, 690950, Владивосток, Пушкинская ул., 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

⁴ Государственный Исторический музей (Москва), № 54746/оп. 980 (№ 1–93). Собрание Г.Д. Филлимонова и И.Д. Беляева (поступление из Румянцева музея). Впервые внимание на эту коллекцию и отличие нескольких ее предметов от средневековых ремесленных украшений Восточной Европы обратил В.В. Мурашев. Точные место и условия находки неизвестны. В коллекцию входят и другие ремесленные украшения определенно европейского происхождения; а также браслеты, проволочные женские украшения и пр., возможное происхождение из Симферополя. Мы исходим из предположения, что запись в коллекционной описи № 980 соответствует действительности, тем более, что есть примеры нахождения накладок ремесленной гарнитуры разного происхождения в одном комплексе (см. сужу 5).

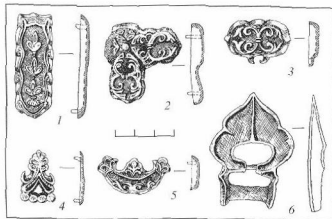

Рис. 1. Бронзовые предметы, найденные на территории европейской части России. ГИМ. № 54746/оп. 980:

1 – ремешный наконечник (№ 36); 2 – накладка Т-образная (№ 37); 3 – накладка с ушком (№ 41); 4 – накладка в виде пальметты (№ 45); 5 – накладка в виде трехрогой луницы (№ 42); 6 – пряжка (№ 32)

Fig. 1. Finds (bronze) from south of European Russia. State Historical Museum, Moscow, Collection no. 54746/inventory 980:

1 – belt tip (no. 36); 2 – T-shaped mount (no. 37); 3 – mount with a suspension loop (no. 41); 4 – mount in the form of palmette (no. 45); 5 – mount shaped like a three-horned lunate adornment (no. 42); 6 – clasp (no. 32)

Рис. 2. Ажурные сбруйные украшения: 1 – Приднепровье (Древности Приднепровья... 1907: 30, № 407); 2 – «между Обью и Иртышом» (Миллер 1937, 1999: Рис. 22)

Fig. 2. Open-work harness ornaments: 1 – Dnieper area (Древности Приднепровья... 1907: 30, № 407); 2 – «between the Ob' and Irtysh rivers» (Миллер 1937, 1999: fig. 22)

рассмотрены авторами в специальной работе (Король, Конькова 2004). Три бляшки (рис. 1: 1–3) идентичны или близки украшениям, происходящим преимущественно с территории Минусинской котловины, но встречаются аналогии и на Алтае. Аналогии остальным предметам (рис. 1: 4–6) известны исключительно на территории Алтая, в основном в районах северо-западных и западных предгорий. Вероятно, среди рассматриваемой группы изделий имеются уздечные украшения и детали декора предметов воинского снаряжения (колчана, поясной сумочки) второй половины X – первой половины XI в.

С территории Восточной Европы происходит еще один предмет южно-сибирского облика, из-

вестный по публикации коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко. Это Т-образная ажурная серебряная накладка – случайная находка из Чигиринского уезда Киевской губернии на Украине. Точной аналогии орнаментальной композиции пока не выявлено. Г.Ф. Миллером опубликована ажурная бронзовая сбруйная накладка «из могилы между Обью и Иртышом» (возможно, северо-западные предгорья Алтая). Она той же формы, но с другими по ширине и оформлению бортиками; композиция декора отличается от украинской находки, но в них использованы одни и те же или очень близкие декоративные элементы (рис. 2). Общие характеристики этих предметов (технология, форма, элементы орнамента) не оставляют сомнения в том, что украинская находка – предмет, относящийся к кругу южносибирских ремешных украшений конца I – начала II тыс. н.э. (см. также: Fetich 1937, Т. 2: taf. XXIII; Кызласов, Король 1990: 111, рис. 37: 2, 6; Конькова, Король 1999: 61).

Трудно определить, каким образом все эти предметы попали в Восточную Европу. В Южной Сибири с середины IX в., после падения Уйгурского каганата, господствовавшего прежде, утвердился Кыргызский каганат, или Древнехакасское государство. Почти на 100 лет оно распространило свое влияние на огромные территории Центральной Азии (Савилов 1984: 89–103; Кызласов Л. 1992: 76–77) и освоило торговые пути в самых разных направлениях вплоть до весьма отдаленных стран: от Западной Европы и Переднего Востока до Китая (Кызласов Л. 1984: 112–123; Лубо-Лесниченко 1989; Длужневская 1992; Бутанаев, Худяков 2000: 128–129; История Тувы 2001: 133–136). Торговый путь из Южной и Западной Сибири в Восточную Европу в раннем средневековье также был прослежен по археологическим и письменным источникам (Кызласов Л. 1984: 116–121; 1987). Возможно, описанные находки – дополнительные свидетельства действительности этого пути. Существует мнение и о том, что отдельные южносибирские вещи одновременно попали в Восточную Европу «вместе с кочевниками – носителями центрально-азиатских культурных традиций» в середине – третьей четверти X в., что могло быть вызвано политической ситуацией в Центральной Азии и очередной волной тюрков, двигавшихся на запад (Михайлов 1997: 256).

Заметим, что анализируемые автором этого мнения предметы (две подвески-решмы из Гнездо-ва Смоленской области и Новгорода и пятнадцать ремешных бляшек двух типов с одинаковым орнаментом из Тимереваского могильника в Ярославской области) как изделия «тюркско-кыргызского происхождения» (Михайлов 1997: 254) нам таковыми не представляются, хотя автор и ссылается на одну из наших работ при сравнении орна-

мента. На территории степной Евразии и прилегающих регионов в конце I – начале II тыс. н.э. формы поясной и срубной гарнитуры имеют значительное разнообразие при сохранении некоторых «общетюркских» форм, а в орнаментации по-прежнему доминирует так называемый «степной орнаментализм» (Федоров-Давыдов 1976: 61) с его многообразием и в то же время определенным набором растительных мотивов. В такой ситуации некое сходство формы предметов и замысла или исполнения орнаментальной композиции не имеет решающего значения для определения происхождения предметов. Для такого вывода необходим комплексный подход к анализу предметов, включающий не только морфологию, но и технологию, и, по возможности, состав металла, а также профессиональный иконографический анализ, требующий детального знания тонкостей орнамента и декора. Неопытному глазу многие узоры (от Дуная до Амура) кажутся очень похожими. При тщательном исследовании оказывается, что абсолютно одинаковые (идентичные) не только по замыслу, но и детальной проработке композиции крайне редки. Поэтому для сравнения свразийского материала необходимо знание его не только по литературе, так как при сравнительно-иконаграфическом анализе важную роль играют иногда очень мелкие детали, которые не всегда видны или понятны художнику при подготовке иллюстраций для публикации, не говоря уже просто о неточностях, которых бывает трудно избежать.

К примеру, приведенный в публикации (Михайлов 1997: 253, рис. 4: 4) рисунок решмы, хранящейся в Горно-Алтайском музее (коллекция 1–134, № 356), из раскопок Н.С. Гуляева 1912 г. на Алтае отличается от оригинала даже немаловажными деталями: в оригинале орнамент вокруг мужского лица («личины») имеет ясную и несколько иную по элементам композицию, голова имеет уши, на лице линия бровей на переносице не сходится, нет бороды (подробней о личинах, в том числе рисунку этой решмы см.: Король 2005). Сомнительной представляется и интерпретация автором растительного орнамента на тимеревакских бляшках (Михайлов 1997: 252, 254, рис. 1: 2). Это действительно растительный орнамент (вариант многолепесткового цветка), не имеющий отношения к пламевидному орнаменту на южносибирских изделиях (автор высказывает противоположное мнение), который нами классифицирован как геометрический *криволинейный* и выделен в отдельную группу «пламенеющая жемчужина» (Кызласов, Король 1990: 98, 110, 142, табл. XXI, рис. 36), ни по замыслу, ни по исполнению не относящуюся к растительному орнаменту. Таким образом, при сравнительном анализе таких предметов необходим

более строгий формальный подход к декору и желательнее комплексный – к изделию в целом.

Примечательно, что в качестве характерной черты древнерусской «дружинной культуры» выделяется сочетание предметов различного происхождения, составлявших комплекс снаряжения воина-всадника (Мурашева 2002: 71). Некоторые ремесленные украшения, особенно с отверстиями или петлями, могли иногда использоваться не по прямому назначению в качестве поясной и срубной гарнитуры, а как декоративные элементы-подвески в составе ожерелий и в качестве других женских украшений (такое использование ремесленных бляшек считается «весьма характерным для скандинавской культуры» эпохи викингов – см. Мурашева 2002: 70).

Примером могут служить две серебряные позолоченные литые четырехугольные накладки с прорезью, служившие подвесками в ожерелье, найденном в кургане Ц-198 Гнездовского могильника (рис. 3: 1, 2)⁵. Эти накладки, на наш взгляд, также относятся к кругу распространенных в Южной Сибири ремесленных украшений, хотя по материалу и технологическим особенностям отличаются от них. Отметим некоторую «затертость» орнамента на изделиях высокого качества работы, а также оформление очень узкого бортика шириной 1 мм углубленными горизонтальными штрихами: по три штриха в верхней, средней и нижней его частях справа и слева. При такой ширине бортика *дополнительное его украшение лишено смысла*, но напоминает попытку имитации зачастую рельефных, относительно широких бортиков южно-сибирских изделий. Возможно, гнездовские накладки были сделаны в одном из восточноевропейских ремесленных центров по «восточному» оригиналу: отлиты по оттиску уже давно использовавшейся бронзовой вещи с затертым орнаментом; кроме того, мас-

⁵ Путь их варь в греки и из грек... 1996: 53–54, № 283–284 – из раскопок Л.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной (1976 г.), любезно предоставившей нам возможность опубликовать детальные рисунки этих накладок. Хранятся на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (в книге Л.Р. Кызласова и Г.Г. Короля в приложении 27 к главе 2 (с. 195) номер и место их хранения указаны ошибочно). В состав ожерелья входили *византийские бусины* и серебряные с позолотой подвески: крест с пуансонным орнаментом, лунина с зерном, круглая – с изображением петуха (феникса), круглая с переплетенным орнаментом в виде фантастического животного, «скандинавской» школы (Мурашева 2000: 94), а также подвески, сделанные из позолоченных бляшек, в том числе салтово-маяцкого облика по форме и орнаменту («хазарской школы» – Мурашева 2000: 88–89) и две южно-сибирского облика. Кроме того, в погребальный комплекс, помимо других предметов, входили две бронзовые позолоченные овальные скорлупообразные и серебряная круглая скандинавские фибулы. Таким образом, в одном комплексе представлены разные по происхождению изделия.

тер мог иметь перед глазами и другие изделия с рельефными бортиками (южно-сибирские накладки этого типа с таким орнаментом имеют преимущественно гладкие бортики – см. рис. 3), то есть это реплики на оригинальный импорт.

Орнаментальная композиция – упрощенный вариант мотива виноградной лозы с гроздьями винограда – в виде расщепленной пальметты, выступающей из бутона другой пальметты (тип II, подтип 8, группа «а») «симметричные гроздья винограда», одна из композиций – см. Кызласов, Король 1990: 103, 143, табл. XXVI: 25). Орнаментальное поле обрамлено псевдозернью «перлами», которые плохо различимы. Композиция, по мнению исследователей, восходит к византийским, шире – римским и ближневосточным прототипам⁶. Точно такие по форме, но крупнее по размеру и очень близкие по орнаменту (некоторые практически идентичны) накладки известны из Минусинской котловины и Тувы (по три экз.), Кузнецкой котловины северного Алтая (семь экз., в том числе два – варианты: одна накладка – по форме, другая – по орнаменту), Узбекистана и Киргизии (по два экз., в последнем случае представлено, вероятно, местное стилизованное исполнение композиции). Близкие варианты этой композиции на бляшках с фестончатыми краями происходят из Восточной Сибири (Бурятия) – 10 экз. и одна ажурная – из Минусинской котловины. Всего нами зафиксированы 28 экз. (рис. 3: 3–8)⁷.

Для 14 предметов из 66 исследований нам с разными орнаментальными композициями группы «а», в том числе для пяти – с рассмотренным выше ва-

⁶ См., например: Иерусалимская 1972: рис. 12; подробнее об истории мотива виноградной лозы с гроздьями винограда в азиатском искусстве см. Кызласов, Король 1990: 122–126.

⁷ Помимо представленных на рис. 3 нам известны следующие находки целых предметов (обломки не учтены):

Минусинская котловина. Минусинский музей: № 6567 (Л. Комаркова); Красноярский музей: № 62; собрание А.В. Адрианова из Енисейской губернии: ГИМ: № 39152/76 (ажурная).

Алтай. Могильник Саногово 2, могила № 8, а также из насыпи и грабительского раскопа (пять экз., – все накладки с прорезью; четыре – четырехугольные, в том числе на одной – усложненный вариант орнамента; одна – сегментовидная) (Илюшин 1997: 34, 104, 106, 110, рис. 18: 10, 12, 17; 20: 17; 24: 17).

Тува. Республиканский музей (г. Кызыл): № 3978/71, 81, курганный могильник Шанчиг, курган 18, эти две накладки по удлиненной форме виноградных гроздьев и центрального цветка пальметты чуть отличаются от изображенной на рис. 3: 4 (Кызласов ЛР, 1969: 108, рис. 40: 4).

Узбекистан. Аме 1914: 135, fig. 177 (Самарканд).

Бурятия. Музей истории Бурятии (Улан-Удэ): коллекция И-72/Б-24, могильник Бухсан, могила № 24 (все накладки с прорезью; две – четырехугольные, остальные – другой формы), раскопки Л.Г. Ивашиной, 1972 г. (Кызласов Л. 1981: 59, 147, рис. 35: 4, 5; Кызласов, Ивашина 1989: 37, рис. 3: 1). Отметим, что рисунки в обоих случаях выполнены очень схематично и не вполне отражают реальные детали орнамента.

риантом декора, исследован состав металла. Предварительный системный анализ общего массива данных о составе металла ремешных украшений конца I – начала II тыс. н.э. южно-сибирского региона, включая факторный анализ, показал, что наиболее работающими геохимическими показателями являются данные по сурьме и мышьяку (Конькова 1996). В соответствии с этим выделены четыре основные геохимические группы по соотношению сурьмы и мышьяка. I группа – образцы с высоким содержанием сурьмы и мышьяка (больше 0,5%). II группа – образцы с низким содержанием сурьмы (меньше 0,3%) и высоким содержанием мышьяка (больше 0,5%). III группа – образцы со средним содержанием сурьмы и мышьяка (от 0,3 до 0,5%). IV группа – образцы с низким содержанием сурьмы и мышьяка (меньше 0,3%).

Внутри орнаментальной группы были выделены три подгруппы, отличающиеся оформлением гроздьев и ягод («а1» – относительно четкое изображение каждой ягоды; «а2» – гроздь изображена общим контуром, ягоды едва намечены; «а3» – гроздь и ягоды имеют вид ромбической сетки). В подгруппе «а1» изучены четыре предмета: три из кургана 18 могильника Шанчиг в Туве (рис. 3: 4) и один (обломок прямоугольной накладки с фестончатым краем) из Минусинской котловины (Минусинский музей, № 5966, Сухая Ерба). По рецептуре и геохимической характеристике металла тувинские и минусинский предметы различаются. По рецептуре предметы из Тувы сделаны из сложной латуни с содержанием цинка от 3,2 до 13,0%; в качестве дополнительных компонентов присутствует свинец (от 9,0 до 17,0%) и олово (от 6,0 до 9,3%). Для них характерно высокое содержание мышьяка (от 0,65 до 1,00%) и пониженное содержание сурьмы (II геохимическая группа). Сплав предмета из Минусинской котловины – оловянно-свинцовая бронза (цинк – 0,05%). Он выделяется и по геохимическим примесям (сурьма – 0,5%, мышьяк – 1,0%) и относится к I геохимической группе. Орнамент обломка этой накладки по композиции очень близок тувинским, но также отличается от них: деталями, некоторой флористичностью узора, четкостью линий, тщательной проработкой ягод винограда, листьев и т.д.

В подгруппе «а2» рассмотрены пять предметов из того же тувинского комплекса: три сердцевидные накладки с прорезью (Тувинский республиканский музей, № 3978/56, 82, 106) и две сегментовидные (Тувинский республиканский музей, № 3978/73, 86). По рецептуре металла подгруппа представлена сложной латунию с содержанием цинка от 6,5 до 15,0%. Как дополнительные компоненты – олово (от 5,3 до 8,5%) и большое содержание свинца (от 6,0 до 15,0%). Все предметы отличаются повышенным содержанием мышьяка

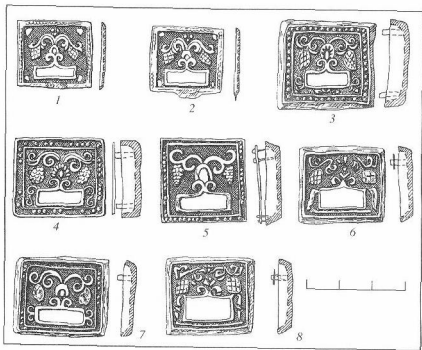

Рис. 3. Накладки с прорезью, орнамент растительный – вариант композиции с симметричными гроздьями винограда: 1, 2 – Гнездово-76, курган Ц-198, № 185(14) и 195(17); 3 – сборы до 1904 г. (д. Комаркова) (Минусинский музей № 6564); 4 – Шанчиг, курган № 18 (Трм, Кызыл), № 3978/119 (см. также: Кызласов Л. 1978: 49, рис. 8; 7); 5 – Сапогово 2, могила № 3 (Илюшин 1997: 110, рис. 24: 8, 9 – два экз.); 6 – Ахсы (вероятно, с городища Ахсикет Наманганской обл. Узбекистана). Коллекция Н.И. Веселовского 1885 г. из Средней Азии (ГЭ, Отдел Востока, № СА-12989); 7, 8 – Бишкек (Кыргызстан), разрушенное погребение, раскопки В.П. Мокрынина. Республиканский исторический музей, экспозиция – пояс 3 (1, 2 – серебро, 3–8 – бронза)

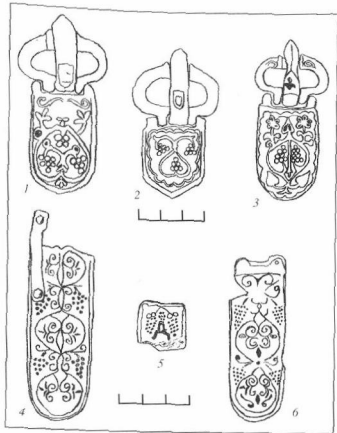
Fig. 3. Mounts with a slit, floral design with symmetrical grapes: 1, 2 – Gnezdovo-76, kurgan Ц-198, nos. 185(14) and 195(17); 3 – collected before 1904 (v. Komarkova) (Minusinsk Museum, no. 6564); 4 – Shanchig, kurgan 18. Museum of Tuvinian Republic (Kyzyl), no. 3978/119. (See also: Кызласов Л.Р. 1978: 49, Fig. 8; 7); 5 – Sapogovo 2, grave 3 (Илюшин 1997: 110, Fig. 24: 8, 9 – two items); 6 – Akhsy (probably from the settlement-site of Akhsiket, Namangan Province, Uzbekistan). N.I. Veselovskiy's collection of 1885 from Central Asia (Hermitage, Oriental Department, no. CA-12989); 7, 8 – Bishkek (Kyrgyzstan), a disturbed burial, V.P. Mokrynin's excavation. Republican Historical Museum, exposition – belt 3 (1, 2 – silver, 3–8 – bronze)

(от 0,4 до 0,6%); сурьма – от 0,12 до 0,40% и относителен к II геохимической группе.

В подгруппе «а3» изучены также пять предметов: четыре накладки из Минусинской котловины (Минусинский музей, № 6564 – см. рис. 3: 3 – и 6567, Комаркова; № 6006, «северо-восточная часть Минусинского округа», прямоугольная; № 6221, Батени, ложковидная) и одна пряжка из комплекса Шанчиг в Туве (Тувинский республиканский музей, № 3978/107). По рецептуре подгруппа в основном представлена также сложной латунью, в которой цинк содержится в количестве от 5,0 до 10,0%. Дополнительная лигатура – олово (от 4,0 до 8,6%) и свинец (от 2,0 до 7,0%). Выделяется ложковидная накладка, возможно, хронологически чуть более ранняя, чем остальные предметы, относящаяся к концу I – началу II тыс. н.э. Она изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 8,6%, свинец – 7,0%, самое высокое содержание в группе), цинк присутствует лишь в следе (0,17%). Геохимическая характеристика подгруппы: представлены

II, III и IV геохимические группы (№ 6221: сурьма – 0,33%, мышьяк – 0,50%), по металлу этот предмет близок накладке № 5966 из подгруппы «а1», оба выделяются отсутствием цинка, относится к III геохимической группе; № 6006 – к II геохимической группе: сурьма – 0,17%, мышьяк – 0,70%; остальные предметы относятся к IV геохимической группе с пониженными концентрациями сурьмы и мышьяка.

В целом основная часть исследованных предметов группы «а» изготовлена из сплавов с высокими технологическими характеристиками (жидкотекучесть, пластичность), хорошо заполняющих литейную форму и обеспечивающих художественное качество изделий. Это сплавы со значительным содержанием олова, свинца, цинка. Присутствие мышьяка дополнительно улучшает литейные качества металла. Варианты таких сплавов: золотая латунь, сложная латунь, оловянная бронза, свинцово-оловянная бронза, мышьяковая бронза. Наличие сложной латуни среди рассмотренных сплавов и «неместная» для Южной Сибири орнаментальная

Fig. 4. Grapes in the designs of belt ornaments from the south of Eastern Europe

1–3 – прорисовка пряжек VIII–IX вв. и орнамента (Ковалевская 1979: табл. VI: 4; XI: 11; VI: 3) – Рутка, Северная Осетия; 2 – Керчь, Крым; 3 – Бакла, погребение № 172, Крым
4–6 – схемы орнамента накладок второй половины VIII – первой половины IX в., бронза. Краснодарский историко-археологический музей-заповедник: 4 – ажурная литая, ягоды винограда иногда с углублениями в середине, Казавозский могильник, погребение № 185 сев. Краснодарский край, Раскопки Н.В. Анфимова, 1972. № KM-5100/1704; 5 – штампованная, Мошевая Балка, разрушенное погребение, Ставропольский край, Раскопки В.И. Каминского, 1978. № KM-5241/205; 6 – штампованная, Могильник у МТФ колх. Ленина, разрушенное погребение. Краснодарский край, Раскопки В.И. Каминского, 1980. № KM-5496/3274. Идентичный орнамент на накладке из погребения № 1, костяк 1, № KM-5496/428

Fig. 4. Grapes in the designs of belt ornaments from the south of Eastern Europe

1–3 – drawings of clasps of the 8th-9th century and of the design (Kovalevskaya 1979: pl. VI: 4; XI: 11; VI: 3) – Rutka, Northern Osetia; 2 – Kerch, Crimea; 3 – Bakla, grave 172, Crimea
4–6 – schemes of the design on mounts of the second half of the 8th – first half of the 9th century, bronze. Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Preserve: 4 – open-work cast, some of the vine berries have depressions in the middle, Kazavozsky cemetery, grave 185 north, Krasnodar Krai. Excavations of N.V. Anfimov, 1972. no. KM-5100/1704; 5 – stamped. Moshechaya Balka, disturbed burial, Stavropol Krai. Excavations of V.N. Kaminsky, 1978. no. KM-5241/205; 6 – stamped. Burial ground on the territory of Kolkhoz Lenin, disturbed burial, Krasnodar Krai. Excavations of V.N. Kaminsky, 1980. no. KM-5496/3274. An identical design on a mount from grave 1, skeleton 1, no. KM-5496/428

символика (виноградные гроздья) позволяют связать производство предметов с большим содержанием цинка с районами Средней Азии, Ирана, Северной Индии, для которых характерно производство сложных латуней, не говоря уже о хорошо известной символике винограда (см. также: Конькова, Король 2004).

Возвращаясь к восточноевропейским материалам, отметим, что при обсуждении предложенной темы на семинаре Н.В. Рындиной по древнему металлу на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова в отношении упоминавшихся гнездовских накладок с симметричными гроздьями винограда в виде расщепленной пальметты, вырастающей из бутона другой пальметты (рис. 3: 1, 2), В.В. Мурашевой было высказано предположение о возможном производстве этих накладок на Северном Кавказе. На данном этапе исследований говорить о том, где могли производиться реплики такого рода на «восточные» образцы, видимо, преждевременно. Действительно, на Северном Кавказе и в Крыму известны накладки с декором, включающим симметричные гроздья винограда (подборку см. на рис. 4), но все они относятся к эпохе Хазарского каганата, ко времени не позднее первой половины IX в., и стилистически отличаются от рассматривавшихся нами (ср. с рис. 3). Более поздние северокавказские ремешковые украшения с подобным декором нам неизвестны. Зато представленный на гнездовских накладках вариант композиции распространен в конце I – начале II тыс. н.э. на востоке, от Средней Азии до Забайкалья (см. карту на рис. 5).

Таким образом, из Восточной Европы происходит некоторое число находок определенно южно-сибирского происхождения и реплики на них (под происхождением мы понимаем регион наибольшего распространения и популярности изделий, не имея в виду место производства, так как это отдельная тема для специального исследования). Сравнение их с основным восточноевропейским материалом, широко распространенным на своей территории, показывает, что южно-сибирские ремешковые украшения (преимущественно бронзовые) – предметы-импорты рубежа I–II тысячелетий н.э. – не оказали заметного влияния на технологию и художественные особенности изделий ремесленных центров, обслуживавших местное население (мы не говорим об общетюркских формах многих изделий, распространенных в Евразии повсеместно, наличие отдельных «похожих» по форме или орнаменту на южно-сибирские экземпляры предметов лишь подтверждает общую тенденцию). Следовательно, для этого времени затруднительно говорить о каком-либо значительном этнокультурном, шире – региональном влиянии из Южной Сибири.

На относительно хорошо исследованной территории Восточной Европы выделены свои ремеслен-

Рис. 5. Находки южносибирских ремennых украшений из цветного металла в Восточной Европе (2–3) и распространение варианта композиции орнамента с симметричными гроздьями винограда (1, 4–10). 1 – Гнездово, Смоленская обл.; 2 – Чигиринский уезд, Киевская губ. (Украина); 3 – между Таганрогом и Ростовом, Донская губ. (Ростовская обл.); 4 – Самарканд, Узбекистан; 5 – Ахсикет, Узбекистан; 6 – Бишкек, Кыргызстан; 7 – Сапогово (Кузнецкая котловина), Кемеровская обл.; 8 – Минусинская котловина, Енисейская губ. (Красноярский край и Хакасия); 9 – Шанчиг, Тува; 10 – Бухусан, Бурятия

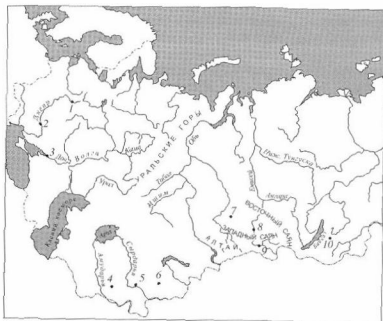

Fig. 5. Finds of south-Siberian belt ornaments from non-ferrous metals in Eastern Europe (2–3) and distribution of the designs with symmetrical grapes (1, 4–10). 1 – Gnezdovo, Smolensk Oblast; 2 – Chigirinsky Uyezd, Kiev Province (Ukraine); 3 – between Taganrog and Rostov, Donskaya Province (Rostov Oblast); 4 – Samarkand, Uzbekistan; 5 – Akhsiket, Uzbekistan; 6 – Bishkek, Kyrgyzstan; 7 – Sapogovo (Kuznetsk Basin), Kemerovo Oblast; 8 – Minusinsk Basin, Yeniseyskaya Province (Krasnoyarsk Krai and Khakassia); 9 – Shanchig, Tuva; 10 – Bukhusan, Buryatia

ные центры, производившие большое количество изделий, и ремесленно-художественные школы, оказывая заметное и значительное влияние на формирование традиций декора (Рыбаков 1948: 492–497; Гупало, Ивакин 1981; Орлов 1983; 1984а; Гаврилина 1987: 63–67; Макарова 1991; Комар 2000; Мурашева 2000: 91–96). Несомненно, южно-сибирская традиция мелкой художественной пластики из цветного металла хорошего качества была неотъемлемой частью художественного евразийского стиля конца I – начала II тыс. н.э., характеризовавшегося пышностью и преобладанием растительных геометrizованных форм в орнаментации. Но попадавшие в Восточную Европу тем или иным путем отдельные предметы южно-сибирского круга не могли создать интенсивный и глубокий поток влияния, а, кроме того, их появление не могло принести что-то принципиально новое в Восточную Европу, хотя предметы эти и отличаются оригинальностью и своеобразием и представляют, на наш взгляд, некий «пик» в развитии стиля.

Со второй половины XI в. ситуация в Восточной Европе с преобладанием ремennых украшений из цветного металла и, соответственно, определенных технологических традиций меняется. Появляется железная поясная и сбруйная гарнитура (а также инструменты и другие предметы) «весьма характерной, самобытной формы, часто украшенной инкрустацией и аппликацией серебром (реже – медью и золотом)» (Кызласов И. 2001: 7)⁸. Наибольшее число находок связано с территорией

Поволжья, встречаются они и в домонгольских слоях *превращенских городов и на других памятниках*, отражая несомненные контакты с Волжской Болгарией (Кызласов И. 1997; 1998; 2000; 2001; Казаков 2000; Белорыбкин 2001; Руденко 2001; Гоняный 2002). Появление подобных находок в Восточной Европе исследователи связывают со значительным влиянием южносибирской культуры конца X–XVII вв., получившей название «аскязская» (Кызласов Л. 1975; Кызласов И. 1983).

Распространение в Южной Сибири железной гарнитуры с характерными приемами обработки и украшения отражает кардинальную смену технологических традиций на этой территории, где с конца X до середины XI в. происходит практически полная замена бронзовых изделий (среди них начинают встречаться переиспользованные, грубо отремонтированные, перевязанные тонкими кожаными ремешками или пробитые железными заклепками по красиво орнаментированной поверхности) на железные с характерной обработкой. Этот процесс археологически фиксируется именно в рамках аскязской культуры. Особенности форм и украшения железной гарнитуры подробно исследованы и описаны (Кызласов И. 1983). Им же доказательно прослежены переходные ступени от растительного орнамента IX–X вв. к геометрическому X–XII вв. Несмотря на то что фактически произошла кардинальная смена художественного стиля, существование переходных форм и строгая типологическая последовательность мотивов свидетельствуют о преемственности в развитии орнамента. Тем более что в растительном декоре «степного орнаментализма» с его геометrizованным обликoм всегда присутствовала тенденция и

⁸ О происхождении техник инкрустации (врезная таушировка) и аппликации (поверхностная таушировка) при орнаментации цветного и черного металла, а также об их распространении в Европе в раннем средневековье см., например: Бошняк 1958; Rutkay 1978: 120, № 14; Мурашева 2000: 12–13 и др.

возможности его переработки и развития в сторону геометризаций⁹. Железо, обладающее иными физическими характеристиками, во многом обусловило смену приемов декорирования.

Отмеченный переход к новому материалу и новой технологии его художественной обработки был началом повсеместного распространения и утверждения техники инкрустации и аппликации (врезная и поверхностная таушировка), сохранившейся у многих современных тюркских и монголоязычных народов (подробнее см.: Павлинка 1984; 1988; 82–85). Столь широкое распространение железа в качестве материала для изготовления ремешных украшений в значительной степени объясняется сырьевым кризисом начала II тысячелетия, охватившим территории не только мусульманского Востока, но и других стран Евразии и вызвавшим дефицит благородных и цветных металлов (см., например: Белецкий и др. 1973: 200–201, 294–295). Железо было более доступным, обрабатывалось в условиях кузнечной мастерской и не требовало сложных литейных приспособлений (Конькова, Король 1999: 62–65).

По мнению исследователей, появление с середины – второй половины XI в. в Восточной Европе (прежде всего – в Волго-Камском регионе) железных изделий собственно аскизских и широкого распространение местных подражаний им, а также создание по аскизским образцам уже иных предметов и служит «следами выдающегося по современным представлениям исторического явления – приезда в Волжскую Болгарию и на Русь торговцев и воинов с Саяно-Алтайского Нагорья» (Кызласов И. 2000: 6). С точки зрения собственно технологии производства предметов «аскизского круга», эта привнесенная традиция наложила на местные (поволжские) традиции обработки черного металла, то есть попала на плодотворную почву, при этом содержала определенную новизну и, создав моду на оригинально декорированные изделия, получила значительное распространение в разной этнокультурной среде обширного региона¹⁰. Но в отличие от Южной Сибири, новая технология не вытеснила в Восточной Европе цветной металл, который по-прежнему применялся для изготовления поясных и сбруйных ремешных украшений. Кроме того,

в Волго-Камском регионе отмечены бронзовые аналоги аскизским железным изделиям и бронзовые подражания железной гарнитуре аскизского круга (Руденко 2001: 81–84).

Таким образом, исследование конкретного материала – южно-сибирского импорта в Восточной Европе X–XIII вв. – позволило проследить, как сначала эпизодическое проникновение южно-сибирских изделий рубежа I–II тысячелетий н.э. и, вероятно, представителей этносов этого региона в Восточную Европу в скором времени переросло, по-видимому, «в активное и постоянное общение» (Кызласов И. 2001: 7). Причины этих явлений требуют специального изучения. В заключение еще раз подчеркнем, что традиции изготовления и украшения поясной и сбруйной гарнитуры X–XIII вв. в Восточной Европе имеют сложный генезис. В них переплелись традиции местных центров производства и художественных школ соседних территорий, традиции «степных» народов как европейских, так и центрально-азиатских. Изучение всех этих аспектов в совокупности представляет большой интерес, так как дает возможность выявить разнообразные потоки, способствующие или несомещающие формированию тех или иных традиций в определенные хронологические периоды в различных регионах Евразии. А эти знания в свою очередь позволяют конкретизировать отдельные вопросы культурного взаимодействия не только разных этносов географически близких территорий, но и отдаленных регионов.

- Айбабин 1977 – Айбабин А.И. Салтовские наборные пояса из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 225–239.
- Белецкий, Бентович, Большаков 1973 – Белецкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Белорыбкин 2000 – Белорыбкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 128–149.
- Белорыбкин 2001 – Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001.
- Бутанаев, Худяков 2000 – Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История Енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- Вошинина 1958 – Вошинина А.И. Серебряная насечка на железе в тюркитике Фракия первых веков нашей эры // Труды ГЭ. Л.; М., 1958. Вып. II. С. 123–129.
- Гаврилина 1987 – Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 54–68.
- Гаврилина 1991 – Гаврилина Л.М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X века в Нижнем Поволжье // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 147–155.
- Гоняный 2002 – Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на

⁹ Существуют и другие мнения о происхождении геометрического стиля и смене облика ремешных украшений в аскизской культуре. См., например: Савинов 1979: 67–69; Дажневская 1987. В Восточной Европе второй половины IX в. также отмечены примеры вытеснения пышного растительного орнамента геометрическим (мотив цветения) (см., например: Макарова, Плетнева 1983: 73, 75).

¹⁰ О теоретических проблемах культурных трансляций см.: Савинов 1994: 3–4.

- примере украшений ремешной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Тезисы докладов. М., 2002. С. 16–19.
- Гупало, Ивакин 1981 – Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. Набор литевых форм для поисков украшений X в. // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 105–113.
- Даркевич 1976 – Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Длужневская 1987 – Длужневская Г.В. О смене облик металлургических изделий в культуре енисейских кыргызов в X–XI вв. // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 100–103.
- Длужневская 1992 – Длужневская Г.В. К вопросу об историко-культурных контактах народов Центральной Азии и Сибири в X–XII вв. // Северная Азия от древности до средневековья. Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 225–227.
- Древности Приднепровья 1907 – Древности Приднепровья и побережья Черного моря (Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко). Киев, 1907. Вып. 6.
- Иерусалимская 1972 – Иерусалимская А.А. К сложению школьного художественного шедлокчества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 5–56.
- Илюшин 1997 – Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касмы как источник по средневековой истории Кузнецкого котловина // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 1997.
- История Тувы 2001 – История Тувы. Новосибирск, 2001. Т. 1.
- Казаков 2000 – Казаков Е.П. О тюркских яннованиях в культуре волжских болгар (по археологическим материалам) // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 30–40.
- Ковалевская 1979 – Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пражки // САИ. М., 1979. Вып. Е 1–2.
- Кокорина 2000 – Кокорина Н.А. Некоторые находки «аскизского» круга на болгарских памятниках и их датировка // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 40–47.
- Комар 2000 – Комар А.В. Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов. Самара, 2000. С. 73–75.
- Конькова 1996 – Конькова Л.В. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.
- Конькова, Король 1999 – Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 56–68.
- Конькова, Король 2004 – Конькова Л.В., Король Г.Г. Художественно-технологические блоки как направление реконструкции художественных и технологических традиций в средневековье (на примере Саяно-Алтая) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Материалы конференции. Омск, 2004. С. 97–100.
- Король, Конькова 2004 – Конькова Л.В., Король Г.Г. Средневековые ремешные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки, интерпретации) // РА. 2004. № 4. С. 126–134.
- Король 2005 – Король Г.Г. Средневековые личности Саяно-Алтая (типология, особенности, антропология) // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М., 2005. С. 133–139.
- Кубышев, Орлов 1982 – Кубышев А.И., Орлов П.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. 1982. № 1. С. 238–246.
- Кызласов И. 1983 – Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е 3–18.
- Кызласов И. 1997 – Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники Старины. Ковидция. Открытие. Версии. СПб.–Пеков, 1997. Вып. 1. С. 380–386.
- Кызласов И. 1998 – Кызласов И.Л. Пребывание Древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII в.) // Славяне и их соседи. Тезисы конференции. М., 1998. С. 72–75.
- Кызласов И. 2000 – Кызласов И.Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 3–7.
- Кызласов И. 2001 – Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 6–10.
- Кызласов И. 2003 – Кызласов И.Л. Средневековая Евразия в свете новых открытий // КСИА. 2003. Вып. 215. С. 3–6.
- Кызласов Л. 1969 – Кызласов Л.Р. История Тувы в середине века. М., 1969.
- Кызласов Л. 1975 – Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 193–211.
- Кызласов Л. 1978 – Кызласов Л.Р. Курганы древнехакасской тюркостанской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестник МГУ. 1978. Серия История. № 6. С. 38–56.
- Кызласов Л. 1981 – Кызласов Л.Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981. С. 59–61.
- Кызласов Л. 1984 – Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в середине века. М., 1984.
- Кызласов Л. 1987 – Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 79–86.
- Кызласов Л. 1992 – Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
- Кызласов, Ивашина 1989 – Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в середине века. Новосибирск, 1989. С. 34–52.
- Кызласов, Король 1990 – Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лубо-Лесничко 1989 – Лубо-Лесничко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Труды ГЭ. Л., 1989. Т. XXVII. С. 4–9.
- Макарова 1991 – Макарова Т.И. Книжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси // СА. 1991. № 3. С. 31–42.
- Макарова, Плетнева 1983 – Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62–77.
- Макарова, Плетнева 2002 – Макарова Т.И., Плетнева С.А. К вопросу о растительном орнаменте в металлоделатке Хазарского каганата // Поволжье и сопредельные

- территории в средние века. Труды ГИМ. М., 2002. № 135. С. 107–114.
- Миллер 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. (изд. 2-е, доп. – М., 1999).
- Михайлов 1997 – Михайлов К.А. Центрально-азиатские ремесленные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 251–260.
- Михайлов, Соболев 2000 – Михайлов К.А., Соболев В.Ю. Новгородские набранные пояса XI–XII вв. // АВ. № 7. СПб., 2000. С. 222–228.
- Мурашева 2000 – Мурашева В.В. Древнерусские ремесленные набранные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Мурашева 2002 – Мурашева В.В. Супрутский клад 1969 года (к вопросу о хазаро-скандинавском взаимодействии на территории Древней Руси) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Тезисы докладов. М., 2002. С. 69–71.
- Орлов 1983 – Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. Київ, 1983. № 44. С. 29–47.
- Орлов 1984а – Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. Київ, 1984. № 47. С. 24–44.
- Орлов 1984б – Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52.
- Орлов 1989 – Орлов Р.С. Сплавы цветных металлов Новгород-Северской земли в X–XII вв. // Новгород-Северскому – 1000 лет. Тезисы докладов. Чернигов-Новгород-Северский, 1989. С. 44–46.
- Павлинская 1984 – Павлинская Л.Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 99–113.
- Павлинская 1988 – Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири / Сборник МАЭ. Л., 1988. Вып. XLII. С. 71–85.
- Путь из варяг ... 1996 – Путь из варяг в греки и из грек... / Государственный исторический музей. Каталог выставки. М., 1996.
- Руденко 2001 – Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001.
- Рыбаков 1948 – Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Савинов 1979 – Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 53–72.
- Савинов 1984 – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов 1994 – Савинов Д.Г. Введение // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб., 1994. С. 3–7.
- Федоров-Давыдов 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Фонякова 1987 – Фонякова Н.А. Истоки растительной орнаментации срубных бляшек салтово-маяцкой культуры // Проблемы археологии Степной Евразии. Тезисы докладов. Кемерово, 1987. Ч. II. С. 150–152.
- Фонякова 1998 – Фонякова Н.А. Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII – начала X в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 635–641.
- Фонякова 2001 – Фонякова Н.А. Сюжетные изображения на сосудах и поясах из Хазарии второй половины VIII–X веков // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2001. Т. 15. С. 87–93.
- Arne 1914 – Arne T.J. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914.
- Fettich 1937 – Fettich N. Die Metallkunst der Landehmenden Ungarn 1–2 / Archaeologia Hungarica. Vol. XXI. Budapest, 1937.
- Ruttikay 1978 – Ruttikay A. Umenie Kované v zbraniach. Pallas, 1978.

Imports from Southern Siberia in Eastern Europe and Problems of Ethno-Cultural and Regional Interactions in the 10th–13th Centuries

G.G. Korol', L.V. Kon'kova

By the 10th–13th centuries in Eastern Europe, certain traditions of manufacturing composite belt decorations (girdle and rider harness sets) were established. They were fairly inhomogeneous reflecting influences of various kinds (Scandinavian, Hungarian, late Khazarian, Byzantine, post-Sasanian and Islamic, as well as common-Turkic and nomadic in general). Studies aimed at detailed investigation of different levels of cultural interactions (exchange of information; handicrafts and technologies, import and export of goods) allow us to outline the perspectives of future ethnocultural reconstructions.

In Ancient Rus and among the nomads of the south-Russian steppes, objects made of bronze prevailed, although silver and iron items were also in use. In Volga Bulgaria, a centre where girdle and harness fittings were manufactured, along with non-ferrous metals also iron came to be widely used from the second half of the 11th and 12th century. At present, the base of archaeological evidence available and the increased number of publications allow us to trace the provenience and dissemination of some finds. The comparative analysis is based on complex approaches with the evaluation of both the morphology of artefacts and their manufacturing technology

and the system of ornamentation. These studies include examination of materials yielded by excavations and chance finds from southern Siberia and Central Asia.

The composite metal belt fittings found in Eastern Europe include single objects, which have no parallels here. A comparison of the shapes of these objects, the technology of their manufacture and peculiarities of their decorations with some Eurasian artefacts of the late 1st and early 2nd millennium AD showed that the objects under consideration were imported from the area of southern Siberia. There, a *cire perdue* technology of thin-walled casting prevailed during that period as well as openwork casting at the peak of that technology. The articles were decorated with peculiar relief designs, predominantly with floral filling. It is exactly these peculiarities that are characteristic of the abovementioned single finds from Eastern Europe.

In the beginning of the 1900s in Donskaya Province near the Azov Sea, during railway construction, a collection of objects was found which included a group of six bronze items: a belt tip, mounts of various forms and a clasp (fig. 1; State Historical Museum, Moscow, no. 54746/inventory 980). These items are paralleled by or even absolutely identical to some decorations of girdle and harness sets from southern Siberia. Their dates are the second half of the 10th – first half of the 11th century. Another example of belt ornaments of the south Siberian appearance is a silver open-work mount from Ukraine which has a close parallel from piedmonts of the Altai mountains (fig. 2).

It is difficult to identify the ways by which these objects penetrated Eastern Europe. From the middle of the 11th century, the Kyrgyz Kaganate was established in southern Siberia. For almost a century it exerted its influence on vast territories of Central Asia and seized control of short-haul and long-haul trade routes. One of the latter led from southern and western Siberia to Eastern Europe. Possibly, the finds under consideration are an additional confirmation of the effectiveness of that route. Also the opinion has been proposed that single south Siberian objects may have come to Europe with nomads at a time.

It is noteworthy that features of the ancient Russian *Druzhinnaya* or 'Retinue' culture included a combination of objects of various proveniences, which were part of the outfit set of a mounted warrior. Some of belt mounts may have been used as decorative pendants in necklaces, as is attested, for instance, by two cast silver mounts with a slit which served as pendants in the necklace found in one of the Gnezdovo kurgans (fig. 3: 1, 2). These, in our opinion, also belong to the circle of belt decorations widespread in southern Siberia, although differing from them in terms of their material and technological features. Possibly, the Gnezdovo mounts were made in one of the East European manufacturing centres after some 'eastern' original. We know 28 mounts from southern Siberia (fig. 3: 3–5), including a few found in

Central Asia (fig. 3: 6–8), which are of identical shape and similarly decorated but larger than the ones from Gnezdovo.

For 14 items of the known 66 with various types of ornamental pattern, the composition of metal has been analyzed. The samples included those decorated by the pattern of symmetrical bunches of grapes. Most of the items analyzed were made from complex brass (an alloy with high contents of zinc). The character of this alloy as well as the 'non-local' symbolism of the decoration (grapes) suggest their possible provenience from some regions of Central Asia, Iran or northern India noted by manufacture of complex brass and the grape symbolism.

The hypothesis that particular Gnezdovo mounts may have been manufactured in the northern Caucasus has found so far no confirmation in the evidence we are aware of. These finds are dated to the period not later than the first half of the 9th century (fig. 4). On the contrary, in the late 1st – early 2nd millennium AD the decorations represented on Gnezdovo mounts were widespread in the East – from Central Asia to the trans-Baikal area (fig. 5).

Thus a number of finds certainly of south Siberian provenience, as well as their replicas, have been noted from Eastern Europe. Their comparison with the basic East European materials shows that the belt decorations imported from southern Siberia at the turn of the 1st and 2nd millennia had not influenced any appreciably the technology and artistic features of products of the manufacturing centres which served the needs of local populations (we leave out here the common-Turkic forms of many articles distributed widely throughout Eurasia). Hence we cannot consider any marked influence of south Siberian technological traditions for that period. In the second half of the 11th century, the situation of the predominance of belt mounts from non-ferrous metals in Eastern Europe began to change. Iron belt and harness fittings of characteristic forms, often decorated with inlays and silver applique work, appeared. The most numerous finds come from the Volga area. The emergence of objects of this kind in Eastern Europe is believed to be the result of Volga manufacturing centres having been influenced essentially by a south Siberian culture of the late 10th to 17th centuries known as the 'Askiz' culture.

The distribution of iron fittings with peculiar working techniques throughout southern Siberia reflects a change of technological traditions in these territories. From the end of the 10th until the middle of the 11th century, bronze articles were substituted almost completely for iron ones with the simultaneous establishment and distribution of techniques of inlaying and application.

It is believed that both the appearance of Askiz iron articles and dissemination of their local imitations in Eastern Europe since the middle and second half of the 11th century implied close contacts between Siberia and

Volga Bulgaria. As the technology itself of manufacturing objects of the 'Askiz' circle is concerned, this tradition was superimposed on local Volga traditions of working iron, resulting in certain novelty. Having introduced a fashion for such peculiarly decorated articles, this tradition came to be widely distributed. Unlike southern Siberia, however, the new technology had not displaced non-ferrous metals completely in Eastern Europe. Moreover, some bronze parallels of Askiz iron articles have been noted from the Volga area.

Thus studies of south Siberian imports in Eastern Europe of the 10th–13th centuries showed that episodic penetration of south Siberian bronze articles in the middle of the 10th – the second half of the 11th century resulted in no technological innovations in Europe. On the contrary, from the middle and second half of the 11th century, the appearance of south Siberian iron articles of peculiar work entailed considerable technological changes in Eastern Europe that implies the existence of active and continuing contacts.

Этапы освоения Русского Севера и развитие кожаного ремесла

А.В. Курбатов¹

Заявленная в названии статьи тема до настоящего времени не ставилась, вероятно, по причине отсутствия *материалов* – и письменных, и археологических. Выделение среди археологических находок в городах средней полосы России специфических конструкций и форм кожаных изделий, характерных для народов Севера, представлялось исследователям делом будущего. Однако уже сейчас в городах северо-запада России зафиксированы единичные предметы, которые по покрою, манере шивания и орнаментации сопоставимы с изделиями аборигенов Севера. Последние хорошо известны по работам этнографов и по археологическим раскопкам последнего времени. Материальная культура народов полярной области показывает наиболее полное и рациональное приспособление всех средств жизнеобеспечения к существованию в экстремальных условиях. Ограниченность ресурсов и возможностей привела к выработке своеобразных приемов обработки подручных материалов и к выработке совершенных и оригинальных форм бытовых изделий и промысловых орудий. Типологизация находимых археологами на Севере специфических изделий облегчается постепенным расширением круга исследованных памятников. Кроме того, орудия древних жителей, во многих случаях, сохраняются без изменений в XIX – первой половине XX в. и их употребление зафиксировано этнографами. Массовый кожаный материал может служить основанием для этносоциальной характеристики носителей, что есть показателем несомненных межрегиональных контактов. Работы историков и археологов подтверждают, что костюм, изготовленный в определенной социальной среде – с учетом географических и хозяйственных факторов – достаточно устойчив в рамках конкретного социума и природных условий. Люди привычные к определенной одежде и обуви, видимо, будут склонны носить ее и в других местностях, по крайней мере, до полного износа.

В отечественной литературе возможность этносоциальной атрибуции отдельных форм обуви в средневековых комплексах впервые рассматривалась Е.И. Оятевой. По ее мнению, одна из пар туфель, найденных в погребении в ладье из Осебер-

га, которое по последним данным датируется 834 г. (Bonde 1994: 138–140), отражает этническую принадлежность умершей женщины к роду Инглингов (Оятева 1975: 132). В другом случае, разбирая коллекцию кожаных предметов из раскопок Белоозера, Е.И. Оятева предположила, что встреченные здесь поршни, в отличие от мягких туфель, могли использоваться преимущественно жителями финно-угорского происхождения. В свою очередь туфли, распространенные довольно широко в городах Восточной Европы, а также в центрах Западной и Северной Европы, для древнерусских земель являются признаком славянского населения, расселившегося в районе Белоозера (Оятева 1973: 204). Сама идея выделения отдельных видов обуви, принадлежащих определенным региональным и этническим группам древнего населения, весьма плодотворна, однако высказанные ранее предположения по данной теме не всегда объективны из-за недостатка информации (Курбатов 1995: 49–51).

Коллекции кожаных изделий из разных городов и регионов Восточной Европы, полученные при археологических раскопках, входят в научный оборот в 80-е и 90-е годы XX в. И здесь, на фоне стандартизованной продукции, появляются единичные вещи, сопоставимые с изделиями народов Севера. Это, например, «составной поршень» из слоев XVI–XVII вв. Старой Ладоги (Оятева 1965: 52, 54, рис. 4; 2: 5: 3). Поршень состоит из трех деталей: основной, закрывавшей подошву и пятку, вшивного треугольника, закрывающего верх пальцев, и полосы кожи длиной около 55 см и шириной 4–5 см для боковин (рис. 1). В последней детали, охватывавшей весь периметр верха, были сделаны регулярные вертикальные прорезы (около 1 см) для оборы, отстоящие друг от друга на 1,5 см. Все детали сшивались нитками: носок – тачным швом, утопленным в наружной подрезке, а задник и полоса по верху – выворотным швом.

Вторая модель найдена в Орещке в заполнении канала между церковью Иоанна Предтечи и Офицерским корпусом и датирована XVII в. (ГМИЛ, О69/2375) (Кирпичников 1980: 91). Здесь также имеется основная деталь, составлявшая подошву и часть верха и закрывающая пальцы, а также вшивная треугольная деталь, закрывающая пальцы и подъем (рис. 2: 7). В конструкцию также входят две одинаковые полосы кожи шириной 4–4,5 см, закрывающие пятку и боковины стопы.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

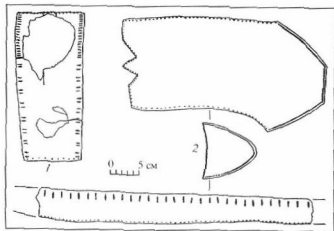

Рис. 1. Раскрой поршей XVI–XVII вв. из раскопок в Старой Ладоре (по Е.И. Оятевой)

Fig. 1. Cutting of porshens of the 16th–17th century from excavations in Staraya Ladoga (according to E.I. Oyateva)

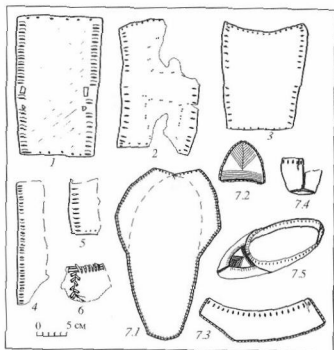

Рис. 2. Раскрой поршей из раскопок в Орешке

Fig. 2. Cutting of porshens from excavations in Oreshek

Интерес представляет форма основной детали – вытянутая, с сильным расширением в передней части. Носок обуви шит выворотным швом, другие детали – тачным. Треугольная вставка в носок декорирована линованием из параллельных полос, скользящих под углом к продольной оси носка (Кильдошевский, Курбатов 1997: 276, 278, рис. 2: 7). Возможно, эта модель отражает вкусы карело-финского населения региона, хотя в манере раскроя и сборки виден производственный опыт русских городских сапожников. Видимо, близкой к

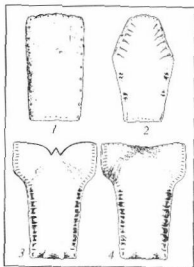

Рис. 3. Схема раскроя поршня из раскопа на ул. Ленина в Пскове (по Е.С. Зубковой)

Fig. 3. Scheme of cutting of a porshen from excavation in the Lenin Avenue in Pskov (according to E.S. Zubkova)

названным моделям была и обувь первой половины XVII в., найденная среди остатков русской полярной экспедиции на берегу залива Симса (Якунина 1951: 179, табл. X: 6).

Подобные же два поршня, схематично показанные на рисунке, встречены в раскопках на ул. Ленина в Пскове. Они отнесены к XIV–XV вв., видимо, только по стратиграфической привязке (рис. 3). Их раскройки представляют в основе прямоугольник, но с сильным расширением в носке. На одной раскройке имеется и треугольный вырез, закрывающий стык краев в носке (Зубкова 2004: 129–130, рис. 1: 3, 4). Также на ул. Ленина, в раскопках 1989 г. найдена мягкая низкая обувь иного вида, состоящая из двух деталей (ПГОМЗ, ПЛ-89-ХI, О-25-233–11, № 232). Основная деталь, размерами 26 × 13 см, по форме близка прямоугольнику со скругленным носком и с задником, разделенным надрезами на три части. Она напоминает раскройку поршня (рис. 4: 3, 6). Крайние полуотрезные клапаны на заднике при шивании накладывались на средний, образуя задник высотой около 4 см. Дополнительная деталь, по форме близкая к лолукружности, пришивалась сквозным вертикальным швом на носке и закрывала пальцы и подъем стопы. Особенности раскроя придают обуви уникальный характер, но в то же время они выдают непрофессиональный «стиль» раскроя и сборки. При ношении, с учетом сшитой пятки, носочный шов располагался над поверхностью почвы, что считается характерным признаком пошива обуви у народов Севера. А манера сборки пятки сближает псковскую находку с обувью из Мангазеи. Кроме того, рационализм северных конструкций виден и в минимальном

числе деталей. Двудетальную лсковскую обувь можно датировать XVII–XVIII вв., учитывая нахождение в том же квадрате на уровне пласта 23 подошвы с клеем в виде круглых отгисков «звездочек» на нижней поверхности под сводом стопы (ПГОМЗ, ПЛ-89-ХІ, О-23-233–13, № 186). В русских городах клема на обуви, судя по раскопкам в Москве, можно датировать второй половиной XVII–XVIII вв. (Осинов 2003: 26–28). В странах Западной Европы и в Скандинавии клеменная обувь появляется, по-видимому, в первой половине XVII в. (Swann 2001: 120–121).

Отмеченные модели в целом единичны для русских средневековых городов. Они могут указывать на временное присутствие в этих центрах отдельных представителей или русских насельников Севера, присяжавших на северо-запад. Такие предметы встречаются только в слоях и комплексах не ранее XV–XVI вв. Элементы конструирования и способы сшивания такой обуви можно сопоставлять с археологическими и этнографическими данными по культуре заполярного населения Евразии. В частности, они описаны у саамов Скандинавии XVIII в. и у самодийских народов Русского Севера (рис. 5). Можно отметить некоторые черты северных моделей. Для ладожского «составного поршня» – это вырезы «углом» на заднем обрезе основной детали, оставляющие два боковых клапана и треугольный язычок посередине, а также треугольная деталь, закрывающая пальцы. Кроме того, пришивание боковин в виде полос шириной 5–6 см встречено в материалах раскопок О.В. Овсянникова в Пустозерске (Курбатов 2003: 226–227, рис. 1, 2). По этому признаку сравнима и двудетальная обувь из Пскова. Деление пятки полутрезамы на три части встречается в примитивной обуви VIII–X вв. в Ирландии (Heikinmaki 1975: kuya 1: c; 2: a, 6; 3), у саамов Норвегии и в этнографических материалах народов Сибири (Василевич 1963, табл. XXXV: 2–12; 4 а, б). Важная треугольная деталь на обуви из Старой Ладogi и Орешка также характерна для поршневидных моделей северных народов. Такая же деталь в конструкции постол XIX в. отмечена в Эстонии (ИЗАП 1986: 144–146, рис. 127).

Мангазейские поршни первой половины XVII в. всех трех групп имеют конструктивное своеобразие, позволяющее сопоставлять их с «составными поршнями» Старой Ладogi и Орешка. На боковых обрезках у них были сделаны короткие парные прорезы для нитяного шва (стяжки), что предполагает подшивание верха – кожаного, войлочного или мехового. На переднем крае выкраивался язычок, сшитый тачным швом, а на заднике делались полутрезные клапаны, соединенные тачным швом и «в наклад» (Курбатов, Овсянников 1999: рис. 1: 6.3). Близкий способ зашивания пят-

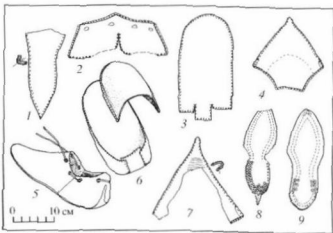

Рис. 4. Детали и реконструкции обуви из раскопок на ул. Ленина в Пскове

Fig. 4. Parts and reconstructions of footwear from excavation in the Lenin Avenue in Pskov

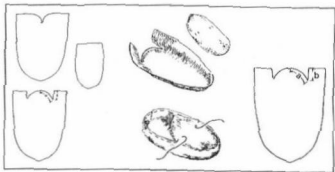

Рис. 5. Формы раскроя обуви из целой шкуры (Hald 1972: fig. 206)

Fig. 5. Types of cutting of footwear from a single hide (Hald 1972: fig. 206)

ки для мягкой однодетальной обуви встречался в примитивных конструкциях северных народов Европы, например в Норвегии у саамов, но, видимо, нехарактерен для их южных соседей. В опубликованных коллекциях из Финляндии, Швеции, Эстонии, Исландии он не отражен (Hald 1972: 168–200; Heikinmaki 1975). Надо полагать, при освоении Заполярья русское население перенимало элементы быта аборигенов, связанные со спецификой существования в экстремальных условиях, но привнесло свою технику и технологию в кустарные ремесла, что проявилось здесь в особом раскрое обуви. Таким образом, можно считать, что мангазейские находки, большая часть которых пошита в технике, принятой в городах средней полосы России в XVI–XVII вв., видимо, отражают приспособление русских традиций пошива обуви к специфическим условиям евразийской тундры.

Проблема русской колонизации Севера в отечественной историографии обсуждается почти пол-

тора столетия. В 1970-х гг., когда в этот диалог включились археологи, в исторической науке уже сложилось представление об особенностях освоения Севера в древнерусское время (Макаров 1997: 8–10). С.Ф. Платонов в работах 1920-х гг. подробно обосновывал идеи В.О. Ключевского и разделил колонизационный процесс на два этапа: ранний – промысловый и поздний – земледельческий. В работе А.Н. Насонова, построенной на широком привлечении письменных источников, подробно прослежена хронология новгородского освоения Севера. Начало проникновения новгородцев в Белозерье он относил к XI в., а появление ростовцев в Заволочье – к 40–60-м гг. XII в. (Насонов 1951: 93, 104). Следующий этап изучения вопроса связан с работами М.В. Витова по средневековому сельскому расселению и исторической географии Севера. Они базируются на сопоставлении письменных источников с данными этнографии, топонимики, диалектологии и археологии. Главным источником информации служили писцовые книги конца XV–XVII вв. и результаты антропологического анализа 84 локальных групп современного русского населения северных областей. По мнению М.В. Витова, массовая русская колонизация Заонезья началась не ранее XIV в. и завершилась к концу XV в. (Витов, Власова 1974: 182, 189). Таким образом, к началу систематических археологических исследований на Русском Севере сложилось определенное понимание характера колонизации. С одной стороны – колонизация в виде расселения, а с другой – в форме расширения давнишних отношений, последняя опиралась на военную силу. Многолетние археологические исследования древнерусских памятников в Белозерье и Поонежье привели Н.А. Макарова, в частности, к ценным палеоэтнографическим наблюдениям. На ранних этапах русская колонизация «далних» территорий сдерживалась сельскохозяйственным фактором. Устройство стабильных поселений на Севере предполагало их обеспечение продуктами, что было возможно только там, где природные условия позволяли создать сельскохозяйственную базу для постоянных поселений (Макаров 1997: 163). Это, в свою очередь, указывает на сохранение привычного для средневековой полосы способа обеспечения продуктами питания и предметами быта. Сохранение привычного режима питания и жизнеобеспечения было вполне возможно в области Русского Севера. Позднейшее проникновение и закрепление русского населения в Заполярье постепенно привело к смене привычных жизненных стереотипов.

Различные этапы колонизации и контактов новгородцев с аборигенами Севера отражают разнообразные находки в городах северо-западной Рос-

сии. В Новгороде археологи нашли достаточно много рогового сырья, что говорит о его тесных торговых связях с полярными областями, входящими в зону влияния Новгородской республики. На Троицком раскопе найдены зубы и кости мамонта, клыки и кости моржа, а также рога северного оленя, составляющие среди плотного рога на раскопе 6,3%. Основная масса предметов происходит из слоев XIII–XIV вв. (Смирнова 1995: 122–123). Клык моржа или «рыбий зуб» добывался охотниками в Северном море в районе Мезеня, у острова Вайгач, у Новой Земли, Мурманского берега, у Шницбергена и устья Печоры. Проникновение новгородцев в эти земли начинается в XI в. В XII–XIII вв. там уже имелись крупные вотчинные владения новгородской знати. «Рыбий зуб» упоминают письменные источники XII–XIII вв. В Ипатьевской летописи под 1160 г. сообщается о дарах Ростислава Мстиславича Святославу Ольговичу, среди которых есть и «рыбий зуб» (ПСРД 1843, II: 86). Н. Аристов отмечал, что еще арабские писатели рассказывали предание о том, что с севера из земли веся и юры привозили в Булгар и затем в Хорезм зубы неизвестных животных, походившие на слоновую кость и продававшиеся по высокой цене (Аристов 1866: 29). По свидетельству византийского писателя XII в. Иоанна Тецца русскую резьбу по кости отличали высокие художественные достоинства, а работа некоего резчика из «русов» сравнима лишь с резьбой легендарного «Дедала». По мнению Л.И. Смирновой, археологические находки в Новгороде убедительно говорят о знакомстве новгородцев с «рыбым зубом» по крайней мере с рубежа X–XI в. Доля моржового клыка в составе сырья новгородских косторезов около 4%. На Федоровском раскопе Новгорода исследовательница отметила необычайно высокую плотность находок из моржового клыка, тогда как материалы европейских средневековых городов дают очень малое число предметов из этого сырья. Клык моржа в числе других экзотических материалов был очень популярным и ценился высоко как престижный материал и товар. Находки изделий из него связаны с жилищными комплексами, хозяев которых отличает очень высокий социальный статус (Смирнова 1998: 97–98). Следует подчеркнуть, что ни в одном древнерусском городе нет такого разнообразия и массовости изделий из моржового клыка в слоях XI – начала XV в., как в Новгороде. Здесь найдены гребни и рукоятки ножей, наверхия плетей и пуговицы, колушки и бусы, игральные кости и фишки, печати и даже вертлюги (Смирнова 1996: 70–73). Это подтверждает мнение О. В. Овсянникова, что до конца XV в. основные продукты для поморского моржового промысла поступали на рынок Новгорода Великого (Овсянников 1972: 31).

Названия кожаных изделий в источниках XVI–XVII вв. показывают широкий спектр терминов, привнесенных в русский язык. Из языков северных народов в него вошли слова, обозначающие обувь – «коты», «кисы», «лишты» («люнты»), «пимы», «уледы», «яры». Использование этих слов в тот период, вероятно, ограничивалось районами Русского Севера и Сибири, где бытовали специфические формы обуви. Позднее некоторые названия распространились на всей территории России, но они относились уже к иным видам обуви. Так, слово «коты», видимо, заимствовано из языка коми, где «kot» – это «обувь из одного куска кожи, валенки» (Фасмер 1996, II: 354). У русского населения Севера в XVII в. оно означало «вид теплой обуви, обувь с невысоким голенищем, башмаки, или вид опущенных женских башмаков» (Вахрос 1959: 115; СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 386). В XVIII в. «котами» называли «крестьянскую теплую обувь» (СлРЯ XVIII в. 1998, 10: 210), а в XIX в. этим словом обозначали любую кожаную обувь типа башмаков или туфель, преимущественно женскую, а также сапоги, валенки и даже лапти (СРНГ 1979, 15: 116). В «Атласе Архангельской губернии... 1797 г.» имеется самое раннее упоминание «люнт»: «Обувь нижняя, называемая люнты, служит им вместо чулков, а верхняя, именуемая лужи, употребляется вместо сапогов» (Ясински, Овсянников 2003: 373).

Перечисленные выше названия, как и сама обувь, были заимствованы русскими, вошли в русскую обиходную речь через тесное знакомство и перенимание образа жизни финнов, саамов, народов коми, ненцев (Фасмер 1996, II: 172, 499–500; III: 262–263; IV: 158; Подвысоцкий 1885: 197). По мнению И.С. Вахроса, именно в XV–XVII вв. северные диалекты великорусского языка восприняли новые термины, означающие различные виды промысловой и хозидальной обуви аборигенов, приспособленной к условиям Севера. Большинство их осталось за пределами бытовой лексики русского языка, и лишь некоторые известны литературному языку в специальных значениях (Вахрос 1959: 209–210). Это, например, «нюрики» – летняя кожаная обувь у карел (Фасмер 1996, III: 93) и «пяхкуи» – саамская обувь с коротким голенищем (СлРЯ XI–XVII вв. 1995, 21: 102). В обиходе русского населения севера появляется и специфическая саамская обувь – «каньги» – типа башмаков, сделанных из оленьих кобб шерстью наружу, с загнутыми носками. Первое упоминание их отмечено в расходной книге Корельского монастыря за 1587 г. (Вахрос 1959: 103–104). Позднее так стали называть на Севере и другие формы зимней обуви из оленьей шкуры (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 61).

Надо полагать, что отсутствие в русском языке этих названий в более раннее время не только от-

ражает недостаток письменных источников. И новгородская колонизация северных территорий в XI–XIII вв., и крестьянская колонизация Русского Севера в XIV–XV вв. оставались в основе перенесением в северные области привычных для русских традиций форм хозяйствования – земледелия, огородничества, животноводства. При этом сохранялись все основные приемы ведения хозяйства и жизнеобеспечения в целом. Дальнейшее проникновение, а главное – обживание русскими заполярных областей, привело к перениманию основ жизнедеятельности аборигенов, их системы выживания и самообеспечения. В обиход русских жителей Заполярья вошли и приемы изготовления одежды, обуви и других хозяйственных предметов, что и вызвало появление новых названий. Русские осваивали и местную технологию выделки кожи, распространяемую в XVI–XVII вв. и на северо-западе России. Писцовые, таможенные книги и иные документы показывают, что специальную обувь (по крайней мере, по названию) товарно шли на Русском Севере – в районах Пинеги, Мезени, Устюга, Вологды, Холмогор, откуда она попадала в Заполярье. В росписи товаров, проходивших через мангазейскую таможню в 30-е годы XVII в., названы юфти; дубленая и сырмятная кожи; кисы оленьи, лосиные, конинные; камусы оленьи и лосиные; коты, переды котовые; сапоги мужские, женские, переды сапожные; подошвы дубленые, скелоты подошвенные; башмаки и необходимые для промыслов лыжные уледы. Из одежды отмечены рукавицы – голицы и материалы для кожаного и сапожного ремесел – воск, гвозди, кобы сапожные, шпилья (Белов, Овсянников, Старков 1981: 90–92, табл. XVIII). В то же время в русский язык прочно входит слово «ровдуга», происходящее от саамского «равва», «ровва» – цельная оленья дубленая шкура с волосом, одеяло из оленьего меха, с мешком для всовывания ног. В русском языке слово «ровдуга» имело значение «замша из оленьей кожи» (Фасмер 1996, III: 488), вероятно, выделенная особым способом, характерным для северных народов.

Видимо, с конца XVI в. в русской речи становятся обиходными и другие специфические наименования, заимствованные из языков народов Севера. Например, «калга» – оленья шкура с шерстью, а также оленья шкура, подбитая на лыжах для уменьшения обратного скольжения. Слово встречается в источниках первой половины XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 34). В близких значениях выступает и одновременное ему слово «камас», «камос», «камьс» – шкура с голени оленя, лося, изюбра и т. п., идущая на изготовление рукавиц, обуви, подбитую лыж, а также изделия из такой шкуры (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 40, 51; Вахрос 1959: 101–102). «Кисы» – другое наименование

шкурки с оленьих (лосьиных и т. п.) ног, а также и сапожки из оленьей шкуры мехом наружу (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 141).

Учитывая мнение историков о двух этапах освоения Севера, а следовательно, о различных стадиях контактов русского и аборигенного населения, *надо полагать, что перенимание русскими местных элементов материальной культуры и соотносимых с ними названий, относится к более поздней стадии контактов. Его даже можно выделить в отдельный – третий – этап адаптации к экстремальным условиям существования в приполярной зоне. Слова северного происхождения, обозначающие обувь и другие кожаные изделия, с XVI в. появляются в письменных источниках в большом количестве. Это связано не только с увеличением объема письменных документов, сохранившихся с того времени. Колонизационная практика московского государства, проходившая синхронно с аналогичными процессами в Европе, вела к освоению русскими людьми Севера – нового, непривычного им жизненного пространства, и приспособлению их к новым формам хозяйства. Этот процесс проникновения и закрепления русских в Заполярье отмечен основанием в конце XV в. крупных торговых баз, например Пустозерска в 1499 г. (Янчинский, Овсянников 2003: 99–102). Дополнительно можно отметить, что предлагаемая периодизация совпадает с периодизацией В.Ф. Старкова, который в своих работах рассматривает освоение не только восточноевропейского, но и сибирского сектора Арктики. Исследователь выделяет три этапа: первоначальное проникновение и установление даннической зависимости коренного населения (с IX по XIII–XIV вв.); стихийную колонизацию региона и развитие арктического мореплавания (XV–XVI вв.); преобладание государственного или централизованного подхода к освоению арктических регионов Сибири – с 1601 г. (Старков 1995: 130–134).*

Именно с этим третьим этапом освоения Севера и надо связывать перенимание северных специфических приемов обработки кожи, разделение кож на «красные», то есть «краснодубные» и «белые», выделанные приемами жирового дубления. Среди товаров появилась «замша», первоначально называемая «мячиной». Само слово «замша» в словосочетании «замшенный кордован» впервые отмечено в Морском Уставе 1724 г. Оно могло быть заимствовано через польский язык («zamsz»), из средневерхне-немецкого «saemisch leder» и восходило к французскому chamois – «серна, кожа серны» (Фасмер 1996, II: 77). В Скандинавии «саамская» кожа впервые упомянута во второй половине XVI в. Среди имуществва принца Джона в Турку в 1563 г. отмечены шесть пар башмаков, из них четыре – из кордуана, а пятая – из «samsk» кожи. Это могла быть новомодная замша, впервые названная словом

«part» в отчетах королевы Елизаветы 1567 г. «Samsk» обычно переводят как замшевая кожа, которую в Швецию выделывали в основном из оленьей или «тоооо» шкуры. Она была много толще и жестче, чем позднейшая «chamois». Оленью кожу могли выделывать на замшу («suedew»), как это отмечали английские источники того времени. По мнению Юне Свави, в XVII в. замша становится самым популярным кожаным материалом для обуви. В это же время широко применяется и «русская кожа», под которой надо понимать прочный краснодубный товар, называемый на Западе юфтью (Курбатов 2004: 13–14). Кроме сорта кожи, в Скандинавии с XVII в. отмечается и распространение специфических саамских форм обуви, прежде всего в армии (Swann 2001: 88, 102, 105, 116–117).

«Мячину» в основном упоминают источники, происходившие с Русского Севера и Северо-Запада, в частности из Каргопольского, Вирского, Тихвинского монастырей и др. Из них видно разделение кож на дубленые и обработанные на мячину. Мячинные кожи не связаны с определенным сырьем, а могли быть опойками или небольшими конскими шкурами. Многие источники говорят о «мячинных» кожах, но редко называют изделия из них. Известно, что мячина шла на обувь – уледи (СлРЯ XI–XVII вв. 1976, 3: 243; 1980, 7: 277; 1982, 9: 353). В источниках XVI–XVII вв. отражены и сходные с мячиной названия, которые филологи считают сортами кожи, отличной от краснодубной. Например, «мякотные» кожи трактуются как замшевые и упоминаются в документах по Русскому Северу, в том числе, со специфичными северными названиями обуви и одежды: «(1641) Четверы рукавицы вареги уледи мякотные». «Мятильные» кожи считают сыромлятыми, а термину «мякотный» дается расширительное значение – «выделанная шкура овцы или козы, замша, сафьян», а также «способ выделки мягких кож» (СлРЯ XI–XVII вв. 1982, 9: 343).

В то же время в России бытовало и другое название замши – «ирха», отмеченное источниками со второй половины XVI в. (СлРЯ XI–XVII вв. 1979, 6: 248–249), но, скорее всего, известное еще в древнерусское время. Оно было заимствовано в русский язык из средне-верхне-немецкого «irch» в значении «тонкая белая дубленая кожа» (Фасмер 1996, II: 139).

С освоением Русского Севера и Сибири в XVI–XVII вв. связано появление валяной (войлочной) обуви. Войлок – это плотный материал, изготовленный путем валяния, сбиания шерсти. Он почти повсеместно вырабатывался на Руси старинным способом из шерсти различных животных, в том числе коров. «Короветина» – коровья

шерсть, зафиксирована источниками XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 334–336). Слово «войлок» вошло в русский язык из тюркских или других восточных языков в XVI в. (раннее упоминание в 1551 г.) и первоначально употреблялось только в значении потника, подкладываемого под седло. Это отмечает и ранний список Домостроя: «попоны и воилки и седла» (Черных 1994, I: 162). Шведский дворянин Иоганн Кильбургер, будучи в России в составе посольства в 1674 г., составил записку о состоянии торговли страны, где отметил и производство войлоков. «Войлок наилучший делается в городе Калуге на Оке, и в Москве на «гостином дворе» всегда можно найти большие партии его. Русские, татары и казаки носят непромокаемые плащи из войлока и они не сбавляют седел волосом, но кладут под них только войлок» (Курц 1915: 102, 280). При Петре де Эрлезуиде, современнике Смуты, в Торжке «делались хорошие войлочные накладки, также как и в других местах этого края». В Козельске также выделывали «прекраснейшие войлочные накладки из шерсти разных цветов», что подтверждает и Рейтенфельс (Эрлезуида 1865: 33, 46; Рейтенфельс 1997).

Первое по времени упоминание войлочных сапог встречается в приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 г.: «Купил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын». Следующая найденная в книгах Богородицкого Важского монастыря за 1631 г.: «Сапоги войлочные да другие дубленные» (СлРЯ XI–XVII вв. 1975, 2: 310; 1987, 12: 190). В XVIII в. в Сибири валенки, вероятно, были уже привычной обувью русского населения (Сл. диал. Сиб. XVII–XVIII: 104). В Европейской России валенки широко распространились в начале XIX в. и были обувью зажиточных крестьян, их надевали только по праздникам (белые вышитые валенки). К ним относились как к большой семейной ценности. В конце XIX – начале XX в. валяная обувь получила повсеместное распространение, в том числе и в городах. Она стала основной зимней обувью русских крестьян Европейской России и соперничала с меховой обувью у русских Сибири (Соснина, Шангина 1998: 40). В Сибири в XIX в. бытовали «митенки» – валенки с короткими голенищами (СлРГС 2001, 2: 279), вероятно, это слово происходит от названия войлочного потника – «митюк», известного с XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв. 1982, 9: 182; СлРНГ 1982, 18: 178).

В XVII в. русские переняли у аборигенов название «котью». Они приспособили эту обувь к суровому климату Русского Севера и Сибири, используя свою технику, материалы и традиции изготовления. «Котью» – это вид теплой обуви – невысокие сапоги или башмаки (кожаные и войлочные) иногда с опушкой, носимые не только в Сибири, но и

в средней полосе Европейской России (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 386). У карел и саамов (лопарей) русские заимствовали «кенги» или «кеньги» – зимнюю обувь из меха или войлока. Название происходит от финского «kenka», карельского «kenga» или эстонского «keng» – «башмак, ботинок» (Фасмер 1996, II: 223). По словарю А.О. Подвысоцкого – это обувь, надеваемая у лопарей под яры, вроде башмаков или кашош, с загнутыми вверх носками (Подвысоцкий 1885: 62). Первое упоминание их найдено в расходной книге Корельского монастыря за 1587 г. В Словаре Академии Российской 1792 г. слово означает «обувь типа котов – башмаков из коровьих или телчьих кобб, шерстью наружу» (Вахрос 1959: 103–105), но в дальнейшем название перешло и на валенки (СлРГС 2001, 2: 57).

Другое новое явление в материальной культуре Московской Руси, проявившееся с рубежа XV–XVI вв., менее определено можно связывать с традициями Севера. Это использование бересты в качестве прокладок в кожаной обуви. В средней полосе России береста, видимо, не использовалась в обуви во второй половине XV в. (Курбатов 2004б), но стала постоянным компонентом обуви на Северо-Западе в первой половине XVI в. (Курбатов 1991). Кроме того, именно в комплексах XVI в. достоверно появляются формы берестяной обуви – лапти (Курбатов 2001). Конечно, последнее связано с обнищанием населения Центральной России во второй половине XVI в., в эпоху репрессивной стратегии правления Ивана Грозного, но не исключено, что тесное соседство с аборигенами Заполярья и Сибири привело к перениманию многих черт быта. Изучение могильников русского населения Западной Сибири также показывает широкое применение в обуви берестяных вставок и прокладок (Малиновский 1995: 117–124).

Выводы. Первоначальные торговые контакты населения различных культурных зон, по мнению Юне Сванн, предвзяли более тесное культурное проникновение на Север. Эти наблюдения сделаны на материалах кожевенного производства в Скандинавии, но в полной мере применимы и к Русскому Северу. Длительный период торговые контакты были односторонними – инициатива принадлежала новгородцам, и аборигены Севера не появлялись в русских городах. Положение меняется к концу XV в. Жители полярных областей становятся подданными московского царя и могут, по случаю, появляться в центральных областях России, в первую очередь, в городах северо-запада – в Новгороде, Пскове, Орешке, Старой Ладоге. Здесь их могли встречать и иностранцы. С. Герберштейн писал о лопарях, что «они носят самодельное платье, шитое из шкур разных зверей, и в таком виде иногда являются в Московно; весьма

немногие, впрочем, носят обувь и шапки, сделанные из оленьей кожи» (Герберштейн 1988: 203).

С новыми типами кожаной обуви, в особенности изготовленной из шкур с ног оленей, досей и других животных, русские познакомились у народностей, заселявших северные области Новгородской земли. Выходцы преимущественно из Новгородской земли были первыми великороссами, заселившими приполярные области. К XV в. все побережье Белого моря было усеяно русскими поселениями, а в последующем столетии началось освоение «далних землиц» в Сибири. На Севере русские были втянуты в орбиту влияния арктических хозяйственно-культурных типов деятельности, перемая и новое материальное обеспечение. Как считал И.С. Вахрос, в холодном климате обувь значительно многообразнее, чем в умеренном. Обувь аборигенов Севера была развитой и предельно целесообразной, что и повлияло на костюм русских. Оказавшись в новом окружении, они перенимали у коренных «примитивных» жителей и формы обуви, и их названия (Вахрос 1959: 53–54). Собирая исторические сведения о русских допарях, Н.Н. Харузин опирался на записки иностранцев, посетивших русскую Арктику в XVII–XVIII вв. По их наблюдениям, костюм русских допарей «несколько отличается от костюма скандинавских... На ногах летом носят шоренки, так сказать, туфли из оленьей или другой кожи, без каблуков; в них, так же как и в коматеры, набивают травы, поски, как и у коматеров, заострены и приподняты вверх» (Харузин 1890: 92). Датчанин П. Де-Ламантьер, бывший в 1653 г. на Печоре и в низовьях Оби, так описывал внешний вид аборигенов: «Платье их состояло из очень узких штанов и из камзола до колен, из чулок и шапки – все из шкур белых медведей, шерстью вверх и из башмаков из древесной коры (лапти)». Но он же отмечал и ношение там русских сапог с подковками, а москвиты сами носили вполне европейское платье польского покроя (Де-Ламантьер 1911: 46, 60, 70).

Аристов 1866 – Аристов Н.Д. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Белов, Овсянников, Старков 1981 – Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. II.

Василевич 1963 – Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. М.; Л., 1963. Т. XXI. С. 3–64.

Вахрос 1959 – Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. Хельсинки, 1959.

Витов, Власова 1974 – Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.

Герберштейн 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Зубкова 2004 – Зубкова Е.С. Предварительные итоги изучения коллекции кожаных изделий из раскопов на ул. Ленина в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2004. С. 123–136.

ПСРП 1843 – Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. Т. II.

ИЗЭП 1986 – Историко-этнографический атлас Прибалтики. Олонец. Рига, 1986.

Кильдюшевский, Курбатов 1997 – Кильдюшевский В.И., Курбатов А.В. Кожаные изделия средневекового Орешка // Памятники Старины. Концепция. Открытия. Верси. СПб., 1997. Т. 1. С. 270–280.

Кирпичников 1980 – Кирпичников А.Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.

Курбатов 1991 – Курбатов А.В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по скарпкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 71–77.

Курбатов 1995 – Курбатов А.В. К вопросу об этно-социальной принадлежности кожаных предметов (по находкам в городах северо-запада России) // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 49–51.

Курбатов 2001 – Курбатов А.В. К истории лапта на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАВ. Тверь, 2001. Вып. 4. Т. II. С. 225–233.

Курбатов 2003 – Курбатов А.В. Кожаные предметы из Пустозерска // М.Э. Ясинский, О.В. Овсянников. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 225–243.

Курбатов 2004 – Курбатов А.В. Коженинное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Курбатов 2004б – Курбатов А.В. Комплекс раннесредневекового времени с Затымского посада г. Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50-го научного семинара. Псков, 2004. С. 268–282.

Курбатов, Овсянников 1999 – Курбатов А.В., Овсянников О.В. Изделия коженного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. СПб., 1999. № 6. С. 245–271.

Кури 1915 – Кури Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Де-Ламантьер 1911 – Де-Ламантьер П.М. Путешествие в северные страны. М., 1911.

Макаров 1997 – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1977. Скрипторий.

Малиновский 1995 – Малиновский В.Е. К вопросу о реконструкции позднесредневековой обуви по материалам Бараньинской лесеции // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 117–124.

Насонов 1951 – Насонов А.Н. «Русская земля» и образованные территории Древнерусского государства. М., 1951.

Овсянников 1972 – Овсянников О.В. О торговле «рыбьим зубом» в средневековой Руси (XV–XVII вв.) // Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы докладов к симпозиуму. Л., 1972. С. 30–31.

Осипов 2003 – Осипов Д.О. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2. С. 17–30.

Оятева 1965 – Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 42–59.

Оятева 1973 – Оятева Е.И. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

- Оятева 1975 – Оятева Е.И. Осбергская обувь (Опыт исторического исследования) // Скандинавский сборник. Таллин. 1975. Т. XX. С. 125–133.
- Подвысоцкий 1885 – Подвысоцкий А.О. Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885.
- Рейтенфельс 1997 – Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., С. 231–406.
- Рыбина 1993 – Рыбина Е.А. О содержании берестяных грамот с географическими названиями // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 344–347.
- СарНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1979. Вып. 15. Л., 1982. Вып. 18.
- СЛРС 2001 – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 2001. Т. 2.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2; М., 1976. Вып. 3; М., 1979. Вып. 6; М., 1980. Вып. 7; М., 1982. Вып. 9; М., 1987. Вып. 12; М., 1995. Вып. 21.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1998. Вып. 10.
- Сл. диал. Сиб. XVII–XVIII – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
- Смирнова 1995 – Смирнова Л.И. Состав сырья косторезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 114–129.
- Смирнова 1996 – Смирнова Л.И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 70–80.
- Смирнова 1998 – Смирнова Л.И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотином конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 94–109.
- Соснина, Шангина 1998 – Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.
- Старков 1995 – Старков В.Ф. Периодизация освоения русскими Крайнего Севера, Восточной Европы и Азии // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 130–138.
- Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб., 1996. Т. I–IV.
- Харузин 1890 – Харузин Н.И. Русские лопари. М., 1890.
- Черных 1994 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1994. Т. I–II.
- Эрлезунда 1865 – Эрлезунда Петр Петрей, де. История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. М., 1865. Кн. 4. Отд. 4.
- Якунина 1951 – Якунина Л.И. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фадлея и на берегу Спмса. Л.; М., 1951. С. 179–186.
- Ясински, Овсянников 2003 – Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.
- Bonde 1994 – Bonde N. De norske vikingeskibgraves alder // Nationalmuseets Arbejdsmark. København, 1994. P. 128–146.
- Hald 1972 – Hald M. Primitive Shoes. Copenhagen, 1972.
- Heikinmaki 1975 – Heikinmaki M.-L. Koipikengät // Suomen Museo. Tapiola, 1975. Vol. 82. P. 77–105.
- Swann 2001 – Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

Stages of Settlement of Northern Russia and the Development of Leather-Dressing Handicrafts

A.V. Kurbatov

New archaeological finds of leather footwear of the 15th–17th centuries in towns of north-western Russia suggest the appearance here of aboriginals from the north. In Staraya Ladoga, Oreshek and Pskov, *porshens* (kind of leather sandals) of a peculiar cutting have been uncovered in late medieval layers. Their shape and features of cutting and sewing resemble archaeological and ethnographical types of footwear of Arctic peoples. Their emergence in north-western Russian towns implied that a qualitatively new stage of occupation of

northern lands by Russian population was taking place. The formation of the Muscovite state opened a new phase in the development of vast regions of Arctic and Siberia and changed the character of Russian colonization of this territory. The Russians were being adapted to the unusually severe climate and adopting new forms of subsistence and economic activities. These historical changes have been reflected in the enrichment of the Russian lexicon with words borrowed from the languages of Arctic peoples.

Актуальные проблемы археологии

Новая датировка кармирбердской культуры Кавказа

К.Х. Кушнера (†)

Настоящая статья является продолжением исследований одной из фундаментальных проблем кавказоведения, осуществленных как непосредственно автором (Кушнера 1985; 1993а, б; 1995; 1998; 2003), так и в соавторстве с М.Б. Рысиным (Кушнера, Рысин 1996; 2001). Проблема эта связана с пересмотром систематизации и хронологической периодизации накопленного на Кавказе огромного материала и сопоставления последнего с переднеазиатскими аналогиями, имеющими надежно обоснованные даты.

Подведение прочной основы под хронологическую позицию двух этапов «дарских» погребений бедено-триалетской общины (БТО) явилось существенным вкладом в начало переосмысления хронологии и периодизации среднебронзовых культур кавказского региона (Кушнера, Рысин 1998; 2000; 2001). В результате были установлены приоритеты связей их носителей в разные хронологические периоды. Вместе с тем полученные результаты с еще большей остротой высветили те лакуны, которые оставались вне поля зрения исследования кавказоведов. Одной из таких лагун сегодня является уточнение времени развития и особенностей кармирбердской культуры (КБК), чему и посвящена настоящая статья.

Согласно новейшим данным, эпоха средней бронзы Южного Кавказа начинается примерно со второй половины III тыс. до н.э. Известно также, что в течение восьми-деяти столетий, вплоть до эпохи поздней бронзы на изучаемой территории бытовало несколько среднебронзовых культур. В южной зоне Закавказья расположились десятки однотипных памятников, которые в результате систематических раскопок могильника Верин-На-

вер и их сопоставительного анализа с другими объектами (Симонян 1977; 1979; 1982; 1983; 1984а, б; 1987; 1990; 2000) были прочно объединены в понятие «кармирбердская культура». Все комплексы КБК на первом этапе локализируются в междуречье Куры и Аракса, ограниченном с запада рекой Ахурьян, с востока – рекой Акстаф. Наибольшая их концентрация наблюдается в Араратской долине и на склонах горы Арагац. Как будет показано в дальнейшем, границы территории КБК со временем расширялись. Очерченная первоначальная территория включает зоны речных долин, предгорий и гор отрогов Малого Кавказа.

В связи со сказанным необходимо вернуться к пересмотру культурно-хронологической интерпретации севано-узерликской среднебронзовой группы погребений (Кушнера 1983; 1985; 1993а; 151; 1993б; 1997; 129). Новая интерпретация стала необходимой в первую очередь в связи с раскопками четко стратифицированного поселения Узерлик-тепе на участке Мильской степи, примыкающем с востока к предгорьям Карабаха (Кушнера 1957; 1959; 1965), а также в связи с исследованием нескольких погребений могильника Верин-Навер, в которых вместе с типичными для кармирбердского гончарного производства расписными сосудами неожиданно оказались также расписные горшки и миски, но декорированные в ином стиле; цветовая гамма у них идентична – на красном фоне черная роспись, однако элементы росписи разные. Если на кармирбердских горшках и мисках мы видим широкие расписные «пояса» с четко повторяющимися элементами-методами, заполненными шашечным узором, «бабочками», «песочны-

ми часами», косыми сетками, то на другой (севано-узерликской) посуде традиционно рисовались волнистые линии и заштрихованные ромбические фигуры, соединенные в висящие гирлянды (Симонян 1984а; 1990; Кушнарёва 1993а: 151). Вторая особенность этих закрытых комплексов заключалась в том, что в погребениях с расписной посудой обоим стилям находились абсолютно идентичные чернолощенные сосуды, декорированные различными фигурами, нанесенными гребенчатым штампом. Точно такое же совмещение расписных сосудов с ромбами и чернолощенных, украшенных «шагающей гребенкой», в свое время было прослежено К.Х. Кушнарёвой во время раскопок верхних слоев поселения Узерлик-теле (Кушнарёва 1965: рис. 58).

Существование кармирбердской и севано-узерликской керамики также четко подтвердилось их совместным обнаружением во втором средне-бронзовом слое стратиграфического раскопа на поселении Мецамор в Араратской долине (Ханзаян и др. 1973: 188, табл. IV–V).

В свете сказанного и учитывая присутствие сосудов с ромбами только в погребениях второго этапа развития КБК (о чем будет сказано ниже), создается впечатление, что на этом втором этапе создатели единой культуры проникают в области восточнее озера Севан и частично осваивают пространство Мильской степи. Таким образом, на втором этапе своего развития КБК охватывала территорию, значительно превышающую ее первоначальный ареал¹. Что касается отдельных более северных находок кармирбердских расписных сосудов в Рустави, Нарекви и других местах, то сегодня мы их рассматриваем как случайные «выбросы» за пределы основного ареала южных культур среднебронзового века. Для центрального и северо-восточного Закавказья расписная посуда вообще не была характерна. По топографии находок кармирбердской и севано-узерликской расписной посуды четко прослеживается степень южных влияний на различные области Кавказа.

При первом же взгляде на карту памятников КБК бросается в глаза доминирование могильников над поселениями (соотношение – 4 : 1; Симонян 1984б), а также скромный (по сравнению с «царскими» могилами БТО) характер захоронений. Кроме этих стабильных особенностей, кармирбердские погребения характеризуются серией признаков, сформулированных А.Е. Симоняном главным образом на базе материалов могильника Верия-Навер; это:

- 1) кромлех;

- 2) могила прямоугольной формы, вырытая в грунте или выдолбленная в скальной породе и перекрытая плитами;

- 3) засыпка могилы землей;

- 4) ориентировка могил с юга на север;

- 5) одиночные захоронения;

- 6) скорченное положение погребенных – лежащих на левом, мужчины на правом боку;

- 7) помещение в могилу туш, либо отдельных частей животных;

- 8) совершение обряда трезины;

- 9) расписные сосуды (кувшинны, горшки, миски), вылепленные частично на гончарном круге и украшенные широкими орнаментальными фризами; элементы орнамента: «свисающая спираль», «треугольник», «двойная секира», «лабиринт», «равнокрылый крест», «песочные часы», «сетчатое поле», «шахматное поле» (Симонян 1984б: 19);

- 10) чернолощенная посуда (горшки, кувшинны, миски), украшенная либо резьбой, либо гребенчатым штампом;

- 11) наличие в редких случаях изделий из металла (булавки, вытые колечки, лунницы, кинжальные клинки).

К сожалению, редкая встречаемость в могилах металлических предметов, а также их невыразительный характер не позволяют при решении датировки кармирбердских памятников опираться на прочно датированные южные аналоги. Известно, что металлические изделия, главным образом оружие и украшения, являвшиеся наилучшим показателем технической «продвинутой» носителей той или иной древней культуры и наиболее способным к перемещению и заимствованиям элементом, открывают широкие горизонты при сопоставительном анализе с датированными артефактами из других регионов. Такая информативность металлических изделий нами была продемонстрирована в работе по хронологии «царских» погребений БТО (Кушнарёва, Рысин 2000; 2001). В аспекте вышесказанного следует констатировать ограниченные возможности инвентаря кармирбердских погребений.

Наиболее массовым материалом оказалась расписанная в определенном стиле (по красному фону черная краска) посуда (рис. 1), совмещенная в погребениях с чернолощенными сосудами, декорированными различными узорами (бегущая спираль, висящие друг в друга полудуги, свисающие воллуты, двойные «колечки»), нанесенными гребенчатым штампом.

Расписные сосуды в Закавказье появились, бесспорно, в результате новой волны контактов с переднеазиатским миром, где в орнаментальной керамике не одно тысячелетие господствовала роспись разнообразнейших стилей и направлений. Б.А. Куфтин вообще постулировал тезис о том,

¹ О возможном пересмотре восточных и юго-восточных границ культуры мы скажем ниже, опираясь на последние публикации.

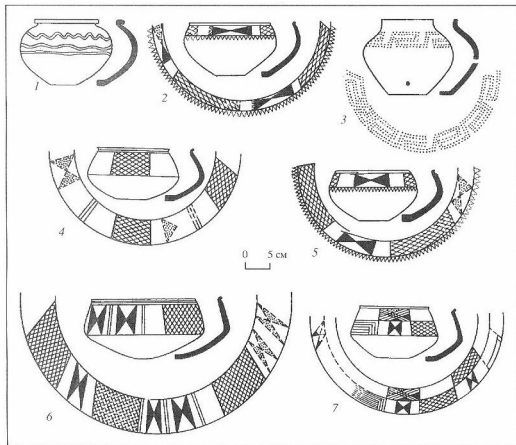

Рис. 1. Керамика кармирбердской культуры раннего этапа («чистые» погребения). Могильник Верин-Навер: 1, 4, 7 – курган № 24; 2-4, 6 – курган № 25

Fig. 1. Pottery of the Kamirberd culture at the early stage ('pure' burials). Cemetery of Verin-Naver: 1, 4, 7 – kurgan no. 24; 2-4, 6 – kurgan no. 25

что посуда кармирбердского типа представляет «совершенно своеобразную фацию расписной керамики Передней Азии, развивавшуюся в области контакта южно-месопотамских и западных течений» (Куфтин 1941: 7). Действительно, ряд орнаментальных мотивов на закавказских образцах перекликается с росписью на сосудах Элама, Ирана, Месопотамии (Сузы, Тепе-Гавра и др.). Еще более близкие параллели встречаются в росписях на сосудах Малой Азии (Алишар, Кюль-тепе, Кесария). Однако ни кармирбердская, ни севано-узерликская посуда напрямую несопоставимы ни с одним конкретным типом посуды Переднего Востока. Необходимо продолжать поиски ее истоков².

Вообще керамика в силу своей хрупкости, с одной стороны, а также, будучи предметом бытового, повседневного обихода – с другой, представляет наиболее местное и относительно кратковременное «слагаемое» в любой археологической культуре. Территория распространения того или иного

типа посуды, как правило, ограничена. Для более ранних эпох это продукция домашних промыслов, замыкающихся в рамках семейно-общинного производства. И лишь в эпоху бронзы посуду начинают изготавливать специалисты-ремесленники.

Как правило, заимствования в гончарном деле преобладают по линии орнаментальных схем и различных деталей декора. Таким образом, подведение прочной хронологической базы под те или иные комплексы, где присутствует в основном посуда, в отличие от комплексов с металлическими изделиями, крайне затруднительно. Лишь в редких случаях единичные сосуды пережегались на большие расстояния. Это были, как правило, экземпляры высокого художественного качества (например, халафская или убаидская посуда), предназначенные не для обихода, а для дарения, обмена или иных экстраординарных целей. Здесь можно вспомнить также редкие находки «чайников» или триподов в «царских» погребениях бедено-алазанских курганов, «канфары», «киафы» или «килики» в курганах «цветущей поры» БТО (Арешян 1973).

По-видимому, такие раритеты были связаны лишь с лицами высокого ранга. В кармирбердских

² Расписная посуда, напоминающая по орнаментации кармирбердскую, встречается на памятниках Капшадокии (Кюльтепе-Каниш; Özgüç 1986: Tabl. XVI).

погребениях, отмеченных скромной обстановкой, подобные инोकультурные керамические экземпляры не встречены. Иными словами, следует с огорчением констатировать, что керамика, как и металлические изделия, в плане определения времени бытования КБК также малоинформативны.

Как будет показано ниже, хронологическое место КБК в системе среднебронзовых культур Кавказа должно быть уточнено на основании анализа особенностей сосудов внутри каждого закрытого комплекса, практически без возможного выхода, за редким исключением, на четкие внешние аналогии.

Проблема хронологии КБК поднималась неоднократно (Куптин 1941: 6; Пивторский 1949: 43; Мартиросян 1964: 42; Иессен 1965: 18; Хачатрян 1975: 107; Симонян 1990 и др.). Она трактовалась на основании соображений общего порядка, либо опиралась на некоторые факты расплывчатого характера, которые не давали точные хронологические определения. Так, в частности, на базе сопоставительного анализа фаянсовых бус из нескольких погребений могильника Верин-Навер с бусами из месопотамской мастерской в Ларсе А.Е. Симонян считал, что в Аратскую долину месопотамские бусы могли попадать не позднее XVIII в. до н.э. (Симонян 1984а). Эта дата является весьма спорной, так как возможность прошикования отдельных предметов на Кавказ с Юга, в частности из Месопотамии, заключена в значительно большем хронологическом диапазоне. В целом все упомянутые исследователи, в том числе и в свое время автор (Кушнарера 1993а: 151), традиционно считали, что КБК являлась самой ранней среднебронзовой культурой Южного Кавказа. Ее датировка обычно определялась рубежом III–II тыс. до н.э., причем некоторыми исследователями нижняя граница опускалась даже до XXIII в. до н.э. (Есяян 1981: 205; Симонян 1990: 208).

В настоящее время в связи с накоплением принципиально новых материалов, которые уже позволили в определенной мере переосмыслить хронологическую позицию ранее известных комплексов периода средней бронзы, проблема пересмотра времени бытования КБК стала просто необходимой. Актуальность решения этой проблемы вызвана следующими причинами:

1. Передатировкой памятников «цветущей поры» БТО, которые теперь прочно заняли отрезок времени от последних веков III тыс. до н.э. до XIX–XVIII вв. до н.э. (Кушнарера, Рысин 2001).

2. Необходимость объяснения, в связи с углублением даты курганов «цветущей поры», а также обнаружением аналогичных курганов на той же территории Армении (Карашамб, Кировакан, Аруч, Неркин-Навер и др.), где наблюдается концентрация кармирбердских памятников (датиро-

ванных ранее всеми исследователями тем же временем), феномена сосуществования в южной зоне Закавказья памятников КБК и «царских» курганов БТО в период ее расцвета.

3. Настоятельной потребностью в связи с отсутствием четких среднеазиатских параллелей, на которые можно было бы опереться при датировке КБК, повторного, более углубленного анализа состава инвентаря кармирбердских погребений, содержащих ранее не отслеженную информацию.

Объяснение факта сосуществования памятников двух культур на одной и той же территории «совместным возникновением приблизительно в XXIV–XXIII вв. до н.э. блока культур эпохи средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа» (Симонян 1990: 208) входит в противоречие с самим понятием «блок культур», сформулированным в свое время В.С. Бочкаревым³. Под блоком культур им подразумеваются культуры, имеющие общее происхождение, однако впоследствии перемещенные их носителями на другие территории.

В поисках ответов на все названные вопросы нами сделан акцент на более тщательный анализ инвентаря кармирбердских погребений, ранее далеко не всегда привлекавшегося. Такой анализ был начат, но, к сожалению, не продолжен группой армянских археологов (Арсян и др. 1990). Дальнейшие поиски решения проблемы, начало которых положено пока лишь небольшими статьями, принадлежат К.Х. Кушнарера (Кушнарера 1995; 2003). Еще раз подчеркнем, что ключ к решению этого вопроса из-за отсутствия прочно датированных аналогий, заключался в отслеживании сочетания типов и датировки посуды в серии закрытых комплексов КБК, в особенности в погребениях Верин-Навера, на что в свое время не сделал акцента А.Е. Симонян, хотя именно ему принадлежит веское обоснование самого понятия «кармирбердская культура».

Прежде чем перейти к самому массовому материалу – керамике, скажем несколько слов о немногочисленных металлических изделиях, найденных преимущественно в погребениях могильника Верин-Навер. Отметим сразу же, что такие мелкие изделия как булавки с пирамидальной и загнутой головкой (погребения № 9, 12), кинжальные клинки с опущенными плечиками и отверстием для крепления рукоятки, височные колечки «с обратным разворотом» (погребение № 9), короткие шильца (погребение № 12) изготовлялись еще в III тыс. до н.э. – в рамках куро-аракской и бедено-

³ В.С. Бочкарев, «О временном соотношении сейминского и турбинского могильников». Доклад прочитан на археологическом совещании «Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла». Куйбышев, 1982.

триалетской культуре; причем в широком ареале кавказско-передневожосточного мира.

Так, булавки с пирамидальной головкой были обнаружены в горизонтах РБП и РБШ поселения Геличик-тепе (Турция), в памятниках Египта, Палестины (Кирбет-Керак), в Амуке и др. (Palmieri 1967). На Южном Кавказе они найдены в погребениях последней трети Ш тыс. до н.э. (Нули, Метехи и др.). Булавки с загнутой головкой и височные колечки «в подтора оборота» обнаружены в слоях поселений Амиранис-гора, Квайцхла, Шенгавит, вахичаванского Кюль-тепе, в могильниках Сачхери, а также в курганах «цветущей поры» Триалети (об этом см.: Кушнарева 1993а: рис. 19, 20, 23, 27, 30, 37)⁴. Широкий хронологический и территориальный диапазон (Амиранис-гора, Степанакерт, Месхети, Элар; Кушнарева 1993а: 19, 41, 43) имели также короткие кинжальные клинки. Серебряные и бронзовые амулеты в форме нарождающейся луны (Верин-Навер, погребения № 12, 31; Лчашен; Димац и др.) являлись также частью погребального реквизита в комплексах широкого хронологического диапазона⁵. Таким образом, металлические предметы из кармирбердских погребений не являются основанием для уточнения времени сооружения последних.

Что касается обсидиановых стрелок с выемкой, то в отличие от раннебронзовых черешковых стрелок, они появляются с самого начала среднебронзового периода (ранние курганы Шулавери, Бедени, Цнори, Триалети и др.) и продолжают изготавливаться в период поздней бронзы (Деведжан 1981; табл. 9 и др.). В богатом же Верин-Наверском погребении № 12 такая стрелка была сделана из горного хрусталя, что, очевидно, должно было подчеркивать особый ранг похороненной здесь женщины.

Вернемся к керамике. Анализируя состав инвентаря упомянутого погребения № 12, в котором была захоронена знатная особа, А.Е. Симонян не придал решающего хронологического значения присутствию среди множества типичных кармирбердских и севано-узерликских расписных и чернолощенных сосудов грубого кухонного горшка, украшенного двумя рядами *ногтевых защипов*. Сосуд этот, вне всякого сомнения, является продукцией начала позднебронзового века и должен определять верхний хронологический рубеж этого погребения. Учитывая его присутствие в комплек-

се, где найдены перечисленные выше сосуды, можно считать, что погребение № 12 было совершено в начале финального этапа развития КБК, когда начался процесс перехода к позднебронзовому веку.

В погребении № 21 того же могильника, наряду с расписанным в кармирбердском стиле невысоким округлым сосудом, находился крупный шарообразный горшок, украшенный под шейкой рядом вдавлений в виде клинышков, направленных остриями вниз (Симонян 1983: 1). Этот сосуд является инородным в традиционном кармирбердском гончарном комплексе и также характеризует продукцию раннего этапа позднебронзового века.

Таким образом, даже на основании анализа двух упомянутых верин-навских погребений становится очевидна их принадлежность к финальному этапу среднебронзового века – началу поздней бронзы, что а priori предвещает верхнюю границу КБК с XIX–XVIII вв. до н.э. к XV – началу XIV в. до н.э.

Этот вывод подтверждается и другими закрытыми комплексами на территории Армении. Так, в погребении № 10 Ширавана (*западное подножие горы Арагац*) также обнаружен уникальный по взаимовстречаемости комплекс, в котором наряду с расписанной в кармирбердском стиле глубокой миской находился крупный округлый кухонный горшок с отогнутым венчиком, ниже которого нанесена резцом волнистая линия (Арешян и др. 1990: табл. 4). Сосуд этот также принадлежит к финалу средней – началу поздней бронзы.

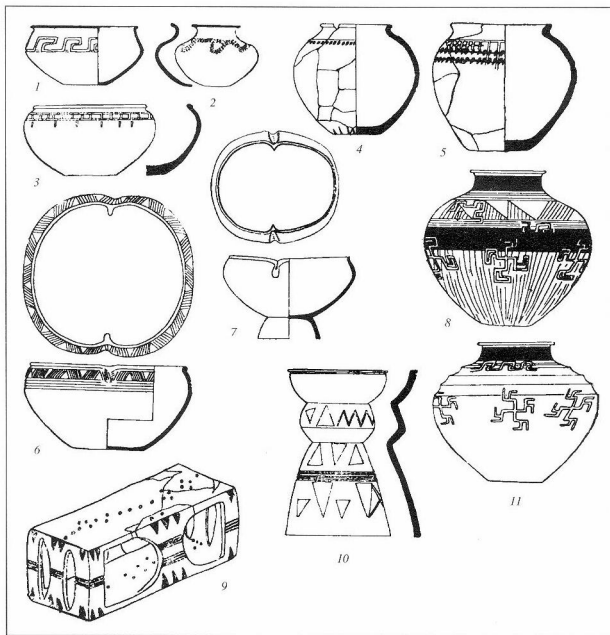
Аналогичную информацию дали еще несколько закрытых комплексов на территории Армении. Погребение № 108 Арича (Ширак, Северо-Западная Армения) содержало наряду с расписными сосудами явно кармирбердского облика несколько чернолощенных (один украшен «шагающей гребенкой») и грубых кухонных горшков. На одном округлом горшке под венчиком проходит поясик из ногтевых защипов (Хачатрян 1975: рис. 62); горшок этот – явный представитель позднебронзового века.

В погребении № 254 могильника Лчашен III (северо-западное побережье озера Севан; Арешян и др. 1990: табл. VIII) вместе с глубокой чашей и небольшим кувшинчиком, декорированными «шагающей гребенкой» (свисающие спирали, вписанные друг в друга полукружия), которые характеризуют набор посуды КБК, находился грубый розовоглиняный закопченный горшок, под венчиком которого нанесен поясик из семечковидных вдавлений, а под ним – волнистая врезная линия. Этот сосуд, также как и сосуды перечисленных выше погребений, относится к гончарной продукции позднебронзового века.

В процессе скрупулезного анализа содержимого каждого погребения, помимо традиционного соче-

⁴ Колечки «с обратным разворотом» известны на Дону и в Приазовье в погребениях катакомбной культуры и культуры многовазиковой керамики (КМК).

⁵ Судя по данным Р.М. Боемера, проследившего эволюцию передневожосточных дунаевских амулетов, кармирбердская «луница» ближе всего к изделиям типа 1Аб первой половины II тыс. до н.э., в первую очередь – к находке из слоя 1б Кюльтепе-Канина (Boehmer 1972: 31, 32; Abb. 19).

Рис. 2. Керамика кармирбердской культуры из погребений переходного к поздней бронзе этапа. 1, 6, 8, 11 – Карашамб, погребение № 46; 2, 7, 10 – Карашамб, погребение № 60; 4, 5 – Шамирам, курган № V; 6 – Ширакаван, погребение № 10; 9 – Лчашен, погребение № 200

Fig. 2. Pottery of the Karmirberd culture from burials of the stage of transition to the Late Bronze Age. 1, 6, 8, 11 – Karashamb, burial no. 46; 2, 7, 10 – Karashamb, burial no. 60; 4, 5 – Shamiram, kurgan no. V; 6 – Shiravakan, burial no. 10; 9 – Lchashen, burial no. 200

тавия посуды, выпускавшейся на стыке двух сменяющих друг друга эпох, появились совершенно новые типы продукции керамического производства, создававшиеся в короткий промежуток времени на этапе перехода от эпохи средней бронзы к поздней (рис. 2). На это было обращено внимание в упомянутой статье археологами Армении.

Так, в погребении № 39 могильника Цахкаладж (северная часть Араратской долины, район Эчмиадзина) в каменном ящике под насыпью, окружен-

ном кромлехом, обнаружен комплекс из шести сосудов, среди которых находились типичные для КБК расписные горшочки и глубокая миска, биконическая чернлощенная миска с орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, а также светлоглиняный кухонный горшочек с двумя рядами семечковидного орнамента по плечикам. Последний, как и аналогичные сосуды поздних кармирбердских погребений, характеризует начало наступления поздне-бронзового века. В этой же могиле обрабатает на

себя внимание глубокая чернолощенная миска в форме «индийского ореха» – тип посуды, не встречавшийся ни в одной из описанных ранее могил. Поскольку сочетание расписных, чернолощенных и кухонных сосудов в могиле № 39 само по себе квалифицирует ее как комплекс переходного к поздней бронзе времени, то неожиданно оказавшийся здесь сосуд в форме «индийского ореха» также не должен быть причислен к массовой продукции этого периода. Как выясняется, подобные не датированные ранее сосуды теперь должны рассматриваться как демаркаторы этого короткого отрезка времени.

Обнаружение этого сосуда в прочно датированном комплексе ставит на хронологическое место серию погребений с сосудами в форме «индийского ореха», встречающимися в комплексах как единичные артефакты, главным образом, на территории Южного Закавказья. Это первый твердый признак, характеризующий комплекс переходного периода. Представляется, что необычная форма этих сосудов и их присутствие только в погребениях диктовались особым, возможно, культовым их назначением.

Своим разнообразием погребального реквизита выделяется могила № 46 Карашамбского некрополя (рис. 2: 1, 6, 8, 11). Здесь вместе с крупной чашей в форме «индийского ореха» находился небольшой чернолощенный горшочек, по своему декору (фигурный гребенчатый штамп), бесспорно, принадлежащий керамическому производству КБК. В этом же погребении оказались два крупных розоватых кувшина с шаровидным туловом и сильно отогнутыми венчиками. Нижняя часть кувшинов украшена вертикальным лощением, а верхняя – треугольниками, выполненными в той же манере. Поверх лощеного орнамента белой и розовой пастой нанесены ветвистые свастические и мсандровые фигуры. Меандром украшены также две чернолощенные миски. Опираясь на хронологическую принадлежность сосудов в форме «индийского ореха» и отсутствие таковых в «чистых» комплексах КБК, описанные кувшины с лощением и послеоживой росписью следует квалифицировать как еще один признак, маркирующий переходный к поздней бронзе период. Вместе с тем, судя по находке аналогичного сосуда с росписью в могиле № 9 Лори Берда, но без основания отнесенного автором раскопок к ранней фазе позднебронзового века (Деведжян 1981: рис. 15), сосуды с послеоживой росписью продолжали еще какое-то время выпускаться. Именно поэтому при их датировке следует в первую очередь обращать внимание на контекст закрытого комплекса, в котором находился такой сосуд. Ни в Шираке, ни в Шида-Картли, ни в Кахетии они не встречены. Совершенно неожиданной оказалась находка нескольких рас-

писных мисок в форме «индийского ореха» в могильнике у армянского монастыря Кармир-Банк, в юго-восточной части Закавказья, фактически на границе с Ираном (Спицын 1909: 14, рис. 56, 57). Несмотря на плохую документацию открытых в 1895 г. ротмистром М.Б. Федоровым разновременных материалов, синхронность многочисленных однотипных расписных кувшинов, горшочков и мисок, судя по стилю росписи, несомненно: к ним примыкают и сосуды в форме «индийского ореха». Однако любопытно, что эти расписные сосуды имеют иную (нежели монохромные сосуды КБК) цветовую гамму (по светлomu ангобу коричневая, черная, оранжевая и желтая роспись); причем вместо строгих канонов кармирбердской росписи здесь свободной кистью нанесены узкие заштрихованные треугольники, между которыми вписаны зооморфные (птица, змея) и антропоморфные сюжеты (Спицын 1909: рис. 40, 46, 47, 54, 55, 58–63). Особый интерес вызывает сцена эротического танца мужчины и женщины на одном из крупных расписных горшков (Спицын 1909: рис. 48). Эти сосуды, чуждые по своему орнаментальному убранству кармирбердской и севано-узертской керамике, по цветовой гамме и по рисунку росписи прямо сопоставляются с посудой из серии иранских поселений, таких как Геой-тепе D (Burton-Brown 1955) и Хафтаван-тепе VI B (Burney 1975; Edwards 1981), находящихся на юго-западном побережье озера Урмия. Эти поселения характеризуют иную, более южную культуру, северная окраина которой проходит примерно по юго-восточной области Закавказья, граничащей с Ираном (Кизыл-Банк, Кюль-тепе, Шахтагы и др.).

Посуда этой южной культуры представлена кувшинами, горшками и мисками; ангоб светловатый, роспись – черная, розовая, оранжевая и коричневая. Здесь также нет строгих канонов кармирбердской росписи. Ее заменили узкие сетчатые треугольники, заштрихованные прямоугольники, «ковровые поля», покрывающие всю верхнюю часть сосудов. Весьма интересную, тоже культурную, сцену мы видим на обломке сосуда из Хафтаван-тепе (Кушарева 1993а: рис. 61, 29): на фоне леса, переданного в виде стилизованных деревьев и летящих птиц, изображена упряжка из двух лошадей; ей противостоит лесной фантастический зверь с клыкастой пастью, из тела и части которого вырастают деревья. Ареал полихромной посуды типа Кизыл-Банк пока нами не прослежен. Укажем лишь на сходную керамику в поселениях Гиан III, Джамшиди, Бахар I (Medvedskaya 1982: 107). Аналогичные сосуды были случайно обнаружены также в районе восточнее озера Ван (Çilingiroğlu 1984: fig).

Последние данные о датировке слоя Геой-тепе D, материалы которого сопоставляются как с

Хафтаван-тепе VI B, так и с Кызыл-Банком, основываются на синхронизации горизонта Геюй-тепе D со слоем Хасанлу VI B, который датирован 1750–1550 гг. до н.э. (Dyson 1973: 70). В какой взаимосвязи находится эта дата с присутствием в могилках Кызыл-Банка сосудов в виде «индийского ореха», впрямь до получения проясняющих данных сказать трудно. Во всяком случае, дата 1550 г. до н.э. не входит в особое противоречие со временем перехода на Кавказе к эпохе поздней бронзы.

Погребения с сосудами в форме «индийского ореха» встречаются редко. Все они принадлежат к финальному этапу среднебронзового века и переходу к поздней бронзе. Эти особенности указывают на кратковременность данного периода.

Точно такие же крупные округлые горшки и кувшины (четыре экземпляра), декорированные фризами, образованными разнонаправленным лощением (вертикальные и расходящиеся книзу пучки линий, образующих треугольники, сплошные вертикальные линии, покрывающие две нижние трети сосудов, широкие горизонтальные пояса), обнаружены в интереснейшем по своему составу погребении № 60 того же Карашамбского некрополя (рис. 2: 2, 7, 10). Свастической и меандровой росписи на них нет, однако форма и узорчатый лощеный орнамент полностью совпадают с сосудами с послебоджиговой росписью из Карашамбского кургана № 46 (Арешян и др. 1990: табл. III: 6–8). В итоге эти сосуды, появившиеся в финале бытования КБК, также должны восприниматься как один из индикаторов переходного периода, либо начала позднебронзового века. Кстати, такие же два сосуда находились в погребении № 12 верин-наверской могильника: А.Е. Симонян ошибочно воспринял их как экземпляры, характеризующие поздний этап триалетской культуры. Карашамбское погребение № 60 крайне интересно и другими его составляющими. Здесь, во-первых, находился небольшой приземистый горшочек с теми же свисающими полукружиями, нанесенными зубчатым штампом, как и в лчашенской могиле № 254. Дополнительной деталью его украшения является затертость штампованного орнамента красной и белой краской. Способ цветового заполнения орнамента замечен только на сосудах самого конца кармирбердской культуры, в чем можно убедиться и по орнаментации чернолощенных сосудов из верхних слоев поселения Узерлик-тепе.

В этой же могиле № 60 находилась ваза в форме «индийского ореха» на высокой полый ножке. Уникальной находкой здесь же является ритуальный сосуд (скорее всего курильница) в виде чернолощенной двураструбной «воронки» с утолщенной средней частью и треугольными выреза-

ми на корпусе; сосуд украшен зигзагообразной врезной линией и параллельными горизонтальными поясками (рис. 2: 2, 7, 10). Такая «воронка» (безусловно, культовый сосуд) в погребении, четко относящегося к переходному периоду, прибавляет еще один маркирующий признак этого времени.

Ритуальный глиняный ящичек с прорезями (также, видимо, курильница) находился в большом кургане № 200 могильника Лчашен (рис. 2: 9). Его признаки не входят в противоречие с остальными компонентами погребения. Здесь находились чаша в форме «индийского ореха» и несколько миниатюрных кувшинчиков с двухцветной росписью и гребенчатым штампом, затертым белой и красной краской, на одном из которых (более крупном), помимо поясков вокруг горла, «шагающей гребенкой» нанесены вписанные друг в друга колечки, на других – узкие треугольники, обращенные вершинами вниз. Мелкие сосудики служили, скорее всего, для возжигания⁶. Настоящее погребение, бесспорно, относится к переходному этапу, ибо здесь явственно все признаки, маркирующие этот период.

Отдельные элементы с признаками переходного к поздней бронзе периода встречены и в ряде других комплексов, однако, здесь мы ограничимся лишь их перечислением. Это впускное погребение в слое поселения Имприс-гора, погребения в Гехароте (Мартirosян 1964: рис. 72), Цахкаладже (погребение № 10), Ариче (погребение № 85; Хачатрян 1975: 120, рис. 74), Кети (Петросян 1989: табл. 42), Земо Бодбе, Певреби (Пицхелаури 1979: табл. 5).

Приведенное количество примеров представляется достаточным для воссоздания облика гончарной продукции финала КБК и переходного периода от эпохи средней бронзы к поздней. Безусловно, среди общей массы бытовой посуды, которой снабжали в дальний путь умершего, единичные экземпляры изготавливались для совершения каких-то ритуальных целей. Скорее всего, это были курильницы, кувшины со свастической или меандровой росписью и сосуды в форме «индийского ореха». Поэтому они воспринимаются как вкрапления в массовую посуду, имевшую чисто бытового характер.

В результате анализа археологических данных устанавливается и время сооружения памятников переходного к поздней бронзе этапа. Это, вероятнее всего, XV в. до н.э., возможно, отчасти начало XIV в., ибо, согласно разным точкам зрения, с XIV–XII вв. до н.э. на Кавказе начинается поздний

⁶ Функционально они напоминают миниатюрные сосуды из святилищ Мелетле, Мелани и Шидла в Каетети (Пицхелаури 1984: 5, 6; Майсурадзе, Панджава 1984: табл. LXXVII–LXXXIII).

бронзовый период⁷, в гончарной продукции которого исчезает роспись, сокращается количество гребенчатого штампа, а также исчезают (за редким исключением) такие сосуды, как кувшины с послеобжиговой свастической и меандровой росписью, курильницы и сосуды в форме «индийского ореха»⁸.

Космеем нескольких дополнительных данных, которые косвенным путем подтверждают намеченную нами дату КБК. Здесь прежде всего следует указать на хуррито-митаннийскую печать из Большого кургана № V Шамирама (о Шамирамских курганах см. Арешян 1983: 425), фаянсовые бусы из богатого женского погребения № 12 Верин-Навера, меч с рамочной рукоятью из погребения № 19 того же могильника (Симонян 1983: рис. 2, 5), бронзовые удила из кургана в Ошакане (Калантарян и др. 2003: 112).

Состав погребального инвентаря Большого Шамирамского кургана № V достаточно выразительно характеризует продукцию переходного этапа (рис. 2). Здесь в крупном каменном ящике находилось захоронение расчлененного покойника, уложенного на деревянные доски; вокруг него – десять разнообразных сосудов. Среди них четыре знакомых нам кухонных горшка с лясками ногтевого, семечковидного и елочного орнамента – образцы гончарной продукции позднебронзового века (рис. 2, 4, 5); несколько чернолощенных сосудов, украшенных сетчатым лощением. На некоторых из них сохранились остатки послеобжиговой меандровой росписи, нанесенной белой и красной пастой. В целом в комплексе преобладает посуда позднебронзового периода, что позволяет считать этот комплекс наиболее поздним среди рассмотренных выше погребений. Безусловно, закрепляет эту позицию присутствие в комплексе хуррито-митаннийской цилиндрической печати (рис. 3: 2), широкое распространение которых по всему переднеазиатскому миру хорошо известно (Pogada 1948; Пнотровский 1963: 11; Пидлисний 1998). Печать датирует этот поздний комплекс XV–XIV вв. до н.э.

В свете этой даты необходимо вновь вернуться к верин-наверскому погребению № 19, которое А.Е. Симонян посчитал кенотафом (Симонян

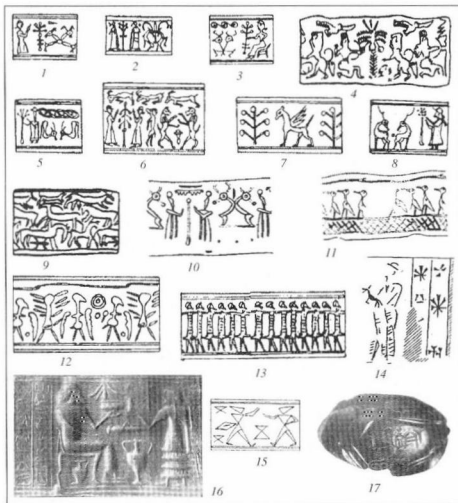
1983: рис. 2, 4, 5). Кроме меча с рамочной рукоятью (рис. 4), в могиле действительно ничего не оказалось. Сам автор на основании переднеазиатских параллелей датировал меч XV–XIV вв. до н.э. и «оторвал» его тем самым от первоначальной датировки основной массы комплексов КБК. О времени широкого распространения оружия с закраинами в Передней Азии имеется серия работ (Maxwell-Hyslop 1946 и др.), среди которых важное место занимает книга М.И. Погребовой (Погрובהва 1977: 33). Возникнув в определенных центрах на Переднем Востоке, мечи и кинжалы с рамочной рукоятью стали не только предметом торговли, но и эталонами для подражания в ряде стран. На Кавказе к 1977 г. было известно 16 переднеазиатских мечей и кинжалов, обнаруженных главным образом случайно (Погрובהва 1977: 35). Сейчас их количество, очевидно, должно быть увеличено. Что касается верин-наверского меча, то, обобщая его кавказское происхождение, А.Е. Симонян привлек в качестве аргумента литейную форму, найденную на участке дороги Кафан-Каджарян в Армении (Караханян, Азизбекян 1981: 75). Форма эта имеет идентичные особенности (отсутствие верхнего загиба на рукоятке меча) с деталями верин-наверского экземпляра, что подтверждает его кавказское происхождение. Однако вследствие отсутствия в могиле какого-либо иного инвентаря, а также убежденности автора в ранней дате погребений этого могильника (конец III – начало II тыс. до н.э.), он не считал возможным отнести погребение № 19 к КБК. В свете же приведенных выше данных, могила с мечом (возможно, погребение погибшего воина), также как и другие захоронения, вполне могла появиться в финальном этапе КБК, как это было выше продемонстрировано на основе хурритской печати и гончарной продукции ряда других закрытых комплексов.

О ненадежности предложенной А.Е. Симоняном (Симонян 1984а) даты бус из верин-наверских погребений № 23, 27 и др., синхронизируемых с продукцией ювелирной мастерской Ларсы в Месопотамии (Arnaud et al. 1979: fig. 14–44), мы уже говорили. Возможность проникновения таких украшений на Кавказ с Юга имеет достаточно размытые хронологические границы. Принятая А.Е. Симоняном за конец КБК дата (вторая половина XVIII в. до н.э.) вполне могла быть ее самым началом, когда носители КБК, пришедшие с Юга, продолжали поддерживать связи с южными производственными центрами.

Свидетельством активизации торгово-обменных связей с Югом, и в частности деятельности переднеазиатских торговцев в регионе Армянского нагорья во второй четверти II тыс. до н.э., служит распространение печатей. Сегодня на терри-

⁷ Исходя из общей тенденции удреивения европейских культур бронзового века, возможно, эта дата в дальнейшем также будет занижена.

⁸ Верхняя дата кармирбердской культуры подтверждается датировкой комплекса начального этапа поздней бронзы из Грузии. Здесь у селения Ирганчай в кургане № 5 найдено погребение с кинжалом переднеазиатского типа и посудой, украшенной гребенчатым штампом. Для этого погребения получена датировка по ¹⁴C – 1330 ± 50 лет до н.э. (калиброванная дата 1555 ± 103 года до н.э.; Кахияни и др. 1991: 58; Табл. 139).

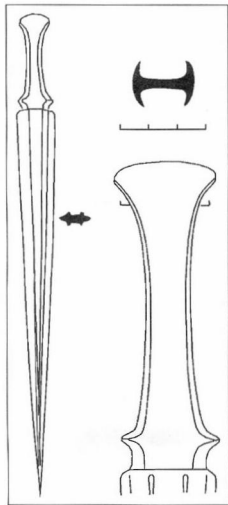
Рис. 3. 1–16 – передневожостные цилиндрические печати II тыс. до н. э. на Южном Кавказе (Пилипосян 1998); 17 – касситская гирилка-«лягушка» из Мецадора. 1 – Шахтахты; 2 – Шамирам, курган V; 3 – Разданский р-н (случайная находка); 4 – Чахирли; 5, 8 – Мингчаур; 6 – Лчашен; 7, 16 – Мецадор; 9 – Араджадзор; 10, 11 – Ага Эвлар (Тальш); 12, 13 – Артик; 14 – Нахичевань; 15 – Карашамб; 17 – Мецадор

Fig. 3. 1–16 – Near East cylindrical seals of the 2nd millennium BC from the southern Caucasus (Пилипосян 1998); 17 – Kassitean weight-‘frog’ from Metsamor. 1 – Shakhtakhty; 2 – Shamiram; 3 – Razdan region (chance find); 4 – Chakhliri; 5, 8 – Mingchaur; 6 – Lchashen; 7, 16 – Metsamor; 9 – Aradzhdzor; 10, 11 – Aga-Evlar (Talysh); 12, 13 – Artik; 14 – Nakhichevan; 15 – Karashamb; 17 – Metsamor

тории Закавказья найдено большое количество печатей – египетского (Мецадор), митаннийского (Артик, Лори Берд, Раздан, Мртби Дзор, Мецадор, Лчашен, Арчадзор, Шахтахты, Шамирам), касситского (Мецадор) и ассирийского (Ходжалы) происхождения (рис. 3). По мнению А.С. Пилипосяна, предложившего собственную классификацию печатей Древнего Востока и Закавказья, появление печатей передневожостных владык (Тутмоса III, Буриа-Буриаши и Куригальзу) на Армянском нагорье связано со столкновениями геополитических интересов древневожостных государств и с попыткой создания военно-политических группировок, с участием формирующихся в Закавказье ранних государственных образований (Хайасса-Аци, Ал-

зи, Наири, Шубрия, Этиуни; Пилипосян 1998: 128). Но это особая достаточно сложная тема, которую мы сейчас обходим.

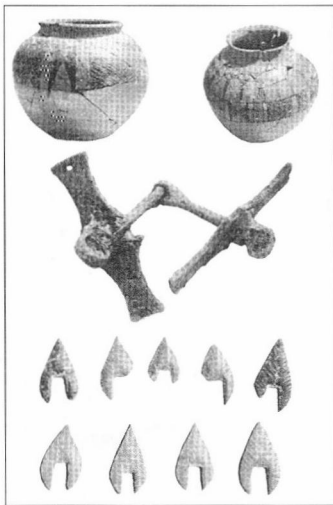
Недавняя находка укрепила обоснования предложенной нами даты КБК. Это курган в Ошакане, на юге Араратской долины, где было обнаружено около двух десятков расписных сосудов, бронзовый котел, фигурка льва, стеклянные бусы, каменная булава, обсидиановые стрелки (рис. 5). Среди сосудов есть типичные кармирбердские, – расписанные широкими поясами, заполненными метопами из шашечных полей, «бабочек», «песочных часов», сетчатых треугольников и прочих, характерных для раннего этапа КБК, элементов (Калантарян и др. 2003: 121).

Рис. 4. Меч «переднеазиатского» типа из погребения кармирбердской культуры в Армении. Могилиник Верин-Навер, погребение № 19

Fig. 4. Sword of the 'Near East' type from a burial of Karmirberd culture in Armenia. Cemetery of Verin-Naver, burial no. 19

Главным аргументом для датировки ошаканской могилы явились бронзовые пластинчатые удила для колесничной запряжки, ранее не встречавшиеся ни в одном среднебронзовом комплексе Кавказа. Вместе с тем они были широко распространены на Древнем Востоке в памятниках II тыс. до н.э. Датированный экземпляр псалий этого типа встречен в комплексе периода вторжения гиксосов в Газе (XVII в. до н.э.; Potratz 1966: 102–110; Fig. 45, d), что позволяет закрепить предложенную нами нижнюю дату бытования КБК. Близкие псалии найдены также в Ашшуре, но здесь они не датированы (Potratz 1966: Tab. XLVII, 106). Скульптурка льва, найденная в ошаканском погребении, служила навершием, закрепленным на колеснице (разделитель вожжей); таким образом, эта скульптура вместе с псалиями составляла часть инвентаря, сопровождавшего погребение воинской колесничной знати. Традиционным до-

Рис. 5. Сопровождающий инвентарь из погребения кармирбердской культуры с колесничными удилами и псалиями из Ошакана (Калантарян и др. 2003)

Fig. 5. Grave offerings of Karmirberd culture with chariot horse-bits and cheekpieces from Oshakan (Kalanitarij et al. 2003)

полнением погребений воинской элиты являлись и найденные в Ошакане бронзовый котел, каменное навершие булавы и обсидиановые наконечники стрел (колчаный набор)⁹.

И, наконец, учитывая вхождение севано-узэрликских расписных сосудов в комплексы переходного этапа, следует снова вернуться к единственной дате ¹⁴C образца из второго слоя поселения Узэрлик-тепе, в котором типичные кармирбердские расписные сосуды не были встречены ни разу, тогда как узэрликские, расписанные ромбами, постоянно присутствовали в верхних слоях. В то время когда исследователи придерживались старой периодизации среднебронзовых культур Кавказа, дата 3300 ± 260 лет, то есть 1340 ± 260 лет до н.э.,

⁹ Невольно напрашивается параллель с погребениями колесничной знати из Волго-Уральских степей начала позднего бронзового века.

казалась заведомо ошибочной (Иессен 1965: 18; Кушнарева 1965: 99). Сейчас ее не стоит полностью сбрасывать со счетов, хотя следует при этом иметь в виду, что подкрепляющие радиоуглеродные даты отсутствуют, и это был один из самых первых опытов анализа лаборатории Института археологии АН СССР.

Таким образом, все приведенные доводы подводят к одной и той же верхней границе КБК, которая, безусловно, проходит через XV в. до н.э. Что касается переходного периода, то, несмотря на его краткость, здесь хоть и слабо, но все же намечается возможное деление комплексов на два хронологических этапа. Те, в которых, наряду с незначительным количеством (или вообще при их отсутствии) расписных сосудов типичного кармирбердского стиля, преобладала посуда севано-узерликского облика, сооружались, скорее всего, в самом конце периода, в XV – начале XIV в. до н.э. Это наглядно видно, например, по комплексу кургана № V Шамирама, который датируется хурритско-митаннийской печатью этого времени. Те же комплексы, в которых преобладали расписные сосуды со стандартным кармирбердским металным узором, сооружались в период первого этапа КБК.

Прежде чем высказать несколько наблюдений по поводу особенностей переходного периода от средней бронзы к поздней в южной зоне Закавказья, необходимо сделать небольшое отступление. Обращаясь к упомянутой проблеме, мы исходили из того, что признаки памятников переходных этапов между эпохами не могли быть одинаковыми в таком большом регионе, как Кавказ, ибо в разных его областях сосуществовали различные (обычно родственные) культуры, оставившие различные памятники. Поэтому, вырабатывая критерии переходных этапов, следует прежде всего исходить из ведущих признаков предшествующих и последующих культур, бытовавших в той или иной области региона. Вместе с тем нельзя не учитывать постоянное взаимодействие сосуществовавших культур и протекающих отсюда общих тенденций культурного развития в таком компактном регионе, как Кавказ. Поэтому в отдельных случаях эти признаки могут совпадать.

В Центральном Закавказье, например, где подосновой переходного периода от средней бронзы к поздней считается триалетская культура, его признаки были выделены преимущественно на материалах таких погребальных комплексов, как Земо Бодбе, Наомари-гора, Брима-цкали, Намгаламисеби, Трелиеби (Пицхелаури 1972: 1979: 59, 138; Пицхелаури, Менабде 1982: 7 и др.; Абрамишвили 1978: 16, рис. 18, 19, 21, 24, 26; табл. XIII–XVII), а также на данных стратифицированного поселения Алазанской долины Чалианхеви (Пицхелаури 1979: 84). Таким образом, в 1970-е–80-е годы в Цен-

тральном Закавказье была установлена преемственность в развитии материальной культуры от средней бронзы к поздней и тем самым снят вопрос о крупных этнических передвижениях в этом районе¹⁰. Исследования строились преимущественно на изучении и анализе традиционных мотивов декора керамики. Расписная посуда в Центральном, Восточном и Западном Закавказье в этот период отсутствует; преобладает узорчатое лощение и в меньшей мере гребенчатый штамп. Совершенно нетрадиционной находкой в этом регионе оказались серо- и черлощенные сосуды, расписанные после обжига меандровыми и свастическими фигурами белой и красной пастообразными красками (Пицхелаури 1979: табл. VI, 1, 3). Они отсутствуют в комплексах предшествующего и последующего времени. Как видно из нашего изложения, подобные сосуды служили демаркаторами переходного периода в южной зоне Закавказья. В упомянутых погребениях Центрального Закавказья это единичные находки. Именно в этом случае взаимодействие между параллельно развивающимися культурами приводит к появлению одних и тех же единичных артефактов (в данном случае сосудов с послеобжиговой росписью) в инокультурных комплексах. И еще один единственный пример – в погребении № 21 могильника Певреби (Кахетия) вместе с сосудами раннего периода позднебронзового века оказалась чаша в форме «индийского ореха» (Пицхелаури 1979: табл. XV) – форме, характерной для комплексов переходного периода Южного Закавказья. Возможно, все это связано с продвижением отдельных групп населения из южной зоны или обменом редкой посудой.

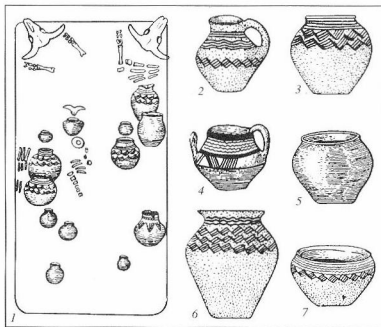
Материальное же выражение переходного этапа от средней бронзы к поздней в южной части Закавказья (конец XV – начало XIV в. до н.э.), по нашим наблюдениям, сводится к следующим особенностям.

В этот период происходит смена технологий гончарного производства, которая приводит к появлению сосудов новых типов (кухонные горшки, украшенные вдавлениями в виде клиньшеских, ногтевыми защипами и сечковидным орнаментом). В «чистых» (равнинных) комплексах КБК эти сосуды отсутствуют.

Параллельно с этим продолжает выпускаться керамика, среди которой появляются расписные сосуды севано-узерликского типа. Упомянутые комплексы показывают, что сосуды, расписанные в севано-узерликском стиле, появляются во второй половине развития КБК (рис. 6).

¹⁰ Может быть, этим можно объяснить движения кармирбердцев, митованных районы Центрального, Восточного и Западного Закавказья.

Рис. 6. Погребение кармирбердской культуры с керамикой узерликского типа: 1–7 – Могильник Лчашен, погребение № 6

Fig. 6. Burial of Karmirberd culture with pottery of the Uzerlik type: 1–7 – Cemetery of Lchashen, burial no. 6

Наблюдается отсутствие промежуточных (синкретических) форм посуды, в которой в одном сосуде сочетались бы особенности гончарного производства как среднего бронзового века, так и позднего.

В этот короткий промежуток времени появляются и вскоре исчезают неизвестные ранее типы посуды (сосуды со свастической и меандровой двухцветной пастовой росписью после обжига, вазы на полых ножках, сосуды в форме «индийского ореха», двураструбные и ящичные курительницы с прорезями), а также новые приемы орнаментации (затертость гребчатого штампа белой и красной пастой, узорчатое лощение, роспись после обжига). Сосуды-раритеты, несущие эти особенности, служат индикаторами переходного периода.

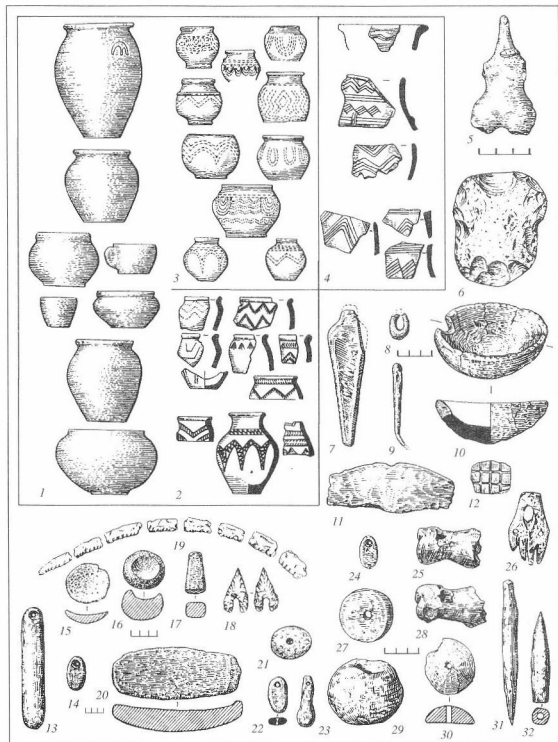
На кратковременность этого периода указывает отсутствие подобных типов посуды как в «чистых» (ранних) погребениях КБК, так и в комплексах позднебронзового века.

Итак, кармирбердская культура пришла на смену «цветущей поро» бедено-триалетской культурной общности. Последняя теперь прочно заняла свое хронологическое место (XXII–XIX/XVIII вв. до н.э.), прогнозируемое ранее исследователями для КБК.

Прямой генетической связи между «царскими» курганами «цветущей поро» и погребениями КБК не прослеживается, ибо в курганах «цветущей поро» нет никаких признаков ни кармирбердских, ни

севано-узерликских, ни, тем более, артефактов периода поздней бронзы и наоборот. Это наводит на мысль, что носители КБК, для которой столь характерна расписная посуда, являлись пришлым с Юга населением (где традиция расписывать сосуды уходит в глубь тысячелетий), заселившим в первую очередь Араратскую долину и ближние отроги Арагаца. Отсутствие генетической связи с предшествующими культурами делает допустимым предположение, что между периодами их существования был небольшой промежуток времени. Памятники каких культур существовали в этот временной период на юге Закавказья сказать до новых раскопок трудно.

По всей вероятности, самые ранние памятники КБК появились в конце XVIII–XVII вв. до н.э. в Араратской долине, где наблюдается их наибольшая концентрация и где они определенное время существовали в «чистом» виде (то есть без присутствия артефактов севано-узерликских, переходного периода и эпохи поздней бронзы). В качестве примера «чистых» комплексов можно привести погребения № 24 и 25 могильника Верин-Навер (рис. 1). При дальнейшей работе их необходимо выделить в особую группу и провести подробный анализ содержимого всех погребений, тогда проблема датировки КБК будет близка к завершению. Точно также необходимо исследовать все комплексы с севано-узерликской посудой и элементами переходного к поздней бронзе периода. Это работа на будущее.

Рис. 7. Материалы из многослойного поселения Узерлик-тепе: 1-4 – керамические комплексы: 1 – кухонная посуда; 2 – посуда с прочерченным орнаментом (нижний слой); 3 – посуда с декором, нанесенным гребенчатым штампом (верхние слои); 4 – расписная посуда (верхние слои); 5 – глиняная статуэтка; 7-11 – комплекс находок из мастерской металлурга; 19 – кремнёвые вкладыши от серпа; 26 – костяное бердо от ткацкого станка; 10, 12-18, 20-25, 27-32 – изделия из камня, кремня и кости

Fig. 7. Finds from long-lived site of Uzerlik-Tepe: 1-4 – Ceramic assemblages: 1 – cooking ware; 2 – pottery with scratched decoration (lower layer); 3 – pottery with comb-stamped decoration (upper layers); 4 – painted ware (upper layers); 5 – clay figurine; 7-11 – complex of finds from a metallurgic workshop; 19 – flint inserts for a sickle; 26 – bone reed from a loom; 10, 12-18, 20-25, 27-32 – objects of stone, flint and bone

Если мы правильно определили верхнюю и нижнюю границы КБК, то время ее бытования должно быть определено примерно концом XVIII – началом XIV в. до н.э. Учет и анализ всех погребений КБК позволит более полно выявить динамику ее развития, однако уже и сейчас имеются некоторые наблюдения.

Позднее в «чистых» погребениях начали появляться сосуды севано-узэрликского типа, редкие сосуды переходного времени (кувшины с послеобжиговой росписью, сосуды в форме «индийского ореха», курительницы с прорезями), а также единичные экземпляры посуды позднебронзового века (кухонные горшки с семечковидным, ногтевым и клиновидным орнаментом). В связи с этими неоспоримыми фактами мы категорически не согласны с точкой зрения Г.Е. Арешяна и его соавторов по поводу хронологической оценки севано-узэрликской группы памятников, которую они рассматривают «либо в качестве предшествующих или раннего локально-хронологического варианта КБК» (Арешян и др. 1990: 74). Этому противоречит нахождение в одних и тех же могилах (помимо кармирбердских сосудов) севано-узэрликской и позднебронзового керамики, чего не наблюдается в «чистых» (ранних) погребениях КБК.

Судя по тому, что «чистые» комплексы КБК обнаружены также в большом количестве в Северо-Западной части Армении (исторический Ширак), первая волна расселения из Араратской долины связана именно с этой территорией (Хачатрян 1975).

Итак, как было показано выше, очевидно под давлением перенаселенности первоначальной территории носители КБК начали расселяться. Население двинулось на плодородное шираканское плато, где известны как поселения, так и погребения КБК. Это Арич, Кети, Карнут, Ором и др. (Хачатрян 1975: 89; Петросян 1989: 13; 46; Бадалян 1984; 1985 и др.). Позднее население из первоначальной области потянулось и на Северо-Восток, в присеванские и центральные районы. Территории далее к северу Закавказья по каким-то причинам остались вне их интересов (или возможностей освоения). Самая северная точка их продвижения зафиксирована в Лчашене (Ханзадян 1962) – это относительно поздний курган, в котором сосуды представлены исключительно узэрликским вариантом (рис. 6).

Что касается западного побережья оз. Севан, то здесь пришедшее население оставило целый ряд памятников. Это Лчашен, Золак, Нор-Баязет, Севан ГЭС (Мартirosян 1964: 57, рис. 21; 22 и др.). Во всех комплексах присутствует севано-узэрликская расписная посуда. Затем продвижение шло в обход Севана, еще дальше на восток, в Мильско-Карабахскую степь. Здесь, вблизи восточных

предгорий Карабаха, на одном из естественных холмов было основано, очевидно, первое долговременное поселение Узэрлик-тепе, просуществовавшее не менее двух столетий. На поселении Узэрлик-тепе уже отсутствует расписная посуда кармирбердского типа, а в верхних слоях обнаружены обломки сосудов с севано-узэрликской росписью. В нижних же слоях роспись на сосудах вообще отсутствует, нет также чернолощеной керамики, украшенной зубчатым штампом, последняя покрыта резьбой, в частности, арочным рисунком, сохраняющимся на посуде верхних слоев, но исполненным там уже зубчатым штампом. Преемственность рисунка (в основном арочное покрытие) сохраняется (рис. 7).

Разведками Азербайджанской экспедиции 1953–1960 гг. под руководством А.А. Иессена по всей степи была открыта серия жилых холмов, аналогичных Узэрлик-тепе. Это Кюль-тепе, Наргиз-тепе, Хан-тепе и Узун-тепе (Иессен 1965: 19, рис. 5). Собранный на них подъемный материал (черепки расписной и чернолощеной посуды) идентичен посуде Узэрлик-тепе.

Названные поселения оживляли некогда безводную степь отдельными оазисами. Изучение многослойных тепе, которое могло бы восстановить недостающие звенья в динамике развития древнейшей истории Закавказья, к сожалению, так и не было предпринято в связи с прекращением работ Азербайджанской экспедиции. Однако ее многолетние исследования впервые воссоздали древнюю историю неизвестного ранее края (горы Карабаха и степь), начиная с эпохи палеолита вплоть до средневековья. К счастью, широкомасштабные раскопки на поселении Узэрлик-тепе (1959–1965, руководитель К.Х. Кушнарева) документально продемонстрировали модель кавказского среднебронзового поселения, процветавшего в условиях безводной степи в XVII–XV вв. до н.э.

Абрамишвили 1978 – Абрамишвили Р.М. Основные итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси // Тбилиси. Археологические памятники. Тбилиси, 1978. Т. I. С. 7–27.

Арешян 1973 – Арешян Г.Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. 1973. № 4. С. 40–49.

Арешян 1983 – Арешян Г.Е. Раскопки Больших шамиракских курганов // АО 1981 года. М., 1983. С. 425–426.

Арешян и др. 1990 – Арешян Г.Е., Оганесян В.Э., Мурадян Ф.М., Аветисян П.С., Петросян Л. Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры // ИФЖ. Ереван, 1990. № 1. С. 53–74.

Бадалян 1984 – Бадалян Р.С. Раннебронзовое поселение близ Карнута // ИФЖ. Ереван, 1984. № 1. С. 229–240.

Бадалян 1985 – Бадалян Р.С. Зооморфные надочащные подставки ранней бронзы из Карнута // ВОН АН Арм. ССР. Ереван, 1985. № 8.

- Деведжан 1981 – *Деведжан С.Г.* Лори-Берд. Ч. I: Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ереван, 1981.
- Есаян 1976 – *Есаян С.А.* Древняя культура Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976.
- Есаян 1981 – *Есаян С.А.* Стратиграфия расписной керамики Айтгеванского поселения // ИФЖ. Ереван, 1981. № 2. С. 195–203.
- Иссен 1965 – *Иссен А.А.* Из исторической прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской экспедиции. Т. 2 / МИА. М.; Л., 1965. № 125. С. 10–36.
- Калантарян и др. 2003 – *Калантарян А.А., Мелконян У.А., Жамкочян А.С., Бабалян Ф.С., Пилипосян А.С., Канесян А.Г.* Результаты раскопок 2002 г. в Ошакане // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Эчмиадзин, 2003. С. 112–122.
- Караханян, Азизбекян 1981 – *Караханян Г.О., Азизбекян Г.* Древняя литевая форма из Сюника // ВОН АН Арм. ССР. Ереван, 1981. № 1. С. 75–77.
- Казхяни и др. 1991 – *Казхяни К.К., Глигевачвили Э.В., Давидадзе М.С., Каладзе Г.Г., Шквинидзе З.Р.* Археологическое исследование Машавского ущелья в 1984–1986 гг. // ПАИ в 1986 году. Тбилиси, 1991. С. 51–59.
- Куртин 1941 – *Куртин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. I.
- Кушнарёва 1957 – *Кушнарёва К.Х.* Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 129–135.
- Кушнарёва 1959 – *Кушнарёва К.Х.* Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама // Труды Азербайджанской (Орен-Калининской) археологической экспедиции. Т. I / МИА. М.; Л., 1959. № 67. С. 388–430.
- Кушнарёва 1965 – *Кушнарёва К.Х.* Новые данные о поселении Узерлик-тепе около Агдама // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2 / МИА. М.; Л., 1965. № 125. С. 74–102.
- Кушнарёва 1985 – *Кушнарёва К.Х.* Севано-узерликская культура периода средней бронзы Южного Кавказа // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 89–105.
- Кушнарёва 1993а – *Кушнарёва К.Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. СПб., 1993.
- Кушнарёва 1993б – *Кушнарёва К.Х.* Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. 1999. Вып. 209. С. 89–100.
- Кушнарёва 1995 – *Кушнарёва К.Х.* К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе // *Конвергенция и дивергенция* в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 65–71.
- Кушнарёва 1997 – *Кушнарёва К.Х.* Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древнейшие общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 11–43.
- Кушнарёва 2003 – *Кушнарёва К.Х.* Некоторые соображения по поводу развития кармирбердской культуры // Древнейшая культура Армении. Ереван, 2003. Вып. 3. С. 33–37.
- Кушнарёва, Рысин 1998 – *Кушнарёва К.Х., Рысин М.Б.* К проблеме влияния Южных цивилизаций на железные культуры эпохи бронзы // XX юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Ставрополь. С. 79–81.
- Кушнарёва, Рысин 2000 – *Кушнарёва К.Х., Рысин М.Б.* Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // СЭСЭГПА. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 70–90.
- Кушнарёва, Рысин 2001 – *Кушнарёва К.Х., Рысин М.Б.* Новые данные к проблеме датировки памятников «вступившей поры» Триалетской культуры // Saucassus, Essays on the Archaeology of the Bronze age. Тбилиси, 2001. № 6. С. 101–116.
- Майсурадзе, Панцхава 1984 – *Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.Н.* Святыни Шидда. Тбилиси, 1984.
- Мартиросян 1964 – *Мартиросян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Петросян 1989 – *Петросян Л.А.* Раскопки памятников Кети и Воскесяка. Ереван, 1989.
- Пилипосян 1998 – *Пилипосян А.С.* Печати Армянского нагорья в системе древневосточной глиптики. Ереван, 1998.
- Пиотровский 1949 – *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Л., 1949.
- Пиотровский 1963 – *Пиотровский Б.Б.* Предисловие // Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.; Л., 1963. С. 3–14.
- Пицхеллаури 1972 – *Пицхеллаури К.Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972.
- Пицхеллаури 1979 – *Пицхеллаури К.Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века // ТКАЭ. Тбилиси, 1979. Вып. III.
- Пицхеллаури, Менабде 1982 – *Пицхеллаури К.Н., Менабде Ц.Н.* Археологические памятники сел. Гадрекли // ТКАЭ. Тбилиси, 1982. Вып. V.
- Потребова 1977 – *Потребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Симонян 1977 – *Симонян А.Е.* Верин-Навер – новонайденный некрополь среднебронзовой эпохи в Аштаракском районе // ТД ИСШИЛАН Арм. ССР. Ереван, 1977. С. 15–17.
- Симонян 1979 – *Симонян А.Е.* Раскопки могильника Верин-Навер // АО в 1978 году. М., 1979. С. 524–525.
- Симонян 1982 – *Симонян А.Е.* Кармирбердская культура по материалам периода средней бронзы в Армении // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов всесоюзного совещания. Ереван, 1982. С. 69–73.
- Симонян 1983 – *Симонян А.Е.* Могильник эпохи бронзы Верин-Навер // КСИА. М., 1983. Вып. 176. С. 90–95.
- Симонян 1984а – *Симонян А.Е.* Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин-Навер // СА. 1984. № 3. С. 122–135.
- Симонян 1984б – *Симонян А.Е.* Культура эпохи бронзы северных районов Армянского нагорья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Симонян 1987 – *Симонян А.Е.* Культурный процесс в эпоху средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тезисы докладов. Ашхабад, 1987. С. 69–71.
- Симонян 1990 – *Симонян А.Е.* Новая трактовка социально-культурной общности эпохи средней бронзы Армении // ИФЖ. Ереван, 1990. № 1. С. 188–208.
- Симонян 2000 – *Симонян А.Е.* Археологические памятники и культурное наследие Армении (XI тыс. до н.э. – IX в. до н.э.) // Культурное наследие Туркменистана. Ашгабат: СПб., 2000. С. 69–72.

- Спицын 1909 – Спицын И.И. Некоторые закавказские могильники // ИАК. СПб., 1909. Вып. 29. С. 1–17.
- Ханзадин 1962 – Ханзадин Э.В. Длчашенский курган № 6 // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 66–71.
- Ханзадин и др. 1973 – Ханзадин Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С. Мецамор (исследование по данным раскопок 1965–1966 гг.). Ереван, 1973.
- Хачатрян 1975 – Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
- Arnaud, Calvet, Huot 1979 – Arnaud D., Calvet Y., Huot J.-L. Ibsu-ibnišu orfèvre de L'E Babbur de Larsa // Syria. Paris, 1979. T. LVI. P. 1–64.
- Boehmer 1972 – Boehmer R.M. Die Kleinfunde von Boğazköy // Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Berlin, 1972. Bd. 87. H. VII.
- Burney 1975 – Burney C. Excavations at Haftavan-tepe // Iran. 1975. Vol. XIII. P. 149–164.
- Burton-Brown 1955 – Burton-Brown T. Excavations in Azerbaijan. London, 1955.
- Çilingiroğlu 1984 – Çilingiroğlu A. The second millennium Painted Pottery Tradition of the Van Lake Basin // Anatolian Studies. London, 1984. Vol. 34. P. 129–140.
- Dyson 1973 – Dyson R.H. The archaeological evidence of the second Millennium on the Persian plateau // CAH. Cambridge, 1973. Vol. 2. P. 1. Ch. XVI.
- Edwards 1981 – Edwards M.R. The pottery of Haftavan VI B (Urmia ware) // Iran. 1981. Vol. XIX. P. 101–140.
- Maxwell-Hyslop 1946 – Maxwell-Hyslop K.R. Daggers and Swords in Western Asia // Iraq. 1946. Vol. 8.
- Medvedskaya 1982 – Medvedskaya J.N. Iran: Iron Age I // BAR. International ser. N 126. Oxford, 1982.
- Özgül 1986 – Özgül T. Kültepe-Kaniş II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East // Türk Tarih Kurumu Basimevi. Ankara, 1986. Ser. 5. N 41.
- Palmieri 1967 – Palmieri A. Insemediantrol del bronzo antico a Gelenciktepe (Malatya) // Origini Preistoria e Protostoria della civiltà antiche. Roma, 1967. N 1.
- Pichelauri 1984 – Pichelauri K.N. Jungbronzezeitliche bis alteneolithische Heiligtümer in Ost-Georgien // Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München, 1984. Bd. 12.
- Porada 1948 – Porada E. Corpus ancient Near Eastern Seals in North American collections. Vol. I. New York, 1948.
- Potratz 1966 – Potratz J.A.H. Die Pferdetranssen des Alten Orient // Analecta orientalia. Roma, 1966. N 41.

New Dating of the Karmirberd Culture in the Caucasus

K.Kh. Kushnareva (†)

This paper is devoted to more precise dating of the development of the *Karmirberd culture* (KBC) and to discussion of its peculiarities.

Most researchers, including until recently the author of this paper, have traditionally considered KBC as the oldest among the system of Middle Bronze Age cultures of the southern Caucasus. It was dated most commonly to the centuries around the turn of the 3rd and 2nd millennium BC, the lower limit being shifted back by some scholars even to the 23rd century BC.

At present, the accumulation of principally new evidence has already lead to certain reestablishment of the dates of the Middle Bronze Age complexes known. As a result, the problem of chronological revision of KBC also has become urgent. The reasons for this urgency are as follows. 1) Re-dating of the sites of the 'period of flourishing' of the Bedeni-Trialeti community (BTC), which now is placed firmly to within the time span from the last centuries of the 3rd millennium BC to the 19th–28th centuries BC (Кушнарева, Рысин 2001). 2) The necessity to explain the phenomenon of coexistence of KBC sites and 'royal' kurgans of BTC of its 'period of flourishing' in the southern Transcaucasia. This problem arose in consequence of re-dating of the kurgans of the "period of flourishing" to an earlier period and discovery of similar burrows within the same region of Armenia, viz. Karashamb, Kirovokan, Aruch, Nerkin-Naver etc., from where also concentrations of Karmirberd sites (unanimously dated previously to the same period) have been reported. 3) Due to the absence of reliable Near East parallels which would be helpful in

dating KBC it is urgent to re-consider in details the finds of grave offerings from Karmirberd burials in order to recover additional information.

The commonest evidence of KBC was found to be ware with peculiar painting (black paint against red background) accompanied in burials by black-burnished pottery with variable comb-stamped designs (running spirals, semi-arches drawn inside each other, hanging volutes, and double 'rings').

It seems that the oldest sites of KBC appeared in the late 18th–17th century in the Ararat valley. Here their greatest concentrations are found and here they existed throughout a certain period in their 'pure' form (i.e. devoid of Sevan-Uzerlik transitional artefacts or Late Bronze Age ones). An example of 'pure' complexes is burials nos. 25 and 26 at the cemetery of Verin-Naver. Later, pottery of the Sevan-Uzerlik type (also painted, but in another style with garlands of obliquely hatched rhombuses predominating among the motifs) started to appear in previously 'pure' burials. Occasionally, the latter contained also vessels of the transitional period (jugs painted after baking, vessels in the form of 'coconut', incense-burners with slots) or single items of the Late Bronze Age ware (cooking pots with sunflower-seed, finger-nail or wedge-shaped designs).

Analysis of the archaeological evidence enables us to date the appearance of final sites of KBC belonging to the stage of transition to the Late Bronze Age. Most probably, they are to be dated to the 15th century BC, some perhaps to the early 14th century, since the most common opinion holds that in the 14th–12th century BC

the Late Bronze Age period in pottery-making begins in the Caucasus. Painting vanishes and the amount of combed decorations diminishes. Vanished has with few exceptions such ware as jugs with swastika and meander motifs painted after baking, incense-burners and vessels in the form of 'coconut'.

Let us touch upon some additional evidence that confirms indirectly the dating of KBC proposed above. Firstly a Hurri-Mitanni seal from Large Kurgan no. V in Shamiram must be mentioned here, as well as faience beads from rich female burial no. 12 at Verin-Naver, a sword with frame hilt from burial no. 19 of the same cemetery and bronze horse-bits from a barrow in Oshakan.

The material expression of the phase of transition between the Middle and Late Bronze Age in the southern area of the Transcaucasia (late 15th – early 14th century BC) according to our observations is focused in the following peculiarities.

This was a period of technological change in pottery-making which resulted in the appearance of vessels of new types (cooking pots decorated with wedges, fingernail pinches and sunflower-seed designs). In 'pure' (early) complexes of KBC such ware is absent.

At the same time, the pottery continued to be manufactured among which painted vessels of the Sevan-Uzerlik type started to appear. The complexes mentioned above show that vessels painted in the Sevan-Uzerlik style made their appearance in the second half of the period of development of KBC.

During that short time span new and previously unknown types of pottery emerged and disappeared shortly after (vessels with bicoloured swastika or meander designs painted with paste after baking, vases on hollow stems, vessels in the form of 'coconut', two-funnelled and box-shaped incense-burners with slots), as well as new techniques of decoration (comb-stamped impresses rubbed-down with white or red paste, patterned burnish, painting after baking). The rare vessels showing these peculiarities are indicators of the transitional period.

The brevity of that period is demonstrated by the absence of similar types of ware both in 'pure' (early) burials of KBC and in complexes of the Late Bronze Age.

Thus the Karmirberd culture replaced the Bedeni-Trialeti cultural entity of the 'period of flourishing'. The latter has now firmly occupied the chronological position (22nd–19th/18th centuries BC) suggested previously for KBC.

No direct genetic ties are traceable between 'royal' kurgans of the 'period of flourishing' and burials of KBC because in the former there are signs neither of Karmirberd nor Sevan-Uzerlik artefacts, to say nothing of the Late Bronze Age ones, and *vice versa*. This fact suggests that bearers of KBC, of whom the painted ware was so characteristic, were incomers from the south (where the tradition of painting pottery dates back to millennia before) who occupied first the Ararat Valley and the nearest spurs of Mount Aragats.

Eventually, the Ararat Valley being overpopulated, the first wave of the intruders possibly moved north-west to the fertile plateau of what was historical Shirak. In burials of the latter, round pots and bowls typical to that culture, both painted (broad friezes with metopes) and black-burnished ones (with stamped dotted designs), continued to appear. Simultaneously, part of black-burnished ware was there modified resulting in what is, in our opinion, a local peculiarity of the pottery-making of Shirak during the period under consideration.

Still later, possibly by the same reason of overpopulation, another part of the Karmirberdians moved to the western bank of Lake Sevan where they left their burials with pottery of the period of transition to the Late Bronze Age stage as well as rare vessels of the Late Bronze Age proper. Also the so-called Sevan-Uzerlik ware appeared in these burials. Afterwards, the bearers of the Karmirberd culture advanced still farther east to the Karabakh steppe where they founded a number of settlements. The period of the existence of KBC in the southern Caucasus should be thus dated to about the end of the 18th – beginning of the 14th century BC.

Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы

(проблемы хронологии и периодизации)

М.Б. Рысян¹

Связи с Кавказом играли важную роль в культурогенезе степной зоны Юго-Восточной Европы, поскольку в эпоху раннего металла Кавказский центр культурогенеза являлся лидирующим для всего региона (Бочкарев 1991). Влияние Кавказа было обусловлено в первую очередь богатством разнообразных природных ресурсов и тесными связями его обитателей с передовыми цивилизациями Переднего Востока, что в совокупности способствовало формированию на Кавказе мощного очага металлургии и металлообработки. Уникальное расположение региона на скрещении древних путей сделало Кавказ транслятором достижений Древнего Востока и собственных новаций в степную зону и далее по всей Восточной Европе.

Связи были многоплановыми: обмен сырьем, готовой продукцией, продвижение технологий с помощью «бродячих» ремесленников, передача новаций в результате миграций и диффузий, дарения, обмен и заимствования в сфере престижной, элитарной культуры и др.

Для уточнения периодизации и хронологии особенно ценны свидетельства кавказско-поволжских связей в сфере металлообработки, поскольку именно Кавказ на протяжении раннего и среднего бронзового века (далее – РБВ и СБВ) служил основным источником новаций для населения степной зоны. На первостепенное значение сопоставлений с кавказской шкалой памятников эпохи бронзы указывали все исследователи, занимавшиеся проблемами хронологии и периодизации культур эпохи бронзы степного Поволжья (Мерперт 1974; 1988; Васильев 1979; 1981; Качалова 1983; Кузнецов 1991; Кияшко 1990; 1996; 1999; 2002; Мельник 1985; Трифонов 1991 и др.).

Общепризнанная кавказская периодизация, основанная на эволюции типов металлургических изделий, была разработана А.А. Иессеном (Иессен 1950). Актуальность использования этой периодизации определяется не только широким распространением кавказских типов металлургических изделий и быстротой усвоения новаций в сфере металлообработки, но и слабой разработанностью куль-

турной периодизации кавказских памятников, особенно для СБВ. Например, сегодня нет единства по проблеме периодизации памятников так называемой северокавказской культуры, отсутствует пока периодизация дольменной культуры Западного Кавказа, спорной остается проблема культурной периодизации памятников, оставленных мигрантами с южных склонов Кавказа (посткурааракских по терминологии В.Л. Ростунова).

За последние десятилетия получены новые данные, позволяющие дополнить схему А.А. Иессена еще одним этапом, предшествующим привольненскому. Подобное уточнение шкалы периодизации кавказских памятников стало возможно благодаря открытию в степном Предкавказье и Приазовье новотитровских и раннекатакомбных (преддоонецких) памятников. Установлено, что ножи второго привольненского типа впервые появляются в степной зоне в погребениях развитого этапа доонецкой катакомбной культуры (Смирнов 1996; Кияшко 1999); долотам привольненского типа (со свернутой втулкой) предшествуют долота со стержневым насадом, встречающиеся в позднейших, новотитровских и раннекатакомбных погребениях; а до вислообушных привольненских топоров в постмайкопских памятниках начала СБВ бытовали архаичные колуновидные орудия, отлитые со стороны брющка, типов Московское и Сочи-Корца (Кореневский 1981). Таким образом, изделия привольненских типов маркируют не ранний, а скорее развитый этап металлообработки СБВ на Северном Кавказе. Поэтому следует пересмотреть синхронизацию памятников Поволжья и Кавказа.

Приведем характеристику изделий начального, допривольненского этапа металлообработки СБВ.

Проушные топоры отливались в составную глиняную литейную форму, открытую со стороны брющка. От майкопских колуновидных топоров раннего бронзового века эти орудия отличает выделение нижней стенки втулки, удлинение клина и лезвия, усиление краев обуха валиками – ребрами жесткости. Появление подобных орудий мы связываем с влиянием из Закавказья, где в куроаракских памятниках РБВ найдены их прототипы и литейные формы (Бадаани, Лецинанак, Шортпе). Орудия этого типа можно считать псевдовислообушными в отличие от настоящих

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

вислообушных топоров, отливавшихся в форму со стороны спинки и принесенных на Северный Кавказ мигрантами из Закавказья в начале СБВ. Импортные вислообушные топоры сачхерского типа отличались удлинённой втулкой, сильным скосом ее верхнего края, узким в плане клином с усложненной профилировкой (Загли-Барзонд, Дзаурикау, Советское, Бамут, Ачхой-Мартан, Андреевская Долина). Позднее на Северном Кавказе появляются местные модификации *вислообушных топоров* (Привольное, Фаскау).

Желобчатые долота со стержневым насадом отличаются от нововободненских долот РБВ поперечным сечением корпуса (замена круглого сечения прямоугольным, квадратным, овальным или многогранным), а также желобком вдоль корпуса некоторых орудий (Андрюковская, Келермеская, Успенское, Первомайское, Александровка, Кулишова). Удлиненный желобок вдоль корпуса представляет собой усадочную канавку, образовавшуюся при отливке орудия (Андрюковская, Воздвиженская², Успенское, Келермеская). При проковке в большинстве случаев усадочная канавка исчезала, как у нововободненских долот с круглым в сечении корпусом. В Приазовье и степном Поднепровье в позднемных погребениях также найдены долота со стержневым насадом (как правило, без выделенного черенка, с прямо срезанным обушком), прямым лезвием и подквадратным сечением корпуса. Эти орудия восходят, вероятно, не к майкопским желобчатым долотам, а к позднетрипольским долотам или стамескам с прямым лезвием без желобка на корпусе (сравни: Дергачев, Манзура 1991; Черных 1997; Братченко 1996, 2001). На р. Илек, в Приуралье (Пятилетка, курган № 5, погребение № 2) обнаружено подквадратное в сечении желобчатое долото с выделенным черенком на конце стержня (Моргунова 2000; 2002). Такое долото можно отнести к продукции местной металлообработки позднейшей культуры, сложившейся под воздействием как кавказскими, так и позднетрипольскими.

Плоские тесла подтрапециевидной формы. На раннем постмайкопском этапе СБВ встречаются как тесла близкие по пропорциям к нововободненским, так и более удлиненные, приближающиеся по пропорциям к привольненскому типу. Ранее, выделив тесла успешного этапа, мы предполагали, что разброс их параметров свидетельствует о постепенном удлинении их на протяжении успешного периода от нововободненских пропор-

ций к привольненским. Однако рассмотрение закавказских тесел из посткуроаракских памятников позволило увидеть ситуацию с эволюцией тесел в новом свете. Дело в том, что закавказские тесла из памятников культуры ранних курганов (Сачхери, Марткопи, Бедени) близки по пропорциям к привольненскому типу. Далее к югу, на западе Армянского нагорья такие удлиненные тесла появляются еще в энеолите и бытуют в РБВ и СБВ. Поэтому мы предположили, что плоские тесла удлиненных «привольненских» пропорций попали сначала на Южный Кавказ, где сменили короткое орудия куро-аракской культуры (далее – КУАК), а в начале среднего бронзового века распространились на Северный Кавказ и в Предкавказье, где сменили укороченные постнововободненские тесла (Андрюковская, Тимашевск). При этом комплекс привольненского клада сформировался позднее, чем памятники с теслами близких пропорций и другими изделиями допривольненского типа (псевдовислообушными топорами, долотами со стержневым насадом и др.).

Ножи и кинжалы отличаются от нововободненских изделий РБВ удлиненным черенком, формой клинка (листовидной, овальной, ромбовидной и пятиугольной), плоским сечением клинка. В этот период выпускались также кинжалы с отлитой по восковой модели рукояткой, украшенной шнуровым декором.

Топоры-молоты (металлические и каменные) отличаются от аналогичных орудий РБВ удлиненной обушковой частью. Бронзовые топоры-молоты, отлитые по восковой модели, украшены шнуровым декором. Характерным признаком для металлических и каменных топоров-молотов начала СБВ является рельефный поясok из валиков и желобков на корпусе вокруг проушины (аналог ребра жесткости проушных топоров СБВ).

Крюки с раскованной и свернутой втулкой или отлитые по восковой модели. Отличаются от нововободненских крючков РБВ литым шнуровым либо пуансонным декором, а от крючков привольненского этапа – меньшими абсолютными размерами (на развитом этапе СБВ увеличивается размер «рабочей» части крючков – от изогнутого конца до начала втулки). На Переднем Востоке нам неизвестны находки крючков с раскованной втулкой. Однако типологически близкие изделия обнаружены в Иране, в Сузах (№ 1277–1281 по каталогу Ф. Таллон). Длина изделий 7 и 10, 11 см. Длина рабочей части – 4–5 см. Крюки из Суз датируются от XXIII до XVIII в. до н.э. (Tallon 1987: 294).

Так называемые шилья со стержневым насадом и корпусом подквадратного сечения слабо чувствительны к хронологическим изменениям. Все же отметим, что шилья с утолщением-упором на корпусе впервые появляются на допривольненском

² Комплекс из Воздвиженской по ряду признаков (коллективное захоронение, топор-молот с лизовидным поперечным сечением, долото подквадратного сечения, с канавкой вдоль вето корпуса) отличается от нововободненских погребений и сближается с постнововободненскими памятниками.

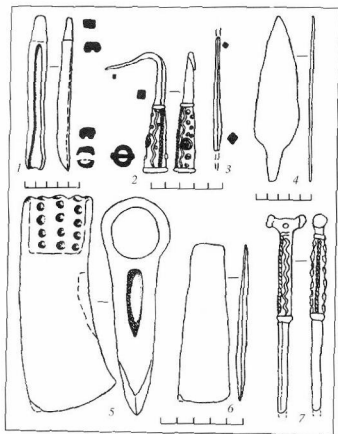

Рис. 1. Комплекс из разрушенного погребения у с. Успенское на р. Кубань (Лопатин 1993)

Fig. 1. Assemblage of finds from a disturbed burial near v. Uspenskoyeon the Kuban River (Lopatín 1993)

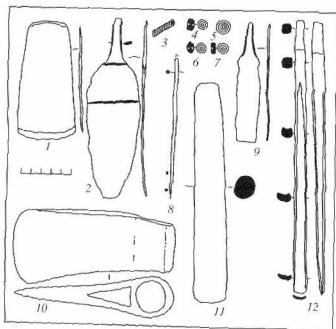

Рис. 2. Комплекс из ст. Андрюковской (раскопки Н.И. Веселовского, 1896 год)

Fig. 2. Finds from Stanitsa Andryukovskaya (excavated by N.I. Veselovskiy, 1896)

этапе СБВ, хотя продолжают бытовать и позднее, на развитом этапе СБВ.

Для начального этапа СБВ характерны также различные вотивные «булавки» – молоточковидные, роговидные, Т-видные (закавказского происхождения), – а также другие амулеты-украшения: височные подвески, кованые нашивные бляхи, пронизки, стерженьковые подвески и т.п.

Характерные для раннего этапа СБВ типы изделий представлены в инвентаре погребения из кургана у сел. Успенского (рис. 1) на левом берегу Кубани (Лопатин 1993), поэтому мы предложили именовать выделенный нами начальный допривольнянский этап металлообработки СБВ Северного Кавказа **успенским** (Рысин 1996а; 1996б; 1996в).

К началу успенского этапа мы относим (Рысин 1996а) прежде всего редкие погребения с яркими металлоносными комплексами. Одно из Закубанья (рис. 2) – ст. Андрюковская (раскопки Н.И. Веселовского, 1896 г., курган № 6), три других расположены в Прикубанье – Первомайский, курган № 2, погребение № 2 (рис. 3), Лебеди I, курган № 3, погребение № 10 (Гей 2000) и Тимашевск, курган № 1, погребение № 30 (Каминский 1993). В Закубанье к памятникам начала успенского этапа относятся также погребения с долотами со стержневидным насадом из Келермесской из раскопок Ю. Ю. Пинтровского (1984). К успенскому этапу мы относим комплекс из раскопки № 1 кургана № 12 могильника Клады (раскопки А.Д. Резепкина, 1981 г.)³. Возможно, к началу успенского этапа относится комплекс из раскопок Н.И. Веселовского в станице Воздвиженской. Все перечисленные памятники с изделиями успенского типа синхронны позднейшим и новотитаровским памятникам в степной зоне (до появления ранних катакомбных погребений), а на Северном Кавказе так называемому «горизонту с триподами», выделенному Р.М. Мунчаевым (Мунчаев 1986), посткурорарским памятникам (Ростулов 1998) и ранним «северокавказским» погребениям. А.В. Княшко предложил выделить ранние погребения успенского этапа, предшествующие появлению донецкой катакомбной культуры в особый этап, названный им андрюковским (Княшко А. 2002: 22–23; рис. 28). Этот этап, по определению А.В. Княшко, синхронен позднейшим и раннекатакомбным погребениям. Не возражая против разработки более подробной периодизации, мы считаем преждевременным выделение дополнительного этапа кавказской металлообработки, до тех пор, пока не сформулированы ясные признаки, отличающие его от успенского этапа. Кроме

³ Выражаю благодарность А.Д. Резепкину за возможность использовать неопубликованные материалы из погребения кургана № 12 могильника Клады.

того, мы полагаем, что принципиальное значение имеют «границы» начала успенского этапа⁴, — от финала новосвободненской культуры до периода «расцвета» так называемой северокавказской культуры (что соответствует горизонту сосудов на ножках и распространению изделий сачхерских типов на Центральном Кавказе). В степной зоне памятники начала успенского этапа соответствуют ямным и новитатаровским погребениям с ранними типами молоточковидных булавок (в Поволжье — поздняя ямная и ранним полтавским погребением). Повторим, что все известные комплексы начала успенского этапа (Андрюковская, Первомайская, Келермеская, Лебеди и др.) предшествовали появлению наиболее ранних катакомбных памятников в Приазовье и на Нижнем Дону (то есть второму этапу по периодизации А.В. Кияшко). Объемная сложность синхронизации этапов периодизации начала СБВ Кавказа и степной зоны связана, на наш взгляд, с особенностью процесса культурогенеза (ранней стадии развития после культурной трансформации). В начале СБВ в Предкавказье еще не завершилось формирование родственной культурной среды, «проницаемой» для распространения различных новаций, еще не закончилась «кристаллизация» из «расплава» ямных, субстратных и закавказских племенных групп нового «северокавказского» населения. Характерные для кавказской металлообработки СБВ типы изделий, прежде всего амулеты-украшения, на этом этапе еще не распространились в степную зону, что и затрудняет синхронизацию памятников начала успенского этапа с памятниками степной зоны. Оформление новой родственной и «проницаемой» культурной среды завершилось позднее, с появлением ранних катакомбных памятников.

Выделив признаки орудий успенского этапа, мы задались вопросом об источнике этих новаций. Как было показано выше, перечисленные орудия демонстрируют явные отличия от изделий предшествующей новосвободненской культуры РБВ (на уровне признаков, но не типов изделий), что и позволяет нам вычленивать успенский этап. В результате сравнительно-типологического анализа нами установлено, что прототипы всех новых металлических изделий обнаруживаются на Южном Кавказе в памятниках позднего этапа куро-аракской культуры (далее — КУАК), сачхерских курганах (проуцой топор с валиками псевдо-вислобушный топор успенского типа, Т-видные булавки) и в анатолийских центрах металлообработки РБВ (вислобушный топор, тесло вытянутых «привольненских» пропорций, долота с подквадратным и восьмигранным сечением корпуса, ножи, амулеты-украшения и т.п.). Все перечислен-

ные новации были, вероятно, транслированы на Северный Кавказ закавказскими мигрантами, сыгравшими, таким образом, роль стимулятора культурной трансформации начала СБВ на Северном Кавказе. В статье, посвященной анализу металлообработки и связям культуры ранних курганов Закавказья, мы подробно проанализировали истоки и пути распространения металлических изделий успенского этапа с Переднего Востока в Закавказье и далее на Северный Кавказ⁵ (Кушнарева, Рысин 2000б).

Здесь следует остановиться на одном заблуждении, повторяющемся в работах современных исследователей, сопоставляющих кавказские и степные культуры (Братченко 1996; Гей 2000; Кияшко А. 1999; 2002). Взгляд «из степной зоны» на Кавказ и распространение схемы А.А. Иессена на металлообработку Закавказья приводят к ошибочной синхронизации комплексов из ранних курганов Южного Кавказа (алазано-беденских и сачхерских) с катакомбными памятниками и с привольненским этапом металлообработки Северного Кавказа (Братченко 1996; Гей 2000: 205).

Выявление южного анатолийского источника для ведущих металлических изделий СБВ позволило нам найти объяснение появлению новых типов металлообработки Кавказа. Здесь не «работает» схема эволюции типов металлических изделий, предложенная А.А. Иессеном для Закубанья. Дело в том, что в Анатолии в РБВ существовали практически все типы металлических орудий, которые в закавказских курганах и в комплексах Северного Кавказа впервые появились в начале СБВ (на успенском и привольненском этапах). Таким образом, вместо плавной эволюции в конце РБВ на Северном Кавказе происходит смена новосвободненского ассортимента металлических изделий на закавказско-анатолийский. Этот процесс, по нашему мнению, составляет основу культурной трансформации финала РБВ на Северном Кавказе. На Юге, в Закавказье, с распадом куро-аракской общины, мастера ранних курганных культур также осваивают металлические изделия родственных им соседней по Армянскому нагорью. Следовательно, тесла из бедено-алазанских курганов, близкие по размерам к привольненским, следует сопоставлять не с последними, но с малоазийскими удлинненными орудиями РБВ. Долота со стержневым насадом успенского этапа, как мы упоминали выше, имели различное сечение корпуса и пропорции (в отличие от «стандартных» но-

⁵ Южные влияния передавались через перевалы, поэтому не случайно памятники с закавказскими влияниями, как РБВ, так и начала СБВ, располагаются в верховьях рек у выходов перевальных троп (Песбайская, Андрюковская; Загли Барзанд).

⁴ Можно назвать этот этап успенский — А или андрюковский,

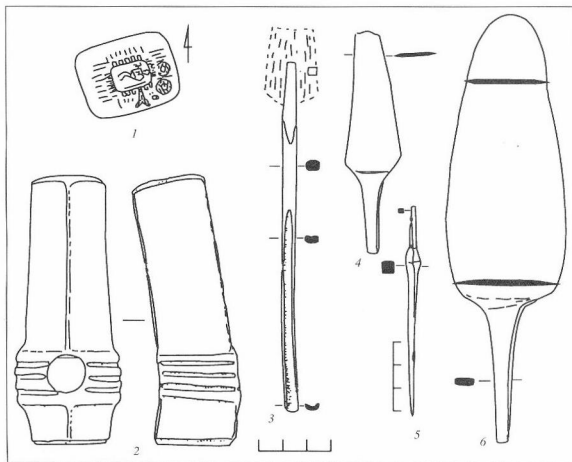

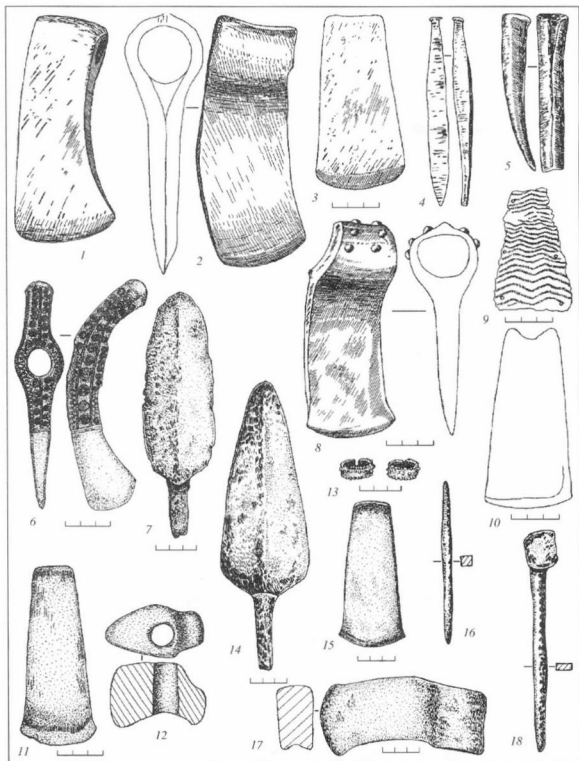
Рис. 3. Комплекс из с. Первомайского, курган № 2, погребение № 2 (раскопки А.А. Нехаева, 1979 г.)

Fig. 3. Finds from v. Pervomayskoye, kurgan 2, burial 2 (excavated by A.A. Nekhaev, 1979)

восвободненских орудий). В бедено-алазанских курганах обнаружены такие же разнообразные долота; та же картина наблюдается и в «исходном районе», в памятниках Малой Азии. Вислобушные топоры сачхерского (марткопского) типа также были заимствованы из анатолийских мастерских, где они изготовлялись уже в первой половине III тыс. до н.э.

Таким образом, передовые древневосточные центры распространили на Южный Кавказ в ареал ранних курганных культур традиции своей металлообработки, перенесенные затем на Северный Кавказ и в Предкавказье закавказскими мигрантами. Кузнецы степной зоны, в частности ямной и новотитаровской культуры, не только не смогли привести заметные новации в кавказскую металлообработку СБВ, но, напротив, сами усваивают успешные типы изделий с Кавказа (рис. 3, 4; Ге́й 2000: 150–157). В частности, к успешному этапу мы относим комплексы из могильников Лебеди I, курган № 1, погребение № 10 (конец первого этапа новотитаровской культуры, по А.Н. Ге́ю) и Первомайский, курган № 2, погребение № 2 (ямно-

новотитаровское погребение, по А.Н. Ге́ю). Ни-кому не приходит в голову связывать происхождение оригинального керамического комплекса беденской культуры со степями Приазовья и Прикуб-анья; напротив, в новотитаровской посуде явно заметно смещение черт степной ямной и кавказской традиций (например, упоминаемая А.Н. Ге́ем минеральная примесь в тесте, черное лощение, использование петельчатых ручек, характерные формы и декор столовой посуды; Ге́й 2000: рис. 40, 15, 18–21; 42, 7–14; 43, 6–11; 44, 7–18). Как известно, передвижения степняков культурной ямной общности происходили в границах степной зоны (о чем пишет и А.Н. Ге́й). Поэтому трудно согласиться с его предположением о миграции группы новотитаровского населения через перевалы Главного Кавказа в долины Куры и Алазани (где они, по А.Н. Ге́ю, могли основать династию правителей бедено-алазанской культуры; Ге́й 2000: 207–209). Кстати, в горах были бы бесполезны неповоротливые телеги-кибитки новотитаровцев, тщательно и достоверно реконструированные А.Н. Ге́ем (Ге́й 2000: 175–191). Новотитаровские телеги за-

Рис. 4. Изделия кавказских типов в Поволжье (успенский этап): 1 – случайная находка (Хвалынский музей); 2–5, 9 – ст. Котлубанка; 6 – Большая Дмитриевка II, курган № 4, погребение № 1; 7 – Утевка I, курган № 2, погребение № 1; 8 – с. Труевская мазя, ур. «Столбы»; 10 – Ровное Д, курган № 37, погребение № 1; 11–12 – Советское, курган № 2, погребение № 11; 13–18 – Утевка I, курган № 1, погребение № 1

Fig. 4. Articles of Caucasian types in the Volga area (Uspenskiy phase): 1 – chance find (Khalvalynskiy Museum); 2–5, 9 – Stanitsa Kotlubanka; 6 – Bolshaya Dmitrievka II, kurgan 4, burial 1; 7 – Utevka I, kurgan 2, burial 1; 8 – v. Truyevsakaya Maza, Urochishche «Stolby»; 10 – Rovnoye D, kurgan 37, burial 1; 11–12 – Sovetskoye, kurgan 2, burial 11; 13–18 – Utevka I, kurgan 1, burial 1

метно отличались от хорошо сохранившихся повозок из беденских погребений (сравни, например: Гей 2000: рис. 55; Мелитаури 1970: 8–10; Лордкипанидзе 1989: рис. 51). У телеги из Бедени удалось проследить устройство для поворота передней оси, не известное новотитаровским и древнейшим мастерам-повозочникам. На горных дорогах были необходимы двухколесные арбы, которые и использовались здешним населением уже в РБВ, судя по глиняной модели из куроаракского слоя поселения Бадаани (Мирцхулава 1981: 51, таб. XXV, 1). Хорошо сохранившаяся одноосная арба найдена в злитом беденском погребении (Гобеджишвили 1980). В Закавказье обнаружены погребения, совершенные по ямному обряду (на спине, скорчено). Эти могилы встречены в Азербайджане (Ахундов 2001) и в Грузии (Джапаридзе 1998). Однако сколь-нибудь значительные влияния «северокавказцев», «ямников» и «катакомбников» на материальную культуру закавказских племен не зафиксированы; зато на Северном Кавказе известно уже немало памятников, оставленных переселенцами с юга («посткуроаракскими», по терминологии В.Л. Ростунова), а их влияние на культуру и в первую очередь на металлообработку «северян» очевидно⁶. Переселению жителей Закавказья на север имело вполне логичное объяснение. Расширение скотоводческого сектора и сегментация общин в условиях малоземелья (еще на развитом этапе КУАК) приводило сначала к освоению высокогорных пастбищ (отгонное скотоводство), а затем и северных склонов Кавказа. При этом малочисленное местное население было, вероятно, ассимилировано пришельцами из Закавказья, а частично вытеснено на плоскостную равнину Предкавказья, где оно контактировало с ямными и новотитаровскими племенами (петропавловская группа в Закубанье, по А.Н. Гею). Отмечаются несколько «волн» распространения кавказского населения и кавказских технологических новаций в степную зону, о чем пойдет речь ниже.

Обратимся к связям Кавказа с Поволжьем в эпоху РБВ. Следует принять во внимание, что границы этапов периодизации Кавказа и степной зоны не всегда совпадают. Так, майкопские и новосвободненские памятники Северного Кавказа относятся сегодня к эпохе ранней бронзы, а синхронны им степные памятники – к энеолиту (Массон 1998; 2000). В предгорьях Северо-Запад-

ного и Центрального Кавказа выделяются памятники так называемой горной энеолитической культуры (памятники с наколчатой жемчужной керамикой, по С.Н. Корневскому), сосуществовавшие с майкопскими и новосвободненскими, но относящиеся к энеолитической стадии по культурно-исторической периодизации (Рысин 1991а; 1997; Резепкин 2000; Пхакадзе 1985; Корневский 1998). Ранее эти памятники объединяли с майкопскими (Формозов 1965; 1994), а А.А. Нехаев отнес их вместе с исследованным им поселением Свободное к домайкопской энеолитической культуре (Нехаев 1992). М.Б. Рысин впервые обратил внимание на различие в орнаментации керамики из майкопских и новосвободненских памятников (напеленные пищечки) и из поселений горного Закубанья (выдавленные наколом «жемчужины»), а позднее, учитывая различия ареалов и других признаков (расположение памятников, мощность культурного слоя, архитектура, хозяйственно-культурный тип, характер археологического материала), выделил особую группу памятников, названную им субстратной «энеолитической» (Рысин 1991а). Соглашаясь с замечанием С.Н. Корневского по поводу термина «субстратный» (Корневский 1998), мы предлагаем сегодня нейтральное название «горные энеолитические» памятники. С.Н. Корневским предложено иное название – «памятники с наколчатой жемчужной керамикой», что совпадает с ведущим признаком орнаментации керамической посуды, выделенным нами. В.А. Трифонов и А.Д. Резепкин утверждают, что энеолитические и майкопские памятники отчасти синхронны. С.Н. Корневский недавно (Корневский 1998) также присоединился к гипотезе о сосуществовании горных поселений с памятниками майкопской культуры. Майкопская культура, ранее разделенная на ранний майкопский и поздний новосвободненский этапы (Иессен 1950), сегодня представляется в виде двух сосуществующих компонентов или культур – майкопской и новосвободненской (Мунчаев 1994; Резепкин 1989; Резепкин 2000; Корневский 1993; 2004). Происхождение майкопской культуры связывается с южным влиянием (миграцией или диффузией с Переднего Востока: Мунчаев 1994; Резепкин 2003; Трифонов 1987; 2003), а новосвободненская

⁶ Закавказское культурное влияние фиксируется не только на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, но и на поселениях дольменной культуры в Закубанье: формы для отливки виспозубных топоров, обломки очажных подставок, фрагменты черепочной керамики со светлой «подкладкой», сосуды с пластичными ручками и ручками-выступами, конусовидные прядилья, глиняные модели колес и т.п. (Рысин 1992; 1997; Маркович 1997).

⁷ Трудно согласиться с предложенным С.Н. Корневским членением майкопских памятников на локальные варианты: «галюгаевский» и «долгинский» майкоп (Корневский 1993). Памятники обоих типов располагаются в Предкавказье «черепочнико», а на отдельных поселениях, по мнению С.Н. Корневского, майкопские комплексы демонстрируют признаки и долгинского и галюгаевского вариантов (Шеаровский, Корневский 1996: 9). Видимо, для выделения локальных вариантов майкопской культуры данных пока недостаточно.

культура сформировалась под влиянием с запада (Резепкин 1991; Трифонов 1991; Рассамакин 2004; Рассамакин, Самар 1999). Впрочем, металлообработка новосвободненской культуры имеет все же западные, а все те же передневосточные корни (западные претенденты на роль «предков» новосвободненцев, например КВК, как известно, только начинали знакомиться с металлом). Существует предположение о южных, сиро-анаатолийских истоках формирования не только новосвободненского металлокомплекса, но и своеобразной керамики – новосвободненских чернolощеных сосудов. Е.И. Крупнов и Н.Я. Мерперт высказали подобное предположение, опираясь на сходство сосуда из погребения № 16 кургана № 4 у ст. Мекенской с новосвободненскими и передневосточными сосудами (Крупнов, Мерперт 1963: 40, рис. 6, 10). Недавно к выводу о южных истоках формирования памятников новосвободненской культуры, в том числе и чернolощеной керамики, пришел В.А. Трифонов на основании анализа материалов из каменной гробницы на поселении Арслантепе (Трифонов 2004: 58–59). Период существования майкопских и новосвободненских памятников разделяется на три этапа: устьдзугутянский, костромская-иноземцево и бамутский (Резепкин 1989). На развитом и позднем этапах (костромском и бамутском) фиксируется проникновение групп населения из Предкавказья на Нижний Дон и в Калмыкию. Присутствие кавказского населения документируется находками майкопской керамики в слое Константиновского поселения (до 6% от общего количества посуды) и в погребениях Койсукских курганов (Кияшко В. 1994). В Калмыкии северный рубеж продвижения новосвободненцев фиксируется погребениями с характерной керамикой и металлическими изделиями в курганном могильнике Эвдык у озера Цаган-Нур (Шилов, Багатурдинов 1998).

Свидетельства контактов иного рода – распространения металлических изделий кавказских типов за границы ареала майкопских племен. Это колунообразные топоры в Приднепровье (Балаклава, Верхнеднепровск; Нечитайло 1991); княжол новосвободненского типа из Новой Каховки в Приазовье (Нечитайло 1991; 2000; Братченко 1996), наконец копья у села Заможное в Донецком районе (Братченко 2001). Наряду с единичными импортными изделиями уже в майкопское время в Подонье и Приднепровье распространялась кавказская технология металлообработки, прежде всего – отливки колунообразных проушных топоров в глиняной двухчастной литейной форме со вставным сердечником. Это подтверждают находки подобных литейных форм (Верхняя Маевка, Самарский остров; Ковалева 1984) и топоров, изготовленных из местного металла – чистой меди

(Павловский могильник, курган № 31, погребение № 4; Синюк 1983).

Характер и интенсивность связей Кавказа в майкопское время имеют четкую пространственную обусловленность. Основное направление этих связей северо-западное, – в Приазовье, с дальнейшей радиацией в степное Поднепровье и Крым. Здесь встречаются как майкопские импорты, так и подражания им (изделия из металла и керамика). В Приазовье обнаружен анклав майкопского (новосвободненского) населения – на Константиновском поселении и десятки погребений так называемой степной филиации майкопской и новосвободненской культуры (Резепкин 1991; Трифонов 1991). В Поднепровье майкопские сосуды среднего этапа с пролощенным и прочерченным орнаментом обнаружены вместе с позднетрипольскими сосудами (Рассамакин 2004: рис. 3). Севернее, на границе степной и лесостепной зон, на Среднем Дону обнаружен пока единственный погребальный комплекс с подражаниями кавказским металлическим изделиям РВБ – Павловский могильник. На севере в Предкавказье иррадиация кавказского населения в степную зону документируется подкурганными погребениями в долинах Егорлыка, Калауса и Маньча (Шицлина 1992; 2002). Далее к северу и северо-востоку не зафиксировано распространение продукции майкопской металлообработки. В Нижнем Поволжье майкопские погребальные памятники не обнаружены за границами Калмыкии⁸. Традиционно к свидетельствам связей с кавказскими культурами РВБ в Поволжье относили находки проушных колунообразных топоров и подтрапециевидных тесел (Шилов 1975; Корневский 1980). В последние десятилетия ряд находок, связываемых с влиянием майкопской металлообработки, в Поволжье и Приуралья пополнены изделиями из подкурганных погребений Присамарья и р. Илек (Васильев 1979; Корневский 1980; Кузнецов 1991; Моргунова 2000; 2002; Моргунова, Кравцов 1994; Моргунова, Турецкий 1998). Подчеркнем, что проанализированные металлические орудия изготовлены из местного сырья (чистая медь), следовательно, это не импорты, а местные подражания кавказским изделиям (Черных 1966; 1978). Единственное каменное изделие, обнаруживающее параллели в инвентаре новосвободненских погребений финального (бамутского) этапа, – топор-клевещ из древнеямого погребения у х. Степана Разина в Нижнем Поволжье (Мерперт 1974; Бетровцов, Нагоев 1984). Впрочем, нельзя исключать возможность попадания этого орудия в Поволжье уже в

⁸ Упомянутые выше майкопские и новосвободненские погребения у оз. Цаган-Нур в Калмыкии располагаются на юге Нижнего Поволжья.

постмайкопское время. Подобные клиновидные топоры были известны в широком территориальном и хронологическом интервале в памятниках Древнего Востока. Нам известны находки подобных орудий на поселении Саразм в Туркмении (Исаков 1991) и в могиле М некрополя Аладжа Хююк в Центральной Анатолии (Kosay 1951; Резепкин 1989).

Таким образом, связи Кавказа с Поволжьем в РБВ выражались в распространении передовой кавказской технологии изготовления проушных колунообразных топоров – дитя в открытую со стороны брешка составную форму. Однако уточнение периодизации и выделение нами Успенского этапа кавказской металлообработки позволяет внести коррективы в картину северных связей Кавказа. Выясняется, что большинство найденных в Поволжье металлических изделий являются дериwатами орудий Успенского (постмайкопского) этапа начала СБВ.

Проушные топоры из Поволжья, традиционно сопоставлявшиеся с майкопско-новосовободненскими, обладают характерным признаком орудий успенского этапа – выделением нижней стенки втулки (псевдовислообусность). Это относится к топорам из Труевской Мазы, станции Колтубанка, сел. Краснополе, Утевского могильника, а также к топорам из могильника Тамар-Уткуль в Приуралье. Не может служить решающим аргументом для «майкопской» атрибуции топора из Труевской Мазы украшение его обуха шишечками, поскольку установлено, что рельефный декор из шишечек и валиков характерен для металлических изделий СБВ, например декор топора из Успенского (Лопатин 1993), топора-молота из п. Черноморского (Тарабанов 1990), а также орнамент на металлических булавах, крюках, медальонах и т.п. В результате после нашей коррективки в Поволжье с кавказскими колунообразными орудиями РБВ можно синхронизировать только топоры из коллекции Волгоградского Краеведческого музея (из пос. Рокотино и ст. Нижнекурморской) и из Хвальского музея (Шилов 1975). Следовательно, в РБВ майкопская технология металлообработки на севере и северо-востоке не распространялась за пределы Нижнего Поволжья, причем единичные подражания кавказским колунообразным проушным топорам встречаются только вблизи главной водной артерии – Волги. Важно также отметить самостоятельный характер волжско-уральской металлообработки ямных племен, базирующейся на местном меднорудном сырье. Зародившаяся в неолитическом периоде местное металлопроизводство использовало балканские (Черных 1978; Черных, Авилдова, Орловская 2000; Массон 2000; Манзура 2004; Мерперт 1988) и кавказские технологические достижения, творчески перерабатывая

их и выпуская продукцию с отличными от прототипов признаками.

Для уточнения периодизации памятников РБВ следует протянуть «цепочку» синхронизаций на запад в ареал трипольской культуры, чтобы установить хронологическую позицию кавказских древностей методом перекрестного датирования. Сложность такого процесса состоит в том, что пока нет надежных случаев совместного обнаружения в закрытых комплексах артефактов трипольской культуры и раннего этапа майкопской культуры. Известны лишь находки из памятников нижнемихайловской культуры: раннемайкопский (?) сосуд в погребении у с. Соколово и два фрагмента раннемайкопской (?) керамики из жилища нижнего слоя Михайловского поселения (Шалошников 1985а: 327–330). По находкам трипольской керамики нижнемихайловские памятники синхронизируются с периодами В II – С I и С I Триполья, то есть с первой половиной IV тыс. до н.э. (3800/3700–3500/3400 лет до н.э.). Для синхронизации памятников второго этапа майкопской культуры по западной линии (этап костромская-иноземцево) можно упомянуть находки сосудов (майкопских?) с пролощенным и прочерченным орнаментом в погребениях живоитовско-волочанского типа периода С II Триполья, датированных второй половиной IV тыс. до н.э. (3500/3400–3000/2900 лет до н.э.; Рассамкин 2004: 5–7, рис. 3⁹). Сосуды майкопской культуры с пролощенным орнаментом по передне-восточным параллелям синхронизируются с концом среднего и поздним уруком – также со второй половиной IV тыс. до н.э. (Резепкин 2003; Трифонов 2003).

Начальный этап СБВ на Северном Кавказе характеризуется крупнейшей культурной трансформацией и смесью культур, что не могло не отразиться на характере связей Кавказа со степным миром. В ареале, занятом прежде новосовободненскими племенами, активизируются этнические перемещения. В Центральном Предкавказье зафиксированы памятники мигрантов из Закавказья посткуроракского времени (Бетровов, Нагоев 1984; Николаева, Сафронов 1980; Мунчаев 1986; Ростунов 1985; 1998). Синтез закавказских и местных (степных?) традиций дал начало «северокавказской» культуре (скорее, нескольким локальным культурам). На Северо-Восточном Кавказе при активном участии носителей закавказской беден-

⁹ Збеневич полагал, что амфора с пролощенным орнаментом из кургана у с. Верхний Ахшаб в Кабардино-Балкарии является позднетрипольским импортom (Збеневич 1987). Сосуд из Верхнего Ахшаба, скорее всего, майкопский, но в устьевских памятниках встречается сосуда с прочерченным декором в виде косой сетки (Деграчев, Манзура 1991; Рассамкин 2004), что позволяет синхронизировать этап С II Триполья и средний этап майкопской культуры.

ской культуры и степного населения формируются великентская и гинчинская культуры (Гаджиев 1991; Магомедов 1992). На Северо-Западном Кавказе сложилась дольменная культура. В ее генезисе также принимали участие закавказские мигранты и неизвестные пока носители мегалитических традиций, возможно средиземноморских (Марковин 1978; 1997; Резепкин 1988; Рысин 1997; Трифонов 2001). В Прикубанье в результате смешения населения степной филиации новостободненской группы (?) и ямного населения формируется новотитаровская культура (Гей 2000). Позднее в Приазовье на местном ямном или новотитаровском субстрате (под культурным воздействием с Кавказа) возникает ядро будущей свиты катакомбных культур (Братченко 1976; 2001; Смирнов 1996; Княшко А. 1999; Гей 2000; Трифонов 1991). Мы разделяем предположение В.Я. Княшко (Княшко В. 1979), поддержанное и развитое сегодня А.В. Княшко (Княшко А. 1996), о культурном родстве «катакомбников» и строителей западнокавказских дольменов. Объединяет дольменную культуру с катакомбными, прежде всего, повышенное внимание к ритуальной практике, сопровождающей обряды перехода. Первостепенно, безусловно, принадлежало строителям дольменов, что было обусловлено прочной оседлостью, владением ресурсами горного региона и транзитными путями, ведущими на Юг. Все это позволило носителям дольменной культуры длительное время сохранять стабильность¹⁰ и создать уникальные племенные святилища, такие как *Серебряный курган* и *Псынак*¹¹. Возможно, именно в родственной культурной среде в СБВ широко распространились культуры со склеповыми погребениями или блок родовых культур (Гаджиев 1991; Рысин 1992; Ахундов 1999).

Родственные (?) связи новотитаровского и катакомбного населения с населением Кавказа на успенском этапе документируются находками кавказских керамических импортов и местных подражений им (III группа керамики, по А.В. Княшко)

¹⁰ Длительное существование дольменной (как и куро-араской) культуры свидетельствует о способности ее носителей адаптироваться к меняющимся эколого-климатическим условиям, в полной мере используя возможности среды обитания.

¹¹ По мнению В.А. Трифонова, эти комплексы отражают социальную стратификацию в обществе строителей дольменов – то есть это могилы вождей (Трифонов 2001). Мы полагаем, что Псынак и Серебряный курган являлись, прежде всего, культовыми центрами, являющимися «храмами», тогда как обычные дольмены являлись святилищами отдельных родов или кланов. Мы согласны при этом, что мегалитические постройки Кавказа, как это предполагается для европейских мегалитов, могли играть роль «межвые знаков», что особенно актуально в условиях горного малоземелья (Трифонов 2001).

в Прикубанье, Приазовье и на Нижнем Дону (Братченко 1976; 2001; Гей 2000; Княшко А. 1990; 1999; Нечитайло 1991; Смирнов 1996; Трифонов 1991). Прототипы такой керамики обнаруживаются на поселениях дольменной культуры Западного Кавказа (Княшко А. 1999; Рысин 1992; 1997; Марковин 1997). Кроме выделенной А.В. Княшко керамики с кавказской технологической традицией, в степном Приазовье и в Прикубанье встречается керамика, сформованная на прутьевом каркасе, оставляющем глубокие бороздки на внутренней поверхности сосуда. Этот своеобразный прием формовки выделен М.Б. Рысиным в качестве маркирующего признака для посуды западнокавказских поселений строителей дольменов (Рысин 1992; 1997). К кавказской традиции относится и снабжение сосудов разнообразными ручками и специфический способ прикрепления ручек к сосуду при помощи глиняных шпенок (Рысин 1997). Элементы культурных кавказских традиций отмечены в Крыму и Поднепровье, в ареале кемиобинской культуры (Гей 2000; Нечитайло 1991). Наряду с керамической посудой и деталями погребального обряда, кавказско-степные связи начала СБВ документируются находками в Приазовье, Подонье и Поднепровье импортных металлических изделий и местных подражений им (плоские тесла, долота, ножнажи с металлической рукояткой, ножи, молоточковидные булавки, полусферические бляшки, кольцевидные и дисковидные медальоны, стерженьковые подвески с шариками и пр. (Нечитайло 1991; Черных 1997; Братченко 2001; Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977; Шапошникова и др. 1986).

Разработанные на сегодняшний день схемы периодизации памятников степных культур не всегда совпадают друг с другом и с периодизацией кавказских культур. Так на Северном Кавказе дольменная, северокавказская и гинчинская культуры, а также «посткуроаракские» памятники относятся к эпохе средней бронзы по культурно-исторической периодизации (Мунчаев 1994; 1986; Марковин 1994а; 1994б; Ростунов 1998). Они существовали на протяжении успенского, привольненского и костромского этапов развития северокавказской металлообработки (Иессен 1950; Рысин 1996а). Синхронные им ямные, новотитаровские и ранние катакомбные памятники в степной зоне относятся к этапу ранней бронзы (Братченко 2001; Нечитайло 1991¹²). Было предложено несколько вариантов периодизаций для культур эпохи бронзы на прилегающих к Кавказу территориях Нижнего Дона, Приазовья, Предкавказья и Поволжья. Наиболее убедительное сопоставление культурно-хроноло-

¹² В более поздней работе А.Л. Нечитайло отнесла катакомбные памятники к средней бронзе (Нечитайло 2000: 62).

гических схем приведено в работах В.А. Трифонова (Трифонов 1991: 109–165) и А.В. Кияшко (Кияшко А. 1999: 161–177). Основное отличие схем для памятников степной зоны состоит в том, что С.Н. Братченко *начальный этап* катакомбной культуры на Нижнем Дону и Северском Донце называет раннедонецким, а А.В. Кияшко, вслед за А.М. Смирновым, *выделяет додонецкий или преддонецкий раннекатакомбный период*. В Прикубанье этому периоду соответствуют предкатакомбная и раннекатакомбная группы В.А. Трифонова и ранняя фаза восточно-приазовской катакомбной культуры по А.Н. Гею. В Волго-Уральском регионе в этот период существуют памятники III хронологической группы ямной культуры по Н.Я. Мерперту и первой группы подтавнинской культуры по Н.К. Качаловой. И на Дону и в Приазовье на этом этапе зафиксировано *существование позднейших памятников с раннекатакомбными*. В Калмыкии В.П. Шиллов выделил предкатакомбный архаринский горизонт, на котором поздние ямные памятники сосуществуют с ранними северокавказскими и подтавнинскими (Шиллов 1985). Позднее, по А.В. Кияшко и А.М. Смирнову, на Нижнем Дону и Северском Донце появляются ранние донецкие катакомбные памятники (в начале среднего бронзового века по периодизации для степной зоны). По С.Н. Братченко в это время начинается средний период донецкой катакомбной культуры. В Прикубанье и Приазовье этот период соответствует второй катакомбной хронологической группе по В.А. Трифонову и поздней фазе восточно-приазовской катакомбной культуры по А.Н. Гею. В Волго-Урале в это время существует *поздняя вторая группа подтавнинской культуры*. Следующему этапу на Нижнем Дону, Северском Донце и в Приазовье соответствуют позднедонецкие памятники по А.М. Смирнову, развитая фаза среднего периода донецкой катакомбной культуры по С.Н. Братченко, развитая донецкая катакомбная культура по А.В. Кияшко. В Калмыкии появляются памятники предкавказской катакомбной культуры. Развитой и финальный этапы средней бронзы представлены на Нижнем Дону и в Приазовье памятниками бахмутско-маньчжского типа, а в Калмыкии памятниками развитого и финального этапов предкавказской катакомбной культуры. В Нижнем Подонье и на Северском Донце в финале среднего бронзового века сформировались (по мнению В.С. Бочкарева, под воздействием населения, переселившегося с северо-восточного Кавказа) *памятники культуры многовалковой керамики* (Березанская 1986).

По схеме А.Н. Гея, в Приазовье и Прикубанье ранние катакомбные памятники происходят от *новотитаровских* (Гей 2000). По схеме В.А. Трифонова, в Прикубанье поздние ямные памятники сме-

няются раннекатакомбными, а в Закубанье – ранними «северокавказскими» памятниками (Трифонов 1991). Финал средней бронзы в Прикубанье и в Закубанье связан по В.А. Трифонову с батуриновскими катакомбными памятниками (оставленными выходцами с северо-восточного Кавказа). Недавно Р.А. Мимоход выделил на территории степного Предкавказья и Калмыкии *посткатакомбную лопинскую культуру* финала СБВ (Мимоход 2004). В Поволжье по И.Б. Васильеву (Васильев 1979), Н.К. Качаловой (Качалова 1962) и П.Ф. Кузнецову (Кузнецов 1991) *позднеямные памятники* сосуществуют с подтавнинскими. На Среднем Дону *позднеямные памятники* сменяются среднедонскими катакомбными (Синюк 1983; Пряхин, Матвеев, Беседин 1991). В финале средней бронзы на Средний Дон и в Волго-Донское междуречье расселяются носители культуры *многовалковой керамики*. Зафиксированы здесь также памятники *покровской группы*. Р.А. Мимоход выделяет для *финала СБВ* в Нижнем Поволжье *посткатакомбную криволукскую культуру* (Мимоход 2004), на памятники которой впервые обратила внимание Э.С. Шарафутдинова (Шарафутдинова 2001). На Средней Волге подтавнинские и катакомбные памятники сменяются в *финале СБВ потаповскими*. В Приуралье, по схеме Н.Л. Моргуновой, *позднеямные памятники* и памятники подтавнинской культуры доживают до *финального этапа* средней бронзы (Моргунова 2002) и сменяются синташтинскими памятниками. Согласно периодизации А.В. Кияшко, на втором этапе происходит распространение *катакомбной погребальной традиции* на различных территориях – на Нижнем и Среднем Дону, Северском Донце, в Приазовье и Прикубанье (Кияшко А. 1999: 163–172). А.В. Кияшко полагает, что В.А. Трифонов ошибочно выделил предкатакомбную группу памятников в Прикубанье; инвентарь этих погребений по своему облику соответствует находкам в *ранних катакомбах* Нижнего Дона, следовательно, их также можно отнести к *раннекатакомбному периоду* (Кияшко А. 1999: 164).

Памятники так называемой северокавказской культуры могли сформироваться на Северном Кавказе в результате *смешения* закавказских мигрантов с *автохтонным кавказским населением* и носителями *позднеямной культуры*. Северокавказские памятники в Закубанье, по В.А. Трифонову, синхронизируются с предкатакомбной и раннекатакомбной группами. В финале средней бронзы эти памятники сменяются *поздними катакомбными памятниками* и *памятниками культуры многовалковой керамики*. По периодизации В.А. Сафронова, в Предкавказье ямные памятники (горизонт – «А») сменяются северокавказскими (горизонт – «В»), затем памятниками предкавказской катакомбной культуры (горизонт – «Д») и срубны-

ми (горизонт – «Е»; Сафронов 1974). А.В. Княшко, сопоставляя свою схему периодизации памятников Нижнего Дона со схемой С.Н. Кореневского (Кореневский 1984) для памятников Центральной части Северного Кавказа, синхронизирует северокавказские памятники ранней фазы со вторым периодом (раннекатакомбным), а памятники поздней фазы – с третьим, раннедоицким периодом (Княшко А. 1999: 164). На наш взгляд, А.В. Княшко ошибается, соотнося начало существования северокавказских памятников с Т-видными булавками с появлением катакомбных погребений на Нижнем Дону и в Приазовье. Надо учитывать, что Т-видные булавки существовали сравнительно долго на Кавказе и в Предкавказье (Кореневский 1986). Ранние типы таких булавок в Закавказье (Хизанант-гора, Квацхелеби В, Сацхери) и Центральной части Северного Кавказа бытовали одновременно с роговыми молоточковидными булавами с цилиндрическим стержнем, характерными для ямных, новотитаровских и «северокавказских» памятников, предшествовавших появлению ранних катакомбных погребений. Подобную ошибку, на наш взгляд, допустил и А.Н. Гей, сопоставивший Т-видную булавку позднего варианта (III группа по классификации С.Н. Кореневского) из финального новотитаровского погребения (Новомышастовская, курган № 10, погребение № 2) с ранними образцами Т-видных булавок из куроаракских памятников. В результате, исходя из такой синхронизации, автор считает новотитаровскую культуру в целом «древнее сацхерских, мартопских, беденских и даже поздних куроаракских памятников», а культуру ранних курганов Закавказья синхронизирует с катакомбными памятниками (Гей 2000: 207). Действительно, сопровождающий эту позднюю разновидность Т-видной булавки инвентарь (Гей 2000: рис. 57) соответствует типам изделий так называемого ямно-катакомбного горизонта или второго периода по А.В. Княшко. Ранние же образцы Т-видных булавок, а также инвентарь памятников начала успешного этапа, безусловно, древнее преддоицких катакомбных погребений и синхронизируются с позднейшими и новотитаровскими памятниками в степной зоне. Для уточнения стратиграфической позиции новотитаровских памятников раннего этапа (по А.Н. Гейю) большое значение имеет, на наш взгляд, обнаружение в погребении № 2 кургана № 1 Большого Петропавловского могильника в Закубанье рогового молоточковидной булавки с горизонтальными нарезками на цилиндрическом в сечении стержне (ранний тип булавки). Основное погребение № 3 скорченное, с восточной ориентировкой – новотитаровское раннего этапа. На край насыпи основного погребения «лег» выйдя из погребений № 2 и 6, впущенных с уровня древней погребенной по-

верхности. Надежно зафиксированная стратиграфия (раскопки А.Н. Гей и О.А. Ульяновой в 1982 году) позволяет синхронизировать погребения № 2 и 6 с ориентированными на восток скорченным и вытянутым на спине погребениями первого этапа новотитаровской культуры. Памятники начала успешного этапа на Северном Кавказе следуют непосредственно за финальными новосвободненскими и соответствуют выделенному Р.М. Мунчаевым (Мунчаев 1986) для Центральной части Северного Кавказа «горизонту с триподями» начала СБВ.

К северу и северо-востоку от Кавказа – в Калмыкии, Нижнем и Среднем Поволжье, на Среднем Дону и в Приуралье в начале СБВ складывается совершенно иная картина связей, чем в Приазовье и на Нижнем Дону. Здесь не зафиксированы погребения с кавказской керамикой. По-видимому, здесь обитали только автохтонные позднейшие племена, продвигавшиеся в Предкавказье, в ареал, занятый прежде майкопцами и новосвободненцами. Именно эти ямные племена, а позднее подтавкинские, стали инициаторами кавказско-поволжских связей на Успенском этапе СБВ. В Центральном Предкавказье (в отличие от Западного Кавказа), видимо, не сформировалась родственная культурная среда, способствовавшая распространению в степную зону керамических импортов и подражаний.

В предгорной зоне Центрального Кавказа в СБВ появляется население, орнаментирующее свою посуду гребенчатым штампом (оттиски штампа расположены на тулове сосуда горизонтальными рядами «в елочку») и ногтевыми наколками. В степной зоне подобная керамика, называемая «елочной», распространяется на развитом этапе существования свиты катакомбных культур. Причем фиксируется направление продвижения носителей «елочной» керамики с востока на запад, с западного Маньча на Северский Донец (Смирнов 1996). В соседних с Кавказом районах «елочная» керамика встречается и в более древних комплексах, например в Калмыкии она представлена в погребениях архаринского горизонта начала СБВ (Шишлина 1992). В предгорной зоне Центрального Кавказа подобная посуда встречается в памятниках различных этапов СБВ (Нальчик, Николаевская, Минутка, Нежинская, Усть-Джегута и т.п.; Марковин 1994а; Кореневский 1990; раскопки А.А. Ковалева и М.Б. Рысина в 1993, 1994 годах; разведки М.Б. Рысина в 2001 году). Особый интерес представляет обнаружение «елочной» керамики на ранее неизвестных бытовых памятниках так называемой северокавказской культуры. Впервые подъемный материал из поселения Шияновы кручи на Ставропольской возвышенности был собран местным учителем истории и опубликован

А.Л. Нечитайло (Нечитайло 1964)¹³. В последние годы поселения «северокавказской» культуры СБВ с мощным культурным слоем открыты на р. Подкумок близ г. Кисловодска¹⁴. Здесь представлена как столовая посуда, известная из погребений кавминводской группы «северокавказской» культуры, так и массовая кухонная керамика, декорированная оттисками гребенчатого штампа и вдавленными ногтя. Слои эпохи средней бронзы с подобной посудой открыты на поселениях Замок у Кисловодска и Козьи Скалы у Пятигорска (Семендеев 2002: 124). Отдельные фрагменты «елочной» посуды собраны и в Закубанье на поселениях строителей дольменов Старчики (слои 3б и 3а; раскопки М.Б. Рысина). Некоторые сосуды «северокавказской» культуры, как и Закубанские, имеют изнутри грубые врезы – следы от формовки на прутьевом каркасе (наблюдения М.Б. Рысина). Характерная форма елочной керамики – горшок стройных пропорций с выделенным поддоном; декор, расположенный на плечиках и тулове, состоит из оттисков гребенчатого штампа, образующих горизонтальные ряды «в елочку»; наколы «гребенки» на плечиках часто дополнены пояском из оттисков ногтя. Можно предположить, что распространение на Нижнем Дону погребений с «елочной» керамикой отражает миграцию группы населения из района Центрального Предкавказья. Отмеченные случаи обнаружения на Дону и в Поднепровье посуды с глиняной обмазкой (Нечитайло 1991; Нечитайло, Гаджиев 1990) отражают, возможно, появление здесь населения из района северо-восточного Кавказа, где традиция изготовления керамики с грубой обмазкой поверхности зафиксирована с финала РБВ (Гаджиев 1991).

Таким образом, в кавказско-степных связях в начале СБВ (в сфере металлообработки) фиксируются следующие перемены: во-первых, в степной зоне на порядок возросло количество кавказских импортов и подражений им; во-вторых, значительно расширился ареал этих находок – от Понингуля на западе (Старогорожено) до Среднего Поволжья на севере (Утевский могильник) и Приуралья на северо-востоке (Тамар-Уткуль). Другими словами, возросли интенсивность и дальность связей населения Кавказа и степной зоны. На Успенском этапе традиции кавказской металлообработки впервые распространились по всему ареалу ямной общности и подтавгинской культуры, а позже и в катакомбном ареале. Наконец, третьи отличия характера кавказско-степных свя-

зей СБВ состоит в том, что в степной зоне распространяются не только ведущие типы орудий (как это было в РБВ), но и кавказские амулеты-украшения и votивные изделия (булавки, крюки, медальоны, подвески и т.п.). Именно амулеты-украшения новых, неизвестных ранее типов, служат «маркерами» инвентаря погребений среднего бронзового века на Кавказе. Смена наборов амулетов и votивных изделий отражает смену «идеологии», мировоззрения древнего общества (ван Геннеп 1999) в результате культурной трансформации (Массон 1997; 1998; 2000; Рысин 1997). На наш взгляд, появление в степной зоне кавказских амулетов-украшений и votивных металлических изделий отражает формирование родственной культурной среды со сходными традициями обрядов перехода (Рысин 1997). Параллельно культурам со склеповым обрядом погребения на Кавказе в степной зоне складывается свита катакомбных культур.

Проанализируем находки кавказских импортов и подражений успешного этапа в степной зоне. Отметим, что, кроме упомянутых выше случайных находок проушных топоров из Нижнего Поволжья, основная часть коллекции металлических орудий начала СБВ происходит из погребений севера степной зоны Волжско-Уральского региона (рис. 4). Наиболее яркий и представительный комплекс обнаружен в Утевском I могильнике (курган № 1, погребение № 1; Васильев 1980; Кузнецов, Плаксин 2004: 79–81, цветные фото на вкладке) (рис. 4: 13–18). Была предложена синхронизация этого комплекса (топор, тесло, нож и височные подвески с шпичечками) с финалом майкопской культуры (Корневский 1980). Однако выделение нижней стенки вулкан топора из Утевки позволяет синхронизировать его с псевдовислобушными топорами успешного этапа СБВ (рис. 4: 17). По удлиненному черенку нож из Утевского кургана также сопоставим с ножами начала СБВ (рис. 4: 14). Наконец, височные подвески не имеют аналогов в круге майкопских древностей РБВ (рис. 4: 13). Использование в декоре зерни ни разу не зафиксировано в РБВ на Кавказе. Зато зернь или ее имитация в литые по восковой модели становится характерной приметой декора votивных изделий и амулетов-украшений СБВ. Прямая аналогия подвескам из Утевки обнаружена в погребении № 30 кургана № 1 у с. Ачхой-Мартан (раскопки С.Б. Буркова). Здесь в комплексе с серебряным височным кольцом с тремя рядами шпичек найден вислобушный топор, украшенный литой «веревочкой» (тип Начеркезеви), и плоское тесло, близкое по пропорциям утевскому, а также нож с удлиненным черенком и клинком вытянуто-подтреугольной формы (Бурков, Ростунов 2004: 139; рис. 2, IX) (рис. 10: 7, 10). Признаки описанных ме-

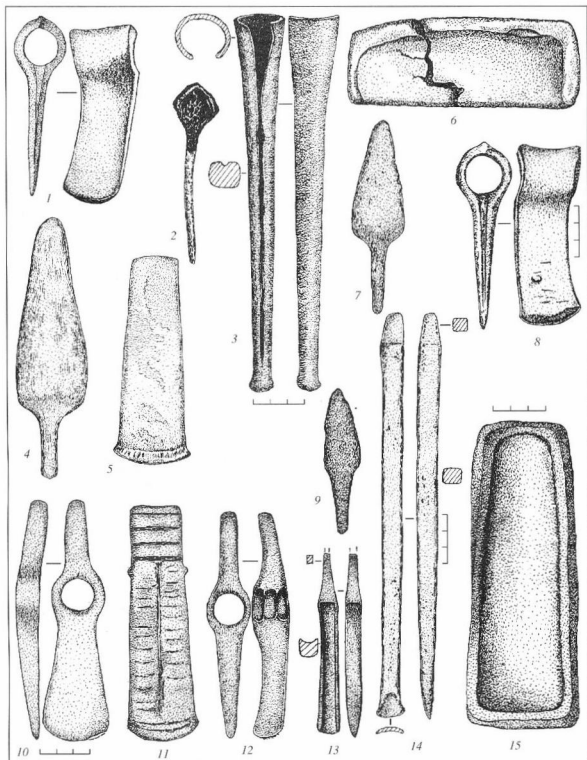
¹³ Материалы из поселения были осмотрены нами в г. Ставрополе, за что выражаем признательность заведующему фондами археологии Краеведческого музея И.В. Отюшкому.

¹⁴ Пришню глубокую благодарность краеведу Романову В.Н. за сообщения об этом поселении сведения.

таллических изделий позволяют отнести комплекс из Ачхой-Мартана и синхронизируемый с последним инвентарь утесовского погребения к успешному этапу СБВ Северного Кавказа и горизонту с триподами, по Р.М. Мунчаеву (по Закавказским параллелям – к сачкерским памятникам периода Кваххелеби В; Бурков, Ростунов 2004: 144). То же можно сказать и о комплексе из погребения № 1 кургана № 2 Утесового могильника (рис. 10). Здесь найден нож с удлинненным черенком и овальным клинком (рис. 4: 7), а также спиральные пронызи, появляющиеся на Северном Кавказе в постмайкопских комплексах.

С успешным этапом металлообработки Северного Кавказа мы синхронизируем изделия кавказских типов в подкурнанных погребениях долины р. Илек в Приуралье (рис. 5; Моргунова, Кравцов 1994). Мы уже упомянули признак топоров из могильника Тамар-Уткуль – выделение нижней стенки втулки, – позволяющий отнести их к успешному этапу (Тамар-Уткуль VII, курган № 8, погребение № 4; Тамар-Уткуль VIII, курган № 4, погребение № 1) (рис. 5: 1, 8). Кстати, местное производство проушных топоров в Приуралье подтверждается находкой литевой формы у сел. Першин, курган № 1, погребение № 4 (Черных и др. 2000: 66, рис. 1) (рис. 5: 6). Долото со стержневым насадом из могильника Пятилетка (курган № 5, погребение № 2) имеет корпус удлиненных пропорций с подквадратным сечением, что также сопоставимо с параметрами долот успешного этапа. Другое долото из могильника Тамар-Уткуль VII (курган № 8, погребение № 4) также имеет удлиненный корпус подпрямоугольного сечения с желобком вдоль всего корпуса, но его пятка раскована и образует цапфу, наподобие раскованной втулки долот последующего приуральского этапа кавказской металлообработки (рис. 5: 3). Таким образом, здесь наблюдается первый опыт самостоятельного освоения мастерами из Приуралья нового способа крепления рукоятки – посредством раскованной и свернутой втулки. Напомним, что на Северном Кавказе на успешном этапе такой способ насада уже был освоен и применялся для бронзовых крюков. «Успешские» признаки (подквадратное сечение корпуса, канавка-желобок вдоль всего корпуса) демонстрирует также долото со стержневым насадом из Барышниковского могильника в Приуралье – курган № 6, погребение № 3 (Моргунова, Турецкий 1998) (рис. 5: 13). Черенковые ножи (Тамар-Уткуль VII, курган № 8, погребение № 4) полностью соответствуют по набору признаков ножам успешного этапа: удлинненный черенок, плоский в сечении клинок листовидной или подтреугольной формы (рис. 5: 4). Погребение с топоров-молотом из могильника Нижняя Павловка V (курган № 1, погребение № 2) (рис. 5: 12) Н.Г. Мор-

гунова относит к начальному (репинскому) этапу развития ямной культуры, сопоставляя его с продукцией кавказской металлообработки РБВ (Моргунова 2002). На наш взгляд, сопоставление с майкопско-новосвободненскими изделиями ошибочно, – обухок у майкопских топоров-молотов (Клады) был сильнее укорочен по отношению к клину. Нет оснований для сопоставления таких топоров-молотов и с балканскими кледами энеолитического периода. Удлиненный обухок топора-молота из Нижней Павловки и рельефные желобки вокруг проушины позволяют сблизить его с кавказскими орудиями начального этапа СБВ. Выше мы упоминали, что рельефные валики и желобки вокруг проушины (ребра жесткости) характеризуют топоры успешного этапа. Кузнецам майкопского времени подобный прием укрепления втулки проушных топоров был неизвестен. В качестве параллели нижнепавловскому орудью можно привести упомянутый выше топорик из Черноморского (начала СБВ), а также экземпляр из случайных находок в Пятигорске, в Кабардино-Балкарии и каменный топор-молот из Первомайской, курган № 2, погребение № 2 (раскопки А.А. Нехаева в 1981 г.). Примечательна находка в Приуралье в Барышниковском могильнике (курган № 6, погребение № 3) комплекса металлических изделий из тесла-молотка, плоского тесла с боковыми выступами, долота со стержневым насадом и черенкового ножа (Моргунова, Турецкий 1998) (рис. 5: 10, 11, 13). Датировочные признаки желобчатого долота (подквадратное поперечное сечение, удлиненная канавка-желобок вдоль всего корпуса) позволяют отнести его к орудиям успешного этапа СБВ. Комбинированное орудие (тесло-молоток) не имеет ничего общего с майкопскими комбинированными орудиями. Последние имеют крестовидно расположенные лезвия (топор-тесло или топор-клевел – Лечинкай; Корневский 1984; Рындина 2002; Трифонов 2000). Прототипы тесла-молотка из Барышниковского могильника следует, на наш взгляд, искать не на Кавказе, а в Центральной Азии и на Переднем Востоке. Тесло с боковыми выступами также представляет интерес в плане выявления роли дальневидностных связей в формировании Приуральского очага металлообработки. На Кавказе тесла с боковыми выступами датируются поздним бронзовым веком. Однако в Закавказье литевая форма для изготовления подобного тесла обнаружена в слое «С» куроаракского поселения Кваххелеби (Джавихишвили, Глойти 1962). Наиболее ранний образец тесла этого типа на Переднем Востоке происходит из Телль Джуудейле в Амужской долине. Здесь фрагментированное орудие обнаружено в составе флэда (вместе с копьем с прямым стержневым насадом), синхронного периода "Н" Амука (Braidwood

Рис. 5. Изделия кавказских типов в Приуралье (успенский этап): 1–6 – Тамар-Уткуль VII, курган № 8, погребение № 4; 7 – Першин, курган № 1, погребение № 4; 8 – Тамар-Уткуль VIII, курган № 5, погребение № 1; 9 – Тамар-Уткуль VIII, курган № 4, погребение № 1; 10, 11, 13 – Барышникосский, курган № 10, погребение № 3; 12 – Нижняя Павловка V, курган № 1, погребение № 2; 14 – Пятилетка, курган № 5, погребение № 2; 15 – Изобильное I, курган № 10, погребение № 1

Fig. 5. Articles of Caucasian types west of the Urals (Uspenskiy phase): 1–6 – Tamar-Utkul VII, kurgan 8, burial 4; 7 – Pershin, kurgan 1, burial 4; 8 – Tamar-Utkul VIII, kurgan 5, burial 1; 9 – Tamar-Utkul VIII, kurgan 4, burial 1; 10, 11, 13 – Baryshnikovskiy, kurgan 10, burial 3; 12 – Nizhnyaya Pavlovka V, kurgan 1, burial 2; 14 – Pyatiletka, kurgan 5, burial 2; 15 – Izobilnoye I, kurgan 10, burial 1

& Braidwood 1960). Орудия из Телль Джудейде и форма из Квацхелеби датируются второй третью III тыс. до н.э., большинство же древнеосточных тесел с боковыми выступами относятся, как и кавказские образцы, к позднему бронзовому веку, ко II тыс. до н.э. (Wesse 1990). Известны лишь два подобных орудия последней трети III тыс. до н.э. на территории, разделяющей Передний Восток и Приуралье – это тесла из Тюренг-тепе и Алтын-тепе (период Намазга V; Кирчо 2001). Эти находки, на наш взгляд, открывают возможность существования закаспийского пути связей Переднего Востока с Волго-Уралем в обход Кавказа (рис. 11).

Практически весь набор амулетов-украшений из погребений по р. Илек также сопоставим с ассортиментом кавказских амулетов успенского этапа СБВ. Это роговая «булавка» с выступами-рожками, напоминающая предкавказские молоточковидные амулеты, кованая дисковидная бляха с пуансонным орнаментом и свернутая из металлургического листа обоймочка (рис. 6: 22, 23). Подобные дисковидные бляхи и обоймочки часто сопровождают молоточковидные амулеты в погребениях успенского этапа СБВ в Предкавказье («северокавказские», новотитаровские и ранние катакомбные погребения). Обнаружение сходных амулетов в Приуралье (подражание предкавказским) свидетельствует о близости представлений об обрядах перехода у древнего населения Предкавказья и Приуралья на начальном этапе СБВ.

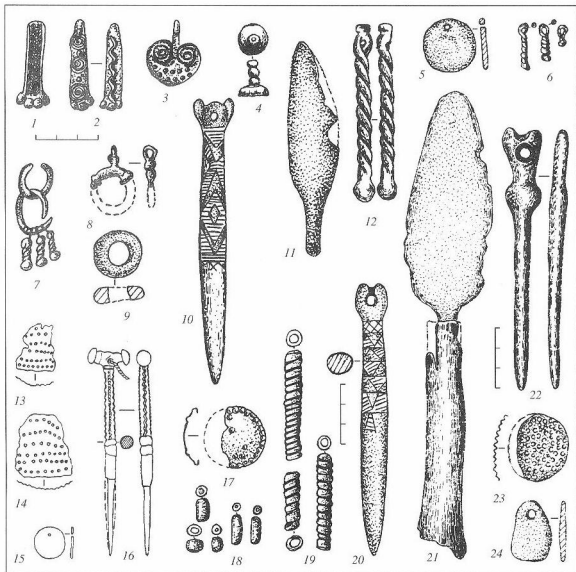
Обратимся вновь к территории Поволжья и проанализируем найденные здесь изделия кавказских типов успенского этапа (рис. 4). Кроме упомянутых проушных колунообразных топоров, происходящих из случайных находок (из разрушенных погребений?), сюда можно отнести плоское тесло из Ровного (курган Д 37) (рис. 4: 10). По пропорциям это тесло вполне сопоставимо с успенскими орудиями. Близкое по пропорциям тесло (рис. 4: 11) найдено в Саратовском Заволжье в могильнике Советское (курган № 2, погребение № 11) вместе с топором кабардино-пятигорского типа (Баринов 1996) (рис. 4: 12). С Успенским этапом можно синхронизировать комплексы с бронзовыми ножами (узкий листовидный или подтреугольный клинок, удлиненный черенок): Энгельс, курган № 2, погребение № 1; Уральск, курган 1925 года; Бережновка I, курган № 5, погребение № 19. К началному этапу СБВ относится также комплекс с кавказским импортном, связанным с престижной сферой. Это отлитый по восковой модели, богато декорированный топор-молот из Большой Дмитриевки II – курган № 4, погребение № 1 (Матюхин 1992) (рис. 4: 6). Декор из шнура, змеек и спиралей переключается

с орнаментом на литом бронзовом крюке из Успенского. Литые топоры со шнуровым декором ранее были известны по случайным находкам из Кабардино-Балкарии. Недавно близкий по пропорциям и декору топор-молот поступил в Кисловодский краеведческий музей вместе с кубком, известным из погребений СБВ камнинводской группы¹⁵. В закрытом комплексе вотивная модель топора-молота найдена в Закубанье, в могильнике п. Черноморское – курган № 2, погребение № 1 (Тарабанов 1990). В синхронном погребении соседнего кургана № 1 найдена роговая стержневидная булава с зигагообразным орнаментом и дисковидные бляхи с пуансоном. Судя по сопутствующему инвентарю и рельефному шнуровому декору, производство топоров-молотов приходится на начало СБВ, включая раннекатакомбный (раннедонецкий) этап и этап расцвета «северокавказской» культуры. Если учесть, что топор-молот из Дмитриевки является единственным надежно определенным кавказским импортом в Поволжье, можно предположить, что такой импорт (обмен престижными дарами?) осуществлялся только в престижно-сакральной сфере, не распространяясь на профанную сферу культуры.

В могильнике Шумейка (погребение № 2) найдено «шило» с крестовидными выступами-упорами (Баринов 1996). Точные аналоги этому предмету на Кавказе или Переднем Востоке нам неизвестны, хотя выступ-упор на корпусе стержневидных металлических орудий впервые появляется в постмайкопское время у изделий успенского и привольянского этапов СБВ. Видимо, шило, как и местная модификация проушных топоров с выделенной нижней стенкой втулки, является изделием, характеризующим самостоятельное творчество кузнецов ямной и полтавкинской культуры. Местные металлурги впервые освоили способ «наваривания» кованого железного лезвия к бронзовым орудиям. Так, «стамески» с железными резами обнаружены в упомянутых выше вождских погребениях успенского этапа в Среднем Поволжье (Утевка I, курган № 1, погребение № 1) и Приуралье (Тамар-Уткуль VII, курган № 8, погребение № 4) (рис. 4: 18; 5; 2). В Приуралье к «изобретениям» местных кузнецов относятся также «рубалок» с «наваренным» железным лезвием (Моргунова 2000; Моргунова, Кравцов 1994).

Спорной остается синхронизация комплекса из разрушенного погребения у станции Колтубанка (Шилов 1975). Проушной топор относится к успенскому этапу – отлит со стороны брюшка, нижняя

¹⁵ Благодаря директору музея С.Н. Саенко за любезно предоставленную информацию о данной находке.

Рис. 6. Изделия кавказских типов в Волго-Уральском регионе (комплексы с амулетами – успенский этап). 1–3 – Барановка I, курган № 22, погребение № 5 (привольненский этап?); 4, 11, 12 – Орешкин I, курган № 24, погребение № 1; 5, 6 – Первомайский I, курган № 14, погребение № 5; 7–10 – Бородаевка, «Боаро» F, курган № 10, погребение № 9; 13–16 – Верхнеяблочный, курган № 1, погребение № 9; 17–20 – Громославка II, курган № 2, погребение № 7; 21–24 – Тамар-Уткуль VII, курган № 1, погребение № 1

Fig. 6. Articles of Caucasian types in the Volga-Ural region (assemblages with amulets – Uspenskiy phase). 1–3 – Baranovka I, kurgan 22, burial 5 (Privolnenskiy phase?); 4, 11, 12 – Jreshkin I, kurgan 24, burial 1; 5, 6 – Pervomayskiy I, kurgan 14, burial 5; 7–10 – Borodayevka, «Boaro» F, kurgan 10, burial 9; 13–16 – Verkhneyablochny, kurgan 1, burial 9; 17–20 – Gromoslavka II, kurgan 2, burial 7; 21–24 – Tamar-Utkul VII, kurgan 1, burial 1

стенка втулки выделена. Плоское тесло также соответствует параметрам орудий успенского этапа. Шило из Колтубанки имеет характерное утолщение-упор на корпусе, также маркирующий изделия постновосвободненского времени. Долово из Колтубанки, как и орудие из Нижней Павловки, сочетает признаки орудий со стержневидным насадом и долот со свернутой втулкой (привольненского этапа). Здесь возможны два предположения: либо в Колтубанке представлен смешанный комплекс

из нескольких погребений, либо новый способ насада при помощи раскованной и свернутой втулки осваивается в Волго-Уральском регионе уже в рамках успенского этапа СБВ (например, Тамар-Уткуль VII, курган № 8, погребение № 4). Последнее предположение кажется более вероятным, ведь раскованная втулка на успенском этапе уже использовалась для закрепления на рукоятке бронзовых вотивных крючков. Трапециевидная бронзовая пластина с елочным декором и отвер-

стями для крепления находит параллели в наших пластинах от мягкого защитного доспеха из беденских погребений Закавказья (Майсурадзе, Абдушелишвили 1991; табл. 1–11).

Обратимся к комплексам Поволжья, содержащим амулеты и вотивные изделия кавказских типов начала СБВ (рис. 6). В Нижнем Поволжье найдены роговые молоточковидные булавки, производство которых надежно синхронизируется с *усельским* этапом СБВ Северного Кавказа. Булавки представлены в комплексах из Бородавки (курган F 6, погребение № 9), Волжского (курган № 2, погребение № 19), Громославки II (курган № 2, погребение № 7) и Советского (курган № 2, погребение № 8). Все булавки имели сигарообразный корпус, треугольный (Громославка) и зигзагообразный (Бородавка) декор, то есть обладают признаками поздней стадии типологического развития подобных изделий (Гей 2000; Кияшко А. 1990; 1999) (рис. 6: 10, 20). Подобные булавки встречаются в позднейших, новотатаровских, «северокавказских» и раннекатакомбных погребениях Нижнего Дона, Приазовья и Предкавказья. В Предкавказье подобные роговые булавки встречаются вместе с бронзовыми молоточковидными амулетами. Синхронизация комплекса из Громославки с раннекатакомбным горизонтом подтверждается находкой здесь *редкой* дисковидной серебряной бляшки с насечкой и завернутым краем для закрепления на деревянной основе (Мамонтов 1997) (рис. 6: 17). Аналогичные серебряные бляшки представлены в комплексе предднепровского времени близ хутора Красная Заря в Приазовье (Санжаров 1992). В Бородавке вместе с молоточковидной булавкой найдены амулеты-украшения кавказских типов, характерные для начала СБВ – дисковидный медальон с ушком и височные кольца со стержневидными подвесками (рис. 6: 7, 8). Необычно здесь употреблены стержневидных подвесок в связке с височными кольцами и сцепление самих колец друг с другом. Подобное использование ювелирных изделий обнаруживает параллели (правда весьма отдаленные территориально) в Закавказье и на Переднем Востоке в конце раннединастического периода и в аккадское время (Ур, Троя, Брак; Maxwell-Hyslop 1971).

К успешному этапу СБВ (II период развития, по А.В. Кияшко) относится раннекатакомбное погребение из Первомайского I могильника (курган № 14, погребение № 5) (Мамонтов 1994) с кавказскими стержневидными металлическими подвесками и дисковидной роговой подвеской (рис. 6: 5, 6). Подобные дисковидные подвески найдены в Поволжье в разрушенном погребении грунтового могильника на острове Шельган (раскопки В.И. Мамонтова). Дисковидные подвески (бляшки,

по терминологии А.В. Кияшко) представлены в предднепровских катакомбах на Нижнем Дону – Нагавский II, курган № 1, погребение № 9; Верхнеяблочный, курган № 1, погребение № 9 (Кияшко А. 1999) (рис. 6: 15). Аналогичная роговая подвеска с *асимметрично* расположенным отверстием обнаружена также на поселении дольменной культуры Старчики на р. Фарс (слой 3а; раскопки М.Б. Рысина). Одна стержневидная металлическая подвеска кавказского типа найдена на севере Нижнего Поволжья у с. Советское, курган № 3, погребение № 2 (Баринов 1996).

К следующему этапу развития – финалу успешного этапа металлообработки СБВ Северного Кавказа (III раннеднепровский период развития катакомбных культур по А.В. Кияшко) в Поволжье можно отнести лишь несколько комплексов с изделиями кавказских типов. Бронзовый черенковый нож с клинком пятиугольной формы (протопривольненский, по терминологии А.В. Кияшко) найден в Первомайском VIII могильнике, в кургане № 6, погребении № 6 (раскопки В.И. Мамонтова). Нож с клинком подобной формы из Среднего Поволжья утен в работе П.Ф. Кузнецова (Кузнецов 1991). Мы не разделяем точку зрения А.В. Кияшко о последовательной эволюции ножей с пятиугольной формой клинка сначала в орудия второго привольненского типа с плавным расширением клинка к приостренному концу, а затем, на костромском этапе, в ножи копьевидной формы с параллельными сторонами клинка и подтреугольной расковкой лезвийной части. Орудия упомянутых типов действительно объединяет то, что раскованные лезвийные участки располагаются на подтреугольном конце клинка. Однако маловероятно, чтобы ножи каждого выделяемого автором типа появлялись и выходили из употребления строго в границах узких хронологических периодов. Во всяком случае, на наш взгляд, эта гипотеза выглядит пока недостаточно обоснованной, чтобы применять ее для построения столь дробной периодизации. Например, сам А.В. Кияшко относит к привольненскому этапу металлообработки комплекс с ножом копьевидной формы из Беловодска, курган № 6, погребение № 2 (Кияшко А. 2002: 28–29; рис. 25, 6).

В могильниках Бережков I (курган № 32, погребение № 5) и Ровное (курган № 3, погребение № 3) найдены височные кольца с «обратным разворотом». Подобные изделия на Нижнем Дону являются в раннеднепровское время (на III периоде развития, по А.В. Кияшко), но продолжают употребляться и в комплексах позднекатакомбного времени (привольненский этап) на Нижнем и Среднем Дону (Смирнов 1996). На Кавказе височные кольца с «обратным разворотом» представлены в поздних погребениях могильника Гатын-

Кале (Марковин 1963)¹⁶. Подвески с «обратным разворотом» найдены также в Закавказье, в погребениях кармирберской культуры финала СБВ: могильник Арич, погребение № 65 и могильник Элар (Кушнарева 1993: таб. 34, 12; таб. 41, 6). Амулеты, аналогичные топорovidным каменным подвескам из Бережновки, обнаружены в Дагестане в составе инвентаря катакомбы № 5 Великентского I могильника (раскопки Р.Г. Магомедова). Однако подобная параллель не позволяет уточнить датировку бережновского погребения, поскольку в великентском склепе представлен инвентарь из погребений, относящихся как к успенскому, так и к привольненскому этапам развития северокавказской металлообработки (Рысин 1996а).

К финалу успенского этапа мы относим комплекс из могильника Орешкин I, курган № 24, погребение № 1 (Дьяченко 1992). Здесь, вместе с кубком, напоминающим сосуды донецкой катакомбной культуры (III этап, по А.В. Кияшко), найдены бронзовые нож, шилья, стерженьковая подвеска, а также бусина из просверленного зуба ископаемой рыбы (рис. 6: 4, 11, 12). Бусина является импортом с Северного Кавказа, где подобные украшения встречаются вместе с бронзовыми молоточковидными и посоховидными булавами. Нож и шилья из Орешкина также, вероятно, являются кавказскими импортами, во всяком случае, они изготовлены из кавказского металла характерного серебристо-свинцового оттенка. Импортные (?) кавказские металлургические изделия представлены и в других погребениях могильника Орешкин: листовидный нож с удлиненным черенком и шило – курган № 5, погребение № 1; курган № 21, погребение № 1; стерженьковая подвеска и височное кольцо – курган № 14, погребение № 1 (Дьяченко 1992). Аргументом для отнесения этих комплексов к успенскому этапу (раннедонецкий этап, по А.В. Кияшко) служит форма бронзовых ножей – узкий листовидный клинок и удлиненный черенок, а также сохранение в керамике из Орешкина «местных древневяных традиций» (Дьяченко 1992). Заметим, что могильник Орешкин расположен в левобережье р. Дон, куда традиционно был направлен основной поток кавказского импорта.

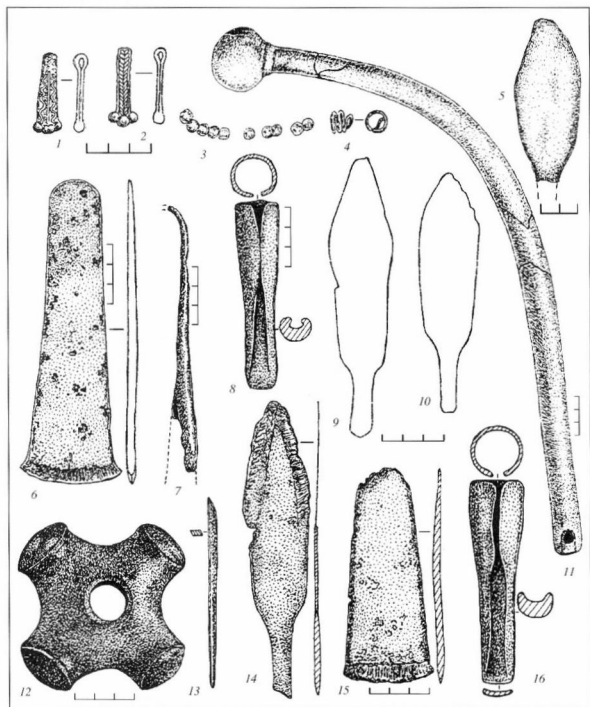
По форме черенового ножа с узким листовидным клинком к финалу успенского этапа можно отнести комплекс из Первомайского XIII могильника (курган № 2, погребение № 8), однако найденная здесь височная подвеска с обратным разворотом позволяет относить погребение и к привольненскому этапу (раскопки В.И. Мамонтова).

К раннедонецкому периоду (успенский этап) относится А.В. Кияшко (Кияшко А. 1999) комплекс могильника Барановка I (курган № 22, погребение № 5). Все же это погребение может относиться и к привольненскому этапу. Здесь найден амулет, являющийся на Кавказе с самого начала СБВ, – бронзовая бивольтная подвеска с ушком (рис. 6: 3). Аналогичные подвески представлены в погребениях начала СБВ из Сачхерского могильника, городища Гехарот и из г. Нальчика (Куфтин 1941; Smith et al. 2004: Fig. 15; Деген 1941). К финалу успенского этапа относятся бивольтные подвески из могильников Гатын-Кале и Малый Харсеной (Марковин 1963; 1995). Более молодой возраст комплекса из Барановки (по сравнению с сачхерским и нальчикским погребениями) подтверждает присутствие в инвентаре литой пластинчатой подвески со спиральным орнаментом (рис. 6: 2). Однотипные прямоугольные подвески в Предкавказье встречаются вместе с молоточковидными и посоховидными булавами (Державин 1989), а на Нижнем Дону – с кольцевидными медальонами (Смирнов 1996). Впрочем, известна находка пластинчатой подвески вместе с литым бронзовым полусферическим колпачком (Бетров, Нагоев 1984), следовательно, они продолжали бытовать и на привольненском этапе СБВ. В Нижнем Поволжье обломок пластинчатой подвески со спиральным орнаментом найден также в разрушенном погребении грунтового могильника на острове Щельган (раскопки В.И. Мамонтова).

Особый интерес в плане территориально-хронологических сопоставлений представляет комплекс из Первомайского I могильника, курган № 4, погребение № 4 (Мамонтов 1997) (рис. 7: 11). Жезл с посоховидным роговым навершием из инвентаря этого погребения обнаруживает близкие типологические параллели в деревянных посоховидных жезлах из катакомбного погребения в Поингуле (и в бронзовых посоховидных булавах). Однако имеется и другая, значительно более отдаленная территориально параллель – изделия с металлургическими посоховидными навершиями в могиле «К» некрополя Аладж, датированного концом раннединастического периода (Kosay 1951).

Следующий привольненский этап металлообработки СБВ Северного Кавказа синхронизируется с существованием в степной зоне ряда катакомбных культур развитого этапа (донецкой, среднесенской, предкавказской) с поздними полтавскими памятниками и памятниками с елочной керамикой. Позднекатакомбные памятники часто сопоставляют с периодом расцвета катакомбных культур, что выражается в «пышности» сопровождающего инвентаря (наборы керамической посуды, металлургические орудия, престижные предметы, деревянные повозки и т.п.). Причем погребения с

¹⁶ Височное кольцо с «обратным разворотом» найдены на Персидском Востоке, например в слоях II и IV Кюльтеп-Калиша (Özgül 1986: Pl. 68: 20–23). По-видимому, такие украшения являлись упрощенной разновидностью популярных на Древнем Востоке «корзинчатых» серег.

Рис. 7. Изделия кавказских типов в Волго-Уральском регионе (привольненский этап). 1-4 – Кривая Лука XVI, курган № 1, погребение № 25; 5, 11 – Первомайский I, курган № 4, погребение № 4; 6-8 – Царицын, курган, погребение № 2 (постпривольненский этап, по С.Н. Братченко); 9 – Антонов, курган № 10, погребение № 1; 10 – Максютово, курган № 2, погребение № 2; 12-16 – хут. Степана Разина, курган № 4, погребение № 6

Fig. 7. Articles of Caucasian types in the Volga-Ural region (Privolnenskiy phase). 1-4 – Krivaya Luka XVI, kurgan 1, burial 25; 5, 11 – Pervomayskiy I kurgan 4, burial 4; 6-8 – Tsaritsyn, kurgan, burial 2 (post-Privolnenskiy phase according to S.N. Bratchenko); 9 – Antonov, kurgan 10, burial 1; 10 – Maksyutovo, kurgan 2, burial 2; 12-16 – Khutor Stepan Razin, kurgan 4, burial 6

обильным инвентарем сосредоточены в Приазовье и в Предкавказье, тогда как на периферии катакомбного мира в Волго-Уральском регионе инвентарь погребений значительно беднее. Нам представляется, что термин этап «стагнации», употребленный А.В. Кияшко (Кияшко А. 2002), подходит только для позднекатакомбных памятников из окраинных районов катакомбного ареала. Вероятно, подобная дифференциация связана с особенностями процесса культурогенеза в центре и на периферии. Именно здесь, на восточной окраине катакомбного мира, по мнению В.С. Бочкарева, в финале СБВ формируется новый Волго-Уральский очаг культурогенеза. Возвращаясь к могилам с «пыльным» инвентарем, заметим, что в отличие от погребений ремесленников с производственными наборами инвентаря (Бочкарев 1978), в катакомбных могилах развитого этапа иногда встречаются наборы орудий вместе с престижными, статусными изделиями. Мы определяем такие комплексы как погребения лидеров с производственным инвентарем (аналог – погребения новосовоходских и бедских вождей на Кавказе, а также могилы лидеров успешного этапа). Конечно, не может идти речь о прямой генетической или культурной преемственности от гробниц майкопских вождей к могилам катакомбных или ямных племен. По-видимому, здесь мы имеем дело с отражением в обряде перехода сакральной роли вождей, явлении свойственным как для ранних комплексных обществ, так и для обществ на этапе ранней государственности.

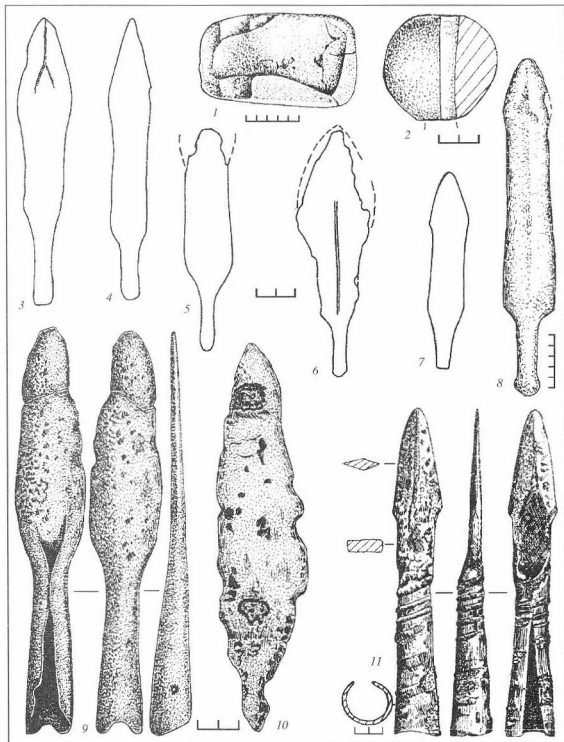
Один комплекс с орудиями труда и статусным изделием (каменной полированной крестовидной булавой) найден на левом берегу р. Волги, у хут. Степана Разина, курган № 4, погребение № 6 (Мерперт 1967). Здесь обнаружен нож второго привольненского типа, долото со свернутой втулкой и плоское тесло привольненских пропорций (рис. 7: 12–16).

К привольненскому этапу относятся несколько погребений с ножами второго привольненского типа в Нижнем Поволжье: Антонов, курган № 6, погребение № 1; Барановка I, курган № 20, погребение № 1; Быково I, курган № 14, погребение № 7; Калиновка, курган № 22, насыпь; Котлубань I, курган № 9, погребение № 5; Первомайский I, курган № 13, погребение № 6 (рис. 7: 9, 10). Нож из погребения Первомайского I могильника (курган № 4, погребение № 4), отнесенный А.В. Кияшко ко второму привольненскому типу (Кияшко А. 2002: рис. 7, 15), имеет аморфную, не выразительную форму и может быть отнесен к протопривольненскому типу (раннедонецкий период, по А.В. Кияшко) (рис. 7: 5). Навершие рогового скипетра посоховидной формы из этого погребения (Мамонтов 1997) можно сопоставить с посоховидными булавами, характерными для погребений финала

успенского этапа. Поэтому мы склонны синхронизировать инвентарь кургана № 4 погребения № 4 Первомайского I могильника с финалом успешного этапа металлообработки. Впрочем, подобные амулеты (крьковидные «булавки» с отверстием в утолщенной головке) употреблялись и на привольненском этапе вместе с литыми полусферическими колпачками (Мизиев 1984: рис. 11: 3, 4).

Особый интерес в плане исследования кавказско-поволжских связей представляет комплекс литейщика из Калиновского могильника – курган № 8, погребение № 42 (Шилов 1959). Позднекатакомбная датировка этого погребения подтверждается находкой в составе его инвентаря форм для отливки топоров колонтаевского типа (Кореневский 1976) (рис. 8: 1). На Северном Кавказе литейная форма для отливки топора этого типа обнаружена в разрушенном погребении могильника Айлама в Кабардино-Балкарии (Батчаев 1984). Учитывая, что в инвентаре и керамике из могильника Айлама отмечены элементы степных катакомбных культур, становится понятно, что здесь мы имеем дело с инфилтрацией группы предкавказского населения в предгорную зону. Присутствие форм для отливки мерных слитков в погребении литейщика в Калиновском могильнике, как и находки подобных форм в комплексах СБВ в степной зоне и на Северном Кавказе, по-видимому, отражает существование у металлургов Юго-Восточной Европы и Кавказа единой весовой системы, в основе которой лежали древневосточные весовые эталоны – сикль, мина и талант (Кубышев, Черняков 1985). Обнаружение аналогичных форм для мерных слитков на северокавказских поселениях (Старчики, Верхнегунибское) и в погребении литейщика у станции Скачки подтверждает участие кавказских культур СБВ в распространении древневосточной технологии металлургии в степную зону Поволжья и Причерноморья (Кушнарева, Рысин 1996). При этом в степную зону было направлено распространение кавказской технологии металлургии и металлообработки, но не металла, а в южном направлении осуществлялись поставки кавказского металла, индустрированные потребителями Древнего Востока.

В погребениях Нижнего Поволжья встречаются кавказские амулеты, которые невозможно отнести к одному какому-либо этапу СБВ: это дожковидные подвески из Быковского могильника – курган № 12, погребение № 8 (раскопки В.П. Шилова) и дисковидные подвески с ушком из могильника Вертячий – курган № 7, погребения № 12, 29 (раскопки В.И. Мамонтова). Амулеты этих типов встречаются на Северном Кавказе на успешном и на привольненском этапах, а в Приазовье и на Нижнем Дону – в раннедонецких и в позднедонецких комплексах (Кияшко А. 1990; Смирнов 1996).

Рис. 8. Копьевидные ножи (наконечники копий или дротиков?), наконечники копий со свернутой втулкой и литейная форма для вислобушного топора (костромской этап). 1 – Калининский, курган № 8, погребение № 42 (литейная форма); 2, 8 – Желтухин, курган № 10, погребение № 4; 3 – Новая Квасниковка, курган № 4, погребение № 2; 4 – Ясырев I, курган № 5, погребение № 23; 5 – Орешкин I, курган № 22, погребение № 5; 6 – Ерзовка I, курган № 5, погребение № 3; 7 – Челюскинец, курган № 2, погребение № 3; 9, 10 – Болдырево I, курган № 1, погребение № 1; 11 – Сторожёвка, курган № 1, погребение № 3

Fig. 8. Spear-shaped knives (spearheads or dart-heads?), spearheads with convoluted socket and a casting mould for axes with turned butt (Kostromskoy stage). 1 – Kalinovsky, kurgan 8, burial 42 (casting mould); 2, 8 – Zheltukhin, kurgan 10, burial 4; 3 – Novaya Kvasnikovka, kurgan 4, burial 2; 4 – Yasyrev I, kurgan 5, burial 23; 5 – Oreshkin I, kurgan 22, burial 5; 6 – Yertzovka I, kurgan 5, burial 3; 7 – Chelyuskinets, kurgan 2, burial 3; 9, 10 – Boldyrev I, kurgan 1, burial 1; 11 – Storozhevka, kurgan 1, burial 3

С привольненским этапом металлообработки СБВ Северного Кавказа можно синхронизировать погребение с височным колдом и очковидной проволочной подвеской из Первомайского VII могильника – курган № 15, погребение № 10 (Мамонтов 2000). Аналогичная очковидная (биспиральная) подвеска в сочетании с крупной ложковидной подвеской обнаружена в могильнике Венцы-Заря в Прикубанье (раскопки В.С. Бочкарева). Одна очковидная подвеска известна из могильника Бамутский поворот в Чечне (раскопки С.Б. Буркова). Подобные подвески обнаружены также в погребениях Карабудахкентского и Манасского могильников в Дагестане (Марковин 1994б: табл. 91, 2; 93, 23; 96, 7). Типологически близкие амулеты были распространены в ареале абашевских племен (Кузьмина 2000).

В погребении у г. Волгограда (г. Царицын, 1908 г.; Братченко 1976; Кияшко А. 2002: рис. 22, 6–11) представлен комплекс металлических орудий, которые можно отнести как к привольненскому, так и к костромскому этапу металлообработки. Здесь были обнаружены плоское тесло, долото со свернутой втулкой и бронзовый крюк с раскованной и свернутой втулкой (рис. 7: 6–8). Тесло по пропорциям и форме занимает переходное положение от привольненского к костромскому типу: сравнительно широкая пятка сближает его с привольненскими орудиями, а резко расширенное лезвие, по мнению А.В. Кияшко (Кияшко А. 2002: 27, 28), – с костромскими теслами. Долото со свернутой втулкой не могут являться диагностическими орудиями для определения хронологической позиции комплекса, поскольку практически не меняются от привольненского к костромскому этапу. Проведенный нами сравнительный анализ показывает, что крючки привольненского и костромского этапов от орудий предшествующего успешного этапа отличаются увеличением длины рабочей части (расстояние от верхней точки крючка до основания втулки). Средняя длина рабочей части крючков успешного этапа – 4,5 см, а крючков привольненского и костромского этапов – 9 см. По своим размерам крюк из Волгограда относится к орудиям привольненского и костромского этапов. В комплексе из этого погребения найден также сосуд позднекатакомбного облика (среднедонской катакомбной культуры; Прыхин, Матвеев, Беседин 1991).

Недавно С.Н. Братченко и С.Б. Санжаров проанализировали комплексы (Приволье, Беловодское и др.) с проушными топорами колонтаевского типа и, на основании пропорций плоских тесел (и позднекатакомбных типов посуды), предложили отнести их к костромскому этапу (Братченко, Санжаров 2001: 91). Мы все же склонны разделить аргументированную точку зрения А.В. Кияшко о начале производства топоров колонтаевского типа еще на привольненском этапе (Кияшко А. 2002: 29). Одним

из подтверждений этому может служить совпечность характерных для позднекатакомбных памятников типов сосудов – курильницы на крестовидной подставке, «реповидные» горшки – с посудой бедеского облика в погребениях привольненского этапа из Чечни (Бурков 1991; Григорьева 1991). Картографирование памятников с изделиями кавказских типов привольненского этапа наглядно показывает резкое сокращение их ареала. Кавказские орудия и амулеты распространены только в степном Предкавказье и Нижнем Подонье, а единичные образцы таких изделий встречаются в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (рис. 9).

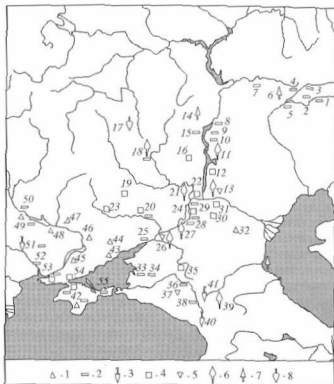
Финальный этап металлообработки СБВ Северного Кавказа назван А.А. Иессеном костромским (Иессен 1950). В состав эпонимногоклада входят втульчатый вислобушной топор, плоское тесло удлинненных пропорций с резко расширяющимся лезвием, долото со свернутой втулкой, дуговидные серпы с черенком для насада¹⁷ (рис. 10: 49–51). Топоры костромского типа обнаружены на Западном Кавказе, в Предкавказье и в Причерноморье (Рыбаковка, Михайловка, Ульяновка, Кривой Рог, Капуловка, Александровка, Мачин). С.Н. Корневский связывает распространение топоров костромского типа с металлообработкой носителей катакомбной культуры (Корневский 1976: 19). В последнее время выросло число находок таких топоров на Кавказе (первый и второй Натухаевские клады, находка у с. Витязево; Новичихин 2000: 56; 2002: 101), что позволяет связывать их производство также с кавказской металлообработкой. Обломок литейной формы для отливки топора костромского типа обнаружен во втором слое поселения Старчики в Закубанье (Рысин 1991б). Тесла костромского типа найдены в Предкавказье, Приазовье и в Причерноморье (Рыбаковка). В кладе у с. Рыбаковка (б. Аджигок) представлен топор костромского типа, долото с черенковым насадом и 19 плоских тесел (рис. 10: 29, 30). Плоские тесла из Рыбаковки по пропорциям близки как к теслам костромского, так и к теслам привольненского типа. Можно предположить, что в Рыбаковке найден клад длительного накопления, либо комплекс сформировался еще на привольненском этапе. Серпы костромского типа за пределами Предкавказья не обнаружены¹⁸. В Поднэпровье в насыпи кургана № 5 из Александровки

¹⁷ Пронхождение серпов костромского типа можно, вероятно, связывать с югом, учитывая их находки на Южном Кавказе (Амиранис-гора) и Древнем Востоке (Караз, Кюльтепе-Канчи, Сузы) (рис. 10: 62, 63, 68, 69).

¹⁸ Выражаю искреннюю признательность В.С. Бочкареву за предоставление материалов из личного архива и за обстоятельные консультации по проблемам распространения металлических изделий кавказских типов на юге Восточной Европы.

Рис. 9. Распространение металлических изделий кавказских типов в Причерноморье и Волго-Уральском регионе

Условные обозначения: 1 – новосвободненский этап (РБВ); 2 – успеньский этап (СБВ); 3 – ножи с металлической рукояткой, успеньский этап; 4 – привольненский этап (СБВ); 5 – костромской этап (СБВ); 6 – копьевидные ножи, привольненский и костромской этап; 7 – наконечники копий со свернутой втулкой, костромской этап; 8 – нож «карасик», костромской этап; 1 – Тамар-Уткуль; 2 – Изобильное; 3 – Нижняя Павловка; Пятилетка; 4 – Першин; 5 – Барышников; 6 – Болдырево; 7 – Утевка; 8 – Бородаевка; 9 – Советское (Волга); 10 – Ровное; 11 – Новая Квасниковка; 12 – Степана Разина; 13 – Калининский могильник; Челюскинцы; 14 – Сторожевка; 15 – Большая Дмитриевка; 16 – Барановка; 17 – Березовский; 18 – Орешкин; 19 – Беловодск; 20 – Александровск; Зимогорье; Луганы; Пришиб; 21 – Желтушкин; 22 – Ерзовка; Колтубаны; Волгоград (Шарницы); 23 – Краматорск; Приволье; Сватово; 24 – остров Шельман; 25 – Ростов; Кулишовка; 26 – Шахаевский; 27 – Ясырев; 28 – Верхнепобочный; Веселый; 29 – Первомайский; Громославка; 30 – Антонюв; 31 – Барановка; Кривая Лука; 32 – Эвдык; 33 – Лебеди; 34 – Первомайское; 35 – Привольное; 35 – Успенское; 37 – Костромская; 38 – Андриковская; 39 – Советское (Кабардино-Балкария); Былым; Каменномостское; Чегем; 40 – Сачхери; 41 – Константиновская; 42 – Долника; Красновка; Симферополь; Балаклава; Изобильное; Болотное; 43 – Константиновка; 44 – Жовтнево; 45 – Новая Кяховка; 46 – Балки; 47 – Верхняя Маевка; 48 – Верхнеднэпровск; Деревка; 49 – Стайки; 50 – Оналъки; 51 – Отрадное; Старогорожен; 52 – Новая Одесса; 53 – Бекхтеры; Белозорка; Железный порт; 54 – Сивашское; Малая Терюнка; 55 – Уварово

Fig. 9. Distribution of metal objects of Caucasian types in the Black Sea area and Volgo-Ural region

Notations: 1 – Novosvobodnensky phase (EBA); 2 – Uspensky phase (MBA); 3 – knives with metal hilt, Uspensky phase; 4 – Privolnensky phase (MBA); 5 – Kostromskoy phase (MBA); 6 – spear-shaped knives, Privolnensky and Kostromskoy phases; 7 – spearheads with convoluted socket, Kostromskoy phase; 8 – knife «karasik», Kostromskoy phase
1 – Tamar-Utkul; 2 – Izobilnoye; 3 – Nizhnaya Pavlovka; Pyatiletka; 4 – Pershin; 5 – Baryshnikovskiy; 6 – Boldyrevo; 7 – Uteva; 8 – Borodayevka; 9 – Sovetskoye (Volga); 10 – Rovnoye; 11 – Novaya Kvasnikovka; 12 – Khuor Stepan Razin; 13 – Kalnovskiy, Chelyuskintsi; 14 – Storozhevka; 15 – Bolshaya Dmitrievka; 16 – Baranovka; 17 – Berizovskiy; 18 – Oreshkin; 19 – Belovodsk; 20 – Aleksandrovsk; Zimogorye; Luganskiy; Prishib; 21 – Zheltukhin; 22 – Yezovka; Stanitsa Kotlubanka; Volgograd (Tsaritsyn); 23 – Kramatorsk; Privolye; Svatovo; Rovnoye; 25 – Rostov; Kulishovka; 26 – Shakhayevskiy; 27 – Yasyrev; 28 – Verkhneyablochniy; Vesoly; 29 – Pervomayskiy; Gromoslavka; 30 – Antonov; 31 – Baranovka; Krivaya Luka; 32 – Evdyk; 33 – Swans; 34 – Pervomayskiy; 35 – Privolnoye; 36 – Uspenskoye; 37 – Kostromskaya; 38 – Andrikovskaya; 39 – Sovetskoye (Kabardino-Balkaria); Bylym; Kamennomostskoye; Chegem; 40 – Sakhchery; 41 – Konstantinovskaya; 42 – Dolnika; Krasnovka; Simferopol; Balaklava; Izobilnoye; Bolotnoye; 43 – Konstantinovka; 44 – Zhovtnevoye; 45 – Novaya Kakhovka; 46 – Balki; 47 – Verkhnyaya Mayevka; 48 – Verkhnedneprovsk; Dereivka; 49 – Stayki; 50 – Onats'ki; 51 – Otrad noye; Starogorozhen; 52 – Novaya Odessa; 53 – Bekhtery; Belozorka; port Zheleznyy; 54 – Sivashskoye; Malaya Teryunka; 55 – Uvarovo

найден клад (разрушенное погребение?) из двух проушиных вислобушных топоров и двух многовитковых браслетов (рис. 10: 38). Топоры напоминают орудия костромского типа, а браслеты близки к изделиям, представленным в могильниках

Гатын-Кале, Малый Харсеней, Гинчя. Обнаружение многовитковых браслетов в Александровке подтверждает сохранение контактов Причерноморья с Северным Кавказом в финале СБВ. Топоры из Александровска с узким клином сопоставимы с орудиями сачхерских типов Кавказа, поэтому, возможно, комплекс относится не к костромскому, а к концу привольненского этапа. Вместе с теслами костромских пропорций встречается нож копьевидной формы (Приазовье – Шахаевская) (рис. 10: 35, 36). На костромском этапе металлообработки СБВ в Поволжье пока не обнаружены ни орудия, ни амулеты-украшения кавказских типов.

К финалу СБВ относится, вероятно, комплексы с наконечниками копий со свернутой втулкой из Поволжья и Приуралья (Сторожевка; Болдыревский) (рис. 8: 9, 11). Копья со свернутой втулкой впервые появились на Переднем Востоке в памятниках последней трети III тыс. до н.э. (Ур, Урук, Атшур, Библ, Угарит, Кюль-Тепе). С рубежа III–II тыс. до н.э. аналогичные копия изготавливаются в Закавказье носителями «блестящей» триалетской культуры (Кушнарева, Рысин 2001). На Северном Кавказе наконечники копий с втулкой впервые зафиксированы в инвентаре погребений предкобанского периода ПБВ (Андриковская, курган № 3, раскопки В.И. Веселового 1897 года; Эгикал, скелп – Марковин 1960; 1994б; таб. 104: 25). Северокавказские копия восходят, вероятно, к закавказским прототипам ПБВ. Архажные наконечники из Сторожевки – курган № 1,

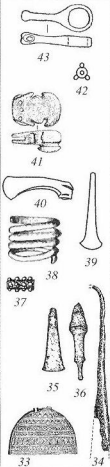
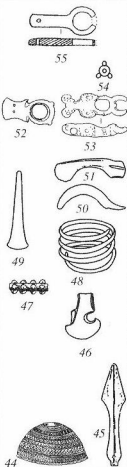

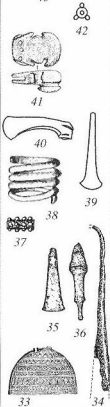
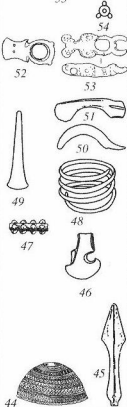
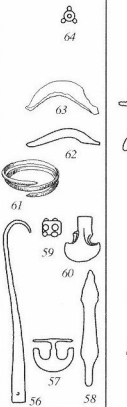
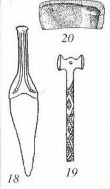

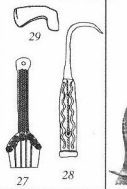

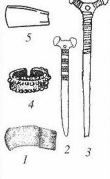
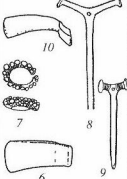
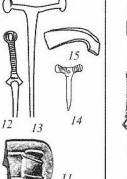

	Юго-Восточная Европа	Северный Кавказ	Южный Кавказ	Передний Восток
КОСТРОМСКОЙ ЭТАП	 <p>43 41 40 39 38 37 35 36 33 34</p>	 <p>55 52 51 50 49 48 47 46 45</p>	 <p>65 64 63 62 61 60 59 58 57 56</p>	 <p>69 68</p>
	 <p>42 32</p>	 <p>54 53</p>	 <p>66 67</p>	
ПРИВОЛЬНЕНСКИЙ ЭТАП	 <p>18 19 20</p>	 <p>21 22 23 24 25 26</p>	 <p>27 28 29</p>	 <p>30 31 32</p>
	 <p>5 4 3 2 1</p>	 <p>10 9 8 7 6</p>	 <p>15 14 13 12 11</p>	 <p>17 16</p>
НАЧАЛО УСТЕНСКОГО ЭТАПА				
ФИНАЛ УСТЕНСКОГО ЭТАПА				

рис. 10. Некоторые данные к синхронизации этапов металлообработки СБВ Кавказа, Переднего Востока и Юго-Восточной Европы

I период — начало успешного этапа: 1, 4 — Утевка I, курган № 1, погребение № 1; 2 — Маяк II, курган № 3, погребение № 4; 3 — хут. Дальний, курган № 2, погребение № 16 (раскопки Н.Ю. Лимберис в 1984 г.); 5 — Лебеди; 6 — Андрыковская; 7, 10 — Ачхой-Мартан, курган № 1, погребение № 30; 8 — Загли-Барзод, погребение № 7; 9 — станция «Минутка»; 11 — поселение Шортепе; 12 — Сачхери; 13 — Хизванант-гора; 14 — Коринто, погребение; 15 — Мартопки, курган № 4; 16 — Телль-Джудейде, слой 8, 11; 17 — Норшунтепе;

II период — финал успешного этапа: 18 — Старогорожено; 19 — Бушувка, курган № 1, погребение № 18; 20 — Пришиб; 21, 23, 25 — Успенское, клад (разрушенное погребение); 22 — Константиновская (Пятигорск); 24 — Великентская катакомба; 26 — Гатын-Кале, погребение № 31; 27 — Сачхери; 28 — Эшер-Шортепе, нижний слой погребений; 29 — Мартопки, курган № 3, погребение № 5; 30 — Ур, 31 — Луристан, 32 — Каркемиш, могила № КСГ 9;

III период — привольный этап: 33 — Приазовье, Красное знамя, курган № 23, погребение № 6; 34 — Царицын, курган, погребение № 2; 35, 36 — Шахавская, курган № 2, погребение № 10; 37 — Говорука, курган № 7, погребение № 2; 44 — Суворовская, курган № 18, погребение № 10; 45 — Советское, курган, погребение; 46 — Хоредж; 47 — Суворовская; 56 — Кировая, курган, погребение; 57 — Карашамб, курган № 1, погребение; 58 — Ховле, погребение; 2; 59 — Триаleti, курган II, погребение; 60 — Ленинанк; 66 — Билла; 67 — Быблос;

IV период — костромской этап: 38 — Александровск, курган № 5, насыпь; 39, 40 — Рыбавковка, клад; 41 — Ростов; 42 — Калининский, курган № 1, погребение № 7; 43 — Ливентовская, погребение; 48 — Гинчи; 49–51 — Костромская, клад; 52 — Чернолесская; 53 — Чограй; 54 — Суворовская; 55 — Гатын-Кале; 61, 63 — Шенгаит; 62 — Караз, 64 — Цицамери, курган, погребение № 13; 65 — Ханлар, погребение, 68, 69 — Сузы

Fig. 10. Some information for synchronization of the MBA metal-working stages of the Caucasus, Near East and south-eastern Europe
Period I — beginning of the Uspenskiy phase: 1, 4 — Utevka I, kurgan 1, burial 1; 2 — Mayak II, kurgan 3, burial 4; 3 — Khtor Dalny, kurgan 2, burial 16 (excavated by N.Yu. Limberis in 1984); 5 — Swans; 6 — Andrykovskaya; 7, 10 — Achkhoy-Martan, kurgan 1, burial 30; 8 — Zagli-Barzod, burial 7; 9 — railway station of «Minutka»; 11 — settlement of Shor-Tepe; 12 — Sackhkeri; 13 — Khizvanant-gora; 14 — Korinto, burial; 15 — Martkopi, kurgan 4; 16 — Tell Judeidah, layers 8, 11; 17 — Norshun-Tepe;

Period II — end of the Uspenskiy phase: 18 — Starogorzheno; 19 — Bushuevka, kurgan 1, burial 18; 20 — Prishib; 21, 23, 25 — Uspenskoye, hoard (disturbed burial); 22 — Konstantinovskaya (Pятигорск); 24 — Velikent catacomb; 26 — Gatyin-Kale, burial 31; 27 — Sackhkeri; 28 — Esher dolmen, the lower layer of burials; 29 — Martkopi, kurgan 3, burial 5; 30 — Ur; 31 — Luristan; 32 — Karkemish, grave KCG 9;

Period III — Privolnenskiy phase: 33 — Azov Sea area, Krasnoye Znamya, kurgan 23, burial 6; 34 — Tsaritsyn, kurgan, burial 2; 35, 36 — Shakhavskaya, kurgan 2, burial 10; 37 — Govorukha, kurgan 7, burial 2; 44 — Suvorovskaya, kurgan 18, burial 10; 45 — Sovetskoye, kurgan, burial; 46 — Khorej; 47 — Suvorovskaya; 56 — Kirovokan, kurgan, burial; 57 — Karashamb, kurgan 1, burial; 58 — Khovle, burial 2; 59 — Trialeti, kurgan II, burial; 60 — Leninkan; 66 — Billa; 67 — Byblous;

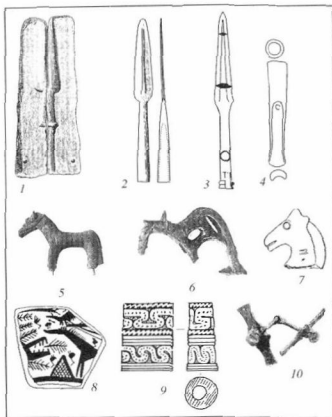
Period IV — Kostromskoy phase: 38 — Aleksandrovsk, kurgan 5, mound; 39, 40 — Rybakovka, hoard; 41 — Rostov; 42 — Kalinovskiy, kurgan 1, burial 7; 43 — Liventovskaya, burial 48 — Ginch; 49–51 — Kostromskaya, hoard; 52 — Chernoleskaya; 53 — Chogray; 54 — Suvorovskaya; 55 — Gatyin-Kale; 61, 63 — Shengavit; 62 — Karaz, 64 — Tsitsameri, kurgan, burial 13; 65 — Khanlar, burial; 68, 69 — Susa

погребение № 3 (Ляхов 1996) и Болдырева I — курган № 1, погребение № 1 (Моргунова 2000) нельзя связывать, с более совершенными в типологическом отношении закавказскими образцами. Очевидно, здесь представлен первый «опыт» самостоятельного освоения такого оружия мастерами катакомбной культуры¹⁹. В качестве параллелей можно рассматривать архаичные копия из ареала фатьяновской, балановской средне-днепровской и абашевской культур лесной зоны. Все ранние наконечники копий отличает типологическое разнообразие. По-видимому, в Поволжье и Приуралья мы имеем образцы копий первого этапа производства, отсутствующего на Южном Кавказе, где копия заимствуются с Переднего Востока уже в окончательно «сформировавшемся» виде. Все же отметим деталь, сближающую сторожевское копье с закавказскими экземплярами: для стигивания краев втулки здесь использован кожаный ремешок, продетый через отверстия прямоугольной формы, пробитые на краях втулки (сравни: Ляхов 1996 и Pischelauri 1997) (рис. 8: 11). Подобный прием стягивания краев втулки использовали и мастера синташтинской культуры эпохи поздней бронзы. На первый взгляд удивляет полное отсутствие наконечников копий в памятниках СБВ Северного Кавказа и степного Предкавказья, особенно при устойчивом параллелизме в развитии вооружения Кавказа и Переднего Востока (Кушнарева, Рысин 2000а).

Отсутствие копий отражает определенное отставание Северного Кавказа и Предкавказья на развитом этапе СБВ по вооружению от Закавказья, где копье со свернутой втулкой было включено в состав новой системы вооружения. Возможно, такое отставание могло быть вызвано временным разрывом связей с Южным Кавказом в триалетское время. С другой стороны, нам представляется, что наконечники копий могли «выпасть» из поля зрения современных исследователей, ошибочно интерпретирующих их в качестве ножей и кинжалов. Между тем в дореволюционных отчетах встречается описание «медных» наконечников копий (сегодня отнесенных археологами к категории ножей). В качестве наконечников копий или дротиков могли использоваться, например, массивные черенковые «ножи» с копытиным клинком и даже крупные «шилья» с упором — вероятно, штыковидные наконечники металлических дровиков. Наконечниками копий могли являться орудия с отверстием в черенке из погребения у сел. Советского (рис. 10: 45), а также из погребения в могильнике Айлама в Кабардино-Балкарии.

¹⁹ Способ насада при помощи раскованной и согнутой втулки, применяемый мастерами СБВ при изготовлении бронзовых долот и крюков, был, видимо, перенесен на наконечник копья.

Рис. 11. Передневоосточные прототипы основных технологических новаций Волго-Уральского центра культурогенеза: 1 – Кюльтепе-Каншиш Ib (литейная форма копыя с литой втулкой); 2 – Рас-Шамра РВВ 3 (копыя с литой втулкой); 3 – Кюльтепе-Каншиш Ib (копыя с литой втулкой); 4 – Кировская, курган (долото с литой втулкой); 5, 6 – Кюльтепе-Каншиш Ib (парные ручки сосудов в виде фигурок взызданных лошадей); 7 – Шенгавит РВВ 3 фрагмент глиняной фигурки лошади; 8 – Хафтаван-тепе слой VI В фрагмент от сосуда с изображением колесницы с лошадиной запряжкой; 9 – Кюльтепе-Каншиш Ib роговая рукоятка с «карпато-миценским» орнаментом; 10 – Ошакан, курган, погребение кармирбердской культуры, удила и псалли от колесничной запряжки

Fig. 11. Near East prototypes of the major technological advances of the Volgo-Ural centre of cultural genesis: 1 – Kültepe-Kanesh Ib (mould for a spearhead with a cast socket); 2 – Ras Shamra EBA 3 (spearhead with a cast socket); 3 – Kültepe-Kanesh Ib (spearhead with a cast socket); 4 – Kirovakan, kurgan (chisel with a cast socket); 5, 6 – Kültepe-Kanesh Ib (paired vessel-handles in form of figurines of bridled horses); 7 – Shengavit EBA 3, fragment of clay horse figurine; 8 – Khaftavan-Tepe layer VI B, fragment of vessel with representation of a chariot with a horse team; 9 – Kültepe-Kanesh Ib horn hilt with 'Carpathian-Mycenaean' pattern; 10 – Oshakan, barrow, burial of Karmirberd culture, bits with cheek-pieces from a chariot

Известны в Предкавказье и находки наконечников дротиков из кремня. Один кремневый черенковый наконечник дротика найден на поселении Старчики (слой 3б; раскопка М.Б. Рысина). Примечательно, что О.В. Кузьмина объясняет появление своеобразной формы сторожевского копыя комбинацией позднекатакомбных ножей копьевидной (пламевидной) формы и архаичных

абашевских наконечников с массивным корпусом и раскованной втулкой (Кузьмина 2000). Установлено, что в этот период («цветущая пора» триалетской культуры) связи Северного Кавказа с Закавказьем почти полностью прерываются, чем мы и объясняем технологическое отставание Северного Кавказа в сфере вооружения и необходимость самостоятельного освоения мастерами-оружейниками в степной зоне копыя со свернутой втулкой, сменившего архаичные черенковые наконечники.

К костромскому этапу в Нижнем Поволжье можно отнести комплексы с упомянутыми выше позднекатакомбными ножами (наконечниками копий или дротиков?) копьевидной формы (с параллельными сторонами клинка и подтреугольной или подромбической расковкой лезвийной части): Вертячий, курган № 7, погребение № 22; Желтухин, курган № 6, погребение № 4; Орешкин I, курган № 22, погребение № 5; Сидоры, курган № 30, погребение № 1; Челоскинец, курган № 2, погребение № 3; Ясырь I, курган № 5, погребение № 23 (рис. 8: 3–8). Копьевидные ножи (как и пятиугольные) являются продукцией степных очагов металлообработки. Существование орудий отдельных типов могло не совпадать с границами этапов металлообработки. В частности, копьевидные ножи изготавливались, видимо, не только на костромском, но и на привольненском этапе, поскольку нож этого типа был обнаружен в погребении № 2 кургана № 6 Беловодска (Братченко, Санжаров 2001: 26; рис. 15), отнесенном А.В. Кишичко к привольненскому этапу (Кишичко А. 2002: 28, 29). Это обстоятельство подтверждает наше предположение о существовании более древних кавказских прототипов копьевидных ножей (Советское).

Наконечники копьевидной формы обнаружены также далеко на западе от их основного ареала в Молдавии (Очища, Каменка, курган № 3, погребение № 5; Dergachev 2002: 31, № 90, Taf. 20), Венгрии (Сарретудвар, комитат Хайду-Бихар, курган, погребение № 7; Kalicz 1998: 173, Abb. 173, 13) и в Австрии (Вена-Эслинг, городской округ 22, погребение; Zimmermann 2003: 469, Abb. 1, 1). По мнению Т. Циммермана, учитывая их форму и расположение в погребениях, эти клинки могли служить не ножами, а наконечниками копий или дротиков (Zimmermann 2003: 472). К сожалению, находки из Австрии и Венгрии не имеют точной культурной и хронологической привязки. Погребение из Вены-Эслинга ранее относили к культуре колоколовидных кубков, но это определение не надежно. Венгерское погребение, возможно, относится к горизонту шнуровой керамики или к постшнуровому горизонту. Таким образом, западная линия синхронизации дает возможность датировки предкавказских копьевидных наконечников только в широких рамках второй полови-

ны III тыс. до н.э. В данном случае, важно подтверждение контактов предкавказских и карнатских культур.

Примечательно, что один из топоров колонтангового типа из Беловодска, курган № 6, погребение № 9 (привольненский этап) был отлит в форму со стороны брющка (Братченко, Санжаров 2001: 40; рис. 24). Следовательно, технология производства топоров *успенского типа* применялась в Нижнем Подонье еще на привольненском этапе СБВ, что свидетельствует об определенном отставании степной (провинциальной) металлообработки или о ее застойном характере, по сравнению с кавказской.

В могильнике Березовский, курган № 18, погребение № 4 найден нож с сильно расширенным в нижней части листовидным клинком. Подобные ножи «карасики» происходят из познекатакомбных погребений Подонья и Предкавказья и могут *синхронизироваться* с финальным костромским (или привольненским?) этапом металлообработки СБВ (рис. 9).

Для решения проблем связей и синхронизации изучаемых памятников интерес представляют «пастовые» цилиндрические бусины с шпешечками, найденные на Северном Кавказе (станция Суворовская), а также на Нижнем Дону и Северском Донце в инвентаре погребений *донецкой* (Говоруха; Смирнов 1996: рис. 47, 31), *маньчской* (Александровск; Смирнов 1996: рис. 24, 6) и *предкавказской культур позднего периода* и в памятниках *раннего этапа культуры многовалковой керамики*. Подобные «пастовые» цилиндрические бусы с шпешечками, вероятно, имитирующими «зернь», представлены в погребениях «цветущей поры» триалетской культуры в Закавказье (Триалети, курган № 2; Гогадзе 1972: таб. 16, 12) (рис. 10: 59). Фаянсовые бусины с выступами-рожками найдены в могильнике Цицамури на р. Арагви в погребении № 13, синхронном «цветущей поро» триалетской культуры (Садрадзе 1993: 56; Табл. XXXVII, 4) (рис. 10: 64). Находки бусин с выступами-рожками дают дополнительную возможность для синхронизации триалетских памятников с северокавказскими комплексами. Подобные бусины найдены в Нижнем Подонье в погребениях КМК раннего этапа и в степном Предкавказье в погребениях *посткатакомбной долинской культуры*, выделенной недавно Р.А. Мимоходом (Мимоход 2004: 110; Литвиненко 2004: рис. 1, 2). С кавказскими культурами долинскую связывают также находки зооморфных роговых пряжек и пряжек в виде кольца со стерженьком. Кавказские роговые пряжки впервые были сопоставлены со степными пряжками КМК в работе С.Н. Братченко (Братченко 1995: 8–26). На Северном Кавказе кольцевидные пряжки с выступом (ранее их относили к катего-

рии подвесок) найдены в погребениях позднего этапа СБВ могильников Гатын-кале (склепы № 7, 30) и Гичинского (Марковни 1963: 130; рис. 5, 7, 8; рис. 25, 3) (рис. 10: 55). Пряжка в виде кольца с выступом найдена также на Южном Кавказе в погребении № 18 кургана № 1 Ханларского могильника (Гуммель 1940: фиг. 30, 15; 38, 5). В Предкавказье кольцевидные пряжки найдены в могилах долинской культуры (Литвиненко 2004: рис. 1, 2). В степном Причерноморье известна одна подобная пряжка, происходящая из погребения № 6 во рву Ливенцовской крепости на Нижнем Дону (Братченко 1995: рис. 2, 6). Кольцевидные пряжки с выступом найдены также в погребении среднеднепровской культуры (Артеменко 1967: рис. 47, 30) и в погребениях культуры колоколовидных кубков Центральной Европы.

Зооморфные роговые пряжки (широкопланочные, по С.Н. Братченко) найдены на Северном Кавказе: в Дагестане – в погребении № 1 кургана № 1 Ирганайского могильника (Магомедов 1990: 41; рис. 1, 2); в Северной Осетии – в погребении № 10 кургана № 3 ст. Чернойская (*раскопки* В.Л. Ростунова) и в степном Предкавказье – в погребении № 1 кургана № 38 могильника Чограй VIII (Андреева 1989: 231). Аналогичные зооморфные пряжки найдены в комплексах раннего этапа КМК на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье (Александровск, Донецк, Новоамвросовка, Липовец, Новогупаловка, Текстильщик; Братченко 1995: рис. 1, 12, 13; Ляшко 1994: рис. 52, 11, 12). Пряжки и фаянсовые бусины являются «кавказским вкладом», формирующим своеобразный облик инвентаря комплексов КМК. Происхождение традиции и технологии изготовления кавказских фаянсовых («пастовых») бус в большинстве исследователей связывается с Передним Востоком. С финалом СБВ связаны также находки *проушных* вислобушных топоров царевкурганского типа. Эти топоры, по мнению С.Н. Корневского, изготовлялись в степном Поволжье, где найдено большинство орудий данного типа (Корневский 1976; Братченко, Санжаров 2001). Разнообразие форм, пропорций и даже особенностей технологии их изготовления позволяют отнести эти топоры к нескольким типам. Перечисленные выше типы топоров и ножей костромского этапа СБВ распространены в основном в степной зоне и относятся к ассортименту степных очагов металлообработки Поволжья и Причерноморья. Идея собственно кавказских типов в финале СБВ (на костромском этапе металлообработки) почти не встречается за пределами степного Предкавказья (рис. 9). Для проблемы синхронизации кавказских и степных памятников финала СБВ особое значение приобретает обнаружение вислобушных топоров костромского типа и плоских тесел

костромских пропорций в составе Рыбаковского клада. Это позволяет синхронизировать костромской этап металлообработки с финалом катакомбных культур и ранним и средним этапам КМК. К такому выводу можно прийти и на основании обнаружения фаянсовых бус и роговых пряжек кавказских типов в степной зоне. С тем же периодом соотносится, по всей видимости, существование на Южном Кавказе памятников «цветущей поры» триалетской культуры. Напомним, что триалетские комплексы мы датировали концом III – первыми веками II тыс. до н.э. По западной линии синхронизации раннему и среднему этапам КМК соответствуют памятники культуры Монтеору этапов IC4–IC2A (Motzoi-Chicidani 1995; Zaharia 1995).

Проанализируем направленность, характер и интенсивность кавказско-степных связей СБВ (рис. 9; 10). Картографирование находок металлических изделий кавказских типов в степной зоне показывает, что на раннем успешном этапе СБВ приоритет в распространении кавказских изделий сохраняется за Предкавказьем. В Подонье и Приазовье в начале СБВ производили проушные топоры кавказского типа (сочн-корда или псевдовислобушный) с усиливающими валиками вокруг проушины. В Нижнем Поволжье и Волго-Уралье практически отсутствуют импортные кавказские металлические изделия. Очевидно, здесь формируется свой очаг металлургии и металлообработки на базе местного сырья. Деятельность местного очага металлообработки проявилась прежде всего в освоении особого типа проушных топоров с выделенной нижней стенкой втулки. В то же время, ассортимент металлических орудий и оружия демонстрирует явное подражание кавказским типам изделий, что позволяет связывать формирование Волго-Уральского очага с воздействием кавказской металлообработки СБВ. Таким образом, на начальном этапе СБВ влияние кавказской металлообработки значительно расширилось (по сравнению с майкопским периодом РБВ), достигнув северных границ степной зоны и районов западного Приуралья (кавказские псевдовислобушные топоры успешного типа найдены недавно на юге Западной Сибири). Изменение характера связей выражается в появлении в степной зоне амулетов-украшений кавказских типов. Распространение в начале СБВ от Поднепровья до Среднего Поволжья и Приуралья в погребальном инвентаре кавказских амулетов-украшений отражает, на наш взгляд, существование некоего культурно-идеологического континуума в степной зоне, поскольку такие амулеты в составе погребального инвентаря, несомненно, были связаны с обрядами перехода (Генен 1999), составляющими основу идеологических представлений традиционных об-

ществ. В дальнейшем на привольном этапе СБВ продукция кавказских мастерских по-прежнему распространяется в Предкавказье и Нижнем Подонье. На севере и северо-востоке же ареал распространения кавказских типов металлических изделий снова сокращается до границ Нижнего Поволжья. Наконец, в финале СБВ, на костромском этапе изделия кавказских типов встречаются только в Предкавказье и на Нижнем Дону. Активизация волго-уральского очага металлообработки проявляется в создании и распространении в степной зоне местных типов вислобушных топоров колонтаевского и царевкурганского типов, а также в самостоятельном освоении нового типа оружия – копий со свернутой втулкой. Примечательно, что амулеты-украшения кавказских типов не проникают в этот период на Волгу и в Приуралье. Ассортимент амулетов-украшений также заметно сокращается²⁰. Как можно интерпретировать приведенные факты? Во-первых, очевидно, что в финале СБВ влияние кавказского очага металлообработки в степной зоне сокращается, возвращаясь к границам новосвободненского периода эпохи ранней бронзы. По мнению В.С. Бочкарева, центр кавказского очага культурогенеза в финале СБВ перемещается на Северо-Восточный Кавказ, в Чечню и Дагестан. Здесь были сформированы новации, лежащие в основе развития позднекатакомбных культур Предкавказья и КМК. Однако теперь в Волго-Уральском регионе действует независимый от кавказского, хотя и возникший под воздействием последнего, местный очаг металлургии и металлообработки. Во-вторых, сформировавшийся в начале СБВ в степной зоне континуум (родственная культурная среда), пронизываемый для распространения кавказских технологических и идеологических новаций, также сокращается до границ Подонья и Нижнего Поволжья. Вероятно, это также связано с начавшимися к северо-востоку от Кавказа процессами формирования волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы (Бочкарев 1991).

Сокращение кавказского влияния в степной зоне и затухание деятельности кавказского очага культурогенеза мы связываем в первую очередь с разрывом южных связей и сокращением притока новаций из Закавказья. Здесь уместно упомянуть о возможном существовании иного направления древневосточно-степного пути через Иран, Среднюю Азию и Казахстан в Прикаспий, Волго-Уралье и Западную Сибирь в обход Кавказа.

²⁰ Недавно к сходным выводам о сокращении ареала распространения кавказских импортов на развитом этапе средней бронзы пришел А.В. Кияшко (Кияшко А., 2002). Напомним, что исследование М.Б. Рыпина (в рамках проекта РГНФ) было выполнено уже в 1998 году, а результаты в форме тезисов опубликованы только в 2001 году.

Именно этот путь передачи новаций мог в конце СБВ стимулировать зарождение нового волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы, столь ярко и многосторонне освещенного в работах В.С. Бочкарева (Бочкарев 1991; 1995а; 1995б). Во всяком случае, три технологических новации, лежащие, по мнению В.С. Бочкарева (Бочкарев 1991), в основе развития Волго-Уральского очага: применение каменных литейных матриц, использование оловянистых бронз и освоение литья слепой втулки, были открыты и освоены передневосточными мастерами уже в позднем III тыс. до н.э. (Muller-Karpe 1994) (рис. 11: 1–4). Поскольку по неизвестным нам причинам в это время прекратилось распространение новаций через кавказский перешеек, новации в сфере ведущей для эпохи палеометалла технологии – металлургии и металлообработки – могли достигать степной зоны по иранско-закаспийскому пути. Тем же путем в Приуралье (Барышниковский могильник) могло попасть из Средней Азии и плоское тесло с выступами. Нам представляется, что и легкая боевая колесница с парной лошадинойпряжкой, являвшаяся, без всякого сомнения, воплощением самых «высоких технологий» и вершиной достижений специализированного ремесла сельскохозяйственной цивилизации бронзового века, также не могла быть изобретена самостоятельно «варварами» – скотоводами на далекой степной периферии, но была заимствована последними из контекста передневосточной цивилизации. Боевое применение колесниц требует освоения особой системы вооружения и тактики ведения боя, которая также не может сформироваться «на пустом месте», а на Древнем Востоке была освоена уже в раннединастический период. Косвенно подтверждают существование на Переднем Востоке легкой боевой колесницы уже в начале II тыс. до н.э. ручки глиняных сосудов из дворца правителя Кюль-тепе в Каппадокии, выполненные в виде пары вьюзданных лошадей (Özgül 1986) (рис. 11: 5, 6), и найденные здесь же детали упряжи – роговые изделия с резным циркульным декором и другими мотивами орнамента, характерными для ранних паллий Волго-Уральского и Карпато-Балканского регионов²¹ (Küll 1989; Гончарова 1996) (рис. 11: 9). Традиции циркульного орнамента развились на Древнем Востоке уже с середины III тыс. до н.э. (Эбла, Телс-Гиссар, Сузы). Недавно дисковидные паллии раннего типа были открыты и в Средней Азии у Пянджикента (Бобомулов 1999: рис. 2).

Наконец, круглые и прямоугольные землейные крепости (святлища, дворцы?) начала позднего бронзового века Южного Приуралья – Синташта, Аркам и другие – обнаруживают свои прототипы на Юге, в сырцовых крепостях и храмах Бактрианы конца III – начала II тыс. до н.э. (*L'âge des échanges...* 1986: 191; 193, fig. 154–156). Возможность передачи новаций по обозначенному выше пути подкрепляется разнообразными связями культур Зауралья и Средней Азии уже в мезолите и неолите (Лаврушин, Спиридонова 1995). История культуры демонстрирует непрерывность прогрессивного развития технологий (Бочкарев 1995а; 29) и многочисленные случаи конвергентного изобретения «назревших» технических новаций носителями разных культур. Но та же история культуры неопровержимо свидетельствует, что только изобретения и открытия, сделанные в передовой стране или регионе, имеют шанс быть включенными в культурную традицию и распространиться в соседние области. А аналогичные изобретения, сделанные в сравнительно отсталых регионах, не только не включаются в культурный контекст, но будут неизбежно преданы забвению. Поэтому нам кажется более вероятным, что «синташтинцы» заимствовали ряд новаций из Древнего Востока (через территорию Средней Азии?), а не изобрели самостоятельно боевую колесницу, копьё с закрытой литой втулкой и т.п. Перечисленные новации носят комплексный, взаимосвязанный характер (составляют единую систему вооружения) и предполагают длительное предшествующее развитие и совершенствование. Поскольку нам неизвестны памятники предшествующие синташтинским на исходной территории в Южном Зауралье, можно лишь высказать предположение о путях распространения новаций, но подтвердить или опровергнуть его позволят только дальнейшие исследования.

В заключение остановимся на нескольких выводах. Прежде всего, отметим, что анализ северных связей кавказских культур позволил сверить периодизацию и хронологию памятников степной зоны с уточненной нами кавказской шкалой (рис. 10).

Важно, на наш взгляд, что полтавкинские памятники Волго-Уральского региона с металлическими изделиями синхронизируются в основном с успешным этапом металлообработки Кавказа и «вписываются» в целом в рамки развития ямной культуры, а не катакомбной, с которой их ранее соотносили. Наши сравнительно-типологические наблюдения над распространением металлических изделий подтверждаются анализом совокупности радиоуглеродных датировок ямных, катакомбных и полтавкинских памятников, предпринятым Е.Н. Черных и Л.В. Орловской (Черных, Орловская 2004).

²¹ На Южном Кавказе первое появление колесничной пряжки фиксируется по находке в подкурганном погребении кармирбердской культуры в Ошакне бронзовых пластинчатых паллий и закрепленной на колеснице фигурки (рис. 11: 10). Ошакские паллии датированы XVII в. до н.э.

Кроме того, выясняется, что новации в различных сферах (прежде всего в технологической) распространялись по принципу «сообщающихся сосудов» – от более развитых культур к менее развитым. Кавказцы усваивали прогрессивные новации переднеазиатских цивилизаций. При контактах населения степной зоны с кавказским, новации распространялись с юга на север, с Кавказа в степную зону Предкавказья, Подонья, Поволжья и Приуралья. Например, племена ямной культуры, переселяясь на юг, в Предкавказье, смешивались с местным кавказским населением и воспринимали культурные местные стереотипы²². При расселении же ямных племен на Восток, в Приуралье и за Урал, они сами оказываются в роли «культуртрегеров», носителей более высоких культурных традиций (в том числе за счет воспринятых ими достижений кавказского населения). В результате на восточной окраине ямной «ойкумены» возникают яркие памятники, такие как курганные некрополи р. Илек (Моргунова, Кравцов 1994; Моргунова 2002) или комплексы афанасьевской культуры на юге Сибири, а металлические изделия «успенских» типов распространяются даже в Барнаульско-Бийское Приобье (Кирюшин 2002).

Принятие «диффузионистской» гипотезы и трансляция новаций металлообработки с юга на север (с Переднего Востока через Кавказ в Приуралье и восточноевропейские степи), на наш взгляд, позволяет лучше объяснить использование металлических изделий сходных типов на обширной территории Евразии, чем гипотеза Е.Н. Черных (Черных 1978; Черных, Авилова, Орловская 2000) о существовании так называемой циркумпауэнтской металлургической провинции (с общими принципами металлургии и металлообработки), включающей десятки совершенно разрозненных археологических культур от Персидского залива и Леванта до Днепра и Урала.

Интенсивность межрегиональных контактов периодически возрастает и затухает, подчиняясь определенному ритму. Этот ритм, как показывает анализ связей Кавказа с Поволжьем, определялся, по-видимому, закономерностями возникновения, функционирования и смены центров или очагов культурогенеза. В свою очередь возникновение очагов культурогенеза сначала на Кавказе, а затем

в Поволжье могло стимулироваться новыми идеями и технологиями, полученными в результате интенсивных контактов с югом.

- Артеменко 1967 – *Артеменко И.И.* Связи племен среднеднепровской культуры // Междлеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1967. С. 6–16.
- Андреева 1989 – *Андреева М.А.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989. С. 24–124.
- Ахундов 1999 – *Ахундов Т.И.* Древнейшие курганы Южного Кавказа (культура подкурганых скелетов). Баку, 1999.
- Ахундов 2001 – *Ахундов Т.И.* Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку, 2001.
- Баринев 1996 *Баринев Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Поволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Батчаев 1984 – *Батчаев В.М.* Погребальные памятники у селений Лечниковой и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 112–163.
- Березанская 1986 – *Березанская С.С.* Культура многоваловой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 5–43.
- Бетров, Нагоев 1984 – *Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кшичек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Том. 1. С. 7–87.
- Бобомулаев 1999 – *Бобомулаев С.* Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // Stratum Plus. 1999. № 2. С. 198–199.
- Бочкарев 1978 – *Бочкарев В.С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. Вып. 2. Л. С. 48–52.
- Бочкарев 1991 – *Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 12–19.
- Бочкарев 1995а – *Бочкарев В.С.* Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб., 1995. С. 18–29.
- Бочкарев 1995б – *Бочкарев В.С.* Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы: (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоевропейские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995. С. 114–123.
- Братченко 1976 – *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Братченко 1995 – *Братченко С.Н.* Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. (Материалы конференции. Саратов, 21–25 августа 1995 г.). Саратов; СПб., 1995. С. 8–26.
- Братченко 1996 – *Братченко С.Н.* До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996. С. 32–57.
- Братченко 2001 – *Братченко С.Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001. Ч. 1, II.

²² Проникновение носителей ямной культуры дальше на юг, в Закавказье, фиксируется только по погребениям с традиционным скелетным на спине положением скелетов и следами красной минеральной краски в могиле (например, см.: Ахундов 2001; рис. XXXI). Керамика и другие определяющие признаки ямной культуры на Южном Кавказе не зафиксированы, поэтому можно утверждать, что пришельцы с севера были ассимилированы местным населением. Сходная картина наблюдается при распространении ямного населения далеко на запад, в долину Дуная.

- Братченко, Саяжаров 2001 – *Братченко С.Н., Саяжаров С.Б.* Річнікі бронзові знаряддя з катакомб Сверхскодочечини та Донщини (III тис. до н.э.). Луганск, 2001.
- Бурков 1991 – *Бурков С.Б.* Закавказские импорты из подкурганых погребений среднего течения Асса как культурно-хронологический показатель // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Грозный, 1991. С. 4–5.
- Бурков, Ростунов 2004 – *Бурков С.Б., Ростунов В.Л.* Погребения эпохи бронзы из кургана № 1 у сел. Ачхой-Мартан (Чечня) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 137–150.
- Васильев 1979 – *Васильев И.Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Научные труды Куйбышевского пединститута. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 18–45.
- Васильев 1980 – *Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у сел. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. Вып. 2. С. 32–58.
- Васильев 1981 – *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь (учебное пособие к спецкурсу). Куйбышев, 1981.
- Гаджиев 1987 – *Гаджиев М.Г.* Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 6–13.
- Гаджиев 1991 – *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- Гей 2000 – *Гей А.В.* Новогитаровская культура. М., 2000.
- ван Генгел 1999 – *Генгел, Ван А.* Обряды перехода: Системное изучение обрядов. М., 1999.
- Гобеджишвили 1980 – *Гобеджишвили Г.Ф.* Бедени – культура курганых погребений. Тбилиси, 1980.
- Годадзе 1972 – *Годадзе Э.М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триадети. Тбилиси, 1972. (На груз. яз.).
- Гончарова 1996 – *Гончарова Ю.В.* К вопросу о классификации дисковидных псалов с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. СПб., 1996.
- Григорьева 1991 – *Григорьева Е.А.* Культовые сосуды (курьезницы) из раскопок 1989–1990 гг. // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Грозный, 1991. С. 5–6.
- Гуммель 1940 – *Гуммель Я.И.* Археологические очерки. Баку, 1940.
- Деген 1941 – *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. М.; Л., 1941. № 3. С. 213–300.
- Дергачев 1986 – *Дергачев В.А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
- Дергачев, Манзура 1991 – *Дергачев В.А., Манзура И.В.* Погребальные комплексы позднего триполья. Кишинев, 1991.
- Державин 1989 – *Державин В.Л.* Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща // Древности Ставрополья. М., 1989. С. 125–194.
- Джавахишвили, Глойти 1962 – *Джавахишвили А.И., Глойти Л.И.* Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селении Квацхелеби. Тбилиси, 1962.
- Джапаридзе 1998 – *Джапаридзе О.М.* К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э. Тбилиси, 1998.
- Днепровский, Кореневский 1996 – *Днепровский К.А., Кореневский С.Н.* Сравнительный анализ керамики гаглогаевского и серетинского поселений майкопской культуры // Историко-археологический альманах. Армавир-М., 1996. С. 4–13.
- Дьяченко 1992 – *Дьяченко А.В.* Раннекатакомбные памятники правобережья Медведицы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 79–89.
- Збенович 1987 – *Збенович В.Г.* Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе энеолитических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 87–95.
- Иессен 1950 – *Иессен А.А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. № XII. С. 157–202.
- Исаков 1991 – *Исаков А.* Сарам (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины; раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Калантарян и др. 2003 – *Калантарян А.А., Мелконян У.А., Жамкоян А.С., Бабалян Ф.С., Пилипосян А.С., Каесян А.Г.* Результаты раскопок 2002 г. в Ошакане // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Эчмиадзин, 2003. С. 112–122.
- Каминский 1993 – *Каминский В.Н.* Майкопские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Поитийско-кавказские исследования. Краснодар, 1993. Вып. 1. С. 6–21.
- Качалова 1962 – *Качалова Н.К.* К вопросу о памятниках полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 5. С. 11–49.
- Качалова 1983 – *Качалова Н.К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 4–19.
- Кирчо 2001 – *Кирчо Л.Б.* Особенности производства поселения Аглыт-Деле в эпоху палеометалла // Материалы Южно-Туркменстанской археологической экспедиции. СПб., 2001. Вып. 5. С. 60–84.
- Кирюшин 2002 – *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза Юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кияшко А. 1990 – *Кияшко А.В.* Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- Кияшко А. 1996 – *Кияшко А.В.* К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории Волго-Донского междуречья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.
- Кияшко А. 1999 – *Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко А. 2002 – *Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Кияшко В. 1979 – *Кияшко В.Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 49–50.
- Кияшко В. 1994 – *Кияшко В.Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- Ковалева 1984 – *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск, 1984.
- Кореневский 1976 – *Кореневский С.Н.* О металлургических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. 1976. № 4. С. 16–31.

- Корневский 1980 – Корневский С.Н. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980. Вып. 2. С. 59–64.
- Корневский 1981 – Корневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 20–41.
- Корневский 1984 – Корневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 254–300.
- Корневский 1986 – Корневский С.Н. Т- и У-образные булавы эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 12–24.
- Корневский 1990 – Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский 1993 – Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Терек. М., 1993.
- Корневский 1998 – Корневский С.Н. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 96–150.
- Корневский 2004 – Корневский С.Н. Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья: Майкопско-Новообводненская общность. М., 2004.
- Коробкова, Шапошникова 2004 – Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Культура доянного периода и жизнеобеспечение ее носителей (по материалам нижнего слоя поселения Михайловское) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии. СПб., 2004. С. 30–49.
- Котова 1994 – Котова Н.С. К проблеме сложности памятников нижнемайкопского типа // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь, 1994. С. 36–39.
- Крушов, Мернерт 1963 – Крушов Е.И., Мернерт Н.Я. Курганы у станции Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 9–48.
- Кубышев, Черников 1985 – Кубышев А.И., Черников И.Т. К проблеме существования лесовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы // СА. 1985. № 1. С. 39–54.
- Кузнецов 1991 – Кузнецов П.Ф. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991.
- Кузнецов, Плаксин 2004 – Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. Древности Нефтегорского района, Самара, 2004.
- Кузьмина 2000 – Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000.
- Куфтин 1941 – Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. I.
- Кушнарева 1993 – Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э., СПб., 1993.
- Кушнарева, Рысин 1996 – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М., 1996. С. 101–102.
- Кушнарева, Рысин 1997 – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Проблемы смены кавказских культур в финале ранней бронзы // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Тбилиси, 1997. С. 77–80.
- Кушнарева, Рысин 1998 – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. К проблеме влияния Южных цивилизаций на генезис кавказских культур эпохи бронзы // XX юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. С. 79–81.
- Кушнарева, Рысин 2000а – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Вооружение и военное дело населения Кавказа в доархаическое время // СУΣΣΓΓΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 70–90.
- Кушнарева, Рысин 2000б – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Бедно-аланская группа памятников Кавказа // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 60–109.
- Кушнарева, Рысин 2001 – Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Новые данные к проблеме датировки памятников «шестушей поры» Триалетской культуры // Caucasus, Essays on the Archaeology of the Bronze Age. Тбилиси, 2001. № 6. С. 101–116.
- Лаврушин, Спиридонова 1995 – Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы 3-й международной научной конференции: «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Челябинск, 1995. Ч. V. Кн. 2. С. 165–170.
- Литвиненко 2004 – Литвиненко Р.А. Восточная территория бабинского ояга культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 102–108.
- Лопатин 1993 – Лопатин А.П. Успенский клад эпохи средней бронзы // Первые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 9–12.
- Лорджиданидзе 1989 – Лорджиданидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.
- Ляхов 1996 – Ляхов С.В. Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов, 1996. С. 77–83.
- Ляшко 1994 – Ляшко С.Н. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи неолита–бронзы на Украине. Киев, 1994. Гл. 5. С. 152–166.
- Магомедов 1990 – Магомедов Р.Г. Фигурная костяная пряжка из Иргавайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 44–49.
- Магомедов 1992 – Магомедов Р.Г. Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы (Гинчинская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Майсурадзе, Абдушелишвили 1991 – Майсурадзе В.Г., Абдушелишвили М.А. Ширакская экспедиция 1985–1986 гг. // ПАИ 1986 г. Тбилиси, 1991. С. 68–69.
- Мамонтов 1994 – Мамонтов В.И. Курганный могильник Аитонов I // Древности волго-донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 10–24.
- Мамонтов 1997 – Мамонтов В.И. Погребение катакомбной культуры Первомайского курганного могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 123–127.

- Мамонтов 2000 – *Мамонтов В.И.* Древнее население Левобережья Дона (по материалу курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.
- Манура 2004 – *Манура И.В.* Триполье и степной мир: аспекты культурного диалога // *Всесвітній конгрес «Трипільська цивілізація»*. Київ, 2004. С. 47–48.
- Марковин 1960 – *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // *МИА*. М., 1960. № 93.
- Марковин 1963 – *Марковин В.И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // *Древности Чечено-Ингушетии*. М., 1963. С. 49–135.
- Марковин 1977 – *Марковин В.И.* Дегауакско-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье // *СМАА*. Майкоп, 1977. С. 37–67.
- Марковин 1978 – *Марковин В.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин 1994а – *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Археология*. М., 1994. С. 254–286.
- Марковин 1994б – *Марковин В.И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Археология*. М., 1994. С. 287–333.
- Марковин 1995 – *Марковин В.И.* Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // *Историко-археологический альманах*. Армавир; М., 1995. С. 28–47.
- Марковин 1997 – *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
- Массон 1997 – *Массон В.М.* Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла*. СПб., 1997. С. 124–133.
- Массон 1998 – *Массон В.М.* Эпоха древнейших великих степных обществ // *АВ*. СПб., 1998. № 5. С. 255–267.
- Массон 2000 – *Массон В.М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // *Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб., 2000. С. 135–166.
- Матюхин 1992 – *Матюхин А.Д.* Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // *Древности Волго-Донских степей*. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 49–52.
- Медитаур 1970 – *Медитаур К.* Четырехколесная боевая колесница в древней Грузии // *Друзья памятников культуры*. Тбилиси, 1970. № 21. С. 8–10.
- Мельник 1985 – *Мельник В.И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Мерперт 1967 – *Мерперт Н.Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье // *Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР*. Киев, 1967. С. 82–99.
- Мерперт 1974 – *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт 1988 – *Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н.э. в Циркумпонтийской зоне // *Древний Восток. Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 7–36.
- Мизев 1984 – *Мизев И.М.* Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // *Археологические исследования на до-восточных Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик, 1984. Том. 1. С. 88–111.
- Мимоход 2004 – *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Волгоград, 2004. С. 108–114.
- Мирцхулава 1981 – *Мирцхулава Н.* Отчет работы археологического отряда Эрцо-Тянетской комплексной экспедиции // *ПАИ* в 1978 году. Тбилиси, 1981. С. 49–52.
- Моргунова 2000 – *Моргунова Н.Л.* Большой Боддырвский курган // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 55–62.
- Моргунова 2002 – *Моргунова Н.Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного приуралья // *Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта*. М., 2002. С. 104–116.
- Моргунова, Кравцов 1994 – *Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Моргунова, Турецкий 1998 – *Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.* Курганная группа у хут. Барышниковая // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург, 1998. Вып. 2. С. 3–16.
- Мунчаев 1986 – *Мунчаев Р.М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986. С. 27–39.
- Мунчаев 1994 – *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Археология*. М., 1994. Гл. 1. С. 158–225.
- Нехаев 1992 – *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // *АВ*. СПб., 1992. № 1. С. 76–96.
- Нечитайло 1964 – *Нечитайло А.Л.* Археологические разведки Ставропольского музея в 1960 году // *Материалы по изучению Ставропольского края*. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 14–16.
- Нечитайло 1991 – *Нечитайло А.Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.
- Нечитайло 2000 – *Нечитайло А.Л.* Трансрегиональные связи в культурногенезе восточноевропейских степей в эпоху палеометалла // *Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб., 2000. С. 56–64.
- Нечитайло, Гаджиев 1990 – *Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г.* Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности*. (Тезисы докладов Всесоюзного совещания). Запорожье, 1990. С. 50–51.
- Николаев, Сафронов 1980 – *Николаев Н.А., Сафронов В.А.* Курганный могильник эпохи бронзы у сел. Дзаурикау // *Проблемы археологии Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1980. С. 18–80.
- Новичихин 2000 – *Новичихин А.М.* Натухаевский клад эпохи средней бронзы // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2000. С. 89–93.
- Новичихин 2002 – *Новичихин А.М.* Второй натухаевский клад металлических изделий бронзового века (предварительное сообщение) // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Ессентуки; Кисловодск, 2002. С. 101–102.
- Пиотровский 1982 – *Пиотровский Ю.Ю.* Хронология психовидных булавok и вопросы опорных дат «северокавказской» культуры // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1982. С. 18–20.
- Пряхин, Матвеев, Беседин 1991 – *Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991.

- Плахадзе 1985 – *Плахадзе Г.Г.* К вопросу о взаимосвязи западногрузинской раннебронзовой и майкопской культур // *Вопросы археологии Грузии*. Тбилиси, 1985. Вып. III. С. 22–37.
- Расамакин 1999 – *Расамакин Ю.Я.* Степная культовая монументальная архитектура: в поисках истоков традиции // *Материалы международной археологической конференции «Египтянина та культура населения степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранніє середньовіччя)»*. Дніпропетровськ, 1999. С. 56–60.
- Расамакин 2004 – *Расамакин Ю.Я.* Степи Причерномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // *Археологія*. Київ, 2004. № 2. С. 3–26.
- Расамакин, Самар 1999 – *Расамакин Ю.А., Самар В.А.* Миграции в Понтийских степях на рубеже энеолита: новые источники к решению проблемы // *Проблемы археологии бассейна Дона*. Воронеж, 1999. С. 52–55.
- Резепкин 1988 – *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // *ВАА*. Майкоп, 1988. С. 156–163.
- Резепкин 1989 – *Резепкин А.Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам археологических памятников новосвободненского типа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
- Резепкин 1991 – *Резепкин А.Д.* Курган 31 могильника. Клады. Проблемы генезиса и хронологии Майкопской культуры // *Древние культуры Прикубанья*. Л., 1991. С. 167–197.
- Резепкин 2000 – *Резепкин А.Д.* Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна // *Проблемы древней истории*. М., 2000. С. 223–235.
- Резепкин 2003 – *Резепкин А.Д.* Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 45–54.
- Ростунов 1985 – *Ростунов В.Л.* Куро-аракская культура на Центральном Кавказе // *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе, 1985. С. 3–42.
- Ростунов 1996 – *Ростунов В.Л.* *Определяющие признаки куро-аракской культуры на Центральном Кавказе по материалам погребальных памятников // XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. М., 1996. С. 126–128.
- Ростунов 1998 – *Ростунов В.Л.* Природно-климатические условия горной зоны Центрального Кавказа и вопросы ее заселения в эпоху энеолита и бронзы // *XX Юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов*. Ставрополь, 1998. С. 105–107.
- Рындина 2002 – *Рындина Н.В.* Медные топоры-молотки и топоры-гесла Восточной Европы (эпоха энеолита) // *Проблемы археологии Евразии*. М., 2002. С. 246–258.
- Рындина 1993 – *Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- Рындина, Равич 2004 – *Рындина Н.В., Равич И.Г.* Феномен серебряных покрытий на изделиях майкопской культуры Северного Кавказа // *Археология и естественнонаучные методы*. Конференция памяти Б.А. Колчина (1914–1984). М., 2004. С. 13.
- Рысин 1991а – *Рысин М.Б.* Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. Л., 1991. С. 48–51.
- Рысин 1991б – *Рысин М.Б.* Литейные формы из пос. Старчики в Адыгее // *КСИА*. 1991. Вып. 203. С. 106–111.
- Рысин 1992 – *Рысин М.Б.* Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском р-не // *ВАА*. Майкоп, 1992. С. 215–223.
- Рысин 1996а – *Рысин М.Б.* Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // *Между Азией и Европой*. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 78–81.
- Рысин 1996б – *Рысин М.Б.* К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // *Между Азией и Европой*. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 81–84.
- Рысин 1996в – *Рысин М.Б.* К проблеме синхронизации памятников начала средней бронзы на Северном Кавказе и в степной зоне // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век)*. Материалы международной конференции. Донецк, 1996. Ч. I. С. 34–37.
- Рысин 1997 – *Рысин М.Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб., 1997. С. 85–123.
- Рысин 2001 – *Рысин М.Б.* Кавказско-степные связи и проблема культурогенеза начала средней бронзы // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 100–101.
- Садрадзе 1993 – *Садрадзе В.* Археологические памятники «Михета великой» эпохи средней бронзы. Тбилиси, 1993.
- Санжаров 1992 – *Санжаров С.Н.* Северскодонецкие рванекакомбинные погребения с ориентированными блюдами // *Каталог археологических коллекций*. Луганск, 1992. Вып. 1.
- Сафронов 1974 – *Сафронов В.А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // *СНМСОПК* 1974. Вып. 7. С. 23–306.
- Семендзев 2002 – *Семендзев М.В.* Керамика из средне-бронзового слоя поселения Замок в окрестностях города Кисловодска. XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки: Кисловодск, 2002. С. 122–124.
- Синюк 1983 – *Синюк А.Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.
- Смирнов 1996 – *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Доне. М., 1996.
- Тарабанов 1990 – *Тарабанов В.А.* Раскопки курганов эпохи бронзы у пос. Черноморский Северского района // *Древние памятники Кубани*. Краснодар, 1990. С. 37–44.
- Трифонов 1987 – *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы периодизации связей майкопской культуры // *КСИА*. Л., 1987. Вып. 192. С. 18–25.
- Трифонов 1991 – *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // *Древние культуры Прикубанья*. Л., 1991. С. 92–166.
- Трифонов 2000 – *Трифонов В.А.* Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // *Судьба ученого*. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000. С. 244–264.

- Трифонов 2001 – Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001. С. 20–55.
- Трифонов 2003 – Трифонов В.А. Майкопская керамика с «пролощенным» орнаментом // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городова в Государственном Историческом музее. М., 2003. Ч. 1. С. 74–77.
- Трифонов 2004 – Трифонов В.А. «Царские» гробницы Арслантепе и новосвободной: некоторые аспекты сравнительного анализа // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 56–61.
- Формозов 1965 – Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов 1994 – Формозов А.А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. 1994. № 4. С. 44–53.
- Черных 1966 – Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / МИА. М., 1966. № 132.
- Черных 1978 – Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных и др. 2000 – Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луныков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 62–84.
- Черных, Авидлова, Орловская 2000 – Черных Е.Н., Авидлова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Черных, Орловская 2004 – Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1. С. 84–99.
- Черных 1997 – Черных Л.А. О типологических особенностях металлургического инвентаря из памятников ранней бронзы Северного Причерноморья (тепла, долота) // Археологический альманах. Донецк, 1997. Вып. 6. С. 97–106.
- Шапошникова 1985а – Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 324–331.
- Шапошникова 1985б – Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 336–352.
- Шапошникова 1987 – Шапошникова О.Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 3–16.
- Шапошникова, Бочкарёв, Шарфутдинова 1977 – Шапошникова О.Г., Бочкарёв В. С., Шарфутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Нигула // Древности Поволжья. Киев, 1977. С. 7–36.
- Шапошникова и др. 1986 – Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Доженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. М., 1986. Вып. 1–3.
- Шарфутдинова 2001 – Шарфутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы. Самара, 2001. С. 148–153.
- Шилов 1959 – Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. М., 1959. № 60. С. 11–38.
- Шилов 1975 – Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов 1985 – Шилов В.П. Курганы в урочище Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы в Калмыкии // СА. 1985. № 2. С. 18–31.
- Шилов, Багаутдинов 1998 – Шилов В.П., Багаутдинов Р.С. Погребения энеолита – ранней бронзы могильника Эвдьяк // Проблемы древней истории Северного Прикавказья. Самара, 1998. С. 45–67.
- Шишлина 1992 – Шишлина Н.И. Ранний этап средней бронзы Калмыкии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Шишлина 2002 – Шишлина Н.И. К вопросу о начале бронзового века в Северо-Западном Прикаспии // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 68–86.
- Bakker et al. 1999 – Bakker J.A., Kruk J., Lanting A.E., Milisaukas S. The earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East // Antiquity. 1999. Vol. 73. N. 282. P. 778–790.
- Braidwood & Braidwood 1960 – Braidwood R.J. & Braidwood L.S. Excavations in the Plain of Antioch // The University of Chicago, Oriental Institute Publications, Chicago, 1960. Vol. 61.
- Dergačev 1998 – Dergačev V. Kulturelle und historische Entwicklungen im Raum zwischen Karpaten und Dnepr // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe // Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München; Rahden, 1998. S. 27–64.
- Dergačev 2002 – Dergačev V. Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien // PBF. Stuttgart, 2002. Vol. XX. Hf. 9.
- Kalicz 1998. Kalicz N. Östliche Beziehungen während der Kupferzeit in Ungarn // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Rahden, 1998. S. 163–177.
- Koşay 1951 – Koşay H.Z. Les fouilles d'Alaça Höyük (1937–1939) // TTKY. Stambul, 1951. Ser. 5.
- Küll 1989 – Küll B. Untersuchungen zur Mittelbronzezeit in der Türkei und ihrer Bedeutung für die absolute Datierung der europäischen Bronzezeit // Prähistorische Zeitschrift. Berlin, 1989. Bd. 64. H. 1. S. 48–73.
- L'âge des échanges ... 1986 – L'âge des échanges inter-italiens 3500–1700 avant J.-C. // Notes et documents des Musées de France, Paris, 1986. Vol. 11.
- Machnik 1972 – Machnik J. Ze studiów nad związkami Kaukazu z obszarami Karpackimi w początkach epoki brązu // Archeologia Polska. 1972. T. XVIII. Z. 1. S. 127–162.
- Maxwell-Hyslop 1971 – Maxwell-Hyslop K.R. Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B. C., London, 1971.
- Motzoi-Chicideanu 1995 – Motzoi-Chicideanu I. Fremdgüter im Monteoru-Kulturraum // Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin, 1995. Bd. 10. S. 219–242.
- Müller-Karpe 1994 – Müller-Karpe A. Altanatolisches Metallhandwerk // Offa-Bücher. Neumünster, 1994. Bd. 75.
- Ozğüç 1986 – Ozğüç T. Kültepe-Kanış II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East // TTKB. Ankara, 1986. Ser. 5. № 41.
- Pichelauri 1997 – Pichelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // AE. Espelkamp, 1997. 4.
- Rezeplin 2000 – Rezeplin A. D. Das Frühbronzezeitliche Grabfelder von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Rahden: Leidorf, 2000. Bd. 10.
- Smith et al. 2004 – Smith A.T., Badalyan R., Avetisyan P., Zardaryan M. Early Complex Societies in Southern Caucasia: A Preliminary Report on the 2002 Investigations by Project ARAGATS on the Tsakahob Plain, Republic of Armenia // AJA. 2004. Vol. 108. № 1. P. 1–41.
- Tallon 1987 – Tallon F. Métallurgie suseienne I. De la fondation de Suse au XVIII avant J.-C. // Notes et documents des Musées de France. Paris, 1987. Vol. 15.

- Wamser 1981 – *Wamser L.* Begräbnisplätze der Becherkultur im Main-Tauber-Gebiet und ihr Bezug zur Schnurkeramik // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Berlin, 1981. Bd. 64. S. 143–165.
- Wesse 1990 – *Wesse A.* Die Armchenbeile der Alten Welt // *Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie*. Bonn, 1990. № 3.

Zaharia 1995 – *Zaharia E.* The Monteoru culture // *Treasures of the Bronze Age in Romania*. Bucuresti, 1995. S. 197–205.

Zimmermann 2003. *Zimmermann T.* Zwischen Karpaten und Kaukasus – Anmerkungen zu einer ungewöhnlichen Kupferklinge aus Wien-Essling // *Archäologisches Korrespondenzblatt Mainz*, 2003. V. 33. H. 4. S. 469–477.

Relations between the Caucasus and the Steppes of the Volga and Ural Area during the Early and Middle Bronze Age in the 4th–2nd Millennium BC

M.B. Rysin

Relations with the Caucasus were important to the steppe zone of south-eastern Europe since during the Early and Middle Bronze Age (further abbreviated as EBA and MBA correspondingly) the Caucasian centre of cultural genesis was the leading one for the entire region (Бочкарев 1991). The influence of the Caucasus was supported primarily by its rich natural resources and close connections of its inhabitants with the leading civilizations of the Near East. The unique position of the Caucasus at the intersection of ancient routes made this region a translator of advances of the Ancient East and its own innovations to the steppe zone and further throughout the entire Eastern Europe.

During the recent decades, new evidence has been obtained allowing us to supplement A.A. Jessen's scheme of the periods of Caucasian metalworking by an additional phase, *viz.* the Uspensky stage antecedent to that of Privolnesky.

Relations of the Caucasus with the Volga basin during the Early Bronze Age were expressed predominantly in distribution of the advanced Caucasian technology of manufacture of shaft-hole chopper-shaped axes. The technique was casting into a mould of many pieces open from the ventral part. During the EBA, the Maikop technology of metalworking in the north and north-east did not spread beyond the limits of the Lower Volga area. Moreover, rare imitations of Caucasian chopper-like shaft-hole axes are found only near the main water artery – the Volga River. The population of the Volga-Ural region used local copper ores.

At the initial stage of the Middle Bronze Age, the influence of the Caucasian metalworking became considerably more widespread having reached the northern

borders of the steppe zone and regions to the west of the Urals. The change of the character of interrelations was expressed in the expansion of the range of articles of Caucasian types in the steppe zone. These articles included Caucasian amulets/ornaments found among funerary offerings throughout the area from the Dnieper River to the Urals. The wide distribution of these objects in the beginning of the MBA suggests that some cultural and ideological continuity existed in the steppe zone. Indeed, their presence among grave goods undoubtedly was connected with the rites of transition which lay in the foundations of religious beliefs of traditional societies. Later, at the Privolnesky stage of the MBA, products of Caucasian workshops and their imitations were as before widespread in the north-western Caucasus and Lower Don regions. In the north and north-east, the area of the distribution of Caucasian types of metalwork shrank to within the limits of the Lower Volga region. Eventually, in the final MBA, articles of Caucasian types were found only in Ciscaucasia and the Lower Don region. During that period, the influence of the Caucasian centre of metalworking in the steppe zone subsided almost completely. The kindred cultural environment permeable to the distribution of Caucasian technological and ideological innovations also was reduced to within the limits of the Lower Volga region. This was probably connected with the formation of a new Volga-Ural centre of cultural genesis in the Late Bronze Age (Бочкарев 1991). The reduction of the Caucasian influence in the steppe zone and the extinction of activities of the Caucasian centre of cultural genesis may be explained primarily by the rupture of southern connections and decline of the supply of innovations from Ciscaucasia.

Последние мадленцы на севере Франции

Les derniers magdaléniens d'Étiolles.

Perspectives culturelles et paléohistoriques.

N. Pigeot (Dir.) XXXVIIe Supplément à Gallia Préhistoire

351 p. 2004. Paris: Ed. CNRS

Расположенная в пригороде Парижа мадленская стоянка Этьоль хорошо известна исследователям палеолита. Обширный памятник со сложной системой разбросанных по площади жилых комплексов, вспомогательных очагов и специализированных зон деятельности на протяжении более 30 лет является объектом широкомасштабных раскопок, проводимых коллективом археологов из Университета Париж-1. За это время материалы стоянки нашли отражение в десятках публикаций, в том числе нескольких монографиях (см. Васильев 1991).

Рецензируемая работа – плод творческого сотрудничества 17 авторов, посвящена анализу материалов самого позднего из вскрытых на памятнике комплексов – Q31. Он расположен на периферии основной части стоянки, на ровной площадке вблизи существовавшего в плейстоцене ручья. Серия датировок позволяет отнести комплекс ко времени 12,2–13,0 тыс. лет, вероятно соответствующего теплой фазе бемлинга. Стратиграфическое положение комплекса также указывает на его более поздний, по сравнению с остальными скоплениями, возраст. Раскопанное в 1982–1983 гг. на площади 150 кв. м скопление культурных остатков, залегавшее в слоистых аллювиальных суглинках, включало две зоны концентрации находок – вокруг очагов S27 и S29 в северной части и очага Q31 – в южной. Кроме того, здесь же был встречен ряд пятен выбросов из очагов и отдельно залегавшая известняковая плита. Всего комплекс дал более 26 тыс. единиц расщепленного камня (древиния людьми было принесено на стоянку более 400 кг кремня) и более тысячи причоажных каменной обшим весом 200 кг.

Описание технологии использования кремня посвящены несколько разделов книги. Индустрия

комплекса была основана на использовании принесенных желваков и блоков высококачественного кремня, добывавшегося из известняковых обнажений. На место обитания приносились как опробованные куски сырья, так и подготовленные преформы ядрищ и крупные отщепы. Целью расщепления было получение пластинчатых заготовок. Среди орудий резки (более 80%) преобладали вкладыши – пластины с притупленным краем и треугольные; были встречены также резцы, ретушированные пластины, клювовидные изделия и проколки.

К числу редких свидетельств неутилитарного поведения отнесены находки двух раковин, куска известняка причудливых очертаний и ретушированного отщепла, по форме слегка напоминающего изображение животного. Характерно, что сами авторы книги разделились во мнениях относительно значения последнего предмета.

Основная часть рецензируемого труда посвящена реконструкции облика комплекса и динамики его обитания на основании данных ремонтажа предметов расщепленного камня (костные остатки практически не сохранились). Картирование связей по ремонтуажу позволило проследить сложную микростратиграфию. Всего выделено пять фаз обитания. На первой расщепление камня концентрировалось вокруг очага S29, в это же время впервые был зажжен очаг Q31. Очаг S29 продолжал оставаться центром деятельности во время второй фазы обитания и только на третьей фазе он перестал использоваться. Абсолютное большинство пластин хорошего качества было получено на протяжении этих ранних этапов заселения. Далее, во время четвертой фазы обитания, центр производства смещается к очагу Q31, а на заклю-

чительной стадии в расщепление впервые вовлекается масса местного менее качественного, по сравнению с приносным, кремневого сырья.

Хотя расщепление велось вблизи всех трех очагов комплекса, они различаются функционально. Более ранний очаг S29 представлял собой простую структуру, сооруженную в ямке без обкладки. Здесь доминировали процессы расщепления кремня высокого качества, ориентированные на серийное производство пластин. Расположенный неподалеку очаг S27 аналогичен хорошо известным по другим комплексам Этьоля нагромождениям расстрескавшихся камней, занимавшим площадь около 2 кв.м. Здесь велось раскалывание наиболее крупных блоков кремня, преобладали операции по подготовке ядрищ для их дальнейшего использования. Специфика этого объекта в том, что, если остальные очаги с мощными каменными набросами на стоянке неизменно интерпретируются как центры домашнехозяйственной активности, предположительно связанные с жилищами, то в данном случае мы имеем дело с типичным вспомогательным очагом – местом специализированной деятельности.

Наконец, очаг Q31 был окружен несколькими плитками камня. Это был основной центр получения высококачественных пластин и пластинок, изготовления пластинок с притупленным краем и других орудий. Можно предполагать, что здесь шла выделка и ремонт составного охотничьего вооружения. Отходы кремнеобрабатывающего производства периодически выбрасывались от очага в места свалок на периферии комплекса. Несмотря на отсутствие четкой обкладки, этот очаг имеет все основные характеристики домашнего очага (разнообразие видов деятельности, регулярная очистка пространства) и может рассматриваться как часть жилого пространства. Скорее всего, очаг располагался в привходовой части жилья. Авторы предполагают, что жилище сооружалось на месте зоны редких находок к востоку от очага Q31 на площади около 12 кв.м. Таким обра-

зом, это жилище значительно меньше по размеру остальных структур такого рода в Этьоле, занимавших площадь 20–30 кв.м. Отметим, что, если бы подобного анализа не было произведено, комплекс по общим параметрам в плане интерпретировался бы как остатки удлиненного трехочажного жилища, подобного жилищу I Пенсевана. Это лишний раз говорит о прямой зависимости характера наших реконструкций от применяемого набора методических приемов.

Авторы склонны рассматривать описываемый комплекс как место сезонного обитания группы людей в конце мадленского времени. Судя по характеру находок, преобладающим видом занятия здесь была обработка кремня (серийное получение заготовок, изготовление охотничьего вооружения). Сравнивая характер комплекса с более ранними мадленскими жилищами Этьоля, авторы приходят к выводу о сохранении ряда традиций в устройстве обитасмого пространства.

Работа дополняется подробным описанием 24 наиболее характерных ремонтжей.

В целом рецензируемый труд наглядно демонстрирует огромные возможности в плане реконструкции истории обитания древнего человека на стоянке, которые открывает скрупулезный технологический анализ каменного инвентаря с широким использованием ремонтжа. В данном методическом аспекте опыт исследователей Этьоля будет интересен всем археологам, занимающимся верхнепалеолитическими жилищами и поселениями.

Васильев 1991 – Васильев С.А. Рец.: N. Pigeot. Magdaléniens d'Étiolles. P., 1987; M. Olive. Une habitation magdalénienne d'Étiolles. P., 1988 // CA. 1991. № 4. С. 274–278.

С.А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел археологии палеолита

Археология американского Юго-Востока

Handbook of North American Indians.

Vol. 14, Southeast. Raymond D. Fogelson (Ed.) 1042 p., ill. 2004.

Washington: Smithsonian Institution

Как мне уже приходилось писать, работа над «Справочником по индейцам Северной Америки» была начата почти полвека назад, а затем надолго прервана (Березкин 2002а; 2002б; 239). Новые тексты для тома 14, посвященного индейцам Юго-Востока США, подготовлены в 2001–2003 годах, от-

ражая современное состояние знаний. Читатель найдет здесь статьи по всем аспектам культуры индейцев в прошлом и настоящем. Исчерпывающая библиография занимает более четверти объема издания, десятки карт позволяют локализовать все упоминаемые объекты и события.

Среди историко-культурных регионов Северной Америки Юго-Восток был наиболее развит в социально-экономическом отношении. Можно ли некоторые из политических образований, возникших здесь после 1000 г. н.э., именовать государствами, вопрос спорный, но называть Миссисипскую культуру «цивилизацией» большой ошибкой не будет. К сожалению, именно Юго-Восток – единственная часть континента, по которой нет адекватных этнографических сведений. После первого же контакта с испанцами формы политической организации изменились настолько сильно, что более поздние английские и французские источники рисуют картину совершенно другого общества, нежели то, которое существовало до начала XVI века.

Миссисипской культуре посвящена огромная литература, и авторы справочника не стали ее дублировать. В разделе, посвященных археологии региона, основное внимание уделено более ранним периодам, которые гораздо менее известны и представление о которых существенно изменилось за последние годы.

Материалы по палеолиту объединены в особый том «Справочника», поэтому в региональных томах обзор начинается с голоцена, то есть с середины X тыс. до н.э. (в издании все основанные на радиоуглеродных определениях даты переведены в календарные). На Юго-Востоке крупные плейстоценовые травоядные к этому времени давно вымерли, главным объектом охоты являлся, как и на протяжении последующих эпох, виргинский олень. Перемены в формах хозяйства на рубеже плейстоцена и голоцена были, видимо, вызваны не столько изменениями климата, сколько постепенным ростом демографической плотности и все лучшим знакомством с природной средой. Если палеоиндейцы устраивали базовые лагеря, откуда отправлялись в охотничьи экспедиции, то в ранний архаический период люди постоянно меняли места стоянок, «прочесывая» подконтрольную территорию. Еще в самом конце плейстоцена, примерно с 9800 г. до н.э., в регионе появляются новые типы каменных наконечников – небольших, подтреугольных, с двумя выемками по сторонам близ основания орудия. Эти орудия требовали меньших затрат труда, нежели длинные тонкие бифасы эпохи охоты на мамонта и ископаемого бизона. В последние тысячелетия данный тип орудий распространился от Атлантики до Тихого океана, но возник он, похоже, именно на Юго-Востоке. В более западных областях, прилегающих к Великим Равнинам, палеоиндейские наконечники сохранялись вплоть до VIII–VII тыс. до н.э.

В прежних работах по американо-археологии разделы, посвященные культурам эпохи раннего и среднего голоцена (9500–3750 до н.э.) к востоку от Миссисипи, редко привлекали читательское внима-

ние: тенденции развития в этот период оставались плохо понятны, вещевой материал был невыразителен. Авторам «Справочника» впервые удалось свести мозаику локальных традиций в целостную картину. На протяжении всей архаики на Юго-Востоке происходит постоянный рост населения и к концу эпохи все убыстряющийся переход от небольших мобильных групп (band level) к более крупным и устойчивым объединениям (tribe level). На рубеже первой и второй четвертей IV тыс. до н.э. в некоторых районах появляются массивные всхолмления, обычно содержащие раковины речных моллюсков. Широкое использование моллюсков в пищу началось на рубеже VII–VI тыс. до н.э., но «раковинные кучи» известны далеко не везде, где существовали благоприятные условия для водного собирательства. Не всегда удается определить, образовались всхолмления постепенно из отбросов жизнедеятельности или являлись искусственными насыпями в точном смысле слова, однако сами размеры и правильная форма объектов в любом случае позволяют видеть здесь результат деятельности коллективов из сотен людей. Так, всхолмление Уотсон Брейк в Луизиане, датированное 4170–3750 гг. до н.э., представляет собой кольцо поперечником 280 м, в пределах которого выделяются одиннадцать возвышений высотой до 7 м. Полвека назад, когда кольцевые «раковинные кучи» были известны лишь на побережье Джорджии и Флориды, их появление пытались связать с миграцией из Южной Америки, якобы имевшей место в III тыс. до н.э., однако теперь нет сомнений, что речь идет о местной и очень древней традиции. В позднем архаическом периоде, то есть со второй четверти IV тыс. до н.э., появляются следы круглогодичной оседлости (поселение Бейли в Теннесси) с конца этого тысячелетия – керамика, а в III тыс. до н.э. в регионе распространяются земляные насыпи не просто правильной формы, но и явно возведенные намеренно. В ближнемиссисипской культуре поверти-пойнт подобное строительство достигает огромных масштабов. Эпонимный памятник Поверти-Пойнт в Луизиане, датированный концом III – началом II тыс. до н.э., представляет собой кольцо поперечником не менее 1 км (ныне наполовину разрушенное), состоящее из шести концентрических насыпей общим объемом более 1 млн куб. м земли. Об этом свидетельствует проведенная в 1999–2000 гг. новая топографическая съемка, значительно уточнившая контуры сооружений. Очевидно, что на протяжении пяти тысячелетий строительство искусственных насыпей являлось характерной особенностью культурной традиции индейцев Юго-Востока и что на рубеже III и II тыс. до н.э. по масштабам такого строительства данный регион не уступал побережью Перу.

Хотя время окультуривания местных растений точно пока не датировано и начаться этот процесс мог еще в среднем архайческом периоде (V–IV тыс. до н.э.), нет сомнений, что до самого конца III тыс. до н.э. земледелие играло на Юго-Востоке вынужденную роль, да и позже, вплоть до конца I тыс. н.э., эта роль оставалась второстепенной. Совершенно ясно, что прогрессирующее усложнение социальной организации местных индейцев, отраженное в изменении характера поселений и в строительстве все более крупных объектов неутилитарного назначения, происходило в рамках присваивающего хозяйства. Тот же вывод следует и из анализа археологических материалов по региону Плато (Березкин 2002б), а еще в начале 1970-х годов к сходному заключению пришел М. Мосли по материалам побережья Перу (Moseley 1975). Очевидно, что формы хозяйства и социальная структура не могут быть связаны непосредственно, ибо последние определяются прежде всего размерами сообществ и демографической плотностью, а не тем, из какого конкретного источника люди получают калории. Отсутствие земледелия и скотоводства ставит для демографического роста определенный предел, однако при обилии и круглогодичной доступности ресурсов дикой природы (рыба, водоплавающие птицы, орехоплодные, корне- и клубнеплоды) потенциал развития в эпоху господства присваивающего хозяйства мог быть значительным. Даже для переднеазиатского земледельческого очага причинная зависимость между переходом к земледелию и появлением древнейших неутилитарных сооружений, отражающих усложнение социальной структуры, не кажется сейчас столь очевидной, как до раскопок конца 1990-х годов на верхнем Евфрате. Находка в монументальных руинах Гебекли-тепе семян одних лишь дикорастущих растений и костей только диких животных, равно как и отсутствие данных о распространении в данном районе в более раннее время натуйфийской культуры (Bar-Yosef 2002; Schmidt 2000: 47–48) подрывают уверенность в том, что лишь она одна дала начало докерамическому неолиту Леванта.

На Юго-Востоке США изучение костных останков людей Архайческой эпохи показывает, что хорошее здоровье (и в частности, почти полное отсутствие следов кариеса на зубах) не обеспечивало высокой продолжительности жизни, ибо даже избывавшие гибели в детском возрасте обычно не доживали до 40 лет. Нередко смерть являлась насильственной, о чем свидетельствуют застрявшие в костях наконечники метательных орудий. После 1000 г. н.э. вокруг городков миссисипской культуры нередко прослеживаются следы частоккола, а быстрое распространение лука, сменившего копьёметалку в середине I тыс. н.э., было, скорее всего,

вызвано его преимуществами не только на охоте, но и в военных действиях. В целом Юго-Восток выглядит как регион с более высокой и постоянной военной активностью, чем Калифорния или же североамериканский Юго-Запад.

Период с 700 г. до н.э. до 800/1000 г. н.э. на Юго-Востоке именуется вулдендом. В начале периода обитатели региона жили в маленьких поселениях и, хотя и участвовали в общественных работах под руководством (религиозных?) лидеров, в основном сохраняли эгалитарную организацию. Ближе к концу эпохи появляются все более крупные церемониальные центры типа Толтек на р. Арканзас, где на площади 40 га располагаются остатки искусственных платформ и между ними немногочисленные постройки – жилища тех, кто руководил совершавшимися здесь ритуалами. Постепенно подобные центры превращаются в резиденции наследственной знати, а плотность населения вокруг них значительно увеличивается. В прошлом вулденд связывался, прежде всего, с культурой хоупвелл (100 до н.э. – 500 н.э.), но авторы «Справочника» почти отказались от этого названия. Хоупвелл – не культура и даже не ясно ограниченный во времени период, а охватывавшая огромные территории сеть связей, в которую были включены мелкие культурные общности. Эти общности обменивались престижными изделиями и ценным сырьем, добывавшимся на севере (самородная медь) и на юге (экзотические морские раковины). Общества, оказавшиеся в узлах таких связей, располагали значительными ресурсами, о чем опять-таки свидетельствует размах неутилитарной строительной деятельности. Так Пинсон Маунд в Теннесси представляет собой двенадцать искусственных насыпей высотой от 2,5 до 22 м и общей площадью 160 га. Во второй половине I тыс. н.э. хоупвелльская система дальнего обмена по неясным причинам распадается, что прежде рассматривалось как свидетельство общего регресса. Новые исследования показывают, что это не так и что в это время продолжается повсеместный рост населения и развитие местных центров. Ситуация напоминает ту, что характерна для Мезоамерики в ранний постклассический период (конец I тыс. н.э.). Тогда за распадом крупных прежних политических образований (Теотиуакан, Монте-Альбан) последовал не общий упадок, как некогда полагали, а стабильный демографический рост и расцвет мелких вождейств и городов-государств (Balkansky 2002: 78).

Конец вулденда на Юго-Востоке примерно совпадает с переходом к земледелию как главному виду хозяйственной деятельности, хотя в некоторых районах превращение кукурузы в основной источник питания задержалось до XIII и даже до XV в. Широкое распространение фасולי и тыква про-

изошло в середине XIV в. Местные культуры (подсолнечник, топинамбур, североамериканская киноа и пр.) также продолжали выращиваться. На плодородных землях Средней Миссисипи близ современного Сент-Луиса (так называемый район American Bottom) кукуруза в IX–X вв. распространилась быстро и неожиданно, что привело к росту населения и расцвету Кахокии. Сама Кахокия, судя по остаткам монументальных платформ и других сооружений, являлась ритуальным центром и резиденцией элиты, а в непосредственной близости от нее жило порядка 10 тыс. человек. В миссисипскую эпоху вновь возникает панрегиональная сеть обменных связей, господствуют политические образования типа вождеств. О том, что высший социальный слой резко противопоставлял себя прочему населению, свидетельствуют остатки жилищ знати на вершинах монументальных платформ и богатые захоронения. На основе хоувелской традиции расцветает производство украшений и ритуальных предметов из меди, морских раковин, камня, керамики и наверняка также дерева, если судить по уникальным находкам деревянных зооморфных изображений в болотах Флориды.

В американской археологии время от времени возникает дискуссия о роли мезо-американского влияния на становление Миссисипской культуры. С одной стороны, облик миссисипских монументальных центров X–XVI вв. н.э., таких как Кахокия, Маундвилл, Этоуа поразительно напоминает облик классических городов майя – разновысокие платформы, площади между ними, отсутствие радиальной симметрии в расположении сооружений. Если вспомнить об игре в мяч как одним из главных проявлений ритуальной активности как в Мезоамерике, так и на североамериканском Юго-Востоке, параллели еще более заметны. С другой стороны, на Миссисипи практически нет не только прямых мексиканских импортов (единственное исключение – мезоамериканское обсидиановое лезвие – предмет, скорее, утилитарный), но и сколько-нибудь явных следов мезоамериканского влияния в иконографии. Миссисипские вещи в Мезоамерике также невероятно редки (раковина с гравировкой, найденная в области Уастека). Авторы «Справочника» видят возможность разрешить это противоречие наличием древней традиции, общей для разных регионов Америки и уходящей корнями в глубокую древность (р. 685). Такая позиция представляется разумной. Та же игра в мяч, например, была знакома почти всем обитателям Нового Света от огнеземельцев до эскимосов. Можно предполагать, что либо уже самые ранние проникшие в Новый Свет группы людей (кловисцы?), либо чуть более поздние мигранты периода финального плейстоцена – раннего голоцена уже обладали такими формами социальной организации и

практиковали такие ритуалы, на основе которых при благоприятных обстоятельствах независимо возникли однотипные формы сложной культуры.

Значительное внимание авторы сконцентрировали на процессах, вызванных первыми контактами с европейцами, и дальнейшим событиям колониальной эпохи. Один из важных результатов – размах, механизм и непосредственные результаты демографического коллапса, вызванного распространением европейских болезней. Основная причина высокой смертности от оспы заключалась, по-видимому, в небольшом, по сравнению со Старым Светом, разнообразии антигенов в иммунной системе индейцев. Провив иммунную защиту одного человека, вирус поражал жителей целого района с той же легкостью, с какой в Евразии или Африке он поражал членов одной семьи. После испанских экспедиций первой половины XVI в. политические системы Юго-Востока рухнули быстро и повсеместно, поскольку значительная часть знати, прежде всего старики, погибла от болезней, престиж элит оказался подорван, а население в страхе бежало из крупных центров.

В этнографических разделах тома наиболее интересны статьи по мелким этническим группам, исчезнувшим до начала XIX в. Подобный обзор имеет уже ту ценность, что показывает, насколько дробным был регион в лингвистическом отношении. Хотя многие языки остались не зафиксированы, известно, что они не относились ни к одной из распространённых на Юго-Востоке крупных семей (мускогской, алгонкинской, ирокезской, сиу-катамба). Время распада языков-предков для мускогов, ирокезов и алгонкинов отстоит от нас самое большее на 4000 лет. Это значит, что представители данных семей относительно недавно распространились по большим территориям. Не только в эпоху арханки, но и в хоувелде языковая карта Юго-Востока наверняка была значительно более дробной, чем в XVI в. Вообще противопоставление востока Северной Америки западу континента, побережий континентальным районам, а Северной Америки в целом Южной Америке как регионов с меньшим числом языков регионам с большим числом языков (Douand 1983; Gruhn 1988; Oppenheimer 2003, fig. 7.2) несколько наивно. Оно не учитывает ни степени расхождения между отдельными языками, ни региональные особенности, способствовавшие или препятствовавшие сохранению языков. Совершенно очевидно, что в богатых ресурсами приморских районах и в пересеченных местностях умеренного и жаркого поясов мобильность населения была ниже, а темпы разделения языков и шансы для их длительного сохранения – выше, чем на открытых пространствах с бедными ресурсами. Обилие языков в Калифорнии или Оахаке не означает, что эти области

были заселены раньше Великих Равнин или Центральной Аляски, так что межконтинентальное сравнение числа языков представляет собой шаткую основу для построений, касающихся путей и времени заселения Нового Света.

Березкин 2002а – Березкин Ю.Е. Рец. на Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. Vol. 13. Plains / Vol. ed. R.J. DeMallie, Washington, 2002. XVI, 1360 p., ill. // Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С. 155–163.

Березкин 2002б – Березкин Ю.Е. Археология и этнография индейцев Плато. Рец. на Handbook of North American Indians, William C. Sturtevant, general ed. Vol. 12. Plateau. Vol. ed. Deward E., Walker Jr. Washington: Smithsonian Institution, 1998 // АВ. СПб., 2002. № 9. С. 239–245.

Balkansky 2002 – *Balkansky A.K.* The Sofa Valley and the Monte Alban State. A Study of Zapotec Imperial Expansion. Ann Arbor, 2002.

Bar-Yosef 2002 – *Bar-Yosef O.* The Natufian culture and the Early Neolithic: social and economic trends in Southwestern

Asia // Bellwood P., Renfrew C., eds. *Examining the farming/language dispersal hypothesis*. Cambridge, 2002. P. 113–126.

Douand 1983 – *Douand C.P.* Early speakers in the New World // *Anthropologie*. Brno, 1983. № 21 (2). P. 169–180.

Gruhn 1988 – *Gruhn R.* Linguistic evidence in support of the coastal route of earliest entry into the New World // *Man*. 1988. № 23 (2). P. 77–100.

Moseley 1975 – *Moseley M.E.* The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, 1975.

Oppenheimer 2003 – *Oppenheimer S.* The Real Eve // *Modern Man's Journey Out of Africa*. New York, 2003.

Schmidt 2000 – *Schmidt K.* Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A preliminary report on the 1995–1999 excavations // *Paleorient*. 2000. № 36 (1). P. 45–54.

Ю.Е. Березкин

Россия, Санкт-Петербург.

Музей антропологии

и этнографии (Кустакера) РАН.

Отдел этнографии Америки

Ознакомление с не-археологической не-теорией

Johnson M.H. *Archaeological theory: An introduction*. 239 p., 32 ill. 1999. Oxford, Blackwell

Книга Мэтью Джонсона «Археологическая теория: Введение» (Johnson 1999) привлекла мое внимание по трем причинам. Во-первых, она прямо нацелена на главный (в течение ряда лет) предмет моих исследований – археологическую теорию, обещающую объяснить, что это такое («Введение»). Во-вторых, эта книга очень популярна на Западе (каждый год выходят дореиздания, в 2000 г. – три, в 2003 – две), став ведущим учебным пособием для студентов, и крупные археологи Англии рекомендовали мне ее как очень хорошее введение. Кстати, непрерывные дореиздания позволяют мне рецензировать эту книгу как свежее издание, хотя я и ознакомился с ней (по сложившимся личным обстоятельствам) лишь несколько лет спустя после первого появления. В-третьих, я лично знаком с Мэтью Джонсоном, в 1993 *работал полгода рядом с ним* в Дареме и полон уважения и симпатии к нему как человеку. Мы много спорили, поскольку принадлежим к разным направлениям и школам, и это были интересные споры. Я и сейчас не могу согласиться с его подходом к археологии и постараюсь изложить суть наших расхождений.

Прочитав эту книгу, я могу добавить еще одну причину, по которой книга заслуживает внимания: она отражает очень распространенное на Западе понимание теории, ставшее почти всеобщим

после нескольких десятилетий засилья пост-процессуализма.

Мэтью Джонсон – оригинальный исследователь. Он работает в исторической археологии, в ее отрасли, близкой к индустриальной археологии. Ряд его статей завершился книгами «Культура домостроительства» (Johnson 1993) и «Археология капитализма» (Johnson 1996). В теоретическом спектре британской археологии отмечено и заметное направление, сформированное Джонсоном. Это направление характеризуется переносом в археологию постструктуралистской «теории структуры» социолога Энтони Гидденса или, что почти то же самое, – «теории практики» антрополога Пьера Бурдьё. Оба отошли от структуралистской позиции полной подчиненности индивидов законам жизни социальных структур. По Гидденсу, люди умеют управляться с правилами, навязываемыми структурой, и манипулируют ими. По Бурдьё, люди на практике осваивают условия жизни со структурами (хабитус) и приучаются лавировать и даже трансформировать культуру. Стратегия индивидов и их деятельность в этой обстановке обозначаются термином «agency» (действия, деятельность, система поступков).

Вот Джонсон и сформулировал для археологии «теорию деятельности» – agency theory (Johnson 1989), которая отличается от социологизирован-

ных учений Новой Археологии и других подчеркнутым вниманием к индивидам, а от «методологического индивидуализма» прежних учений (Вебера, Боаса и др.) – учетом существования социальных структур и их законов. Правда, как теория учение Джонсона остается на уровне общих принципов – без разработки собственных археологических понятий, методики, правил.

Теперь Джонсон представил книгу об археологической теории вообще. Книга Джонсона состоит из предисловия, 12 глав, из которых последние аттестована как заключение, и приложений – словаря избранных терминов, рекомендательного списка литературы, библиографии и указателя.

В предисловии автор сообщает свою задачу – «объяснить кое-что из того, что есть “теория”, ее отношения к археологической практике, как она развивалась в археологии в течение последних нескольких десятилетий и как археологическая мысль относится к теории в гуманитарных науках и в интеллектуальном мире вообще» (с. X). Весь этот раздел (его подзаголовок – «Противоречия теории») посвящен противопоставлению обделенной неприязни к теории ее популярности у молодежи. Предлагая студентам «карту маршрутов» по теоретической археологии, автор заранее извиняется за «нервномерность изложения: «теории среднего уровня» Бинфорда уделено больше места, чем бихевиорной археологии Шиффера, лингвистическим моделям больше, чем «модной ныне феноменологии» (с. XII).

Джонсон признается, что разрывался между желанием написать «нейтральный», «объективный» обзор разных направлений мысли и полемической защитой своих взглядов. Но избрал среднюю линию. «С одной стороны, построение вполне объективного обзора просто интеллектуально невозможно; наиболее предвзятые и односторонние взгляды постоянно высказываются теми, кто гласно прокламирует, что его позиция нейтральна, беспристрастна и свободна от оценок» (с. XII). Есть правила изложения, которые дают возможность любому ученому преодолеть собственную предвзятость и объективно изложить даже взгляды своих противников, если он этого хочет. Но вопрос даже не в этом намерении, а в том, чтобы нацелить исследование на поиски принципов, законов, понятий и методов, имеющих общенаучную значимость и применимость. Постпроцессуалисты, как известно, такие цели отвергают и исходят из того, что это принципиально невозможно.

Для меня к таким понятиям принадлежит «теория». Я исхожу из традиционного применения этого понятия в разных науках. Скажем, в физике, химии, биологии, геологии, социологии.

Если в гуманитарных науках и в археологии (допустим, что она к ним принадлежит) это традиционное понимание неприменимо, что ж, назовите то, что вы применяете в этих науках, другим термином. Но если вы применяете тот же термин, то я вправе считать, что имеется в виду то же понятие. Есть и другой выход из затруднения – отделить общее понятие (определив его и ограничив) и затем введите спецификацию – для точных наук одну, для гуманитарных (и археологии?) – другую. Но не надо заменять научные дефиниции метафорами или расплывчатыми описаниями и намеками.

В первой главе («Здорового смысла недостаточно») помещен раздел «Дефиниции теории», в котором Джонсон пишет:

«“Теория” – слово, очень трудное для дефиниции. В самом деле, я вернусь к этой теме в последней главе, поскольку разные теоретические взгляды определяют “теорию” по-разному. Разные дефиниции нельзя поэтому полностью исследовать без предварительного объяснения этих взглядов. Так что вместо включения здесь полной дефиниции теории я оставлю всякую попытку определить теорию для последней главы» (с. 2).

Теория – понятие фундаментальное для науки, поэтому у него должно быть некое минимальное общепризнанное определение, а разные взгляды на теорию могут лишь пополнять известное ее определение дополнительными свойствами.

Вот определение, предложенное Бинфордами: «Археологическая теория состоит из предположений и предположений относительно самих археологических источников – их происхождения, основы их вариативности, определяющих факторов различий и свойств в характеристиках форм, места и времени артефактов и сооружений и их взаимоотношений. В контексте этой именно теории развиваются археологические методы и технические приемы» (Binford and Binford 1968: 2).

А вот определение, данное примерно тогда же оппонентом Бинфорда Чжаном Гуанчжи:

«Археологическая теория – это система понятий, по которым, по нашему пониманию, наши археологические факты – их природа, категоризация, взаимоотношения и статические и динамические механизмы – могут разбираться и объясняться. Наше убеждение – что археологические факты суть продукты культурного и социального поведения человека, а также что поведение характеризуется конфигурациями и правилами, равно как и уникальностью. Наша теория поэтому базируется на доступном сейчас знании об этих конфигурациях – этих правилах, и она оснащает нас интеллектуальной силой предсказывать, постулировать и одну за другой формулировать рабочие гипотезы и заменять их новыми. Короче, теория снабжает нас фундаментальной рамкой для опери-

рования нашей методологией и для актуальных методов и техник сбора, упорядочения и интерпретирования данных, которые приходится использовать» (Chang 1967: 128).

Я мог бы привести и ряд других определений, как и предложить свое (оно тоже сформулировано). Конечно, можно выявить недочеты в этих определениях. Но чтобы понять и сопоставить их, не нужно глубоко входить в характеристику всей системы взглядов того и другого автора, в их эпистемологию. Можно вычленить и общее в их представлениях о теории, несмотря на их расхождения. Можно уловить и общее с теориями в других науках и, таким образом, присоединиться к традиционному пониманию.

Но автор отложил определение на конец книги. До этого шага автор ограничивается указанием, что теория отвечает на вопросы «почему», а метод или методология – на вопросы «как». Тем самым автор связывает теории с объяснениями, а значит – с логикой науки и эпистемологией (или, в более привычной для нас терминологии, – гносеологией). Остальные части главы посвящены доказыванию того, что теория (хотя еще и неясно, что это такое) нужна археологии. Если же свести это к доказыванию необходимости объяснений в археологии, то разве это кому-то неясно?

Все последующие главы, одна за другой, описывают разные течения в современной археологии, начиная с Новой Археологии (глава 2). Ей же посвящены еще три главы (3–5): в главе 3 («Археология как точная наука») излагается позитивизм, включая логический позитивизм, и возражения на него (со ссылками на Куна и Фейерабенда) и предвосторжения «социально конструктивизму»; в главе 4 излагается Бинфордова Теория Среднего Уровня (Middle Range Theory) и мельком этноархеология; в главе 5 – системный подход (с тяготением к взаимодействию структуры и индивиду).

Далее рассмотрены когнитивная археология (гл. 6 «Взглянем на мысли»), пост-процессуальная и интерпретативная археологии (гл. 7 – здесь и примеры, близкие собственным интересам автора), феминистски-гендерная археология (гл. 8), эволюционная археология с культурной экологией (гл. 9), историческая археология (гл. 10) – в обоих смыслах: и как методологическая связь археологии с историей (школа Анналов и т.п.) и как археология поздних, уже исторических эпох (тут в примерах снова сказываются личные интересы автора к началу нового времени). В 11 главе рассматривается положение археологии в постмодерновом мире (в частности вопрос о релятивизме). Из этих глав три (7, 8 и 11) охватывают разные отрасли постпроцессуальной археологии, а две (6 и 10) близки к ним.

«Эта книга, – пишет Джонсон, – также представляет археологическую теорию как рассказ (narrative) ... Но, конечно, такой рассказ представляет постпроцессуальную археологию как “последнее слово” – точно как Ренфру и Бан делают это для когнитивной-процессуальной археологии» (с. 182).

Затем идет 12 глава – «Конфликт и консенсус». Название объясняется тем, что автор замечает и поощряет переход от полемики и конфронтации течений к толерантности и взаимопониманию.

Здесь мы ожидаем, наконец, обещанную дефиницию теории, чтобы хотя бы задним числом осмыслить все, что о ней говорилось в предшествующих главах, – все качества, функции, возможности, предостережения, которые с ней связывались. Увы, четкой дефиниции и здесь нет. Автор начинает главу со следующих слов:

«Что ж, мы видели в главе I, что есть разные дефиниции того, что такое теория. Какую дефиницию кто предлагает, зависит от его собственного теоретического взгляда». Автор поясняет: «Для многих позитивистов теория – это определенный набор предположений, которые могут быть установлены и проверены по [наличным] данным. Для защитников Теории Среднего Уровня мы развили за последние тридцать лет набор методов, которые позволяют нам проверить теории данными. По этому взгляду, теория дефинируется очень узко и точно. Это просто ряд общих предположений. Они могут быть либо генерализацией относительно археологических источников (“возникновение ранних государств коррелирует с появлением и перераспределением торговых сетей”), либо о том, как нам делать археологию (“мы должны сделать проверяемость центральным критерием нашей эпистемологии”» (с. 176).

Джонсон отвергает это мнение на том основании, что данные (факты), на которые оно предлагает опереться, не остаются неизменными и сами зависят от теории, нагружены ею. Автор не учитывает, что данные (факты) не целиком зависят от теории, не созданы ею, и мы опираемся при проверке теории на их независимую часть. Ее трудно отделить от зависимой, но тем не менее это возможно.

В качестве другой крайности автор приводит постпроцессуалистское мнение, что «вся археология теоретична; теория определяется очень широко» (с. 176). Это иллюстрируется смутными туманными высказываниями Шанкса и Тилли о полной субъективности теории и ее совпадении не только с методом, но и с практикой. Поскольку теория всегда постулируется как нечто противоположное практике (хотя бы по чисто логическому определению), то такое слияние приводит к полной бессмысленности. Оно может означать только одно: отказ от разделения сферы науки на теорию и практику,

то есть возвращение к тем временам, когда такого разделения не было.

Столь далеко автор тоже не идет. «Я, – говорит он, – пытался симпатизировать другим позициям в этой книге (каким именно – опять не указано. – Л.К.), так что какой взгляд на теорию вы выберете, это вам решать» (с. 177).

Но в следующем разделе «Определяя золотую середину» он выражает сомнение:

«Но вам ли это решать? Выбор-то ваш, но есть шансы, что ваш выбор будет категоризирован (классифицирован) и интерпретирован еще до того, как вы получите шанс вернуть словечко. Вы получите ярлычок «впавший в крайность» или «умеренный», «пригодный» или «несущественный», «наивный эмпирист» или «увертливый релятивист», в зависимости от взгляда, который вы выберете. Но кто определяет, что крайнее или умеренное, центральное или маргинальное? Кто определяет повестку дня, кто решает, куда теория идет?» (с. 177).

Джонсон приводит четыре высказывания – Бинфорда, Ренфру с Баном, Ходдера и Шэнкса с Тилли. Кстати, не являющиеся дефинициями теории, а излагающие взгляды этих авторов на проверку теории фактами. Каждое из этих высказываний, по Джонсону, есть образец риторики. У Бинфорда и Шэнкса с Тилли – это риторика конфронтации, потому что все прочее с ходу отвергается, у Ренфру с Баном и Ходдера – риторика согласования. Но риторика. Для Джонсона дело не идет о том, чтобы выяснять наиболее пригодную теорию и эпистемологию для познания реального прошлого, а лишь о выборе наиболее удачного ораторского приема. Это типично постпроцессуалистское представление. Наиболее «успешными» с его точки зрения оказались Ренфру с Баном:

«Ренфру и Бан сделали мастерский ход, выбрав, где поместить свое утверждение, – оно помещено в учебнике для первокурсников. Это отличный учебник *нынче*, и он очень популярен. Это ставит их в положение, позволяющее построить сильные и широко идущие связи. Самая очевидная из этих связей – поколение новых студентов археологии. Одни из этих студентов со временем станут новой генерацией археологов; другие, прослушав один вводный курс, станут интеллектуальными, культурными и политическими лидерами британского и североамериканского обществ. В то же время локализация в учебнике для первокурсников помещает это утверждение в “черный ящик”. Студенты, воспринимая курс введения, имеют тенденцию усваивать то, что они прочли, как факт или, по крайней мере, как авторитетное утверждение “экспертов”. Им еще усваивать пять других курсов, и у них немного времени до экзаменов» (с. 180).

Напрямывающееся замечание скептического читателя приведено: «Мне кажется, что Ваша книга делает в точности то же самое, за что Вы нападаете на Ренфру с Баном и других». На это Джонсон отвечает просто – соглашается: «Мы все это делаем, конечно, и эта книга – не исключение» (с. 181).

Мне же кажется очень важным и непродуктивным, что новые генерации студентов получают свои представления о теории из постпроцессуалистского учебника Мэтью Джонсона. Представление это очень туманное. Вы можете не только выбрать любое из существующих определений (хотя и они не приведены в виде точных дефиниций – описаны только манипуляции с этим понятием в разных течениях), но и вообще считать теорией все, что вам заблагорассудится. А поскольку не дано ни четкого определения, что такое теория, ни механизма работы теории, ни критериев релевантности теорий, ни связи теорий с конкретными методами, то студенты не видят в теоретической работе никакого смысла. Простую игру. И в то же время виден наплыв участников на сессии ТАГ (Теоретической Археологической Группы) – что ж, все не прочь поиграть.

Этим, по-моему, объясняется падение интереса к теории после нескольких десятилетий господства постпроцессуализма. Как признает отъявленный постпроцессуалист Адриан Чэдвик: «Во многих ветвях постпроцессуалистской мысли, появившейся с 1980-х, социальные, политические и культурологические теории о людях и обществе рассматривались как равноценные со средствами получения данных или даже более значимые, а археологическая практика большей частью игнорировалась. Это привело к отчуждению многих молодых археологов и убедило их (неважно, справедливо ли), что теория имеет для них мало значения или вовсе не имеет» (Chadwick 2003: 97–98).

Все мы помним, что процессуализм-то интерес к теории стимулировал. Можно ругать Бинфорда за увлечение узкой гипотезно-дедуктивной схемой проверки теории, но у Бинфорда было представление о реальном мире прошлого, о роли теории в его познании, о структуре теории, о конкретных путях работы с теориями.

Совершенно ясно, что если теории имеют дело с объясняемым, то они относятся прежде всего к области логики науки (шире: методологии науки) и эпистемологии. Если отвергаются эпистемологии, избранные Бинфордом, Дэвидом Кларком, Ренфру, Гарденом, Мальмером и прочими (в том числе мною), избери́те и отстаивайте другую. Иначе не говорите о теории.

«...С риском прозвучать легкомысленным» Джонсон признается: «...дебаты об эпистемологии, может быть, и необходимы, но они определены

скупны. Есть другие вопросы в теории, которые я нахожу гораздо более интересными, включая природу социальных изменений; вопросы индивидуальных действий и социальной структуры; культурный контекст археологической практики; археологию пола; отношения между археологической и литературной теорией; появление социальной сложности и современное различие культурно-эволюционных моделей» (с. 185).

Николь Бойвин выразила это ощущение от академической науки более экспрессивно: «Скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, СКУЧНО. Сухо, невдохновенно, не вдохновляюще, холодно, бесчеловечно, извращенно» (Boivin 1997: 106).

Если вопросы, совершенно необходимые для «Введения в археологическую теорию», Джонсону скучны, зачем же было браться за составление именно такого учебника, который должен быть нацелен на разбор этих скучных вопросов? Те вопросы, которые он назвал как более интересные, большей частью, с моей точки зрения, вообще не относятся к самой археологии, науке детективно-источниковедческой, а входят в ведение преистории и истории как науки синтеза разных видов источников (Клейн 1991; Klejn 1993b; 1994; Burström 1994). Но, кроме того, это вопросы, которые те или иные теории изучают. Это их предметы. *Но если мы собираемся выяснить, что собой представляет сама теория, мы должны углубиться в эпистемологию, в логику науки, удовлетворить соотношения теории и практики (выбрать наиболее рациональное и реалистичное представление), изучить структуру теории, механизм ее работы. Это мета-теоретические проблемы, метаархеология.*

Автор этого старательно избегает. Причину такой склонности автора я вижу в его формировании.

«Я вошел в археологию ... как "грязный" (полевой – Л.К.) археолог, задающий вопросы, поставленные в этом томе. Все археологи-практики, с которыми я работал до университета, относились к теории пренебрежительно, а в Британии конца 1970-х спасательная археология переживала свой пик; и было слишком много чего раскапывать, чтобы еще думать о линейных зонах движения и взаимовеличивающихся процессах отклонения. Мой первый год в Университете, сильно ориентированный на узкий взгляд культурного эволюционизма и Новую Археологию, способен был подтвердить эти подозрения. Великая эволюционная схема казалась скучной и нерелевантной по отношению к частностям археологической практики. Я много читал по истории и исторической социологии и, как Брюс Триггер, также заметил, что отвержение истории, видимо, особенно наивно» (с. 186).

Молодой археолог-практик, жаждущий оторваться от простого эмпирического накопления

фактов, мог уйти либо в «свободный полет мысли» в области истории и преистории, как-то связанный с археологическими памятниками, либо заняться настоящей теоретической работой в археологии. Тому, что вместо дисциплинированного разбора скучных и трудных вопросов теории археологических источников он предпочел именно широкие исторические и преисторические суждения и витание в эмпиреях дебатов о теоретических трендах, способствовала общая атмосфера постпроцессуальной риторики, характерная для 1980-х.

Я хорошо представляю, что эти настроения очень широко распространены среди молодежи и (даже больше) среди бывшей молодежи. Именно поэтому мне представилось важным подробно и критически рассмотреть книгу Мэтью Джонсона.

Джонсон все еще сохраняет этот запал своих юных лет, ему все еще кажется, что вся беда в непонимании маститых старцев.

«Сама теоретическая дискуссия идет на очень низком интеллектуальном уровне. Многие последние теоретические обзоры, особенно сделанные старшими фигурами в археологии, оказываются совершенно неизвестными с литературой, которую они цитируют в поддержку своих взглядов, атакуют или шаржируют. Чем старше фигура, чем престижнее издательство, тем банальнее и скучнее часто кажется анализ» (с. 182).

Против банальных истин часто возражают не из-за их банальности, а потому что не нравятся их истинность.

Мне тоже от Джонсона досталось (видимо, как одной из «старших фигур»). В 1993 г. я опубликовал в «Каррент Антрополоджи» рецензию на сборник Йюффи и Шеррата, где я критиковал постпроцессуалистские и релятивистские пассажи авторов, особенно относительно «прав аборигенов на прошлое» (Klejn 1993a). В 1995 г. один из участников сборника Тим Марри ответил мне обижено и очень эмоционально, отвергая мою критику (Murphy 1995). Приводя эту мою рецензию в списке критиков постпроцессуальной археологии, Джонсон отмечает: «Клейн, кажется, не читал литературу; см. толковый ответ Марри Клейну» (с. 205). Это был бы серьезный упрек, будь подозрение оправдано. Объективности ради уже надо было упомянуть и последовавшее мое, надеюсь, не менее толковое разъяснение Тиму Марри и читателям (Klejn 1996). Приводить обе точки зрения – одно из правил объективного изложения спора (несмотря на сомнения постпроцессуалиста, они существуют). Любопытно, что в ряде работ позицию, схожую с моей, по вопросу о релятивизме и «правах аборигенов на прошлое» заняла другая «старшая фигура» – Брюс Триггер (Trigger 1989, 1990, 1991, 1995), весьма почитаемый Джонсоном (и мною).

В конце книги Джонсон пишет: «Моя главная цель в написании этой книги была убедить читателя в возбудительности, важности и нужности теории...» (с. 187). Остается только неясным, что же автор считает теорией, что именно является возбудительным, важным и нужным для археологии. Четкого ответа на этот вопрос в книге нет, но если суммировать все, что здесь рассмотрено, то можно прийти к выводу, что археологическими теориями для автора являются любые рассуждения о «высоких материях», как-то привязанные, хотя бы отдаленно, к археологическим памятникам. Это преимущественно рассуждения о социальных изменениях, о соотношении социальных структур и акций отдельных личностей, о развитии мышления и т.п. То есть все то, что для меня археологическими теориями не является – ни по своей природе (не всякие рассуждения, даже объяснительные, можно признать теориями), ни с точки зрения отраслевой принадлежности (эти рассуждения относятся, скорее, к истории, социальной истории и преистории).

Я не аргументирую здесь основательно позитивную сторону своей полемической позиции, потому что мои собственные взгляды на теорию и их обоснование подробно изложены мною на английском языке в книге «Метаархеология» (Klejn 2001), а на русском – во «Введении в теоретическую археологию» (Klejn 2004 с библиографией моих статей на эту тему за предшествующие годы). Там же представлен обзор того, что процессуалисты, постпроцессуалисты, а также их предшественники разного рода считают именно теорией, и насколько это рационально. Я воздержусь от подозрения, что Джонсон не читал литературу по теме (в частности мои русские статьи 1970–1980-х, а мою обобщающую книгу на английском он мог прочесть только после выхода своей книги. Но у него нет упоминания и Рейнгарда Бербека, чья книга «Теория в археологии» вышла на немецком в 1997 – см. Bernbeck 1997).

Можно было бы рассмотреть другие стороны книги Мэтью Джонсона – в частности, как представлены в ней те или иные течения археологической мысли, но это сторона историографическая. Она тоже мне интересна, но отстоит дальше от определенного названия книги основного сюжета и менее оригинальна (такие обзоры чаще встречаются). Как обзор, выполненный с позиций одного из течений, эта книга вполне правомерна и особых нареканий не вызывает. А призывы к здоровому эклектизму и толерантности очень даже симпатичны. Но я бы дополнил их призывом к беспристрастному выявлению общих методических правил и общих понятий, основанных на признании реального мира прошлого и возможности (хотя и трудности) его объективного познания.

Не сомневаюсь, что у профессора Джонсона, искусственного и изобретательного мыслителя, найдется что возразить. Постпроцессуалисты вообще очень опытные в риторике, а релятивизм действительно «увертлив». Я не надоею обратиться к Джонсону в свою веру – я не столь наивен. Профессор Джонсон много и плодотворно работает в археологии и, видимо, его постпроцессуальные убеждения ему не мешают. Но для молодежи хотелось бы представить более широкий спектр возможных подходов и показать, что при всей заманчивости постпроцессуальной риторики и даже при действительно полезных вкладах постпроцессуализма в науку (они есть) этот подход не свободен от серьезных изъянов, уступая другим подходам, более солидным, и его «последнее слово» в науке может оказаться действительно последним.

Klejn 1991 – Klejn L.S. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1991. № 4. С. 3–12.

Klejn 2004 – Klejn L.S. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. СПб., 2004.

Bernbeck 1997 – Bernbeck R. Theorien in der Archaeologie. Tübingen; Basel, 1997.

Binford and Binford 1968 – Binford L.R. and Binford S.R. Archaeological theory and method // New perspectives in archaeology. Binford L.R. and Binford S.R. (eds.). Chicago, 1968. P. 1–3.

Boivin 1997 – Boivin N. Insiduous or just boring? An examination of academic writing in archaeology // Archaeological Review from Cambridge. 1997. Vol. 14 (2). P. 105–125.

Burstöm 1994 – Burstöm M. An ivory tower in archaeology? A conversation with Leo S. Klejn // Current Swedish Archaeology. 1994. Vol. 2. P. 7–12.

Chang 1967 – Chang K.C. Rethinking archaeology. New York, 1967.

Chadwick 2003 – Chadwick A. Post-processualism, professionalization and archaeological methodologies. Towards reflective and radical practice // Archaeological dialogues. 2003. Vol. 10. № 1. P. 97–117.

Johnson 1989 – Johnson M.H. Conception of agency in archaeological interpretation // Journal of Anthropological Archaeology. 1989. Vol. 8. P. 189–211.

Johnson 1993 – Johnson M.H. Housing culture. London, 1993.

Johnson 1996 – Johnson M.H. Archaeology of capitalism. Oxford, 1996.

Johnson 1999 – Johnson M.H. Archaeological theory: An introduction. Oxford, 1999.

Klejn 1993a – Klejn L.S. It's difficult to be a god (Yoffee and Sherratt's Archaeological theory: Who sets the agenda?) // Current Anthropology. 1993. Vol. 34. № 4. P. 508–511.

Klejn 1993b – Klejn L.S. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // Antiquity. 1993. Vol. 67. № 255. P. 339–348.

Klejn 1994 – Klejn L.S. Prehistory and archaeology // Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupny. Kuna M. and Venclova N. (eds.). Praha, 1994. P. 36–42.

- Klejn 1996 – *Klejn L.S.* On archaeology theory: Who's who in setting the agenda? // *Current Anthropology* (Chicago). 1996. Vol. 37 (2). P. 366–348.
- Klejn 2001 – *Klejn L.S.* Metaarchaeology // *Acta Archaeologica*. Kobenhavn, 2001. Vol. 72. № 1. Supplementa vol. III.
- Murray 1995 – *Murray T.* On Klejn's agenda for theoretical archaeology // *Current Anthropology*. 1995. Vol. 36. № 2. P. 290–292.
- Trigger 1989 – *Trigger B.G.* Hyperrelativism, responsibility, and the social sciences // *Canadian Review in Sociology and Anthropology*. 1989. Vol. 26. № 5. P. 776–797.
- Trigger 1990 – *Trigger B.G.* The 1990s: North American archaeology with a human face? // *Antiquity*. 1990. Vol. 64. № 245. P. 778–787.
- Trigger 1991 – *Trigger B.G.* Post-Processual developments in Anglo-American archaeology // *Norwegian Archaeological review*. 1991. Vol. 24. № 2. P. 65–76.
- Trigger 1995 – *Trigger B.G.* Archaeology and the integrated circus // *Critique of Anthropology*. 1995. Vol. 15. № 4. P. 319–335.

Л.С. Клейн
Россия. Санкт-Петербург

Французская археология палеолита: новые открытия, новые тенденции

Несмотря на огромные изменения, произошедшие за последнее время в нашей науке, французская школа исследования палеолита, традиционно занимавшая лидирующие позиции в мире, не утратила своего значения и влияния. Накопление массы новой информации по разным культурам различных уголков Европы, в том числе недостаточно ранее обследованных, не лишило классическую французскую схему ее исключительной значимости для всех археологов, занимающихся древнекаменным веком. Более десяти лет назад мне довелось выступить с краткой характеристикой организационной структуры, методов полевых и лабораторных исследований, методологических особенностей французской археологии. К сожалению, в то время обзор удалось опубликовать лишь несколько лет спустя и в редком малотиражном сборнике (Васильев 1997). Цель настоящей статьи – охарактеризовать новые тенденции во французской археологии. Данная публикация ни в коей мере не является полным библиографическим обзором появившихся на свет в последние годы трудов по палеолиту Франции, в списке литературы приведены лишь наиболее примечательные работы, в основном методического и обобщающего характера.

Стоит предупредить, что речь в статье пойдет о понятии, несколько более широком, чем собственно археология Франции. Фактически я буду говорить о деятельности франкоязычного сообщества археологов, тесно связанных общими методологическими традициями и привычками, и охватывающего, помимо Франции, также частично Бельгию, Люксембург и Швейцарию.

Прежде чем обратиться к чисто научной стороне дела, позволю сказать несколько слов относительно важнейших организационных новшеств последних лет (см. общую характеристику французской археологии в: Demoule et al. 2002). Отметим

факт объединения значительной части археологических лабораторий, ранее рассеянных по Парижу и окрестностям, под единой крышей Дома французской археологии и этнологии, расположенного на территории Университета Париж-Х в Нантерре (La Maison de l'archéologie et de l'ethnologie René Ginouès). Этот великолепно оборудованный в техническом плане центр открывает уникальные возможности творческого поиска. Соединение исследовательских групп при отсутствии административного единства, позволяет, избегая чрезмерной концентрации власти в руках руководителей, в полной мере пользоваться возможностями общей лабораторной базы и библиотеки. Чрезвычайно насыщенная жизнь центра с обилием докладов, семинаров, конференций и т.д. стимулирует обмен информацией, профессиональное общение и в целом научное творчество. К тому же тесная связь с университетом предоставляет хорошие возможности для подготовки кадров. В итоге получился центр археологии, сравнимый в Западной Европе по своей активности, пожалуй, только с Институтом Макдональда при Кембриджском университете.

Если соединение значительного числа археологов в рамках институтов хорошо известно отечественным исследователям из академической среды, то другое организационное новшество вряд ли имеет аналогии за пределами Франции. Речь идет о создании в 2002 г. единого центра новостроечных работ – «Национального Института превентивной археологии» (Institut Nationale d'archéologie préventive – INRAP). Институт призван обеспечивать археологические разведки и раскопки на важнейших строительных проектах. Целью подобного объединения разрозненных групп археологов, работающих по контрактам, было стремление преодолеть две распространенные беды новостроечной археологии. С одной стороны, это позволя-

ет поднять методический уровень работ, внося определенные элементы унификации в национальном масштабе, с другой – особое значение здесь придается сочетанию полевой работы с научной. Общеизвестно, что крупномасштабные полевые работы на новостройках зачастую не приносят соответствующего научного выхода. Не случайно пост директора учреждения занял не ловкий администратор, хорошо контактирующий со строительными компаниями и чиновниками, а известный ученый из университетской среды – Ж.-П. Демуль.

Наконец, говоря о новостях французской археологии, нельзя обойти вниманием открытие в 2004 г. нового здания Национального музея истории в Лез-Эйзи – центрального хранилища опорных палеолитических коллекций юго-запада Франции.

Для анализа конкретных достижений французской археологии последних лет лучше всего будет использовать в качестве опоры книжки серии «История доисторической Франции». Эти, издаваемые под общей редакцией Ж. Клотта, компактные хорошо иллюстрированные издания, написанные ведущими современными специалистами, последовательно освещают все периоды и культуры археологии Франции (к настоящему моменту вышло в свет большинство палеолитических книжек серии).

Начнем с древнейших памятников. По мнению Э. Бонифе, автора открывающего серию издания (Bonifay 2002), во Франции может быть выделен пласт так называемого «очень древнего палеолита», включающий памятники с возрастом от 2 млн до 600 тыс. лет назад (Сент-Эбл, Шильяк, Солейяк, Нольяк и др.). Правда, большинство археологов скептически относятся либо к достоверности артефактов, происходящих с этих пунктов, либо к верности датировок (Tuffreau 2004). По-прежнему в качестве древнейшего памятника на французской территории рассматривается грот Валлоне с возрастом около 1 млн лет. Именно к этому периоду А. Тюффро, перу которого принадлежит книга по ашель (Tuffreau 2004), относит первоначальное заселение человеком страны. Эта волна индустрий с массивными отщепами и галечными орудиями предшествует распространению собственно ашеля с бифасами, появившегося не ранее 500 тыс. лет.

Ашель длится с этого периода до верхнего плейстоцена, на позднем отрезке своего существования (так называемый «эпи-ашель», примерно от 200 до 135 тыс. лет) сосуществует с мустьерскими индустриями. В целом, согласно А. Тюффро, в ашеле могут быть прослежены некоторые зачатки нарождающихся культурных традиций, хотя эксплуатируемые сырьевые ресурсы (здесь имеет значение как качество сырья, так и расстояние до источников) и функциональные особенности памятни-

ков и исследованных участков стоянок играют главную роль. Так, он связывает различия в морфологии бифасов из Кань л'Эпишнетт с обликом использованных кремневых жваков. Клектонские и ашельские индустрии могут быть интерпретированы как отражение двух различных видов деятельности групп древнего человека.

В качестве примера особой региональной фации ашеля может быть названа галечная индустрия приатлантической зоны Франции, выделенная под названием «коломбаьен». Стоянки такого типа сосуществуют здесь с индустриями с бифасами (Giot, L'Helgouac'h, Monnier 1998).

Возрастные рамки среднего палеолита во Франции оцениваются в пределах от 250 до 35–40 тыс. лет назад. Как и А. Тюффро, Ж. Жюбер в своем очерке мустье Франции (Jaubert 1999) принимает версию многозначного истолкования варибельности индустрий, в равной мере опровергая как традиционное культурное толкование Ф. Борда, так и функциональные гипотезы Л. Бинфорда. Отметим, что М. Отт (Otte 1996) в большей мере склоняется к функциональным объяснениям, считая, например, типичное мустье индустрией, связанной преимущественно с местами обработки камня, в то время как шарантские представлял собой фацию долговременных стоянок. Одновременно М. Отт признает наличие «стилистических вариаций» в мустье, связывая данный феномен с возникновением «этнических групп».

Говоря о среднем палеолите, нельзя обойти стороной неоднократно поднимающуюся в нашей литературе тему так называемых «медвежьих пещер» Швейцарских Альп. В новейшем обзоре палеолита этой страны (Le Tensorer 1998) в очередной раз проанализированы мустьерские материалы из нарушенных криогенезом отложений высокогорных скальных убежищ. В одних случаях (Драхенлох) кости медведя сопровождаются лишь известняковыми псевдоорудиями, в других (Вильдирхиль) кости и артефакты концентрируются на разных уровнях, демонстрируя попеременное заселение пещерной полости человеком и зверем. Сам термин «альпийское мустье» явно неудачен; речь идет о совокупности сильно поврежденных скелов среднепалеолитического возраста, вероятно имевших отношение либо к типичному, либо к зубчатому мустью. К сожалению, края артефактов столь сильно повреждены, что культурная атрибуция индустрии практически невозможна. Разумеется, никаких оснований фантазировать о «медвежьих культах» эти скудные данные не позволяют.

Переходим к верхнепалеолитической проблематике. В этой области также доминирует ныне технологический подход. Пожалуй, из франкоязычных авторов только Ф. Динджян и М. Отт (Djindjian, Kozłowski, Ote 1999; Отте 2003) продол-

жают развивать традиционное культурно-историческое направление научного поиска с упором на статистический анализ каменных индустрий. Они даже повторяют версию о связи культурных общностей с некими этническими единицами. При этом вариабельность комплексов в европейском масштабе обусловлена, по их мнению, характером природной зональности в различные периоды верхнего плейстоцена. Более благоприятные условия для контактов рассеянных групп населения создают условия для появления *единообразной* по облику культуры (ориньяк, граветт), в то время как изоляция общностей в период максимума оледенения приводит к появлению замкнутых территориально ограниченных вариантов (солотре). Это время сменяется в конце плейстоцена новой фазой европейского единения, обусловленного расселением охотничьих групп вслед за отступанием ледника (мадлен, гамбургская культура).

Наиболее ранняя из верхнепалеолитических культур Франции, шатальперрон, стала темой книги Д. Бафье (Baffier 1999). Ограниченная узкими территориальными рамками франко-кантабрийской зоны, культура шатальперрон трактуется как зона существования последних популяций европейских неандертальцев. Сама же культура представляет собой продукт начавшейся примерно с 36 тыс. лет *эволюции местного среднего палеолита* (мустье с ашельской традицией или зубчатого мустье с пластинчатой индустрией) по направлению к верхнему палеолиту. В этом плане шатальперрон входит в группу культур с листовидными бифасами начального верхнего палеолита, представленного такими индустриями, как богунисьен, альтмюлан, селет, группа ежмановице-ранис-линкомб, стрелецкая культура.

В интервале 29–30 тыс. лет в средиземноморской зоне Франции появляется *ориньяк*, традиционный обзор памятников которого дан в книге А. Дельпорта (Delporte 1998). Из числа новейших монографий по ориньяку стоит отметить долгожданную публикацию материалов из раскопок А. Леруа-Гурана в гроте Оленя в Арси-сюр-Кюор, где были вскрыты остатки жилища (Schmider 2002). Кстати, говоря о тематике жилищ и поселений в палеолите, нельзя обойти вниманием тот факт, что французские исследователи сумели создать полную сводку сведений по структурам обитания в *обшественно-национальном* масштабе (Yar, Dubois 1999).

Мадлен, время расцвета верхнепалеолитической культуры, рассмотрен в книге Д. Сакки (Sacchi 2003). В качестве самостоятельной индустрии, возможно предковой по отношению к собственно мадлену, автор склонен трактовать бадегузьян, или древнейший мадлен со «скребильщиками», датировемый от 18,4 до 16,6 тыс. лет. Д. Сакки подробно анализирует сложную филиацию индустрий

в интервале от 17 до 11,7 тыс. лет. По его мнению, мадлен первоначально возникает в *аквитано-кантабрийской* зоне, *растростраясь* затем в южном и восточном направлениях. На протяжении дриаса I и беллинга параллельно существовали бадегузьян, классический мадлен, мадлен с так называемыми «челюками» и мадлен с геометрическими микролитами («лаканьен»). Позднее, в дриасе II и аллереде, разнообразие индустрий сокращается, и здесь продолжают развиваться только поздний классический мадлен и лаканьен. Картина еще более усложняется за счет региональной вариации мадленских индустрий, эволюция которых имела различные формы на юго-западе, севере и востоке страны. Из числа публикаций памятников отметим продолжающееся издание богатейших материалов одной из основных стоянок мадлена севера Франции – Этьюля, в частности филиальномадленских комплексов (Pigeot 2004).

Стоит отметить прогресс, достигнутый в области изучения финальнопалеолитических культур, иногда именуемых во французской литературе эпипалеолитом. Благодаря многолетним работам Ж.-П. Фаньяра (Fagnart 1997), на севере Франции, начиная с аллереда, установлено широкое распространение культуры федермессер, *сменившееся* в молодом дриасе и пребореле своеобразной *пластинчатой индустрией*, получившей название «беллузьян». Среди новейших открытий стоит сказать о недавно завершенных широкомащштабных раскопках стоянки Клозе под Парижем, принадлежавшей культуре федермессер и доставившей выразительные остатки жилищ и иных структур обитания (Bodu 2004).

Перейдем теперь к отдельным темам палеолитоведческих исследований. Продолжается издание серии типологических таблиц изделий из кости, рога и бивня; в настоящее время опубликовано уже 12 книг (Camps-Fabrer et al. 1998; Buisson et al. 2001; Auguste et al. 2002). *Относительно новой самостоятельной* темой стало изучение не-кременного инвентаря – источника, долгое время находившегося как бы «в тени» типологического анализа кремня. В монографии С. де Бон (Beaune 1997, 2000) представлено разнообразие *верхнепалеолитических* шлифовальников, отбойников, ретушеров, подирывальников и др.

Разумеется, рассказ наш будет *неполон* без упоминания французских работ по палеолитическому искусству. В данной области наблюдается сейчас некоторая растерянность. Новые серии радиоуглеродных определений, опрокинувшие привычную схему А. Леруа-Гурана, фактически сделали невозможным какое-либо упорядочение явлений четвертичного искусства. Даже такие известные ансамбли, как Нио, Коскер или Куньяк, *оказываются не одновременными* созданиями палеолити-

ческих мастеров, а совокупностями нанесенных в разное время изображений (Clottes 1998). В итоге замечается переход от преобладавшего ранее эволюционного анализа памятников древнейшего искусства к сугубо индивидуальной трактовке отдельных пещер. Относительно новой темой для французской археологии стал анализ истоков искусства и причины возникновения данного феномена (Lorblanchet 1999). Предполагается полицентрический характер происхождения искусства, своего рода «взрыв» творческой активности, произошедший в различных регионах планеты между 40 и 30 тыс. лет. При этом следы символической деятельности появляются практически одновременно с фигуративным творчеством, а памятники мобильного искусства – с наскальными изображениями.

В целом можно сказать, что французское палеолитоведение продолжает общую направленность контекстно-технологического подхода к исследованию палеолита, намеченного в трудах А. Леруа-Гурана, и в свое время противопоставлявшегося более традиционному стратиграфо-типологическому подходу, связанному, в первую очередь, с именем Ф. Борда. В целом по отношению к развитию палеолитической культуры господствует представление о многолинейном характере эволюции индустрий, облик которых был предопределен сочетанием ряда факторов – технологических, сырьевых, функциональных, культурных. Для обозначения таких вариантов применительно к нижнему и среднему палеолиту чаще всего используется термин «фация» или «индустриальная фация». В полной мере представляется об археологической культуре применяется, лишь начиная с верхнего палеолита, да и здесь все чаще употребляется нейтральный термин «культурная общность».

За помощь в работе мне хотелось бы выразить признательность ряду друзей и коллег – К. Косен, Ф. Одуз, Б. Валентину, П. Бодо, Ф. Давид, Е. Давид, К. Карлен, Ж. Пелегрену, Н. Шлангеру, Ж. Жоберу, Ж.-Г. Борду, Ф. Ле Брен-Рикалану, Ф. Джинджая, М. Отту, Ж.-П. Бракко и многим другим. Особая благодарность сотрудникам библиотек Высшей Школы общественных наук, Дома французской археологии и этнологии и Института истории искусства и археологии Университета Париж-1.

Васильев 1997 – *Васильев С.А.* Современная французская археология палеолита // Проблемы археологии каменного века. Уссурийск, 1997. С. 2–29.

Auguste P. et al. 2002 – *Auguste P., Averbouh A., Bodu P. et al.* Fiches de la Commission de nomenclature sur l'industrie de l'os

préhistorique. Cahier X: Compresseurs, percuteurs, retouchoirs... Os à impressions et éraillures. Paris, 2002.

Baffier 1999 – *Baffier B.* Les derniers néandertaliens. Le Châteauperronnien. Paris, 1999.

Beaune 1997 – *Beaune S. de.* Les galets utilisés au Paléolithique supérieur. XXXIe Supplément à Gallia Préhistoire. Paris, 1997.

Beaune 2000 – *Beaune S. de.* Pour une archéologie du geste. Paris, 2000.

Bodu 2004 – *Bodu P.* Paléolithique supérieur et habitat. Réflexions sur un fossile-directeur potentiel // *Dossiers d'archéologie*. 2004. № 296. P. 14–24.

Bonifay 2002 – *Bonifay E.* Les premiers peuplements de l'Europe. Paris, 2002.

Buisson et al. 2001 – *Buisson D., Camps-Fabrer H., David E. et al.* Fiches de la Commission de nomenclature sur l'industrie de l'os préhistorique. Cahier IX: Objets méconnus. Paris, 2001.

Camps-Fabrer et al. 1998 – *Camps-Fabrer H., Cattelain P., Choi S.-Y. et al.* Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VIII: Biseaux et tranchants. Treignes, 1998.

Clottes 1998 – *Clottes J.* Voyage en préhistoire. L'art des cavernes et des abris de la découverte à l'interprétation. Paris, 1998.

Delporte 1998 – *Delporte H.* Les Aurignaciens. Premiers hommes modernes. Paris, 1998.

Demoule et al. 2002 – *Demoule J.-P., Giligny F., Lehigh E. et al.* Guide des méthodes de l'archéologie. Paris, 2002.

Djindjian, Kozłowski, Otte 1999 – *Djindjian F., Kozłowski J.K., Otte M.* Le Paléolithique supérieur en Europe. Paris, 1999.

Fagnart 1997 – *Fagnart J.-P.* La fin des temps glaciaires dans le Nord de la France // *Mémoires de la Société Préhistorique Française*. T. 24. Paris, 1997.

Giot, L'Helgouac'h, Monnier 1998 – *Giot P.-R., L'Helgouac'h J., Monnier J.-L.* Préhistoire de la Bretagne. Rennes, 1998.

Jaubert 1999 – *Jaubert J.* Chasseurs et artisans du Moustérien. Paris, 1999.

Le Tensorer 1998 – *Le Tensorer J.M.* Le Paléolithique en Suisse. Grenoble, 1998.

Lorblanchet 1999 – *Lorblanchet M.* La naissance de l'art: genèse de l'art préhistorique dans le monde. Paris, 1999.

Otte 1996 – *Otte M.* Le Paléolithique inférieur et moyen en Europe. Paris, 1996.

Otte 2003 – *Otte M.* Recherches sur le Paléolithique supérieur // *BAR International Series*, № 1107. Oxford, 2003.

Pigeot 2004 – *Pigeot N.* (Dir.). Les derniers magdaléniens d'Étiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques // *Gallia Préhistoire*. Suppl. 37. Paris, 2004.

Sacchi 2003 – *Sacchi D.* Le Magdalénien. Apogée de l'art quaternaire. Paris, 2003.

Schmider 2002 – *Schmider B.* (dir.) L'Aurignacien de la grotte du Renne // *Gallia Préhistoire*. Suppl. 34. Paris, 2002.

Tuffreau 2004 – *Tuffreau A.* L'Acheuléen. De l'Homme erectus à l'homme de Néandertal. Paris, 2004.

Yar, Dubois 1999 – *Yar B., Dubois P.* Les structures d'habitat au Paléolithique en France. Montagnac, 1999.

С.А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита

**«Violence, Coercion and Warfare.
The Archaeology of Martial Culture».**
**Очередной семинар Северной Археологической Школы
для аспирантов из серии «Диалоги с Прошлым»
(Greece, Nauplion, 26–30.04.2005 г.)**

В апреле 2005 года в первой столице свободной Греции – городе Наплион на морском побережье Арголиды проходил очередной семинар Северной Археологической Школы для аспирантов (The Nordic Graduate School in Archaeology) из серии «Диалоги с Прошлым». Исторический и культурный ландшафт – территориальная близость значимых крепостей бронзового века – Тиринфа и Лерны и довлеющая над местностью тень Микен – как нельзя лучше подчеркивали «воинственную» тематику семинара. Организовали и возглавили этот семинар профессор Кристиан Кристиансен (Kristian Kristiansen, Университет г. Гетеборга, Швеция) и профессор Хелле Вандкिल्де (Helle Vandkilde, Университет г. Аархуса/Орхуса, Дания). В качестве приглашенных лекторов участвовали Юрг Хелблинг (Jürg Helbling, Институт социальной антропологии университета г. Цюрих, Швейцария), Нейл Прайс (Neil Price, Университет г. Осло, Норвегия), Ник Торп (Nick Thorpe, Колледж Короля Альфреда г. Винчестер, Англия), Полли Весснер (Pauline Wiessner, Отделение антропологии университета г. Юта, США). В работе семинара принимали участие аспиранты из Финляндии, Дании, Норвегии, Швеции, Греции и России (Санкт-Петербург).

Все доклады были разделены на четыре тематических блока, которые соответствовали четырем рабочим дням семинара. При этом каждый рабочий день начинался с лекции одного из приглашенных профессоров, после чего следовали пять (четыре) аспирантских докладов. Кроме того, часть дня отводилась на свободный обзор достопримечательностей или совместные экскурсии по археологическим и историческим ландшафтам долины. Доклады и обсуждения проходили в уже сложившемся стандарте – каждый участник выступал и как докладчик и как оппонент (по назначенному ему докладу), затем все принимали участие в общей дискуссии по конкретному докладу и, в конце дня, в обобщающей дискуссии (см. Смирнов 2005: 262–264).

Первый блок – «Элитарность и война: институты и влияние» («Elitism and war as power and process») открыла небольшим введением к семинару профессор Хелле Вандкिल्де. Он открылся лек-

цией на тему «Война и Мир в обществах без централизованной власти с замечаниями на тему дня» («War and Peace in Societies without Central power, with remarks on the theme of the day»), которая была прочитана профессором Юргом Хелблингом. Прозвучали доклады Юнаса Сипилы (Jonas Sipilä) «Война в позднеримское время» (War in Later Roman Times), Евгения Черленка «Военная элита синташтинской и покровской культур по данным погребений» (The Sintashta and Pokrovsk Military Elite by Data of Burials), Анны Вихольм (Anna Wickholm) «Поздний железный век Финляндии и Эстонии – сравнительный аспект» («Late Iron Age in Finland and Estonia – a Comparison»), Андреа Добата (Andres Dobat) «Созидательная сила Войны – военные стратегии и формирование Государства в Скандинавии эпохи железа» («The Formative Power of War – Military Strategies and the Formation of State in Iron Age Scandinavia»). В заключение первого дня прозвучала лекция Кристиана Кристиансена (Kristian Kristiansen) «Божественные близнецы и герои войны» («Twin gods and heroes of war»).

Второй блок – «Ритуалы, идеология и иконография Войны» («War Iconographies, Rituals and Ideology») начался с лекции Нейла Прайса (Neil Price) «Женщина и Война: ритуализированная агрессия в Скандинавии эпохи викингов» («Women and War: Ritualised Aggression in Viking Age Scandinavia»). В этот блок вошли доклады Марии Думей (Maria Domeij) «Женщина и скандинавский звериный стиль. Зарождение идеологии Военной доблести» («Women and Animal Ornamentation. An Engendered Ideology of Honour and Warfare»), Доры Константинидис «Щит, копьё и корабль: GIS база данных по изображениям военных действий в Эгейском регионе в эпоху бронзы» («Shields, Spear and Ships: A GIS database of Aegean Bronze Age Warfare Imagery»), Фридрика Екенгрена (Fredrik Ekengren) «Большой тираж маленьких вещей. Погребения с оружием, персонализация и аристократия раннего железного века» («Small things – large issues. Weapon-graves, Personhood, and the Early Iron Age Aristocracy»), Расмуса Иверсена (Rasmus Birch Iversen) «Войны Одина. Символика Одина и идеология воинов-германцев в IV и V вв.» («Odin's Warriors. Odin Symbolism and the Ideology of the

Germanic Warrior in the fourth and fifth Centuries», Александра Андреева (Alexander Andreeff) «Готландские стелы с изображениями: военный аспект и новые подходы к изучению» («The Gotlandic Picture Stones: Martial Aspects and new Approaches»).

Третий блок – «Техника, организация и материальная сторона войны» открыла лекция Ника Торпа (Nick Thorpe) «Борьба и междоусобные распри в Британии и Ирландии в эпоху неолита и бронзового века» («Fighting and Feuding in Neolithic and Bronze Age Britain and Ireland, with some remarks on the theme of the day»). В этом блоке были представлены доклады Каспера Паача (Kasper Raasch) «Производство катапульта у греков и римлян с инженерной точки зрения» («Greek and Roman Catapultdesign from an Engineering Point of View»), Кристины Лейму (Kristina Leimu) «Эгейское защитное вооружение бронзового века» («Bronze Age Aegean Body Armour»), Шарлоты Хеденстерны-Джонсон (Charlotte Hedenstierna-Jonson) «Воин из Бирки» («The Birka Warrior»), Кеснии Паули Йенсен (Xenia Pauli Jensen) «Жертвование воинской добычи в железном веке: Вимозская находка» («War Booty Sacrifices of the Iron Age: The Vimose Find»), Сами Раннина (Sami Raninen) «Интерпретация погребений с оружием меровингского периода в Финляндии» («Burials with Weapons in the Merovingian Period in Finland and their Interpretations»).

Четвертый блок – «Война, личность и пол» предварялся лекцией Полли Весснер «От копий к M-16С. Влияние тяжелого вооружения на межплеменную борьбу у Папуа Новой Гвинеи, с некоторыми заметками на тему дня» («From Spears to M-16S. The Impact of High Powered Weapons on Tribal Fighting in Papua New Guinea, with some remarks on the theme of the day») и включал четыре доклада: Софи Бергербрант (Sophie Bergerbrant) «Под и использование кинжалов в Южной Скандинавии и Нижней Саксонии во II периоде бронзового века» («Gender and the Use of Daggers in the South Scandinavia and Lower Saxony during Period II of the Bronze Age»), Торбена Сароу (Torben Sarauw) «Мужская символика или знак воинской принадлежности? Погребения с оружием культуры колоколовидных кубков в Дании» («Male Symbols or Warrior Identities? The Weapon Burials of the Danish Bell Beaker Culture»), Оле-Магне Ноттвейта (Ole-Magne Nøttveit) «Кинжалы с почковидным перекрестием как мужской символ» («The Kidney Dagger as a Symbol of Manhood»), Николая Смирнова «Легковооруженный всадник на востоке Евра-

зийских степей. Образ в контексте эпохи» («The Lightly Armed Rider in the East of Eurasian steppe. Image in the Context of Epoch»).

Заметным отличием прошедшего семинара была направленная тематическая организация докладов в ряд блоков в рамках общей темы, что следует признать весьма удачным подходом. Несмотря на некоторый разброс тем докладов, все же хронологически они относились к ограниченному, в определенной степени, периоду – эпохам бронзы и раннего железа, что позволяло всем участникам семинара, даже далеким от тематики конкретного доклада, наравне участвовать в обсуждении. В результате было отмечено определенное сходство культурных процессов и некоторые параллели в развитии древних обществ в указанные хронологические периоды. Важность и значение подобных семинаров очевидны – именно они способствуют формированию нового поколения международного научного сообщества, что было подчеркнуто и в итоговом выступлении Кристиана Кристиансена (Kristian Kristiansen) на закрытии встречи.

Великолепным завершением семинара стала однодневная экскурсия по Арголиде с осмотром таких ключевых памятников этой части Пелопоннеса, как Лерна, Тиринф и Микены, подготовленная и проведенная сотрудницей Датского Археологического Института в Афинах Аннетой Ниельсен (Annette Hojen Nielsen).

Следует отметить напряженный и самоотверженный труд секретаря этого семинара Луизы Мейер (Louise Mejer), обеспечивавшей всю организационную часть. Отдельную благодарность от лица российских участников нужно принести руководству Датского Археологического Института в Афинах, и лично Йесперу Йенсену (Jesper Jensen), предоставившему нам уютные апартаменты под кровом институтовского кампуса на время пребывания в Афинах.

Смирнов 2005 – Смирнов Н.Ю. Своевременная археология (опыт европейского строительства науки) (Греция, Афины, 5–9 ноября 2004 г. // АВ. СПб., № 12, 2005. С. 262–264).

Н.Ю. Смирнов
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии
и Кавказа

Международная научная конференция «У истоков русской государственности»

(Россия, г. Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.)

4–7 октября 2005 г. в Великом Новгороде состоялась международная научная конференция «У истоков русской государственности». Ее организовали Межрегиональный институт общественных наук Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Симпозиум был посвящен 30-летию Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН, ведущей под руководством директора института члена-корреспондента РАН Е. Н. Носова систематическое изучение Рюрикова Городища под Новгородом и его сельской округи в верховьях Волхова, включая Ильменское Поозерье. Мероприятие было осуществлено в рамках проекта НовМИОНа «Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансевропейских связей. Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современного российского общества» (руководитель в.н.с. ИИМК РАН д.и.н. А.Е. Мусин).

Планомерное исследование памятника началось Новгородской областной экспедицией в 1975 г. ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). За тридцать лет раскопок накоплен огромный фактический материал о стратиграфии, планиграфии, хронологии и материальной культуре поселения. Стало очевидным, что Городище, это не только резиденция новгородских князей, но и древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр в истоке Волхова, непосредственный предшественник Великого Новгорода. Вполне вероятно, оно само и являлось тем древнейшим Новым Городом времен первых русских князей, упоминаемым на страницах летописей. Многолетние раскопки Городища были бы невозможны без постоянного содействия Новгородской экспедиции МГУ и ИА РАН, руководимой академиком В.Л. Яниным, Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (директор Н.Н. Гринев) и Центра организации археологических исследований, возглавляемого профессором А.С. Хорошевым.

Своеобразным эпиграфом конференции, вынесенным в открывающей выставку археологических экспонатов плакат, стали слова Н.К. Рериха:

«Богатое место Городище! Крутом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются Лядка, Волоतोво, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюдецке за золотым яблочком» (Н.К. Рерих. «Подземная Русь» // Сочинения. Кн. 1. М. 1914.)

В заседаниях конференции участвовали 113 человек. На открытии мероприятия присутствовали вице-губернатор Новгородской области Ю.Н. Зернов, мэр Великого Новгорода Н.И. Гражданкин, председатель Комитета культуры, кино и туризма Н.Г. Васильева, председатель Ученого совета НовМИОНа, ректор Гуманитарного института НовГУ А.П. Донченко, руководитель Центра изучения культуры Гуманитарного института НовГУ С.А. Коварская, начальник УГКНОП Комитета культуры администрации Новгородской области С.В. Трояновский. В работе конференции приняли участие академик РАН В.Л. Янин, член-корреспондент РАН Е.Н. Носов, 18 докторов наук, 20 кандидатов наук, представители Стокгольмского университета (Швеция) – И. Янссон, Коллеж де Франс (Париж) и Практической школы высших исследований (Париж) – К. Цукерман и Института археологии и этнологии Университета Париж-10-Наантер и Национального центра научных исследований (Франция) – А. Нерсесян.

Открытие конференции и выставки археологических находок из раскопок на Новгородском (Рюриковом) Городище произошло в конференц-зале Музея изобразительных искусств НГОМЗ. Во время открытия руководителю экспедиции Е.Н. Носову было вручено благодарственное письмо Администрации Новгородской области, а академику В.Л. Янину – знаки почетного гражданина Великого Новгорода, которым он является на протяжении многих лет.

На конференции было заслушано 29 докладов, посвященных подведению итогов археологического изучения ряда древнерусских памятников, актуальным вопросам археологии северо-запада России, различным категориям находок с Рюрикова Городища, христианским древностям, генеалогии, происхождению древнерусских протогородских

центров, вопросам хронологии и идеологии русской истории и летописания.

После открытия конференции 4 октября состоялись доклады, посвященные итогам исследований Городища, вопросам происхождения Новгорода, а также общей оценке состояния славяно-русской археологии в начале XXI века и скандинавским древностям на Руси.

Член-корреспондент РАН Е.Н. Носов (Санкт-Петербург) в докладе «Тридцать лет раскопок Новгородского (Рюрикова) Городища (Итоги и перспективы)» остановился на ранних этапах развития Городища, его протгородских функциях, скандинавском присутствии и наиболее эксклюзивных находках. Академик В.Л. Янин (Москва) прочитал доклад «О начале Новгорода», в котором осветил эту проблему, как она видится в начале XXI в. На фоне этногенеза древнерусской народности северо-запада были подчеркнуты изначальные договорные отношения между местным обществом и властью. Д.и.н. П.Г. Гайдуков (Москва) в докладе «Куфические монеты Новгородского (Рюрикова) Городища» охарактеризовал существовавшую в регионе в период раннего средневековья систему трансевропейских экономических связей и особенности распространения местных монетных кладов.

В.Я. Конопский (Великий Новгород) в своем докладе «Археология северо-запада России в начале XXI в.: итоги и перспективы» говорил о неоднозначности интерпретации всех высоких насыпей этого региона как сопок, а также о необходимости пересмотра некоторых устоявшихся стереотипов отечественной археологии. Часть из так называемых «сопок» вполне могла относиться к культуре длинных курганов. Последняя же, вполне возможно, не связана с кривичами, а может иметь финно-угорскую этническую интерпретацию. В целом необходимо разделять вопрос о проникновении славян на северо-запад России и проблемы западнославянских элементов в ранней культуре Великого Новгорода.

Серия докладов была посвящена различным категориям предметов материальной культуры Рюрикова Городища. Н.В. Хвоцинская (Санкт-Петербург) в докладе «Бронзолитейное производство на Новгородском (Рюриковом) Городище в IX–X вв.» коснулась темы литейных браков и отходоу, а также фибул редких типов, свидетельствующих о непосредственном проживании скандинавов и их ремесленной деятельности на Городище. В.И. Поветкин (Великий Новгород) доклад «Звучащие приспособления, открытия на Новгородском (Рюриковом) Городище» посвятил миру звуков и духовой культуры Древней Руси. А. В. Пляхов (Санкт-Петербург) в докладе «Стеклопечная посуда из раскопок Новгородского (Рюрикова)

Городища» проанализировал находки ближневосточных и европейской стеклянных сосудов XII–XIV вв., свидетельствующие о высоком социальном статусе местных жителей и активных внешних связях. А.А. Тодорова (Москва) сделала доклад о коллекции бус Новгородского (Рюрикова) Городища в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. А.В. Курбатов (Санкт-Петербург) в своем сообщении «Технический прогресс и организация новгородского кожевального ремесла по находкам на Новгородском (Рюриковом) городище» осветил некоторые особенности изготовления и организации производства кожаной обуви в Северной Руси.

Серия докладов была посвящена скандинавским древностям на Руси. Т.А. Пушкина (Москва) в докладе «Сувениры Аустровета» указала на редкие формы подвесок, которые, возможно, были привезены викингами из походов на Каспий в 940-х гг. и инспирировала целую серию имитаций в Скандинавии. Н.В. Енисова (Москва) сделала доклад «Золото викингов на территории Древней Руси», указав на немногочисленность находок из этого драгоценного металла. Топография находок предметов скандинавской культуры, как она предстала в докладе Л.В. Покровской (Москва) «Скандинавские предметы Троицкого раскопа: топография находок», указывала на вторичную роль скандинавов в жизни городской усадьбы конца X – начала XI вв. В целом для этой группы докладов было характерно утверждение о позднем, не ранее X в. времени активного проникновения скандинавов на Русь.

5 октября были прочитаны доклады, посвященные изучению военного дела средневековой Руси, вопросам княжеской генеалогии и новым источникам по истории Городища. А.Н. Кирпичников (Санкт-Петербург) в докладе «Опыт изучения вооружения средневековой Руси» рассказал о судьбах главных оружейников России в XX в. и малоизвестных моментах их биографии. Ф.Б. Успенский (Москва) свое выступление «Мстиславля Христина: Из истории шведско-новгородских связей XI в.» посвятил жене строителя Городищенской церкви князя Мстислава Владимировича, одной из немногих княжон, чье имя сохранилось на страницах летописей, а личная печать – в корпусе древнерусской сфрагистики. И.Ю. Анкудинов (Великий Новгород) в докладе «Новые письменные источники XVI–XVIII вв. по истории Новгородского (Рюрикова) Городища» коснулся возможностей ретроспекции в применении письменных памятников нового времени для изучения памятника. М.В. Медведева (Санкт-Петербург) прочла доклад «Фотографические материалы по Новгородскому (Рюриковому) Городищу и его окрестностям в архиве ИИМК РАН», где были собраны и представлены

виды Городища и его округа на рубеже XIX–XX вв.

День завершился историко-археологической экскурсией на Городище, где соответствующие пояснения были даны Е.Н. Носовым, и посещением Михаило-Сквородского монастыря XIV в., находящегося сейчас в руинах и требующего срочных восстановительных действий.

6 октября, в рамках обсуждения политической истории Руси, в частности исторической роли Старой Ладоги, состоялась дискуссия, посвященная спорным хронологическим вопросам начального этапа русской истории. Полемика была призвана продемонстрировать, что подобные вопросы можно решать в строго научном ключе.

Основным стал доклад К. Цукермана, профессора Практической школы высших исследований (Париж), «Хронология княжения Игоря», предлагающий отказаться от искусственной хронологии русского летописания конца IX – первой половины X в., реальные события которой должны быть омоложены на полтора-два десятилетия. В частности, князь Олег мог править вплоть до 941 г., когда, согласно Кембриджскому документу, он возглавляет поход русов на Константинополь. В пакет документов участника конференции входили «материалы для дискуссии»: текст работ К. Цукермана и подборка статей с опубликованными критическими замечаниями на его концепцию (см. Цукерман К. 1). Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. Киев, 2003. № 1. С. 76–99. 2). Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 55–77). Несмотря на серьезные замечания, связанные с некритическим использованием автором выводов археологической науки, в целом предложенная версия была оценена как перспективная для дальнейших исследований начального периода русской истории.

Также был прочитан доклад А.А. Гиппиуса (Москва) «Новгород и Ладога в Повести временных лет», несколько пересматривающий классическое представление о схеме третьей редакции Повести временных лет и утверждающий самостоятельную ладожскую версию ранней русской истории. Многолетний участник НОАЭ с 1975 г. М.Ю. Данков (Петрозаводск) в своем выступлении «Балтийская идея России в начале XVIII столетия (Осударева дорога – стратегический проект Петра I)» коснулся вопросов истории международного политического взаимодействия на севере Европы в новое время.

В этот же день состоялась экскурсия по археологическим памятникам Новгородской области, связанным с работами экспедиции. Экскурсия была проведена Е.Н. Носовым и Н.Н. Кузьминой. В ее ходе участники ознакомились с такими памят-

никами как раннеславянское селище Прость, княжеское село Ракома, раннеславянские селища Васильевское и городище Георгий на р. Вержа, культурные памятники камень-следовик «Медведь», городище Сергово. В д. Завал участники конференции посетили краеведческий музей, расположенный в мельнице-шатровке, построенной в 1924 г. В дар местной библиотеке были преподнесены труды участников конференции. На исходе дня состоялось посещение Михаило-Клоцкого монастыря XVI в., находящегося в процессе реставрации.

День 7 октября был посвящен тематическим докладам о предметах христианской культуры и изучению городских центров Древней Руси. А.В. Чернецов (Москва) рассказал о новых исследованиях в Старой Рязани, в частности уникальном кладе серебряных ювелирных украшений, найденном летом 2005 г., уделив внимание методике археологических исследований, предупреждающей грабительские раскопки, а также вопросам сложения культурных региональных центров Древней Руси. М.Д. Полубояринова (Москва) сообщила об исследовании стеклодельной мастерской XIV в. в Болгаре и вопросах технологии производства стеклянных изделий средневековья. А.И. Сакса (Санкт-Петербург) в докладе «Древняя Карелия на путях европейской торговли XI–XIV вв.» остановился на проблеме самостоятельного участия карел в международных связях. В.Н. Седых (Санкт-Петербург) сравнил два древнерусских памятника – «Новгородское (Рюриково) Городище и Тимерово: общее и особенное сквозь данные истории и археологии», указав на транзитный характер культуры волжского поселения.

Ряд докладов был посвящен северному и западному влиянию на древнерусскую культуру и население. В.М. Горюнова (Санкт-Петербург) в докладе «Роль западнославянского производства в формировании раннегончарного комплекса X–XI вв. северо-запада Руси» определила роль балтийской керамики в сложении древнерусского гончарного комплекса. Д.В. Пежемский (Москва) в докладе «Проблемы западнославянской инвазии и скандинавского присутствия на северо-западе Руси с точки зрения физической антропологии» говорил о спорности некоторых позиций современных антропологических выводов и необходимости уделять большее внимание антропологическому аспекту археологических исследований. И.И. Еремеев (Санкт-Петербург) в докладе «Большие курганы средней Швеции и новгородские сопки: проблемы сравнительного исследования» коснулся некоторых спорных моментов гипотезы о происхождении новгородских сопкок от шведских курганов, отметив, однако, что отказ от нее не может быть продуктивным.

Часть докладов была посвящена изучению христианских древностей. А.Е. Мусин (Санкт-Петербург) прочитал доклад «Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) Городище 2005 г.: вопросы интерпретации», где интерпретировал иконографию изображения как конного св. Дмитрия Солунского, а присутствующий на образе знак Рюриковичей, как и сам образ, атрибуировал киевскому князю Владимиру-Дмитрию Рюриковичу, что соответствует дате создания иконки – начало XIII в. А.А. Пескова (Санкт-Петербург) в докладе «Провинциально-византийские кресты-реликварии в древнем Новгороде» проанализировала находки новгородских зиклонпиев XI в. в широком контексте европейского и византийского прикладного искусства, указав на их предположительно болгарское происхождение. А. Нерсесян (Париж) в докладе «Статитовая икона Божией Матери из частного собрания в Париже» выясняла роль образа Божией Матери Киксая для сложения русской Богородичной иконографии XVII в.

Подведение итогов конференции с участием представителей администрации Новгородской области было посвящено будущей судьбе Городища как заповедной зоны. Оно проходило под девизом «Новгородское (Рюриково) Городище: вчера, сегодня, завтра», вылилось в настоящий круглый стол, на котором прозвучали конкретные предложения по сохранению и общественно- и культурно-значимому использованию территории памятника. Эти предложения легли в основу официального обращения участников конференции в органы власти муниципального, федерального и областного уровня, идея которого была единогласно поддержана всеми присутствующими, а составление конкретного текста письма было поручено оргкомитету конференции.

Е.Н. Носов отметил ухудшающееся состояние сохранности культурного слоя Городища, его разрушения, деградации памятника как заповедного места, превращение его в зону дикого отдыха. Наблюдается активный размыв берегов Сиверсова канала. Существующие дома подпадают под право продажи и неизвестно, как построят там потенциальные покупатели. Необходимо обращение в администрацию Новгородской области об объявлении территории в истоке Волхова, включающей в себя Городище и Нередицу, заповедной зоной и создании здесь археолого-ландшафтного заповедника, параллельно с поиском иных решений по использованию памятника, в том числе его включение в зону туристского показа. Накануне 1140-летия города исследователи настояли на решении о включении Городища в черту города, но реально была включена лишь Благовещенская церковь, два дома и прибрежная территория.

В.Л. Янин вспомнил, что накануне празднования 1140-летия города научное сообщество, выступавшее против такого юбилея, пошло на уступку при условии включения Городища в особую охранную зону в черте города. Лишь сейчас он узнал, что это решение до конца не было выполнено. В связи с предстоящим юбилеем 1150-летия первого упоминания Новгорода в летописи необходимо поставить перед правительственной комиссией условие о включение всего Городища в зону города. Необходимо подготовить соответствующее обращение и решение. Празднование 1150-летия города без внимания к такому памятнику как Городище окажется профанацией.

Е.А. Рыбина предложила упомянуть в обращении о Городище именно как об истоке русской государственности. Необходимо составить инициативный проект для администрации.

Т.А. Ромашкевич, профессиональный реставратор, говорила о Городище и памятниках археологии как явлениях художественной культуры. Еще в 1916 г. ИАК создала проект охраны Нередицы и Городища. Самый опасный участок – это прорытый канал со стороны насыпи. Предполагалось, что вода будет уходить в Волхов, а она пошла обратно к городищенскому холму. Произошло заболачивание русла Малого Волхова-Спасовки и началась гибель фресок. Охрана памятника связана с необходимостью проведения гидрогеологических работ и их финансирования. Существует предложение по восстановлению русла. Нужны законодательные меры в области охраны южных и восточных окрестностей Городища, составляющих единый культурный ландшафт Нередица-Городище, создание природно-исторического заповедника. Сегодня разрушается не только природа, но и культура. Необходимо исключить приобретение земель в собственность, есть предложение включить этот исторический ландшафт под охрану ЮНЕСКО.

И.Ю. Анкулинов выступил с рядом практических предложений по спасению уникального культурно-исторического ландшафта памятника. Необходимо понижение насыпи железной дороги закрывающей вид на Новгород и восстановление разрушенного русла Волхова. Исторический прецедент понижения насыпи на левом берегу уже существует. Необходимо систематически вырубать заросли, чтобы открыть вид на Городище, добиться прекращения распахивания Городища, вывода его земель из сельскохозяйственного оборота. Вопрос с кладбищем должен быть перенесен на административную комиссию, что предусматривает внимание штрафов и принудительную эксгумацию недавних захоронений. Подобные прецеденты уже были.

Н.Н. Гринев указал, что кладбище находится на территории района, и захоронения здесь произво-

дятся по разрешению Вологовской администрации, так как других кладбищ в районе ист. Перенести его невозможно, необходимы превентивные исследования будущей территории кладбища, которые музей готов финансировать. Необходимо передать музею в оперативное управление развалины городищенской церкви, нуждающиеся не в восстановлении, а в грамотной консервации. Достойные руины церкви не в худшем состоянии. Необходимо провести исследование, так как там есть фрески в завалах. Необходимы включение всего Городища в территорию Новгорода и организации здесь ландшафтно-археологического заповедника. Насыпь может быть растащена желающими взять песок для строительства. В обращении необходимо задействовать тематику конференции и предстоящего юбилея. На имя мэра необходимо отправить обращение с предложением включить эти территории в городскую черту. Необходимое мероприятие – строительство дороги, что обеспечит наплыв туристов, но одновременно создаст и опасность слишком большого присутствия посторонних лиц. Город готов работать на Городище и отправной точкой послужит обращение.

В заключении выступил заместитель председателя Комитета культуры, кино и туризма администрации Новгородской области, начальник Управления государственного контроля использования и охраны памятников культуры к.и.н. С.В. Трояновский. Он напомнил, что администрация области включила пункт о необходимости музеефикации Рюрикова Городища в федеральную целевую программу «Культура Русского Севера 2006–2010». Совместно с организацией «СЕЗАР» было выработано предложение по включению консервации и восстановления храма Благовещения на Городище в программу «Сохранение исторических городов России 2006–2010». Эта программа Министерства регионального развития РФ уже прошла обсуждение в комитете Государственной думы по культуре и в Рострое. Для решения вопроса о Городище необходимо направление документов во все инстанции. Только что подписано соглашение о региональном конкурсе РГНФ, средства из которого тоже могут пойти на Городище. Необходимо ратифицировать постановление № 816 «О реставрации памятников накануне празднования юбилея Новгорода». Вопрос о включении ландшафтов Городища под охрану ЮНЕСКО прорабатывался Институтом культурного и природного наследия и его директором Ю. Веденином, но он тормозится на уровне московского бюро этой организации.

В ходе обсуждения было озвучено предложение научного сотрудника ЦОАИ ИГОМЗ руководи-

теля клуба «живой истории» «Черный вепрь» М.И. Петрова, высказанное им впервые еще в 1999 г. Благоустройство и контроль над территорией Городища как заповедной охраняемой территорией возможны лишь на постоянной основе силами конкретной структуры. В настоящее время ни одна из заинтересованных сторон, будь то администрация г. Великий Новгород, ИГОМЗ или ИИМК РАН не имеет ни организационных возможностей, ни материальных средств, ни объективно обоснованного стимула для осуществления этих функций. Такой стимул, средства и возможности могут появиться лишь в случае создания на территории Городища и его округа, объявленных заповедной территорией, историко-туристического центра по аналогии с широко распространенной европейской практикой, представленной в Хедлеби (ФРГ), Треллеборг (Дания) и других исторических местах. Основой функционирования такого центра должен стать ежегодный исторический фестиваль и создание историко-археологической реконструкции раннесредневекового поселения IX–X вв., которые способны привлечь туристический поток и до некоторой степени обеспечить как общественное внимание к памятнику, так и определенные средства на поддержание его статуса и содержание его инфраструктуры. Еще одной составляющей центра могла бы стать организация на его территории постоянной базы НОЭ ИИМК РАН. Поскольку в настоящее время ситуация такова, что ни одна из заинтересованных сторон не обладает достаточными правовыми, организационными, финансовыми и интеллектуальными возможностями для организации такого центра, то он может быть создан лишь на основе совместных усилий администрации города, дирекции музея и руководства института, при активном участии Ассоциации раннесредневековых клубов «Гардарика», объединяющей более 300 членов из всех регионов северо-запада России, а так же Екатеринбурга, Брянска и Твери. Члены ассоциации обладают необходимым опытом подобных реконструкторских мероприятий, а также бескорыстным энтузиазмом для организации подобных действий. Участие ИИМК РАН в проекте обеспечит всем мероприятиям и структурам центра солидную научно-академическую базу, а администрация и музей создадут правовую и материальную базу и грамотное музейно-экскурсионное обеспечение проекта.

В результате дискуссии оргкомитетом конференции был предложен следующий проект обращения, который будет впоследствии доработан:

ГУБЕРНАТОРУ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
М.М. ПРУСАКУ

Уважаемый
Михаил Михайлович!

4–7 октября 2005 г. в Великом Новгороде состоялась международная научная конференция «У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища». Ее участники еще раз обсудили значение Городища в отечественной истории IX–XVI веков. Городище, будучи предшественником самого Новгорода, стало местом взаимодействия культур многонациональной Древней Руси и резиденцией великих князей. Сегодня, в силу своего географического положения на территории Российской Федерации, Новгород и Городище олицетворяют собой истоки российской государственности. Однако современное состояние этого исторического места и археологического памятника вызывает у участников конференции серьезную тревогу:

1) территория Городища относится к двум различным административным структурам: большая часть принадлежит Новгородскому району, а берег р. Волхов – Великому Новгороду;

2) центральная часть Городища постоянно разрушается наступающим на него кладбищем, используемым для захоронений жителями окрестных деревень;

3) археологические памятники Городища разрушаются кладочисателями и «дикими туристами»;

4) нарушение гидросистемы реки Спасовки, протекающей через Городище, приводит к заболачиванию значительной части памятника и угрожает уникальным фрескам церкви Спаса на Нередице (1198 г.);

5) подъездные пути к Городищу полностью разрушены.

В целях сохранения ценнейшего памятника истории и археологии и его природного облика, в преддверии празднования 1150-летнего юбилея Новгорода обращаемся к Вам с просьбой, осуществление которой не потребует значительных финансовых затрат:

1) включить все Городище и его округу, вместе с охранной зоной церкви Спаса на Нередице, в административную территорию Великого Новгорода, как это было сделано в отношении прибрежной части Городища у р. Волхов перед 1140-летним юбилеем города в 1996 г.;

2) придать всему Городищу и охранной зоне церкви Спаса на Нередице статус археологического и ландшафтного заповедника с распространением на эту территорию всех требований действующего законодательства;

3) создать условия для использования территории Городища для познавательного туризма и организации здесь историко-туристического центра, включающего в себя реконструкцию исторического поселения.

Все указанные мероприятия будут способствовать сохранению Новгородского Рюрикова Городища как уникального объекта культурного и природного наследия.

С уважением, от имени участников конференции

Е.Н. Носов
д.и.н., член-корреспондент РАН,
директор Института истории
материальной культуры РАН,
руководитель Новгородской областной
археологической экспедиции

7 октября 2005 г.

К открытию конференции была приурочена выставка археологических находок разных лет, работавшая в дни проведения симпозиума. Она состояла из четырех витрин. Первая носила название «Городище на пути "Из варяг в греки". IX–X века», где были представлены преимущественно северные древности. Следующая витрина – «Игры обмена. Ремесло и торговля Городища IX–XII веков» представляла находки бытового характера. Третья витрина представляла два раздела: «Структуры повседневности. Быт Городища IX–XII века» и «Финно-угры на городище. IX–XIII века». Последняя витрина называлась «Мир княжеской резиденции. XII–XV века».

Конференция широко освещалась региональной и центральной прессой и вызвала живой отклик у новгородской общественности и студенчества. Стоит отметить, что вопреки сложившейся практике подобных академических мероприятий, количество лиц, участвовавших в дискуссии и присутствовавших на заседаниях, было больше количества докладчиков. По итогам конференции планируется выпуск иллюстрированного сборника ее материалов и докладов.

А.Е. Мушин
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии

Е.В. Торопова
Россия. Великий Новгород.
Учебно-научная лаборатория
«Старорусская археологическая экспедиция»
при Центре изучения культуры НовГУ

Фотограф Императорской Археологической комиссии

Г.В. Длужневская¹

Снимки древностей, обнаруженных при раскопках или присланных в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) для приобретения (или определения), а затем возвращенных владельцам, выполнены фотографиями М.Е. Романовичем, В.Г. Дружининым, С.М. Дудиным и И.Ф. Чистяковым. Археологическая комиссия сотрудничала с фотографом И.Ф. Барцевским. Много фотографировал П.П. Покрышкин. Достаточно серьезно занимался фотографией Н.Я. Марр.

Профессиональный фотограф *Михаил Евгеньевич Романович* работал в Санкт-Петербурге с 1880-х до середины 1890-х гг. Он фотографировал для комиссии в своем фотоателье, находившемся на Невском проспекте в доме 20, то есть совсем близко от Эрмитажа, где в те годы размещалась Археологическая комиссия. Имя и отчество Романовича удалось установить только в недавнее время, ранее в описях и каталогах фотоархива было указано «фото Романовича» (Фотография на память 2003: 330).

В рекламном объявлении о фотографии М.Е. Романовича указывается адрес: Невский просп., д. № 20, кв. № 25 и говорится об изменениях в ателье, произошедших в 1891 г. «Состоящая с марта месяца 1891 г. под главным управлением известных фотографов И.К. и А.А. Ягледского, первый бывший управляющий фотографией К. Шапиро, фотографа Императорской Академии художеств, второй А. Ясвина, фотографа Их Императорских Высочеств Вел. Кн. Николая Николаевича старшего и Велик. Княз. Александры Петровны» (Фотография на память 2003: 330). Трудно сказать, что означает «управление» его фотографическим ателье други-

ми фотографиями, в какой роли выступал сам М.Е. Романович – владельцем или только фотографом, но, видимо, с этого времени Комиссия перестала обращаться к его услугам, тем более что фотографированием в Археологической комиссии стал заниматься В.Г. Дружинин.

Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936) – историк, археограф, коллекционер, исследователь истории и культуры старообрядчества – был фотографом-любителем, работавшим, тем не менее, на высоком профессиональном уровне. Об этом свидетельствует, например, то, что для экспонирования на Всемирной Парижской выставке 1900 г. жюри отобрало несколько его фотографий видов Урала.

В.Г. Дружинин родился 10 (22) августа 1859 г. в Петербурге. Он получил прекрасное домашнее образование и весной 1874 г. был определен сразу в пятый класс Третьей архиклассической гимназии Санкт-Петербурга. По окончании гимназии в 1879 г. он поступил на математический факультет, но буквально через месяц перешел на историко-филологический и закончил его в 1883 г. В течение всей своей жизни В.Г. Дружинин бережно хранил бумаги, письма и фотографии своего дяди, известного русского писателя, беллетриста и литературного критика XIX столетия.

В 1889 г. В.Г. Дружинин успешно защитил диссертацию по теме «Раскол на Дону в конце XVII в.» и был избран приват-доцентом факультета, получив предложение читать лекции по истории старообрядчества и в дальнейшем возглавить кафедру церковной истории. Однако Дружинин отказался от этой должности и по рекомендации графа И.И. Толстого был принят на службу в Русское Археологическое общество (РАО), где в его обязанности входили доклады дел на заседаниях Общества, составление протоколов и заведование

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив ИИМК РАН.

Рис. 1. В.Г. Дружинин на раскопках городища Увек в Саратовской губернии. Фото Д. Финюгеева, 1891 г. (Q 400/3)

Fig. 1. V.G. Druzhinin at the excavation of the townsite of Uvek in Saratov province. Photograph credit: D. Finoyeyev, 1891 (Q 400/3)

библиотекой. Помимо сугубо секретарской работы он редактировал некоторые выпуски «Материалов по археологии России», упорядочил карточный научный каталог и ввел обязательное фотографирование предметов (рис. 1). Первоначально фотографировал он сам, а впоследствии обучил «археологической» фотографии, съемке вещей и памятников будущего фотографа ИАК–ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры) И.Ф. Чистякова. В должности секретаря РАО В.Г. Дружинин проработал в течение 15 лет.

В 1896 г. В.Г. Дружинин единогласно был избран членом Археологической комиссии. Кроме того, он активно работал в Обществе любителей древней письменности, но только в 1927 г. был переизбран Обществом из членов-корреспондентов в действительные члены. С 1903 г. В.Г. Дружинин становится членом Комитета попечительства о русской иконописи. Решение о создании Комитета было принято после поездки С.Ф. Шереметева, избранного председателем Комитета, Н.П. Кондакова и археолога В.Т. Георгиевского в центры производства икон во Владимирской губернии. В состав Комитета вошли представители Академии художеств, Синода, Министерства народного

просвещения и финансов, а также лица, особо назначенные председателем. В.Г. Дружинин представлял Археологическую комиссию. Он предложил для издания свое исследование о поморском медном литье, рукопись приняли к печати. Однако в 1918 г. Комитет закрыли, и издание не было осуществлено.

Помимо коллекции медного литья В.Г. Дружининым была собрана значительная коллекция старообрядческих рукописей, покупавшихся им в лавке С.Т. Большакова на Старой площади в Москве. Пополнению коллекций, помимо фирмы Большаковых и художника-реставратора Ф.А. Каликина, способствовали знаток поморской старины А.С. Тимофеев, иконописец Федор Виргунов из старообрядческого Федосеевского монастыря, провинциальные торговцы рукописями и предметами старины. На основе рукописей коллекции и по печатным описаниям других собраний В.Г. Дружинин составил свой знаменитый справочник-указатель «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912), который старообрядцы называли своей «настойной книгой». К 1917 г. библиотека В.Г. Дружинина включала около 40000 томов, но после увольнения его со службы в Археологической комиссии библиотека была изъята.

В.Г. Дружинин был действительным и почетным членом многих обществ и учреждений – Совета Киевской духовной академии, Русского военно-исторического общества, Географического общества, Русского технического общества, Тверской ученой архивной комиссии, Уральского общества любителей естествознания, Каглинского общественного собрания и др. Он принимал участие в выставках и как коллекционер (на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» в Императорской Академии художеств в 1912 г.), и как фотограф (на Всемирной Парижской выставке 1900 г. и др.).

Кроме того, В.Г. Дружинин был помощником начальника Сенатского архива, служил в Обществе охраны памятников старины, «наблюдал» за канцелярией архива Синода. В 1914 г. был избран в почетные члены Русского археологического института в Константинополе, в 1918 г. – в Совет Союза архивных деятелей. За отличную службу и труды он был награжден орденами Владимира 3-й и 4-й степени, Станислава трех степеней, Анны 2-й и 3-й степени, кавалерским знаком ордена Аннамского дракона, серебряной медалью в память царствования Александра III, бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. В сентябре 1897 г. ему была присуждена золотая Уваровская медаль, а в октябре 1918 г. – золотая медаль Российской Академии наук.

29 декабря 1920 г. В.Г. Дружинина единогласно избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук, 27 декабря 1921 г. назначили заместителем председателя Археологической комиссии. 26 марта 1928 г. его зачислили в «Группу выдающихся ученых».

В конце 1920-х гг. в системе Академии наук началась «чистка» личного состава служащих Академии, в результате которой были уволены, а после и арестованы многие крупные ученые. Согласно выписке из протокола Комиссии по проверке аппарата Академии наук от 10 ноября 1929 г., В.Г. Дружинина обвинили в том, что он «был личным информатором о настроениях рабочих масс у Плева» и через три дня уволился. Вскоре С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, А.И. Заозерский, В.Г. Дружинин и другие были признаны виновными в участии в деятельности контрреволюционной организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России», якобы созданной в 1920-е гг. 25 июня 1930 г. его арестовали по статье 58-й УК РСФСР и по постановлению «тройки» от 10 февраля 1932 г. приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Примерно через год меру наказания заменили лишением права проживать в 12-ти населенных пунктах СССР и Уральской области сроком на 3 года. Местом ссылки стал г. Ростов-Ярославский, где в течение нескольких лет он был вынужден вести ежедневную борьбу

за выживание: не хватало денег на жильё, дрова и даже на хлеб. В этих тяжелейших условиях В.Г. Дружинин работал над своими «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах», содержащими сведения о буканистах, коллекционерах, ученых, общественной и научной жизни России на протяжении 50 лет. Инициатором написания «Воспоминаний» был В.Д. Бонч-Бруевич, директор Государственного литературного музея в Москве. По его личному распоряжению В.Г. Дружинину посылали бумагу и перья, которых, как писал В.Г. Дружинин, «здесь нет, а мои старые уже вышли». Понимая, какую ценность будут представлять записки ученого, В.Д. Бонч-Бруевич просил его невестку Галину Марковну, собирать «от всех все его документы и все это» передавать в Литературный музей. Все это – архив старообрядческих рукописей, рукописи самого ученого, фотографическое собрание, автографы на книгах и пр. – В.Д. Бонч-Бруевич убедительно просил не развозить: «архив Дружинина должен быть весь в одном месте».

В.Г. Дружинин получил освобождение в начале июня 1935 г., с трудом смог вернуться в Ленинград и с осени 1935 г. жил в семье своего сына. Скончался Василий Григорьевич 15 января 1936 г. на 77-м году жизни из-за «декомпенсации сердца».

Постановлением Президиума Ленинградского суда от 25 декабря 1959 г. Постановление 1932 г. в отношении Дружинина Василия Григорьевича, 1859 года рождения, было отменено, и дело «прекращено за отсутствием состава преступления». В.Г. Дружинина реабилитировали в год его столетнего юбилея (Берестецкая 1994: 214-227).

В XI томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданном в 1893 г., ничего вышеизложенного еще нет (Брокгауз и Ефрон, XI 1893: 191-192). В это время В.Г. Дружинин служил в РАО и убедил членов общества в необходимости обязательной фотосъемки археологических предметов. По сути, это означало признать фотографию самостоятельным видом источника. Вероятно, именно тогда обсуждалась и методика съемки: фотографировать предмет в нескольких ракурсах с целью наиболее полной фиксации его облика, более крупно фотографировать существенные детали, указывать масштаб, применять фон и подсветку. Для съемки в конце XIX столетия использовали стеклянные пластины, и фотограф «процарапывал» масштаб на эмульсионном слое. Обычно для съемки вещей использовали пластины 18 × 24 см или 24 × 30 см. В ряде случаев черно-белые фотографии после печати раскрашивались, чтобы передать цвет изделия (цветные бусы, изделия из золота или бронзы).

Из фотографий, сделанных В.Г. Дружининым, в фотоархиве сохранились снимки предметов,

доставленных из с. Болгары (Татарстан) (альбомы Q 520/25, Q 480/9-16) и г. Бухары (негатив IV 222), датированные 1891 г. По-видимому, сделанные им фотографии отложились и в фонде РАО, но имя исполнителя не всегда указано в описках, а определить руку мастера по стилю съемки при стремлении к определенной унификации почти невозможно.

Для крупнейшего исследователя истории и культуры старообрядчества, археографа и архивиста В.Г. Дружинина фотография была одним из любимых занятий, тогда как коллекционирование, несомненно, страстью и делом жизни.

Для *Самуила Мартыновича Дудина* (1863–1929), художника, путешественника, этнографа, археолога, музейного работника, фотография, напротив, была профессией, точнее, одной из его многочисленных профессий.

Самуил Мартынович Дудин родился в 1863 г. в местечке Ровное Херсонской губернии, в семье сельского учителя Мартына Тихоновича Дудина. Его интерес к изобразительному искусству проявился еще в детстве. После окончания начальной школы он поступил в Елисаветградское реальное училище, где сошелся с кружком украинской «тромады», занимавшейся, главным образом, культурно-просветительской работой. В 1882 г. кружок примкнул к харьковской группе организации «Народная воля» и получил название «Елисаветградский кружок саморазвития». Зимой следующего года С.М. Дудин был поставлен руководить «террористами», вернее, подготовкой оружия и разрывных устройств. По доносу провокатора летом 1884 г. ученика выпускного класса С.М. Дудина арестовали. Следствие в Московском центре тянулось три года, и в 1887 г. его без суда, в административном порядке выслали в г. Селенгинск Забайкальской области, где он почти сразу занялся сбором этнографических и фольклорных материалов о бурятах и русском населении Сибири. В Забайкалье Дудин познакомился с Г.Н. Потаниным, к тому времени уже совершившим ряд больших путешествий по Монголии, Китаю и восточной окраине Тибета. Из Селенгинска С.М. Дудин пересел в Троицкосавск, где поступил на службу в фотографию Н.А. Чарушина. В качестве рисовальщика Дудин, по совету Г.Н. Потанина, принял участие в Орхонской экспедиции академика В.В. Радлова в 1891 г. В составе этой экспедиции, будучи уже амнистированным, по ходатайству все того же Г.Н. Потанина, С.М. Дудин приехал в Петербург.

В 1892 г. С.М. Дудин был принят в Академию художеств, где занимался в классе И.Е. Репина. Начиная с 1895 г., он принимал участие в работе Музея антропологии и этнографии, Императорской Археологической комиссии, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, уча-

ствовал в художественных выставках. В 1897 г. за картину «В храме Таниль» он получил звание художника.

В 1893 г. вместе с профессором В.В. Бартоломом он побывал в Средней Азии, в 1894 г. по поручению Музея антропологии и этнографии работал на Украине, где собирал этнографический материал и выполнил огромное научное фотосъемку. В 1895 г. Археологическая комиссия командировала его в Самарканд в историко-архитектурную экспедицию Н.И. Веселовского (Древности... 2005: 70). Он сделал около 200 негативов размером 24 × 30 см, часть из них хранится в фотоархиве ИИМК РАН. В 1899 г. по поручению этнографического бюро княгини М.К. Тенишевой для всемирной Парижской выставки С.М. Дудин сделал более 600 фотографий быта обитателей Акмолинской и Семипалатинской областей. Негативы в дальнейшем оказались в Германии и ныне являются одной из достопримечательностей Гамбургского этнографического музея.

Зимой 1900 г. академик В.В. Радлов предложил С.М. Дудину подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию. В Германии были закуплены фотоаппараты, оптика, фотоматериалы. Одновременно были изготовлены специальные вычучные ящики и оборудование для походной лаборатории. Эта экспедиция началась в феврале 1900 г. и в общей сложности продолжалась три года.

Задача, которую поставил перед собой ученый-фотограф, заключалась в фотосъемке населенных пунктов Средней Азии, характерных построек, жилья, домашней утвари, национальных костюмов; требовалось также запечатлеть повседневную жизнь обитателей края, базары, религиозные обряды, обычаи, работу местных ремесленников и их продукцию, типы людей. Это было сравнимо разве что с задачами, поставленными в 1871–1872 гг. перед составителями «Туркестанского альбома», но тогда под руководством ориенталиста А.Л. Куна трудился целый штат фотографов, а сейчас это должен был сделать один человек. С.М. Дудин прекрасно справился с полученным заданием: им было сделано более 2000 снимков и собрана огромная вещевая коллекция, положившая начало среднеазиатского собрания Русского этнографического музея (Древности... 2005: 72–73).

В 1905–1907 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии С.М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд (Древности... 2005: 74–75), а в 1908 г. был в Самарканде с архитектором А.А. Романовым. В 1909–1910 и 1914–1915 гг. принимал участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С.Ф. Ольденбурга. Собраные С.М. Дудиным этнографические и архео-

логические коллекции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций, главным образом о технике буддийского и исламского искусства Средней и Центральной Азии.

Вспоминая о С.М. Дудине, В.В. Бартольд писал: «Превосходный фотограф, С.М., может быть, несколько преувеличивал значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников. Председатель комитета (имеется в виду Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии — Г.Д.) В.В. Радлов вполне разделял увлечение С.М.; В.В. Радлову казалось, что фотографическая регистрация не только сохранит для науки то, что подвергалось опасности разрушения, но даст возможность привлекать к ответственности людей, по небрежности или злоумышленности которых происходили разрушения; казалось, что фотография значительно облегчит контроль и даст возможность при осмотре здания точно установить, какие разрушения произошли со времени изготовления снимка. Как средство контроля фотография едва ли могла быть использована, так как едва ли было возможно обязать сторожей зданий следить за каждым, даже самым мелким разрушением, которое могло быть установлено только фотографией. Не все члены комитета разделяли и увлечение фотографией как источником для научного изучения построек; некоторым казалось, что не меньшее значение имели и этюды в красках, чертежи и т.п., хотя, конечно, всеми признавалось, что фотографические работы могут быть только дополнены, но не заменены другими.

Для комитета С.М. Дудиным были выполнены две командировки в Самарканд с целью подробной фотографической регистрации местных архитектурных памятников, в 1905 и 1908 гг.; фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результатом этих работ было собрание превосходных снимков, давно оцененных по достоинству. Работы 1905 г. были посвящены мавзолеям Шах-и Зинда, работы 1908 г. — большому числу построек» (Бартольд 1977: 773–778).

Замечу, что с моей точки зрения В.В. Бартольд не был прав в вопросе фотофиксации, тогда как С.М. Дудин первым и поставил вопрос о подробнейшей съемке, и осуществил ее. Его фотографии, посвященные Шах-и Зинда, хранятся в фотоархиве ИИМК РАН и были использованы реставраторами при работах на памятнике в послевоенные годы (после 1945 г.). По результатам поездки 1905 г. был издан «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шах-и Зинда. Снимки исполнены художником С.М. Дудиным в течение лета 1905 года по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (СПб., 1906). В брошюре перечислен 181 снимок. Снимки были

выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. На негативах были процарапаны номера и инициалы «СД».

С 1911 года С.М. Дудин был заведующим фотографическим отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, одновременно с 1914 г. заведовал отделом среднеазиатских древностей, а затем и отделом изображений; в течение многих лет исполнял обязанности ученого секретаря Совета музея.

В послереволюционные годы С.М. Дудин был секретарем Туркестанской комиссии при Государственной Академии истории материальной культуры и кружка им. В.В. Радлова при Музее антропологии и этнографии. Государственный Эрмитаж, Русский музей и другие учреждения часто приглашали его в качестве консультанта, обращались к нему как к крупнейшему специалисту по керамике и прикладному искусству Востока. Его перу принадлежат две фундаментальные статьи, посвященные особенностям работы фотографа в научных и этнографических экспедициях, не потерявшие ни ценности, ни актуальности до настоящего времени.

В последние годы жизни Самуил Мартынович преподавал основы фотографии на географическом факультете ЛГУ. Умер он летом 1929 г., в ночь с 8 на 9 июля, от разрыва сердца, находясь со студентами на практике в поселке Саблюно под Ленинградом (Назирова 1986: 24–34; Зеленин 1930: 334–335; Памяти С.М. Дудина 1930: 341–358; Никитин 1991: 33–46).

В фотоархиве ИИМК РАН хранится альбом (Q 345), в котором собраны снимки архитектурных памятников Самарканда (рис. 2). В углу фото видны процарапанные на негативе инициалы «СД». В свою очередь, в альбомах О.683, О.683 а, б, с представлены фотографии 1905 г. комплекса Шах-и Зинда в Самарканде.

С Императорской Археологической комиссией активно сотрудничал Иван Федорович Барцевский (1851–1948), являвшийся фотографом Московского археологического общества и Академии художеств (рис. 3).

Он родился 16(28) апреля 1851 г. в Лужском уезде Петербургской губернии в семье обедневшего отставного чиновника. В силу финансового положения большой семьи мальчик не смог получить среднее образование, но был принят отцом к различным ремеслам и рисованию. С фотографией он познакомился в четырнадцать лет. В восемнадцать лет поступил работать слесарем в мастерские Царскосельской железной дороги, но во время одной из служебных поездок ему паровозом повредило ногу, и он вынужден был уйти из мастерских. И.Ф. Барцевский уехал в Петербург и поступил ретушером к одному из лучших столич-

ных фотографов А.И. Бергамаско, вскоре он уже был лучшим ретушером столицы. Одновременно он посещал Рисовальную школу Д.В. Григоровича при Обществе поощрения художеств и частные классы Академии художеств.

С 1877 по 1885 г. И.Ф. Баршевский жил в г. Ростове Ярославской губернии и владел портретным фотографическим заведением. Его портреты отличались превосходным качеством, но работа только в этой области фотографии его не удовлетворяла. В конце 1870-х гг. в Ростове существовал кружок людей, объединенных интересом к истории. Во главе кружка стоял губернатор В.Д. Левшин, в его состав входили почитатели русской старины А.И. Титов, И.А. Шляков и другие, благодаря деятельности которых Ростовский кремль был не только сохранен, но на его территории был создан первый историко-архитектурный заповедник.

В 1882 г. И.Ф. Баршевский отправился в первое путешествие, поставив перед собой задачу – заняться фотографированием памятников архитектуры и древней художественной утвари в Ярославле и других старых городах России. Исполненная им серия снимков ростовских древностей привлекла внимание академика архитектуры А.М. Павлинова и археолога графа А.С. Уварова, которые предложили И.Ф. Баршевскому стать членом Археоло-

Рис. 3. И.Ф. Баршевский – участник VII Археологического съезда в Ярославле. Фото И.Ф. Баршевского, 1887 г. (Q 697/1)

Fig. 3. I.F. Barshevsky as a participant of the VIII Archaeological Congress in Yaroslavl. Photo by I.F. Barshevsky, 1887 (Q 697/1)

Рис. 2. Самарканд. Мавзолей Ишрат-Хана. Фото С.М. Дудина, 1908 г. (Q 345/49)

Fig. 2. Samarkand. Mausoleum of Ishrat-Khan. Photograph credit: S.M. Dudin, 1908 (Q 345/49)

гического общества. Едва ли не впервые фотография выступила в качестве источника изучения древних архитектурных памятников, частью полуразрушенных; снимки явились документальным основанием для принятия решения о реставрации Ростовского кремля. Через год Московское Археологическое общество избрало ростовского фотографа своим членом-корреспондентом, а Академия художеств удостоила его звания фотографа Академии. На обороте фотоснимков из фотоархива ИИМК РАН имеется оттиск печати «Фотограф Императорской Академии художеств и Императорского Московского Археологического общества И. Баршевский». На одном паспорту вариант «Фот. И. Баршевский» и печать библиотеки Императорской Академии художеств (Q 207/28).

В 1886 г. он переехал в Ярославль. Каждое лето, начиная с 1882 г., Баршевский совершал экспедиции и фиксировал разнообразные памятники древнего зодчества (рис. 4). Материалы поступили в Императорскую Публичную библиотеку и в «Приложении» к Отчету Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. В.В. Стасов писал: «Том I. Ярославль, 1882 (58 л.); т. II. Борисоглебск, 1883 (49 л.); т. III. Ростов, 1882 (53 л.); т. IV. Ростов, 1883–1884 (57 л.); т. V. Москва, Вологда, 1883–1884 (51 л.); т. VI. Владимир, Юрьев-Польской, Суздаль, 1883–1884 (68 л.); т. VII. Романов, Борисоглебск, 1883–1884 (40 л.); т. VIII. Кострома, 1883–1884

(49 л.); т. IX. Ростов и др., 1883–1884 (57 л.)» (Ставов 1885).

Столичную Москву И.Ф. Барщевский снимал в 1882–1883 гг., сопровождая в поездке академика архитектуры А.М. Павловича; в 1885 г. он посетил ее с академиком архитектуры В.В. Сусловым. В третий раз, в 1889 г., он был в Москве самостоятельно, хотя и совершил при этом короткое путешествие с архитектором Н.В. Султановым в Можайск, в том числе для съемки Лужецкого монастыря, расположенного на высоком берегу Москвы-реки. В Москве им сделано более 600 снимков, закономерно, что в первую очередь его внимание привлек Кремль: снимки стен, башен, палат, Теремного дворца и его интерьеров. Подробно отсняты соборы и церкви, в том числе интерьеры собора Чудова монастыря и церкви Спаса на Бору.

Памятники Московской губернии, Новгорода, Пскова, Казани и Астрахани он фотографировал в 1885–1886 гг., Углича и Александрова – в 1887–1888 гг., Крыма – в 1888–1889 гг. В эти же два года верхом на лошади, с проводником, он проделал путь по горным тропам Закавказья. За эти годы им было сделано около 1500 снимков памятников архитектуры.

Собственно говоря, И.Ф. Барщевский первым из фотографов посвятил себя «архитектурному жанру, первым начал «знакомить русское общество с лучшими произведениями древнерусской архитектуры». При съемке памятника, а по сути его фиксации с помощью фотографического метода, Барщевский производил серию снимков, следуя «от общего к частному»: общие виды, детали внешнего вида, интерьер и произведения прикладного искусства, его наподнявшие. Он выработал эту своеобразную, личностную методику съемки в 1880–1881 гг., еще в Ростове Великом и Ярославле.

В 1887 г. Русское Археологическое общество присудило фотографу-путешественнику серебряную медаль «за услуги, оказанные археологии». В 1888 г. он награжден малой серебряной медалью за фотографический *Альбом русского искусства и древностей*, изданный им на свои средства. В состав альбома вошло свыше 3000 листов фотографий с древнерусских памятников архитектуры, живописи и скульптуры и образцов художественно-промышленного производства (деревянных, каменных, металлических, гончарных, стеклянных и фаянсовых изделий, вышивок и т.п.). Альбом особенно богат фотографиями архитектурных памятников. В фотографическую коллекцию автора, кроме того, вошли произведения разнообразных предметов из музеев: 1) Императорской Академии наук, особенно по части Востока и преимущественно Золотой Орды, калмыцких, монгольских и других сибирских народов; 2) москов-

ской Оружейной палаты; 3) Белой палаты в Ростове-Великом; 4) Палаты Романовых в Москве; 5) малороссийского музея Тарновского в Киеве (костюмы, оружие, материи, тканые пояса) и 6) среднеазиатские коллекции Блудова в Москве. Присуждали И.Ф. Барщевскому награды и на фотографических выставках.

С годами потребность в фотодокументах стала увеличиваться. К его знаниям и опыту обращались академик Ф.П. Литке, П.П. Семенов, археологи А.С. и П.С. Уваровы, многие художники и архитекторы. Огромную коллекцию снимков И.Ф. Барщевского приобрело Строгановское художественное училище, издавшее впоследствии каталог его работ. Снимки изучались (и изучаются) историками архитектуры, географами, археологами, историками России.

В августе–декабре 1891 г. уже признанный фотограф И.Ф. Барщевский участвовал в экспедиции на Ближний Восток, организованной Императорским Православным Палестинским обществом для изучения древностей Заиордания, Иерусалима и Святой Земли. Итог работы – более 650 фотогра-

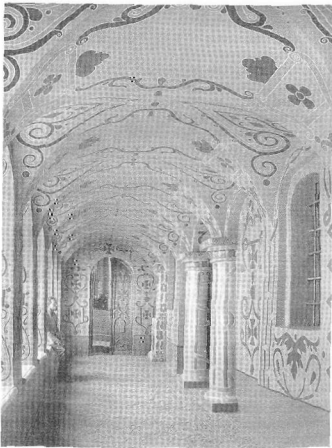

Рис. 4. И.Ф. Барщевский в коридоре Верхоспасского собора. Фото 1880-х годов (О.516/37)

Fig. 4. I.F. Barshchevsky in the passage of the Verkhospassky Temple. Photo of the 1880s (O.516/37)

фий, изданных в трех сериях альбомов и хранящихся в полном объеме в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Экспедицией на Ближний Восток, также как и в 1898 г. – совместной русско-французской экспедицией по изучению древностей Афонских монастырей, руководил академик Н.П. Кондаков. Из второго путешествия – на Афон – И.Ф. Барщевский привез 222 высококачественные фотографии, которые отложились в фондах фотоархива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН, ФА: отп. Q 862-Q 864).

В Ярославле он прожил до конца девяностых годов XIX в.; затем по приглашению княгини М.К. Тенишевой переехал в Талашкино близ Смоленска, где прожил с 1898 по 1932 г. В Талашкино при его непосредственном участии был создан историко-этнографический музей «Русская старина», где сложилось одно из лучших в России собраний предметов народного искусства; были организованы Художественные мастерские, восстановившие старые технологии производства; построен храм во имя Святого Духа.

С начала 1880-х гг., И.Ф. Барщевский собирал для Исторического музея в Москве, музея барона Штиглица в Петербурге, Общества поощрения художеств и других учреждений старинные вещи и «намоленные предметы» (иконы, церковная утварь), благодаря чему стал известен и как знаток русского прикладного искусства. Предметы из Талашкинского музея в 1900 г. экспонировались на Всемирной выставке в Париже, по возвращении они были переданы в Московский Археологический институт (МАИ), отделение которого было открыто в Смоленске. Инициатор его создания И.Ф. Барщевский сначала был назначен хранителем, а затем директором музея. В 1914–1915 гг. им опубликованы небольшие монографические исследования, в том числе, «Каталог музыкальных инструментов, находящихся в Смоленском историко-археологическом музее Археологического института, собранном княгиней М.К. Тенишевой».

Искусствовед-фотограф сам поступил в институт и в 1918 г. окончил его с золотой медалью, получив звание археолога. В 1933 г. он переехал в подмосковное село Коломенское, где до конца жизни работал реставратором в музее «Коломенское». За выдающиеся заслуги в воспроизведении памятников древнерусского искусства Президиум Верховного Совета РСФСР в 1946 г. присвоил фотографу, археологу и художнику-реставратору Ивану Федоровичу Барщевскому звание заслуженного деятеля искусств.

И.Ф. Барщевский скончался в 1948 г. Его творческое наследие составило тридцать тысяч негативов, почти все они хранятся в Москве, в фондах Государственного Музея Архитектуры им. А.В. Шувалова (Брокгауз и Ефрон, 1891: 122; Каталог... 1884

(в этом каталоге перечислены 1842 снимка, а в альбом включены отдельные снимки размером 24 × 35 мм); Каталог... 1912 (Каталог издан Императорским Строгановским центральным художественно-промышленным училищем в Москве – в каталоге перечислено 2719 снимков); Барановская 1948: 121–122; Морозов 1953: 77–80; Рогозина 1983: 64; 1998: 304–305).

Использование фотографии в научных исследованиях, в частности памятников архитектуры и предметов декоративно-прикладного искусства, привнесло новое, гораздо более высокое качество в изучение исторического архитектурного наследия. И.Ф. Барщевский первым начал «знакомить русское общество с лучшими произведениями древнерусской архитектуры». При фиксации памятника с помощью фотографического метода И.Ф. Барщевский производил съемку, следуя своей методике – «от общего к частному».

Методика съемки архитектурного памятника, разработанная И.Ф. Барщевским в 1880-е гг. и применявшаяся им на протяжении всей его многолетней деятельности, абсолютно сродни методике, рекомендуемой для фиксации археологических памятников, например курганного объекта: общий вид могильника до начала археологических работ, вид объекта с более близкого расстояния, виды в процессе расчистки наземного сооружения и на стадии выявления остатков наземной конструкции, фиксация надмогильных сооружений, погребений на всех стадиях расчистки и разборки, фиксация наиболее существенных деталей конструкций и в завершении фотографирование предметов, найденных в процессе работ.

С полной уверенностью можно сказать, что альбомы академика архитектуры П.П. Покрышкина, содержащие снимки, сделанные им в 1903–1917 гг. во время поездок по поручению Императорской Археологической комиссии в связи с реставрационными работами в разных областях России, в том числе в Средней Азии, составляли основу фотографической части фонда Императорской Археологической комиссии, членом которой П.П. Покрышкин являлся с декабря 1902 г.

Архитектор, реставратор, археолог, академик архитектуры (с 1909 г.) Петр Петрович Покрышкин (1870–1922). Все материалы его многочисленных исследовательских – архитектурных, реставрационных и раскопанных работ, а также снимки, сделанные во время поездок по Российской империи и заграничных путешествий, отложились в фондах ИАК и РАИМК. На некоторых фотографиях имеется личный штамп – «П.П. Покрышкин».

П.П. Покрышкин родился 22 июля 1870 г. в Иркутске в семье врача. Высшее образование получил на архитектурном отделении Академии художеств в Санкт-Петербурге и, окончив его в 1895 г.

со званием архитектора-художника, был командирован за границу стипендиатом Академии.

Начиная с 1895 г., П.П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных ИАК и другими учреждениями, проводил обследование архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубежом. В 1895–1896 гг. и в 1898–1900 гг. он работал в составе специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н.И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии (Шахрисабз, Самарканд) (Древности 2005: 70–72).

В 1900 г. преподаватель Академии художеств П.П. Покрышкин участвовал в археолого-этнографической экспедиции Петербургской Академии наук в Македонию, работавшей под началом академика Н.П. Кондакова. Во время экспедиции приват-доцент русской истории П.Н. Милоков и П.П. Покрышкин получили отдельное задание – объехать Старую Сербию. Они посетили Призрен и Ипек (Печь) с его знаменитым монастырем. П.Н. Милоков в своих «Воспоминаниях» отмечает, что поездка оказалась чрезвычайно интересной, хотя и не всегда безопасной. В Ипек П.П. Покрышкин «получил возможность осмотреть бегло замечательное здание собора, показывавшее, что мы перешли в область другой культуры и перед нами памятник ранних влияний итальянского искусства. Уж не знаю, успел ли Покрышкин прибавить много к тому, что мы уже знали об этом храме» (Милоков 1990: 201–203).

В 1902 г. П.П. Покрышкин по заданию Академии художеств получил командировку в Сербию и продолжил исследования, начатые двумя годами ранее. Результат командировки – 268 фотографий и книга «Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве» (СПб., 1906; Православные святые Балкан 2004).

С 1903 г. П.П. Покрышкин курировал ремонтные работы на кремлевской стене в Смоленске, реставрационные – в Вологде, в Дмитриевском соборе Владимира и в церкви Спас-Нередицы (Новгород). Работы по реставрации Нередицкой церкви осуществлялись по материалам, подготовленным В.В. Суловым и хранящимися ныне в НА ИИМК РАН в фонде Археологической комиссии. В Польше в 1903 г. П.П. Покрышкин провел расчистку стенописи костела в Люблине (32 ед. хр.); в 1907–1909 гг. – реставрационные работы в Благовещенской церкви Супрасля и в Черском замке; в 1909 г. обследовал старинные башни в окрестностях Холма, а в 1910 и 1912 г. на соборной горе в Холме провел археологические исследования строений Даниила Галицкого (32 ед.), а также обследование Борисоглебской Коложской церкви

Рис. 5. П.П. Покрышкин (в центре) в Буковинской экспедиции. Фото 1916–1917 гг.

Fig. 5. P.P. Pokryshkin (middle) in the Bukovina Expedition. Photo of 1916 or 1917

в Гродно, Васильевского храма в Овруче (1907–1908 гг., 137 ед. хр.), крепости Хотин на Днестре; реставрацию развалин Старогородской церкви близ Остра Черниговской губернии, ремонт и выпрямление колокольни Боровской Успенской церкви в Архангельске. Кроме того, он обследовал церковь Спас на Берестове в Киеве (1909–1912, 1914 гг., 501 ед.), а в 1911 г. – стены и башни московского Кремля.

В 1915 г. академик П.П. Покрышкин назначен председателем Комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры, и находился в зоне военных действий (Буковина, Вольнь, Галиция) с января 1916 по апрель 1917 г. (рис. 5).

В начале декабря 1916 г. Академия наук, принимая самое активное участие в спасении культурных ценностей, оказавшихся в сфере военных действий во время Первой мировой войны, полу-

чила от начальника штаба Верховного Главнокомандующего разрешение на осуществление мероприятий по охране исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и прочего «в пределах завоеванных областей Австро-Венгрии, Подольи и Волыни». Для выполнения задания Академией были командированы «статский советник Покрышкин, инженер Леонтович, художник-живописец Хотулев, уполномоченные от Клуба Варшавского общества охраны древностей граф Грохольский, прапорщик Боравский и ученик Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств Удаленков». Группе исследователей предписывалось при «поездках в те или иные места испрашивать на посещение их в каждом случае разрешение штаба главнокомандующего армиями соответствующего фронта» (Соболев 1999: 54). П.П. Покрышкин с коллегами находился в зоне военных действий с января по апрель 1917 г., обследуя архитектурные памятники Сучавы, Драгомирны, Гуморы, Радовицы, Ворошица и др. В фотоархив ИАК поступило 319 ед. хр.

В начале ноября 1917 г. П.П. Покрышкин был направлен в Москву для фиксации поврежденных архитектурных памятников во время артиллерийского обстрела московского Кремля. Сохранилось около 20 негативов с точным указанием даты съемки – 10 ноября 1917 г.

С ноября 1917 г. он являлся помощником председателя Коллегии по делам музеев и охраны памятников; принимал участие в создании специального реставрационного отдела и с декабря 1918 г. заведовал Археологическим отделом при Всероссийском Отделе по делам музеев и охраны памятников старины. Расширенный в октябре 1918 г. до 9-ти сотрудников Отдел вскоре был упразднен, а его функции переданы Отделу искусств древнерусского и славянских народов. Одновременно он работал в Отделе монументального зодчества Российской Государственной археологической комиссии и обследовал закрывающиеся церкви в Петрограде, памятники архитектуры Царского Села, Павловска, Старой Ладоги, Новгорода и Москвы.

21 августа 1919 г. П.П. Покрышкин находился в городе Шлиссельбурге, выполняя основную фотосъемку в крепости. Поездка происходила буквально через десять дней после образования РАИМК (Российской Академии истории материальной культуры) и определенно носила фиксационный характер. Не обошлось и «без полтишки», поскольку в первую очередь были сняты здания «народовольческой тюрьмы», упраздненной в 1905 г., и каторжного центра, сожженного во время Февральской революции 1917 г. Дата и имя автора съемки «П. Покрышкин» написаны на не-

гативах. Вскоре после этой поездки, осенью 1919 г. он отказался от чтения лекций в Академии художеств и перестал посещать заседания РАИМК. В июле 1920 г. он получил отпуск по состоянию здоровья и уехал из Петрограда. 3 января 1921 г. на заседании совета РАИМК был зачитан письменный отказ П.П. Покрышкина от звания академика архитектуры и членства в РАИМК, пришедший из г. Лукоянова Нижегородской губернии. П.П. Покрышкин скончался 18 февраля 1922 г. в сане протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова, зарывшись при исполнении пасторских обязанностей в инфекционных бараках сначала оспой и вскоре сыпным тифом.

Заседание РАИМК, посвященное памяти П.П. Покрышкина, состоялось через год после его кончины – 27 февраля 1923 г. Особо отмечались его заветы: «1. Не производить исследований, опасных для памятника; 2. Не выпускать недоработанного, но постоянно собирать материал; 3. Передать накопленный материал преемнику» (Медникова 1995: 303–311; Медведева 2004: 379–387).

Чистяков Иван Федорович (1865–1935) – фотограф Императорской Археологической комиссии с 1896 по 1918 г. и Государственной Академии истории материальной культуры с 1919 по 1935 г. (рис. 6, 7). Сопровождал сотрудников в экспедиционных поездках. Оставил большое собрание в фотоархиве учреждения, неоднократно менявшее свое наименование, но являющегося наследником Археологической комиссии по части архивов и библиотеки.

И.Ф. Чистяков родился в с. Константиновке Бежецкого уезда Тверской губернии. Окончил сельскую начальную школу. В 1886 г. приехал в Санкт-Петербург и вступил в Новочеркасский полк. В 1890 г. оставил военную службу и начал работать сторожем в Императорской Археологической комиссии, где под руководством члена комиссии В.Г. Дружинина обучился фотографии, и с 1896 г. состоял фотографом ИАК до ее реорганизации в 1918 г. в Российскую археологическую комиссию (с 1919 г. – РАИМК, с 1926 г. – ГАИМК).

Умер И.Ф. Чистяков 7 декабря 1935 г. в Ленинграде.

Т.М. Девель, многие годы сотрудничавшая с И.Ф. Чистяковым, откликнулась на это печальное событие следующими словами: «7-го декабря 1935 г. в Ленинграде на 70-м году жизни скончался фотограф Государственной Академии Истории Материальной Культуры им. Н.Я. Марра Иван Федорович Чистяков, бесценно работавший в Академии с самого ее основания.

И.Ф. Чистяков был фотографом самоучкой. Родившись в 1865 г. в крестьянской семье в д. Константиновской Бежецкого уезда Тверской губер-

нии и пройдя там начальную сельскую школу, он приезжает в 1886 г. в Петербург, где по отбытию воинской повинности, в 1890 г. поступает сторожем в Археологическую комиссию. Там И.Ф. Чистяков, присутствуя иногда при фотографировании присылавшихся в Археологическую комиссию древностей, заинтересовался этим делом, и уже в 1894 г. производит первые свои съемки. В следующем 1895 г. он настолько овладел техникой, что командировается вместе с проф. Шляпкиным в Новгород, где фотографирует славянские надписи на стенах Софийского собора.

С 1896 г. И.Ф. Чистяков официально становится фотографом Археологической комиссии, где и продолжает работать вплоть до Октябрьского переворота. Попутно он в разное время производит съемки по заказам Русского Археологического общества, Эрмитажа, Русского музея, Академии художеств и др.

В качестве фотографа за 41 год своей работы И.Ф. Чистяков сделал десятки тысяч снимков. Его основной фонд сосредоточен в Фотоархиве ГАИМК и достигает свыше 40000 съемок. Но не количеством измеряется заслуга И.Ф. Чистякова как фотографа, а тем, что вся деятельность его являлась осуществлением лозунга "фотографии на службе науке", именно по линии фиксации археологических памятников. В этой своей специальности он дал высокую качественно продукцию и оставил исследователям точнейшие документы археологических памятников. Такими документами являются снимки И.Ф. Чистякова монументальной росписи Нередицы в Новгороде, исполненные в 1903–1904 гг., ярославских и костромских церквей (1912 г.), а также превосходная серия архитектурной документации, как, например, Новгородский кремль, реставрация Ипатья и др.

Не менее удачно снимал И.Ф. и мелкие объекты – керамику, кость, дерево, но особого мастерства достиг он в редкой передаче металла, о чем дают представление иллюстрированные его снимками альбом "Восточное серебро" Я. И. Смирнова, а также многие иллюстрации, вошедшие в издание "Сасанидский металл", изд. в 1935 г.

Нельзя не отметить и превосходную полевую съемку, которую дал И.Ф., будучи бессменным фотографом Ольвийской экспедиции ГАИМК в 1924–1930 гг. и 1932 г.

Кроме овладения техникой своего дела, И.Ф. Чистякова характеризует еще одна весьма ценная черта – сознание важности своевременной точной фиксации снимка. И.Ф. с 1896 г. из года в год вел по негативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки. Наряду с этим, снимая находки из раскопок, он наносил алмазным карандашом под изображенным объектом

Рис. 6. И.Ф. Чистяков – фотограф Императорской Археологической комиссии. Фото М. Чистякова, 1927 г.

Fig. 6. I.F. Chistyakov as a photographer of the Imperial Archaeological Commission. Photograph credit: M. Chistyakov, 1927.

его № по инвентарю находок, при репродукциях из изданий он часто таким же путем наносил автора и заглавие издания. В результате такого сознательного отношения к своей работе И.Ф. оставил нам не только 40 тысяч хороших снимков, но 40 тысяч документов, могущих быть использованными в исследовательской работе. И, наконец, подводя итоги свыше 40-летней деятельности И.Ф. нельзя обойти молчанием и высокой трудовой дисциплины и энтузиазма в работе, которые И.Ф. проявлял вплоть до последних дней своей трудовой жизни (Из личного дела И.Ф. Чистякова – НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, л. 733).

В декабре 1918 г. И.Ф. Чистяков передал на хранение в ИАК более 20 тыс. негативов разного размера (от 6 × 9 см до 30 × 40 см). Это были негативы на стеклянных пластинах, сделанные им для сотрудников ИАК в разные годы. Данной передачей материалов в учреждение и было положено начало организации специализированного архива фотографических документов (фотоархива).

В личном фонде И.Ф. Чистякова (фонд № 40) отложились снимки, сделанные им в 1900–1918 гг., непосредственно с памятников. Среди них детальная фиксация реставрационных работ Д.В. Милее-

Рис. 7. И.Ф. Чистяков за съемкой археологических находок. Фото П.П. Покрышкина, 1914 г.

Fig. 7. I.F. Chistyakov in the process of photographing archaeological finds. Photograph credit: P.P. Popkryshkin, 1914

ва в Ипатьевском монастыре г. Костромы (1911–1912 гг.), фотографии по русской миниатюре, археологии и искусству. Собрание передавалось в архив самим фотографом в 1919, 1924 и 1935 г. и насчитывает 1415 негативов и 1251 отпечаток.

Мы рассказали о деятельности тех фотографов, которые работали специально для Императорской Археологической комиссии, но были и сотрудничавшие с ИАК фотографы-любители – И.Я. Билибин, А.Н.Э. Боярский, В.Ф. Козловский, А.А. Козырев, О. Кюркчанц, В.М. Машуков, Д.В. Милеев, С.Р. Мишлов, А. Мишон, П. Надар, С.С. Некрасов, А.А. Романов и другие.

Николай Яковлевич Марр – востоковед, лингвист, археолог, кавказовед, академик (с 1909). Председатель РАИМК–ГАИМК с 1919 по 1934 г. Фотограф-любитель (рис. 8, 9).

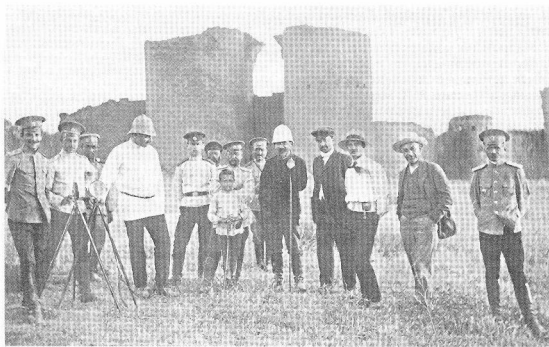
Материалы фонда Н.Я. Марра подразделяются на следующие разделы: материалы, непосредственно связанные с работами Н.Я. Марра; материалы, выполненные по заданию Н.Я. Марра; фотографии, связанные с деятельностью других исследователей; фотографии известных фотографов.

Размеры фотособрания Н.Я. Марра (только общая численность коллекции материалов из раско-

пок в Ани достигала 2285 единиц) дают представление о том значении, которое придавалось им фотодокументам как вспомогательному аппарату научно-исследовательской работы. Сам он в течение трех месяцев проходил курс практического фотографирования в Русском техническом обществе и поставил перед Археологической комиссией как одно из условий командирования в Армению снабжение его фотоаппаратом. Аппарат доставил Н.Я. Марру немало хлопот. Он писал в 1892 г.: «14 мая приехал в Александрополь. 16 мая аппарат пока не получен. Сегодня утром в 8 часов выезжаю в Ани, куда мне будет сообщено о получении аппарата». В письме от 23 мая того же года он сообщает: «Я в большом волнении в ожидании фотографического аппарата: живопись может испортиться от всяких случайностей». 2 июня фотоаппарат еще не получен, «хотя уже неделя с лишком, как извещено о высылке его из Петербурга». Наконец, в дневнике поездки присутствует запись от 4 июня: «В 10 ч. вечера был обрадован вестью, что долго ожидаемый фотографический аппарат наконец прибыл независимо от человека, отправленного мною». После получения аппарата дневниковые записи становятся весьма лаконичными: «9/VI – занят исключительно фотографией (снимки найденных фрагментов живописи) и проявлением. 10/VI – фотография. 11/VI – фотография. 12–13/VI – занят фотографией. Снимки и проявление...» Из поездки 1892 г. Н.Я. Марр привез первую серию сделанных им самим снимков и повторил этот опыт в 1893 г. Этот же фотоаппарат сопровождал его и в следующих поездках – на Афон (1898 г.) и Синай (1902 г.) с целью работы над рукописями.

Настойчивость Н.Я. Марра в деле фотофиксации была необыкновенна. Чтобы снять надписи на скале в окрестностях Багнайра, о существовании которой ему сообщили местные жители, Н.Я. Марр отправился в трудный путь. «По этой дороге я с фотографом Папаяном тащился около часа вслед за исчезающим проводником; в руках у меня была тяжесть около пуда (аппарат с тремя заложенными двойными кассетами), сверху пекло солнце, а с вершины Аладжи, покрытой еще кое-где снегом, обдувало холодным ветром». Путники достигли снежной линии без проводника, сбившись с пути. Правда, в конце концов нашлись и проводник, и скала с надписью.

Требования, предъявлявшиеся Н.Я. Марром к фотодокументу, были весьма высоки, а фотографии, сделанные им самим в 1890-е гг., несмотря на несовершенство техники, достаточно удачны и информативны. Н.Я. Марр нередко давал указания, какими приемами можно достигнуть желаемого качества снимка. Например, в программе работ по регистрации и охране памятников в занятых рус-

Рис. 8. Н.Я. Марр в Ани. Фото 1908 г.
1-й слева – поручик Мартынов, в центре – проф. Н.Я. Марр, слева от него – полковник Закржевский, крайний справа – штабс-капитан Фон-Зигери-Корн

Fig. 8. N.Ya. Marr in Ani. Photo of 1908.
First left – Lieutenant Martynov, in the middle – Prof. N.Ya. Marr, left of the latter – Colonel Zakrzhovsky, last right – Staff-Captain von Ziegern-Korn

Рис. 9. Н.Я. Марр в своем кабинете в помещении РАИМК в Мраморном дворце. Фото 1925 г.

Fig. 9. N.Ya. Marr in his study at the office of RAIMK in the Marble Palace. Photo of 1925

скими войсками областях Турецкой Армении (так называли тогда азиатскую часть Турции), составленной Н.Я. Марром для командированного на эту работу С.В. Тер-Аветисяна, наряду с общими указаниями, дается детальный перечень особо важных для фиксации объектов. Н.Я. Марр подчеркивает, что «надпись о ремонте купола (под фризом на восточной части южной стены) церкви Креста (Ахтарар) надлежит сделать телеобъективом», чтобы снимок можно было использовать в дальнейшей работе.

Сохранность, учет и организация отснятого материала были предметом неустанных забот Н.Я. Марра и в те времена, когда он сам занимался фотографированием, и позже, когда для обеспечения фотофиксации арийских материалов им была организована постоянно действовавшая база. Собиравшиеся им фотографии различных памятников охотно предоставлялись специалистам, а коллекция фотоматериалов нашла свое место в фондах фотоархива ГАИМК (ныне фотоотдела Научного архива ИИМК РАН).

Фонд Н.Я. Марра (фонд № 23), сохранившийся в фотоархиве, представляет только часть фотографического наследия ученого. Значительные материалы в 1917 г. были отосланы им в Кавказский историко-археологический институт и не прибыли в место назначения, затерявшись на отрезке пути между Ростовом и Армавиром. Местонахождение их, если они вообще сохранились, до настоящего времени неизвестно.

Барановская 1948 – *Барановская М.Ю.* И.Ф. Барцевский (1851–1948). Некролог // КСИИМК. 1948. Вып. XXIV. С. 121–122.

Бартольд 1977 – *Бартольд В.В.* Воспоминание о С. М. Дудине // Сочинения. М., 1977. Том IX. С. 773–778.

Берестецкая 1994 – *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227.

Брокгауз, Ефрон 1891 – *Брокгауз Ф.А.* и *Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Том III. С. 122.

Васильев, Длужневская, Малевинская 2004 – *Васильев Д.Д., Длужневская Г.В., Малевинская М.Е.* Православные святые Балкан. СПб., 2004.

Длужневская 2001 – *Длужневская Г.В.* Материалы Н.П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры РАН // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. Palace editions. СПб., 2001. С. 35–42.

Древности ... 2005 – *Древности восточной части Евразии* в материалах Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2005.

Зеленин 1930 – *Зеленин Д.К.* С. М. Дудин (1863–1929). (К годовщине смерти) // Советская Азия. 1930. № 5–6. С. 334–335.

Каталог ... 1884 – *Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочаго, снятых фотографом Императорской Академии художеств и Императорского археологического общества И.Ф. Барцевским, произведенных в 1882, 83 и 84 годах.* Ростов, 1884.

Каталог ... 1912 – *Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочаго, снятых фотографом Императорской Академии художеств, Императорского московского археологического общества И.Ф. Барцевским, негативы которых приобретены в собственность Императорского Строгановского училища.* М., 1912.

Медведева 2004 – *Медведева М.В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 379–387.

Медникова 1995 – *Медникова Е.Ю.* Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (По материалам Рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 303–311.

Медникова, Моисеева (в печати) – *Медникова Е.Ю., Моисеева Н.Д.* Поездка П.П. Покрышкина в Сербию в 1902 году. В печати.

Мялюков 1990 – *Мялюков П.Н.* Воспоминания. Том первый (1859–1917). М., 1990. С. 201–203.

Морозов 1953 – *Морозов С.* Русские путешественники фотографы. М., 1953. С. 77–80.

Назирова 1986 – *Назирова В.В.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 24–34.

Никитин 1991 – *Никитин В.А.* Певец Средней Азии // Рассказы о фотографах и фотографих. Л., 1991. С. 33–46.

Памяти С.М. Дудина 1930 – *Памяти С.М. Дудина* // СМАЭ. 1930. Т. 9. С. 341–358. Библиография: 18 назв. Сост.: Е.Ф. Карский, Э.К. Пекарский, В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург.

Рогозина 1998 – *Рогозина М.Г.* Москва в фотографии XIX века (из коллекции Государственного Музея Архитектуры им. А.В. Щусева // Столичный город. М., 1998. Вып. 2. С. 304–305.

Рогозина 1983 – *Рогозина М.Г.* Выставка И.Ф. Барцевского: (К 100-летию начала создания коллекции фотографий памятников русской архитектуры и 130-летию со дня рождения фотографа) // Архитектура СССР. 1983. № 6. С. 64.

Соболев 1999 – *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 54.

Стасов 1885 – *Стасов В.В.* Приложение к Отчету Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885.

Фотография на память 2002 – *Фотография на память.* Фотография Невского проспекта. 1850–1950. СПб., 2003.

Архивные материалы

НА ИИМК РАН, ФА – отп. Q 862-Q 864.

НА ИИМК РАН, РА – Ф. 2, оп. 3, д. 733.

Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины

М.В. Медведева¹

Всплеск общественной активности и рост интереса к древностям и проблемам сохранения исторического наследия в конце XIX – начале XX веков ярко выразился в создании многочисленных обществ, занимающихся вопросами истории и охраны памятников искусства и старины России. Кроме Императорской Археологической комиссии (ИАК), Московского Археологического общества (МАО), Русского Археологического общества (РАО), несомненных лидеров в исследовании объектов материальной культуры, в Петербурге и Москве на рубеже веков активно участвовали в изучении проблем охраны памятников и вопросов истории древнейшей такие общественные организации, как *Общество любителей древней письменности*, Русское военно-историческое общество, Русское генеалогическое общество, Общество ревнителей истории, Общество архитекторов, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, Русское библиографическое общество и др. Также существовали различные общества в провинциальных городах, которые могли являться как отделениями столичных обществ, так и самостоятельными организациями. Они объединяли не только специалистов и ученых, но и просто любителей древностей и людей, интересующихся историей. Важнейшим компонентом деятельности обществ являлась просветительская работа, направленная на популяризацию научных знаний среди широких масс населения. Это явление принимало разнообразные формы: чтение лекций, издание научно-популярной литературы, организация библиотек, выставок, музеев.

Несмотря на то что деятельность обществ была не настолько авторитетна и всеобъемлюща, как деятельность таких компетентных научных организаций, как ИАК, МАО или РАО, нельзя умалять их значение в решении вопросов сохранения национального наследия России. Тем более что зачастую работы были очень тесно связаны между собой. Многие сотрудники Императорской Археологической комиссии, например, состояли сразу в нескольких исторических обществах; и в процессе исполнения научно-исследовательских задач, поставленных Комиссией, часто работали

одновременно также и по поручению какого-либо общества.

В рукописной части Научного архива ИИМК РАН хранится фонд одного из таких обществ – Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. О поступлении в ГАИМК материалов, связанных с его деятельностью, свидетельствует соглашение о передаче 66 дел из Ленинградского отделения Центрального Исторического архива в 1929 г. *Дела поступили на временное хранение на три месяца без права дальнейшей передачи и публикации, затем должны были не позже чем через 6 месяцев вернуться обратно. Тем не менее, они были не востребованы назад и в 1967 г. приняты на постоянное хранение в Рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА)*, где составили отдельный фонд № 68, в который вошло 66 дел. В фонде содержатся документы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины по охране и реставрации памятников архитектуры, живописи, прикладного искусства, дворцовых садов, по изданию книг по искусству, по производству раскопок и организации отделений в городах Российской империи.

Еще одним важным источником для рассмотрения деятельности общества являются Прибавления к основным выпускам Известий Императорской Археологической комиссии, в которых публиковалась хроника научной жизни России за каждый год, в том числе подробное описание деятельности ученых учреждений и обществ. Также в фотографической части Научного архива ИИМК РАН в фонде Императорской Археологической комиссии можно выделить несколько фотоколлекций, связанных с работами членов ИАК по заданию и в рамках их деятельности в Обществе. Все эти материалы вместе позволяют составить довольно целостное представление о работе данного Общества.

В 1909 году в Санкт-Петербурге небольшая инициативная группа решила создать «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Устав организации, утвержденный в конце октября 1909 г., сохранился в деле из фонда архитектора А.А. Романова, который являлся членом общества с самого основания, а в 1916 г. был избран в его Совет. Согласно уставу, основной целью общества являлась защита от

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив ИИМК РАН.

разрушения и искажения памятников искусства и старины, имеющих художественное, бытовое и историческое значение. Сюда входили архитектурные постройки различных эпох, памятники кладбищ, картины, бронза, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности. Причем круг памятников не ограничивался датой их происхождения (ИАК 1912: 31). Общество предполагало «заботливый ремонт и восстановительную реставрацию» памятников. В связи с этим в уставе были выдвинуты следующие задачи: «возбуждать ходатайства по вопросам охраны и реставрации памятников перед правительством и надлежащими лицами; собирать материалы о всех памятниках искусства и старины в России; собирать сведения о памятниках, которые подлежат особому сохранению и о мерах, принимаемых к такому охранению; устроить для хранения этих материалов и сведений свой архив; проводить собрания и съезды для обсуждения очередных вопросов; открывать отделы общества вне Петербурга; предпринимать издания как периодические, так и единовременные; активно сотрудничать с другими обществами; устраивать выставки, публичные чтения и лекции, как платные, так и бесплатные; приобретать и жертвовать в музеи и хранилища предметы искусства и старины» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 804, лл. 9–10).

Сразу после выработки основных положений устава началась организация нового общества: был утвержден общий состав сотрудников, созданы органы управления, установлены денежные средства на его содержание. Председателем стал великий князь Николай Михайлович. В документах фонда сохранилось письмо инициаторов создания общества от 20 февраля 1910 г. с просьбой к великому князю Николаю Михайловичу «принять на себя звание Председателя Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». 20 марта они получили ответ из министерства Императорского Двора, составленный и присланный князем Кочубеем, о том, что император разрешил Николаю Михайловичу стать председателем Общества, о чем было сообщено министрам Внутренних Дел и Юстиции (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, л. 53, л. 1). Главный распорядительный орган – Совет Общества – состоял из выдающихся историков, искусствоведов, музейных работников, художников, литераторов, библиографов. В него вошли А.Н. Бенау, Е.Н. Волков, П.П. Вейнер, В.А. Верещагин, В.А. Волкова, С.К. Маковский, А.В. Муравьев, В.В. Мусина-Пушкина, О.А. Оболенская, А.В. Оболенский, Н.К. Рерих, И.А. Фомин, А.В. Шусев, В.В. Врангель, С.Л. Бергсон (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 34 об.). Согласно уставу «член Совета Общества, не посетивший ни одного заседания в течение года без уважи-

тельных на то причин, считался выбывшим» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 53, л. 15).

После того как процесс организации общества закончился, в начале 1911 года его члены приступили к осуществлению главных задач по охране и защите памятников и по развитию интереса к истории русского искусства, провозглашенных в уставе. Работа нового общества с самого начала разделилась на два различных направления. Первое включало реставрационную деятельность особых комиссий, созданных «для предотвращения от гибели и для поддержания в первоначальном виде памятников искусства», второе – просветительскую деятельность, которая должна была служить целям популяризации знаний о предметах старины и искусства для развития понимания их исторического и художественного значения среди самых широких масс населения.

Для просветительских целей участниками общества за время его существования (1910–1917) был прочитан цикл сообщений и научных докладов по различной тематике. Вначале заседания проходили на частной квартире одного из сотрудников, а с 1912 г. Императорское Российское Пожарное общество предоставило для заседаний зал, где и обсуждались научные доклады два раза в месяц по пятницам (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 53, лл. 3, 13). Вот некоторые темы докладов и лекций, прочитанных на заседаниях Общества только в течение двух первых лет его существования: Г.К. Лукковский «Памятники архитектуры Черниговской губернии», В.Т. Георгиевский «Фрески собора Ферапонтова Белозерского монастыря (Новгородской губ.)», И.А. Фомин «По поводу юбилея архитектора Захарова», Н.К. Рерих «О Новгороде», Н.Е. Макаренко «О раскопках в Новгороде», П.Н. Апраксин «О воронежском музее», М.И. Дворжицкий «О самаркандских мечетях», В.В. Врангель «Кипренский и его творчество», А.А. Романов «О соборе Ферапонтова монастыря» и «Три русских избы (три типа русского народного строительства)», Н.И. Репников «Аккерман», С.А. Чураев «О доме Александра I в гор. Вознесенске», А.Л. Авлакин «О Ямбургском соборе» и «Современное состояние Богородицкой церкви в гор. Нарве, построенной Иоанном Грозным», А.Е. Белогруд «О реставрации Батурицкого дворца графов Разумовских», А.Я. Белобородов «О памятниках архитектуры в Лялчуа (бывший дворец гр. Завадовского)», А.Н. Бенау («Бельковский Буян (дворец Бирона в С.-Петербурге)», П.Н. Столянский «Легенды и предания Старого Петербурга» и М.И. Ростовцев «О новых серебряных сосудах, найденных на юге России» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, лл. 34 об.).

Следующим видом просветительской деятельности стала организация художественных выста-

вок. Участники общества считали лучшей пропагандой искусства «наглядное ознакомление» с творчеством художников. Согласно архивным документам *Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины* получило специальное разрешение от Канцелярии Министрства Императорского Двора об устройстве выставок в залах Эрмитажа и Русского музея (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 13, л. 1).

В 1911 г. в Белоколонном зале Русского музея императора Александра I состоялось две выставки. Первая была посвящена творчеству художника А.Г. Венецианова. На нее было собрано 54 картины из частных коллекций Петербурга и Москвы. Вторая выставка представляла произведения художника О.А. Кипренского и была приурочена к 75-летию со дня его смерти. Она объединила около 150 картин, «присланных не только из обеих столиц, но также из Киева, Риги, Воронежа и некоторых русских имений». В том же году общество издало две монографии о А.Г. Венецианове и О.А. Кипренском, составленные В.В. Врангелем. Ценность изданий заключалась в том, что они содержали публикацию репродукций всех картин художников, находившихся в частных коллекциях (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 34 об.). Весной 1913 г. в Эрмитаже была устроена выставка «Наследие Великой княгини Марии Николаевны», где выставлялась коллекция принадлежавших ей картин. Весной 1914 г. в Эрмитаже проводилась выставка «Собрание П.П. Семенова-Тян-Шанского». Обществу принадлежало собственное выставочное оборудование. Оно использовалось для выставок, организованных его сотрудниками, а также представлялось другим организациям для устройства выставок по истории русского искусства. Например, в 1915 г. общество выделило 6 витрин для выставки «Памятники Русского театра» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 45).

Также Общество попыталось восстановить традиции старого русского театра, воссоздать «лучшие страницы его прошлого» путем постановки художественных спектаклей по малоизвестным пьесам, «отражающим дух прежнего времени». Спектакли проходили в доме графини Е.В. Шуваловой. 7 и 30 марта 1911 г. была сыграна комедия Загоскина «Урок матушкам». 15 декабря 1912 г. состоялся показ драмы Константина Ватация «Хижина, спасенная казаком» о событиях Отечественной войны 1812 г. Спектакли проходили в подлинной старинной обстановке (вещи были предоставлены частными собирателями); костюмы и декорации, выполненные по рисункам художника М.В. Добужинского, строго соответствовали эпохе. Успех постановок отразился в многочисленных печатных отзывах. По словам критиков, театральные постановки, «основанные не на реальном и

документальным воспроизведением игры прежних актеров, а на современном понимании прошлого, явились опытом воссоздания русской провинциальной жизни минувшего столетия и послужили сжатой, но вполне ясной характеристикой всех условий в духе тогдашнего театрального романтизма». Многие отзывы признавали, что «попытка воскресить старый русский театр — есть *перво серьезной художественной работы, наглядно восстанавливающая памятники искусства и старины, защищать и охранять которые общество призвано*» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 34 об.).

К просветительской деятельности необходимо отнести также работу по составлению краткого и популярного очерка по истории русского искусства, который в качестве приложения должен был войти во все учебники русской истории для средних и низших учебных заведений. Инициатором проекта являлся архитектор В.В. Сулсов. В феврале 1912 г. он выступил с докладом на заседании Общества, в котором указал, что практически все *школьные учебники содержали неверные характеристики и определения памятников и предметов русского искусства*. Вместе с этим он заметил, что только точные и систематичные сведения по русскому искусству должны являться основой понимания художественной и исторической ценности памятников искусства и значения их сохранения. В результате его доклада Общество постановило: 1) составить краткую историю русского искусства и приложить ее ко всем учебникам русской истории; 2) издать открытки с изображениями основных памятников; 3) устроить ряд публичных лекций по вопросам искусства, преимущественно в провинции и 4) организовать ознакомительные поездки к наиболее значительным памятникам под руководством специалистов (ИАК 1912: 27). Комиссия под руководством В.В. Сулсова, в составе М.В. Красовского, В.В. Пясецкого и А.А. Романова, разработала программу конкурса для составления пособия. Программа охватывала все периоды и направления в русском искусстве от раннего средневековья до конца XIX века. В очерке должны были быть представлены классические памятники Киевской, Новгородской, Псковской, Владимиро-Суздальской, Ростово-Ярославской, Московской средневековой архитектуры, деревянной архитектуры Русского Севера, основные примеры фресковой росписи, иконописи и мозаики с объяснением символики расположения изображений в разных частях храма, описанием материалов и техники изображений, дано понятие о развитии художественного прикладного искусства (эмаль и филинь, скань и филигрань, литье из меди, тиснение и чеканка, резьба по дереву, золотое шитье и т.д.), отдельный раздел должен был быть посвящен описанию и анализу образцов архитектуры, живо-

писи и скульптуры всех периодов и направлений *Нового времени* (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 36). В 1913 г. был объявлен конкурс и назначено премиальное награждение победителю. Но, вероятно, работа по созданию такого очерка по истории русского искусства не была доведена до конца, как и некоторые другие проекты общества, в связи с началом Первой мировой войны.

Одновременно с просветительской начала развиваться и реставрационная деятельность общества, выражающаяся в работе отдельных комиссий, созданных советом общества «для предотвращения от гибели и поддержания памятников искусства», а также для регистрации этих памятников при помощи фотофиксации, обмеров и снятия с них подробных планов.

Создавая реставрационные комиссии, общество обратило особое внимание на необходимость «сохранения в точности древнего характера реставрируемых памятников» и с этой целью постановило командировать каждый раз за свой счет опытных архитекторов-художников для наблюдения за работами на местах.

В 1911 г. обществом была создана Комиссия по реставрации одного из ценнейших памятников русского зодчества Ферапонтова монастыря в Новгородской губернии. В состав Комиссии вошли Л.И. Нераловский, Д.С. Стелленский, Н.К. Рерих, В.Т. Георгиевский (председатель А.В. Оболенский) (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 53, л. 2 об.). Больше всего Комиссию беспокоила судьба Рождественского собора монастыря, где «обветшали и выветрились цоколи, стены местами обсыпались и дали трещины, доходившие до купола». На реставрацию храма Комиссии удалось собрать 4000 рублей частных пожертвований, затем с разрешения Святейшего Синода 27 мая 1912 г. был проведен всероссийский кружечный сбор, который дополнил сумму. Быстрый приток необходимых средств позволил уже весной того же 1912 года приступить к укреплению стен собора, которым грозила наибольшая опасность (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 34 об.). В отчете о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 г. указывается, что в Ферапонтовом монастыре были предприняты следующие реставрационные работы – «под собором и под другими зданиями вынуты старые фундаменты и заменены новыми достаточной глубины, деревянные балки под полом собора заменены железными и бетонными, устранена опасность образования новых трещин» (ИАК 1915: 5).

В 1911 г. на одном из заседаний общества академик архитектуры В.В. Сусллов сделал доклад об истории, художественных и конструктивных особенностях, историческом значении и сохранности храма Василия Блаженного в Москве. Он признал со-

стояние памятника архитектуры плачевным. В стенах, арках и сводах образовались трещины, разрушалась каменная кладка цоколя храма, кроме того, колокольня была превращена в жилое помещение для сторожей и их семей, что вело к опасности возникновения пожара. В.В. Сусллов призвал «немедленно возбудить самое широкое ходатайство о достойном его приведении в полный технический и внешний порядок». В первую очередь необходимо было освободить колокольню от жилых помещений, убрать от стен храма груды камней и мусора, засыпать выгребные ямы рядом с собором, а затем сделать детальное техническое исследование и последующее полное восстановление храма (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 14, л. 5). Совет Общества стал инициатором создания Комиссии по реставрации храма Василия Блаженного, куда вошли представители духовного ведомства, Академии Художеств, от Императорской Археологической комиссии представителями были назначены архитекторы П.П. Покрышкин и А.А. Романов, от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины – академики В.А. Покровский, Н.К. Рерих и А.В. Шусев (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 14, л. 26). Комиссии удалось добиться выселения служителей из помещений, непосредственно примыкающих к храму, и провести ряд восстановительных реставрационных работ.

В 1911 г. приступила к работе еще одна комиссия Общества – Комиссия по регистрации памятников искусства и старины Санкт-Петербургской губернии (ее возглавил А.В. Адлерберг). В состав Комиссии вошли А.П. Аплаксин, И.А. Фомин, П.П. Вейлер, Н.К. Рерих, П.А. Плетнев, Б.Г. Берг, Н.К. фон Эссен, А.Н. Кавелин. В делах фонда Общества защиты и сохранения в России памятников старины сохранилась инструкция, на основе которой велись работы. Согласно этому документу, главной целью Комиссии являлась регистрация находящихся в пределах Санкт-Петербургской губернии «памятников искусства старины, имеющих художественное, бытовое и историческое значение». В число объектов были включены курганы, городища, могильники и кладбища; монастыри, церкви, часовни, придорожные кресты; гражданские сооружения: общественные, дворовые и частные; поля сражений; произведения изобразительного искусства, церковная утварь, иконы, старинные книги, рукописи, грамоты и гравюры, мебель и домашняя утварь; предметы старинного вооружения, музыкальные инструменты, предметы роскоши (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 24, л. 4). Несмотря на приведенный в списке широкий спектр памятников, исходя из документов Общества, сохранившихся в архиве, работы Комиссии главным образом были сосредоточены на изуче-

нии архитектуры и церковных древностей Санкт-Петербургской губернии. Деятельность Комиссии велась по нескольким направлениям. Сотрудники общества совершали поездки по отдельным уездам губернии, в процессе производили фотографирование, точные обмеры памятников и составляли подробное описание. Также они осуществляли в архивах, музеях, хранилищах и во всех печатных изданиях сбор материалов, содержащих сведения о памятниках старины и искусства, находящихся в пределах Санкт-Петербургской губернии. Для хранения этих материалов были устроены архив и библиотека. Общество собиралось привлечь к работе Комиссии квалифицированных и опытных специалистов из других научных организаций и создать региональные подкомиссии по уездам. В 1912 г. составленные обществом специальные регистрационные листки были разосланы в городские и земские учреждения, земским начальникам, священникам, народным учителям. На основании ответов планировалось составление подробной описи памятников Петербургской губернии (ИАК 1912: 27).

Работы Комиссии по регистрации памятников искусства и старины в первый период сконцентрировались на обследовании Гдовского и Ладожского уездов, куда и были командированы сотрудники летом 1912 г. За двухмесячный период они собрали огромный материал (ИАК 1913: 20). В мае 1913 г. сотрудники доложили на заседании общества о результатах своих исследований. Работы по Гдовскому уезду производил архитектор А.Я. Белобородов. Внимание его главным образом было обращено на обследование церквей, деревянных часовен и предметов церковного интерьера. Архитектор признал состояние сохранности памятников церковной старины Гдовского уезда неудовлетворительным, хотя почти в каждой церкви имелся материал, ценный не только с художественной, но и с исторической стороны. «Напрестольные кресты с надписями, дающими точную дату освящения церкви, нередко находились в мусоре на церковных чердаках». Он также отметил, что в Гдовском уезде «особенно невыгодно и даже губно чувствуется близость столицы. Разбогатевшие в столице лавочкики возвращаются домой и на месте старых храмов, кающихся им столь некрасивыми и бедными, воздвигают церкви, так похожие на их же дома, навесянные архитектурой дачных местностей. Обыкновенно это называется восстановлением в прежнем виде... Иногда разгром старины делается к юбилею, как это было в Заянье, Осмине, Ктине» (ИАК 1913: 20). В связи с работами по регистрации памятников Гдовского уезда в 1913 г. Комиссия ходатайствовала в Академию Художеств о командировании специалиста-архитектора для исследования девяти церквей, ко-

Рис. 1. Н.И. Репников в Староладожской крепости

Fig. 1. N.I. Repnikov in the Staraya Ladoga Fortress

торому было бы «поручено исполнить обмеры, зарисовывание и снятие фотографий с означенных церквей». Летом 1913 г. Академия Художеств командировала для этих целей художника-архитектора Н.К. Григорьева (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 24, л. 8, 14).

Регистрационные работы в Ладожском уезде проводил Н.И. Репников. Он обследовал 70 населенных пунктов, в которых произвел осмотр 16 церквей, 60 часовен, ряда старинных крестьянских построек, Староладожской каменной крепости, двух земляных городищ, одной старинной усадьбы, ряда могильных курганов, старообрядческих кладбищ, придорожных крестов. Во время этой поездки с наиболее интересных объектов было сделано 307 снимков, размерами 13×18 , и 56 – размерами 18×24 (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 24, л. 9). В своем докладе на заседании Комиссии он наибольшее внимание уделил сохранности архитектурных памятников уезда. Среди них Н.И. Репников особо выделил церковь св. Троицы в Помялове и церковь св. Георгия в Старой Ладоге, как памятники, требующие немедленной реставрации (ИАК 1913: 20). В архивных делах общества сохранился полный текст его доклада на заседании. В фотографической части архива материалы этой поездки представлены в коллекции Императорской Археологической комиссии (рис. 1–3). Их общее количество составляет 271 отпечаток и 170 негативов. Часть фотоматериалов была сброшюрована в три альбома, посвященных этой поездке, а часть разъединена еще по пяти альбомам. Все фотографии сделаны профессиональным

Рис. 2. Староладожская крепость и церковь Георгия

Fig. 2. Staraya Ladoga Fortress and the Church of St. George

Рис. 3. Троицкая церковь в с. Помялово

Fig. 3. Trinity Church in Pomyalovo Village

фотографом Русского музея В.М. Машечкиным, который неоднократно участвовал в работах Н.И. Репникова.

На этом же заседании Комиссии в 1913 г., где заслушивался доклад Н. И. Репникова, обсуждался и вопрос об организации в Новолодожском уезде районного комитета по регистрации и охране памятников искусства и старины (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 24, л. 6). Такой комитет, под руководством *председателя губернской земской управы*, начал функционировать в Ладожском уезде в 1914 г. Комитет должен был способствовать уже конкретным реставрационным работам, производившимся в уезде. В первую очередь, была намечена реставрация нескольких деревянных церквей и Старолодожской крепости.

Развивая реставрационное направление, Общество тесно сотрудничало с Императорской Археологической комиссией. В апреле 1912 г. Николай Михайлович, председатель Общества, послал письмо Алексею Александровичу Бобринскому с просьбой об оказании содействия и поддержки со стороны Комиссии «в вопросах принятия всех законных мер, отвечающих назначению Общества для более успешного осуществления дела защиты и охранения художественных, бытовых и исторических памятников от разрушения и искажения» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 4, л. 1). В своем ответе председатель ИАК писал, что «Императорская Археологическая комиссия, глубоко сочувствуя задачам Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, готова содействовать Обществу, поскольку это зависит от нее и в этом отношении Комиссия предлагает Обществу командировать своего делегата-архитектора для участия в реставрационных заседаниях с правом совещательного голоса» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 4, л. 2). Вследствии ИАК заранее присылала приглашения с программой докладов перед каждым реставрационным заседанием, и *представитель общества мог полноценно* принимать участие в обсуждении и решении вопросов ремонта и реставрации памятников древнего зодчества в России. Таким представителем от общества был избран архитектор А.В. Щусев, но затем в связи с переездом в Москву его заменил молодой архитектор Н.Е. Лансере. П.П. Покрышкин в своем обзоре деятельности отдела монументальных памятников Российской Государственной Археологической комиссии, составленном по печатным протоколам реставрационных заседаний с осени 1907 г. по 1917 г., указывает, что с 1912 г. Н. Е. Лансере являлся постоянным участником реставрационных совещаний ИАК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 21, д. 11, л. 4).

Следуя исполнению задач, обозначенных в Уставе, Общество защиты и сохранения в России

памятников искусства и старины часто выступало в качестве посредника для изыскания средств на ремонт исторических памятников между организациями на местах, которые присылали им запросы, и государственными учреждениями, либо частными лицами, способными выделить денежные средства, необходимые для производства работ.

В мае 1911 г. в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины поступил *запрос от Псковского Археологического общества*. В апреле того же года «на восточной стороне Детинца, со стороны Рыбной набережной, в 260 шагах от Троицкого моста, вследствие таяния снегов произошел обвал насыпи длиной в 15 сажень. По заключению губернского архитектора при дальнейшем осыпании земли» появлялась опасность для обрушения части стены Детинца, находящейся непосредственно над ней. Псковское Общество просило, по возможности, выделить какую-нибудь сумму на срочный ремонт. В октябре 1911 г. Общество «ассигновало сумму на немедленный ремонт насыпи, чтобы предотвратить обрушение стены в восточной части, и произведение укрепления стены Детинца в других местах». Дополнительные средства были добавлены Министерством внутренних дел, Псковским Археологическим обществом, Городской думой, Троицким собором, и требовавшийся ремонт был произведен (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 5, лл. 1, 2). Осенью 1912 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины поддержало ходатайство Псковского общества в Министерство внутренних дел о выделении денег на ремонт городских ворот, и деньги были получены (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 5, лл. 14–16).

Обществу многие оказывали финансовую поддержку, все средства шли на дело реставрации и изучения художественных ценностей России. Некоторые из пожертвователей желали остаться неизвестными. Так, например, в 1914 г. «лицо, пожелавшее остаться неизвестным, пожертвовало Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины 3000 руб. для регистрации художественных памятников Русского Севера, чтобы работа по описанию этих памятников была бы поручена автору монографии о Ростове Великом и Угличе искусствоведу Б.Н. фон Эдингу» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 50, л. 4). Но некоторые имена известны. В 1916 г. пожизненным членом Общества был избран граф В.П. Зубов, который неоднократно до этого оказывал этой организации материальную помощь (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 53, л. 25). Так, например, в 1913 г. он пожертвовал на просветительскую деятельность общества весь валовой сбор от платы за слушание лекций в его Институте исто-

рии искусств (ИАК 1915: 5). Для поддержания финансового положения общества и получения денег, помимо частных пожертвований, на реставрацию, командировки, выставки, издания сотрудники читали платные лекции по вопросам искусства, культуры, старины (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 53–55). На пятом Всероссийском Съезде Зодчих, состоявшемся в декабре 1913 г., делегат общества архитектор А.В. Шусев предложил еще один вариант поиска финансов на охрану русской старины. Он сделал доклад «Защита и сохранение памятников искусства», где указал на то, что многие памятники старины нуждаются в «реальной и незамедлительной защите» (прежде всего деревянные церкви Русского Севера) (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 48, л. 18). Но для этого были необходимы большие средства. Архитектор предложил учредить особый фонд, который находился бы в ведении комитета съездов зодчих и общества. Средства для этого фонда могли бы быть получены или из государственного казначейства, или путем устройства однодневных сборов денег по всем городам России (ИАК 1914: 51). А.В. Шусев считал, что «два сбора могут дать такую сумму, что проценты с нее могут быть солидным подспорьем памятникам, исполнить же ремонт может Археологическая комиссия в лице своих архитекторов» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 48, л. 13 об.).

Сотрудники общества называли такой вид деятельности по поиску финансовой поддержки для исследователей «активным или реальным способом защиты памятников в противовес пассивному способу», который, как они считали, использовала в своей работе ИАК. Какой смысл они вкладывали в эти понятия, раскрыл архитектор А.П. Аплаксин в своем докладе «Регистрация памятников искусства и старины – метод их охраны», сделанном также на V Всероссийском Съезде Зодчих. Архитектор выделил два метода, применявшихся в деле охраны памятников, «Запретительный» или «пассивный» способ, который, по его мнению, использовала Императорская Археологическая комиссия. Он заключался либо в полном запрещении работ, либо в разрешении на их проведение без финансовой поддержки. При этом А.П. Аплаксин замечал, что средства Комиссии «настолько незначительны, что нет возможности знать и наблюдать за состоянием памятников необъятной России, так что поневоле приходится запрещать трогать памятники, если на местах и находится расположенные к этому люди» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 48, л. 19). Второй способ А.П. Аплаксин классифицировал как «метод реальной помощи» и отнес его к методам, которыми пользовалось Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. В него входил поиск денег для финансирования проектов, направленных на охрану и

реставрацию памятников, с последующим исполнением реставрационных работ квалифицированными специалистами. Но этот метод требовал больших капиталовложений, так как «нуждающихся в поддержке памятников первоклассного значения в России» было такое «множество, что нужны многомиллионные средства, непосильные молодому Обществу» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 48, л. 19). А.П. Аплаксин предложил третий метод охраны – «регистрационный», который также активно использовался сотрудниками общества, и состоял в полном описании памятника, его фотофиксации, составлении рисунков и чертежей по точным размерам. Этот способ позволил бы произвести точную классификацию древностей и «отделить памятники, нуждающиеся в немедленной помощи и памятники, терпящие отлагательство», и, таким образом, систематизировать меры их охраны (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 48, л. 20).

Плодотворная деятельность Общества и ее значение для дела сохранения в России памятников культуры с самого начала были оценены по заслугам не только средствами массовой информации и публикой, но и многими правительственными учреждениями, оказывавшими ему посильную помощь и поддержку. С его именем считались и администрация и городские самоуправления.

В 1911–1912 гг. самоуправление города Санкт-Петербурга разработало проект превращения Дворцовой площади в бульвары и цветники с оградой. Общество выразило протест против этого решения. «Отвергая эту затею, общество старалось доказать, что красота Дворцовой площади, именно, и заключается в ее пустынности, и что, проектируемые к разбивке против Зимнего Дворца, цветники и бульвары не только ее не украсят, а, наоборот, обезобразят и придадут ей вид, не соответствующий характеру, изяществу и богатству окружающих эту площадь зданий и величию памятника Императора Александра I. Мнение Общества было горячо поддержано столичной прессой и в результате нелепый проект городского самоуправления был категорически отклонен Дворцовым ведомством» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 68, д. 1, л. 34 об.).

Полезная и активная деятельность Общества привлекла внимание и Государственной думы. По ее инициативе в 1911 г. для участия в разработке правительственного законопроекта об охране русской старины был приглашен представитель общества. К началу XX века необходимость в создании особого закона по охране памятников древности назрела особенно остро, что явствовало из многочисленных пожеланий археологических съездов, научных и художественных обществ, из постоянно поступающих сведений о разрушении и истреблении древних памятников, о случайной продаже за границу ценных для отечественной исто-

рии и культуры собраний русских древностей, о случаях расхищения древностей из разных хранилищ, причем очень часто узнавалось об этом уже тогда, когда поздно было принимать какие-либо меры для исправления причиненного вреда. Требовалось точно установить нормы материального права охраны древностей и создать особую систему учреждений, которые ведали бы делом охраны. С конца XIX столетия проект закона об охране памятников неоднократно обсуждался и разрабатывался многочисленными комиссиями, но так и не был принят до революции. Вся научная общественность России принимала активное участие в выработке основных положений законопроекта по защите культурных ценностей. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины также с самого начала своего существования участвовало в этом процессе.

В 1911 г. член совета Общества С.А. Верещагин доложил замечания, выработанные общим собранием, по внесенному в Государственную думу законопроекту об охране памятников древности на совещании, состоявшемся в кабинете председателя Думы. В совещании, кроме членов думской комиссии, также участвовали представители художественных организаций. Законопроект, по мнению общества, требовал «коренного изменения, так как в настоящем его виде он мог принести больше вреда, чем пользы». Во-первых, слишком малы были средства, выделяемые на сохранение памятников. Для сравнения С.А. Верещагин привел суммы, которые расходовались на охрану памятников во Франции, Германии, Швейцарии и других европейских странах, которые выгодно отличались от запланированных в русском проекте. Во-вторых, охрана памятников должна была быть поручена не только центральному комитету, но и местным органам. «Без местного надзора законопроект не мог отвечать требованиям жизни». С.А. Верещагин сослался опять же на зарубежный опыт, где важную роль в деле охраны памятников играли кружки любителей старины и различные частные ассоциации. «Берлинское общество любителей старины объединяло 162 кружка. В Англии правительство почти не принимало участия в деле охраны старины, предоставив это инициативе частных ассоциаций». Также, по мнению членов Общества, не следовало привлекать к охране памятников старины представителей епархиальных учреждений, так как они не обладали должной степенью знаний в этом вопросе. Кроме того, в качестве руководящей организации они предлагали учредить специальную министерство изысканий искусства, которое лучше всего справилось бы с задачей об охране древностей (ИАК 1912: 28). Думская комиссия согласилась с взглядами, высказанными представителем общества. Но, к сожалению, зако-

нопроект по охране древностей так и не суждено было осуществиться.

В целом оценивая деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, можно отметить, что за свое недолгое существование оно внесло весомый вклад в дело охраны культурных ценностей в дореволюционной России. Благодаря его помощи, удалось осуществить немало проектов по реставрации и поддержке памятников архитектуры и оградить многие произведения искусства и памятники старины от гибели и разрушения. Общество активно занималось просветительской работой, проводило выставки, устраивало заседания с научными докладами, публичные лекции по различной тематике, связанной с изучением исторических ценностей России и охраной памятников. Его влияние и авторитет в научных и административных кругах росли год от года, точно также как и финансовые вливания из различных источников. Деятельность Общества охватывала не только Санкт-Петербург и близлежащие губернии. Его отделения открылись в Смоленске, Туле, Казани, Вильно, Ярославле, Ростове и Вятке. К сожалению, начало Первой мировой войны и сложность политической ситуации в России приостановили дальнейшую работу Общества по защите и охране памятников старины.

ИАК 1912 – Известия Археологической комиссии. СПб., 1912. Прибавление к выпуску 46. (Хроника и библиография. Вып. 22).

ИАК 1913 – Известия Археологической комиссии. СПб., 1913. Прибавление к выпуску 50. (Хроника и библиография. Вып. 24).

ИАК 1914 – Известия Археологической комиссии. СПб., 1914. Прибавление к выпуску 52. (Хроника и библиография. Вып. 25).

ИАК 1915 – Известия Археологической комиссии. СПб., 1915. Прибавление к вып. 57. (Хроника и библиография. Вып. 27).

Архивные материалы

НА ИИМК РАН, РА:

Ф. 21, л. 11 – Обзор деятельности отдела монументальных памятников древности Российской Государственной Археологической комиссии, составленный по печатным протоколам заседаний, с осени 1907 г. по 1917 г., 1917.

Ф. 29, д. 804 – Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, 1910–1916 гг.

Ф. 68, д. 1 – Дело по разной переписке.

Ф. 68, д. 13 – О выставках.

Ф. 68, д. 14 – О храме Св. Василия Блаженного в Москве.

Ф. 68, д. 24 – Дело по переписке с Комиссией по регистрации памятников старины в СПб., губернии.

Ф. 68, д. 36 – Об учебниках по истории русского искусства.

Ф. 68, д. 4 – Дело по переписке с Императорской Археологической комиссией по разным вопросам.

Ф. 68, д. 48 – О команировании представителя Общества на Всероссийские Съезды Зооцих.

Ф. 68, д. 5 – Дело Псковского Археологического общества.

Ф. 68, д. 50 – О регистрации памятников Русского Севера.

Ф. 68, д. 53 – Дело о лином составе Общества и изменениях в нем.

Памяти Каринэ Христоворовны Кушнарёвой (18.04.1922–20.02.2006)

20 февраля 2006 года ушла из жизни Каринэ Христоворовна Кушнарёва. Это произошло внезапно и трагично для всех ее друзей и коллег.

Все мы знали и любили Каринэ Христоворовну за ее общительность и дружелюбие. Она обладала редким даром дружбы, умела разделять и горести и радости своих друзей, знакомых, всегда была готова помочь словом и делом.

Каринэ Христоворовна прожила долгую и наполненную жизнь. Она родилась в городе Тифлисе 18 апреля 1922 года. Когда отец Каринэ Христоворовны поступил в Ленинградскую консерваторию, их семья переехала в Ленинград. Особое уважение Каринэ Христоворовна всегда проявляла к памяти своих родителей. Ее отец был талантливым исследователем армянской народной музыки, и Каринэ Христоворовна гордилась неослабевающим вниманием к его работам, в частности, переизданием монографии в Лондоне. По ее собственным словам, отцу удалось «подобно Ньютону или Мен-

делееву, открыть законы музыкального лада в армянской народной музыке». На формирование личности и характера К.Х. Кушнарёвой, безусловно, оказало влияние окружение ее семьи – интеллигенты-гуманитарии Кавказа и Ленинграда. Традиционные ценности этой среды: личная порядочность, терпимость, трудолюбие, постоянное стремление к знаниям и расширению кругозора, самоотверженная любовь к науке, требовательность к себе, уважение к оппонентам, доброжелательность в общении, – особенно ценились К.Х. Кушнарёвой.

Каринэ Христоворовна училась в Ленинградском университете в первые послевоенные годы. Ее учителями стали выдающиеся отечественные ученые Б.Б. Пиотровский и А.А. Иессен, которых Каринэ Христоворовна всегда вспоминала с глубоким уважением и благодарностью. У А.А. Иессена и Б.Б. Пиотровского она училась работе с материалами из музейных коллекций; умению бережно

относиться к отдельным фактам, не теряя из вида явления во всей его совокупности; собиранию разрозненных элементов в цельную картину; реконструкции различных сторон жизни древних культур. Эрмитаж и Институт археологии стали ее научной школой. После окончания аспирантуры и до конца своих дней К.Х. Кушнарёва трудилась в нашем институте. Кандидатская диссертация К.Х. Кушнарёвой «Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III – сер. I тыс. до н. э.)» явилась плодом исследования коллекций из музеев Армении и собственных разведок археологических памятников.

Ее участие в раскопках городища Двин в археологической экспедиции Б.Б. Пиотровского послужило основой монографии «Древнейшие памятники Двина». Здесь в полной мере проявилось умение автора разглядеть за скучным археологическим материалом реалии прошлой жизни. Особенно ярко ей удалось продемонстрировать свой талант при реконструкции святилища Двина.

Одной из важнейших страниц деятельности К.Х. Кушнарёвой стало ее участие в работах Азербайджанской экспедиции под руководством А.А. Иессена. Она участвовала в разведках и раскопках, и после безвременной кончины ее руководителя А.А. Иессена готовила к изданию труды экспедиции. Исследованное К.Х. Кушнарёвой многослойное поселение эпохи бронзы Узерликтепе до сих пор остается эталонным и, более того, единственным раскопанным памятником этого типа данного периода в регионе.

Каринэ Христофоровной написано более 200 научных работ по археологии древнего Кавказа. Круг ее интересов был чрезвычайно широким, – это статьи о земледелии и скотоводстве, о социальных градациях общества эпохи бронзы, работы, посвященные торговле и обмену, музыкальным инструментам и реконструкции идеологических представлений древнего населения Кавказа.

Сегодня следует вспомнить, что у истоков создания научных школ и академий в кавказских республиках стояли корифеи петербургского кавказоведения – востоковеды, историки и археологи, прямой наследницей и продолжателем трудов которых стала К.Х. Кушнарёва. Она лично помогала становлению многих кавказских археологов, но еще больше специалистов «выросло» и впредь будет учиться на ее работах. Например, Каринэ Христофоровна редактировала монографии многих молодых кавказских коллег и давала им «пу-

тевку в жизнь», хотя ее фамилии и нет на титульном листе.

Венцом творческой деятельности Каринэ Христофоровны стала монография, защищенная в качестве докторской диссертации, «Южный Кавказ в VI–II тыс. до. н.э.». Этот труд вместили десятилетия поисков и размышлений автора над судьбами обширного кавказского региона. Древний Кавказ представлен в нем, по меткому выражению В.М. Массона, «с высоты птичьего полета», без разделяющих его в настоящее время политико-административных границ. Закономерно, что из всех современных кавказоведов только К.Х. Кушнарёва, опираясь на свой талант и научное наследие своих великих учителей, смогла достичь высоты, позволившей охватить и собрать воедино отдельные фрагменты древней истории Кавказа.

Работы К.Х. Кушнарёвой нашли признание не только у отечественных археологов, но и за рубежом. Ее постоянно приглашали на международные археологические конференции, а главный труд по археологии и древней истории Кавказа был переведен на английский язык и издан в США Пенсильванским Университетом («The Southern Caucasus in prehistory: Stages of cultural and socioeconomic development from the 8th to the 2^d millennium B. C.»).

Важнейшей чертой характера Каринэ Христофоровны было внимание к людям, умение дружить, надолго сохраняя эти отношения. Особое внимание и заботу она проявляла по отношению к коллегам с Кавказа – исследователям из Грузии и Армении, Азербайджана и Абхазии, Дагестана и Осетии. Поистине Каринэ Христофоровна соединяла у своего домашнего очага Россию и Кавказ. Все кто хоть раз побывал в ее доме, посидел за ее знаменитым круглым столом, знали, что могут вернуться сюда и всегда найти радушный прием, помощь и участие. Мы все помним задушевные беседы за этим столом в доме Каринэ Христофоровны, помним ее юмор, тонкие остроумные замечания, и находчивость в трудные минуты, присущие ей. Скольким людям она помогла в жизни! Благодаря своему общительному характеру и еще более мудрости и пониманию проблем собеседника, она даже в солидном возрасте, уже мало выходя из дома, находила помощь своим друзьям и коллегам там, где ее трудно было ожидать. Каринэ Христофоровна была и останется в нашей памяти человеком оптимистичным и жизнелюбивым, умеющим поддержать словом и делом и внушить добрую надежду.

М.Б. Рысин

**Памяти
Ирины Викентьевны
Верещагиной
(25.11.1947 – 03.03.2006)**

Тяжело и горестно писать о человеке, которого знал почти 40 лет, прошедшем с тобой столько разных дорог, всегда честно делившим выпавшие беды и радости, как о внезапно покинувшем нашу бренную землю. Конечно, это трудно осознать, но, видимо, каждому положен свой срок...

Ирина Верещагина родилась в небольшом поселке Шипицино Котласского района Архангельской области в семье рабочего Викентия Степановича и служавшей Марии Федоровны. Сложно сказать точно, откуда и почему у девочки в далеком северном краю появилось страстное желание изучать древнюю историю. Думаю, что здесь немалую роль сыграло то, что она очень много времени проводила со своим дедом-лесником. Именно отсюда берет свое начало и великолепное знание «лесной» жизни, и умение ориентироваться в самых сложных топографических ситуациях, и неизменная любовь к «борам-беломошникам», которые всегда напоминали ей о родной Архангельской природе.

Окончив с золотой медалью Шипицинскую среднюю школу, И.В. Верещагина сразу, без колебания, поступает на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ (теперь СПбГУ).

Ирине повезло оказаться в велико-ленинской компании студентов-археологов набора 1966 года. Курс оказался (как позднее выяснилось) очень примечательным. Практически все выпускники этого «призыва» (И. Дубов, Е. Носов, Е. Рябинин, К. Плоткин, И. Калинина) стали крупными специалистами в разных областях археологии. Правда, совместное обучение в столь одаренной студенческой среде требовало от выпускницы поселковой средней школы (хотя

золотая медаль и была вполне достойно и заслуженно получена) особого образовательного «напряжения». Появилось и личностное уважение со стороны однокурсников и преподавателей, иначе она не была бы бессменным старостой группы.

Очень плодотворно сказывались и совместные занятия, споры, диспуты и, конечно, археологические экспедиции. А они были постоянны и многочисленны, начиная с первых месяцев обучения, нередко вместо традиционных в то время выездов «на картошку». Места и маршруты были разнообразны: Кавказ, Сибирь, средняя полоса...

В 1968 году Ирина попала в экспедицию Т.Д. Белановской на знаменитый Ракушечный Яр. Интересная работа, чуткость полевого начальника и возможность дальнейшего изучения материала под руководством опытейшего исследователя всецело «поглотили» начинающего специалиста и определили круг научных изысканий области позднего каменного века (мезолит-неолит).

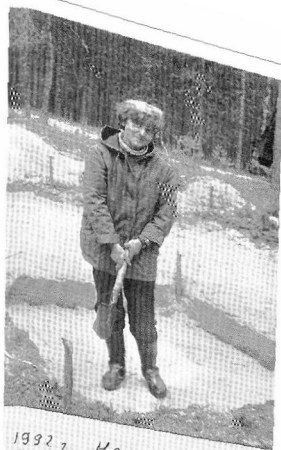
Т.Д. Белановская всегда очень ответственно относилась к своим ученикам и поэтому, стремясь дать как можно более широкий спектр полевых работ и разных методик, предложила студентке Верещагиной поехать в экспедицию В.В. Гуриной.

Так в жизнь и судьбу Ирины Викентьевны Верещагиной вошли Верхняя Волга и Кольский полуостров, где она работала увлеченно и плодотворно как рядовым сотрудником, так и начальником раскопок много лет, начиная с 1969 года. Работать с ней было всегда приятно и интересно. Ее всегда привлекал Север, поэтому дипломной работой стала тема по каменному веку южной части Кольского полуострова (Терский берег),

которую она успешно защитила на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1971 году.

В конце лета того же года И.В. Верещагина поступает на работу в Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР старшим лаборантом-археологом. Имея хорошие знания и практику, она уже в следующем 1972 году была избрана на должность младшего научного сотрудника. Несмотря на некоторые жилищные и семейные сложности (в частности в Ленинграде остался по распределению в престижной организации очень близкий ей человек), этот период жизни Ирины Викентьевны был очень насыщен и плодотворен. Она возглавляет Северо-Двинскую экспедицию, находит и раскапывает памятники, ставшие эталонными, активно участвует в научной и общественной жизни своего учреждения, работает с материалом, пишет отчеты и публикует научные и популярные статьи. При этом она одновременно является секретарем комсомольской организации, председателем Совета молодых ученых, руководителем исторического отдела Малой Академии. Не прерывается связь и с Ленинградом, где много коллег и друзей.

В 1975 году И.В. Верещагина поступает в аспирантуру отдела палеолита ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), оканчивает ее в 1978 году и зачисляется на должность младшего научного сотрудника. Первоначально судьба Ирины Викентьевны на новом месте складывается вполне удачно и успешно. Обладая хорошей квалификацией и ровным характером, она легко и уверенно входит в научную и общественную жизнь коллектива. В разные годы выполняет обязанности секретаря институтского ОПИ, ученого секретаря отдела палеолита, избирается в местком. Регулярно участвует в экспедициях на Верхней Волге, Кольском полуострове, Ленинградской области, не забывая и свою Архангельскую область и Республику Коми, где проводит самостоятельные полевые работы. Закономерным результатом всех этих изысканий стало диссертационное исследование «Мезолит и неолит Крайнего Европейского Северо-Востока», успешно защищенное на Ученом совете ИИМК РАН в 1990 году. Активно участвует в работе отдела, конференциях, консультирует приезжих коллег и молодых специалистов. Отзывчивость и предоставление в научный оборот полученных ею, нередко качественно новых, материалов привлекают людей, но вызывают и дискуссии. С середины 90-х годов совпадение многих неблагоприятных факторов (общая ситуация в стране, принижение роли научных учреждений, резкое сокращение полевых и прочих исследовательских программ) болезненно

1992 г. На раскопках
в Верхнетоемской р-не,
напрямик в В.Тоймост
нас. Приозерный.

Ф.И.И. Я. Богданов в
Экспедиции и дома,
когда жонгу за гриба-
ми. и вообще ЭТО
Я и моя стилист-ка.

отразилось в той или иной мере на многих творческих личностях. К сожалению, не обошло это стороной и И.В. Верещагину, тем более добавленная тактичность, нежелание во всем быть непременно первым, главенствовать, постепенно в этих условиях, превратились в нечто совсем иное – уход с позиции активной реально-видимой творческой деятельности. А ведь многие положения, предложенные ею лишь в качестве гипотез, в последние годы нередко находят свое подтверждение. Так было и с проблемой одновременного попадания в жилища разных типов керамики, и с некогда не принятой датировкой важного поселения Хеппо-Ярви, и с классификационной и культурной атрибутикой микропластинчатой

индустрии, и псевдооленеостровским типом накопителей. Обидно, что это все лишь было намечено и не получило в свое время ни дальнейшего развития, ни должной оценки. Не очень пространен и список опубликованных И.В. Верещагиной работ (около 40), но в них всегда можно, даже сейчас, найти важные информативные данные и предлагаемые пути анализа.

Последние годы жизни И.В. Верещагиной были очень сложны. Превозмогая себя, она изо

всех сил стремилась оберегать единственную любимую дочь. Зная о неотвратимости близкого окончания своей жизни – последние дни встретила достойно, без жалоб на судьбу. Люди неизбежно уходят... Так уж устроен этот мир. Остаются друзья, коллеги, дети, родственники... Остается память, и пусть она сохраняется как можно дольше.

В.Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН в 2005 году

В 2005 г. численность сотрудников ИИМК РАН составляла 119 человек (научных сотрудников – 105; из них: членов-корреспондентов РАН – 1; докторов наук – 25; кандидатов наук – 58). Для усиления архивной и исследовательской работы, а также для улучшения качества обслуживания посетителей рукописный архив и фотоархив Института были объединены в один Научный архив ИИМК РАН, под руководством к.и.н. Г.В. Длужневской, в новое подразделение включена и фотолaborатория Института. Научная деятельность подразделений продолжалась в рамках восемнадцати научных направлений, которые были утверждены Постановлением Президиума РАН сроком на три года (2004–2006 гг.).¹

Научно-исследовательские работы велись на базе бюджетного финансирования и по грантам РФНФ, РФФИ, INTAS. Следует отметить, что среди них два совместных проекта РФНФ с АН Белоруссии и с НАН Украины. В 2005 г. в ИИМК РАН были успешно завершены исследования по шести проектам по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и три проекта по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, язык и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте». Санкт-Петербургский научный центр РАН в 2005 г. профинансировал по программам научных исследований и научно-вспомогательных работ 12 проектов. В рамках выполнения Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 гг.)» в ИИМК РАН проведены работы по шести проектам полевых исследований.

Основные итоги работы ученых ИИМК РАН нашли отражение в многочисленных публикациях

(около 300), в том числе в 15 монографических исследованиях и коллективных монографиях; двух сборниках статей, двух сборниках материалов научных конференций и ежегоднике ИИМК РАН «Археологические вести» № 12. Особый научный резонанс получили следующие издания:

З.А. Абрамова «Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы» (СПб., 2005). Монография посвящена одному из видов единого и сложного многогранного явления – древнейшего творчества человека; искусству малых форм в его фигуративном воплощении. В этом не имеющем аналогов ни в России, ни за рубежом исследовании затронут ряд основополагающих проблем: заслуживает ли палеолитическое искусство называться (и соответственно быть) искусством, является ли оно историческим источником и чем отличается от монументального наскального искусства. Рассмотрены проблемы хронологического и локального порядка, развитие сюжетов во времени (эпоха верхнего палеолита от 35 000 до 10 000 лет назад) и пространстве (Европа от Атлантики до Уральского хребта). Представлена классификация изображений: сюжеты, техника исполнения; использованный материал; манера исполнения; вопросы стиля и существования «школ». На основе искусства выделены историко-культурные области: Франко-Кантабрия, средиземноморское побережье Иберийского полуострова и Апеннинский полуостров; бассейны Рейна и Дуная; Моравия; центр Русской равнины; бассейны Дона и Днепра. На основании мадленского искусства Франции, единственного обладающего достаточным материалом, впервые широко рассмотрены сочетания образов человека и животных и различных видов животных между собой, гравированных на одной основе.

«Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» / отв. ред. К.К. Марченко (авто-

¹ Список утвержденных научных тем см.: ИИМК РАН в 2004 г. // АВ. СПб., 2006. Вып. 13.

ры: М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко и др.) (СПб., 2005). Коллективное исследование «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» представляет собой оригинальную систематическую разработку основного спектра вопросов, в совокупности образующих проблему греко-варварских взаимоотношений в одном из крупнейших регионов античного «пограничья» – Северном Причерноморье, начиная от момента появления здесь первых эллинских колоний (Истрия в Северной Добрудже, Борисфен и Ольвия в Нижнем Побужье и Пантикапей в Северо-Восточном Крыму) и кончая распадом «Великой Скифии» под ударами сарматов. Монография является первой в историографии попыткой формирования вполне сбалансированной в своих важнейших частях и положений картины истории этого специфического района древней ойкумены с точки зрения результатов контактов двух главных этнокультурных пластов населения – пашенных земледельцев и кочевников-скотоводов. В ее основе – новая концепция взаимодействий разноформационных человеческих обществ эпохи раннего железа, разработанная авторами в рамках многолетнего историко-археологического изучения памятников античной культуры Северного Причерноморья.

Книга «Хронология эпохи позднего неолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)» / ред. В.М. Массон, Ю.Е. Березкин (авторы: В.А. Алékсия и Л.Б. Кирчо) (Труды ИИМК РАН, т. XVI. СПб., 2005) посвящена проблемам исследования одного из важнейших культурных центров Средней Азии IV – начала II тыс. до н. э. Издание содержит каталог погребений Алтын-депе, где помимо описания более чем 900 погребений опубликовано 165 таблиц, рисунков и фотографий, дается анализ стратиграфии многослойного протогородского поселения и общая характеристика погребений Алтын-депе. В отдельной главе представлена систематическая характеристика керамики, бус, каменных сосудов, печатей, а также индивидуальных находок. Их рассмотрение позволяет уточнить представления о контактах древних культур Средней Азии и Индо-Иранского региона. В работе исследованы варианты захоронений и формирование погребального обряда, отражающие эволюцию структуры общества Алтын-депе. В заключении выделены этапы развития культуры Алтын-депе и предложена их абсолютная хронология, рассмотрены также и основные направления культурных взаимодействий. В приложениях впервые приведены результаты спектрального анализа найденных в погребениях металлических предметов и данные радиоуглеродных анализов памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э.

Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов «Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования)» (СПб., 2005). Рюриково городище в отечественной историографии XIX–XX вв. всегда выступало как выдающийся памятник в истории России. Оно известно прежде всего как древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр Приильмья кануна образования Древнерусского государства, а затем – как резиденция новгородских князей. Монография посвящена полной публикации материалов раскопок Рюрикова городища 1984–1989 гг. На базе всестороннего изучения и систематизации материала предложен анализ строений древнерусского времени, входивших в комплекс построек княжеского двора. В книге рассматривается лепная и раннегончарная керамика из раскопок разных лет как наиболее массовая категория археологических источников. Приведено ее сравнение с керамикой Новгорода, Пскова и Старой Ладоги, привлечены аналогии западнославянской посуды. Анализ общего процесса становления городов на Руси посвящена первая глава книги. Публикуемые материалы поселений Ильменского Поозерья и верховьев Волхова позволяют представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием поселений его округа.

В Англии опубликовано исследование Н.Ф. Солововой «Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilyny-depe, southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue» (Archaeopress, 2005, British Archaeological Reports). Эта монография является публикацией ценнейших археологических источников: предметов древнего искусства, найденных при раскопках древнеземледельческого поселения эпохи неолита Илгынлы-депе на юго-востоке Туркмении. В Италии опубликованы переводы крупных статей С.А. Семенова, посвященных методу трасологического анализа «The Roots of use-wear analysis: selected papers of S.A. Semenov» / Ed. L. Longo an N. Skakun (Verona, 2005).

В рамках своей основной научной тематики ИИМК РАН были организованы полевые исследования 27 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России и на территории стран СНГ.

Среди основных результатов полевых исследований 2005 г. следует выделить открытие нового раннепалеолитического памятника «Родники», который располагается на Таманском полуострове (Краснодарский край) поблизости от раннепалеолитической стоянки Богатыри и, возможно, геологически датируется несколько более поздним временем в пределах раннего палеолита. Таким образом, благодаря работам Приазовской палеолитической экспедиции (д.и.н. В.Е. Шелинский, к.и.н. С.А. Кулаков) на юге России в послед-

ние годы открыт новый район древнейшего заселения Восточной Европы, датируемый временем около 1 миллиона лет тому назад.

Уникальные результаты получены в результате работ на крайнем севере России экспедициями Отдела археологии палеолита ИИМК РАН. Раскопки Янской позднепалеолитической стоянки (Якутия) Жоховской экспедицией (к.и.н. В.В. Питулько) дали новые свидетельства жизнедеятельности древнего человека в столь высоких широтах около 28 тысяч лет тому назад. Колыская экспедиция ИИМК РАН (к.и.н. В.Я. Шумкин), проводя раскопки могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря, получила антропологический материал, обладающий специфическими характеристиками, и увеличила уникальную коллекцию каменного и костяного инвентаря, характеризующую развитие духовной и материальной культуры древнего населения этого региона.

Забайкальская экспедиция ИИМК РАН (к.и.н. С.С. Миняев) успешно завершила раскопки центрального уникального комплекса памятника эпохи раннего средневековья – «царского» погребения в могильнике Царам (Бурятия). Полученные первоклассные материалы из погребения сюннского вождя дают новые возможности для всестороннего исследования гуннской эпохи. Именно в это время *начинается формирование и развитие племенных объединений эпохи средневековья*, во многом определивших этническую карту Центральной Азии в новое время.

В 2005 г. ИИМК РАН продолжал поддерживать и развивать интенсивные научные контакты с отечественными и зарубежными коллегами. В Институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с археологическими материалами исследователи из Англии, Дании, Финляндии, Швеции, Польши, Испании, Норвегии, Бельгии, США и стран СНГ. Сотрудники Института выступили более чем с 40 докладами на международных симпозиумах, конференциях и совещаниях, как в России, так и в странах СНГ и дальнего зарубежья. В 2005 г. в аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 18 соискателей (пять из них – сотрудники ИИМК РАН), один аспирант на контрактной основе и семь стажеров из различных научных и музейных центров России и стран СНГ.

По инициативе ИИМК РАН и при активном участии его сотрудников был проведен ряд международных конференций и симпозиумов:

Российско-британская рабочая встреча по программе EFSCHED («Природные факторы в хронологии человеческой эволюции и расселения»). Этот проект рассчитан на 2002–2006 гг. и нацелен на уточнение хронологии и реконструкцию палеоэкологии поздних неандертальцев. Наряду с британскими специалистами, с докладами выступили

и российские участники проекта, обеспечивавшие полевую работу непосредственно на памятниках и взяте там серий образцов.

Международная конференция «У истоков русской государственности (к 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)» – более 50 участников. Она была проведена совместно с Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого в рамках реализации проекта Новгородского Межрегионального института общественных наук «Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансъевропейских связей. Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современного российского общества». Конференция сопровождалась временной выставкой, представляющей работы Новгородской областной археологической экспедиции.

Международная научно-практическая конференция «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», в которой приняли участие более 500 человек. Эта конференция проходила под эгидой Министерства обороны РФ и собрала представителей многих исторических и технических дисциплин, изучающих историю оружия и военного дела.

Международная конференция «Prehistoric Technology» 40 year late: Functional studies and the Russian legacy» (г. Верона, Италия), посвященная 40-летию выхода в Англии и США книги С.А. Семенова «Первобытная техника». Среди многочисленных сообщений прозвучали доклады сотрудников ИИМК РАН, ориентированные на проблемные вопросы. Уже само проведение конференции, связанной с именем создателя экспериментально-Трасологического метода С.А. Семенова, свидетельствует о мировом признании российской трасологической школы, во многом опережающей зарубежные исследования по широте поставленных проблем, их решению и значению для археологических реконструкций. Именно масштабный охват материалов разных эпох, регионов и культур, комплексный подход к их изучению, историко-культурные и хозяйственные реконструкции, разработка новых подходов к изучению каменных индустрий как в трасологии, так и технологии, включение новых методик функциональной типологии, технологического анализа, функционально-планиграфического исследования – все это превратило экспериментально-трасологический метод в один из основных методов археологии наряду с типологическим, который не раскрывает функционального содержания орудий, а стало быть, лишен второй части информации, характеризующей вопросы хозяйственной сферы и конкретных производств.

Сотрудники ИИМК РАН как члены оргкомитета занимались организацией, подготовкой и проведением, а также выступили с докладами, сообщениями или постерами на Международной научной конференции «Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников» – более 100 участников. На заседаниях были заслушаны доклады и сообщения, рассмотрены теоретические и актуальные вопросы по заявленной тематике конференции, а также представлены и новые открытия и исследования на античных памятниках Северного Причерноморья. Участники конференции отметили, что совместный научный проект по изучению феномена греко-варварского государства в сопоставлении с другими античными городами Северного Причерноморья возник как протест и противовес дезинтеграционным процессам в научном сообществе. В результате эта периодическая конференция в Санкт-Петербурге стала крупнейшей и самой представительной «античной» конференцией во всей Восточной Европе. Все материалы конференции нашли отражение в издании «Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников» СПб., 2005.

В 2005 г. Диссертационный совет ИИМК РАН провел защиты одной докторской и пяти кандидатских диссертаций, из которых четыре были защищены сотрудниками ИИМК РАН. Состоялась защита на степень доктора исторических наук с.н.с. Отдела истории античной культуры ИИМК РАН

к.и.н. В.А. Горончаровского по теме «Военное дело и военно-политическая история Боспора в I в. до н.э. – середине III в. н.э.». Степень кандидата исторических наук была присуждена трем сотрудникам ИИМК РАН: с.н.с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа В.А. Завьялову по теме «Культура Бактрии-Тохаристана в кушано-сасанидский период (по материалам Зар-тепе)»; м.н.с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Н.Ф. Соловьевой по теме «Антропоморфные изображения и культовые комплексы на территории Южной Туркмении поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе)»; м.н.с. Отдела славяно-финской археологии К.В. Михайлову по теме «Древнерусские элитарные погребения X–XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах)».

С использованием материалов, хранящихся в ИИМК РАН, а также при активном участии его сотрудников в 2005 г. был проведен ряд крупных выставок: «Светозарная Казань» и «Горизонты. Восток–Запад в старых фотографиях» (Центральный выставочный зал Санкт-Петербурга); «Новейшие археологические открытия ИИМК РАН» (фотовыставка в Совете Федерации РФ, Москва); «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы» (Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург).

*С.А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН*

Список сокращений

- АБСП – Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г 1–12. Москва.
- АВ – Археологические вести. СПб.
- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Москва. 1984.
- АИБ – Археологические исследования Боспора. Симферополь.
- АО – Археологические открытия. Москва.
- Аполония – Аполония. Разкопките в некрополе на Аполония през 1947–1949 г. София, 1963.
- АРК 1985 – Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985.
- Арх. НЗХГ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
- АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград. Санкт-Петербург.
- АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- АХБ – Античная художественная бронза. Ленинград.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- БКИЧП – Биолетель Комиссия по изучению четвертичного периода. Москва.
- ВМОИШ – Биолетель Московского общества испытателей природы. Москва.
- БФ – Боспорский феномен. Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург.
- ВАА – Вопросы археологии Адыгее. Майкоп.
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
- ВОНАН АрмССР – Вестник общественных наук АрмССР. Ереван.
- ВПСТБИ – Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Москва.
- ГАХ – Граффити античного Херсонеса (на черепках сосудов). Киев, 1978.
- ГИМ – Гос. Исторический музей.
- ГЭ – Гос. Эрмитаж.
- ДВ – Древности Боспора. Москва.
- ДБК 1854 – Древности Боспора Киммерийского. Санкт-Петербург, 1854.
- ДВК – Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев, 1970.
- ДГН – Древний город Нимфей. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. СПб., 1999.
- ДЭВПН – Древности эпохи великого переселения народов. М. 1982.
- ЗИН – Зоологический институт АН СССР.
- ЗНОЕ – Записки Новороссийского Общества Естественных Исследователей. Новороссийск.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир. Москва.
- ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- ИГАИМК – Известия Гос. академии истории материальной культуры. Ленинград.
- ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.
- ИС – Итальянский сборник. Санкт-Петербург.
- ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван
- КБН 1965 – Корпус боспорских надписей. Москва-Ленинград, 1965.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва; Ленинград.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва; Ленинград.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России. Санкт-Петербург. (Пг.).
- МЭХТ – Музей-заповедник Херсонес-Таврический. Севастополь.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
- МЭР – Материалы по этнографии России. Санкт-Петербург. (Пг.).
- НА НИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
- НО 1968 – Надписи Ольвии (1917–1965). Ленинград. 1968.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва.
- ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПИАСХ – Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. науч. конф. Севастополь, 1998.
- РА – Росийская археология. Москва.
- СА – Советская археология. Москва.
- САИ – Свод археологических источников. Москва.
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград.
- СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгее. Майкоп.
- СНМОПК – Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Москва.
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.
- СЭ – Советская этнография. Москва.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
- ТИМ – Труды Гос. Исторического музея. Москва.
- ТЭ – Труды Гос. Эрмитажа. Ленинград.
- ТДИСИПИАИ Арм – Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам полевых исследований в АрмССР, Ереван.
- ТКАЭ – Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
- ХКАМ – Художественная культура античного мира. Москва.
- ХСБ – Херсонесский сборник. Севастополь.
- ЦАИАИГП – Центр археологических исследований АН Грузии. Тбилиси.
- ЧОИДР – Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. Москва.
- ЮТАКЭ – Южнотуркменстанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
- АА – Athenian Agora. Princeton: New Jersey.
- АЕ – Archaeologie in Eurasien. Espelkamp; Rahden; Mainz.

AJA – American Journal of Archeology. Princeton; New Jersey.
AS – Anatolian Studies. London.
BCH – Bulletin de correspondance Hellénique. Αθήνησ, Paris.
BM – Bibliotheca Mesopotamica. Malibu.
CAH – Cambridge Ancient History, Cambridge.
GCA 2001 – Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological
Museum of Odessa. Nicosia, 2001.
IF – Istanbuler Forschungen. Tübingen.
IPE J² 1916 – Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti
Euxini. Petropoli, 1916.
JAA – Journal of Anthropological Archaeology. New York.

JAS – Journal of Archaeological Science. London; New York.
JdI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Insituts. Berlin.
JHS – The Journal of Hellenic Studies. London.
LIMC – Lexicon iconographicum mythologiae classicae. München.
Museum f. V. u. F – Staatliches Museum für Vor- und
Frühgeschichte. Berlin.
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society. London.
TTKB – Turk Tarich Kurumu Basimevi, Ankara.
TTKY. Turk Tarich Kurumu yayinlari. Stambul.
UKV 1934 – Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen.
Berlin; Leipzig.

Научное издание

**Археологические
вести
Выпуск 14**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Издательская группа ИИМК РАН
*Н.В. Головачева, Т.С. Дорофеева,
Г.А. Кузнецова, В.Я. Стеганцева*

Адрес редакции:
Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
Телефон (812) 312-14-84, факс (812) 571-62-71
<http://www.archeo.ru>; vesti@archo.ru

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Контрольный редактор *Г.В. Шевцова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Э.Д. Алексеева,
Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко*

Подписано к печати 11.12.2006. Формат 60 x 90 $\frac{1}{8}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печл. 35,0 + 1,0 вкл. Усл.кр.-отт. 40,5. Уч.-изд.л. 36,0
Тираж 560 экз. Тип. зак. 3814

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12